

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ

Археологический ЕЖЕГОДНИК за 2001 год

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 930
ББК 63.2
А 87

8(п)
А-87

**БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН ССОР**

90725

Ответственный редактор
академик Российской Академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, В.П. КОЗЛОВ, Б.Г. ЛИТВАК,
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ, С.В. ЧИРКОВ

Рецензент

доктор исторических наук С.В. МИРОНЕНКО

Археографический ежегодник за 2001 год / Отв. ред. С.О. Шмидт;
Археограф. комис. – М.: Наука, 2002. – 479 с.
ISBN 5-02-008817-X (в пер.)

Ежегодник содержит статьи и сообщения по археографии, архивоведению, историографии отечественной истории. Печатаются материалы об изучении и публикации исторических документов с XI в. до наших дней (об изучении берестяных грамот, Лицевом летописном своде, о музыкальной культуре российских городов XIX в., об истории подготовки доклада Н.С. Хрущева “О культе личности и его последствиях” на XX съезде КПСС, о деятельности выдающихся историков и археографов Н.Г. Устрялова, В.О. Ключевского, С.Б. Веселовского, Б.Д. Грекова и др.); материалы научных конференций, посвященных 60-летию битвы под Москвой, юбилею Историко-архивного института, памяти К.Н. Тарновского; обзоры и описания документов, библиография, хроника.

Для научных работников, сотрудников архивов, музеев, библиотек, краеведов, преподавателей и студентов.

ТП-2002-II-№ 204

ISBN 5-02-008817-X

© Российская академия наук и издательство “Наука”, серия “Археографический ежегодник” (разработка, оформление), 1957 (год основания), 2002

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В.Л. Янин

К 50-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ В НОВГОРОДЕ

Открытие в Новгороде берестяных грамот с самого начала обозначило новые перспективы изучения средневековой русской истории. Оно позволило прочно сомкнуть традиционный для археологии метод реконструкции исторического процесса по материальным остаткам прошлого со всем корпусом средневековых письменных источников. Значение этого открытия будет возрастать с расширением раскопок. С 1951 по 2001 г. (т.е. за 51 полевой сезон в Новгороде найдено 917 берестяных документов. Подсчет же еще не обнаруженных грамот, основанный на характеристике состояния и сохранности культурного слоя в разных районах города, дает ошеломляющую цифру – более 20 тыс. берестяных текстов. Древнейшая из найденных грамот относится к первой половине XI в., позднейшая – к середине XV в., когда береста как писчий материал была вытеснена массовым распространением бумаги. В те же годы берестяные грамоты были найдены еще в десяти древнерусских городах: 36 – в Старой Руссе, 19 – в Торжке, 15 – в Смоленске, 8 – в Пскове, 5 – в Твери, 3 – в Звенигороде Галицком, по одной – в Москве, Рязани, Витебске и Мстиславле.

Заметим, что примерно половина этих документов относится к домонгольскому времени. Отметим этот факт необходимо по одной чрезвычайно важной причине. До обнаружения берестяных грамот корпус русских письменных источников содержал лишь три аутентичных пергаменных листа, имеющих отношение к гражданской истории: жалованную грамоту князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю на волость Буйце, духовную Варлаама Хутынского и древнейший вариант Торговой правды Смоленска¹. Причина этой источниковой нищеты очевидна. Русский человек на протяжении столетий жил в деревянном доме, а его письменная культура была сосредоточена в деревянных городах. Между тем, опыт новгородских раскопок показывает, что неизбежным концом каждого деревянного дома (а из остатков расчищено около 2,5 тыс.) была его гибель от пожара. В XII в. догорало то, что не успело сгореть в предыдущем столетии, XIII в. уничтожал недогоревшие остатки XII в. и т.д. Очевидно, что имеются в виду не только дома, но и их содержимое – книги, рукописи, иконы, украшения, утварь... Чем дальше в глубь столетий, тем меньше уцелевших письменных документов. Теперь трем пергаменным листам первой трети XIII в. противопоставит около 450 берестяных текстов XI – первой трети XIII в.

¹ Грамота Мстислава датируется 1130 г., однако, будучи снабжена печатью князя Ярослава Всеволодовича, она, вероятнее всего, является архивной копией 10–30-х годов XIII в. Духовная Варлаама относится к первым годам XIII в. Таким образом, древнее XIII в. русских пергаменных актов нет.

Существует еще одно немаловажное обстоятельство в характеристике древнейших традиционных письменных источников. Разумеется, главным кладезем наших знаний прошлого остается летопись. Не собираюсь здесь касаться извечной темы слияния в летописном рассказе собственно историографии и художественного литературного творчества его многочисленных авторов и редакторов, а также наличия в ней фантастических сюжетов. Имеется в виду очевидная избирательность интересов летописца. Его внимание привлечено к необычному, к неординарному: смерть князя, выборы епископа, начало и конец войны, эпидемия, эпизоотия, явление кометы... Летописца не привлекало то, что, по его мнению, было так же хорошо известно отцам, дедкам и прадедам, как и ему самому. Медлительный процесс исторического развития представлялся ему вообще неподвижным. Но, как сказал поэт, “большое видится на расстоянье”. А я добавил бы: на расстоянье и хорошо вооруженным глазом, способным рассмотреть детали. Такие детали в мире материального окружения предка демонстрирует традиционная археология, а в мире его духовного бытия – берестяные грамоты.

Весьма избирателен и круг лиц, интересных летописцу. Это, прежде всего, князья и церковные иерархи, посадники и тысяцкие, полководцы, дипломаты... Именные указатели к летописи не столь велики. Между тем число лиц, упомянутых в берестяных грамотах, уже сегодня громадно. Оно увеличивается с каждым годом. В качестве примера назову лишь одну цифру. В грамотах XII в., происходящих только с Троицкого раскопа, фигурируют имена более 200 новгородцев, не известных по другим источникам. Сохранение новгородского культурного слоя для исследования и активное продолжение раскопок даст возможность со временем составить “адресные книги” новгородцев для разных столетий истории Новгорода и, по крайней мере, для тех его районов, которые располагают наибольшей мощностью напластований.

Жанровое разнообразие берестяных документов исключительно велико. Их тексты включают хозяйственные распоряжения и политические донесения, судебные казусы и бытовые просьбы, крестьянские жалобы и заказы ремесленникам, школьные упражнения детей и просьбы художнику об изготовлении икон, любовные записки и сообщения о смерти близкого человека, ростовщические записи и списки недоимщиков, записи молитв и заговоры против болезней... Находка любой берестяной грамоты – не только существенное научное открытие, но и эмоциональный стресс, волнующий акт “оживления” давно умершего и забытого всеми человека, от которого, казалось, не могло сохраниться никакого воспоминания даже во времена его прямых правнуков и праправнуков.

Обычно массовое обнаружение в Новгороде берестяных текстов рассматривается как свидетельство высокого уровня грамотности русского средневекового человека. Разумеется, это так; тем более внушительным это открытие стало потому, что вплоть до 1951 г. в науке существовало устойчивое мнение о почти поголовной неграмотности населения Древней Руси. Новгородские находки не только опровергли это мнение, но и доставили прямые свидетельства обучения новгородцев грамоте. Особенной известностью пользуется комплекс ученических упражнений жившего в XIII в. мальчика Онфима. Великая находка древнейшей славянской книги в 2000 г. показала, как уже в начале XI в. в Новгороде учили грамоте первых христиан².

² Зализняк А.А., Янин В.Л. Новгородская псалтирь начала XI в. – древнейшая книга Руси // Вестн. РАН. 2001. Т. 71. № 3. С. 202–209.

Однако значение находки берестяных грамот много шире отмеченного свидетельства широкой грамотности средневекового русского человека. Самая существенная их особенность состоит в их неотделимости от того археологического комплекса, из которого они происходят. Давно уже стало привычным сделанное А.В. Арциховским сравнение открытия берестяных грамот с открытием папирусов. Как папирусы для истории эллинистического Египта приоткрыли живую картину человеческих отношений в сфере житейской повседневности, так и берестяные грамоты смогли осветить такие сферы средневековой русской жизни, какие не находили отражения в традиционных источниках. Однако папирусы обнаруживаются, как правило, во вторичном использовании, вне связи с породившим их конкретным жилым комплексом. Берестяные же грамоты составляют неотъемлемую часть средневековой усадьбы русского города, сохраняя связь со всеми прочими обнаруженными на ней предметами. Вот почему в свое время я резко выступил против провозглашения якобы народившейся новой дисциплины – “берестологии”.

Берестяные документы стали способом персонификации исследуемых усадеб. Прежде археология при характеристике изучаемых ею объектов оперировала такими обобщенными терминами, как “жилище зажиточного человека”, “мастерская ремесленника-ювелира” (без возможности установить, был ли этот ювелир свободным или вотчинным ремесленником), “погребение воина-торговца” и т.п. Повторные находки в пределах одной и той же усадьбы берестяных документов, адресованных одним и тем же лицам, определяют этих лиц как владельцев или жителей усадьбы, социальные характеристики которых проясняются при сопоставлении данных самих грамот со всей совокупностью материальных остатков усадьбы (ее застройкой, величиной, хозяйственной структурой, инвентарем). Примером такого комплексного изучения одной усадьбы может служить монография об усадьбе новгородского художника рубежа XII–XIII вв.³

Топографическое изучение грамот позволяет выяснить характер взаимоотношений адресатов грамот с их соседями, а изучение этих документов по хронологической вертикали открывает неизвестные ранее генеалогические связи жителей усадеб с их предками и потомками. Так, при раскопках на Неревском конце в 1951–1962 гг. стало возможным восстановить историю семи поколений боярской семьи Мишиничей, представители которой неоднократно стояли во главе Новгородской вечевой республики XIV–XV вв., а также установить их родственные связи с другими знаменитыми в ее истории людьми.

Благодаря массовым находкам берестяных грамот исследования Новгорода способом раскопок перестали быть чисто археологическими. Берестяные грамоты стали прочными мостиками, ведущими из глубины раскопа в летописный рассказ. Они сомкнули специфические цели археологии с задачами общесторического и конкретно-исторического плана, считавшимися до сих пор уделом исследователей, работающих исключительно над изучением письменных источников. И сама научная программа раскопок в Новгороде потребовала коренной перестройки, поставившей на первое место в археологическом исследовании такие проблемы, как возникновение Новгорода, формирование и развитие в нем социальной структуры и административного устройства, причины и способы возникновения боярской вечевой организации, основы возникновения боярства как правящего сословия, оценка степени демократизма вечевого строя, вопрос о роли норманнов в формировании русской государственности и культуры и т.д.

³ Колячин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII века. М., 1981.

Любопытные материалы для характеристики городского боярского хозяйства и вотчинного ремесла дает топографический анализ находок берестяных грамот. Исследование групп соседствующих усадеб с персонификацией каждой из них позволило установить в ряде случаев клановый характер городского боярского землевладения в средневековом Новгороде. Выяснилось, что значительные участки города составляли наследственную собственность крупных боярских родов: владельцы таких соседствующих усадеб вели происхождение от общего предка. Впервые такая структура была выявлена при раскопках 1951–1962 гг. на Неревском конце, где не менее десяти расположенных на одном обширном участке больших дворов (в среднем около 1200–1500 кв.м каждый) принадлежали потомкам знаменитого в новгородской истории боярина рубежа XIII–XIV вв. Юрия Мишинича. Хотя генеалогия этого рода не может быть пока достоверно прослежена глубже указанной даты, сам объем участка и стабильность его планировки, неизменной с X в., свидетельствует о глубокой древности подобной структуры⁴.

Что касается более ранних комплексов, то наиболее важные материалы были собраны во время раскопок в Людином конце, начатых в 1973 г. и продолжающихся поныне. Здесь аналогичная структура кланового боярского городского землевладения зафиксирована для XII в., когда значительный участок, включающий не менее семи усадеб, принадлежал знаменитой в Новгороде боярской семье потомков Несды – Внзду и Мирошке с их нисходящими. Обнаружение в том же комплексе берестяных грамот первой трети XII в. с именами посадника Иванки Павловича и его отца ладожского посадника Павла указывает и на более отдаленных предков знаменитого Мирошки Несдинича⁵.

Такой способ организации городского владения не только делал его экономически устойчивым (боярские усадьбы практически не меняли границ на всем протяжении X–XV вв.), но и позволил создавать замкнутую систему самодовлеющего хозяйства. Практически на каждой боярской усадьбе имелаась какая-либо ремесленная мастерская, но в пределах такого клана группа бояр-родственников располагала исчерпывающим набором разных производств, изделия которых в то же время обладали очевидной товарностью, прочно связывая владельцев усадеб с городским торгом, где реализовывалась избыточная продукция. Такая система решительно препятствовала консолидации ремесленников по профессиональному признаку. В Новгороде не возникло цеховых организаций. Участие мастеров разных производственных профилей в едином хозяйстве боярского клана становилось для этого неодолимым препятствием. Между тем ряд авторитетных историков упорно внедрял в литературу умозрительный тезис о наличии в средневековом Новгороде ремесленных цехов⁶. Этот тезис опирался исключительно на вульгарное понимание некоторых городских топонимов (Гончарский конец, Кожевники, Плотники, Щитная улица).

Заметное число берестяных текстов посвящено разного рода торговым делам, среди которых особую ценность имеют грамоты, касающиеся купеческого складничества⁷. Благодаря берестяным документам, А.А. Зализня-

⁴ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

⁵ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 62–67, 72.

⁶ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 729–776; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 49–56.

⁷ Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: Ист.-археол. очерки. Великий Новгород, 2001. С. 282–289.

ку довелось блестяще истолковать понятие “рубежа” в торговле, которое, как оказалось, означает конфискацию товаров ни в чем неповинных купцов, если другой купец из их города имеет долг, но не выплачивает его, находясь в отъезде⁸.

Исключительное значение имело исследование в 1997–2000 гг. усадьбы “Е” Троицкого раскопа. В слоях второй и третьей четвертей XII в. на ней было обнаружено свыше 100 берестяных документов, большинство которых имело отношение к разного рода судебным конфликтам. Характер застройки этой усадьбы и особенности ее инвентаря сделали возможным определить ее не жилое, а общественное назначение. В указанное время она служила местопребыванием “сместного” суда князя и посадника. Грамоты, найденные здесь, содержат имена главных функционеров этого суда – посадника Якуна Мирославича (Якши) и представителя князя бирича Петра Михалковича (Петрока). Начиная с 1126 г. эта усадьба была оборудована специальным неоднократно возобновленным крытым помостом, на котором в любое время года и в любую погоду могли собираться тяжущиеся стороны и судьи. Сопоставление обнаруженных здесь материалов с показаниями сфрагистических памятников позволило именно 1126 годом датировать важнейшую судебную реформу Новгород XII в., когда в “сместном” суде при номинальном приоритете князя окончательное решение дела могло приниматься лишь с санкции посадника⁹.

Та же усадьба в более раннее время, в XI – первой четверти XII в., имея так же не жилое, а общественное назначение, была местом, в котором производился раздел привозимых в Новгород государственных доходов. Сочетание многочисленных деревянных замков для запирания мешков с ценностями и берестяных грамот, отражающих детали организации фискальной системы, внесли ясность в очень сложную проблему¹⁰. Изучение фиска обеспечивается берестяными грамотами, найденными в разных раскопах Новгорода и относящимися к разным столетиям его истории. Одним из наиболее значительных документов в этом ряду является берестяная грамота № 718, датированная 1229 г. и трактующая о получении так называемого “погородья” с территории Бежецкого Верха. Не менее значительна грамота № 724, написанная, вероятно, в зиму 1166/67 г., в которой рассказано о сложности сбора дани на северных землях Новгорода, возникшей в результате столкновения с суздальскими сборщиками, присланными Андреем Боголюбским¹¹. Берестяные грамоты, тексты которых связаны со сбором государственных доходов, одновременно оказались и важным источником для изучения административной системы Новгородской земли, а также для решения спорных вопросов ее исторической географии. В качестве наиболее яркого примера назову завершение 200-летних поисков упоминаемого в докончаниях Новгорода с князьями Имоволожского погоста, местоположение которого прояснилось благодаря находке грамоты № 885 XII в.¹²

До сих пор я говорил о том, какое качественное изменение открытие берестяных грамот привнесло в археологию. Хочу теперь расширить рамки их воздействия на гуманитарные науки в целом. Исторический процесс развития любой науки – за исключением, может быть, одной арифметики – на опреде-

⁸ Янин В.Л., Зализняк А.А. Указ. соч. С. 168–174.

⁹ Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 6–30.

¹⁰ Там же. С. 31–65.

¹¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 16–18, 22–25.

¹² Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вопр. языкознания. 1999. № 4.

ленном этапе ведет к неизбежной дифференциации знания. Время энциклопедистов пережило свой предсмертный расцвет в XVIII в. Что касается гуманитарной области, то она лишь чисто внешне долго демонстрировала уже утраченное единство, сохраняя в университетах историко-филологические факультеты. В действительности и историческая наука с начала XIX в. теряет былое единство, создавая специальные дисциплины, которые стыдливо назывались и до сих пор продолжают называться *вспомогательными*. Между тем каждая из этих дисциплин, изучая свой специфический круг источников, разрабатывает сложные исследовательские методики, требующие усилий для овладения ими, создает свой “птичий” язык, понятный посвященным, и в результате замыкается в собственном кругу. В процессе дифференциации разошлись, в частности, научные цели археологии и собственно истории.

Столкновение результатов, добытых в рамках специальных дисциплин, постоянно обнаруживало необходимость их корректировки, поскольку ограничение круга источников в любом случае ведет и к ограниченности результата. Мысль о том, что истина надежнее всего добывается на стыке наук, неизбежно приходит в голову в процессе уже назревшей интеграции наук, идущей на смену почти исчерпавшей себя дифференциации.

Роль открытия берестяных грамот в процессе столь важной для всех нас интеграции невозможно переоценить. Первый результат этого открытия состоит в том, что они надежнейшим образом воссоединили интересы археологов и специализирующихся в изучении письменных источников историков. Второй не менее важный результат – тот, что они свели за одним рабочим столом историков-археологов и лингвистов. Историки и филологи давно не работали вместе. Теперь они не могут обходиться друг без друга. Одной из главных находок Новгородской экспедиции стал наш выдающийся лингвист академик А.А. Зализняк, активный участник раскопок на протяжении уже двух десятилетий. Соединение материалов археологии и лингвистики привело к формулированию важнейших результатов совместного исследования: новгородский диалект имеет восходящие к сугубой древности отличия от других восточнославянских диалектов, что указывает на особый путь славянского заселения русского Северо-Запада. Замечу только, что установление отрицаемой прежде разницы между исходными традициями новгородско-псковского и среднеднепровского славянства заставляет по-новому увидеть процесс образования Древнерусского государства, возникшего, как теперь очевидно, на базе слияния и взаимного обогащения этих различающихся традиций.

Остановлюсь на некоторых других примерах интеграции научных дисциплин. Из летописи было известно имя новгородского художника конца XII в. Гречина Петровича, расписавшего фресками несуществующую ныне Пречистенскую церковь на воротах новгородского Детинца. На Троицком раскопе была обнаружена и изучена его усадьба. Впервые исследователям довелось побывать в мастерской средневекового художника. Но попутно выяснилось, что именно он был главой артели, расписавшей фресками в 1198 г. самый значительный художественный ансамбль русского средневековья – храм Спаса на Нередице¹³. Напомню сетования знаменитых искусствоведов по поводу безымянности древней русской живописи, анонимность которой якобы никогда не будет преодолена.

Троицкий раскоп познакомил нас с серией грамот, адресованных отцу Олисея-Гречина – Петру Михалковичу и написанных им. Об этом человеке

¹³ Колчин Б.А. Хорошев А.С., Янин В.Л. Указ. соч.

было известно из летописей, что в 1155 г. он породнился с князем Юрием Долгоруким, отдав свою дочь замуж за сына Юрия – Мстислава, приглашенного новгородцами на княжение. Сотрудник нашей экспедиции талантливый филолог А.А. Гиппиус установил, что с актом этого бракосочетания связаны два самых знаменитых художественных предмета середины XII в. – шедевр прикладного искусства серебряная причастная чаша, изготовленная мастером Костой, и главная святыня Новгорода – икона “Знамение Пресвятой Богородицы”, с которой новгородцы вышли на бой с суздальцами и победили их в 1170 г. На обороте чудотворного образа изображены святые Петр и Анастасия, а в посвяжительных изображениях причастной чаши сочетаются образы святых Петра, Богородицы (т.е. Марии) и Анастасии. Марией (Мареной), как это очевидно из берестяных грамот, звали жену Петра Михалковича, а Анастасия была их дочерью, ставшей невесткой Юрия Долгорукого¹⁴. Вот один из существенных примеров того, как интеграция ставших на время самостоятельными научных дисциплин способна высекать искру нового знания и освещать потаенные уголки нашего прошлого.

Мы смотрим в будущее с надеждой на новые изобильные находки как берестяных текстов, так и бесконечно разнообразных предметов быта средневековых новгородцев. Однако успех обеспечивается не только энтузиазмом. В свое время обнаружение в Новгороде берестяных грамот послужило главным стимулом для принятия в 1969 г. администрацией Новгорода постановления об охране культурного слоя Новгорода. Уже в следующем году решением правительства принципы защиты культурных напластований были распространены еще на 114 исторических городов. В настоящее время в Новгороде принят к исполнению опорный план культурного слоя, позволяющий соразмерять усилия по его охране в соответствии с его мощностью. К сожалению, случаи нарушения охраны слоя не единичны и требуют постоянной бдительности. Нужно вести постоянную работу, воспитывая у современных новгородцев понимание неповторимости того культурного богатства, которое лежит под их ногами, но бдительными должны быть не только одни археологи.

¹⁴ Гиппиус А.А. К идентификации персонажей берестяных грамот середины XII в. усадьбы Е Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1999. Вып. 13. С. 366–379; *Он же*. К атрибуции новгородских кратиров и иконы “Богоматерь Знамение” // Там же. С. 379–394.

В.Ю. Афиани

**ПУБЛИКАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
(1991–2001)**

Российскому государственному архиву новейшей истории исполнилось 10 лет. Самый молодой архив в “семье” федеральных архивов возник в эпоху общественно-политических сдвигов, после августовского путча 1991 г. и благодаря происшедшим переменам. Его создание – один из реальных плодов “архивной революции” начала 1990-х годов. О том, что документы КПСС поступят на государственное хранение и начнут открываться исследователям, в советское время историки даже не мечтали. Партийные архивы приоткрывали свои тайны только узкому кругу исследователей с партийными билетами. И вот, после указов Президента РСФСР о приостановлении деятельности КПСС и национализации ее имущества, 24 августа 1991 г. был принят указ о передаче в систему Государственной архивной службы архивов КПСС. 12 октября того же года постановлением Совета Министров РСФСР был создан Центр хранения современной документации (ЦХСД). Одновременно ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС был преобразован в Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

В апреле 1992 г. состоялась общественная презентация ЦХСД, открылся его читательный зал. Интерес к новому архиву и его документам был огромен, прежде всего со стороны отечественных и зарубежных средств массовой информации. 15 марта 1999 г. по постановлению Правительства РФ Центр получил современное наименование РГАНИ, которое как бы подвело черту под его интеграцией в систему государственных архивных учреждений.

ЦХСД в отличие от РЦХИДНИ (ныне – Российского государственного архива социально-политической истории – РГАСПИ) формировался заново. Базой для него послужили документы, хранилища и оборудование текущих архивов ЦК КПСС в комплексе зданий на Старой площади (ул. Ильинка, 12). Прямой преемственности с какими-либо партийными учреждениями у Центра не было, так как единый архив ЦК КПСС не был создан. Особенности формирования и судьба архивных комплексов ЦК КПСС до сих пор сказываются на деятельности архива, поэтому посвятим этому несколько слов.

Система делопроизводства и хранения текущей документации в ЦК начала налаживаться в первые послереволюционные годы. В 1920-х годах архив ЦК разделялся на оперативную и секретную части, хранившиеся в разных местах. “Секретный архив ЦК” (так называемый Кремлевский архив) входил в Секретный отдел, прямо подчинявшийся И.В. Сталину. С начала 1930-х годов его документы хранились в Кремле, в бывшем здании Сената¹.

Со смертью Сталина в судьбе архивов ЦК также произошли изменения. 13 марта 1953 г. постановлением Президиума ЦК КПСС был создан Общий

¹ См.: Архив Президента Российской Федерации. 1991–2001 // Источник. 2001. № 5. С. 7.

отдел Секретариата ЦК². В отделе были образованы специальные архивные структуры: “VI сектор” (архив Политбюро), и немного позже “VII сектор” (архив Секретариата и отделов ЦК). Одновременно в ряде структур ЦК сохранялись собственные архивы или архивные комплексы документов. Децентрализованное хранение документов в ЦК КПСС сохранялось, несмотря на неоднократные попытки создать “единый архив” ЦК. В 1960-е годы закрепилось обособленное существование архивов КПСС. 29 декабря 1966 г. Секретариатом было принято Положение об Архивном фонде КПСС³.

В связи с формированием аппарата Президента СССР постановлением Политбюро ЦК КПСС от 23 июня 1990 г. “государственно-общественные документы” VI сектора Общего отдела ЦК были включены в состав Архива Президента СССР. В 1991 г. началось возвращение протоколов Политбюро ЦК КПСС обратно, в Общий отдел ЦК КПСС, прерванное августовским путчем.

Поэтапная передача документов в государственные и ведомственные архивы, в том числе в ЦХСД, продолжилась позднее по распоряжениям Президента РФ от 1 марта 1993 г., 22 сентября 1994 и 2 августа 1998 гг. Процесс передачи документов ЦК на хранение в другие хранилища, прежде всего в ЦПА, происходил и раньше, в 1920-е и в 1950–1970-е годы. Какими принципами руководствовались в ЦК в каждом конкретном случае при передаче документов в ЦПА, сейчас можно только догадываться. Рубежом, разделявшим документы текущих архивов ЦК и ЦПА стал октябрь 1952–март 1953 гг., обозначенный такими событиями, как XIX съезд, на котором партия получила новое название, и смерть И.В. Сталина. Но в действительности такое разделение оставалось во многом условным. Эту ситуацию унаследовали и современные архивы, хранящие документы бывшего ЦК – Архив Президента РФ, РГАНИ и РГАСПИ, что, конечно, усложняет работу археографа. В 1990-х годах предпринимались попытки уточнения фондовой принадлежности отдельных комплексов документов между архивами, но эта работа до сих пор не завершена.

Сохранение децентрализованного хранения документов в ЦК можно объяснить прежде всего тотальной засекреченностью архивов Старой площади и Кремля. Секретность информации определялась не столько реальным содержанием документов, сколько тем, что решение принималось одним из органов ЦК. Все протоколы Политбюро и Секретариата ЦК имеют гриф “совершенно секретно”, а часть протоколов – гриф “особой важности” и пометку “особая папка”. До сих пор около 70% документов РГАНИ имеют грифы секретности.

После образования ЦХСД сразу же встал вопрос о необходимости широкого использования его фондов. Это было требование общественности, что отвечало политическим интересам новой российской власти. Решением Роскомархива РФ были открыты документы части отделов (культуры, агитации и пропаганды и т.п.) за 1953–1980 гг. и протоколы (постановления) Секретариата ЦК КПСС за 1953–1961 гг. вместе с материалами к ним, а после этой даты – только постановления.

На работу в новый архив пришли специалисты из аппарата ЦК КПСС, но у них не было опыта открытого, публичного использования документов. Вопрос о кадрах археографов удалось решить за счет приглашения публикаторов, имевших опыт работы в секторе археографии ВНИИДАД, в отделе пуб-

² Там же. С. 8.

³ Положение об Архивном фонде КПСС. М., 1966.

ликации ИМЛ при ЦК КПСС, а также в Археографической комиссии АН СССР. Перед ними встало много проблем. Фонды нового архива представляли “terra incognita” для публикатора. Предстояло их изучить, освоить научно-справочный аппарат, выявить особенности документации ЦК КПСС, проверить возможность использования отработанных археографических методик. Многое приходилось осваивать заново, переосмысливать. Опереться на предшествующий опыт можно было в довольно ограниченных масштабах. Научные публикации партийных документов охватывали, главным образом, дореволюционный период и первые годы после революции. Официальные публикации материалов съездов, пленумов, отдельных постановлений ЦК КПСС готовились в сугубо практических, идеологических целях, что сказывалось на методах и приемах их опубликования. Исключение, в какой-то мере, составляли публикации в ретроспективных рубриках журнала “Известия ЦК КПСС”, возобновленного в 1990 г.

Перспективный план публикаций Центра создавался под влиянием нескольких факторов. Решающую роль, конечно, играл вопрос о раскредитованности того или иного комплекса. Это определяло (и до сих пор во многом определяет) планы публикаторской деятельности РГАНИ. В первые годы, однако, Центр имел возможность оперативного раскредитования тематических комплексов документов сначала Специальной комиссией по архивам при Президенте РФ, а затем Комиссией по раскредитованию документов, созданных КПСС при Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК). Комиссия при МВК проработала недолго и более четырех лет бездействовала. Только с конца 2001 г. МВК по указу Президента РФ возобновила работу по подготовке к раскредитованию комплексов документов, хранящихся в РГАНИ. Усложнившаяся процедура раскредитования документов КПСС теперь требует много времени на подготовку документов к раскредитованию и дополнительных трудозатрат от архивистов.

На планы публикаторской деятельности архива большое влияние оказывают творческие контакты и его связи с отечественными и зарубежными научно-исследовательскими центрами и издательствами.

На первых порах большие трудности вызывало финансирование издания сборников и здесь особенно полезным оказалось сотрудничество с зарубежными партнерами. В последние годы расширились возможности самого архива, который самостоятельно или в кооперации с исследователями из российских академических научных учреждений, с зарубежными учеными, получает на подготовку и издание документов гранты, прежде всего, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Активный интерес в первые годы деятельности со стороны СМИ – газет, журналов, телевидения, да и со стороны немалого числа отечественных и зарубежных историков, искавших сенсационных открытий и разоблачений не упрощал, а усложнял задачи архивистов. Большое место в публикаторской работе архивистов в тот период занимали малые формы, газетно-журнальные публикации. Появлялся соблазн подготовки “актуальных” публикаций по упрощенным схемам. Но, хотя и не сразу, архивом было избрано главным направлением в публикаторской деятельности подготовка публикаций научного типа, с учетом особенностей каждого тематического комплекса, конкретного издания, его потенциального читателя.

Некомплексность раскредитования документов архива, отсутствие важнейших фондов (материалов съездов, пленумов, протоколов Политбюро ЦК, переданных позднее) – все это наложило свой отпечаток на публикаторскую деятельность этого периода, в том числе на подготовку исключительно тема-

тических изданий. (Впрочем, это самый распространенный вид документальных изданий последних лет и в практике работы других архивов.)

Следует отметить, что помимо сборников документов, которые подготовили сотрудники архива самостоятельно или в содружестве с отечественными и зарубежными исследователями, по документам архива опубликован ряд сборников, которые не считаются изданиями РГАНИ. Влияние архива на методы подготовки таких сборников было ограниченным, а его сотрудники принимали частичное участие в работе (выявление документов, консультации и т.п.). Эти публикации в настоящей статье специально не рассматриваются, а привлекаются в той мере, в какой необходимо показать их особенности и роль РГАНИ в их подготовке.

Первый этап в использовании документов ЦХСД, примерно в 1991–1995 гг., вызвал волну газетных и журнальных публикаций в отечественных и зарубежных периодических изданиях, наперебой предлагавших читателю очередную сенсацию со Старой площади. Тематика публикаций формировалась исходя из представлений журналистов и редакций об актуальности и злободневности тех или иных документов. Интерес к его фондам позволил ЦХСД заключать соглашения с рядом газет о подготовке публикаций на договорной основе совместно архивистами и журналистами. Газеты “Известия”, “Труд”, “Куранты”, “Московские новости”, “Совершенно секретно” помещали документальные подборки, подготовленные сотрудниками Центра. Еще шире был круг отечественных и зарубежных газет, самостоятельно публиковавших документы, почерпнуты из наших фондов. От них не отставали и общественно-политические и литературные журналы: “Знамя”, “Дружба народов”, “Родина”, “Кентавр”, “Континент”, “Знание – сила” и др. “Вопросы литературы” завели специальную рубрику “Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации”, в которой З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева, Е.Д. Орехова, Л.И. Пушкарева и другие архивисты публиковали документы по истории советской культуры. Журналы “Отечественные архивы”, “Исторический архив”, “Источник” постоянно предоставляли свои страницы для документальных публикаций сотрудников Центра⁴. Публикации из наших фондов появлялись в “Вопросах истории”, в “Новой и новейшей истории” и других журналах.

Этот период в истории новейшей отечественной журнальной археографии обогатил читателя огромным числом публикаций исторических источников, прежде всего, по советской истории, ранее засекреченных и недоступных читателям и исследователям. Но среди них оказалось и много публикаций-“однодневок”. Документы стали публиковать люди, зачастую не имевшие элементарных представлений о правилах и приемах публикации. Не случайно тогда возникло определение этого явления как “ксероксной археографии”. Нередко человек, приносивший в редакцию журнала ксерокопию документа, считал свою миссию по подготовке документа к публикации практически исчерпанной, и даже пытался подвести под это “теоретическое” обоснование о необходимости “точной” передачи текста документов ЦК КПСС. Представления о простоте публикации документов КПСС, на том основании, что эти документы тщательно готовились в аппарате ЦК КПСС, довелось слышать даже от архивистов. И эта кажущаяся простота публикаций привлекала многих. Низкий уровень немалого числа публикаций, особенно в газетах, часто определяется и позицией редакций, не принимающих предло-

⁴ К 10-летию архива подготовлена библиография работ сотрудников архивов, насчитывающая около 180 публикаций документов в периодической печати (без учета публикаций в газетах).

жений публикаторов дать хотя бы сокращенный комментарий к документам, указать архивные шифры и т.п. Справедливости ради следует отметить, что не все можно относить на счет невысокой археографической культуры наших СМИ, газетно-журнальные публикации имеют свои жанровые особенности, и к ним нельзя подходить с теми же требованиями, что и к публикациям научного типа.

Первый, изданный в 1992 г. сборник документов Центра о советско-финских отношениях в 1950–1960-х годах⁵, несет на себе печать того времени. Желание как можно скорее донести до читателя новые документы определило археографические недостатки этого сборника (документы помещены без археографического оформления, легенд, в сборнике нет указателей).

Но уже следующая публикация, посвященная советско-венгерским отношениям в 1956 г., также вышедшая за границы, выгодно отличалась от первой более внимательным отношением к вопросам археографии⁶. Здесь нельзя не отметить вклада в разработку методических вопросов публикации документов ЦК КПСС сотрудницы ЦХСД Е.Д. Ореховой, к сожалению, уже покойной. Она много сделала для подготовки еще одного интересного сборника документов об отношении власти к великому поэту, лауреату Нобелевской премии Б.Л. Пастернаку, а точнее сказать, об организации ЦК КПСС травли Пастернака. Сборник был опубликован в Париже известным издательством “Галлимар”, с предисловием французского друга поэта Жаклин де Пруаяр⁷. Это издание было замечено не только во Франции, но и в России⁸.

В первые годы публикации документов Центра выходили за рубежом и зачастую на иностранных языках⁹. Зарубежные научные центры и издательства предлагали финансовую помощь в подготовке и издании сборников документов в то время, когда отечественные издательства переживали не лучшие времена. Первый опыт Центра публикации документов на русском языке поэтому был достаточно скромным. К 50-летию Великой Отечественной войны подготовлен сборник по истории мемориала на Поклонной горе в Москве¹⁰. Одновременно часть этих документов была помещена в журнале “Исторический архив”¹¹.

⁵ NKP ja Suomi. Keskuskomitean salaisia dokumentteja. 1955–1968 [КПСС и Финляндия. Секретные документы ЦК КПСС. 1955–1968] / Сост.: V.N. Tšernous, Y. Rautkalo [В.Н. Черноус и Х. Рауткаллио]. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö / Tammi, 1992. 164 p. (на фин. яз.). Без участия археографов РГНИ вышла публикация документов, подготовленная полностью зарубежным исследователем: Die Akte Wehner. Moskau 1937 bis 1941 (Дело Венера. Москва – 1937–1941) / Сост. Р. Мюллер (R. Müller). Berlin; Rowohlt, 1993. 431 s. (на нем. яз.).

⁶ Hiányzó lapok 1956 történetéből. Dokumentumok a volt SZKP KB levéltárából [Недостающие страницы из истории 1956 г. Документы из бывшего архива ЦК КПСС] / Сост., вст. ст. и коммент. В.Т. Середя, А.С. Стыкалин, Е.Д. Орехова. Budapest: Mora Ferenc Könyvkiado, 1993. 328 p. (на венг. яз.).

⁷ Le dossier de l'affaire Pasternak. Archives Comité central et du Politburo [Дело Пастернака. Архивы Центрального Комитета и Политбюро]. Paris: Gallimard, 1994. 266 p. (на фр. яз.). Часть документов была опубликована на русском языке: “Хотелось бы получить указание...”: вокруг дела Пастернака, по страницам сборника / Сост. Е.Д. Орехова // Континент. 1995. № 83. С. 186–211.

⁸ См.: Континент. 1995. № 3; Источник. 1993. № 4. 12; Труд. 1995. 22 дек.

⁹ При участии сотрудников архива, выявлявших документы и прокомментировавших часть из них, вышел сборник, подготовленный известным французским историком Николя Вертом и его молодой коллегой Газлем Муллеком по фондам РГАНИ, РЦХИДНИ и ГАРФ: Rapports secrets soviétiques. La société russe dans les documents confidentiels. 1921–1991 [Секретные советские доклады. Русское общество в секретных документах. 1921–1991] / Vert N., Moullec G. Paris: Gallimard, 1994. 790 p. (на фр. яз.).

¹⁰ Памятник Победы: Документы о сооружении мемориала на Поклонной горе в Москве. 1955–1991 гг. / Под общим рук. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. Сост.: В.Ю. Афиани, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева / Департамент по делам печати и информации Правительства Москвы, ЦХСД, журнал “Исторический архив”. М., 1995. 116 с.

¹¹ Памятник Победы: Из истории строительства мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве. 1955–1990 гг. / Сост.: В.Ю. Афиани, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева // ИА. 1995. № 3. С. 84–110.

Сборник имел преимущественно мемориальный характер, раздавался ветеранам войны во время юбилейных торжеств и представлял своего рода факсимильное издание ксерокопированных документов Президиума, Политбюро, Секретариата ЦК КПСС и материалов к ним за 35 лет, с 1955 по 1991 г. Он открывается запиской министра обороны СССР Г.К. Жукова в ЦК КПСС в 1955 г. о необходимости сооружения памятников-монументов в Москве (или в Подмосковье), в Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе в целях “увековечения побед советского народа и его Вооруженных Сил”. В сборник включено более 40 документов, освещающих историю проектирования и сооружения монумента на Поклонной горе, конкретные этапы долгого строительства, не делавшего чести властям. Недостаток финансовых средств не позволил подготовить издание на достаточно высоком полиграфическом уровне. Тираж его – всего 200 экземпляров, но заинтересованный читатель смог ознакомиться с воспроизведением подлинных документов.

Так в публикациях архива обозначилась тема “Великая Отечественная война”. Хотя в РГАНИ нет документов, непосредственно связанных с периодом второй мировой войны, с боевыми действиями, но хранятся интересные документальные свидетельства о том, как проходило осмысление истории и уроков войны в различных слоях советского общества. Активную роль в этом процессе играл ЦК КПСС, вторгавшийся в дискуссии о том, как освещать в исторических исследованиях, в художественной литературе, в кино те или иные события и эпизоды войны. На Старой площади принимались решения о подготовке крупных обобщающих трудов по истории войны и монументов, увековечивающих подвиг советского народа, общие рекомендации, какие события и как следует освещать, сугубо цензорские указания по “исправлению” или запрещению книг, кинофильмов и т.п. Позиция ЦК зависела от долговременных, а нередко и от сиюминутных политических и идеологических интересов и приоритетов. Но и это тоже было одной из форм осмысления властью событий прошлого.

К юбилею войны в 1995 г. была приурочена выставка книг из фондов Государственной публичной исторической библиотеки и документов архива. По ее материалам составлен аннотированный каталог, в приложении к которому помещено 16 документов. Но это издание ждала нелегкая судьба. Оно вышло лишь спустя пять лет, к очередной юбилейной дате¹².

Одновременно увидел свет еще один сборник документов, посвященный теме войны, но другой эпохи – войне СССР в Афганистане¹³. Сборник подготовлен зарубежными исследователями и вышел в Швейцарии, но сотрудники архива принимали участие в выявлении документов по теме и консультировали составителей по различным вопросам. Он интересен в типологическом отношении. Это разновидность факсимильного издания с параллельным переводом документов на немецкий язык и комментариями, причем и в переводе составители стремились сохранить все особенности внешнего вида документов.

В том же, 1995 г., завершилась работа над сборником документов, посвященном международным связям КПСС с Компартией Греции в 1950–1970-е годы. В связи со сложностями перевода текстов на греческий язык

¹² Трудные пути правды: Великая Отечественная война в книгах и документах. 1950–1980-е гг.: Аннотированный каталог / Отв. ред. В.Ю. Афиани. Сост.: Г.П. Демиденко, А.В. Левашенко, А.Л. Панина, Л.И. Пушкарева. Редкол.: М.Д. Афанасьев, В.Ю. Афиани, Н.Г. Томилина. М., 2000. 155 с.

¹³ Sowjetische Geheimdokumente zum Afghanistankrieg (1978–1991) [Советские секретные документы о войне в Афганистане (1978–1991)] / Сост.: P. Allan, P. Bucherer, D. Klay, A. Stahel, J. Stüssi-Lauterburg. Y. Zurich: Hochschule, 1995. 802 S. (на рус. и нем. яз.).

в Институте балканистики г. Салоники, сборник вышел в Греции только спустя пять лет.

Второй этап публикаторской деятельности архива с середины 1990-х гг. отмечен, с одной стороны – снижением числа публикаций документов в СМИ, а с другой – сотрудничеством с некоторыми периодическими изданиями, вышедшими на новый, более масштабный уровень. Вместе с “Независимой газетой” издано несколько выпусков приложения “Хранить вечно” по документам Центра, посвященным темам: подавление советскими войсками “пражской весны” в 1968 г., писатель А.А. Фадеев в 1950-х годах, “оттепель” в советском обществе после XX съезда КПСС¹⁴. Более интенсивно ведется работа над сборниками, повышается их археографический уровень, расширяется тематика публикаций.

В 1997 г. вышли два новых сборника документов. Один из них положил начало документальной серии “Социология и власть”¹⁵. Публикации в серии готовятся в сотрудничестве с Институтом социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН). Первый выпуск серии был посвящен истории воссоздания в СССР социологии как научной дисциплины и трудностям, вставшим на пути ее становления в 1950–1960-е годы.

Другой сборник, посвященный истории политической цензуры в СССР, дал Центру опыт совместной работы с федеральными государственными архивами – ГАРФ и РГАСПИ¹⁶.

Заметным рубежом в публикаторской деятельности архива стала подготовка на русском языке фундаментального научного издания, посвященного роли СССР в венгерских событиях 1956 г.¹⁷ Этот сборник – плод международной кооперации архивистов и историков. Он готовился под эгидой Совместной комиссии историков России и Венгрии при финансовой поддержке РГНФ и Института “Открытое общество” (Фонда Сороса)¹⁸. Такая кооперация положительным образом сказалась на уровне подготовки сборника. Была предпринята попытка комплексного выявления документов в фондах РГАНИ, АП РФ и АВПР. В нем представлен также ряд венгерских источников, необходимых для более целостного освещения событий. Всего опубликовано 236 документов, значительная часть из них извлечена из фондов ЦХСД.

Положительную роль сыграло то обстоятельство, что публикаторы – сотрудники Института славяноведения РАН В.Т. Середа и А.С. Стыкалин, архивист и археограф Е.Д. Орехова подготовили предшествующее издание по

¹⁴ Приложение к “НГ”. 1998. № 3. Авг.; 1999. № 6. 29 сент.; № 7. 29 окт.

¹⁵ Социология и власть: Документы и материалы. 1953–1968 / Отв. ред. Л.Н. Москвичев. Сост.: В.Ю. Афиани, Н.Т. Кремлев, Е.Д. Орехова, А.Т. Хлопьев, А.И. Чупрынин, при участии З.К. Водопьяновой, М.Ф. Кишкиной-Иваненко, Т.М. Кузьмичевой. М.: Academia, 1997. 168 с. Серия “Социология и власть. 1950–1990. Документы и материалы”.

¹⁶ История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост.: З.К. Водопьянова, Т.М. Горяева (отв. сост.), Т.В. Домрачева, Е.Л. Луначарский, Н.И. Румянцева. М., РОССПЭН, 1997. 672 с.

¹⁷ Советский союз и венгерский кризис 1956 г.: Документы / Отв. ред. Т.М. Исламов и И. Вида. Ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середа и А.С. Стыкалин. Вступ. ст. и науч. коммент. В.Т. Середы и А.С. Стыкалина. Археограф. обработка и коммент. Е.Д. Ореховой / РАН. Ин-т славяноведения. Венгерская АН. Институт истории. Архив Президента РФ. Федеральная архивная служба России. ЦХСД. Архив внешней политики России МИД РФ. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.

¹⁸ Сборник издан также при поддержке Архива национальной безопасности, неправительственной исследовательской организации при Университете Дж. Вашингтона и Международного исследовательского центра Вудро Вильсона (США) в рамках Международной программы по исследованию “холодной войны” и Международной восточноевропейской программы, Института истории и документации венгерской революции 1956 г. (Будапешт).

этой теме на венгерском языке и осуществили предварительные публикации в журналах¹⁹.

Для сборника был рассекречен значительный комплекс архивных документов. Составителям удалось привлечь разные по своим видовым характеристикам документы: постановления Президиума ЦК КПСС из протоколов заседаний Президиума, комплекс черновых протокольных записей его заседаний, впервые позволивших проникнуть в суть дискуссий в Кремле, обращения в ЦК представителей венгерского руководства, записки советских министров и ведомств, в том числе донесения и доклады руководителей КГБ СССР и Минобороны СССР, записи бесед советских дипломатов с венгерскими государственными и партийными деятелями, телеграммы и телефонограммы, фрагменты неопубликованных мемуаров первого секретаря Центрального руководства ВПГ М. Ракоши (из АП РФ) и др.

Особенность сборника – глубокий научно-исследовательский подход к теме. Составителями подготовлены обстоятельное предисловие, включающее краткую историческую часть, более обширный обзор историографии по теме и археографическую часть. К каждой из четырех частей предпослано самостоятельное историческое введение, подробно и целостно освещающее события этого этапа, что позволяет ввести публикуемые документы в общий исторический контекст. Научный аппарат публикации дополняют подокументный комментарий по содержанию, текстуальные примечания и “биографический справочник” в конце книги. Выход сборника был отмечен рецензиями в российской и зарубежной прессе²⁰.

Другой внешнеполитической и, одновременно, не менее острой внутриполитической теме – политике ЦК КПСС в отношении еврейской эмиграции из СССР с 1957 по 1989 г. – посвящен сборник, подготовка которого началась еще в 1995 г.²¹ Документы выявлены сотрудниками РГАНИ, подготовившими и часть комментария. Археографическое оформление проводилось составителем (редактором) с израильской стороны, что определило многие особенности публикации. Избранный им принцип факсимильного воспроизведения текста средствами полиграфии оказался ближе к “буквальному” воспроизведению текста и внешних особенностей документов. Подготовлен основательный подокументный комментарий, в который, однако, включены сведения из легенды (архивные шифры) и текстуальные примечания.

¹⁹ Венгрия, апрель–октябрь 1956 года (из дневника Ю.В. Андропова: запись беседы с Эрне Герё) / Сост. Е.Д. Орехова // ИА. 1993. № 4. С. 128–130, Венгрия, октябрь–ноябрь 1956 года (из архива ЦК КПСС) / Сост.: С.А. Мельчин, Е.Д. Орехова, В.Т. Середя, А.С. Стыкалин // Там же. № 5. С. 132–160; Венгрия, апрель–октябрь 1956 года // Там же. № 6; Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года: документы из фондов ЦХСД / Сост.: Е.Д. Орехова, В.Т. Середя // Там же. 1995. № 1. С. 29–51; “Мы навели порядок в Венгрии...” (Как возник режим Кадара? Документы бывшего архива ЦК КПСС, ноябрь 1956 г.) / Предисл. В.Т. Середы, публ. и коммент. Е.Д. Ореховой, А.С. Стыкалина // Континент. № 85 (1995). С. 210–242.

Ими же был подготовлен обзор архивных документов: А.С. Стыкалин, Е.Д. Орехова. Венгерские события 1956 года и позиция руководства СССР (по материалам ЦХСД) // Славяноведение. 1994. № 3. С. 51–61.

²⁰ Латыш М.В. Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.: Документы // ИА. 1999. № 3. С. 216–217; Романенко С. 4 ноября 56-го и 12 марта 99-го: Документы о подавлении венгерской революции // Русская мысль. Париж, 1999. 4 нояб.; Hajdu Tibor. Orosz dokumentumkötet az 1956-os szovjet-magyar viszonyról // Évkönyv. Budapest, 1998. P. 337–339; Baráth Magdolna. A Szovjetunió és az 1956-os magyar válság // Századok. Budapest, 1999. № 3. P. 644–645.

²¹ Еврейская эмиграция в свете новых документов / Отв. сост. Б.М. Морозов / Федеральная архивная служба РФ, ЦХСД, Центр Комингса по исследованию России и стран Восточной Европы, Тель-Авивский ун-т. Тель-Авив, 1998. 288 с. См. рец.: Полян П. “Сионизм нас губит...”: Документы об эмиграции советских евреев в Израиль // Алеф. 2001. Июль. С. 12–14.

90725

С выходом в 1998 г. сборника документов по истории культурной политики ЦК КПСС было положено начало систематической публикации архивом документов в рамках новой документальной серии “Культура и власть от Сталина до Горбачева”, основанной архивом совместно с Институтом русской и советской культуры им. М.Ю. Лотмана Рурского университета в Бохуме (ФРГ)²². Предварительно эта тема разрабатывалась в журнальных публикациях, в том числе в журнале “Вопросы литературы”.

Особенность этой публикации в том, что в основу принципов, определивших содержание серии, было положено издание документов по структурному признаку, по фондам тех органов ЦК, которые занимались разработкой и осуществлением контроля и управления культурой. Это – Политбюро (Президиум), Секретариат ЦК КПСС, отделы ЦК КПСС и т.д. Такой подход, по нашему мнению, лучше способствует разработке научной проблемы – изучения механизма тотального контроля за культурой в СССР²³. Первый выпуск был посвящен двум комиссиям ЦК КПСС, работавшим в 1950–1960-е годы на постоянной основе, занимавшимся вопросами, входившими в сферу культуры, и игравшим заметную роль в разработке и осуществлении культурной политики партии²⁴. Особенности работы каждой из комиссий предопределили характер отложившейся документации и, соответственно, приемы археографической подготовки документов. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международным партийным связям (1958–1961) принимала постановления по конкретным вопросам культуры, а Идеологическая комиссия ЦК КПСС (1962–1964) пыталась воздействовать на творческую интеллигенцию на совещаниях, собиравшихся в целях ее “сплочения” и “дальнейшей мобилизации” “на решение задач, поставленных партией перед советской литературой и искусством”²⁵. Опубликовано сравнительно небольшое число документов – 47. В связи с тем, что в результате деятельности последней комиссии отложились большие по объему стенограммы ее заседаний, они публиковались не полностью. С одной стороны, отбирались выступления известных деятелей культуры, а с другой – выступления, отражавшие определенные направления в общественно-политических и эстетических взглядах в советском обществе.

В 1999–2000 гг., наконец, увидел свет сборник о связях КПСС и Компартии Греции. Долгое ожидание его выхода в свет оправдалось параллельным изданием двух идентичных по содержанию сборников, одного – на русском, а другого – на греческом языках²⁶. В каждом из них опубликовано 75 документов, в большинстве своем из фонда № 5 (отделы ЦК КПСС) и № 4 Секретариата ЦК КПСС, а также ряд постановлений Политбюро (Президиума) ЦК КПСС из АП РФ, на момент подготовки сборника, еще не переданных

²² Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы / Отв. ред. В.Ю. Яфрани. Сост.: Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, Л.В. Величанская, З.К. Водопьянова, Е.В. Кочубей. Редкол.: К. Аймермахер (гл. ред.), В.Ю. Афиани, Д. Байрау, Б. Бонвеч, Н.Г. Томилина. М.: РОССПЭН, 1998. 552 с.

²³ См.: Аймермахер К. Партийное управление культурой и формы ее самоорганизации (1953–1964/67) // Там же. С. 5–22.

²⁴ См.: Афиани В.Ю. Идеологические комиссии ЦК КПСС (1958–1964 гг.) в механизме управления культурой // Там же. С. 23–29.

²⁵ Там же. С. 383.

²⁶ ΟΙ ΕΧΕΣΕ ΚΚΕ ΚΑΙ ΚΚ ΣΟΒΙΕΤΙΚΗΣ ΕΝΩΣΗΣ ΣΤΟ ΔΙΑΣΤΗΜΑ (Ευμόφωνα μετα έγγραφα του Αρχέρον της ΚΕ του ΚΚΣΕ). Paratiritis. 1999. Θεσσαλονιχη. 342 с.

КПСС и Компартия Греции: К истории взаимоотношений с 1953 по 1977 г.: Сб. документов / Сост.: М.Ф. Кишкина-Иваненко, С.А. Мельчин, Т.И. Пух, Н.Д. Смирнова, А.А. Улуян. Введ. В. Контиса. Предисл. Н.Д. Смирновой. Редкол.: В.Ю. Афиани, В. Контис, К. Папулидис, Н.Д. Смирнова, Н.Г. Томилина. Салоники: Изд. Paratiritis, 2000. 298 с.

в РГАНИ. Сборник интересен тем, что затрагивает вопросы межпартийных и международных связей СССР и Греции, а также отечественной истории. Многие документы посвящены неизвестным страницам истории греческой политэмиграции в СССР, во главе с бывшим генеральным секретарем Н. Захариадисом. Документы систематизированы по четырем тематическим разделам, охватывают такие явления, как процесс десталинизации в так называемой Ташкентской парторганизации греческих коммунистов, раскол в Греческой компартии в 1960-е годы, деятельность КПГ в составе греческого левого движения в 1970-е годы, и последний раздел – “Штрихи к биографиям видных деятелей КПГ”.

Можно считать символичным, что архив, в начале своей деятельности обратившийся к документам о Б.Л. Пастернаке, издал к своему первому юбилею еще один сборник документов о поэте, на этот раз на русском языке²⁷. В его основе документы, выявленные для французского издания. Но для нового сборника их состав был пересмотрен. Удалось пополнить его новыми источниками, ряд менее значимых документов, не связанных непосредственно с жизнью и деятельностью Пастернака, был опущен. Всего в него вошло более 100 документов. Изменены принципы систематизации. Чтобы лучше выявить взаимосвязь отдельных комплексов документов, выделено девять тематических разделов, внутри которых они расположены в хронологическом порядке.

Сборник открывается кратким предисловием с изложением археографических принципов издания, а также обстоятельной вступительной статьей сына поэта, публикатора его сочинений и его биографа – Е.Б. Пастернака. В ней более детально освещаются события, не отразившиеся в официальных документах или искаженные в них, с привлечением источников из личных и частных архивов, воспоминаний. История издания романа “Доктор Живаго” в Италии имеет элементы детектива. Понимая, что власть начала предпринимать все от нее зависящие попытки, чтобы закрыть дорогу публикации, поэт договорился с итальянским издателем об условном языке сообщений, которые дезавуировали те документы и требования, которые он был вынужден подписывать под давлением властей. Поэтому необходимо было четко откомментировать эти сюжеты для читателя и подробно рассказать о них в предисловии. Нетрадиционный элемент такого рода публикаций – список выявленных отечественных и зарубежных изданий романа “Доктора Живаго”, помещенный в приложении.

Публикация документов в сборнике носит научный характер, но учитывая то, что по своему содержанию и тематике он интересен не только специалистам, но и более широкому читателю, введены “двухуровневые” названия разделов и заголовки документов. Сначала дается заголовок образного характера (обычно краткая цитата из документа), затем – заголовок обычного типа. Такого характера название получил и сам сборник. Возможно не только содержание, но и этот не вполне традиционный археографический прием приблизил научное по своему содержанию издание к читателю, вызвав многочисленные отклики в периодике²⁸.

²⁷ “А за мною шум погони...”: Борис Пастернак и власть: Документы / Под ред. В.Ю. Афиани, Н.Г. Томилиной. Сост.: Т.В. Домрачева, [Е.Д. Орехова], И.Н. Шевчук. При участии М.Ф. Кишкиной-Иваненко. Предисл. В.Ю. Афиани. Вступ. ст. Е.Б. Пастернака. М.: РОССПЭН, 2001. 432 с.

²⁸ “Страшный шум: он вышел на подмостки! Как явление природы пытались спровоцировать на скандал” // Книжное обозрение. Ex libris “НГ”. 2001. 9 авг.; *Мирошкин А.* “Сорняк – с поля вон!” // Там же. 2001. 27 авг.; *Немзер А.* Они свое дело знали: Как советская власть боялась “Доктора Живаго” // *Время*. 2001. 19 июля; Тюремный роман последней музы поэта: Впервые изданы документы о судебной тяжбе вокруг наследства Бориса Пастернака // *Парламент. газ.* 2001. 8 июня; *Лит. газ.* (ЛГ-рейтинг) 2001. 20–26 июня.

В “юбилейный” для себя год архив не раз как бы обращался к своим истокам. Ряд публикаций архива восходит к первым годам работы, но, конечно, отличается иным, более зрелым подходом и археографическим уровнем.

Сборник по истории советско-финских отношений в 1950–1960-е годы²⁹ в отличие от первой публикации, имеет научный характер: документы опубликованы с соблюдением правил археографического оформления, имеются историческое и археографическое предисловия, комментарий. Он посвящен важному периоду в истории отношений между СССР и Финляндией. С 1953 по 1962 г. в политике Финляндии утверждается курс на развитие добрососедских отношений с СССР, чему способствовали и нестандартные формы общения руководителей двух стран, в том числе Н.С. Хрущева с У.К. Кекконеном, как теперь принято называть, “без галстука”. Документы позволяют проследить, как в ЦК вырабатывались важнейшие решения по вопросам отношений двух государств. Сборник вышел двумя отдельными изданиями на русском и финском языках³⁰.

В серии “Социология и власть” появился очередной выпуск по истории советской социологии, освещающий следующий этап в развитии этой дисциплины в СССР в 1960–1970-е годы, подготовленный также совместно с ИСПИ РАН³¹.

Сотрудники архива принимали активное участие в коллективных работах по подготовке публикаций в серии “Россия XX век. Документы”, издаваемой Международным фондом “Демократия” под общей редакцией академика А.Н. Яковлева, в которых использовались документы из фондов РГАНИ³².

Недавно вышел очередной том в серии “Культура и власть от Сталина до Горбачева”³³. Он посвящен деятельности важного элемента советской системы контроля и управления культурой – аппарату ЦК КПСС, раскрывает закулисные события эпохи, получившей название “оттепели”, показывает зигзаги партийного курса на ослабление идеологического пресса в культуре.

В издательство РОСПЭН сдан следующий том этой серии, продолжающий освещение темы изменений в политике и идеологии КПСС в 1950-е годы³⁴. Это первое научное издание знаменитого “секретного” доклада

²⁹ КПСС и советско-финляндские отношения. 1953–1962 гг.: Сб. документов / Под ред. Н.Г. Томилиной. Сост.: Х. Рауткаллио, Л.А. Величанская, И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. Тампере: Тампере Университи пресс, 2001. 348 с. Серия: “КПСС и советско-финляндские отношения: Документы и материалы”. Книга издана при поддержке Академии Финляндии, Финского фонда культуры и Фонда Эмиля Аалтонена.

Сборник вызвал широкий отклик в финских средствах массовой информации: Kanzan uutiset. 2001. 28.11; Nurunomat. 2001. 28.11; Turun sanomat. 2001. 28.11; Helsingin sanomat. 2001. 29.11; Viikolenti. 2001. 30.11 и др.

³⁰ NKP ja Suomi. 1952–1962. Tampere university press, 2001, 338 p. (на фин. яз.).

³¹ Социология и власть: Документы и материалы. 1969–1972 / Отв. ред. Л.Н. Москвичев. Сост. Е.С. Афанасьева, В.Ю. Афиани, Н.Т. Кремлев, Т.В. Домрачева, А.В. Литвинов, А.И. Чупрынин. М.: Academia, 2001. 200 с.

³² Реабилитация: Как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 / Сост.: А.Н. Артизов, Ю.В., И.Н. Шевчук, В.Г. Хлопов. 504 с.; Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / Науч. ред. В.П. Наумов. Сост.: В.П. Наумов, М.Ю. Прокуменщиков, Ю.В. Сигачев, Н.Г. Томилина, И.Н. Шевчук.

³³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957 / Отв. ред. В.Ю. Афиани. Сост.: Е.С. Афанасьева, З.К. Водопьянова (отв. сост.), Т.А. Джалилов, Т.И. Джалилова, М.Ю. Прокуменщиков. М.: РОСПЭН. 2002. 806 с.

³⁴ Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина: Документы. Статьи / Под ред. К. Аймермахера. Сост.: В.Ю. Афиани (отв. сост.), З.К. Водопьянова, А.Н. Панин, М.Ю. Прокуменщиков.

Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС с разоблачениями преступлений сталинизма, оказавшего огромное влияние на все области жизни общества, в том числе на советскую культуру. Археографам РГАНИ пришлось столкнуться со многими новыми археографическими моментами при подготовке этого сборника. Была проведена работа по выявлению редакций и вариантов текста доклада в фондах РГАНИ, а также в АП РФ и РГАСПИ, их текстологическое изучение. В сборнике публикуются три редакции текста доклада. Учеными разночтения по девяти вариантам текста³⁵. Несомненный интерес у читателей должны вызвать и многочисленные документы, публикуемые в обширном приложении к докладу по истории его подготовки и реакции на решения съезда, доклад Н.С. Хрущева в СССР и за рубежом.

Несколько лет в РГАНИ ведется работа над подготовкой ряда фундаментальных научных изданий. Одно из них осуществляется под руководством академика А.А. Фурсенко³⁶. В основу публикации положен уникальный источник – записи заседаний Президиума ЦК КПСС, которые вел “для себя” заведующий общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малин на протяжении 10 лет (ряд записей выполнен его заместителем В.Н. Чернухой). От заседаний Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1920–середины 1960-х годов остались, главным образом, сухие, краткие протоколы, в которых записаны решения высшего партийно-государственного органа в стране. О тех спорах, дискуссиях, столкновениях мнений, процессе выработки решений, т.е. о механизме принятия решений в СССР, исследователь долгое время мог судить только по косвенным свидетельствам и немногочисленным мемуарным источникам, многое приходится реконструировать и домысливать. Записи Малина, хотя часто весьма краткие и отрывочные, тем не менее, позволяют исследователю проникнуть на эту политическую “кухню”. По некоторым острым политическим вопросам, таким как подготовка XX съезда КПСС и доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина, подавление революции в Венгрии, роль СССР в Суэцком кризисе в 1956 г., политическая борьба в верхах, отстранение от власти в 1957 г. маршала Г.К. Жукова, Карибский кризис 1962 г., отношения с США, германский вопрос, выработка советской позиции по разоружению, реформа государственного управления и др., эти записи дают, подчас, “эффект присутствия” читателя на этих заседаниях. Была проведена кропотливая работа по расшифровке этих рукописных записей. Помимо черновых протокольных записей в составе фонда № 3 Политбюро ЦК КПСС сохранились отдельные стенографические записи (с 1958 г.), которые отражают, главным образом, выступления на заседаниях Президиума ЦК Н.С. Хрущева, и, в меньшей степени, участие в дискуссии других членов кремлевского ареопага.

Уникальный характер этого источника определил принципы его издания – публикацию записей и стенограмм единым массивом. Для лучшего понимания содержания записей, выявлялись и рассекречивались постановления Президиума ЦК, обсуждавшиеся на заседаниях и отразившиеся в записях Малина. Постановления использовались для подготовки комментария к первому тому и будут опубликованы в последующих томах в качестве приложения к основному тексту. Черновой характер записей Малина потребовал и большо-

³⁵ Подробнее см.: *Фурсенко А.А., Афиани В.Ю.* Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях” (Из истории подготовки и издания) в наст. изд. С. 56–64.

³⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг.: Черновые протоколы заседаний. Стенограммы. Постановления / Отв. ред. А.А. Фурсенко. Сост. В.Ю. Афиани (отв. сост.), З.К. Водопьянова, А.М. Орехов, [А.Л. Панина], А.С. Стыкалин. При участии Э.А. Болотиной, М.Ю. Прокуменщикова, В.Т. Середы.

го по объему комментария, который поможет исследователю глубже проникнуть в содержание одного из важнейших источников по политической истории СССР середины 1950 – середины 1960-х годов.

Другой масштабный проект – “АН СССР в решениях ЦК КПСС” – продолжит ранее начатое издание постановлений высшего властного органа в стране по истории Академии наук³⁷. Он реализуется под руководством члена-корреспондента РАН В.П. Козлова, при научных консультациях академика А.А. Фурсенко и заместителя директора Института истории естествознания и техники РАН С.С. Илизарова, с участием сотрудника Института российской истории В.Д. Есакова. Важные изменения, произошедшие в структуре высших органов ЦК КПСС, принимавших решения, затрагивавшие различные стороны деятельности АН СССР после смерти И.В. Сталина, – образование Президиума ЦК КПСС, вместо Политбюро ЦК, повышение роли Секретариата ЦК и др., принимавших постановления от имени ЦК КПСС, привели к необходимости расширения круга высших партийных органов. Выявлено и представлено для рассекречивания более 650 постановлений Президиума ЦК КПСС и Бюро Президиума ЦК КПСС и более 800 постановлений Секретариата ЦК КПСС за 1953–1964 гг., а также постановления Бюро Президиума ЦК КПСС по РСФСР, документы ряда комиссий ЦК КПСС, готовивших проекты решений для Президиума и Секретариата ЦК и принимавших самостоятельные решения. После завершения трудоемкой работы по рассекречиванию этих документов начнется отбор документов для публикации.

Сотрудники архива стремятся обобщать накопленный археографический опыт. Этот опыт отражается в предисловиях к сборникам документов, в статьях в периодической печати и в выступлениях на научных конференциях³⁸.

В начале 1990-х годов многие исследователи склонны были рассматривать документы КПСС как особый комплекс видов источников. Здесь, несомненно, сказывалось влияние “партийного источниковедения” 1960–1980-х годов, теоретически обосновывавшего особенности документов КПСС. Этим, видимо, был вызван первоначальный замысел Росархива дополнить “Правила издания исторических документов в СССР” методическими рекомендациями по изданию партийной и судебной документации. Такое методическое пособие ЦХСД совместно с РЦХИДНИ начал готовить под руководством заведующего сектором археографии ВНИИДАД О.Ф. Козлова. В процессе работы выявилась необходимость разработки самостоятельного пособия по вопросам публикации архивных документов центральных и высших органов РКП(б)–КПСС, которое было подготовлено в 1995 г. В.Ю. Афиани, З.К. Водопьяновой и Т.В. Домрачевой при участии архивистов из РГАСПИ О.В. Наумова и Л.А. Роговой, под редакцией академика Н.Н. Покровского,

³⁷ АН СССР в решениях Политбюро ЦК КПСС. 1920–1953 гг. / Отв. сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 1999.

³⁸ См.: Афиани В.Ю. Проблемы археографии и источниковедения документов новейшей истории: По фондам бывших архивов ЦК КПСС // *Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступ. на Всерос. конф. 20–22 декабря 1994 г. М., 1995; Он же. Протоколы Бюро Президиума и Президиума ЦК КПСС. 1950–1960-е гг.: Проблемы источниковедения и археографии советского периода // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. статей к 70-летию академика Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2000. С. 275–288; Он же. Дискуссионные вопросы археографии документов XX в.: К разработке методического пособия по публикации документов центральных органов РКП(б)–ВКП(б)–КПСС // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции “Проблемы публикации документов по истории России XX века”*. М., 1–2 июня 1999 г. М., 2001. С. 71–81; Водопьянова З.К. Особенности явления и отбора документов для серии “Культура и власть от Сталина до Горбачева” // Там же. С. 266–270; и др.*

много сделавшего в последние годы по разработке научных принципов публикации документов. Пособие обсуждалось на Методической комиссии Росархива и было доработано по замечаниям рецензентов, среди которых особенно ценными оказались замечания известного архивиста А.В. Елпатьевского и сотрудника Росархива И.И. Кудрявцева. В пособии предпринята попытка обобщить опыт публикации архивных документов ЦК РКП(б)–ЦК ВКП(б)–КПСС, особенно в последний период, и дать рекомендации археографам по актуальным и дискуссионным вопросам подготовки их к публикации. Пособие, которое планируется издать в 2002 г., показывает, что при всех существующих отличиях партийной документации от документов государственных учреждений, в деятельности партийных органов не возникали самостоятельные виды источников, а значит, к ним применимы принципы публикации, разработанные для управленческой документации.

Остаются вопросы, которые по-разному решаются в современной археографической практике и требуют дополнительной и научно-методической разработки. Многое из опыта, закрепленного в правилах публикации, своего рода квинтэссенция этого опыта, сложилось исторически под влиянием различных факторов. Сейчас без специальных разысканий не всегда можно достаточно точно определить, почему возникла традиция использовать те или иные приемы публикации к тому или иному виду документов. В целом ряде случаев возникает необходимость источниковедческого осмысления документов, которые становятся доступными исследователям.

Подводя некоторые итоги публикаторской деятельности РГАНИ, нужно отметить ряд характерных явлений в археографической практике последнего времени. Одно из них – заметное увеличение числа публикаций за рубежом сборников документов из российских архивов. Они имеют определенные особенности, даже если выходят на русском языке. На методы археографической подготовки документов оказывают влияние, иногда весьма существенное, археографические традиции (или их отсутствие) в стране издания, взгляды и представления зарубежного редактора. Подчас они резко отличаются от традиций российской археографии. Практика показывает, что не всегда архивисты имеют возможность проконтролировать издание на заключительной стадии. И не всегда результаты этой работы могут удовлетворить российского археографа. Но эти издания являются элементом современного процесса культурного и научного взаимодействия. В области разработки методики научного издания документов нового и новейшего времени отечественная археография накопила довольно значительный опыт, даже если в советское время практика не всегда соответствовала этому теоретическому и методическому уровню под влиянием привходящих идеологических и политических факторов. Совместные публикации документов, в которых используется отечественный археографический опыт, дают зарубежному историку-специалисту и читателю нередко большее представление о научном уровне нашей науки, чем публикации, осуществленные только в России. Есть еще одна, безусловно положительная сторона у зарубежных публикаций документов из отечественных архивов или у совместных с зарубежными специалистами изданий сборников документов в России. Они значительно расширяют читательскую аудиторию. Издания последних лет, выходят нередко тиражами до 1000 экземпляров, а то и значительно меньше, и в России доходят не до всех, кому они адресованы. Что же говорить о зарубежных читателях? В совместной работе происходит и реальный обмен опытом. Так, например, распространение в последние годы в публикациях самостоятельного, объединенного биографического комментария (называемого по-разному: “именной

комментарий”, “именной указатель” распространенного характера, биографический комментарий), помещаемый в конце книги, как представляется, в определенной мере – результат влияния зарубежных публикаций. Это искупает, на наш взгляд, многие проблемы, которые неизбежно возникают при подготовке такого рода изданий.

При публикации документов новейшей истории одним из важнейших тормозов являются ограничения в доступе к документам, которые существенным образом влияют на работу археографа. Засекреченность документов, хранение документов в ведомственных архивах сужают возможности и при выявлении и отборе документов. Необходимая полнота выявления документов, как правило, не может быть обеспечена. В этих случаях археограф должен четко оговаривать в предисловии, какие фонды и комплексы документов не могли быть использованы, а в комментарии к документам – какие части документа не рассекречены.

Публикаторская деятельность РГАНИ отражает современные тенденции в археографии, характерные для отечественной практики в последнее десятилетие. Это публикация документов, ранее закрытых для широкого использования, документов новейшей истории – XX столетия, преобладание политической, в том числе внешнеполитической тематики, и тем культуры, расширение международного сотрудничества в деле подготовки и издания сборников документов.

У РГАНИ имеются обширные публикаторские планы. В работе находятся очередные тома серий “Культура и власть от Сталина до Горбачева” и “Социология и власть”. Ведется работа по подготовке публикации первого тома сборника “АН СССР в решениях ЦК КПСС. 1953–1964 гг.”, сборников об отношениях СССР и КПСС с зарубежными странами, политическими движениями и партиями и др. Начавшееся после длительного перерыва рассекречивание Межведомственной комиссией по защите государственной тайны по указу Президента РФ позволит, как мы надеемся, наладить систематическую публикацию документов новых, неизвестных источников. Читателей еще ждут интересные открытия.

И.Б. Матяш

АРХИВНАЯ НАУКА В УКРАИНЕ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

1991–2001 годы без тени преувеличения можно назвать новым этапом развития украинского архивоведения. Относительно молодая архивная наука в Украине, зародившись в XIX столетии и пройдя несколько качественно неоднородных этапов (с ярчайшим подъемом в 1920 – начале 1930-х годов), получила ощутимый импульс в начале 1990-х годов, связанный с национально-культурным возрождением, демократизацией архивной системы, полноценной интеграцией в мировое сообщество. Характерными особенностями этого периода стали стремление к объективности, беспристрастности, актуализация замалчиваемых прежде проблем, создание новых научных учреждений, восстановление и углубление международных связей в области архивного дела, учреждение специальных архивоведческих изданий как каналов профессиональной информации.

В течение 1990-х годов в украинской исторической науке упрочился подход к архивоведению как “комплексной системе знаний, которое изучает теорию, историю, практику архивного дела, его правовые и экономические основы”¹, выкристаллизовались взгляды на предмет и объект архивной науки, совершенствовалась структура архивоведения, его понятийный аппарат. Одновременно актуализировалось применение характерного для архивной науки 1920–1930-х годов термина “архивистика” в значении “архивоведение и архивное дело в их единстве”². В целом обращение к настойчиво замалчивавшемуся в свое время положительному опыту украинской архивистики времен тоталитаризма, попытки его критического анализа и объективной оценки – характерная особенность историографической ситуации конца XX столетия в украинском архивоведении. Вместе с тем постепенно апробировались новые взгляды и привлекались к научному обороту новые понятия; происходило философское осмысление новых явлений в общественном развитии и историческом знании. Надлежащее внимание уделялось расширению и совершенствованию многоаспектных связей архивоведения с другими дисциплинами, которые составляют его методологическую базу – философия, история; близки к нему по задачам и предмету исследования – библиотковедение, музееведение, информатика, по общей гуманитарной направленности – социология, комплексности задач, направленных на решение одной проблемы – природоведческие исследования, экономика. В конце 1990-х годов все большее внимание исследователей занимало осмысление отчетливо проявившегося противоречия между “технологическим” архивоведением и современной философской парадигмой единства гуманитарного и естественнонаучного знания, возрождались и укреплялись творческие связи с архивоведческой школой Историко-архивного института РГГУ.

¹ Архівистика: Термінологічний слов. / Упор. К.С. Новохатський, К.Т. Селіверстова. Київ, 1998. С. 17.

² Там же. С. 14.

Важное значение в 1990-х годах приобрела разработка теории архивоведения – исследование общих законов структуры и развития архивного дела, истории архивного строительства. Для развития теории особое значение имело определение приоритетных направлений исследований, усовершенствование методов архивоведения, осовременивание понятийного аппарата и терминологического инструментария, разработка историографии архивоведения, создание специального научного учреждения.

Потребность общества и государства в историко-архивоведческих, источниковедческих и археографических исследованиях, принятие Закона Украины “Про Національний архівний фонд і архівні установи” (1993), реформирование сети архивных учреждений актуализировали необходимость создания для удовлетворения этих потребностей специальных научных учреждений как в системе Национальной академии наук (НАН), так и в системе Главного архивного управления (ГАУ) при Кабинете Министров Украины. В начале 1990-х годов были созданы Институт украинской археографии НАН (ныне – Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского (ИУАИГ)), Институт архивоведения и Институт рукописи при Центральной научной библиотеке НАН Украины (ныне – Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского (НБУВ))³. Эти научные учреждения были призваны обеспечить развитие археографии, источниковедения, кодикологии, кодикографии, дипломатики, документоведения, отдельных методических и практических аспектов архивного дела через научно-исследовательскую и информационную деятельность в этой области.

Первоочередными задачами, в частности, ИУАИГ, стали постоянная “подготовка к публикации архивных материалов, а также научно-информационных изданий о тех многочисленных собраниях источников, которые еще не находились в научном обращении, или же выдавались частично”⁴. Совместно с другими академическими институтами, вузами, родственными профильными учреждениями ИУАИГ разработал и начал реализовывать широкий план создания фундаментальной источниковой базы для развития гуманитарных наук. Учеными института решались вопросы, связанные с поисковой и научно-методической работой, направленной на выявление и подготовку к печати источников, содержащих информацию о тех периодах и этапах истории, которые в предшествующие времена или сознательно замалчивались, или освещались искаженно. Приоритетное значение в освещении исторической роли украинского казачества как уникального явления всемирной истории имело начатое институтом в сотрудничестве с ГАУ Украины издание корпуса документов Архива Коша Новой Запорожской Сечи, два тома которого уже увидели свет.

Существенное значение для архивного дела имел также разработанный академическими институтами совместно с ГАУ Украины комплекс проектов, объединенных в программу “Книжное наследие Украины: создание библиографического и археографического реестра и системы сохранения и общедоступности”, принятый в 1992 г. Государственным комитетом Украины по вопросам науки и технологий. Одним из направлений программы (“Архивная и рукописная Украина: Национальная сводная система документальной информации”) стало создание базы данных и комп-

³ Подробнее см.: *Дубровіна Л.А., Зубкова Н.М.* Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського як архівна установа // *Архіви України.* 1999. № 1/6 (242). С. 13–26.

⁴ *Сохань Павло.* Українська археографія та джерелознавство: Здобутки, проблеми, перспективи // *Пам'ять століть.* 2001. № 2 (28). С. 13.

лекса документальних публікацій України. В ході розробки основних положень програми були вироблені методологічні принципи і методичні прийоми, активно застосовувані в роботі архівних установ. Співробітники цих інститутів – автори проектів Г.В. Боряк, Л.А. Дубровина, В.І. Ульяновський і інші внесли значительний особистий внесок у розвиток історії і теорії спеціальних історических дисциплін⁵.

Важною вехою у розвитку архівознавства стало створення при ГАУ України Українського державного науково-дослідницького інституту архівного справи і документознавства (1994). Наукова діяльність УГНІІАДД направлена на розробку пріоритетних проблем українського архівознавства, документознавства, методики архівістики. К науковим завданням, поставленим перед інститутом, належать створення концепцій і прогнозування розвитку архівного справи і документального забезпечення управління в умовах інформатизації суспільства, дослідження правових аспектів роботи з документами Національного архівного фонду України, організація і проведення робіт по науково-технічній інформатизації і т.п. Серед пріоритетних напрямків досліджень інституту: історико-архівознавчі; біографічні; термінознавчі; хіміко-біологічні; теорія і технологія формування Національного архівного фонду; документознавство і делопроїзводство; інформатизація архівного справи. Необхідність серйозних досліджень історического досвіду в архівному справі, глибокого аналізу досягнень і проміснів предшественників обумовили розробку в УГНІІАДД проблем історії архівної науки і освіти, вивчення і аналіз наукового спадку видатних архівістів. Підвищений інтерес до історико-архівознавчих досліджень пояснюється їх аксіологічсеским значенням, активним впливом на формування історическої пам'яті народу.

Співробітниками УГНІІАДД розроблені наступні концепції: комп'ютеризація архівного справи (керівник колективу розробників д.і.н. проф. Л.А. Дубровина), підготовка і післядипломна освіта кадрів для архівних установ (керівник колективу розробників д.і.н. І.Б. Матяш), захист національних інтересів в області архівного справи (Л.А. Скрицька, К.Е. Новохатський). В течение шести років існування інституту побачили світ підручник для студентів вищих навчальних закладів "Архівознавство" (1998), бібліографічний довідник "Українські архівісти" (1998), монографії к.і.н. В.С. Шандри "Київське генерал-губернаторство (1832–1914): історія створення і діяльності, архівний комплекс і його інформаційний потенціал" (1999); І.Б. Матяш "Українська архівна періодика: історія, бібліографія, бібліометрія" (1999), "Архівна наука і освіта в Україні 1920–1930-х років" (2000), "Личність в українській архівістиці" (2001); підготовлена до друку колективна монографія "Очерки історії архівного справи в Україні". Першим результатом досліджень українських архівістів в області архівної термінології стала колективна робота, здійснена під керівництвом К.Е. Новохатського – термінологічний тлумачний нормативний словарь "Архівістика" (1998), а обобщаючою роботою по документознавству – монографія д.і.н. С.Г. Кулешова "Документознавство: теоретическі основи" (2000).

⁵ Дубровина Любов. Кодикологія та кодикографія української рукописної книги; Боряк Г.В. Національний архівний спадщина України та державний реєстр "Археографічна Україніка": Архівні документальні ресурси та науково-інформаційні системи. Київ, 1995. 347 с.; Ульяновський В.І. Київська науково-дослідна кафедра історії України академіка М.П. Василенка: нові матеріали // Україніка: Архівні студії. Київ, 1997. С. 5–30 і др.

Важное значение для практической деятельности архивных учреждений имеют теоретические (исследования механизма старения документов) экспериментальные исследования процесса старения документов на разных носителях и определение методов продления сроков их сохранности; совершенствование методов консервации и реставрации документов, нейтрализации кислотности бумаги, восстановление угасающих текстов; разработка средств и способов защиты документов от биоповреждений. Решению прикладных проблем архивного дела оказывают содействие исследования по теории и методике экспертизы ценности документов, комплектованию государственных архивов фондами личного происхождения, классификации документной информации, информатизации архивного дела.

Для распространения научных идей в области архивного дела, публикации результатов научных исследований по вопросам теории и методики архивоведения, документоведения, специальных исторических дисциплин, публикации архивных документов, наряду с отраслевым научно-практическим журналом “Архіви України”, в 1996 г. был основан научный ежегодник УГНИИАДД “Студії з архівної справи та документознавства”, археографический ежегодник “Памятки” (1998), серийные издания “История архивного дела: воспоминания, исследования, источники”, “Архивные и библиографические источники украинской исторической мысли” (1998), межведомственный научный сборник “Архивоведение. Археография. Источниковедение” (1999), соучредителями которого стали Институт истории Украины и ИУАИГ НАН Украины, Институты архивоведения и рукописи НБУВ, кафедра архивоведения и специальных областей исторической науки Киевского национального университета им. Тараса Шевченко и кафедра архивоведения Киевского национального университета культуры и искусств.

Не менее интересны для архивистов и специальные издания Института рукописи НБУВ: “Рукописное и книжное наследие Украины: Археографические исследования уникальных архивных и библиотечных фондов” (1993); ИУАИГ НАН Украины: “Археографический ежегодник” (1992), “Ukrainica: архивные студии” (1997); Союза архивистов Украины: “Архивист: Вестник САУ” (1999). Современным периодическим и продолжающимся изданиям, посвященным вопросам архивоведения и других специальных исторических дисциплин, присущи актуальность проблематики, дискуссионность, объективность оценок и суждений. Они ориентированы на решения приоритетных вопросов теории и методики, возрождение лучших традиций украинской архивной периодики.

Во второй половине 1990-х годов ощутимо возросла научно-исследовательская работа в области архивного дела в регионах. Центральные государственные архивы и местные архивные учреждения как отраслевые и региональные научно-методические центры по вопросам архивного дела активно участвовали в создании документальной летописи истории архивного дела, в биографических исследованиях, во внедрении результатов научных исследований, изучении передового опыта, проводили научные конференции и семинары, занимались серьезной публикаторской деятельностью и т.п. Отдельные государственные архивы создали свои научные печатные органы или стали соучредителями периодических изданий. Это, в частности, альманах “Константы” (Херсон), журнал “Крымский архив” (Симферополь), информационный вестник “Архивист” (Сумы), “Труды Государственного архива Одесской области” (Одесса).

Важным фактором развития архивоведческой мысли в этот период стали международные и всеукраинские конференции. Их проводили, как правило, Государственный комитет архивов Украины, УГНИИАДД, Союз архивистов Украины. Активность в научно-организационной работе в области архивистики проявляют НБУВ, ИУАИГ НАН Украины, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киевский национальный университет культуры и искусств.

Так, научные аспекты осуществления архивной реформы с целью приближения архивного дела к уровню современных требований, пути дальнейшего усовершенствования управления архивным делом в Украине, проблемы отраслевой принадлежности архивов и статуса их работников, перспективы научно-публикаторской деятельности архивных учреждений, проблемы обеспечения сохранности архивных документов, а также вопрос о состоянии научно-исследовательской и методической работы архивных учреждений обсуждались на научно-практической конференции “Актуальные проблемы развития архивного дела в Украине” (15–16 марта 1995 г., Киев). В ходе конференции “Украинское архивоведение: история, современное состояние и перспективы” (19–20 ноября 1996 г., Киев) рассматривались актуальные вопросы архивного строительства, пути развития архивоведения как науки в независимой Украине, проблемы преподавания архивоведческих дисциплин. Научная конференция “Архивное и библиотечное дело в Украине 1917–1921 гг.” (28–29 октября 1997 г., Киев) посвящалась 80-летию создания Библиотечно-архивного отдела и продемонстрировала генетическое родство, общность исторического прошлого, идентичность многих профессиональных проблем архивного и библиотечного дела.

На международной научной конференции “Национальное архивное наследие: проблемы сохранности” (2–5 ноября 1999 г., Киев) рассматривались вопросы истории природоведческих исследований в Украине, технологии реставрации документов, защиты их от биоповреждений, технического оснащения архивов, профессиональной подготовки реставраторов. Более широкому привлечению молодежи к разработке приоритетных тем архивоведения, изучению истории архивного дела, расширению диапазона использования, архивной информации способствовала научная конференция молодых исследователей “Архив и личность” (21–22 сентября 1999 г., Киев). На ней обсуждались перспективы развития архивистики, персональный вклад украинских ученых в историческую науку, проблемы исследования документов личного происхождения как важной составной части источниковой базы истории Украины и т.п.

Повышению уровня научных исследований в области архивного дела содействовало совершенствование работы отраслевой службы научно-технической информации, призванной обеспечить обслуживание всех направлений деятельности архивных учреждений, проводить исследования по проблемам научно-технической информации в области архивного дела и документоведения, внедрять прогрессивные методы, новые технологии информационной работы в архивных учреждениях. С 1999 г. функции Отраслевой службы НТИ выполняет научно-информационный отдел УГНИИАДД, в составе которого создан специальный сектор со справочно-информационным фондом.

Моральным и материальным стимулом для архивистов-исследователей стало учреждение в 2000 г. отраслевой премии им. Василия Веретенникова за лучшие научные исследования в области архивного дела и документоведения.

Первыми ее лауреатами стали авторский коллектив учебника “Архивоведение” (1998) и полтавский архивист Т. Пустовит – за подготовку материалов к библиографическому словарю “Архивисты Полтавщины” и статьи “Жизненный и творческий путь Ф. Герасименка”. В 2001 г. этой премии были удостоены В.С. Шандра, С.Г. Кулешов, коллектив Госархива Автономной Республики Крым.

В целом развитие украинского архивоведения в 1991–2001 гг. характеризуется значительными качественными изменениями и существенными результатами. Тесное сотрудничество архивных учреждений с украинскими и зарубежными высшими учебными заведениями, академическими институтами, ярко выраженные интеграционные тенденции в их деятельности, разработка актуальных вопросов архивной науки и практики, внедрение новых технологий обеспечивают положительную перспективу жизнедеятельности области в XXI столетии.

С.В. Чирков

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

Научная деятельность В.О. Ключевского развернулась во второй половине XIX в. В годы его творчества вспомогательные исторические дисциплины не только развились в русской науке, но и достигли существенных результатов. Без привлечения данных этих дисциплин уже не мыслилось полноценное историческое исследование.

Крупнейший историк своего времени, В.О. Ключевский прославился и как мастер анализа источников. В его творческом наследии источниковедческие исследования занимают почетное место, более того, можно сказать, что на анализе источников построены все его работы, включая классический “Курс русской истории”. Ученый хорошо понимал все значение вспомогательных дисциплин для работы историка. Не случайно в лекционном курсе источниковедения, который Ключевский первым стал читать в Московском университете, дается обзор важнейших из этих дисциплин.

Необходимо иметь в виду, что в состав вспомогательных исторических дисциплин во второй половине XIX в. входили такие, которые приобрели в наши дни самостоятельное значение. Например, А.А. Зимин писал в 1965 г., что “источниковедение, историография и археография, когда-то входившие в комплекс вспомогательных исторических дисциплин, теперь ... вряд ли могут быть названы таковыми”¹.

Вклад Ключевского в изучение отечественной *историографии* подвергся основательному рассмотрению в книге Р.А. Киреевой². Не раз становились предметом исследования и труды ученого в области *источниковедения*, в том числе в специальной монографии Э.Г. Чумаченко³. Данные сюжеты подробно рассматриваются и в обобщающем труде М.В. Нечкиной⁴. Проблематика же других вспомогательных дисциплин в творчестве Ключевского изучена сравнительно меньше.

В сохранившемся плане источниковедческого курса, относящемся к 1894 г., о “вспомогательных науках” идет речь в самом начале, непосредственно после изложения задач и видов исторической критики. Ключевский замечает, что “всякая наука, всякая область человеческого познания имеет значение вспомогательной науки истории, потому что с той или другой стороны объясняет условия и ход человеческой жизни”. Это расширительное представление о вспомогательных науках необходимо иметь в виду для того, чтобы верно оценить весь круг научных дисциплин, к данным которых так или иначе прибегал ученый в своих исследовательских и дидактических построениях. Такое представление должно было, конечно, включить и разнообразные дисциплины и отрасли знаний, имеющие вполне самостоятельный статус, но

¹ Зимин А.А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 125.

² Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк исторической науки. М., 1966.

³ Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский – источниковед. М., 1970.

⁴ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1973.

выступающие в качестве “вспомогательных” при осуществлении исторического исследования. Однако, углубляя понимание “инструментального” значения вспомогательных наук, Ключевский рассматривает их значение в области познания исторических источников, извлечения из них исторического материала. “Чтобы исчерпать исторический источник надлежащим образом, его нужно понять и разобрать, отделить в нем нужное от ненужного. Для этого требуется предварительная его разработка и расчистка, изучение и истолкование памятника... Каждый род памятников требует особых приемов и средств изучения, особых знаний и приспособлений”. Здесь и выработались “особые доктрины или умения, составляющие круг так называемых *вспомогательных наук истории*”. Очевидно, тут мы имеем дело с более узким пониманием этих наук. По существу, речь идет о вспомогательных источниковедческих дисциплинах. Совокупность средств и приемов подготовительного изучения источников составляет, по Ключевскому, “содержание *исторической критики*”, т.е. источниковедения. Историческая критика выступает не как “особая вспомогательная наука истории”, а как “общая методика предварительной обработки исторических источников”. Вспомогательные науки входят в эту область, “область исторической критики определяется кругом этих вспомогательных наук”⁵.

Таким образом, в узком смысле вспомогательными науками истории оказываются “особые части археологии”, так как предметом археологии являются вещественные памятники старины, а изучение некоторых из них требует “особых специальных знаний, технической подготовки”⁶. В таком понимании видны отголоски типичных для конца XIX в. представлений о различии исторической и археологической критики. Последняя имела значение предварительного этапа изучения, рекомендуемого специалистам. Историческая критика, по воззрениям того времени, есть дело историка. Сам Ключевский не раз говорил о различных задачах “архивариуса” и историка в подходе к документам: если специалист (архивист или археограф) имеет дело с сырым материалом источников и только вводит их в оборот науки, то историк берет уже готовый материал и “лепит” из него научную картину прошлого⁷. Он даже выделял “археологическую ветвь нашей историографии” (относя к ней, в частности, А.Н. Оленина), но отмечал, что “научный историк изучает природу общежития”⁸. Так понимались стадии исследования согласно канонам позитивизма. Реальность оказывалась, конечно, сложнее. Ключевский практически во всех своих работах выступает не только как историк, но и как специалист в изучении источников, а во многих случаях разработка вспомогательных наук истории оказывается основным содержанием его лекций и статей.

В той же первой лекции источниковедческого курса автор дает список вспомогательных наук истории. Среди них палеография, дипломатика, археография, сфрагистика, хронология, нумизматика, геральдика, историческая география. Список этот далеко не полон, если иметь в виду появившиеся к тому времени исследования самого Ключевского. Более того, перечень носит случайный характер. Наряду с такой важнейшей для построений Ключевского дисциплиной, как историческая география, в него попала и геральдика, данные которой почти не привлекали внимания ученого (в “Курсе” даже не сказано, к примеру, о появлении в России XV в. нового государствен-

⁵ Ключевский В.О. Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. 6. С. 477.

⁶ Там же. С. 478.

⁷ См: Чирков С.В. Ключевский и отечественная археография // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 9–25.

⁸ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 130, 136.

ного герба – двуглавого орла). Однако и этот случайный список может позволить проследить использование вспомогательных дисциплин в творчестве Ключевского.

На высказывания Ключевского о проблемах *палеографии* обратил внимание Л.В. Черепнин⁹. В рецензии на сочинение В.С. Иконникова “Исследование о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности” (Киев. Ч. 1. 1869.) он обнаружил оценку Ключевским палеографических сведений и познаний рецензируемого автора: тот считал, что скоропись появилась в русской письменности только в XVI в. «Эта ошибка произошла от того, что автор, не видавший в глаза ни одной древнерусской рукописи, не мог видеть и рукописей XV в., писанных скорописью; притом его здесь ввело в заблуждение не совсем ясное выражение о скорописи А.Х. Востокова (в предисловии к “Описанию Румянцевского музея”)¹⁰. Палеографическая подготовка самого Ключевского была достаточно высокой еще со студенческих времен, когда он увлекался изучением древнерусской письменности под руководством Ф.И. Буслаева. Практическая работа над изучением сотен списков житий святых, профессиональное исследование проблем археологии довело эту подготовку до совершенства.

Изучение актового материала сопровождало все этапы научной деятельности Ключевского. И это не было случайным, так как акты служат важнейшим источником для изучения проблем социально-экономической истории, одним из пионеров которого стал ученый. Анализ актового материала занимает почетное место в источниковедческом курсе. Здесь Ключевский приводит знаменитый вывод об отставании формул письменных актов от отраженной в них исторической реальности, дает классификацию актового материала. Термины историка не всегда были определены точно: в ряде случаев он относит к актам такие источники, как писцовые книги. Блестящие образцы анализа актов находим и в “Боярской думе”, и в “Курсе русской истории”. Например, в лекции о событиях Смуты проведен детальный юридический анализ подкрестной записи Василия Шуйского, договоров об избрании на русский престол Сигизмунда III, приговора Первого ополчения¹¹. Изумительным по изяществу называет Л.В. Черепнин разбор Ключевским отдельных формул порядных записей¹².

О вопросах *дипломатики* в работах Ключевского писал А.А. Введенский¹³. Он отмечал, что Ключевским были выдвинуты две специальные задачи изучения актов: во-первых, задача выявления, разбора и систематического издания всего накопленного в публикациях актового материала в виде “дипломатария актов”, во-вторых, задача начать изучение актового материала с точки зрения дипломатики, так как “разные роды актов имеют свое построение, свою технику, свои условные приемы, то есть свои формулы”. Изучение данной темы продолжила Э.Г. Чумаченко. По ее мнению, в подходе к актам Ключевского преобладали не типизирующие, а индивидуализирующие моменты: он «не пытается выделить из индивидуального многообразия общее и типичное. Это можно объяснить, вероятно, тем, что именно индивидуальные детали старинного быта он особенно ценил в актах. И именно на основании этих

⁹ См.: Неопубликованный доклад Л.В. Черепнина “В.О. Ключевский как источниковед” / Подгот. Л.И. Шохин // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 333–334.

¹⁰ Ключевский В.О. Отзывы и ответы: Третий сборник статей. М., 1914. С. 70.

¹¹ Ключевский В.О. Соч. М., 1957. Т. 3. С. 36–39; 41–45; 122–123.

¹² Неопубликованный доклад Л.В. Черепнина... С. 340.

¹³ Введенский А.А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР: Дипломатика. Киев, 1963. С. 59–75.

черт ученый с большим мастерством восстанавливал древнерусский быт в своих исследованиях и в “Курсе русской истории”»¹⁴. Мнение Чумаченко нельзя считать бесспорным, уже Введенским показаны попытки Ключевского исследовать актовый формуляр, но ей удалось отметить характерное для историка-художника стремление отыскать в актовых источниках детали и краски для “воскрешения” прошлой жизни во всей ее неповторимости.

Проблемам *археографии* в творчестве Ключевского была посвящена отдельная наша статья¹⁵. Отметим, что важной составляющей археографического изучения историка было внимание к судьбе древнерусских письменных памятников, включающих и литературные произведения, и деловые документы. Памятники письменности рассматривались им как составная часть культуры русского народа. Конечно, они важны в первую очередь как источники сведений об исторических событиях, но в то же время показывают более глубокие пласты народной жизни. Ключевский призывал различать понятия исторического факта и исторического события или происшествия¹⁶. Повествующие о событиях памятники литературы ценны не только сообщаемым ими “фактическим материалом”, но и проводимыми в них политическими мнениями и тенденциями, лежащими в основе этих мнений убеждениями и мировоззрением авторов. Именно эти исторические факты более глубокого плана позволяют полнее и ярче характеризовать жизнь древнерусского человека и общества. Ключевский, как известно, прославился своими живыми реконструкциями прошлого.

Номенклатура вспомогательных дисциплин у Ключевского нередко отличалась своеобразием. Так, он именовал ту часть археографии, которая занимается описанием рукописей, “рукописной библиографией”. Иронизируя по поводу споров “норманистов и роксоланистов”, он называл себя поклонником “физиогномики”, и брался исследовать, “блондины или брюнеты преобладали в роде первых русских князей”. По его мнению, разыскания в области “этнографической номенклатуры” или “генеалогической химии” не имели отношения к “настоящей, научной истории”¹⁷.

Использование данных *сфрагистики* в произведениях Ключевского носило эпизодический характер. Например, он говорил в “Курсе русской истории”, что боярские попытки ограничить власть Михаила Романова не мешали ему “удержать титул *самодержца* и даже впервые изобразить его на новой царской печати, им заказанной”¹⁸. Такое суждение не вполне согласуется с данными современной сфрагистики.

Как уже говорилось, не повезло в работах Ключевского *геральдике*, данные которой он практически не использовал. Зато проблемы *исторической географии* оказались весьма привлекательными для ученого. География всегда считалась необходимой спутницей исторического изучения. Еще В.Н. Татищев говорил о важности географических знаний для историка. Исходя из убеждения, что географические условия составляют один из основных факторов исторического развития любого народа, Ключевский уделил изучению влияния этого фактора на русскую историю значительное внимание. Здесь можно вспомнить и соответствующие части курса методологии, и замечательные историко-географические характеристики как в начале “Курса рус-

¹⁴ Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 176.

¹⁵ Чирков С.В. Указ. соч.

¹⁶ Ключевский В.О. Отзыв об исследовании С.Ф. Платонова “Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник” // Соч. М., 1959. Т. 7. С. 439–454.

¹⁷ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 114.

¹⁸ Ключевский В.О. Соч. Т. 3. С. 78.

ской истории”, так и в разделах курса, где выделены темы расселения славян, населения и пределов Руси в XI в., географических оснований удельного порядка, отдельных земель раздробленной Руси, колонизации северо-восточных земель, роли географического фактора в возвышении Москвы, создания Российской империи и т.д. Ключевского не раз обвиняли в переоценке роли географического фактора в русской истории. Во всяком случае, приходится признать, что историческая география была его любимой дисциплиной, что было усвоено и его учениками. Как известно, один из самых серьезных историко-географических курсов уже в начале XX в. разработал ученик и преемник В.О. Ключевского на кафедре Московского университета М.К. Любавский, получили научное признание труды в этой области и других его учеников – Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского¹⁹.

Тесно связана с проблемами исторической географии и новая дисциплина, зарождение которой И.Л. Мининзон видит в произведениях Ключевского – *историческая экология*²⁰. Речь идет о взаимоотношениях природы и человека, роли природной среды в исторических и этноисторических процессах в России. Ключевским был детально разобран вопрос о влиянии природно-климатических условий на этнопсихологию русского крестьянина и преодолена бытовавшая до него тенденция негативно оценивать воздействие крестьянского хозяйства на природу.

Другая дисциплина, проблемы которой близко смыкаются с историко-географическими, – *этнография*. В первом томе “Курса русской истории”, как и в курсе методологии истории, находим формулировки задач исторической этнографии. Здесь же Ключевский рассматривает такие проблемы, как быт, культурные особенности, формы брака древних славян, разнородность племенных элементов, составивших Киевскую Русь, в связи с чем поднимается важнейший вопрос о Киевской Руси как колыбели русской народности, затем идет речь о “разрыве народности” и формировании малорусского и великорусского племен. Яркими красками описаны Ключевским быт и верования великоросса, даются образцы его фольклора, народных примет. Проблематика этнографии переходит здесь в область *фольклористики и паремиологии*. Так, изучая поговорки и приметы, связанные с церковным календарем, приспособленным русским крестьянином для обихода своего хозяйства (это “памятная книжка его наблюдений над природой и вместе дневник его дум над своим хозяйственным житьем-бытьем”), Ключевский пронизательно замечает, что “в этих наблюдениях, часто достававшихся ценой горького опыта, ярко отразились как наблюдаемая природа, так и сам наблюдатель... В приметах отлился весь он со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем; в них он и размышляет, и наблюдает, и радуется, и горюет, и сам же подсмеивается и над своими горями, и над своими радостями”²¹. Такой вывод предвосхищает методы новой научной дисциплины – *структурной паремиологии*, ставящей задачу в анализе всего корпуса паремий, составными частями которого являются пословицы и загадки, реконструировать модель мира, усваиваемую человеком, в чьем развитии эти паремии являются первыми культурными текстами²².

¹⁹ Аверьянов К.А. Проблемы исторической географии в работах учеников В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и современность: Тез. докл. на Всесоюз. науч. чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка. Пенза, 1991. С. 9–11. (Далее: Тезисы).

²⁰ Мининзон И.Л. Историко-экологические взгляды В.О. Ключевского и их развитие в Нижегородском (Горьковском) университете // Ключевский: Сб. материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 183–188.

²¹ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 311–313.

²² См.: Цивьян Т.В. Предисловие // Паремииологические исследования: Сб. статей. М., 1984. С. 7–12; Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Там же. С. 294–299.

Близко связанными с этими вопросами оказываются проблемы *исторической психологии*, о развитии которой в трудах Ключевского писал по другому поводу Н.А. Попов²³. Психологические проблемы, которых касался историк, были различными по широте – от этнопсихологии до индивидуальных психологических характеристик исторических деятелей. Как известно, Ключевский прославился художественным исполнением этих характеристик. Важнейшее значение для развития русской науки имело изучение “ментальностей” древнерусского человека и общества, начать которое Ключевскому позволило его повышенное внимание к психологической стороне исторического процесса. Им введены такие характеристики психологии русского народа, как чувство народного единства, или “общеземское чувство”, как любовное чувство к “старому Киеву с его князьями и богатырями, с его св. Софией и Печерской лаврой” в отличие от чувств к Москве, которую народ “немножко уважал и побаивался, но не любил искренно”, или к Петербургу, которого он “не любит, не уважает и даже не боится”²⁴. Ученым выявлены наклонности великоросса дразнить счастье, играть в удачу, привычка напряженно работать короткое время и непривычка трудиться ровно, размеренно и постоянно. В яркой афористической форме им очерчен характер великорусского крестьянина, сформированный одинокой борьбой с природой: “Великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда уже добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех; легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии... Своей привычкой колебаться и лавировать между неровностями пути и случайностями жизни великоросс часто производит впечатление непрямоты, неискренности. Великоросс часто думает надвое, и это кажется двоедушием. Он всегда идет к прямой цели, хотя часто и недостаточно обдуманной, но идет, оглядываясь по сторонам, и потому походка его кажется уклончивой и колеблющейся. Ведь *лбом стены не прошибешь, и только вороны прямо летают*, говорят великорусские пословицы”²⁵.

Об истории ментальностей в творчестве Ключевского писал Марк Раев. С этим направлением исследований соседствует изучение восприятия социальных и психологических особенностей одного народа представителями другого. В наши дни эта быстро развивающаяся дисциплина получила название *имагологии*. Е.В. Чистякова справедливо отметила, что у истоков развития этой дисциплины стояло замечательное исследование молодого Ключевского “Сказания иностранцев о Московском государстве как исторический источник”²⁶.

Более традиционные вспомогательные исторические дисциплины ученый разрабатывал во многих своих сочинениях, хотя и не включил их в список, вошедший в лекцию по источниковедению. Здесь прежде всего выделяется *метрология*, в первую очередь, история денежного обращения на Руси. Древнерусские денежные единицы обстоятельно рассмотрены в курсе терми-

²³ Попов Н.А. Вопросы исторической портретистики в трудах В.О. Ключевского // Там же. С. 231.

²⁴ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 203–205.

²⁵ Там же. С. 314–315.

²⁶ Чистякова Е.В. Образ России в “Сказаниях о Московском государстве” В.О. Ключевского // Тезисы. С. 157–159.

нологии, отдельному исследованию подвергся денежный счет Русской Правды, церковного устава Ярослава Мудрого²⁷. Внимательно изучен денежный счет в Псковской судной грамоте²⁸. Наконец, проблемам метрологии посвящена специальная работа “Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему”, в которой решалась оригинальная задача определения меновой стоимости старинного рубля. Об этом труде Черепнин писал: «По меткому замечанию Ключевского, известия о ценах в старинных документах – это “историографические загадки”, “шифрованное письмо, ключ к которому мы потеряли”. Работа Ключевского состоит в поисках такого ключа». Для этого пришлось просмотреть груды материала...исследование насыщено метрологическим материалом, указаниями на меры, значение которых он выясняет тщательно и кропотливо”²⁹.

Ключевский использовал метрологические данные для датировки возникновения Русской Правды. По мнению Чумаченко, его наблюдения над денежным счетом древнейших юридических памятников не потеряли интереса до наших дней³⁰. Любопытно отметить, что спорный тогда вопрос о “кожаных деньгах” историк решал компромиссом: он признавал существование и хождение и меховых, и металлических денег на Руси³¹.

Относительно меньше внимания уделил историк данным нумизматики. Как считает Черепнин, он вовсе пренебрег нумизматикой, вычисляя стоимость русского средневекового рубля. Однако уже в своей первой книге о сказаниях иностранцев Ключевский выделил особую главу “Монета”, где рассмотрел известия иностранцев XV–XVII вв. о кожаных и металлических деньгах – серебряной монете, медных пулах, иностранной золотой монете на Руси. В “Курсе русской истории” Ключевский характеризовал место диргема в русском денежном обращении, упоминал начало чеканки отечественной монеты, а при изложении финансовых предприятий московского правительства XVII в. дал весьма подробную характеристику монетной системы, сложившейся в России к середине этого века, рассказывая не только о взаимной стоимости и содержании драгоценного металла, но и о внешнем виде копеек, деньги, полушки, ефимка, а также медных денег³².

Касался историк и проблем археологии в старом смысле науки, изучающей памятники искусства. В вышедшей в 1872 г. “Русской истории” другой знаменитый ученый, К.Н. Бестужев-Рюмин, предупреждал, что обычное словоупотребление, ограничивающее задачи археологии только памятниками искусства, “весьма несправедливо”³³. В “Курсе русской истории”, например, Ключевский анализировал памятник прикладного искусства XV в., хранившуюся в Троице-Сергиевой лавре пелену, шитую великой княгиней Софьей Фоминичной, где она величает себя “царевною царегородскою” по прошествии 26 лет со времени приезда в Москву³⁴. К “археологической” тематике близка и блестящая характеристика черт русского быта, данная Ключевским в лекции “О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица”³⁵. Констатируя существенное отличие в поведении и внешней обстановке людей конца XIX в. от людей старых времен, когда “лицо тонуло в общест-

²⁷ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 216–219, 257–258, 263–264; Соч. Т. 6. С. 256–275.

²⁸ Ключевский В.О. Соч. Т. 6. С. 109–110.

²⁹ Неопубликованный доклад Л.В. Черепнина... С. 340.

³⁰ Чумаченко Э.Г. Указ. соч. С. 146.

³¹ Там же. С. 137.

³² Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 153–154, 217–218; Т. 3. С. 223–225.

³³ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 14.

³⁴ Ключевский В.О. Соч. М., 1956. Т. 2. С. 121.

³⁵ Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. 8. С. 295–305.

ве, в сословии, корпорации, семье, должно было своим видом и обстановкой выражать и поддерживать не свои личные чувства, вкусы, взгляды и стремления, а задачи и интересы занимаемого им общественного и государственного положения”, историк намечал пути исследования *социального этикета*, которое развернулось уже во второй половине XX в. параллельно с изучением этикета литературного³⁶.

В источниковедческом курсе среди трудностей, подстерегающих исследователя древнерусских памятников, Ключевский раскрывает и проблемы летописной *хронологии*³⁷. Хронологическую перебивку в летописных сводах он связывает с методами работы книжника-сводчика, который “не стеснялся с непоследовательностью хронологических дат: августовские события рассказывались прежде июньских, потому что в таком порядке они попадали на его глаза при своде. В такой перебивке не могли уцелеть указания летописи на свойство и происхождение событий”. Историк замечал, что это усугублялось и различием стилей летосчисления у древних летописцев, конфликт мартовского и сентябрьского годов запутывал сводчиков. Он приводит цитату из “Тверской летописи” (на деле Ростовского свода 1534 г.), составитель которой сетовал на затруднения, к каким привело его различие летосчислений в древних летописях. По мнению Ключевского, одна из основных задач критической обработки исторического материала, заключающегося в летописных сводах, – задача хронологическая: восстановить запутанную в сводах хронологическую связь событий, что позволит уяснить и внутреннюю историческую связь данных событий.

При изучении истории государевой Думы проявился интерес Ключевского к *генеалогии*. Помимо докторской диссертации он рассматривал проблемы генеалогии и в лекционных курсах. Об этом появилась специальная работа С.Ю. Шокарева³⁸. В дополнение к ней можно сказать, что Ключевский ввел ряд понятий, до сих пор не вполне усвоенных в этой дисциплине. Он говорил о “генеалогических слоях”, “генеалогическом складе” московского боярства, “генеалогической федерации” (противопоставляя ее политической), “генеалогической территории”, даже о “генеалогической фикции”³⁹. Им обоснованы некоторые закономерности, например, “очередной порядок княжеского владения основан на соответствии двух лестниц: генеалогической и территориальной”; “чин определялся принадлежностью лица к известному генеалогическому слою служилого класса”⁴⁰. Ключевский проанализировал множество генеалогических источников, включая родословные, разрядные и боярские книги, “Государев родословец”, “Генеалогию Рюрика”. По мнению Шокарева, многое в наследии Ключевского можно рассматривать как идеи важнейшие для генеалогии и ее теории.

Ряд научных дисциплин получили свой отдельный статус уже после того, как закончились труды нашего знаменитого историка. Другие дисциплины существовали в его время отдельно, но не воспринимались как “вспомогательные исторические”. Тем не менее проблематику этих дисциплин можно выделить в творчестве Ключевского. Такова, например, *история русского права*, преподавание которой в университетах велось уже с начала XIX в. О значительном творческом вкладе историка в изучение данной научной об-

³⁶ Ср.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; 3-е изд., доп. М., 1979; Кобрин В.Б., Леонтьева Г.А., Шорин П.А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984. Гл. VIII.

³⁷ Ключевский В.О. Соч. Т. 6. С. 9–11.

³⁸ Шокарев С.Ю. В.О. Ключевский как генеалог // Ключевский: Сб. материалов. С. 335–342.

³⁹ Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 185, 201, 388.

⁴⁰ Там же. С. 186–187, 455.

ласти упоминали Г.Д. Садовникова и А.Н. Медушевский⁴¹. Историко-правовая тематика пронизывает не только монографические исследования Ключевского, но и специальные курсы по истории сословий в России, по терминологии русской истории, где детально рассмотрены правовое положение различных категорий населения, организация разных ступеней власти и управления, органы и обычаи судопроизводства. По сути дела, историко-правовой аспект оказался преобладающим и в семинарских занятиях ученого по разбору текстов Русской Правды и Псковской судной грамоты, записи которых опубликованы⁴². Вопрос о трактовке Ключевским истории русского права упирается в сложную историографическую проблему его взаимоотношений с “государственной школой” в русской исторической науке.

Тесно связана с историей права *история государственных учреждений*. Историография этой дисциплины остается слабо разработанной. Говорится обычно о вкладе в нее А.Д. Градовского, В.И. Сергеевича, М.Ф. Владимирского-Буданова, Ф.И. Леонтовича, однако забывается о том, что в начале XX в. курсы истории государственных учреждений в России читали А.Е. Пресняков, Н.И. Бородин, М.А. Дьяконов. Не привлекала внимания и роль Ключевского в изучении историко-учрежденческих проблем, хотя его докторская диссертация “Боярская дума в Древней Руси” самим названием свидетельствует о соответствующей направленности, а блестящие характеристики в “Курсе русской истории” приказной системы, земских соборов, местного управления после Смуты и пр. стали несомненно новым словом в данной дисциплине и оказали серьезное влияние на ее дальнейшее развитие. Интереснейшие учрежденческие сюжеты подняты Ключевским в курсе терминологии русской истории⁴³. Тема о Ключевском – историке государственных учреждений была заявлена С.Е. Князьковым, но развития пока не получила⁴⁴.

Примыкает к проблематике истории учреждений *история делопроизводства*, не сводящаяся к дипломатике, предмет которой – изучение внутренней формы документов. Здесь Ключевским детально исследовались, например, процесс составления Соборного уложения и указных книг, ход бумаг на земских соборах⁴⁵. Им даны меткие характеристики некоторых результатов московского бумаготворчества, вскрывающие их подлинный смысл. Так, о “челобитье всяких чинов людей” – официальном поводе к составлению Уложения – историк писал, что это “приказная подделка под народную волю”, которая “стала своего рода политической фикцией, сохранившейся для известных случаев доселе в виде пережитка с чисто условным значением”⁴⁶. Яркая характеристика приказного делопроизводства дана в курсе терминологии русской истории: здесь и древнерусский подьячий, которому “не нужно было стола: лоскуток [бумаги] лежал на коленях, чернильница висела на шее, и так он строчил с необыкновенной быстротой, как говорят наблюдатели”. Здесь и спесивый дьяк, резолюции которого писаны “невозможным почерком; тут нет ни каллиграфии, ни даже простого умения выводить буквы; может быть, некогда дьяки писали так нарочно, для большей важности. Эти резолюции

⁴¹ Садовникова Г.Д. Идеи правового государства в трудах В.О. Ключевского // Тезисы. С. 123–127; Медушевский А.Н. В.О. Ключевский и русский конституционализм // Ключевский: Сб. материалов. С. 157–169.

⁴² Ключевский В.О. Соч. Т. 6. С. 88–128.

⁴³ Там же. С. 183–237.

⁴⁴ См.: Князьков С.Е. История государственных учреждений допетровской России в трудах В.О. Ключевского // Тезисы. С. 90.

⁴⁵ Ключевский В.О. Соч. Т. 3. С. 135–142, 195–200.

⁴⁶ Там же. С. 134.

дьяков – истинное бедствие для читателей древнерусских актов; обыкновенно такую резолюцию на две трети ее содержания прочтешь лишь по догадке”⁴⁷.

Существенный вклад внес Ключевский в изучение таких областей исторического знания, которые имели тенденцию выделяться в качестве особых дисциплин не по своему отношению к источникам, а главным образом в плане научных коммуникаций (отдельно преподавались и обсуждались и т.п.). Здесь можно назвать *историю Русской церкви*. К этой области знания ученый испытывал особое тяготение уже в силу своего происхождения и первоначального образования, а также и по той причине, что долгие годы преподавал в Московской духовной академии. В исследовании большой темы о Ключевском как историке Русской церкви появляются уже некоторые частные достижения⁴⁸. Однако систематически эта тема еще не изучалась, что приводит подчас к странным результатам. Так, недавно опубликован большой сборник произведений Ключевского по историко-церковной тематике, но составители не снабдили издание каким-либо предисловием или редакционной статьей⁴⁹.

Хорошо известна та определяющая роль, какую придавал Ключевский социально-экономическому фактору в историческом процессе. В его творческом наследии немало специальных работ по *экономической истории* России, огромное внимание уделяется экономическим фактам и явлениям в лекционных курсах. Это направление исследований историка, стоявшего у истоков формирования экономической истории как специальной научной дисциплины, давно и обстоятельно изучено в историографии⁵⁰. Показательно, что такие ученики В.О. Ключевского, как Н.А. Рожков, М.Н. Покровский занялись специальной разработкой проблем социальной и экономической истории России.

При изучении экономической тематики Ключевский широко использовал статистические материалы и внес существенный вклад в становление *статистики* как дисциплины, вспомогательной по отношению к исторической науке. Ученым были разработаны новые для своего времени методы анализа статистических источников и извлечения статистических данных из средневековых документов. При этом он предупреждал о необходимости критического отношения к показаниям средневековых источников и крайне осторожного использования их данных в статистических выкладках. Так, в рецензии на работу Н.А. Рожкова “Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.” Ключевский писал: “В писцовых книгах и отдельных грамотах, уцелевших от XVI в., исследователь сельского хозяйства находит дефективные, отрывочные данные, недостаточные для полного изучения предмета, и принужден рассматривать явления сквозь этот тусклый просвет, не дающий им всестороннего освещения. Эта неполнота материала иногда вынуждала автора случайные местные явления возводить в общий факт, предположения в положения, из недостаточных данных делать решительные выводы”⁵¹.

⁴⁷ Ключевский В.О. Соч. Т. 6. С. 237.

⁴⁸ Ср: Молзинский В.В. Русский старообрядческий раскол в оценке В.О. Ключевского // Ценностный мир русской культуры. СПб., 1995; Антощенко А.В. Два взгляда на старообрядчество: В.О. Ключевский и А.В. Карташев // Культура: Соблазны понимания. Петрозаводск, 1999. Ч. 2; Он же. Ключевский о церковном расколе в России XVII в. // ОИ. 1999. № 3.

⁴⁹ Ключевский В.О. Православие в России. М., 2000.

⁵⁰ См.: Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань, 1922; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 450–451; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 2. С. 146–170.

⁵¹ Ключевский В.О. Соч. Т. 8. С. 383.

Важнейшей наукой, необходимой для исторического исследования, всегда считалась филология. В российских университетах XIX в. не случайно существовали историко-филологические факультеты. Об интересе и внимании Ключевского к проблематике филологии писали Л.В. Балахонская, Ф.И. Гордеев, Г.Е. Горланов, Н.Ф. Мокшин, И.Ф. Шувалов и др. Можно выделить некоторые филологические дисциплины, данные которых ученый использовал в своих трудах. Здесь русская *историческая фонетика*, данные о говорах Киевской Руси, наречиях новгородском, владимирском и московском, сравнительный анализ которых помогает ученому уточнить источники формирования антропологического типа великоросса⁵². Здесь и *лингвистика* древнерусского языка, которую Ключевский иногда называл “лингвистической палеонтологией” и за незнание которой горько упрекал некоторых авторов рецензируемых им работ. Здесь и *лексикология*, главное внимание в ней ученый уделял *терминологии*, разработке которой на материале древнерусских источников он посвятил целый лекционный курс⁵³. Можно было бы вспомнить и блестящий лингвистический анализ Ключевским термина “кормление”, где он сопоставил этимологическое происхождение и историческое значение слова, приводя параллели из славянских и романских языков⁵⁴. Здесь и часто встречающиеся в связи с изучением исторической географии и этнографии данные *ономастики* и *топонимики*. Этнолингвистические наблюдения ученого во многом опередили современную ему науку⁵⁵.

В те годы, когда работал Ключевский, не получила еще названия *текстология*, но весьма впечатляюще выглядят результаты анализа текстов древнерусских летописей и хронографов, списков и редакций Русской Правды, приведенные в лекционных курсах историка. Изучая же в своей магистерской диссертации такой специфический источник, как жития русских святых, Ключевский стал основоположником научной *агиографии*, впервые представив ученому миру не только археографический очерк житийных памятников, но и историю агиографического жанра в русской литературе в его связях с историей умственного и нравственного развития русского народа⁵⁶.

Приведенный перечень научных дисциплин, использованных в произведениях Ключевского, не может считаться окончательным. Мы видели, как та или другая область изучения со временем формировалась в отдельную дисциплину (например, текстология, имагология). В научном мире нет единства по вопросам современного состава специальных (вспомогательных) историко-филологических дисциплин и их систематизации. Можно полагать, что более тщательное чтение трудов Ключевского и его рукописных материалов позволит выявить и другие специальные дисциплины, данные которых им использовались. Однако уже и теперь напрашивается вывод, что круг этих дисциплин был необычайно широким, что было новым явлением для второй половины XIX в., когда отнюдь не все они были в равной мере разработаны, и вовсе не заурядным явлением было использование их данных в построениях историков.

Повышенное внимание Ключевского к данным вспомогательных исторических дисциплин объяснялось рядом причин. Привлечение широкого круга

⁵² Ключевский В.О. Соч. Т. 1. С. 297–300.

⁵³ Ключевский В.О. Соч. Т. 6. С. 129–275.

⁵⁴ Ключевский В.О. По поводу статьи Д.Голохвастова «Историческое значение слова “кормление”» // Соч. Т. 7. С. 429–438.

⁵⁵ Гордеев Ф.И. В.О.Ключевский и волжско-финские народы // Тезисы. С. 42–45.

⁵⁶ См. предисловие В.Л. Янина и А.И. Плигузова в переиздании монографии: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

этих дисциплин с их разнообразными познавательными инструментами обеспечивало тщательное исследование источников, создавало то источниковедческое мастерство, каким прославился наш знаменитый ученый. Кроме того, значение этих дисциплин уже во второй половине XIX в. выходило за рамки их вспомогательно-источниковедческой роли в исследовании. Дело шло к пониманию предметов многих из них как отдельных областей истории культуры. Такое понимание развилось уже на рубеже XIX–XX вв., но эмпирически ученые подходили к нему и ранее. Ключевский был одним из тех, кто создавал новый подход к построению отечественной истории. В его изложении этой истории на смену фактологии (характерной, например, для “Истории” С.М. Соловьева) приходят проблемы, обосновываемые на фактическом материале. Кроме того, для Ключевского характерно пристальное внимание к “культурной истории”, к жизни народа, которую мы сегодня ассоциируем с “историей повседневности”. Внимание к Ключевскому как к *историку культуры* зародилось еще в 1930-х годах, однако опубликованная тогда статья Г.П. Федотова осталась недоступной для отечественного читателя до 1991 г.⁵⁷ Возобновилось это внимание в последние годы в работах Б.И. Краснобаева, С.О. Шмидта, С.А. Мезина⁵⁸.

Естественным было стремление Ключевского, опираясь на данные вспомогательных дисциплин, показать все доступные исследованию стороны русской истории, жизнь в различных ее аспектах, с помощью различных способов этого показа. Таким образом, в трудах историка зарождались междисциплинарные подходы к изучению прошлого русского народа. Многообразные краски с палитры вспомогательных исторических дисциплин давали в творческом перевоплощении Ключевского яркую kaleidosкопическую картину родной истории, которая восхищала его слушателей и не перестает пленять отдаленных во времени читателей.

⁵⁷ Федотов Г.П. Россия Ключевского // Наше наследие. 1991. № 3.

⁵⁸ См.: Краснобаев Б.И. В.О. Ключевский о русской культуре XVIII–XIX веков // ИСССР. 1981. № 5; Шмидт С.О. Ключевский и культура России // Ключевский: Сб. материалов; Мезин С.А. В.О. Ключевский как историк русской культуры X–XVII веков // Там же.

ЛИЦЕВОЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД XVI ВЕКА: УРОКИ ИСТОРИОГРАФИИ*

Открытие В.Ф. Покровской, версия Т.Н. Протасьевой и взгляды А.А. Зимина породили эклектичную концепцию Б.М. Клосса¹, полагавшего, что тексты Синодального тома и Царственной книги, правленные редактором, не пересекаются и при соединении образуют почти непрерывное изложение, а по сему: Ц – не что иное как лицевая летопись за 1533–1542 гг, а С – за 1535–1542, 1542–1553 (листы с описанием этих событий вошли в Ц) и 1553–1567 гг. Клосс отнес правку С и работу над Ц к 1570 г. (от момента возвращения Ивана Грозного из Новгорода и до казни И.М. Висковатого, руководителя работы по составлению ЛС и автора приписок). В основе такого вывода лежит *предположение о зависимости С от списка Оболенского НЛ²*, разметка которого воском (подобная разметке “Истории Иудейской войны” по Соловецкому списку) и карандашом выявлена Клоссом³. Но приписки в списке Оболенского, датируемые им 1570-ми годами, в С не вошли. Для подкрепления этого предположения его автору пришлось предложить методику “усреднения” датирования бумаги раннего и позднего происхождения. Водяные знаки бумаги, появившейся в 50-х годах, и бумаги конца 70-х годов XVI в. дают основание, по мнению Б.М. Клосса, датировать весь корпус 60-ми годами.

Возможно, что причиной для поиска такого обоснования стало влияние А.А. Зимина, исследователя весьма авторитетного. Здесь повторилась уже упомянутая мной ситуация с А.Е. Пресняковым, когда молодой исследователь, датируя Ц и не считая себя в полной мере компетентным в палеографии, положился на мнение А.И. Соболевского: “Палеографические данные... не оставляют сомнений, что эта рукопись относится ко второй половине и даже к концу XVII века”⁴. Теперь же, вопреки объективным показаниям филигранологии, Б.М. Клосс поддался обаянию специалиста в истории политической и принял его мнение, подведя базу “теоретическую” и довольно (как позже покажет исследование А.А. Амосова) зыбкую.

Представления исследователя вызвали аргументированные возражения прежде всего об использовании списка Оболенского (напомню: еще Д.Н. Альшиц аргументированно писал о том, что ни один из дошедших до нас списков Никоновской летописи не может считаться источником Синодального тома) еще до выхода в свет монографии⁵. Действительно, версия о прямом копировании текста Никоновской летописи в ЛС не находит подтверждения при непосредственном сопоставлении. Разночтения обеих летописей значительны: в ЛС есть многочисленные заголовки, отсутствующие в списках Ни-

* Окончание. Начало см.: АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 52–65; АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 42–55.

¹ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 206–265.

² РГАДА, Ф. 201, № 163.

³ Клосс Б.М. Указ. соч. С. 209–214.

⁴ Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение // Записки историко-филологического факультета императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1893. Т. 31. С. 6.

⁵ Амосов А.А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного // Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. М., 1982. С. 110.

коновской летописи XVI в., обильно встречаются уточнения дат событий, ошибочно приведенных в списках Никоновской летописи, и целые фразы, не зафиксированные в списках Никоновской. Поэтому логичнее всего следует предположить существование специального чернового текста ЛС. Порой же в лицевой летописи встречается столь сложная компоновка текста, что иная версия исключена. Так, текст статьи “О велице князе Александре Ярославиче” следует попеременно за Степенной книгой, НЛ и Воскресенской летописями, а затем вновь за Степенной книгой, НЛ и Воскресенской (при этом смена текста источника происходит на полужфразе). Но следующие статьи не находят полного соответствия ни в одном их прямых источников ЛС и являются, вероятно, расширенным пересказом известий НЛ⁶.

Отдельные части ЛС были подвергнуты тщательному текстологическому и литературоведческому анализу С.А. Морозовым, который выделил статью Ц о последних днях жизни Василия III в самостоятельную Повесть о болезни и смерти Василия III, а знаменитую приписку о болезни царя – в Повесть о болезни Ивана Грозного в марте 1553 г. Исследователю удалось доказать, что первая из названных повестей входила в первоначальный вариант (он сохранился в Александро-Невской летописи) лицевой истории царствования Ивана Грозного. Но источником ее был *Новгородский свод 1539 года* (а не Софийская II летопись, как полагал А.Е. Пресняков), который дополнялся вставками из НЛ и Степенной книги. Затем первичный (вероятно, беловой и иллюстрированный) текст, как и вся летопись, был подвергнут правке и, таким образом, *Ц содержит вполне самостоятельную редакцию Повести*⁷.

Анализ Повести о болезни Ивана Грозного в марте 1553 г. позволил С.А. Морозову выделить “*достоверный исторический источник, наглядно рисующий события 11–12 марта 1553 г.*” (выделено мной. – В.М.), *основанный на личных наблюдениях* (первая редакция Повести). Автором ее С.А. Морозов назвал И.М. Висковатого. В Повести можно выявить *слой информации, основанный на недошедших до нас показаниях И.П. Федорова и Л.А. Салтыкова, восходящих к следственному делу С.В. Звяги Лобанова-Ростовского*⁸. Письменный источник лежал в основе приписки в Ц о пожаре в Москве в 1547 г.⁹ Именно он стал источником также Первого послания Ивана Грозного А.М. Курбскому и версий рассказа об убийстве Ю.В. Глинского в Хронографической летописи и Летописце начала царства 1-й редакции¹⁰.

⁶ Подробнее об этом см.: *Амосов А.А., Морозов В.В.* Методика исследования или заданность выводов? (Размышления по поводу датировки рукописей Лицевого летописного свода Ивана Грозного) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 72–74.

⁷ *Морозов С.А.* Повесть о смерти Василия III и русские летописи // Теория и практика источниковедения и археологии отечественной истории. М., 1978. С. 61–77; *Он же.* Опыт литературоведческого анализа “Повести о болезни и смерти Василия III” // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 87–98.

⁸ *Морозов С.А.* Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1978 (использован черновой экземпляр, полученный у автора); *Он же.* К вопросу о методике анализа приписок в так называемой Царственной книге // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс: Московская городская конференция молодых ученых, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. М., 1977. С. 241–242; *Он же.* К вопросу о методике анализа интерполяции в Царственной книге // Конференция по истории средневековой письменности и книги: К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 60.

⁹ *Морозов С.А.* О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 114–119.

¹⁰ Там же. С. 118.

Остающаяся открытой проблема авторства интерполяций С и Ц привлекла внимание И.В. Курукина, основывавшегося не на анализе опубликованного текста, а на сопоставлении почерка приписок с автографами известных дьяков 60–80-х годов XVI в. (И.М. Висковатого, А. Васильева, А.Я. и В.Я. Щелкаловых и др.). Вывод исследователя для сторонников раннего датирования (Н.Е. Андреев, А.А. Зимин, Б.М. Клосс, видевших в И.М. Висковатом автора приписок) печален: *приписки сделаны не рукой И.М. Висковатого*¹¹.

К сюжетам, связанным с интерпретацией миниатюристами ЛС событий далекого прошлого, обращался А.В. Чернецов¹², исследования которого показали не только интерес составителей ЛС к отечественной истории, на чем настаивал А.А. Арциховский¹³, но и чужеземной. Любопытно и то, что миниатюристы, идя вслед за обличающим текстом, могли изображать и далеко не канонические (и даже прямо запрещенные) иконные сюжеты. Чернецов обнаружил в миниатюрах ЛС *проявление сложного двойственного отношения к конфликтам языческой Руси и христианской Византии, противоречие между христианским характером русского летописания и наличием в его составе панегириков языческому князю*, которое, в известной мере, издавна ощущалось древнерусскими книжниками.

Изучение миниатюр порой позволяет прояснить и некоторые важные вопросы политической истории. Так, рассматривая две серии изображений о регалиях, якобы полученных Владимиром Мономахом (царское место в Успенском соборе Московского Кремля и миниатюры Голицынского тома ЛС, привлекалось и описание погибших фресок Золотой палаты), выяснилась “маловыразительность трактовки легенды”, причиной чему могла быть утрата ко времени работы над ЛС актуальности “основного мотива легенды (обоснование притязаний на царский титул)”, тогда как особенностью резной композиции трона (1551 г.) стало отождествление облика великого князя киевского и византийского императора¹⁴.

Миниатюры ЛС привлекли внимание С. Петковича, так как в них зафиксировано восприятие русскими мастерами (прекрасно знавшими монастырский быт) своих западных братьев и по этносу, и по общим судьбам, и по религии (кроме того, родство Ивана Грозного с сербскими деспотами даже позволило включить их изображения, а также сербских святых, в портретный цикл родовой усыпальницы московских великих князей)¹⁵. Впро-

¹¹ Курукин И.В. О методике изучения приписок в Лицевом летописном своде // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс. С. 239–240.

¹² Чернецов А.В. Об одном изображении Юстиниана I (XVI в.) // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 79–93; *Он же*. Сивиллина книга на миниатюре XVI в. (К вопросу о специфических чертах городской культуры древней Руси) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 264–270; *Он же*. Иллюстрации к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XXXVIII. С. 231–240; *Он же*. Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIV. С. 422–442.

¹³ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 155.

¹⁴ Морозов В.В., Чернецов А.В. Легенда о мономаховых регалиях в искусстве Москвы XVI в. // Рим, Константинополь, Москва: Сравнит.-ист. исследование центров идеологии и культуры до XVII в.: VI Международный семинар исторических исследований “От Рима к Третьему Риму”. Москва, 28–30 мая 1986 г. М., 1997. С. 367–372.

¹⁵ Сизов Е.С. “Воображены подобия князей”: Стенопись Архангельского собора Московского Кремля // Публикация одного памятника. Л., [1968]. Вып. 3; *Сретен Петковић*. Иван Грозни и култ кнеза Лазара у Русији // Сборник О кнезу Лазару. Београд, 1975. М. С. 311–319; *Он же*. Свети Сава Српки у старом руском, румунском и бугарском сликарству // Сборник Сава Неманић – свети Сава, историја и предање. Београд, 1979. С. 361–263; *Он же*. Илустрацији живота деспота Стефана Лазаревића у руском рукопису XVI в. // Сборник за ликовне уметности. 1982. № 18. С. 53–69.

чем, интерес пока лишь иллюстративный, ввиду явного отсутствия индивидуализации¹⁶.

Рассказ ЛС о митрополичестве Григория Цамблака, “родом болгарина”, в Киеве привлек внимание Н. Дончевой-Панайотовой, посчитавшей его сведения “първостенните по важност извори за писателя” и подробно описавшей миниатюры¹⁷.

Длительное время проблемами, связанными с ЛС, занимается и автор данной статьи. Уже в первой из опубликованных работ мной был поставлен вопрос о приоритетах, стоящих перед исследователем ЛС. А ответ на него определил тематику исследования: сколь ни ценны приписки “для правильного понимания московского официального летописания”, они все-таки лишь ничтожный фрагмент грандиозного труда составителей ЛС (свыше 10 тыс. листов и 16 тыс. миниатур)¹⁸. Затем последовательно были рассмотрены источники ЛС: Степенная книга¹⁹, Постниковский летописец²⁰, Летописец начала царства²¹, *Свод 1560 года*²², Новгородский Свод 1539 года²³, *Свод 1568 года*²⁴. Если в первых четырех статьях рассмотрены дополнительные источники (Постниковский летописец и Летописец начала царства привлечены уже при переработке первого варианта истории царствования Ивана Грозного), то в двух последних речь шла об основном источнике. В целом же была выявлена достаточно репрезентативная история складывания кодекса ГИМ, Син.149²⁵.

Действительно, Никоновская летопись может быть признана источником ЛС только в ее древнейшей части (заканчивается известием о посылке Бориса Голохвастова в Турцию в 1520 г.²⁶), если считать список Оболенского оригиналом летописи. Продолжение летописи (с л. 940) написано на бумаге с другими водяными знаками и другим почерком. Лист 939 ветх и потерт, что свидетельствует о длительном бытовании кодекса, завершившегося этим листом (следующий, четный, предположительно утрачен). В свою очередь и в Патриаршем списке (БАН, 32.14.8) НЛ в изложении этих событий (л. 731) очевиден палеографический рубеж: далее “следует чистая страница, а с л. 732 на другой бумаге и другим почерком писаны статьи, тождественные Воскресенской летописи”, по непосредственное продолжение статьи в списке Обо-

¹⁶ *Сретен Петковић*. Свети Сава Српски... С. 365.

¹⁷ *Дончева-Панайотова Н.* Руският илюстриран летописен свод от XVI век за Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа. 4. Четврти международен симпозиум Велико Търново, 17–18 октомври 1985 г. Културно развитие на българската държава. Краят на XII–XIV век. [Търново], 1985. С. 76–84.

¹⁸ *Морозов В.В.* Летопись или приписки? (К вопросу о методике изучения последних томов Лицевого летописного свода XVI век) // Великий Октябрь и всемирно-исторический процесс... М., 1977. С. 245–246.

¹⁹ *Морозов В.В.* Царственная книга и книга Степенная царского родословия // Конференция по истории средневековой письменности и книги... С. 58–59.

²⁰ *Морозов В.В.* Царственная книга и Постниковский летописец // Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. С. 78–86.

²¹ *Морозов В.В.* Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства) // Летописи и хроники: Сб. статей 1984. М., 1984. С. 75–87.

²² *Морозов В.В.* Об одной забытой летописи (Свод 1560 года) // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья: Сб. статей. М., 1982. С. 25–33.

²³ *Морозов С.А.* Летописные повести... С. 11; *Он же.* Об источниках Лицевого летописного свода XVI века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1987. С. 49–60.

²⁴ *Морозов В.В.* Летописец 1568 года (Атрибуция и состав) // Русская книжность XV–XIX вв. / ТГИМ. М., 1989. Вып. 71. С. 155–163.

²⁵ *Морозов В.В.* Царственная книга. История формирования кодекса: XVI–XVIII вв. // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики / ТГИМ. М., 1987. С. 51–56.

²⁶ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. 36. Примеч. 4.

ленского заимствовано именно из списка Патриаршего²⁷. Таким образом, становится очевидным, что так называемая НЛ представляет собой конволют, а потому Б.М. Клосс устанавливал личность редактора НЛ (митрополит Даниил) и рассматривал общественно-политические взгляды ее составителя, беря верхним пределом 1520 г., что вполне обосновано. Далее текст списка Оболенского сходен с текстом Воскресенской летописи, но крайне дефектен (ошибки, пропуски и т.д.) и не мог служить источником Синодального тома, дающим лучшие чтения, что было отмечено еще А.Е. Пресняковым²⁸.

Но еще раньше А.А. Шахматов поставил вопрос об источнике ЛС для повествования о событиях 1520–1567 гг. и предложил существование такового, доведенного до 1560 г., указывая при этом на Карамзинский список (РНБ, F.IV.601) Воскресенской летописи, протограф которого был “очевидно подлинною летописью официальной”²⁹. Этот гипотетический протограф, в отличие от реальной летописи³⁰, и было предложено назвать Сводом 1560 года. Для известий 1560–1567 гг. (предполагается существование какого-то палеографического “рубежа”) предложено принять версию о существовании Свода 1568 года³¹.

Затем была предпринята попытка решения проблемы взаимоотношений ЛС и его копии XVII в. на основе сопоставления всех без исключения изменений первоначального варианта истории царствования Ивана Грозного, сохраненного в копии, а также редакторских приписок, зачеркиваний и повторных листов, добросовестно сохраненных копиистами. Сравнение ЛС с Александровской и Лебедевской летописями показало сохранение в копии киноварных заголовков и инициалов, что позволяет восстановить утраченные фрагменты с точностью до листа. На основании анализа можно утверждать, что *копия XVII в. фиксировала текст только первого варианта лицевой летописи с редакторской правкой, но беловых листов нового варианта копии не знала*³².

В результате выявления заимствований в ЛС из Степенной книги и Воскресенской летописи, намечены основные тенденции составителей лицевой летописи. Степенная стала источником статей о споспешествовании небесных сил роду российских “богоизбранных самодержцев”; о “лукавых умышлениях” Новгорода, его еретичестве и отступлении от крестоцелования великому князю; неверности братии московского государя. Из Воскресенской заимствованы статьи с похвалами предкам Ивана Грозного, их послушанию “от божественных писаний”, обличениями Новгорода, заступничеству за простых людей и обличению удельных князей, творящих “велико зло в Руской земли”³³. Широкое привлечение различных по характеру источников³⁴ позволило составителям ЛС скомпоновать небывалое дотоле произведение, которое А.Е. Пресня-

²⁷ Клосс Б.М. Указ. соч. С. 23.

²⁸ Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // Изв. ОРЯС. СПб., 1900. Т. 5, кн. 3. С. 868.

²⁹ Шахматов А.А. Критический отзыв на работу Н.П. Лихачева “Палеографическое значение бумажных водяных знаков” // Изв. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1478–1481.

³⁰ См. раздел “Основные понятия: летописный свод, летопись, летописец, редакция летописи” // Лихачев Д.С. Текстология: на материале русской литературы X–XVII вв. М., 1962. С. 351–357.

³¹ Морозов В.В. “История Грозного” в летописании современников. (Опыт первичной формализации) // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. Сб. статей. М., 1986. С. 98–106.

³² Амосов А.А., Морозов В.В. Методика исследования или заданное выводов? С. 78–89.

³³ Морозов В.В. Лицевой летописный свод XVI в. и его источники. (Об одной историографической легенде) // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. М., 1986. С. 128–142.

³⁴ О приемах их компоновки см.: Морозов В.В. Практическая археография книжника средневековья (Из опыта изучения Лицевого летописного свода XVI в.) // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 59–68.

ков спустя три века назвал “исторической энциклопедией”. Вместе с тем ЛС стал и самым полным из когда-либо существовавших собраний летописных повестей, своего рода антологией. В его состав вошло не менее трех десятков крупных сказаний, повестей, житий, легенд, известных исследователям и в самостоятельном бытовании, т.е. вне летописного текста. При этом для многих из них были составлены специальные редакции ЛС. Уже только данное обстоятельство должно было изменить жанровые особенности летописи.

Составители ЛС знали Степенную книгу, из которой в ЛС заимствовали не менее 30 крупных фрагментов. Они хорошо усвоили особенности нового жанра “исторической” литературы с его биографизмом, пронизанным аллегоричностью и художественной фантазией³⁵ и попытались подчинить его нормам свой труд. Не останавливаясь подробно на данной проблеме, отмечу лишь вывод: “заимствования, привносимые в ЛС, меняли его жанровый характер, окончательно закрепляли превращение летописи-”погодника” в четью (предназначенную для чтения) книгу, собрание историй царств и княжений древних и современных, в иных странах и на Руси”³⁶.

Традиционное представление: ЛС – лицевая (иллюстрированная) копия Никоновской летописи, не только ошибочно, но и чревато ущербностью: коль скоро Никоновскую летопись составляли в конце 1520-х годов³⁷, а ЛС – в конце 1570-х³⁸, то *атрибуция ЛС как лицевой копии Никоновской, “Никоновской с рисунками”, исключает пятидесятилетие развития летописания*. Между тем, “руководствуясь идеей об особой роли Российского государства, составители ЛС перекраивали исходный материал” располагаемых ими источников³⁹. Автор настоящей статьи попытался раскрыть тенденции составителей ЛС и эволюцию в их понимании истории “государства Российского царствия” в сравнении с НЛ⁴⁰: “Составители ЛС, по-своему интерпретируя прошлое “государства Российского царствия”, немало потрудились, чтобы доказать предопределенность его исторического восхождения, обусловленную спешествованием небесных сил, и вечность, неизбежность его побед на предначертанном свыше пути. Главным же аргументом должна была стать идея “богоизбранности” “царства”, персонифицированного в роде его государей”⁴¹.

Частные темы, связанные с миниатюрами, отражением в них реалий и этикетных представлений рассмотрены в серии статей⁴².

³⁵ Подробно об этом см.: *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 86–103.

³⁶ *Морозов В.В.* От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду. (Развитие жанра и эволюция концепции) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIV. С. 255.

³⁷ *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 51.

³⁸ *Амосов А.А.* Лицевой летописный свод... С. 198.

³⁹ *Морозов В.В.* От Никоновской летописи к Лицевому летописному своду. С. 261

⁴⁰ Там же. С. 257–268.

⁴¹ Там же. С. 261.

⁴² *Морозов В.В.* Иван Грозный на миниатюрах Царственной книги // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 232–240; *Он же.* Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. XXXVIII. Взаимодействие древнерусской литературы и изобразительного искусства. С. 520–536; *Он же.* Миниатюры жития Сергия Радонежского из Лицевого летописного свода XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. 1985. М., 1987. С. 71–87; *Он же.* О некоторых аналогиях истории Болгарского и Русского государств в их взаимоотношениях с Византией // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма: Сб. тезисов. М., 1988. С. 38–40; *Он же.* О пространственных построениях в русском искусстве XVI в. // Методы изучения источников по истории общественной мысли периода феодализма. Сб. статей. М., 1989. С. 147–161; *Он же.* Этикет реальный и этикетность искусства: русский дипломатический церемониал // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 265–280. *Он же.* Южные славяне на миниатюрах Лицевого летописного свода // Известия на народната библиотека “св. св. Кирил и Мефодий”. София, 1992. Т. XX/XXVI. С. 67–80; См. также: *Морозов В.В., Чернецов А.В.* Легенда о Мономаховых регалиях в искусстве Москвы XVI в.

Огромный вклад в изучение ЛС внес А.А. Амосов, защитивший докторскую диссертацию (“Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Опыт комплексного источниковедческого исследования”) в 1991 г., в которой подведен итог более чем двухвековому обращению историков к памятнику. Работа была издана в 1998 г. уже после кончины автора⁴³, в канун столетия выхода в свет монографии А.Н. Преснякова “Московская историческая энциклопедия XVI в.” (СПб., 1900). Надо подчеркнуть, что на протяжении этого столетия ЛС было посвящено почти две сотни различных статей, глав и разделов специальных исследований, но на монографический уровень вышел лишь А.А. Амосов.

Первая, историографическая часть книги А.А. Амосова⁴⁴ уже рассмотрена в данной статье, и я ее полностью разделяю⁴⁵.

Во второй части⁴⁶ тщательному анализу подвергнуты водяные знаки бумаги ЛС. К данному вопросу исследователь обратился во второй половине 1970-х годов⁴⁷. Затем последовали статьи, в которых были рассмотрены методические вопросы филиграноведения, посвященные проблемам точного датирования водяных знаков бумаги, в связи с эволюцией знаков во времени и их трансформацией в процессе применения литейной формы при изготовлении бумаги⁴⁸ и бытованию бумаги с отдельными водяными знаками, находившейся в пользовании переписчиков ЛС⁴⁹. Одновременно А.А. Амосов попытался воссоздать процесс складывания ЛС. Не текста как такового, а кодекса, т.е. последовательности смены больших пластов бумаги с одной филигранью⁵⁰.

Основой для датирования рукописи А.А. Амосов считал “время использования бумаги в конкретным знаком”⁵¹. Это понятие “предусматривает унифицированную терминологию, жестко определяющие степени сравнения и уровни классификации знаков”⁵². Четкое определение филиграней и скрупу-

⁴³ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. Изменение названия книги вызвано ее содержанием. Кодикологическому исследованию ЛС посвящена вторая часть книги (около трети объема), тогда как сугубо источниковедческие проблемы решались в ней подспудно, хотя и явились важнейшей методической составляющей.

⁴⁴ Лицевой летописный свод в отечественной литературе. Глава 1. Век посвящения и его наследие. Глава 2. Преодоление традиции и рождение новых мифов.

⁴⁵ См. историографическую часть статьи: Амосов А.А., Морозов В.В. Методика исследования или заданность выводов? С. 54–79.

⁴⁶ Рукописи Лицевого свода: Кодикологический анализ. Глава 1. Исследование бумаги: Новые задачи и новые методы. Глава 2. Реконструкция процесса написания рукописей. Глава 3. Время работы над рукописями Лицевого свода.

⁴⁷ Амосов А.А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. Л., 1978. С. 6–36; *Он же*. Проблема точности филигранологических наблюдений в исследованиях и описаниях рукописей // Всесоюзная научная конференция “Проблемы научного описания и факсимильного издания памятников письменности”: Тез. докл. Л., 1981. С. 7–8.

⁴⁸ Амосов А.А. Проблема точности филигранологических наблюдений. I. Терминология // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 70–91.

⁴⁹ Амосов А.А. Заметки о московском старопечатании. К вопросу о тиражах изданий XVI – начала XVII в. // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX в. Сб. научных трудов. Л., 1983. С. 5–12; *Он же*. Заметки о московском старопечатании. 2. “Слободская Псалтырь” и книгописная мастерская Ивана Грозного // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Сб. научных трудов. Л., 1984. С. 14–26; *Он же*. К проблеме точной датировки Лицевого свода XVI века (Филигрань “Двойная ляля” и ее происхождение) // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Сб. науч. трудов. Л., 1985. С. 92–109.

⁵⁰ Амосов А.А. Датировка и кодикологическая структура “Истории Грозного”... С. 155–193; *Он же*. Из истории создания Лицевого летописного свода. (Организация работ по написанию рукописей) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 213–227.

⁵¹ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного... С. 132.

⁵² Там же.

лезное их изучение (просмотрены были все без исключения листы ЛС) позволили А.А. Амосову выявить *кодикологическую структуру отдельных комплексов, составляющих ЛС* (напомню, что хронологический порядок рукописи, а под таковой имеется в виду весь ЛС, так как составители его оставили незавершенным и не переплетенным, а путаница листов произошла много позднее, в нынешнем ее состоянии нарушен): Музейский сборник (ГИМ. Муз., 358) → “Лицевой хронограф” (“Хронографический сборник”, БАН. 17.17.9), который А.А. Амосов назвал “ключом для правильного понимания истории создания Лицевого свода”⁵³, → “Хронограф ГПБ (ныне: РНБ)” (РНБ. F.IV.151) → Голицынский (РНБ. F.IV.225) и Лаптевский (РНБ. F.IV.233) → Лаптевский и Остермановский I (БАН. 31.7.30-I) → Остермановский I и Остермановский II (БАН. 31.7.30-II) → Остермановский II и Голицынский → Голицынский и Шумиловский (РНБ. F.IV.232) тома → Синодальный том (ГИМ. Син. 962) и Царственная книга (ГИМ. Син. 149)⁵⁴.

Таким образом, были выявлены три группы переписчиков, параллельно работавшие над крупными хронологически последовательными фрагментами ЛС⁵⁵. Состав групп не определен ввиду явной унификации почерков писцов, да и появилась такая возможность лишь после определения пластов, написанных одной группой, когда на стыках пластов удастся выявить вместе с иной бумагой другие чернила, иную манеру письма, руку художника и колорит миниатюр⁵⁶.

С филигранологическими изысканиями связано и определение точного хронологического рубежа: бумага с филигранью “Двойная лилия” (в комплексах “Лицевой хронограф”, Голицынский и Лаптевский тома, Лаптевский и Остермановский I и II тома) могла появиться в Москве лишь в 1574 г.⁵⁷, а бумага ЛС, аналогичная бумаге Псалтири, напечатанной Андроником Невежей (печатали в Александровой слободе с 20 июня 1576 по 31 января 1577 г.), могла быть использована лишь в это время⁵⁸. Таким образом, А.А. Амосов определил, что *“в декабре 1576 г. из всего состава Лицевого летописного свода была завершена лишь Хронографическая часть”* (выделено мной. – В.М.), и в самом разгаре были работы по написанию Летописной части: впереди у книгописцев оставалось еще не менее 40–45% всего объема задуманного труда. Еще предстояло переписать и иллюстрировать разделы, составившие большую часть нынешнего Голицынского, полностью Шумиловский тома, Синодальный том, Царственную книгу, утраченный к нашему времени “третий том” Истории Грозного⁵⁹. В отношении двух последних книг вывод А.А. Амосова основан на “среднестатистической норме” для знака “корона” – 1580 г., для знака “BF” – 1580/81 г.⁶⁰

Не занимаясь специально текстологическим анализом, А.А. Амосов сделал весьма важные наблюдения о составе ЛС и его источниках. Так, он предложил внести в число самостоятельных источников Хронографической час-

⁵³ Там же. С. 146.

⁵⁴ О соотношении Синодального тома и Царственной книги см.: Там же. С. 175–182; Амосов А.А. Заметки о некоторых историографических мифах. (О датировке Лицевого летописного свода) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зиминой. М., 1990. Ч. I. С. 16–17.

⁵⁵ Амосов А.А. Из истории создания Лицевого летописного свода. С. 217.

⁵⁶ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного... С. 182.

⁵⁷ Там же. С. 205.

⁵⁸ См. потетрадную таблицу водяных знаков бумаги “Слободской Псалтири” с указанием аналогичной бумаги в ЛС: Там же. С. 219–220.

⁵⁹ Там же. С. 221–222.

⁶⁰ Амосов А.А. Датировка и кодикологическая структура “Истории Грозного”... С. 178.

ти ЛС Сказание Дорофея о житии пророка Даниила и поддержал мое предположение об использовании при составлении истории царствования Ивана Грозного Свода 1560 года, решительно отвергнув саму возможность обращения к Никоновской летописи по списку Оболенского⁶¹. А.А. Амосов полагал также, что ЛС не завершался повествованием о событиях 1567 г., а продолжался “возможно, намного далее”⁶².

В сферу интересов А.А. Амосова попали и миниатюры ЛС. Поначалу это были статьи, посвященные раскрытию содержания миниатюр⁶³, позднее – проблемам колористики и символики цвета⁶⁴, получившие дальнейшее развитие в монографии. Эти проблемы, поставленные А.А. Амосовым практически впервые, в известной мере дискуссионны. Его версия о иерархической системе цветов (синий, красный, зеленый), из которой выпадает желтый (эквивалент золота)⁶⁵ проблематична, и однозначно не может быть принята, несмотря на многочисленность приведенных примеров. В данном случае необходим иной критерий, лежащий, скорее всего, в сфере культурологии.

Также дискуссионной остается и правомерность включения А.А. Амосовым в состав ЛС “Егоровского сборника” (РГБ, Егор. 1844) и Жития Николая (РГБ, Больш. 15), исполненные мастерами ЛС и на той же бумаге. Впрочем, А.А. Амосов счел необходимым воздержаться от категоричности, отметив, что обе рукописи “примыкают по содержанию” к ЛС⁶⁶.

Последним (хронологически) трудом А.А. Амосова, посвященным ЛС, стала уже упоминавшаяся наша совместная статья (напомню, что диссертация написана в 1980-е годы и защищена уже в 1991 г.), в которой была предпринята попытка подведения итогов изучения истории царствования Ивана Грозного. В ней рассмотрены аргументы, в принципе снимающие постановку вопроса о датировании ЛС 1560-ми годами. *Использование Степенной книги в качестве источника ЛС допустимо лишь на самый конец 1560-х годов*, т.е. на время ее завершения⁶⁷, при условии немедленного обращения к ней составителей ЛС. Но в таком случае у них не оставалось времени на написание нового текста, основанного на заимствовании фрагментов Никоновской летописи и Степенной книги по принципу “слоеного пирога” как это сделано с Повестью о нашествии на Москву Махмет-Гирея в 1521 г. или житием Александра Невского, где использована также и Воскресенская летопись, а составление новой редакции основано не только на монтаже фрагментов, но и переработке их⁶⁸. Рассмотрен в статье и, казалось бы, окончательно решенный вопрос о Никоновской летописи по списку Оболенского. Обилие разночтений тестов названной рукописи и ЛС уже привело Б.М. Клосса к допущению

⁶¹ Амосов А.А. Лицевой летописный свод и библиотека Ивана Грозного. С. 98–117.

⁶² Там же. С. 182. См. также: Амосов А.А. Датировка и кодикологическая структура “Истории Грозного”. С. 187.

⁶³ Амосов А.А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного (Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIV. С. 49–60; *Он же*. Миниатюры Лицевого свода // Знание – сила. 1980. № 9. С. 43–45; *Он же*. Радость и печаль (Куликовская битва глазами художников XVI в.) // Там же. С. 20, 25, 32, 44–45.

⁶⁴ Амосов А.А.. Древнерусская колористика и цветоведческие труды М.В. Ломоносова // Ломоносов и книга: Сб. науч. трудов. Л., С. 92–109; *Он же*. Значение цвета в миниатюрах Лицевого летописного свода (К постановке вопроса) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. 1985. Л., 1987. С. 56–71; *Он же*. Иерархия цвета и отражение этикетных воззрений русских художников XVI в. (По материалам Лицевого летописного свода) // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 281–289.

⁶⁵ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного... С. 286–287.

⁶⁶ Там же. С. 15–16.

⁶⁷ Покровский Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 73–79.

⁶⁸ Амосов А.А., Морозов В.В. Методика исследования или заданность выводов? С. 72–74.

использования “для ускорения процесса” Патриаршего списка⁶⁹. Действительно, *три группы перепесчиков вряд ли копировали текст единственной рукописи, размеченной воском*. Третий вопрос, поднятый в статье, – соотношение ЛС и его копии XVII в. (Александро-Невская и Лебедевская летописи). Анализ текстов показал, что в копии зафиксирован пероначальный текст лицевой летописи с нанесенными на нем приписками, но новым беловым текстом переписчики не располагали⁷⁰.

Этот же анализ показал наличие двух вариантов повествования о событиях 1585 г., что свидетельствует о продолжении работы как минимум до названной даты и о интересе к ней редактора, оставившего следы своей деятельности⁷¹. И, наконец, вопрос об интерпретации приписок по методике Д.Н. Альшица, позволяющей придти к совершенно новому выводу: *основные “герои” приписок (Захарьины-Юрьевы-Романовы и Нагие) оказались связанными с регентским советом, назначенным Иваном Грозным для управления государством при недалеком разумом Федоре*. Именно они стояли на пути царского шурина Бориса Годунова, роль сестры которого, Ирины Федоровны, особо выделена во втором варианте рассказа о венчании Федора Ивановича на царство⁷².

В последнее время наметилось признание элементов нового видения ЛС. Так, Я.Г. Солодкин на первое место среди исследователей, работы которых способствовали плодотворному изучению памятника, поставил Т.Н. Протасьеву⁷³. Рамки учебного пособия позволили изложить современные воззрения лишь конспективно, однако следует отметить, что Солодкин безоговорочно принял датирование работ по составлению ЛС, аргументированное Н.П. Лихачевым и А.А. Амосовым, и счел нужным отметить, что источником интерполяций могли стать более ранние заготовки, предположительно И.М. Висковатого, но атрибуция ему приписок “вообще несостоятельна”. Солодкин дал краткую характеристику источникам ЛС (хронографической и летописной частей), признавая использование НЛ по списку Оболенского в качестве основного источника ЛС (но только в повествовании до 1522 г.), Воскресенской летописи и Летописца начала царства (в изложении дальнейших событий)⁷⁴. В целом, оставаясь вполне корректной, версия Я.Г.Солодкина оказалась несколько путанной в интерпретации соотношения С (“изложение событий российской истории 1535–1542, 1553–1560, 1563–1565, 1566–1567 гг.”) и Ц (“тут имеются повторные варианты статей 1532–1542 и первоначальные за 1542–1553 гг.”). В данном случае, пожалуй, предпочтительнее было бы говорить о первом и втором вариантах истории Ивана Грозного и, соответственно, их листах, волею случая оказавшихся в составе кодексов, сформированных в XVII и XVIII вв. Еще менее понятна версия о том, что “в распоряжении летописцев (ЛС – В.М.), вероятно, не имелось законченного труда, продолжавшего Свод 1560 г.”⁷⁵, так как это сказано о летописи, завершающейся известиями 1567 г., и копия которой, датируемая XVII в. (Александро-Невская и Лебедевская летописи) сохранила рассказ о венчании на царство Федора Ивановича в двух редакциях⁷⁶.

⁶⁹ Клосс Б.М. Указ. соч. С. 212.

⁷⁰ Там же. С. 89.

⁷¹ Там же. С. 90, 92.

⁷² Там же. С. 92–94.

⁷³ Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 7.

⁷⁴ Там же. С. 9–14.

⁷⁵ Там же. С. 14.

⁷⁶ Морозов В.В. “История Грозного” в летописании современников. С. 106. Здесь же показан этап складывания ЛС, на котором был привлечен Летописец начала царства, трактуемый Я.Г. Солодким некорректно.

Итак, подведем некоторые итоги.

По-прежнему остается открытым вопрос о непосредственном источнике известий ЛС, заимствованных из НЛ. Еще Д.Н. Альшиц *отказался признать какой-либо из дошедших до нас ее списков непосредственным источником* С. Позднее А.А. Амосовым и мной приведены веские доказательства в пользу распространения этого мнения и на другие тома ЛС. Никоновская летопись в процессе складывания ЛС была подвергнута значительной правке, и, как подчеркивал Д.С. Лихачев, *летописные статьи пишутся согласно новым литературным требованиям*. Соглашаясь с выводом Б.М. Клосса о *непосредственной зависимости ЛС от списка Оболенского НЛ*, разметка которого воском могла быть подготовительной стадией к переписке его текста в ЛС, необходимо отметить, что *три группы переписчиков вряд ли копировали текст единственной рукописи, размеченной воском* (А.А. Амосов, В.В. Морозов). В поисках такого источника следует, вероятно, обратить внимание на фрагменты ЛС (“комплексы”, по Амосову), написанные каждой из трех групп переписчиков. Возможно, что мы можем получить более достоверные сведения в пользу мнения Клосса, когда текстологический анализ покажет несомненное использование одной из групп именно списка Оболенского. *Восковые пометы определяли полистные границы текста, переписанного в ЛС* (впервые обнаруженные В.Ф. Покровский), это – важное условие для установления протографа текста, но именно они становятся отправным пунктом для изучения его трансформации в текст ЛС.

Важным остается и окончательное решение вопроса о соотношении НЛ и ЛС. О.И. Подобедова подчеркивала *волю, мысль и литературное дарование* составителей ЛС, Д.С. Лихачев *сопоставил основную редакцию Никоновской летописи и Толстовскую* (т.е. ЛС. – В.М.), и в этом свете *атрибуция ЛС как лицевой копии НЛ, “Никоновской с рисунками”, исключает пятидесятилетие развития летописания* (В.В. Морозов). Здесь еще раз следует подчеркнуть, что Никоновская летопись была составлена в конце 1520-х гг., а *в декабре 1576 г. из всего состава ЛС была завершена лишь Хронографическая часть* (А.А. Амосов). *Использование Степенной книги в качестве источника ЛС допустимо лишь на самый конец 1560-х годов* (А.А. Амосов, В.В. Морозов).

Позволю себе небольшое отступление. А.А. Шахматов полагал, что эволюционные цепи литературных произведений переплетаются в самых разнообразных сочетаниях, но “если следить только за одной из таких цепей (в нашем случае: НД → ЛС. – В.М.), не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения вместо верного представления о действительных явлениях”⁷⁷. Трансформация НЛ в ЛС шла по нескольким направлениям, каждое из которых традиционно уже принято считать основанием для атрибуции новой редакции памятника: идеологическое, стилистическое и расширительно-фактическое. Новым же памятником Д.С. Лихачев предложил считать переработку существующего в “очень сильной степени” (оценка качественная, а потому чреватая дискуссионностью. – В.М.), либо *“соединение и переработку нескольких предшествующих летописных произведений”*⁷⁸. Этому условию ЛС отвечает полностью, т.е. “если же новый текст возник на основе не одного, а нескольких предшествующих, то перед нами *безусловно будет новый*

⁷⁷ Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго “Повести о Мамаевом побоище” // Отчет о XII присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910. С. 84.

⁷⁸ Лихачев Д.С. Текстология. М.; Л., 1962. С. 352.

памятник (выделено мной. – В.М.)”⁷⁹. Список источников ЛС, установленных А.Е. Пресняковым, в последнее время пополнили *Летописец начала царства поздней редакции* и *Постниковский летописец* (С.О. Шмидт), *Новгородский свод 1539 года* (С.А. Морозов) и летописные произведения, получившие атрибуцию как *Свод 1560 года* и *Свод 1568 года* (В.В. Морозов)⁸⁰.

Новый памятник доведен в реальном лицевом списке, сохранившем на рубеже сентябрьского 1569/60 г. следы *стыка двух источников лицевой летописи* (А.А. Зимин), до конца сентябрьского 1567 г. К тому же, мы располагаем его копией XVII в., в которую вошли известия 1584 г. в двух редакциях. Копия эта *фиксировала текст только первого варианта лицевой летописи с редакторской правкой, но беловых листов нового варианта копии не знали* (В.В. Морозов). Потомки составителей ЛС понимали ценность рукописи, о чем свидетельствует уже то, что длительное время *полная рукопись ЛС хранилась в царской казне в виде “стопы листов”* (А.П. Богданов, А.М. Пентковский).

И затем только *через общую характеристику источника* (Я.С. Лурье), основанной прежде всего на его внешней критике, возможна репрезентативная интерпретация приписок С и Ц. Пока же внимание исследователей привлекли приписки, связанные с трагическими событиями при великокняжеском (царском) дворе. В их основе усматривали *воспоминания очевидца-героя приписки* (И.М. Висковатого. – В.М.), *какие-то поздние записи* (Н.Е. Андреев), *“достоверный исторический источник, наглядно рисуящий события 11–12 марта 1553 г.”, основанный на личных наблюдениях* И.М. Висковатого (С.А. Морозов), *слой информации, основанный на недошедших до нас показаниях И.П. Федорова и Л.А. Салтыкова, восходящих к следственному делу С.В. Звяги Лобанова-Ростовского* (С.А. Морозов), воспоминания самого Ивана Грозного. Однако теперь мы располагаем вполне квалифицированным мнением о непричастности дьяка-печатника: *приписки сделаны не рукой И.М. Висковатого* (И.В. Курукин). Теперь, когда уже общепринятым стало положение о том, что С и Ц *“представляют собой единый текст, разделенный впоследствии на два тома”* (Т.Н. Протасьева), плодотворным представляется мнение об *искусственном противопоставлении приписок в С и Ц* как по сути самих событий, так и по составу его участников (И.И. Смирнов). В этом направлении предпринята первая попытка, показавшая, что *основные “герои” приписок (Захарьины-Юрьевы-Романовы и Нагие) оказались связанными с регентским советом, назначенным Иваном Грозным для управления государством при Федоре*, и снимающая многие “противоречия” приписок (А.А. Амосов, В.В. Морозов).

Весьма заманчивым представляется использование *кодикологической структуры отдельных комплексов, составляющих ЛС* (А.А. Амосов) для определения (в рамках каждого из комплексов) числа переписчиков текста и миниатюристов (особенности “рук” знаменщиков-рисовальщиков и иллюминаторов, т.е. тех, кто раскрашивал рисунки, что уже было намечено в ряде отдельных сказаний, повестей, житий, вошедших в состав ЛС).

ЛС может дать исследователям средневековой литературы богатый материал, так как в его состав вошло значительное число самостоятельных литературных произведений в редакциях, составленных специально для ЛС (В.П. Гребенюк, В.В. Морозов, С.А. Морозов). Возможно также более уг-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ О проблемах атрибуции летописей XVI в. см.: Морозов В.В., Чирков С.В. Археография летописей XVI века (Вопросы атрибуции и интерпретации) // Археография и изучение духовной культуры. III Уральские археографические чтения: Тез. докл. Свердловск, 1987. С. 7–9.

лубленное проникновение в *проявления сложного двойственного отношения к конфликтам языческой Руси и христианской Византии, противоречие между христианским характером русского летописания и наличием в его составе панегириков языческим князьям* (А.В. Чернецов) и вообще элементов язычества, безусловно бытовавшего при дворе Ивана Грозного.

Многообещающим может стать и исследование миниатюр ЛС на пути, намеченном в последнее время. Так, выявлена *эволюция миниатюр* в соответствии с изменениями текста при переработке его редактором (Т.Н. Протасьева, С.О. Шмидт), *роль художника-миниатюриста, привнесение им элементов своего понимания изображаемых событий* (С.О. Шмидт), установлено, что миниатюристы *были знакомы с самими источниками* текста ЛС (В.П. Гребенюк). Возможно расширение наших знаний о “кухне” художников ЛС: достаточно четко определены миниатюры, написанные *“по образцу”*, т.е. в соответствии с иконописными подлинниками, *композиции, разработанные миниатюристами ЛС* (О.И. Подобедова), а также *непосредственное использование мастерами ЛС не только отдельных элементов, но и целых композиций* западноевропейских художников (Ю.А. Неволин).

Итак, исследование ЛС показало, что за половину столетия, минувшую со времени создания Никоновской летописи при кафедре митрополита Даниила в конце 1520-х годов, летописание, ставшее по преимуществу общерусским, претерпело серьезные изменения. Складывание новой летописи стало сложнейшим аналитическим, а отнюдь не только компилятивным, процессом. Сделан был важный шаг в преодолении летописного способа изложения в переходе к связному повествованию, становление которого до сих пор соотносят лишь со второй половиной XVII в. Такой сдвиг был вызван концептуальными изменениями в восприятии прошлого России. В какой-то степени эта связь могла быть и обратной: новые приемы организации материала, способы его подачи, система доказательств, аргументации опосредованно влияли на концепцию или, по крайней мере, на ее оформление.

История складывания ЛС привлекла внимание многих исследователей, сумевших приоткрыть вековые тайны крупнейшего в мировой культуре памятника письменности, однако серьезным препятствием для постижения их остается устойчивое преобладание интереса к проблемам внутренней критики источника, тогда как далеко не исчерпан потенциал критики внешней, создающей надежную базу для изучения содержания источника.

А.А. Фурсенко, В.Ю. Афиани

ДОКЛАД Н.С. ХРУЩЕВА НА XX СЪЕЗДЕ КПСС “О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ”

(Из истории подготовки и издания)

В общественном сознании за Н.С. Хрущевым закрепилось звание главного борца с культом личности. В своих “подпольных мемуарах” он однозначно приписал себе все заслуги. Надо сказать, что это мнение какое-то время было общепризнанным. О том, как готовился доклад о культе личности Сталина, кто участвовал в его подготовке, наконец, кому и для каких целей был нужен доклад, возникло немало мифов.

С точки зрения эволюции политической борьбы в советских верхах после смерти И.В. Сталина, в контексте трансформации власти в СССР, десталинизация была закономерным явлением, логично укладывающимся в схему борьбы за власть между преемниками Сталина из его ближайшего окружения.

В исследованиях последних лет высказываются достаточно обоснованные предположения, что незадолго до смерти Сталин задумывал провести очередную кадровую чистку в политическом руководстве¹. И в жертву были намечены многие из “старой гвардии”, тех, кто вместе с ним раньше участвовал в осуществлении политики “Большого террора”. Поэтому Л.П. Берия и Г.М. Маленков, с одной стороны, Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин, с другой, начали действовать против Сталина, а, точнее, за восстановление своих позиций в руководстве страны еще до того, как вождь испустил последний вздох². Активная роль Берии в эти дни несомненна. Согласно принятому кремлевским руководством за полтора часа до кончины Сталина коллективному решению, Берия возглавил Министерство внутренних дел, объединившее МВД и МГБ. В его руках оказалась огромная власть. Решение это было подготовлено Берией и формальным наследником Сталина Маленковым³.

В первые же дни и недели после смерти Сталина Маленков и Берия выступили с рядом инициатив, демонстрируя стремление отмежеваться от прежнего режима. Было объявлено о курсе правительства на “улучшение материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, советских людей”⁴. По предложению возглавляемого Берией министерства, Президиум ЦК КПСС пересмотрел ряд послевоенных политических процессов, состоялось решение об ограничении прав Особого совещания при МВД СССР, наделенного ранее широкими карательными функциями. Приказом министра внутренних дел запрещалось применение к арестованным “мер фи-

¹ См., например: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998. С. 94–95.

² *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Неизвестный Сталин. М., 2001. С. 39–43. Высказываются соображения о более сложной конфигурации группировок в Президиуме ЦК, однако, требующие дополнительного обоснования: одной – Г.М. Маленков, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, второй – Л.П. Берия, В.М. Молотов, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин. См.: *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 639.

³ Молотов, Маленков, Каганович. Стенограмма июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

⁴ Речь Г.М. Маленкова на похоронах И.В. Сталина // Правда. 1953. 10 марта.

зического воздействия”, а все орудия, при помощи которых осуществлялись пытки, должны были быть уничтожены⁵. Положение главы столь влиятельного министерства, а также меры по борьбе с негативными последствиями правления Сталина, позволяли Берии укрепить свое положение в составе руководства страны и претендовать на роль лидера.

Его действия в этом направлении были в той или иной степени согласованы с Маленковым, который также должен был понимать, что за участие во многих сталинских преступлениях, вероятно, придется отвечать и ему. Поэтому уже через месяц после смерти Сталина, в апреле 1953 г., наблюдая как развивается кампания десталинизации, Маленков разослал членам Президиума ЦК проект его доклада о культе личности на предполагавшемся пленуме ЦК по идеологии⁶. По своему содержанию этот текст очень осторожен и обтекаем, не идет ни в какое сравнение с будущим докладом Хрущева. Инициатива Маленкова не получила поддержки, и пленум не состоялся.

Хрущев же в первое время после смерти Сталина изображал из себя верного соратника Сталина, выступал с различными предложениями об увековечении памяти о вожде – создании Пантеона, переименовании городов⁷.

Для многих членов “коллективного руководства” в 1953 г. должно было быть очевидным, что инициативы, исходящие от Берии, не случайны. Что он, как один из самых опытных правителей, изощренных в советских методах борьбы за власть, мостит себе дорогу к высшей власти. После этого судьба остальных сталинских соратников оказалась бы целиком в его руках. Хрущев был одним из первых членов “коллективного руководства”, кто осознал эту угрозу. Пользуясь своим положением секретаря ЦК партии, он сумел организовать заговор с целью ареста Берии. 26 июня 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС Берия был арестован с помощью военных во главе с маршалом Г.К. Жуковым. Затем Берию судили и расстреляли по обвинению в тех самых преступлениях, которые совершались в годы сталинского правления при прямом или косвенном участии всего ближайшего окружения вождя, а не одного только “главного чекиста” страны⁸.

В результате устранения Берии был завершен первый этап в борьбе за власть после смерти Сталина, вероятно, самый острый, учитывая характер ведомства, которое он возглавлял. Этот переворот совершился всего через три с небольшим месяца после смерти Сталина.

На июльском 1953 г. пленуме ЦК, санкционировавшем политическое и физическое уничтожение Берии, прозвучали протесты против политики десталинизации, приписывавшейся ему. Но Маленков одернул сталинистов. Он высказался об этом дважды и довольно определенно, в отличие от Хрущева,

⁵ До ареста Л.П. Берии была принята серия постановлений Президиума, связанных с реабилитацией репрессированных: П.С. Жемчужиной (жены В.М. Молотова), М.М. Кагановича (брата Л.М. Кагановича), группы военных В.А. Алафузова, Л.М. Галлера, П.А. Новикова и других, об амнистии 1953 г., предусматривавшей, вопреки распространенному (и сознательно распространявшемуся) мнению, амнистию осужденных не только по уголовным статьям, но и политическим, о реабилитации лиц, привлеченных “по делу о врачах-вредителях”, о проверке обстоятельств убийства С.М. Михозлса и наказании виновных, о фальсификации “дела о мингрельской националистической группе” и других. См.: Реабилитация: Как это было: Документы. М., 2000. Т. 1. Март 1953–февраль 1956. С. 15–53.

О политике Л.П. Берии см.: Старков Б. Сто дней “лубянского маршала” // Источник. 1993. № 4. С. 82–90; Кокурин А.И., Пожаров А.И. “Новый курс” Л.П. Берии // ИА. 1996. № 4. С. 152–256; Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 102–109.

⁶ Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 618–620.

⁷ Наумов В.П. Борьба Хрущева за единоличную власть // ННИ. 1996. № 2. С. 14.

⁸ Подробнее см.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.

который одной репликой как-будто поддержал его, но на самом деле, если судить по стенограмме, прямо не высказал своего мнения. В заключительном слове на июльском пленуме Г.М. Маленков вынужден был еще раз обратиться к теме культа личности и “поправить” тех, кто выступал “неправильно”, отметив, что “подобные настроения на этот счет можно было уловить” в ряде выступлений. На что Н.С. Хрущев бросил реплику: “Некоторые невыступившие вынашивают такие же мысли”⁹. Исследователи справедливо считают, что “устранение Берии из состава высшего политического руководства не остановило борьбы за власть, все сильнее разгоравшейся в Кремле и на Старой площади. Правда состояла и в том, что соперничество между Хрущевым и Маленковым превращало вопрос восстановления прав невинно пострадавших в орудие политической борьбы и усиление этой борьбы радикализировало процесс реабилитации”¹⁰.

После расстрела Берии на пути Хрущева к власти главным препятствием стал Маленков. Но борьба с ним была еще впереди, а пока власть называлась “коллективным руководством”. В Кремле еще оставались люди, сохранявшие преданность Сталину, поэтому все грехи списывались на Берию. В своем выступлении на июльском 1953 г. пленуме ЦК, Хрущев заявил, что Берия несет ответственность за организацию “дела врачей”, “мингрельского дела” и др. Позже он поддержал реабилитацию арестованных и расстрелянных по “ленинградскому делу”, возложив ответственность за это преступление на руководство бывшего МГБ. Но на первом этапе реабилитации жертв репрессий, проводимой Берией, Хрущев не проявлял особого рвения.

Следующий раунд борьбы за власть в Кремле занял более полутора лет. Хрущев выступил в союзе с наиболее консервативными силами Президиума ЦК КПСС против “либеральных” поползновений Маленкова. На этот раз путем сложных ходов Н.С. Хрущев, ставший после сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС первым секретарем ЦК партии по представлению председателя Совета Министров Маленкова, его ближайшего союзника по заговору против Берии, начал борьбу с ним.

15 апреля 1954 г. Президиум ЦК КПСС своим постановлением уполномочил Н.С. Хрущева доложить активу Ленинградской партийной организации о решении ЦК поручить Прокурору СССР опротестовать предыдущее решение Военной Коллегии Верховного Суда СССР по “ленинградскому делу” для последующей реабилитации лиц, осужденных по этому делу¹¹.

О позиции Хрущева в тот период красноречиво говорит недавно опубликованный, но до сих пор малоизвестный документ – речь Хрущева перед ленинградским активом 7 мая 1954 г. До него выступил с информацией Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко. Выступление Хрущева, помимо “ленинградского дела”, касалось и некоторых других дел исключительно послевоенного периода, с конца 1940-х годов. В ответах на вопросы, судя по неправильной стенограмме, хранящейся в АПРФ, Хрущев коснулся и уже получившего права гражданства вопроса о “культе личности”, пока еще не подвергая сомнению заслуги Сталина. «Мы считаем, что во вред товарищу Сталину

⁹ Можно ли говорить, что Маленков и Хрущев “проявили твердость в осуждении “культа личности”? – такой вывод делает Р.Г. Пихоя. (Указ. соч. С. 120). Действительно, твердо и последовательно Хрущев обличал на пленуме лишь Берию, списывая на него все преступления сталинского режима.

¹⁰ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 137; См. также: Наумов. В.П. Борьба Хрущева за единоличную власть. С. 11–14.

¹¹ РГАНИ. Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 8. Д. 99. Л. 161. Опул.: Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 111.

неимоверно был раздут культ личности товарища Сталина. Товарищ Сталин действительно является большим человеком, гениальным марксистом. Но даже таким людям нельзя давать таких прав, какими он пользовался. В результате этого мы имели “дело врачей” и “ленинградское дело”»¹². Назывались еще две причины культа личности – старость, болезни и роль Берии: “В последние годы товарищ Сталин в результате болезни часто менял свое мнение, у него часто менялись настроения. В поведении товарища Сталина в последнее время вследствие кровяного давления появлялось немало странностей, чрезмерная подозрительность и раздражительность. Этим воспользовались авантюристы”. “Враги обманули Центральный Комитет, обманули товарища Сталина. Берия и Абакумов втерлись в доверие к товарищу Сталину”¹³. Касаясь реабилитации репрессированных, Хрущев занял осторожную позицию: “Пересматривая дела об исключенных из партии, надо эту работу проводить вдумчиво, чтобы принять правильное решение и восстановить тех, кто этого достоин”¹⁴. На вопрос о репрессиях 1930-х годов он отвечал кратко, что ЦК создал комиссию для рассмотрения дел, и что есть некоторые лица, осужденные несправедливо¹⁵. Имелось в виду решение Президиума ЦК КПСС от 4 мая о создании Центральной и местных комиссий для пересмотра дел о “контрреволюционных преступлениях”.

В своем выступлении перед ленинградским активом Хрущев призывал к осторожности: “Надо в таких делах не давать воли чувству, а больше доверять рассудку, чтобы выгоднее решить для партии. Ведь можно желать хорошего, а получить результат отрицательный”¹⁶. Он соглашался, что пересмотр дел 1930-х годов нужен: “Думаю, что нам предстоит рассмотреть ряд дел 1937–1938 гг. Это большая работа. Совершенно неправильно было бы полагать, что тогда не было врагов. Враги были и острее нашей борьбы было направлено против врагов. Но, видимо, Берия, Ежов и другие много посадили и расстреляли невинных людей”¹⁷. Хрущев дал понять о своей непричастности к репрессиям¹⁸ и, косвенно, о непричастности других членов Президиума ЦК: “Когда на пленуме мы поставили вопрос о враждебных действиях Берия, мы и десятой доли не знали того, что выявилось несколько позже, когда повел следствие прокурор”¹⁹. В этом выступлении “культ личности” он трактует, главным образом, как отсутствие равенства членов Президиума ЦК, и неподотчетность Сталина партии и ее руководящему органу – ЦК: “А все ли у нас ясно по вопросу о культе личности? По-моему, не все. Формально как будто бы и ясно, а по существу иногда нет. Некоторые и сейчас еще прикидывают, кто в Президиуме ЦК первый, кто второй, а кто третий. Это – вреднейшая вещь. Надо всем нам уяснить, что первый у нас – это партия. Руководство партией – это Центральный Комитет. Президиум ЦК – это исполнительный орган, подотчетный Центральному Комитету. Все члены Президиума ЦК в равной степени отвечают за порученное им дело, все они избраны, все пользуются

¹² Там же. С. 129.

¹³ Там же. С. 130, 136.

¹⁴ Там же. С. 131.

¹⁵ “Недавно ЦК создал комиссию для рассмотрения этих дел. Мы знаем, что в те годы пострадали некоторые работники не заслуженно и есть люди, которые достойны, чтобы их дела пересмотрели. Комиссия рассмотрит. Но это большая и сложная работа. Некоторых лиц уже освободили” (Там же. С. 133).

¹⁶ Там же. С. 135.

¹⁷ Там же. С. 141.

¹⁸ “В то время я был на Украине и не знал, как все эти вопросы проходили ...я редко приезжал в Москву” (Там же. С. 139).

¹⁹ Там же. С. 140.

ся равным правом и в одинаковой мере несут ответственность перед Центральным Комитетом. Правильно? (Голоса с мест: правильно!)”²⁰.

Таким образом, Хрущев занимал еще достаточно умеренную позицию, не входя в конфликт с группой “сталинистов” в Президиуме во главе с Молотовым.

Хрущев добился того, что в январе-феврале 1955 г. Маленков был отстранен от должности главы правительства. Среди главных обвинений на заседании Президиума 31 января было то, что он “не отмежевался” от Берии, что вдвоем они противодействовали коллективности в работе руководящих органов. Главную роль в удалении Маленкова сыграл Молотов. Хрущев – организатор и этой интриги, выступил на пленуме ЦК с резкой критикой курса Маленкова на ускоренное развитие легкой промышленности, производства предметов потребления²¹. Молотов впоследствии отрещивался от вопросов о былом союзе с Хрущевым, но сам факт разговоров с ним об этом не отрицал²². Маленкова обвиняли во многом, в бесхарактерности, в отсутствие опыта хозяйственной и государственной работы, своего мнения, в ошибках в области внешней и внутренней политики и т.п. Очевидно, что временный союз Хрущева и Молотова не мог существовать, если бы Хрущев сделал упор на ответственности Сталина за репрессии²³. На январском 1955 г. пленуме ЦК острие критики было направлено против Берия и Маленкова, а Сталин выглядел жертвой их обмана: «Вот и довели Сталина до такого состояния [...] Ведь он не знал, что все эти материалы (по “ленинградскому делу. – А.Ф., В.А.) добыты нечестным и недостойным путем»²⁴.

В этой обстановке острой борьбы возник вопрос о необходимости проведения, согласно уставу КПСС, очередного партийного съезда, первого после смерти Сталина. 4 апреля 1955 г. Президиум ЦК КПСС поддержал предложение Хрущева о созыве XX съезда и, судя по-всему, еще никаких споров о “культе личности” не возникало.

Черновая запись заседания Президиума ЦК от 19 мая 1955 г. показывает, что Хрущев решил выступить против своего недолговечного союзника Молотова. Поводом стал вопрос о возобновлении отношений с Югославией и необходимости пересмотра решений Коминформа, признав неприглядные действия СССР в отношении Югославии. Все это Президиум ЦК решил в тот момент снова “списать” на Берию. Но Молотов, сыгравший в разрыве советско-югославских отношений не последнюю роль, стал отстаивать свои “принципиальные” позиции, спорил с большинством, осторожно поддерживаемый Кагановичем и Ворошиловым.

Возник новый альянс Хрущева, теперь с другим членами Президиума ЦК – Н.А. Булганиным и А.И. Микояном, при поддержке “молодежи”: кан-

²⁰ Там же. С. 140.

²¹ См. *Пыжиков А.В.* Политические преобразования в СССР (1950–1960-е гг.). М., 1999. С. 72–73.

²² «[...] Я не отказывался с Хрущевым работать. Он мне говорил раза два: “Давай работать вместе! Давай дружить!” – “Давай. На какой основе? Давай уговоримся”. Ничего не получалось, потому что у нас были разные позиции. Ему надо было во что бы то ни стало популярность поднять свою, поднять за счет, главным образом, освобождения из лагерей. А я с ним не был согласен, конечно, когда стали реабилитировать откровенных врагов. Когда я ему сказал: “На какой основе?” – я стал его сдерживать на этот счет. А он не захотел. У нас не могло получиться совместной работы. Микоян с ним наладил отношения» (*Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 369).

²³ По утверждению Д.Т. Шепилова, Н.С. Хрущев сравнительно долго не подвергал ревизии сделанное при И.В. Сталине, «в ту пору мы не слышали с его стороны критических замечаний в адрес Сталина, его политики и практических дел. Наоборот. Он всячески подчеркивал величие Сталина, мудрость Сталина, “порядок” при Сталине» (*Шепилов Д.Т.* Непримкнувший. М., 2001. С. 273–274).

²⁴ РГАНИ. Ф. 2 (Пленумы ЦК КПСС). Оп. 1. Д. 138. Л. 109.

дидатов в члены Президиума ЦК, секретарей ЦК М.Г. Первухина, М.З. Сабурова, Д.Т. Шепилова и даже Г.М. Маленкова и П.Н. Поспелова.

Молотов позднее говорил, что идею десталинизации Хрущеву подсказал Микоян²⁵. Сам Микоян писал о своей активной роли в расширении процесса реабилитации и, что именно он убедил Хрущева произнести на съезде речь о сталинских преступлениях²⁶. Он вспоминал, что “примерно за полгода до съезда”, (т.е. в августе 1955 г.) попросил подготовить справку о том, сколько делегатов XVII съезда, членов ЦК и кандидатов в члены ЦК, избранных на этом съезде, подверглось репрессиям. Получив эту информацию, он стал размышлять: “Я думал, какую ответственность мы несем, что мы должны делать, чтобы в дальнейшем не допустить подобного. Я пошел к Н.С. и один на один стал ему рассказывать. Вот такова картина. Предстоит первый съезд без участия Сталина, после его смерти. Как мы должны себя повести на этом съезде касательно репрессированных сталинского периода?”

Кроме Берии и его маленькой группы работников МВД, мы никаких политических репрессий не применяли уже почти 3 года, но ведь надо когда-нибудь если не всей партии, то хотя бы делегатам первого съезда после смерти Сталина доложить о том, что было. Если мы этого не сделаем на этом съезде, а когда-нибудь и кто-нибудь это сделает, не дожидаясь другого съезда, – все будут иметь законное основание считать нас полностью ответственными за происшедшие преступления. Мы несем какую-то ответственность, конечно. Но мы можем объяснить обстановку, в которой мы работали. Если мы это сделаем по собственной инициативе, расскажем честно правду делегатам съезда, то нам простят, простят ту ответственность, которую мы несем в той или иной степени. По крайней мере, скажут, что мы поступили честно, по собственной инициативе все рассказали и не были инициаторами этих черных дел. Мы свою честь отстоим, а если этого не сделаем, мы будем обесчещены.

Н.С. слушал внимательно. Я сказал, что предлагаю внести в Президиум предложение создать авторитетную комиссию, которая расследовала бы все документы МВД, Комитета госбезопасности и другие. Добросовестно разобралась бы во всех делах о репрессиях и подготовила бы доклад для съезда. Н.С. согласился с этим²⁷.

В воспоминаниях Микояна произошло смещение во времени. Если ориентироваться на его слова об отсутствии политических репрессий “уже почти 3 года”, то получается, что такой разговор должен был состояться в конце 1955 – начале 1956 г. С другой стороны, он вспоминал: “Мы не сразу правильную оценку Сталину дали. Сталин умер, мы его два года не критиковали...”²⁸ Разговор произошел уже после принятого решения о проведении съезда, т.е. после 4 апреля 1955 г., но до решения о подготовке доклада о культе личности, т.е. до 9 февраля 1956 г. Комиссия для изучения документов репрессиро-

²⁵ “Говорят, идею развенчать Сталина подал Хрущеву Микоян. Я не исключаю этого, – согласился Молотов” (Чуев Ф. Указ. соч. С. 436–437).

²⁶ Микоян А.И. Так это было. Размышления о минувшем. М., 1999. С. 589–590. Н.А. Мухитдинов в своих воспоминаниях, ссылаясь на рассказы Хрущева, утверждает, что идея созыва съезда с целью развенчания культа личности возникла у него сразу же после избрания 8 сентября 1953 г. Очевидно, это ошибка памяти мемуариста. См.: Мухитдинов Н.А. Река времени. От Сталина до Горбачева. М., 1995.

²⁷ Цит. по: Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС // НИИ. 1996. № 4. Эта часть воспоминаний хранилась в составе архива Микояна в Архиве Политбюро ЦК КПСС. В настоящее время архив передан из АПРФ (Ф. 39. Оп. 3. Д. 120. Л. 114–115) в РГАСПИ. Ср.: Микоян А.И. Так это было. С. 589–590.

²⁸ Молотов, Маленков, Каганович. Стенограмма июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 163.

ванных была образована 31 декабря 1955 г., получается, что этот разговор состоялся между апрелем и декабрем 1955 г. Но черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК показывают, что уже с мая 1955 г. Микоян стал активно выступать против Молотова и его сторонников. Это служит косвенным подтверждением союза Хрущева и Микояна.

Хрущев же в воспоминаниях заявлял, что именно он убеждал других членов Президиума в следующем: “Если мы на съезде не скажем правду, то нас заставят через какое-то время сказать правду, и тогда мы будем не докладчиками, а подследственными, будем обвиняться в соучастии, поскольку прикрывали эти злоупотребления уже после смерти Сталина, когда уже все знали [...] раз в жизни представляется момент, когда можно сознаться в содеянном. Это сознание может принести если не оправдание, то снисхождение. Таким моментом для нас является только XX съезд. Уже на XXI съезде этого сделать будет нельзя, если мы вообще хотим дожить до того времени, когда нас заставят держать ответ”²⁹.

Хрущев отрицал какую-бы то ни было роль Микояна: “Не могу сейчас точно припомнить позицию Микояна. Кажется, Микоян не вел активной линии, но и не сдерживал процесса разоблачения несправедливости”³⁰.

Он не хотел вспоминать о своем очередном тактическом союзе с Микояном, направленном, прежде всего, против Молотова, и о том, что помимо него в Президиуме ЦК КПСС были активные сторонники десталинизации.

Некоторые исследователи считают, что резкие разногласия, противостояние двух групп в Президиуме ЦК началось в октябре 1955 г., когда Хрущев внес предложение проинформировать делегатов будущего съезда о репрессиях³¹. Но эти разногласия обнаружились уже в мае. При обсуждении вопроса возобновления отношений с Югославией, на заседании 25 мая, примечательна реплика Булганина “[...] если не говорить о Берия, тогда о Сталине будут говорить”³². Видимо, о Сталине, его ошибках, члены Президиума еще говорить не были готовы, по крайней мере, со своими зарубежными коллегами. На заседании 6 июня Хрущев, вернувшийся из поездки в Югославию, подробно рассказывал о ней и возникших в ходе переговоров с Тито спорах. Он специально подчеркнул, что советская делегация заявила югославам: “Сталина не допустим ронять”³³.

Однако споры с Молотовым по вопросу о Югославии этим не закончились. Молотов под разными предлогами сопротивлялся налаживанию полноценных отношений с Югославией, а, тем более, межпартийных связей. На заседании Президиума ЦК от 8 июня, после очередных возражений Молотова, Микоян предложил вынести разногласия на пленум. Тогда против Молотова выступил даже Каганович. Микоян откровенно высказался по дискуссионному вопросу, следует ли ответственность за разрыв отношений с Югославией возложить на Берия. Он утверждал: “Убрать Берия, значит подставить других”, – достаточно прозрачный намек!³⁴

Таким образом, вопрос о Югославии раньше, чем вопрос о съезде и культуре личности, развел членов Президиума по разные стороны “баррикад”. Вос-

²⁹ Хрущев Н.С. Воспоминания. М., 1998. Т. 2. С. 185. Утверждают, что авторство мысли о том, либо нужно рассказать о репрессиях на съезде, либо в следующий раз “вы будете вроде как подследственные” принадлежит А.В. Снегову (XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. С. 42), во-всяком случае, она отложилась в памяти и у Хрущева, и у Микояна.

³⁰ Хрущев Н.С. Воспоминания Т. 2. С. 178–179.

³¹ Наумов В.П. Борьба Хрущева за единоличную власть. С. 14.

³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 43.

³³ Там же. Л. 44–52.

³⁴ Там же Л. 53–57.

становление отношений с Югославией, вряд ли было столь уж насущной политической задачей советского руководства в тот период, а потому нельзя отделиться от мысли, что этот вопрос сознательно был использован Хрущевым для того, чтобы подорвать авторитет Молотова как специалиста по внешней политике и, одновременно, одного из старейших членов партии. Этот план удался, и июньский пленум 1955 г. осудил Молотова³⁵.

Согласно черновым записям заседания Президиума ЦК, открытые дискуссии о Сталине впервые возникли 5 ноября 1955 г. при обсуждении вопроса о том, как отмечать 21 декабря – день рождения Сталина. Л.М. Каганович и К.Е. Ворошилов выступили за то, чтобы все было как прежде – отметить его торжественными собраниями. (Молотов на заседании отсутствовал.) Каганович ссылался на то, что было соответствующее решение ЦК. Ворошилов утверждал: “Народом будет воспринято нехорошо, если не будем проводить собрания”.

Против них выступили Булганин и Микоян. Каганович, защищаясь, говорил, что у него нет расхождений с Хрущевым и с ЦК: “Я поддерживал линию ЦК против культа личности”³⁶. Следовательно, к этому времени, “линия” уже утвердилась. Вопросы о культе личности Сталина и репрессиях оказались тесно связанными между собой. Хрущев постепенно менял свою позицию. И главным виновником и организатором репрессий теперь становился не Берия или кто-либо другой из руководителей карательных ведомств, а сам Сталин.

В канун нового года, 31 декабря 1955 г., на заседании Президиума ЦК обсуждались “вопросы, связанные с реабилитацией”³⁷. Рассматривалось письмо О.Г. Шатуновской, работавшей в 1930-х годах в аппарате МК ВКП(б) и репрессированной затем, о роли НКВД в убийстве С.М. Кирова. Ворошилов, “не дослушав”, крикнул: “Ложь!”³⁸ В ходе состоявшейся дискуссии неизбежно затрагивались обстоятельства убийства Кирова, послужившего сигналом к невиданному кровавому террору. По итогам обсуждения была образована комиссия во главе с секретарем ЦК по пропаганде П.Н. Поспеловым, перед которой была поставлена задача разобраться в судьбе партийных и советских деятелей, репрессированных в 1930-е годы. По-видимому, на этом этапе речь шла только о том, чтобы проинформировать делегатов XX съезда о судьбе членов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде. В.П. Наумов считает, что еще до января 1956 г. “среди членов Президиума ЦК было намерение сказать о Сталине в Отчетном докладе”³⁹. Но подтверждений этого в известных нам документах не найдено.

Большая дискуссия разгорелась при обсуждении проекта Отчетного доклада на XX съезде 5 января 1956 г. Состоялся “обмен мнениями” по проекту, основными его авторами числятся представители двух, по выражению Кагановича, “оттенков” в понимании линии ЦК: Хрущев и Микоян, Каганович и Молотов. Дискуссия открылась выступлениями Кагановича и Молотова по основным вопросам доклада: о диктатуре пролетариата и мирных путях перехода власти к коммунистам в других странах, формах строительства социализма, мирном сосуществовании государств с различным политическим стро-

³⁵ См.: Советско-югославские отношения: Из документов июльского пленума 1955 г. // ИА. 1999. № 2. С. 3–63.

³⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 388. Л. 61–64об.

³⁷ Постановление Президиума ЦК по этому вопросу получило высшую степень секретности, отложилось в “особой папке” и было включено в “особый протокол” (АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 489. Л. 1. См. также: Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 409).

³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 30–35.

³⁹ Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущева // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. Горбачев-Фонд. 22 февраля 1996 г. М., 1996. С. 22.

ем. Сталина вспоминали, судя по записи, только в дискуссии о возможности предотвращения или неизбежности новой войны⁴⁰. По существу же, речь шла о внесении изменений в важнейшие теоретические положения партии, сформировавшиеся в предшествующий период, под лозунгом поиска “ленинских начал”.

Хрущев склонялся в то время к тому, чтобы на съезде выступили репрессированные старые члены партии, которые должны были поднять тему культа личности. Об этом свидетельствует присланный в ЦК проект доклада А.В. Снегова, назначенного после освобождения из лагеря заместителем начальника Политотдела ГУЛАГа. В сопроводительном письме от 1 февраля он ссылался на состоявшийся разговор с Хрущевым⁴¹. Снегов предлагал пригласить на съезд и других членов партии, вернувшихся из лагерей. Но список приглашенных был “откорректирован” ЦК за счет старых членов партии не подвергавшихся репрессиям.

Первая открытая дискуссия о Сталине состоялась 1 февраля. Рассматривался вопрос о Б.В. Родосе, бывшем заместителе начальника следственной части по особо важным делам НКВД–НКГБ СССР (позднее осужденном и расстрелянном), который был доставлен на заседание Президиума ЦК. Это было беспрецедентно. Хрущеву понадобилось его присутствие для большей убедительности рассказа о том, как был организован террор и какую роль в этом играл Сталин. Краткая запись не может передать остроту состоявшейся дискуссии. Но она показывает, что у Хрущева к этому времени вполне сформировалась поддержка со стороны некоторых членов и кандидатов в члены Президиума ЦК из числа “молодежи”. А вот и вывод Хрущева о состоявшейся дискуссии – “Виноват Сталин”. В черновой протокольной записи зафиксирована также эмоциональная реакция участников заседания. Драматический вопрос А.Б. Аристов: “Т. Хрущев, хватит ли у нас мужества сказать правду?” Микоян: “Возьмите историю – с ума можно сойти”. Сабуров: “Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя”.

Встал вопрос, как докладывать об этом съезду. В той или иной степени “против” выступили Молотов, Ворошилов, Каганович. Признавая, что “мерзости много”, к осторожности и постепенности призывал М.А. Суслов: “Партии сказать всю правду надо, что Сталин из себя представляет, линию занять надо такую, чтобы не быть дураками”. Молотов: “За несколько месяцев узнали ужасные вещи. Нельзя оправдать этого ничем. Присоединяюсь к т. Ворошилову. Правду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности надо соразмерить, и позорные дела – тоже факт”. Судя по его реплике “вряд ли успеем перед съездом сказать”, обсуждался также вопрос, чтобы еще до съезда дать информацию о культе личности.

В конце заседания Хрущев сделал жесткие выводы: Сталин “все [делал?] варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинял”. В то же время он призвал: “Надо решить в интересах партии”, “не смаковать” эти страницы истории и предложил: “На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию – отвести Сталину свое место (почистить плакаты, литературу). Взять Маркса–Ленина. Усилить обстрел культа личности”⁴². Причиной такого подхода могли быть тактические соображения. Он ведь знал, что вскоре последует доклад Комиссии Президиума ЦК.

⁴⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 43–51об.

⁴¹ Там же. Ф. 1 (Съезды ЦК КПСС). Оп. 2. Д. 15. Л. 2.

⁴² Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 52–54.

По докладу “Комиссии Поспелова” 9 февраля 1956 г. состоялось драматичное по своему характеру обсуждение. Выводы Комиссии по своей резкости отходили от привычного стиля, сглаживавшего острые углы партийного документа: “самые позорные нарушения социалистической законности, самые зверские пытки”, приводившие “к массовым оговорам невинных людей”, они “дважды были санкционированы И.В. Сталиным от имени ЦК ВКП(б)”, “в полувековой истории нашей партии были страницы тяжелых испытаний, но не было более тяжелой и горькой страницы, чем массовые репрессии в 1937–1938 годах, которые нельзя ничем оправдать”⁴³. “Факты были настолько ужасающими, – вспоминал потом Микоян, – что в особенно тяжелых местах текст Поспелову было трудно читать, один раз он даже разрыдался”⁴⁴.

Первым после доклада Поспелова выступил Хрущев. На этот раз он высказывался без колебаний: “Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожает. Надо проявить мужество, сказать правду. Мнение: съезду сказать, продумать как сказать, кому сказать. Если не сказать – тогда проявим нечестность по отношению к съезду. М[ожет] б[ыть] т. Поспелову составить доклад и рассказать. Причины: культ личности, концентрация власти в одних руках. В нечестных руках. Где сказать: на заключительном заседании съезда”.

Молотов и Каганович уже в принципе как-будто, не возражали против сообщения съезду фактов о репрессиях, но отстаивали необходимость так это “преподнести политически, чтобы 30-летний период не смазать”, “чтобы нам не развязать стихию” (Каганович). Молотов: “На съезде надо сказать. Но при этом сказать, не только это. Но по национальному вопросу Сталин – продолжатель дела Ленина. Но 30 лет мы жили под руководством Сталина – индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией. Культ личности, но мы о Ленине говорим, о Марксе говорим”. Тем не менее, если судить по фразе Аристова: “Не согласен с одним, общим, что есть в выступлениях Молотова, Кагановича, Ворошилова – “не надо говорить”, они высказывали сомнения в необходимости выступления на съезде. Булганин предложил: “На два этапа роль Сталина разделить. Во втором этапе Сталин перестал быть марксистом”. Его поддержал Микоян: “Мы не можем не сказать съезду”. “Как относиться к прошлому? До [19]34 г. [Сталин] вел себя героически, после [19]34 г. показал ужасные вещи. Узурпировал власть. Захват власти одним лицом [...] Не осуждаю Сталина, когда вел партийную борьбу с троцкистами”. Показательна позиция Сулова. Он считал, что и “до 1934 г. Сталин был во многом неправ”. Вместе с тем он сделал вывод, что предложение выделить в деятельности Сталина два разных этапа – “в основном правильно”.

Первухин высказался более радикально: “[...] о положительной стороне не требуется говорить. Культ Сталина вреден. Сказать как есть. Узурпировал власть, ликвидировал ЦК, ПБ. Кадры истреблял – мы по тяжелой пр[омышленности] темпы потеряли”.

Что касается Маленкова, то он выступал сумбурно и непоследовательно. С одной стороны, он поддержал позицию тех, кто предлагал на XX съезде ограничиться информацией о репрессиях. «Считаю правильным предложение

⁴³ Там же. Л. 56–62 об.

⁴⁴ Микоян А.И. Указ. соч. С. 592. П.Н. Поспелов считался сталинистом, но недавно была высказана и иная оценка его взглядов. Утверждается, однако, без ссылок на источники, что к середине марта 1953 г. именно Поспелов начал десталинизацию и оказал поддержку “оттепели” в литературе и искусстве (Жуков Ю.Н. Указ. соч. С. 634).

сказать съезду. Испытываем чувство радости – оправдываем товарищей. Нельзя дать объяснение о[б] оправдании товарищей, не объясняя роли Сталина. Никакой борьбой с врагами не объясним, что перебили кадры. “Вождь”, действительно был “дорогой”». Но Маленков почему-то предлагал следующее: “На два этапа не делить, связать с культом личности. Мы этим восстанавливаем Ленина по-настоящему. У Сталина проскальзывали к Ленину нехорошие настроения”. Дальше записана фраза, по сути противоречащая его первоначальным предложениям: “Не делать доклада о Сталине вообще”.

В поддержку критической линии однозначно высказался и секретарь ЦК Н.И. Беляев. А Н.М. Шверник, бывший в годы “большого террора” председателем ВЦСПС, заявил: “Сейчас ЦК не может молчать, иначе предоставить улице говорить. Съезду надо правду сказать, культ личности разоблачить. Доклад сделать. Кошмар – три раза косили людей”. Находившийся долгие годы на руководящих должностях в НКВД А.И. Серов заявил со знанием дела: “Это не недостатки (как говорит т. Каганович), а преступления. Т. Молотов говорит, он [т.е. Сталин. – А.Ф., В.А.] с нами был 30 лет”. Серов значительно расширил список претензий к Сталину. “Но известна его роль в войне, но в послевоенный период – испортили отношения со всеми народами (выступление о проливах). Мы потеряли многое из-за глупой политики (финская война, Корея, Берлин). Сказать правду о роли Сталина до конца”. Бывший главный редактор газеты “Правда” Д.Т. Шепилов поддержал: “Надо сказать партии – иначе нам не простят. Говорить правду, сказать, что партия не такая, что нужно было миллионы заточить, что государство наше не такое, что надо было сотни тысяч послать на плаху”. Поддержали предложение сделать доклад на съезде А.И. Кириченко и П.К. Пономаренко: “На съезде ЦК должен высказаться. Гибель миллионов людей неизгладимый след оставляет. Трезво об этом периоде и роли Сталина надо сказать”.

Молотов, Ворошилов и Каганович, соглашаясь с тем, что в прошлом творилось беззаконие, призывали к осторожности: “Надо подумать, чтобы с водой не выплеснуть ребенка” (Ворошилов).

Подвел итоги дискуссии Хрущев, сделав это в примирительном тоне, без обличений оставшихся в меньшинстве. Он даже утверждал, что в Президиуме ЦК “нет расхождения, что съезду надо сказать. Оттенки были, учитывать [...] Все мы работали со Сталиным, но это нас не связывает [...] Мы можем полным голосом, можем сказать: Нам не стыдно. Не бояться. Не быть обычателями, не смаковать. Развенчать до конца роль личности. На съезде доклад поставить, секретарей ЦК всех подключить. Кто будет делать доклад – обдумать. М[ожет] б[ыть] и на пленуме ЦК старого состава сказать, что хотим поставить такой-то вопрос”⁴⁵.

Хрущев сумел склонить на свою сторону большинство членов Президиума. В сохранившейся черновой записи не отмечено, обсуждался ли вопрос о том, на каком этапе работы съезда делать доклад. Вероятно, это определялось тактическими соображениями. Решив главный вопрос, – о докладе, Хрущев оставил “на потом” решение о времени выступления и о докладчике.

9 февраля можно считать датой отсчета подготовки первого варианта доклада Пospelовым и Аристовым. Началась работа по переделке доклада Комиссии с учетом мнений, высказанных на заседании Президиума ЦК. 13 февраля при обсуждении организационных и практических вопросов подготовки съезда Хрущев вновь поднял вопрос о том, что “на пленуме [следует] сказать о том, что на съезде будет сделан доклад о культе личности”. При об-

⁴⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 58–62 об.

суждении вопроса “О докладчике”, видимо, высказывались разные мнения. Но в записи только перечислены фамилии выступивших: “Микоян, Сабуров, Первухин, Каганович, Маленков, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Кириченко, Молотов, Пономаренко, Сулов, Поспелов”.

Микоян вспоминал, что он “предложил сделать доклад не Хрущеву, а Поспелову от комиссии”, т.е. повторил более раннее предложение Хрущева, высказанное еще 9 марта. По мнению Микояна, это было бы объективнее, а “раз мы утвердили, то всем ясно, что доклад от нас делается, а не от ЦК”. Тогда Хрущев возразил, заявив, что могут подумать, будто секретарь ЦК уходит от ответственности, поэтому предложил себя как “основного докладчика”⁴⁶. После чего было принято следующее постановление: “Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культуре личности. Утвердить докладчиком т. Хрущева Н.С.”⁴⁷

Так было впервые зафиксировано решение, принятое, скорее всего, в результате предварительного обсуждения, по важному вопросу – когда будет сделан доклад? На самом съезде или фактически после него, после завершения выборов в ЦК и Президиум ЦК. Хрущев, конечно, учитывал, что большинство съезда может быть настроено просталински и хотел избежать непредсказуемых последствий на выборах в ЦК. Не менее важным был вопрос и о том, от чьего имени будет сделан доклад. В проекте регламента, подготовленного аппаратом ЦК для будущего пленума, первоначально было записано: “Председательствующий вносит предложение заслушать на закрытом заседании съезда доклад специальной комиссии ЦК КПСС”. Но затем от руки этот текст был исправлен: “Заслушать на закрытом заседании съезда доклад от ЦК КПСС о культуре личности”⁴⁸.

На пленуме ЦК все прошло гладко. Предложение сделать доклад о культуре личности первому секретарю ЦК Н.С. Хрущеву не обсуждалось⁴⁹. Но не все оказалось просто с протокольной записью заседания пленума. В правленной стенограмме Хрущев в своем кратком выступлении подчеркнул, что Президиум ЦК “считает необходимым поставить на закрытом заседании XX съезда партии доклад о культуре личности. (Видимо, этот доклад надо будет сделать на закрытом заседании после объявления результатов голосования)”⁵⁰. Выясняется, однако, нечто иное. В неправленной стенограмме сохранилась другая редакция. Там говорится, что Хрущев “считает необходимым поставить на съезде Центрального Комитета, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет утверждение кандидатов в руководящие органы Центрального Комитета: членов ЦК,

⁴⁶ По утверждению сына Микояна, отец рассказывал ему, что, кроме кандидатуры Поспелова, на роль выступающего на съезде Хрущев якобы предложил А.В. Снегова: “Давайте дадим слово Снегову, пусть он расскажет. Он сам оттуда, из лагерей, он все эти годы, с 1937-го по 1954-й, там был, он может рассказать вам все”. Каганович возмутился: “Этих репрессированных на трибуну съезда? Никогда” (Микоян С.А. Реплика // XX съезд: Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. С. 42). Думается, если речь об этом и заходила, то имелось в виду не выступление от имени ЦК или Комиссии ЦК, а в прениях по Отчетному докладу.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 225. Л. 2. См. также. Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 352. По своей формулировке отличается и черновая протокольная запись: “Сказать, что на съезде будет сделан доклад о культуре личности [...] С докладом о культуре личности [выступить] т. Хрущеву” (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 389. Л. 64–65).

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. Л. 3–4.

⁴⁹ Там же. Д. 1. Л. 66–67. В литературе уже отмечалось, что пленум принял решение не о докладе ЦК КПСС, а о докладе Н.С. Хрущева. Среди объяснения причин, с одной стороны, – желание Хрущева не дать Президиуму ЦК вмешаться в текст доклада, с другой – “перестраховка” некоторых членов Президиума (Львыжиков А.В. Указ. соч. С. 80–81).

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 184. Л. 6–8.

кандидатов и членов ревизионной комиссии, когда гостей никого не будет) доклад от ЦК о культуре личности”⁵¹. Таким образом, Хрущев настойчиво добивался, чтобы доклад на съезде был сделан от имени ЦК. Но это не было принято. В окончательный вариант пришлось внести поправки. Примечательно, что в деле съезда отложился первый экземпляр выписки из протокола заседания пленума ЦК идентичной направленому экземпляру стенограммы заседания пленума⁵². Возможно это произошло из-за спешки. Но именно выписка из протокола была разослана членам ЦК. Это создавало впечатление, что принято решение сделать доклад от имени ЦК.

Долгие годы, основываясь на воспоминаниях Хрущева, считали, что вопрос о докладе решался в последний момент, в ходе самого съезда, в задней комнате Президиума, где Хрущеву пришлось противостоять всем остальным членам. В реальности дело обстояло не так. Съезд открылся 14 февраля и начал свою работу. Предполагают, что Поспелов написал доклад вечером 13 или в ночь с 13 на 14 февраля, “потому, что 14-го его текст уже имели члены Президиума”⁵³. На чем основано это утверждение, не ясно. Но по решению Президиума ЦК, Поспелов и Аристов (роль последнего до сих пор не выяснена), могли начать работать над докладом уже 9 февраля. Вклад Поспелова и Аристова в подготовку доклада был различен. Сохранился черновой рукописный вариант доклада, написанный Поспеловым карандашом⁵⁴. Проект был готов не 14, а к 18 февраля, когда был представлен Президиуму ЦК.

В связи с этим возникает еще один вопрос – о роли в подготовке Д.Т. Шепилова. На этот счет есть разные точки зрения⁵⁵. XX съезд открылся 14 февраля. Шепилов рассказывал о состоявшемся разговоре с Хрущевым после того, как последний выступил с Отчетным докладом и начались прения по нему. Хрущев ему сказал: “[...] я вот пытался с этими бурбонами (я понял, о ком это он) переговорить, чтобы дать критику Сталина, а они – никак... в общем, я хочу выступить о Сталине”⁵⁶. (Бросается в глаза неточность этого рассказа, как будто Шепилов не знал, что происходит! С 12 июля он был уже секретарем ЦК и принимал участие в заседаниях Президиума ЦК.) Шепилов согласился. Они с Хрущевым уехали со съезда и отсутствовали два дня, 15–16 февраля. По признанию Шепилова, в этот период они были с Хруще-

⁵¹ Там же. Л. 2–5.

⁵² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 66–67.

⁵³ Барсуков Н.А. Записка Поспелова и доклад Хрущева // XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС С. 50–51. По воспоминаниям современников, “Поспелов (кто его помнит – знает) мог сесть за стол и, не вставая, написать любой доклад со всеми цитатами, со всеми цифрами, фактами и т.д.” (Барсуков Н.А. Указ. соч. С. 50).

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 73–112. Проект доклада от 18 февраля 1956 г., завизированный секретарями ЦК КПСС А.Б. Аристовым и П.Н. Поспеловым, имеется в двух практически идентичных вариантах – рукописном (РГАСПИ) и машинописном (АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–28). Рукописный вариант доклада написан простым карандашом рукой Поспелова, имеет сравнительно небольшую стилистическую авторскую правку по ходу его написания и с рукописными вставками из следственных дел.

⁵⁵ В.П. Наумов пишет: “К подготовке окончательного текста были подключены секретари ЦК. На завершающем этапе работы над текстом работал Д.Т. Шепилов” (НИИ. 1996. № 2. С. 15). Р.Г. Пицхоя приводит свидетельство А.Н. Яковлева о том, что “непосредственно перед докладом, двое суток, Хрущев дорабатывал его текст вместе с Шепиловым. И подготовленный ими последний вариант текста Хрущев и зачитывал” (Пицхоя Р.Г. Указ. соч. С. 145). На Шепилова ссылался Н.А. Барсуков: “Как появился этот вариант доклада? Мне рассказывал лично Шепилов. Мысль расширить рамки доклада, сразу на несколько порядков увеличить его разоблачительную силу, видимо, пришла Хрущеву уже после начала работы съезда. Потому, что во второй день съезда он вызвал Шепилова и предложил ему принять участие в подготовке совершенно нового доклада [...] В течение двух с половиной дней Шепилов в своем кабинете писал этот текст. Помимо него работали и другие: Поспелов, Шуйский, Лебедев, видимо, и еще кто-то” (Барсуков Н.А. Указ. соч. С. 50).

⁵⁶ Шепилов Д.Т. Указ соч. С. 390–391.

вым в доверительных отношениях и тот “на прогулках” много рассказывал о репрессиях прошлых лет. Шепилов решил поднять два вопроса: “международный – в чем состояла неправильность сталинизма – и военный”. Написав эти разделы, он лично передал их Хрущеву⁵⁷. В докладе, на слух, он якобы “улавливал только некоторые абзацы”, “фразы, раздельчики”. Позднее в интервью он говорил, что не является автором или соавтором доклада, не знает, кто его писал, сомневаясь, чтобы это мог сделать Пospelов, по его выражению – “лютый сталинист”⁵⁸. Никаких шепиловских текстов в архивах не выявлено, поэтому нет документальных оснований утверждать, что Шепилов “принял участие в подготовке совершенно нового доклада”⁵⁹. Имеется лишь его правка на экземпляре проекта доклада, представленного в Президиум 23 февраля. Это редакционные замечания и несколько небольших вставок. На сопроводительной записке, подписанной Хрущевым, приложенной к экземпляру доклада Шепилова, карандашом набросан перечень из 8 вопросов, которые необходимо добавить⁶⁰. По тематике эти дополнения отличаются от названных самим Шепиловым. Например, затрагивался вопрос о репрессиях. Возможно, это второй этап доработки доклада, в котором он принял участие вместе с другими. Тогда неясно, кто включал “фразы” и “раздельчики” Шепилова в проект доклада?

Хрущев остался недоволен не только проектом доклада Пospelова но и тем, что написал Шепилов. 19 февраля Хрущев продиктовал стенографистке свои мысли (“надиктовка”) для дополнения и расширения доклада⁶¹. Затем “некто” доработал доклад с учетом “надиктовок” за оставшиеся 2 дня. 23 февраля доклад был вновь представлен в Президиум ЦК⁶².

Следует решительно возразить тем, кто считает, что “надиктовки” стали основой доклада⁶³. Хрущев сохранил основную тему доклада Комиссии Пospelова, посвященную репрессиям 1930-х годов, но расширил хронологические рамки доклада, дополнил текстом об отрицательном характере сталинского руководства во время войны и разгуле репрессий в послевоенные годы, доказывая, что Сталин лично руководил процессами и пытками заключенных в 1940-х – начале 1950-х годов. Хрущев попытался ответить и на неизбежный вопрос: почему он и другие члены Политбюро мирились с этим. Сказано было достаточно откровенно – они молчали, потому что боялись: “Кто этому сопротивлялся или старался доказать свою правоту, тот был обречен

⁵⁷ Шепилов считал, что написанный им текст нужно искать “или в архиве Хрущева, или в архиве XX съезда, или у Шуйского – в Общем отделе” (*Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 391*). В фондах № 1 “Съезды КПСС” и № 5 “Отделы ЦК КПСС” эти тексты отсутствуют. Остается предположить, что они могут находиться в еще не доступном до сих пор архиве Хрущева, в АПРФ.

⁵⁸ *Шепилов Д.Т. Указ. соч. С. 391*.

⁵⁹ *Барсуков Н.А. Указ. соч. С. 50*.

⁶⁰ «1) + Мерещков. 2) Добави[ть] [или “добавил”], что англичане (Черчилль) нас предупреждали + сов[етское] посольство, Деканозов, в Германии также предупреждали о готовящ[ейся] войне. 3) Привести телег[рамму] Сталина и Жданова из Сочи. 4+ о роли раб[очего] класса...» и т.п. Проект доклада от 23 февраля, экземпляр секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шепилова (отдельные листы). См.: РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 164–171.

⁶¹ Дополнения к проекту доклада, продиктованные Н.С. Хрущевым 19 февраля (так называемая “надиктовка”), – машинописный текст расшифрованной стенографической записи. См.: АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 29–63.

⁶² Проект доклада Н.С. Хрущева, разосланный членам, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, с сопроводительной запиской Хрущева от 23 февраля 1956 г. См.: РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 1–79. Машиноп. экземпляр. Первоначально этот текст имел гриф “Совершенно секретно” с пометкой “Особая папка”, снятой в 1970 г. (Доклад Комиссии Президиума ЦК КПСС имел гриф “Совершенно секретно”).

⁶³ *Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 143. Наумов В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущева // НИИ. 1996. № 4. С. 26.*

на исключение из руководящего коллектива с последующим немедленным уничтожением”⁶⁴.

Дополнения Хрущева указывают на главное – стремление возложить на Сталина и его исполнителей – Ежова, Берия и других все преступления, вывести из зоны критики партию, и, в конечном итоге, себя. Его характеристики эмоциональны и пристрастны, во многих случаях рисовали карикатурный портрет Сталина. Одновременно Хрущев преследовал сугубо практическую цель. Он стремился как бы невзначай бросить тень на деятельность Маленкова и других своих коллег, намекнуть на их соучастие в сталинских преступлениях⁶⁵. “Надиктовка” свидетельствует и о плане Хрущева значительно расширить круг фактов о сталинских репрессиях. Не все из этих дополнений вошло в доклад. Глухо в “надиктовке” упоминалось о “московском деле”. Позднее, в своих воспоминаниях Хрущев утверждал, что это дело должно было стать аналогичным “ленинградскому”⁶⁶.

Текст доклада от 23 февраля вновь дорабатывался с учетом предложений и замечаний членов и кандидатов в члены Президиума ЦК, секретарей ЦК и 25 февраля был готов⁶⁷. За два-два с половиной дня опять кто-то провел довольно большую работу. Кто именно? Называют помощников Н.С. Хрущева – Г.Т. Шуйского и В.С. Лебедева⁶⁸. Но активным участником работы над докладом был еще и М.А. Сулов. Фигура довольно неожиданная и поэтому никем раньше не называвшаяся. Его экземпляр проекта доклада от 23 февраля содержит наибольшую по своему объему правку, хотя, главным образом редакционного характера⁶⁹. Хотя, возможно, она принадлежит не только Сулову, так как правка внесена карандашами разного цвета (простым, синим, красным).

Хрущев мог считать, что 23 февраля Президиум одобрил доклад “де факто”. Но специального решения Президиум не принимал, поэтому справедливо отмечается, что этим нарушались существовавшие традиции⁷⁰.

Доклад дописывался до последнего момента. Имеется текст датированный 25 февраля⁷¹. Сравнение текста от 25 февраля с текстом, представленным Хрущевым в Президиум ЦК 1 марта, чтобы утвердить его для рассылки

⁶⁴ АПРФ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 169. Л. 31.

⁶⁵ См.: Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 144–145.

⁶⁶ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 215–216. Вероятно, имелась в виду проверка комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) (Л.П. Берия, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, М.А. Сулов) московской партийной организации в 1949 г. Проверка была инициирована Сталиным по сфабрикованному “письму трудящихся” о группе заговорщиков во главе с первым секретарем МК и МГК Г.М. Поповым, одновременно являвшимся председателем Моссовета (1944–1949) и секретарем ЦК ВКП(б) (1945–1949). По результатам проверки было принято специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и проведен пленум МК и МГК, на котором сообщалось о выявленных крупных недостатках в работе Г.М. Попова, бюро областного и московского городского комитетов партии. Г.М. Попов был снят с занимаемых должностей, но не репрессирован, а назначен министром городского строительства СССР (1950–1951). В 1951 г. Попов был снят с министерского поста и назначен директором завода. От своих обязанностей в 1950 г. также были освобождены и другие московские руководители. Возможно, Сталин планировал “дело” по типу “ленинградского”. Но по каким-то причинам процесс не состоялся. Об этом деле упоминалось на июньском 1957 г. пленуме ЦК. См.: Молотов, Маленков, Каганович. Стенограмма июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 480, 538, 755–756. В воспоминаниях Хрущев приписывал себе заслугу, что он убедил Сталина не обращать внимания на анонимку. См.: Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 215–216. Об этом “деле” Хрущев говорил и на активе ленинградской партийной организации 6 мая 1954 г. в связи с постановлением ЦК КПСС по “ленинградскому делу” (Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 131).

⁶⁷ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–88.

⁶⁸ Барсуков Н.А. Указ. соч. С. 51.

⁶⁹ Проект доклада от 23 февраля, экземпляр секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова. См.: РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 80–163.

⁷⁰ Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 146.

⁷¹ Текст доклада от 25 февраля (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–88) с рядом дополнений лег в основу выступления Хрущева на съезде.

по парторганизациям, обнаруживает ряд отличий⁷². Самыми существенными из них являются “отвлечения” Хрущева от текста доклада: о том, что Сталин планировал военные операции по глобусу или исключенный затем эпизод об отношении Сталина к членам Политбюро: “Что Вы там сели, боитесь, что я вас расстреляю? Не бойтесь, не расстреляю. Пересаживайтесь ближе”.

Делегаты съезда в какой-то мере были подготовлены к “закрытому” докладу Хрущева, поскольку уже до начала съезда им были разосланы ленинские работы, ранее не публиковавшиеся в открытой печати: обращение к XII съезду партии, так называемое Завещание, письма Ленина по национальному вопросу. В Отчетном докладе ЦК, зачитанном Хрущевым, имя Сталина не упоминалось, хотя ранее это было обязательным атрибутом любого подобного выступления. Критические замечания в адрес Сталина содержались в выступлении Микояна. Последнее выступление вызвало большой резонанс, и среди делегатов съезда и, особенно, за рубежом. Вполне возможно, что содержание выступления Микояна было им согласовано с Хрущевым и рассматривалось в качестве пробного шара⁷³. Вопрос о культе личности, но в общей форме, без упоминания имени Сталина, которому противопоставлялись партия и коллективное руководство, затрагивался и в других выступлениях на съезде.

Распространенная версия гласит, что доклад Хрущева был встречен гробовым молчанием пораженных делегатов съезда, несколько делегатов даже упало в обморок. На самом деле реакция была разной. По воспоминаниям бывшего командующего Туркестанским военным округом генерала армии Н.Г. Ляшенко, «после доклада к группе военных подошел Жуков, веселый, сияющими глазами и сказал: “Наконец-то эту рябюю ... – тут он прибавил нецензурное выражение в адрес “отца народов”, – вывели на чистую воду”»⁷⁴. Один из делегатов съезда прислал Хрущеву записку с вопросом: “После Вашего выступления, достоин ли т. Сталин лежать вместе с Лениным?”⁷⁵ На этот вопрос Хрущев ответил только на XXII съезде КПСС решением о выносе тела Сталина из Мавзолея.

На съезде были приняты противоречивые решения. Ход закрытого заседания не стенографировался и после окончания доклада было решено “прений по нему не открывать”, но, одновременно, было решено ознакомить с его содержанием партийные организации.

Несколько дней шла правка текста доклада, и 5 марта было принято постановление Президиума ознакомить “с докладом Н.С. Хрущева” “всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников”. С доклада снимался гриф “Строго секретно”, ставился – “Не для печати”⁷⁶. Показательно, что он не назывался докладом ЦК.

Руководителей некоторых коммунистических и рабочих партий начали знакомить с содержанием доклада еще в Москве 27 февраля⁷⁷. В текст док-

⁷² Текст доклада от 1 марта, представленный Н.С. Хрущевым в Президиум ЦК КПСС. В текст внесены дополнения к тексту доклада от 25 февраля, сведения о реакции зала, даны ссылки на опубликованные произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина и другие цитируемые документы, а также небольшая стилистическая и редакционная правка. См.: Там же. Д. 18. Л. 1–94.

⁷³ Об этом пишет сын Микояна. См.: XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. С. 42.

⁷⁴ Цит. по: *Абрамова Ю.А.* Жуков и XX съезд // Там же. С. 117.

⁷⁵ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 14. Л. 55.

⁷⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 4. Л. 66; Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 166. Имеется текст, датированный 7 марта, экземпляр помощника Н.С. Хрущева, Г.Т. Шуйского, очевидно принимавшего участие в подготовке доклада. См.: Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16. Л. 172–254.

⁷⁷ Там же. Д. 18. Л. 116–187. Первыми были ознакомлены с докладом руководители компартий Китая, Франции, Италии, Чехословакии, Болгарии, Албании, Венгрии, Румынии, ГДР, КНДР, Монголии, Вьетнама (Там же).

лада для рассылки были внесены небольшие изменения⁷⁸. Специально отпечатанная брошюра с текстом доклада была послана руководителям социалистических стран и ряду крупных зарубежных компартий в капиталистических странах⁷⁹.

Распространение доклада за границей быстро вышло из-под контроля. Считается, что утечка произошла в Польше, где польским руководством было решено издать перевод ограниченным тиражом⁸⁰. Текст доклада был получен американскими спецслужбами и опубликован Госдепартаментом США 5 июня 1956 г. в газете “Нью-Йорк таймс”. Его появление произвело эффект разорвавшейся бомбы и нанесло большой ущерб всему коммунистическому движению, вызвав волнения в Польше и революцию в Венгрии.

Ожидал ли этого Хрущев? Возможно, что в азарте борьбы за власть он обо всех последствиях не подумал. Реакцию на решения съезда в ЦК КПСС пристально отслеживали, были вынуждены “подправлять” тех, кто в дискуссиях о культе личности переступал дозволенные границы и “разъяснять”, как надо понимать решения съезда. 30 июня 1956 г. постановление Президиума ЦК “О преодолении культа личности и его последствий” поставило точки над “i”. В постановлении культ личности объявлялся следствием классовой борьбы, сложной международной обстановкой и острой внутрипартийной борьбой.

Противоречия в докладе Хрущева в оценке Сталина и “сталинизма” отразились на курсе руководства СССР. Как бы не клеймил Хрущев Сталина, сам он до мозга костей оставался сталинистом. Казни и пытки были отменены, но характер власти был в принципе тем же. Власть оставалась авторитарной. Началась кампания против реакции на выступления “отдельных гнилых элементов”, которые “под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильную политику партии”⁸¹, людей, выступивших с критическими замечаниями, по терминологии партийных документов, “клеветавших на советский строй” и распространявших “антисоветские высказывания”⁸², исключали из комсомола, из партии и даже арестовывали. В отделах партийных органов ЦК КПСС по РСФСР и союзным республикам анализировали приходившие отчеты местных партийных органов о ходе обсуждения решений съезда, доклада Хрущева и постановлений ЦК о “культе личности” и накапливали информацию “об антипартийных выступлениях отдельных коммунистов”⁸³. Критика ЦК в первичных партийных организациях еще больше нарастала. Волнения в стране и за рубежом подкрепляли опасения консервативной части Президиума ЦК. И год, начавшийся XX съездом, за-

⁷⁸ Текст доклада для рассылки в партийные организации. См.: Там же. Д. 18. Л. 95–115. Первая рассылка была с грифом “Строго секретно”, вторая, массовая, – с грифом “Не для печати”.

⁷⁹ Брошюра с текстом доклада для рассылки посылал и посланникам СССР в зарубежных странах и ЦК зарубежных коммунистических партий. См.: Там же. Л. 188–210. Типографский экземпляр с правкой. Экз. № 00290. С рукописной пометой “т. Малину В.Н.” Тираж 150 экземпляров.

⁸⁰ См.: O kulcie jednostki i jego następstwach. Referat I Sekretarza KC KPZR tow. N.S. Chruszczowa na XX Zjeździe Komunistycznej Partii Związku Radzieckiego 25 lutego 1956 roku. Warszawa, 1956. 72 ss. На титульном листе значилось: “Издано Центральным Комитетом Польской объединенной рабочей партии” (Wydanie przez Komitet Centralny Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej) и “Исключительно для использования партийными организациями” (Wyłączenie do użytku organizacji partyjnych). Благодарим А.М. Орехова за сведения о польских публикациях. В популярных изданиях приводятся и другие подробности того, как текст доклада попал на Запад. См., например: Корнилов Ю. Миллион долларов за доклад Хрущева. 43 года назад XX съезд КПСС осудил преступления Сталина // Труд. 1999. 5 марта; Ростиков Е. Уроки XX века // Республика. 2001. 20 февр.

⁸¹ Правда. 1956. 5 апр. О реакции на доклад в СССР и за рубежом см. также: Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 147–171; Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 91–134.

⁸² РГАНИ. Ф. 89 (Коллекция копий рассекреченных документов). Оп. 6. Д. 3, 4.

⁸³ Там же. Д. 5, 6.

кончился закрытым письмом ЦК КПСС к партийным организациям “Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских враждебных элементов”, разосланным 19 декабря⁸⁴.

Такая реакция на доклад, по-видимому, пресекла возможность официального издания доклада в СССР. Но за рубежом текст доклада уже “зажил” своей жизнью, неподвластной ЦК КПСС. После первой публикации в “Нью-Йорк тайме”, доклад Хрущева полностью перепечатывался в газетах разных стран мира или подробно излагался. В ближайшие полгода после съезда текст доклада успели опубликовать не только в газетах крупнейших капиталистических государств, но и в таких странах “третьего мира”, как Индонезия, Иран, Чили и др. За рубежом выходили и отдельные издания доклада на русском языке. Доклад стал орудием борьбы против коммунизма и политического режима в СССР. Есть сведения об издании доклада на русском языке эмигрантскими организациями⁸⁵ и даже об издании, замаскированном под брошюру “Политиздата”⁸⁶. На русском языке текст доклада отдельной брошюрой был напечатан даже в Иране⁸⁷. К сожалению, до сих пор библиография публикаций доклада за рубежом не собрана и это не позволяет составить достаточно полное представление о влиянии доклада на умы многих людей во всем мире. Только спустя более 30 лет текст доклада Хрущева появился в СССР в легальных изданиях и был опубликован в партийном журнале “Известия ЦК КПСС”⁸⁸.

Изучение истории доклада первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культуре личности и его последствиях”, его подготовки, распространения и публикации оказалось возможным после того, как основной комплекс архивных документов по теме был рассекречен, передан в Российский государственный архив новейшей истории⁸⁹ и открыт для исследователей⁹⁰.

⁸⁴ Там же. Д. 1. Анализ письма см.: *Пихоя Р.Г.* Указ. соч. С. 165–170.

⁸⁵ Записка заместителя Председателя КГБ при СМ СССР П.И. Иващутина в ЦК КПСС от 7 мая 1958 г. об издании в Мюнхене эмигрантской организацией “Союз борьбы за освобождение народов России” брошюр с текстом доклада Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС и распространении ее среди перемещенных советских граждан от 13 ноября 1956 г. (РГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18. Л. 211).

⁸⁶ Это могло быть издание издательства “Посев”. К сожалению, обращение в Московское представительство издательства не прояснило эту ситуацию.

⁸⁷ Находится в составе материалов XX съезда в РГАНИ (Ф. 1. Оп. 2.).

⁸⁸ См.: Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170. Публикация предварялась газетными публикациями текста доклада. Издание текста доклада в журнале содержало элемент научного подхода. Оно основывалось на тексте, представленном Хрущевым в Президиум ЦК КПСС 1 марта, затем отредактированном и принятом для рассылки в местные парторганизации решением Президиума ЦК от 7 марта 1956 г. Опубликованный текст не идентичен тому, который зачитывал Хрущев с трибуны съезда. В текст, опубликованный в “Известиях ЦК КПСС”, были сделаны вставки о реакции делегатов: “Оживление в зале”, “Шум возмущения в зале”, “Аплодисменты” и т.п., что не отражало реальной атмосферы закрытого заседания. Имелись и другие различия.

⁸⁹ Текст доклада Н.С. Хрущева “О культуре личности и его последствиях” поступил в РГАНИ из АПРФ 7 февраля 1995 г. в составе фонда № 1 (“Съезды КПСС”), в делах XX съезда КПСС, рассекреченных в 1994 г. Опубликованы доклад комиссии Президиума ЦК КПСС по результатам изучения архивных документов о массовых репрессиях советских граждан в 1935–1940-е годы от 9 февраля 1956 г., положенный в основу первого варианта доклада, проект доклада от 13 февраля и замечания, надиктованные Хрущевым (Реабилитация: Как это было. Т. 1. С. 317–348, 353–379). Весь комплекс редакций и вариантов текста доклада публикуется в сборнике, подготовленном РГАНИ для издания РОССПЭН.

⁹⁰ *Аксютин Ю.В.* Новые документы бывшего архива ЦК// XX съезд: Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. С. 119–129; *Наумов В.П.* К истории секретного доклада Н.С. Хрущева // Там же; *Он же.* Борьба Хрущева за единоличную власть // ННИ. 1996. № 2; С. 10–31. *Он же.* К истории секретного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС // Там же. № 4. С. 19–35; *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти 1945–1991. М., 1998. С. 94–95; *Аксютин Ю.В.* Новое о XX съезде КПСС // ОИ. 1998. № 2. С. 108–123; *Naumov V.P.* New Sources and Evidence on Destalinization and the 20th Party Congress // Leadership Transition in a Fractured Bloc: Bulletin. – Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, 1998. Issue 10.

Из того, что произошло после XX съезда, Хрущев извлек для себя урок. Во-первых, критика Сталина оказалась в борьбе за власть действенным, но обоюдоострым оружием, которым нужно было пользоваться умело. Во-вторых, оппозиция в лице бывшего ближайшего окружения Сталина еще была в силе и, как могла, ему противодействовала. Кризис в советском обществе захватил и Президиум ЦК, вылившись в 1957 г. в попытку отстранить Хрущева от власти. Это сопротивление удалось преодолеть лишь в результате июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС, исключив из состава руководства “антипартийную группу” Молотова, Маленкова и Кагановича и использовав испытанный уже прием – обвинение в активном участии в сталинских репрессиях и в стремлении возратить сталинские порядки. Его Хрущев использует и на XXII съезде, но уже в последний раз. В новой политической обстановке, с новыми действующими лицами на политической арене, этот прием не работал. И Хрущев проиграл.

Вместе с поражением Хрущева были поставлены под сомнение решения XX съезда в части критики “культы личности”. Начались попытки ползучей “реабилитации” Сталина, прерванные перестройкой М.С. Горбачева, продолжившего курс Н.С. Хрущева в области реабилитации жертв репрессий. Но и в наши дни общество остается расколотым в оценке итогов деятельности Сталина. Новые рассекреченные архивные документы, ставшие достоянием общественности, помогут глубже осмыслить сложнейшие периоды нашей истории и роль таких лидеров, как Сталин и Хрущев.

А.В. Рукавишников

**ЛЕТОПИСНЫЙ ОТРЫВОК ИЗ СОБРАНИЯ
БИБЛИОТЕКИ БОДЛЕЙН
В ОКСФОРДЕ**

В последнее время, когда находки летописных текстов случаются все реже и реже, начинает возабладать мнение, что вся совокупность русских летописей известна и практически изучена. Особенно это относится к летописям XIV–XV вв., т.е. к раннему летописанию. В этой работе нам хотелось бы поколебать данное мнение, указав на ряд важных вопросов, которые либо остаются нерешенными, либо решены неудовлетворительно.

В ходе работы в библиотеке Бодлейн Оксфордского университета (Великобритания) нами был изучен летописный отрывок в составе одного русского сборника, хранящегося в фондах данной библиотеки. Его шифр: MS Selden superius 112 (S.C. 3324). Сборник состоит из 252 листов размером 145 мм × 100 мм. Переплет из плотной бумаги (картона) с веленевым корешком, размер – 155 мм × 105 мм. Сборник был описан Ральфом Клеминсоном в его “A union catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish collections.”¹ Нами были проверены и уточнены данные английского исследователя.

Манускрипт состоит из 12 частей (произведений различного характера). В его составе – Судебник 1550 г., указания по ведению церковных служб в течение года, список разрешенных и запрещенных для чтения книг и т.д. Сборник состоит как из отдельных листов, так и целых тетрадей. Интересующий нас летописный отрывок находится в составе XI–XV тетрадей сборника (по 8 листов каждая), на листах 80–118 (Л. 79 – первый лист XI тетради – пустой).

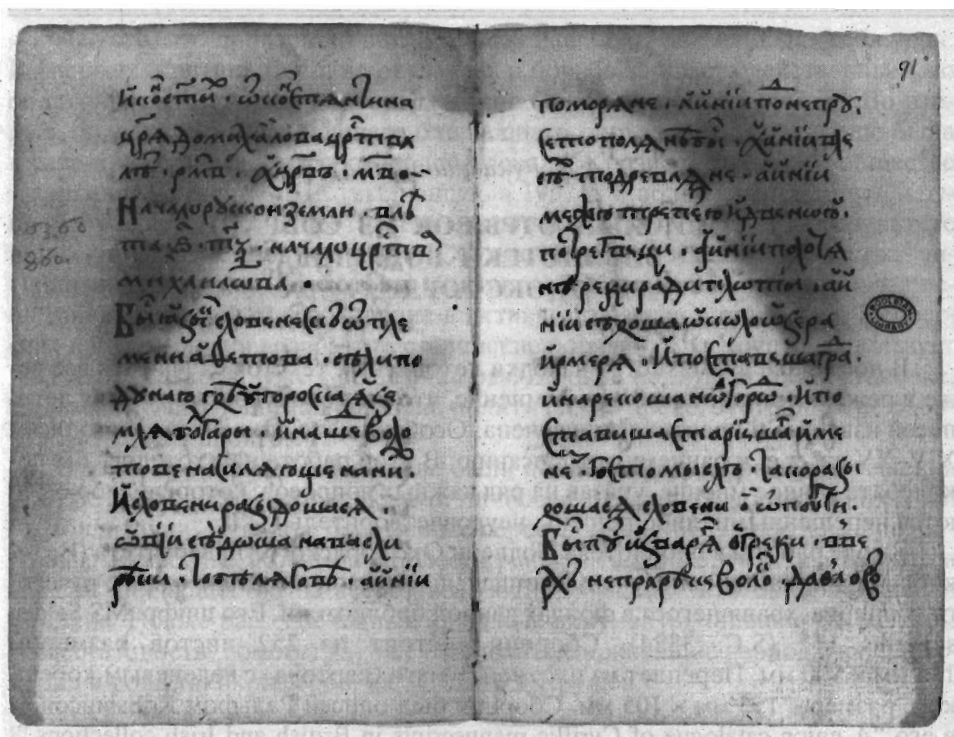
Р. Клеминсон исследовал филигранные сборника. Всего им было выявлено семь датируемых филигранных: кувшин с двумя ручками между буквами Rd и рука типа Лихачев № 1746–1749, 2859–2860 и 2979–2980 (датировка – 1551–1559 гг.); маленький кораблик с флагами разной формы типа Лихачев № 1896 (1567 г.); орел, схожий с Briquet № 124 (1586–1599 гг.); перчатка типа Briquet № 11001 (1545 г.); сфера типа Лихачев № 3439 (1564 г.); маленькая рука с тонкими пальцами с короной над ней и буквами АВ внизу – Briquet № 10989 (1581 г.), Heawood, № 2570–2571 (1577–1609 гг.).² Уточняет датировку следующая надпись, сделанная карандашом, вероятно, английской рукой (почерком XVI–XVII вв.): “Василий жван Федоръ. Борис Федорович Годуновъ”³. Это – приписка к списку русских князей от Рюрика до Дмитрия Внука (аналогичен списку русских князей из Архивского списка Сокращенного свода (далее: Арх. СС) конца XV в.)⁴. Очевидно, что запись была сделана *во время* царствования Бориса Годунова (1598–1605), когда сборник уже находился у некоего англичанина. Таким образом, по филиграммам и этой припис-

¹ Cleminson R. A union catalogue of Cyrillic manuscripts in British and Irish collections. L., 1988. P. 297–303.

² Ibid. P. 297–300.

³ Ibid. P. 298.

⁴ РГАДА. Ф. 181. № 365. Л. 54–54 об. Опубл.: ПСРЛ. М., 1965. Т. 27.

Лист из Оксфордского списка

ке можно утверждать, что сборник был составлен **не ранее** последних двух десятилетий XVI в. и **не позднее** 1605 г. Различные части сборника создавались **в разное время**. На это указывает датировка филиграней сборника (одни относятся к 1540–1550 гг., другие – к 1580–1590 гг. и к началу XVII в.), а также наличие нескольких разновременных почерков, которыми писались те или иные части в его составе.

Интерес представляет время написания летописного отрывка в данном сборнике. Судя по филиграням – маленький кораблик с флагами разной формы типа Лихачев № 1896 (1567 г.), дата написания летописного текста – третья четверть XVI в. (наиболее вероятно – 1560-е годы). Эту дату подтверждает время бытования в России бумаги с филигранями в виде маленького кораблика с двумя или одним флагом различной формы. Судя по данным, собранным Лихачевым, оно приходится на 1560-е годы: № 1864-5 (1563 г.), № 1896-9 (1567 г.), № 1922-3 (1567 г.), № 3058 (1559 г., французское письмо), № 3353 (вторая половина 1560-х годов), № 3455-7 (1564 г.), № 4088 (1565 г.), № 4110-11 (до 1565 г.).⁵

Летописный отрывок написан коричневыми и красными (заголовки и инициалы) чернилами, очень четкой скорописью. Площадь, используемая для письма, – 110 мм × 70 мм, в среднем на странице писец помещал 14 строчек. Отрывок состоит из следующих текстов:

⁵ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. С. 175, 177, 178, 356, 391, 402, 480, 483, 484. Безусловно, вопрос требует окончательного прояснения на основе анализа материалов других сборников филиграней.

Л. 80–84 об.: список византийских императоров;

Л. 85–86 об.: список русских князей;

Л. 87–118 об.: летописный текст – от рождения Малеха, сына Мафусаила до императора Михаила III (Л. 87–90 об.) и от имп. Михаила и начала Русской земли до 6649 (1141) г. (Л. 90 об.–118 об.).

Тетрадь XII (Л. 87–94) пронумерована, как 3-я, тетрадь XIII (Л. 95–102), как 4-я, а тетради XI, XIV и XV не пронумерованы вообще. При этом текст тетрадью XII–XV читается как связный, а текст тетради XI выглядит по отношению к ним как вполне самостоятельный. Более того, в составе тетради XI первый лист пустой, а второй (Л. 80) начинается с имп. Юстина Фракийца (“Иустинъ Фраксъ”), т.е. список византийских императоров не имеет начала⁶.

В СС списки русских князей и византийских императоров вполне самостоятельны по отношению к основному тексту летописи и расположены перед ним. Можно предположить, что и в нашем случае эти списки входили в 1 или 2-ю (непронумерованную) тетрадь, перед текстом летописи.

Летописный текст (Л. 87–118 об.) – крайне интересен. Мы имеем дело с механическим соединением текстов двух летописей: в первой части (Л. 87–95) – краткого новгородского летописца (далее: КНЛ) XV в. (“От начала летописец, сведен въкратце, ноугороцкой”), сохранившегося в таком виде в единственном списке в составе сборника XVI в., дошедшего до нашего времени в коллекции рукописей Троице-Сергиева монастыря Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее: РО РГБ) (ф. 304/1. № 805/1901) (далее: Тр. 805)⁷; во второй части (Л. 95–118 об.) – летописи Мазуринского вида⁸ СС. Обратимся подробнее к сравнению нашего летописца с КНЛ и со списками Маз. вида СС.

Сходный с нашим летописным отрывком (на Л. 87–95) текст читается в составе Тр. 805. Текст по Тр. 805 до сих пор так и не был опубликован. Он находится в составе уже упомянутого сборника XVI в. на Л. 384–417 об.⁹ Летописный текст доведен до 1518 г., причем КНЛ заканчивается на известии 1461 г., а затем идет другой источник. На л. 417 об. помещена приписка о море в Новгороде за 7061 (1553) г., а после “Сказания о градах”, на л. 420 об. еще одна приписка – также о море в Новгороде, под 7075 (1567) г. Она сделана тем же почерком, что и основной текст летописца.

⁶ Схожий, но полный список византийских императоров читается в опубликованных списках СС конца XV в. (Мазуринском (далее: Маз.) и Арх.). Причем и в СС, и в нашем летописце он заканчивается одинаково: “Сын его, кирь Калуян по нем нача царствовати в лето 6933. Православен”. Утеряно примерно до четверти текста списка, т.е. где-то полтора листа. Можно предположить, что в тексте, с которого переписывался список византийских императоров, не было начала, поэтому наш писец специально оставил для него лист свободного места в начале тетради. К сожалению, начала списка ему так и не удалось отыскать. Заканчивается XI тетрадь полным списком русских князей, сходным с Арх. (см. выше).

⁷ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 805/1901.

⁸ Здесь мы следуем терминологии, введенной Я.С. Лурье. (см.: *Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв.* Л., 1976. С. 170; *Он же. Новые памятники русского летописания конца XV в.* // *Ист. СССР.* 1964. № 6. С. 118–119.)

⁹ Нами был произведен пересчет листов в составе этого сборника: было выявлено, что пустые листы не были учтены при нумерации сборника (например, Л. 70), поэтому нумерация листов в нем сбита. Ранее указывалось, что Тр. 805 находится на Л. 380–443 сборника (*Муравьева Л.Л. Рогожский летописец XV в.* М., 1998. С. 30). Новые данные позволяют уточнить нумерацию. Также ошибочно включалось в состав Тр. 805 “Слово о преставлении великого князя Василия Ивановича” (Л. 421 и далее), написанное другим почерком и к краткому новгородскому летописцу не относящееся. Вопрос о соотношении Тр. 805 и “Сказания о градах от Великого Новаграда и до Рима” (Л. 418–420), написанного тем же почерком, что и летописец, мы оставляем открытым.

Текст КНЛ написан скорописью. Филигрань – ваза с цветами (Л. 416) – относится к 60-м годам XVI столетия¹⁰. На Л. 233 и 268 существует владельческая запись: “А се книга Карпа Иванова сына Матренина”. Согласно показанию писцовой книги, его двор в подмонастырской деревне Кокуево был уже пустой в 1586 г.¹¹ Таким образом, список КНЛ в составе Тр. 805 относится к концу 60-х – началу 80-х годов XVI в.

Анализ текстов нашего летописного отрывка (Л. 87–95) и Тр. 805 позволяет утверждать, что они являются списками с одного общего протографа. В Оксфордском списке (далее: ОС) начало КНЛ отсутствует, в нем текст начинается с фразы “[преста]вися и не обретесе тело его. Мафусаил роди Малеха” (Л. 87). Видимо, в манускрипте, с которого списывался текст, начало также отсутствовало. Зато оно сохранилось в Тр. 805. Текст, сходный с оксфордским, находится на Л. 384 об.–387 об. – от рождения Малеха до известия под 6406 (898) г. На всем его протяжении мы обнаружили лишь незначительные отличия. Приведем основные, сведенные в таблицу:

Оксфордский список	Тр. 805
1. "...и поставиша град, и нарекоша Новгород, и поставиша старишага именем Гостомыслъ" (Л. 90 об.).	1. "... поставиша град, и нарекоша Новог рад , и посадиша стареишег[о] именем Гостомысла" (Л. 386).
2. "Кий княжество дръжа в своем роду и живот свои сконча" (Л. 92).	2. "Кни князят въ своемъ роду и живот скончаю т " (Л. 386 об.).
3. "В лето 6367... козари имеяху дан[ь] на полянех по бели з дыму." (Л. 92–92 об.).	3. "В лето 6367... козари имахоу по бели з дыма." (Л. 386 об.).
В "легенде о призвании варягов" (4–6):	
4. "ста народ, начаша сами себе воевати" (Л. 92 об.).	4. "ста род на род, начаша сами на себе воевати" (Л. 386 об.).
5. "избрашася три брата своими роды" (Л. 93).	5. "избрашася князи три брата своими роды" (Л. 387).
6. "сруби град над Волхом и нарече имя ему Новоград" (Л. 93).	6. "сруби город над Волховом и нарече Новоград" (Л. 387).
7. "варягам устави дани от Новагорода по 300 гривен на год меру деля" (Л. 94).	7. "варягом устави дан[и] от Новагорода по 300 гривен на год миру деля" (Л. 387 об.).
8. "и съставиша Писания и язык" (Л. 94 об.).	8. "и составиша писания на словенскии язык" (Л. 387 об.).
9. "В лето 6406. Възрастшо и приведе себе жену Олгу от Плескова" (Л. 95).	9. "В лето 6406. Игорю возрастшоу и приведе соби женоу от Плескова именем Олгоу." (Л. 387 об.).

Если текст ОС под № 4, 7, 8 и 9 и текст Тр. 805 под № 2, 3, очевидно, дефектный и исправляется по другому списку, то во всех остальных случаях точно определить, какой вариант читался в протографе нельзя. Однако заметим, что в тексте под № 1 в летописи Авраамки и в Рогожском летописце читается “**посадиша**”, как и в Тр. 805¹²; под № 5 слово

¹⁰ Муравьева Л.Л. Указ. соч. С. 61. См. также: Тромонин К. Знаки писчей бумаги (изъяснение знаков писчей бумаги). М., 1844. № 1604 (1562 г.).

¹¹ Там же.

¹² ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 9; М., 2000. Т. 16. Стб. 34.

“князи” во всех древнейших летописях (Лавр., Ипат. и т.д.) отсутствует, как и в ОС; текст под № 6 в Ипат.: “сруби город надъ Волховом и прозваша и Новъгород”¹³, т.е. отличный от ОС и Тр. 805 (см. также ниже).

Характер различий обоих списков позволяет сделать вывод о том, что они очень близки друг к другу. При публикации КНЛ по Тр. 805 варианты из ОС должны быть приведены в качестве разночтений. Более того, в ОС сохранились киноарные заголовки (“О поути”, “О рекахъ”, “О киевскихъ князехъ” и т.д.), тогда как в Тр. 805 они написаны теми же чернилами, что и весь текст, т.е. никак не выделены.

После известия 6406 г. в Оксфордском манускрипте идет текст, сходный с СС Маз. вида. Однако это не свидетельствует о том, что у писца не было продолжения текста КНЛ, как увидим позже. Объяснение замене источника, с которого списывался текст, находится в более полном описании общерусских событий за X–XI века в СС. КНЛ за XI в. освещает сугубо новгородские события, и то, весьма кратко.

Заканчивая сопоставление сходного текста в Тр. 805 и ОС, следует отметить, что перед нами не просто КНЛ (в редакции, доведенной до 1461 г.), который, в свою очередь, был основан на тексте Новгородской IV летописи¹⁴. Речь идет об особой обработке КНЛ. Текст “легенды о призвании варягов” дан не по II редакции ПВЛ, отразившейся в Лаврентьевской, Новгородской IV, Софийской I летописях, Рогожском летописце, летописи Авраамки и т.д., а по рассказу (с дополнениями о Ладого и т.д.), сохранившемуся в Ипатьевской летописи. Было установлено, что в тексте КНЛ в Тр. 805 присутствуют “лишние новгородские сообщения”, сам он доведен до 1461 г.¹⁵ Очевидно, что необходима публикация текста Тр. 805 (с приведением разночтений по ОС), а также особое исследование его соотношения с текстом КНЛ различных редакций (сохранившемся в Рогожском летописце, летописи Авраамки; в “Летописце епископа Павла” и т.д.), с Новгородской IV и другими русскими (прежде всего, новгородскими) летописями.

С известия 6390 (882) г. до конца летописного отрывка (Л. 95–118 об.) текст Оксфордского манускрипта является списком СС Маз. вида. Сравнение с опубликованным в XXVII томе ПСРЛ текстом СС Маз. вида по двум спискам (Маз. и Арх.) показывает, что создатель Оксфордского списка (ОС) имел под рукой неисправный текст, на что указывают следующие ошибки (непонимание текста, описки, пропуски).

Ошибочные чтения в Оксфордском списке по отношению к спискам Мазуринского вида:

- поход Игоря на греки: в ОС – 6458 (950) г. (Л. 96), в Маз. – 6422 (914) г. (С. 312);
- поход Игоря на греки: в Маз. – “съ множеством вой” (С. 312), в ОС – “съ множеством своимъ” (Л. 96 об.);
- 6477 г.: в Маз. – “Святослав же то слышавъ...” (С. 312), в ОС – “Святославъ ж послушав...” (Л. 98 об.);

¹³ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 14.

¹⁴ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. С. VII.

¹⁵ Муравьева Л.Л. Указ. соч. С. 59, 60.

- 6479 г.: в Маз. – “100 000 вои” (С. 312), в ОС – “100 вои” (Л. 99);
- 6488 г.: в Маз. – “и сосла наместники Ярополчи” (С. 313), в ОС – “и с наместники” (Л. 100);
- 6488 г.: в Маз. – “И повеле ити емоу къ Володимероу” (С. 313), в ОС – “и повеле ити противу его к Володимеру” (Л. 101);
- 6488 г.: в Маз. – “от грекини” (С. 313), в ОС – “от агрипины” (Л. 101 об.);
- 6490 г.: в Маз. – “Победи Вятичи” (С. 313), в ОС нет “победи” (Л. 102);
- 6496 г.: в Маз. – “поне же”, “тогда крестят” (С. 314), в ОС – “по его же” (Л. 103), “того да крестят” (Л. 103 об.);
- 6496 г.: в Маз. – “Володимер же въ недугъ”, “Фива”, “коумиры избити”, “сыновей 12”, “Позвиздъ” (С. 314), в ОС – “въ лодиръ же въ недугъ”, “Фоува”, “кумиры и быти” (Л. 103 об.), “сыновей 16”, “Въздиздъ” (Л. 104);
- 6496 г.: в Маз. – “Святополка в Тоурове” (С. 314), в ОС – “Святослава в Тоурови” (Л. 104);
- основание Владимиром Святым Владимира-на-Клязьме: в Маз. – 6498 (990) г. (С. 314), в ОС – 6492 (984) г. (Л. 104 об.);
- основание Владимиром Святым Владимира-на-Клязьме: в Маз. – “спомъ осыпа и церковь в немъ постави” (С. 314), в ОС – “стом осыпа и церкви ем постави” (Л. 104 об.);
- 6501 г.: в Маз. – “одва добы” (С. 314), в ОС – “два добры” (Л. 105 об.);
- 6505 г.: в Маз. – “сыты” (С. 314), в ОС – “спыти” (Л. 105 об.);
- смерть Изяслава Владимировича: в Маз. – 6509 (1001) г. (С. 314), в ОС – 6519 (1011) г. (Л. 106);
- 6529 г.: в Маз. – “Бърячиславъ бежа Полотскоу” (С. 315), в ОС нет “бежа” (Л. 108 об.);
- 6539 г.: в Маз. – “и города Червеньския взяста” (в Архивском списке передано из “Черниговъския”) (С. 316), в ОС – “Черноговъския” (Л. 109 об.);
- смерть Мстислава: в Маз. – 6542 (1034) г. (С. 316), в ОС – 654 (последняя цифра: о) (Л. 109 об.);
- 6545 г.: в Маз. – “София” (С. 316), в ОС нет (Л. 110);
- освящение церкви св. Богородицы: в Маз. – 6547 (1039) г. (С. 316), в ОС – 6546 (1038) г. (Л. 110);
- освящение церкви св. Богородицы: в Маз. – “Феопентъ” (С. 316), в ОС – “Феоф” (Л. 110);
- 6560 г.: в Маз. – “Печерского” (С. 316), в ОС – “Пероскаго” (Л. 111);
- 6562 г.: в Маз. – “Игоръ” (С. 316), в ОС – “Игир” (Л. 111 об.);
- 6574 г.: в Маз. – “котопана” (С. 317), в ОС – “итогана” (Л. 113);
- 6575 г.: в Маз. – “что драгое” (С. 317), в ОС – “дра его” (Л. 113);
- 6577 г.: в Маз. – “изби... 70 моужъ” (С. 317), в ОС – “изби... 9 мужъ” (Л. 115 об.);
- 6611 г.: в Маз. – “Сии же Святополкъ много пострада о земли Роусской...” (С. 318), в ОС – “с ним же Святополкъ много же пострада от земля Роуской” (Л. 117);
- о смерти Святополка: в Маз. – 6620 (1112) г. (С. 318), в ОС – 6608 (1100) г. (Л. 117);
- о смерти Святополка: в Маз. – “въ Киеве” (С. 318), в ОС нет (Л. 117);
- 6627 г.: в Маз. – “Владимеръ” (С. 318), в ОС нет (Л. 117 об.);
- 6627 г.: в Маз. – “кротостию” (С. 318), в ОС – “тротостью” (Л. 118);
- 6639 г.: в Маз. – “князь Мстиславъ Володимеричъ” (С. 318), в ОС – “Мстиславичъ Володимеръвичъ” (Л. 118).

В ряде случаев мы имеем существенные разночтения между ОС и Маз. с Арх., которые нельзя объяснить просто неисправным текстом протографа. Приведем их:

<i>Оксфордский список</i>	<i>Мазуринский вид</i>
1. "По сих же поиде на греки 1000 вои..." (Л. 99).	1. "По сих же поиде на Греки 30000 вои..." (С. 312). В Архивском списке цифра л (30000) переделана из а (1000).
2. "...и ту его уби Куря, князь печенижский, и во лобе его зделаше чяшо, и, оковавше, пояху из нея , в лето 6480; княжи ж лет 28" (Л. 99 об.).	2. "и тоу его оуби Куря, князь печенежский, в лето 480; княживше лет 28" (С. 313).
3. "Умершу же старшему брату Вышеславу в Новигороде, а Бориса в Ростове..." (Л. 104).	3. "Оумершоу же старейшому Вышеславоу в Новегороде, посади Ярослава в Новегороде , а Бориса в Ростове..." (С. 314).
4. "В лето 6522. Ярослав не въсходе давати отцу моему оброка Киеву 2000 гривен. Володимерь. В лето 6523 июля 15 преставися князь Владимиръ, а княжив лет 34." (Л. 106).	4. В лето 522. Ярославъ не въсхоте давати отцоу своему оброка Киевоу 2000 гривенъ. Володимерь же въсхоте поити на нь къ Новоугородоу, и разболеся . Престави же ся Володимерь в лето 6523, июля 15." (С. 314–315).
5. _____	5. "В лето 535. Родися Святославъ" (С. 316).
6. "В лето 6551. Посыслал Ярослава на Греки, а воевода с нем <i>быша</i> , в лодиах. Поидеша к Царюграду, <i>израби</i> буря карабля их, и много людей изби" (Л. 110 об.).	6. "В лето 551. Посылалъ Ярославъ сына Володимера на Греки, а воевода с нимъ <i>Вышата</i> , в лодиах. Поидоша къ Царюграду, и <i>разби</i> боуря карабля их, и много люди изгыбе" (С. 316).
7. "В лето 6646. Преставися Ярополкъ Володимерович, княжив ... в Киеве Всеволод Ольгович на великом княжении" (Л. 118 об.).	7. "В лето 646. Преставися Ярополкъ Володимерович, княживъ Киеве лет 7. Того же лета седе въ Киеве Всеволод Олгович на великом княжении"(С. 318).

Если в случаях с № 3, 4, 6 и 7 еще можно предположить, что создатель ОС случайно пропустил некоторые фразы, бывшие в протографе, равно как и то, что уже сам протограф не содержал этих фраз, то все остальные случаи требуют особого рассмотрения. В тексте ОС опущено целое известие (о рождении Святослава Ярославича) – № 5. Вместе с тем, в тексте ОС добавлены сообщения о том, что из головы Святослава была сделана чаша, и что Владимир княжил 34 года – № 2 и 4. Откуда же они взялись? Оказывается, они читаются в тексте Тр. 805, что подтверждает предположение о том, что наш писец имел под рукой не только начало текста из Тр. 805, но и его продолжение, по крайней мере, за X – начало XI в. Он его использовал в том случае, когда текст СС ему казался неполным. Сравним:

<i>Оксфордский список СС</i>	<i>Тр. 805</i>
1. "...и во лобе его зделаше чяшо и, оковавше, пояху из нея" (Л. 99об.)	1. "... и во лобе его зделаша чашоу и, оковавше, пяху из нея" (Л. 388 об.).
2. "...преставися князь Владимиръ, а княжив лет 34" (Л. 106).	2. "...преставися князь Володимер, а княжения его лет 34" (Л. 390 об.).

Наконец, случай (№ 1), когда число воинов Святослава в Арх. была переделана из “а” (1000), как в ОС, на “л” (30 000), как в Маз., может свидетельствовать о первичности чтения в ОС по отношению к Маз. Есть еще ряд случаев, когда чтения в ОС более правильны или равноправны по отношению к Маз. и Арх.:

Лучшие чтения в Оксфордском списке по сравнению с Мазуринским видом:

- 6501 г.: в ОС – “и Печенези побегоша” (Л. 105 об.), в Маз. – “и Печенези побиша” (С. 314) – ср. Лавр.: “и Печенези побегоша”¹⁶;
- 6524 г.: в ОС и Арх.сп. – “прочих вои” (Л. 106 об.), в Маз. нет (С. 315). Ср. Лавр.: “прочих вои”¹⁷;
- 6611 г.: в Маз. – “на столе отни” (С. 318), в ОС – “на столе отца своего” (Л. 117) – ср. Авр. (под 6601 г.): “на столе отца своего”¹⁸.

Равноправные чтения в Оксфордском списке и Мазуринском виде:

- 6483 г.: в Арх.сп. и ОС – “В лето...” (Л. 99 об.), в Маз. сп. – нет (С. 313);
- 6485 г.: в Арх.сп. – “В лето...” (С. 313), в Маз.сп. и ОС – нет (Л. 100);
- 6552 г.: в ОС – “великого князя Володимера” (Л. 110 об.), в Маз. – нет слова “князя” (С. 316);
- 6568 г.: в ОС – “побегоша” (Л. 112), в Маз. – “погибоша” (С. 317).

Текст СС обрывается в ОС в самом конце Л. 118 об. на полуслове: “В лето 6649. Преста...” Как мы уже говорили, Л. 118 заканчивается XV тетрадь сборника из библиотеки Бодлейн. С XVI тетради идет текст, не имеющих никакого отношения к нашему. Таким образом, в сборнике из библиотеки Бодлейн представлены: список византийских императоров (без начала), сходный с Маз. и Арх.; список русских князей, сходный с Арх.; список (ОС) КНЛ в особой обработке, сходный с Тр. 805 (без начала и до 898 г.); список (ОС) СС, сходный с Маз. видом (Маз. и Арх.) (на протяжении с 882 до 1141 г.).

Летописный отрывок из собрания библиотеки Бодлейн является наглядным примером того, что возможности поиска и исследования материалов по раннему летописанию (до конца XV в.) в зарубежных архивах еще далеко не исчерпаны.

ОС является шестым списком СС Маз. вида, найденным после публикации Маз. и Арх. в XXVII томе ПСРЛ¹⁹. Кроме того, существуют несколько списков Погодинского вида (далее: Пог.) СС и один список Соловецкого вида СС²⁰. Правда, в последнем разделе до 6611 (1103) г. нет. До сих пор нет специального исследования, которое бы выявило соотношение между видами и списками СС. Более того, по-видимому, потребуется переиздание СС Маз. вида с привлечением шести новых списков. То же самое касается и Пог. Ведь исследователи давно отмечали ценность СС²¹, на всем протяжении которого встречается ряд оригинальных известий (даже за XI и XII в.).

¹⁶ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 123.

¹⁷ Там же. Стб. 141.

¹⁸ Там же. Т. 16. Стб. 42.

¹⁹ ОР РГБ. Муз. собр. № 5837; ОР ГИМ. Син. собр. № 963, № 938; Увар. собр. № 567. Л. 1–14; СПб. ФИ РИ РАН. Ф. 11. Арх. собр. № 249.

²⁰ Лурье Я.С. Общерусские летописи... С. 177, 178.

²¹ Там же. С. 197, 198.

А.В. Сиренов

ЖИТИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И СОСТАВЛЕНИЕ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

В истории текста памятника древнерусской письменности одним из основных является вопрос о его происхождении и обстоятельствах написания. Это вопрос, на который не удастся ответить исчерпывающе. Привлечение нового материала побуждает возвращаться к пересмотру положений, выдвинутых предшественниками. В настоящей работе изучен вопрос об авторстве и обстоятельствах составления Степенной книги, причем с обращением к ранней рукописной традиции произведения, чего в столь полном объеме не предпринималось.

Древнерусская историография, вплоть до XVI в., не выходила за рамки летописного жанра. В начале XVI в. русские известия проникли в хронографические памятники, однако первым, полностью оригинальным памятником отечественной историографии, стала созданная в 60-е годы XVI в. Степенная книга. Соединяя известия различных источников, Степенная книга имеет необычную композицию. Текст разделен на 17 граней, каждая из которых посвящена очередному правителю и представляет собой “степень” (ступень) в нисходящей генеалогии Рюриковичей, от крестителя Руси Владимира (I степень) до Ивана Грозного (XVII степень). Отметим, что имеется в виду лишь одна линия Рюриковичей – непосредственные предки Ивана Грозного. Таким образом выстроена “лествица”, “по неи же невозбранен к Богу восход”. Подобная композиция не имеет аналогов ни в отечественной, ни в византийской, ни в западноевропейской традиции. Естественен вопрос, кому и в связи с чем понадобилось изобретать совершенно новый жанр историографии и создавать в нем столь объемное произведение? Характерно, что в последующих редакционных переработках Степенной книги (Латухинская Степенная, История дьяка Федора Грибоедова и др.) авторы отказывались от изначальной композиции произведения. Скорее ее создание говорит об индивидуальном творчестве одной яркой личности. Относительно авторства Степенной книги исследователи до сих пор не пришли к единому мнению.

Степенная книга, в отличие от большинства других произведений древнерусской литературы, рассчитанных на узкий круг читателей и существовавших нередко в одном экземпляре, была призвана знакомить с отечественной историей широкую аудиторию. В течение двух столетий, до середины XVIII в., Степенная была одним из основных памятников отечественной историографии, появилось множество ее списков, редакций и переработок. Степенную книгу читали люди разных социальных слоев и образования – от посадских людей и крестьян до бояр, иерархов церкви и царей¹. Ее использовали в качестве источника, либо ей подражали многие произведения, посвященные русской истории и созданные до середины XVIII в.².

¹ *Сиренов А.В.* Читатели Степенной книги в XVII в. // Лихудовские чтения: Материалы научн. конф. Великий Новгород, 2001. С. 141–145.

² См.: *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР: Уч. пособие. М., 1962. Вып. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. С. 268.

О Степенной книге имеется обширная литература³. Впервые характеристику ей дал Г.З. Байер. При рассмотрении известных русских источников о происхождении пруссов, он отметил большое значение Степенной книги, назвав ее “*dass russische Haupt-Chronikon*” (главной русской летописью), а также авторитет, которым она пользовалась в России. Ученый предположил, что Степенная книга была написана по приказу патриарха в царствование Ивана Грозного⁴. Отнесение книги ко времени Ивана Грозного, соответствует современным представлениям⁵. Однако статья Байера была опубликована в Германии на немецком и латинском языках, и потому она, видимо, осталась неизвестной в России.

Первым из русских историков Степенную книгу упомянул В.Н. Татищев в числе трех основных источников по древнерусской истории, но лишь для того, чтобы отвергнуть ее, приведя многие неточности и недостоверные факты⁶. При таком отношении к памятнику у В.Н. Татищева заметна и невнимательность в прочтении текста⁷. Историк впервые построил свое повествование не на Степенной книге, как его предшественники, а на летописях. Его недоверие к Степенной книге породило неверные взгляды на историю ее текста. Так, широкое распространение получила мысль В.Н. Татищева, что Степенная книга была создана митрополитом Киприаном и продолжена митрополитом Макарием. Историк привел цитату о митрополите Киприане из Сте-

³ Подробную историографию см.: *Неберкутина Е.В.* Методика атрибуции публицистических и исторических произведений русского средневековья середины XVI в. (Степенная книга. Вопросы авторства): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

⁴ *Bayer T.S.* Paradoxa Russica de origibus Prussicis. Viro Cl. Michaeli Lilienthali // Acta Borussica ecclesiastica, civilia, litteraria oder sorgfaeltige Sammlung allerhand zur Geschichte des Landes Preussen... Koenigsberg und Leipzig, 1730. S. 882. Разбирая это свидетельство, П.Г. Васенко допускал, что данная характеристика Степенной книги дана не Байером, а одним из сотрудников редакции немецкого журнала “Acta Borussica...”, где в 1730 г. было напечатано сочинение Байера (*Васенко П.Г.* “Книга Степенная царского родословия” и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. // Зап. ист.-филол. ф-та Санкт-Петербургского университета. СПб., 1904. Ч. 73. С. 9). Это предположение основано на том, что в приведенной характеристике Степенной, помещенной в примечаниях к основному тексту, инициатором ее создания назван не митрополит, а патриарх, что, конечно, ошибочно. Мысль П.Г. Васенко маловероятна, так как трудно предположить знакомство редакторов немецкого журнала XVIII в. с древнерусской книжностью. Полагаем, что эта первая в научной литературе характеристика Степенной книги дана все же самим Байером.

⁵ Следующим этапом в изучении Степенной книги И.А. Шляпкин предлагал считать сочинение Адама Селлия “*Schediasma litterarium...*”, увидевшее свет в Ревеле в 1736 г. (*Шляпкин И.А.* Рец.: Васенко П.Г. “Книга Степенная...” // ЖМНП. 1905. Ч. 361. № 9/10. С. 152). Оно представляет собой справочник на латинском языке, включивший произведения преимущественно западноевропейской историографии, упоминающих события русской истории. В 1815 г. труд А. Селлия был переведен на русский язык. В латинском оригинале сведения о Степенной книге отсутствуют (*Schediasma Litterarium Scriptoribus, qui Historiam Politico-Ecclesiasticam Rossiae Scriptis illustrarunt.* Revaliae, 1736. № 88–104), они появляются только в переводе 1815 г., где под номером 90 помещен митрополит Макарий, который “издал” Степенную книгу (см.: Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную российскую историю, сочиненный Адамом Селлием / Пер. в Вологодской семинарии. М., 1815. С. 44. № 90). Русский перевод справочника Селлия дополнен и другими сведениями о русских авторах и их произведениях. Таким образом, известие в труде Селлия о Степенной книге следует относить не к первой половине XVIII в., а к началу XIX в.

⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. М., 1962. Т. 1. С. 84. Подобное отношение к Степенной не редкость для XVIII в. Например, один из читателей списка Степенной (ОР РНБ, Ф. IV. 364), современник В.Н. Татищева, отметил на полях рукописи места, кажущиеся ему недостоверными, словом басня или басни. Таких отметок в списке немало. Видимо, скептическое отношение к Степенной книге было свойственно для XVIII в.

⁷ Например, перечисляя соседей Руси, историк цитирует Степенную, в которой этот перечень заимствован из Повести временных лет. К последней историк не обратился, потому что, как он считал, в Степенной интересующий его перечень помещен под более ранней датой – 6475 (967) г. (*Татищев В.Н.* История... С. 208). Это ошибка. В Степенной книге, в 5 главе 1 грани, под 6475 г. описывается поход князя Святослава на болгар, а следующая, 6 глава “Имена областям русским”, не связанная с предыдущей, содержит перечень соседей славян (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1. С. 63).

пенной книги, где сказано, что Киприан сам переписывал книги. В передаче Татищева это чтение дополнено свидетельством, что Киприан написал и “степени великих князей”⁸. Впоследствии исследователи неоднократно задавались вопросом, откуда В.Н. Татищев извлек цитированное известие. Наиболее вероятно предположение, что он вставил в цитату из Степенной книги свою догадку об авторстве Киприана. В ее составе действительно находится одно из произведений Киприана – житие митрополита Петра. Авторство Киприана указано в его заглавии. Поверхностное знакомство В.Н. Татищева с текстом Степенной книги привело к предположению, что Киприан был автором всего произведения или какой-то его части, которое историк оформил в виде цитаты из Степенной. Подобные методы, в которых сплетаются воедино предположение, вымысел и отсутствие аргументации были характерны для работы историков XVIII в.⁹

Е.Е. Голубинский, правда, допускал, что у Татищева была Степенная книга особой редакции, в которой читалось известие об авторстве Киприана¹⁰. Такую возможность не отвергал и П.Г. Васенко¹¹. В настоящее время известна рукопись, содержащая выписки из двух списков Степенной книги, принадлежавших В. Урусову и А.П. Волынскому (РГБ. Ф. 256. Собр. Н.П. Румянцев. № 416), которую традиция связывает с именем В.Н.Татищева¹². Характер выписок из обеих рукописей подтверждает высказанное предположение о поверхностном знакомстве В.Н.Татищева с текстом Степенной книги. Выписки касаются в основном текстов, присоединенных к ней. Маловероятно, что В.Н. Татищев проводил какое-либо текстологическое исследование Степенной книги. Скорее всего, его довод об авторстве митрополита Киприана не был аргументирован, однако поддержанный Г.Ф. Миллером при издании памятника, он показался убедительным даже А.Л. Шлецеру, который отдал ему предпочтение перед характеристикой Г.З. Байера¹³. Мнение В.Н. Татищева относительно происхождения Степенной книги разделяли также М.М. Щербатов, еп. Филарет (Гумилевский)¹⁴ и др.

Первой значительной вехой в изучении Степенной книги стало ее издание в 1775 г. Г.Ф. Миллером¹⁵. Первая же попытка исследования текста связана с

⁸ Татищев В.Н. История Российская. СПб., 1784. Т. IV. С. 424.

⁹ Это видно на примере характеристики М.М. Щербатовым Лицевого летописного свода. См.: Амосов А.А., Морозов В.В. Методика исследования или заданность выводов? (Размышления по поводу датировки рукописей Лицевого летописного свода Ивана Грозного) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги библиотеки Российской академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 55–56 и др.).

¹⁰ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 349.

¹¹ Васенко П.Г. Указ. соч. С. 2–3.

¹² См.: Востоков А.Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 646.

¹³ Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные августом Лудовиком Шлецером / Пер. с нем. Д. Языков. СПб., 1809. Ч. I, отд. IV. С. 89–93 (кириллическая пагинация).

¹⁴ Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1901. Т. I. Стб. 24; Филарет, еп. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1857. С. 77.

¹⁵ Книга Степенная царского родословия, содержащая Историю Российскую с начала оныя до времен Государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, а напечатана под смотрением Коллежского советника и Императорской Академии наук, тако ж и разных иностранных Академий и Вольного Экономического и Российского Вольного же Собраний Члена Герарда Фридерика Миллера: В 2 ч. М., 1775. Как установил П.Г. Васенко, в издании были допущены отдельные ошибки и погрешности. В частности, список, якобы положенный в основу издания (ныне – РГАДА. Ф. 181. № 27), на самом деле отличается от напечатанного текста памятника, хотя и относится к той же редакции. Издатель внес и некоторые изменения в текст, исправляющие, по его мнению, неверные чтения. См.: Васенко П.Г. Указ. соч. С. 56–91.

деятельностью кружка Н.П. Румянцева. Сохранились таблицы разночтений нескольких списков Степенной книги, составленные в 1814 г. по непосредственному поручению Н.П. Румянцева (РГБ. Ф. 256 (Собр. Н.П. Румянцева). № 417, 418; РГАДА. Ф. 181 (Собр. МГАМИД). № 416)¹⁶. Эта работа свидетельствует о том, что участники румянцевского кружка заинтересовались Степенной книгой. В 1813 г. появилась статья одного из них, К.Ф. Калайдовича, в которой он подверг критике мнение В.Н. Татищева о существовании “Киприановой Степенной”. В то же время К.Ф. Калайдович, датируя Степенную книгу временем митрополита Макария, отрицал его авторство. Историк отмечал, что Макарий упоминается в тексте Степенной в третьем лице и называется инициатором создания произведения, но считать его автором нет никаких оснований. Автор Степенной книги неизвестен, хотя создана она была во время митрополита Макария – таков основной вывод К.Ф. Калайдовича¹⁷.

В 1845 г. И.П. Сахаров приобрел список Степенной книги без житий и слов, его он считал той самой Киприановой Степенной, на существование которой указывал В.Н. Татищев. Редактор журнала “Москвитянин” М.П. Погодин, которого И.П. Сахаров оповестил о своей находке, опубликовал данный фрагмент письма в журнале, чем значительно усилил лагерь сторонников мнения В.Н. Татищева в этом вопросе¹⁸. Впоследствии П.Г. Васенко пытался отыскать приобретенный И.П. Сахаровым список, однако его попытки оказались напрасными¹⁹.

Рассмотрим эту сенсационную находку И.П. Сахарова в контексте предшествующих событий и наших знаний о методах его работы. В 1842 г., за три года до покупки списка, где отсутствовали “жития и слова”, археограф издал описание собственного собрания рукописей. В нем он перечислил все, по его мнению, отдельные произведения житийного жанра в составе Степенной книги и отметил, что они составляют почти половину текста²⁰. 7 октября 1845 г. И.П. Сахаров в письме М.П. Погодину попросил его поместить в “Москвитянин” заметку о последних приобретениях рукописей, чтобы дать читателям материал для интеллектуального развлечения²¹. Адресат в ответном письме от 25 октября на эту просьбу не откликнулся²². И.П. Сахаров написал в свою очередь к М.П. Погодину, и сообщил о приобретении списка Степенной книги “без житий и слов”, т.е. без самостоятельных текстов агиографического жанра в составе Степенной²³. Не исключено, что письмо было написано в надежде на публикацию. Как видим, у И.П. Сахарова сначала возникла идея о двух комплексах в составе текста Степенной книги (исторический материал и памятники агиографического жанра), а потом, спустя три года, он приобретает рукопись, подтверждающую его представления и содержащую

¹⁶ См.: *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 63; *Востоков А.* Указ. соч. № 417, 418.

¹⁷ *Калайдович К.Ф.* Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной // *Вестник Европы*. 1813. Ч. 72. № 23. С. 207–224. В 1815 г. историк опубликовал окончание текста памятника, утраченное в редакции, изданной Г.Ф. Миллером. См.: *Калайдович К.Ф.* Окончание книги Степенной, содержащей Русийскую историю // *Русские достопамятности*. М., 1815. Ч. 1. С. 166–169.

¹⁸ [*Сахаров И.П.*] Письмо М.П. Погодину // *Москвитянин*. 1845. Ч. VI. № 12. С. 154.

¹⁹ *Васенко П.Г.* Указ. соч. С. 138–140.

²⁰ *Сахаров И.П.* Каталог славяно-русских рукописей. [СПб., 1842]. С. 18–19.

²¹ “Дивлюсь и радуюсь вашим приобретениям... – писал он, – Бога для – уведоьте хоть в Москвитянин о ваших новых приобретениях. Этим пробуждается жизнь. Надобно шевелить людей. Все еще спячка, как бы звери зимой. Подлые повести надоели. Дураков ничем не утешить” (цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 170–171).

²² ОР РНБ. Ф. 678 (И.П. Сахаров). № 42. Л. 150–151.

²³ *Москвитянин*. 1845. Ч. IV. № 12. С. 154.

только комплекс исторических материалов. Затем рукопись бесследно исчезает. Все это может привести к подозрению относительно подлинности находки И.П. Сахарова.

Обращаясь к методам работы И.П. Сахарова, встречаешься с целым рядом изготовленных им подделок. Приведем для примера придуманную исследователем “рукопись Бельского”, якобы из которой он издавал тексты, на самом деле извлекаемые им из издания 1818 г. Сборника Кириши Данилова и др.²⁴ Учитывая приведенные наблюдения и доводы, выскажем предположение, что список Степенной книги, приобретенный И.П. Сахаровым в 1845 г. и содержащий текст памятника без входящих в него агиографических произведений, является плодом фантазии И.П. Сахарова и в реальности никогда не существовал. Оно подтверждается и выявленным нами массивом рукописей Степенной книги, где подобные списки отсутствуют. При этом все дошедшие до нас редакции текста памятника известны в нескольких списках²⁵. Относиться с доверием к сообщению И.П. Сахарова исследователей заставляла недостаточная изученность рукописной традиции.

Другой пример попытки подкрепить свои априорные представления рукописным материалом мы имеем в труде еп. Филарета (Гумилевского). Для аргументации положения, что Степенная книга была написана митрополитом Киприаном, еп. Филарет приводит два списка, где отразился первоначальный текст, который можно атрибутировать Киприану. Первый из них – список Сахарова, о котором еп. Филарет знал только из письма, опубликованного в “Москвитяине”. Второй список, в котором, по мнению историка, отразилась Степенная книга Киприана – это РГБ. Ф. 256 (Собр. Н.П. Румянцева), № 415. Как писал еп. Филарет, текст в списке доведен до XIII грани, т.е. до времени Киприана²⁶. На самом деле данный список содержит текст до конца Степенной, до XVII грани, на что обратил внимание П.Г. Васенко, указавший на несостоятельность аргументации еп. Филарета²⁷. Оба рассмотренных случая характерны для истории изучения Степенной книги в XIX в. Зависимость от мнений, высказанных в предшествующую эпоху, исследователи пытались скрыть за имитацией собственных наблюдений и находок, которые, в свою очередь, оказываются несостоятельными. Налицо попытки подыскать аргументы к заранее принятой точке зрения, нежелание проводить собственное исследование.

Более аргументированным было мнение И.Н. Жданова, который считал, что написанная в XV в. Степенная книга была переработана при митрополите Макарии. Главным доказательством существования “домакарьевской” Степенной исследователь считал ссылку на житие митрополита Алексия “в Степенне”, имеющуюся в тексте жития Михаила Клопского, написанного в 1531 г. Василием Тучковым. Житие митрополита Алексия, помещенное в Степенной книге, принадлежит перу Пахомия Логофета. Именно его И.Н. Жданов предлагал считать автором первоначального варианта Степенной книги, а создателем переработки XVI в. – священника благовещенского собора Сильвестра. Житие княгини Ольги, с которого Степенная книга начинается, в одном из списков (ныне – РНБ. Собр. М.П. Погодина. № 744, конец XVI в.) приписано Сильвестру. Значительное сходство в стиле и методах ра-

²⁴ О подделках И.П. Сахарова см.: *Козлов В.П.* Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. 2-е изд. М., 1996. С. 199–207.

²⁵ *Сиренов А.В.* Степенная книга как исторический источник (редакции XVI – начала XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

²⁶ *Филарет, еп.* Указ. соч. С. 77.

²⁷ *Васенко П.Г.* Указ. соч. С. 133–135.

боты между житием Ольги и составляющим начало I грани житием князя Владимира навело И.Н. Жданова на мысль, что оба памятника составлены одним лицом, в котором можно видеть Сильвестра²⁸. Ссылка на произведение Василия Тучкова оказалась несостоятельной, на что указал П.Г. Васенко²⁹. Однако предположение о Сильвестре как авторе или одном из авторов Степенной книги закрепилось в историографии до настоящего времени.

В 1845 г. был открыт один из древнейших списков памятника, принадлежавший кремлевскому Чудову монастырю (ныне – ГИМ. Чудовское собр. № 358)³⁰. Список содержит запись полууставом XVI в., свидетельствующую о том, что автором Степенной книги был преемник митрополита Макария – митрополит Афанасий: “Книга Чюдова манастиря, собрана смиренным Афонасием митрополитом всеа Русии”. Несколько лет спустя увидело свет исследование священника А.Свирелина, посвященное житию Даниила Переяславского. Автор сопоставил текст жития, написанный будущим митрополитом Афанасием, с его редакцией, помещенной в Степенной книге. В результате А.Свирелин предположил, что Афанасий является автором Степенной книги, которое подкрепляет запись на списке из собрания Чудова монастыря³¹. В 1903 г. вышла из печати первая монография, посвященная Степенной книге³². Ее автор, будущий известный историк-славист Н.С. Державин, на основании изучения издания памятника высказал несколько догадок относительно времени создания, первоначального замысла и авторства Степенной книги. Он обратил внимание на те агиографические произведения в составе Степенной, автором которых был псковский агиограф середины XVI в. Василий-Варлаам. Н.С. Державин допустил, что Степенная книга была плодом совместного труда Василия-Варлаама и Сильвестра³³. Следует отметить, что свое предположение Н.С. Державин не аргументировал.

Появилась, таким образом, настоятельная необходимость в упорядочении сделанных наблюдений и критическом анализе литературы. С.Ф. Платонов в своих занятиях историей Смутного времени обратил к одной из поздних редакций Степенной книги, так называемой Латухинской Степенной³⁴. По его совету Степенную книгу стал изучать П.Г. Васенко³⁵. Он установил, что работа над составлением Степенной книги была завершена в 1563 г., а также развил идею А. Свирелина об авторстве Афанасия и подкрепил ее еще одним ценным наблюдением. Рассказывая о посещении г. Владимира Иваном Грозным, автор Степенной книги описывает от первого лица исцеление, которое он получил от мощей Александра Невского. Другие источники доносят до нас имя исцеленного – им был царский духовник Андрей, будущий митрополит Афанасий³⁶.

²⁸ Жданов И.Н. Повести о Вавилоне и “Сказание о князьях владимирских”. СПб., 1891. С. 82, 98–99, 120.

²⁹ Дело в том, что чтение “в Степенне” появилось в поздней рукописной традиции вместо первоначального “явственне” См.: Васенко П.Г. Указ. соч.

³⁰ Снегирев И.М. Памятники московской древности. М., 1845. С. 147.

³¹ Свирелин А. О начале и устройении Переяславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 77–82, 83–85.

³² Державин Н.С. Степенная книга как литературный памятник: Опыт исследования литературного состава Степенной книги Миллера. Батум, 1902. Критический разбор см.: Васенко П.Г. Указ. соч. С. 47–51.

³³ Державин Н.С. Указ. соч. С. 24–25.

³⁴ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1888. С. 320–324.

³⁵ Васенко П.Г. Указ. соч. С. II.

³⁶ Васенко П.Г. Кто был автором Книги Степенной царского родословия? // ЖМНП. 1902. № 12. С. 289–306.

В последующее время в литературе рассматривались три возможных автора Степенной книги – Афанасий, Сильвестр и Василий-Варлаам³⁷. Н.В. Неберкутина с помощью математических методов проанализировала стиль автора Степенной книги, жития Ольги, а также авторский стиль Афанасия, Сильвестра и Василия-Варлаама. Исследовательница пришла к выводу, что стиль Степенной книги и жития Ольги наиболее близок к стилю Василия-Варлаама. Следовательно, автором этих памятников является Василий-Варлаам³⁸. Нам, однако, представляется, что данный вопрос еще не решен. Принимая гипотезу Е.В. Неберкутиной, следует отвести такие аргументы, как указание на авторство Сильвестра в списке жития Ольги Погод. 744, а также целый ряд свидетельств, что автором Степенной книги был митрополит Афанасий.

Состояние изученности рукописной традиции Степенной книги позволяет в настоящее время привлекать ее для рассмотрения проблем авторства и процесса создания памятника. Материал для изучения начального этапа в нашем распоряжении имеется – это оригинал Степенной книги, так называемый Волковский список (РГАДА. Ф. 181. (Собр. МГАМИД). № 185) 60-х годов XVI в., а также три списка, восходящие к нему непосредственно – Томский (Томский обл. краеведческий музей. № 7903/2)³⁹, Чудовский (ГИМ. Чудовское собр. № 358) и Пискаревский (РГБ. Ф. 228. (Собр. Д.В. Пискарева). № 177)⁴⁰. Волковский манускрипт был подарен в Московский архив Министерства иностранных дел в 1814 г. в составе семейного собрания рукописей писателем А.А. Волковым при посредничестве К.Ф. Калайдовича⁴¹. Рукопись содержит фрагменты текста Степенной книги, написанные в 60-е годы XVI в. с утратами, восполненными в середине XVII в. На составной характер списка и архаичность его текста обратил внимание еще К.Ф. Калайдович, однако его наблюдения остались неопубликованными. Этим и объясняется невнимание исследователей к исключительно важной для истории текста Степенной книги.

Фрагментарность Волковского списка, который сохранил текст памятника до начала VIII грани, к тому же, с многочисленными утратами, не позволяет реконструировать работу по составлению всего текста Степенной книги. Однако наблюдения над особенностями сохранившейся части черновика дают возможность воссоздать сам ход работы над текстом Степенной.

Волковский список, очевидно, представляет собой черновик Степенной книги. Он написан 12-ю почерками, из которых только один, четвертый почерк, является основным⁴². Другими почерками сделаны многочисленные вставки в текст. Вторым почерком, кроме того, произведена редакторская правка всего текста. Его владелец, по-видимому, являлся редактором Степенной книги, руководил работой коллектива писцов. Волковский список из-

³⁷ Покровский Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 77–78; Курукин И.В. Сильвестр и составление жития княгини Ольги Степенной книги // *Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории*: Сб. статей. М., 1978. Неберкутина Е.В. Поиски автора Степенной книги // *От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства*. М., 1994. С. 154–225.

³⁸ См.: Неберкутина Е.В. Указ. соч. С. 154–164.

³⁹ Список ввел в научный оборот Н.Н. Покровский. Отчет о докладе Н.Н. Покровского см.: АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 388–389. В настоящее время под руководством Н.Н. Покровского готовится новое критическое издание Степенной книги, которое привлекает оригинал Степенной книги и его непосредственные копии.

⁴⁰ См.: Сиренов А.В. Степенная книга как исторический источник...

⁴¹ Сиренов А.В. К истории изучения Волковского списка Степенной книги // *Историография и источниковедение отечественной истории*: Сб. статей и сообщений. СПб., 2001. С. 196–205.

⁴² Подробнее о рукописи см.: Сиренов А.В. О Волковском списке Степенной книги // *Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность*. СПб., 2001. Вып. 4. С. 246–303.

начально содержал единый текст, без разделения на главы и грани. Разделение появилось на более позднем этапе работы над ним. Данное наблюдение свидетельствует о том, что Степенная книга была впервые создана в 60-е годы XVI в. и не имела в истории своего текста более ранних этапов. Анализ почерков Волковского списка позволил заключить, что житие княгини Ольги первоначально в состав Степенной книги не входило. Оно написано на Лл. 27–80 об. первым почерком, которым сделано несколько явных вставок, в том числе перебеление листов с заголовками граней при рубрикации. Житие княгини Ольги, видимо, не планировалось включать в состав памятника. Первоначально оно явилось одним из источников Степенной книги. Факты из него были использованы в разных местах жития князя Владимира, на него была сделана ссылка, как на существующее отдельно, а не в составе Степенной книги⁴³. Наконец, в гл. 15–16 первой грани помещено большое заимствование из текста жития (точнее, из Похвального слова, следующего после жития и составляющего с ним единый комплекс) с осуждением охотничьих забав⁴⁴. И все-таки впоследствии житие было включено в состав памятника, однако вставлено перед Гранесованием, “вне глав”. Вследствие этой вставки в Степенной появились повторы известий, касающихся княгини Ольги. Кроме того, при помещении жития в состав памятника появился даже один повтор текста, фрагмент об охотничьих забавах. Листы с текстом повторяющегося места из жития были удалены, на вставленных чистых листах рукой редактора был написан новый текст (Лл. 72–73 об.), что исключало повтор⁴⁵. Наряду с приписанной на поле датой крещения Ольги вставка сформировала редакцию жития княгини Ольги Степенной книги. Отметим, что мотивы появления рассмотренной редакции в литературе не были раскрыты⁴⁶. Так, И.В. Курукин полагал, что редактор Степенной изъясил из жития Ольги фрагмент, повествующий об охотничьих забавах с тем, чтобы поместить его в текст I грани⁴⁷. Смысл такой перестановки текстов остается неясным. Мы предлагаем более аргументированную реконструкцию создания жития княгини Ольги редакции Степенной книги.

Обратимся ко времени формирования основного массива текста Степенной книги. Оговоримся, что речь идет о сравнительно небольшом временном промежутке, о времени формирования оригинала Степенной книги. На листах Волковского списка, написанных четвертым почерком, все заголовки выведены на полях редакторским почерком (второй почерк). Следовательно, изначально составные части Степенной книги не имели заголовков, которые появились на более позднем этапе работы над текстом. Исключение, видимо, составляло житие князя Владимира. Дело в том, что в списках трех непосредственных копий Волковского списка – Томском, Чудовском и Пискаревском – заголовок I грани помещен не в основном тексте, а на поле. В Волковском списке это место утрачено, но все же можно проследить, как создавались заголовки других граней. Сначала, вероятно, заголовок вписывался на поле и знаком вставлялся в текст. Потом данный лист удалялся, заменялся чистым, на котором первым почерком восстанавливался текст с вписанным в нужное место заголовком грани, исполненным киноварью красивой и круп-

⁴³ ПСРЛ. 1908. Т. 21. С. 135.

⁴⁴ *Соболевский А.И.* Поп Сильвестр и Домострой // Изв. ОРЯС. Л., 1929. Т. 2, кн. 2. С. 192–203.

⁴⁵ Подробнее см.: *Сиренов А.В.* О Волковском списке Степенной книги...

⁴⁶ См.: *Гриценко З.А.* Литературные памятники о княгине Ольге XII–XVII вв. (История текста, становление жанров, стиль): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

⁴⁷ *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 56.

ной вязью. Так, в Волковском списке первым почерком перебелены листы, содержащие конец II – начало III граней (Л. 267–267 об.), конец III – начало IV граней (Л. 282–282 об.), конец IV – начало V граней (Л. 290–290 об.)⁴⁸.

В случае с заголовком I грани мы наблюдаем другую картину. Здесь, как можно думать, заголовок жития князя Владимира изначально был написан вязью, а заголовок I грани так и остался вписанным на поле. Эта особенность отразилась во всех трех копиях Волковского списка. Следовательно, в заглавии жития князя Владимира мы имеем единственный заголовок, оставшийся от первоначального варианта текста Степенной книги. Приведем текст этого заголовка полностью: “Месяца июля в 15 день повесть известна в мале явлена о велицей Русей земли и о начале царствующих в ней. И житие и похвала блаженного и равноапостального царя и великого князя, святого и праведного Владимира, нареченного во святом крещении Василия, всеа Руския земли самодержца: како взыска правоверныя веры и како взем Корсунь град, в нем же и получи святое крещение, им же и всю Русскую землю просвети; и како правоверно поживе и всю державу свою благочестно упасе и веру православную непоколеблемо утверди и о прочих праведницех святого сродствия его”. По-видимому, это – первое заглавие Степенной книги, раскрывающее первоначальный замысел произведения. Отметим, что ни одна грань не имеет столь канонического житийного заголовка с датой памяти святого.

Можно думать, что изначально Степенная книга планировалась как житие князя Владимира. Отметим, что житие княгини Ольги было создано незадолго до этого Сильвестром. Вероятно, Житие князя Владимира продолжало эту традицию, а, может быть, даже составляло с житием княгини Ольги своеобразный диптих житий русских равноапостольных святых. Отсюда черты сходства в композиции и приемах изложения в обоих житиях, что отметили И.Н. Жданов и И.В. Курукин⁴⁹. Создание такого комплекса вполне вписывается в круг церковно-идеологических мероприятий эпохи митрополита Макария. Если наше предположение верно, то инициативу создания Степенной книги не следует приписывать митрополиту Макарию, как это традиционно делается в историографии.

Митрополит Макарий действительно назван инициатором создания произведения, но данный пассаж находится в предисловии к житию князя Владимира и вообще имеет сходство с предисловиями к житиям. О целях и методах своей работы по созданию жития князя Владимира автор написал четко и недвусмысленно в предисловии к житию. Целесообразно дать его полностью, поскольку свидетельству не придавалось должного внимания: “...о нем же прежде сего обретаеми суть многия повести глаголемы и пишемы и похвалами довольно украшены, но обаче не в едином месте, но на многи части особь кажда: ова в летописаниих, иная же инде, прочая же вкратце писана в житии его, многая же в похвалах его. И от всех сих яко от многоразличных цветев хотящу собратися во едину словесную пленницу...”⁵⁰ Если здесь мы имеем дело с первоначальным слоем текста Степенной книги в виде жития князя Владимира, то митрополита Макария следует считать инициатором создания только этого жития, а не Степенной книги в целом. Полагаем, что имя митрополита Макария не связано с замыслом Степенной книги.

Следующий вопрос, который нужно поставить, таков: чем является для Степенной книги житие князя Владимира – первоначальным вариантом тек-

⁴⁸ Листы черновика Степенной книги с началом текста других граней в Волковском списке не сохранились.

⁴⁹ Жданов И.Н. Повести о Вавилоне... С. 120. Примеч. 1; Курукин И.В. Указ. соч. С. 56, 58; и др.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 21. С. 58.

ста или одним из источников? В пользу первого довода говорит сохранение заголовка (другие источники своих заголовков не сохранили)⁵¹, а также составление дальнейшего текста Степенной – на основе тех же источников, что и житие князя Владимира. Следовательно, можно предположить следующее формирование замысла Степенной книги. Митрополит Макарий выступил с инициативой создания житий крестителей Руси княгини Ольги и князя Владимира. Житие княгини Ольги написал Сильвестр, известный сподвижник Алексея Адашева. Житие князя Владимира взялся писать другой человек, так как он использовал житие Ольги в качестве одного из источников. Оттуда он заимствовал обличения княжеских забав – охоты. Однако если в житии княгини Ольги это обличение, хотя и косвенно, адресовано царю Ивану Васильевичу, то в житии князя Владимира оно никак не привязано к современности. В последнем оно привлекается для объяснения появления первых княжеских междоусобий. Полемиическая заостренность и назидательный тон данного пассажа в житии княгини Ольги еще раз свидетельствует о том, что его автор пресвитер Сильвестр и сподвижник Адашева поп Сильвестр – одно лицо⁵².

Автор жития князя Владимира заимствовал лишь историософскую идею, что такие богопротивные занятия, как охота, привели к междоусобным распрям и убийству, т.е. зародили злое начало в русской истории. Исследования авторского стиля Сильвестра, проведенные Е.В. Неберкутиной, позволили ей предположить, что житие княгини Ольги было написано другим лицом⁵³. Нам представляется, что для такого допущения нет достаточных оснований⁵⁴. Содержание жития княгини Ольги соответствует нашим представлениям о взглядах и деятельности общественного деятеля середины XVI в. – благовещенского священника Сильвестра. Во всяком случае, рассмотренный вопрос еще нуждается в дополнительном исследовании. В настоящий момент важно сформулировать следующее: жития княгини Ольги и князя Владимира написаны разными авторами.

И.В. Курукин вслед за И.Н. Ждановым полагает, что в составлении жития князя Владимира участвовал Сильвестр⁵⁵. Опровержением данного предположения может быть тот факт, что житие княгини Ольги было использовано в качестве источника при составлении жития князя Владимира. В целом, житие князя Владимира создано с привлечением жития княгини Ольги на основе Никоновской и Воскресенской летописей и Слова о законе и благодати митрополита Иллариона. Едва ли Сильвестр стал бы использовать свой текст, помещая его в другой контекст и таким образом изменяя его смысл.

Была ли закончена работа по созданию жития князя Владимира, сведений нет. Не известно ни одного списка этого произведения, не восходящего к тексту Степенной книги, тогда как житие княгини Ольги первоначальной ре-

⁵¹ Исключение составляют вставленные в текст не переработанные произведения, такие, как, например, житие Ольги.

⁵² См.: *Соболевский А.И.* Указ. соч. С. 192–203. О назидательности произведений Сильвестра см.: *Альшиц Д.Н.* Публицистические выступления Сильвестра в эпоху реформ “Избранной рады” // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 96–106. Последняя по времени биография Сильвестра написана А.И. Филюшкиным. См.: *Филюшкин А.И.* История одной мистификации. Иван Грозный и “Избранная рада”. М., 1998. С. 96–106.

⁵³ *Неберкутина Е.В.* Указ. соч. С. 188–200 и др.

⁵⁴ *Выводы Е.В. Неберкутиной* относительно авторства Сильвестра можно отвести еще и потому, что исследовательница сравнивала житие Ольги с посланиями Сильвестра, т.е. сопоставляла стиль различных произведений. Для средневековой письменности такое сопоставление едва ли правомерно.

⁵⁵ *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 51–60.

дакции дошло в нескольких списках XVI–XVII вв.⁵⁶ На основе приведенных наблюдений возможно предположить, что житие князя Владимира не было доведено до конца и никогда не существовало как самостоятельное произведение. У его автора была мысль продолжить повествование, создав еще житие Бориса и Глеба. Именно поэтому после описания смерти князя Владимира повествование возвращается к тому времени, когда князь был еще жив, далее следуют повторения известий о Борисе и Глебе и, наконец, повторное описание преставления Владимира⁵⁷. Приемы работы автора здесь те же, что и при составлении предыдущего жития. Они заключаются в стилистической переработке источников, которая ставит целью сведение всех известий о герое жития из разных источников в один текст. По-видимому, так же вслед за созданием жития Бориса и Глеба были созданы жития князей Ярослава, Всеволода, Владимира Мономаха и т.д. Этот ряд житий и образовал повествование о русской истории.

Нами выделен почерк редактора Степенной книги, который участвовал в формировании оригинала произведения, Волковского списка и в создании двух ранних беловых копий этого оригинала, списков Томского и Чудовского. Кому принадлежит этот почерк? На нижнем поле первых листов Чудовского списка скорописью XVI в. записано, что Степенная книга “собрана смиренным Афонасием митрополитом всеа Руси”. Иными словами, здесь назван редактор Степенной книги. Под словом “собрать” древнерусский книжник скорее всего понимал процесс редактирования. Исследования А. Свирилина и П. Васенко подтверждают указание приведенной записи. Следовательно, можно считать, что выделенный нами редакторский почерк принадлежит митрополиту Афанасию.

Обратимся к автографам этого деятеля русской истории. Несмотря на то, что митрополиту Афанасию приписывают авторство Степенной книги и жития Даниила Переяславского, нам не известны написанные им рукописи, не известен образец его почерка⁵⁸. Исключение составляют два “рукоприкладства” митрополита Афанасия к грамотам 1565 и 1566 гг.⁵⁹ Именно с ними П.Г. Васенко и С.А. Белокуров сравнивали запись на списке “Ч” и пришли к заключению, что она скорее всего сделана другой рукой. И все же данные подписи Афанасия на грамотах не могут считаться удовлетворительным материалом для сравнения. Дело в том, что подписи всех известных нам церковных иерархов русского средневековья в значительной мере стереотипны. Несмотря на это, подпись митрополита Афанасия на грамотах больше похожа на почерк редактора Степенной книги, чем аналогичная подпись митрополита Макария и другие известные нам подписи русских средневековых иерархов церкви⁶⁰. Полагаем, что еще будут выявлены рукописи, написанные непосредственно митрополитом Афанасием. В настоящий момент выскажем предположение, что редакторский почерк списков Волковского, Томского и Чудовского списков Степенной книги принадлежит выдающемуся деятелю русской истории и культуры XVI в. митрополиту Афанасию.

⁵⁶ Например, исследователь княжеских житий Н.И. Серебрянский отмечает, что “подробное житие крестителя появилось только в XVI в., в Степенной книге”. См.: *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 43.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 21. С. 130–131, 139–140.

⁵⁸ См.: *Покровский Н.Н.* Афанасий....

⁵⁹ РГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище). Отд. III. Рубр. II. № 30, 35. Одна из них опубликована: *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. М., 1996. Кн. 4, ч. 1. С. 162.

⁶⁰ См., например: *Русский исторический альбом на 1837-й год / Изд. М.П. Погодин*. М., 1837. № 56–62; и др.

Итак, черновик Степенной книги, сохранившийся в составе Волковского списка, а также его непосредственные копии – списки Томский, Чудовский и Пискаревский, донесли до нас свидетельства, позволяющие реконструировать первые этапы создания Степенной книги. Житие княгини Ольги сначала не входило в состав Степенной книги, оно служило источником при составлении открывающего произведение жития князя Владимира. Кроме того, изначально текст памятника не имел разделения на грани, главы и титла, которое было произведено позже редактором, за исключением жития князя Владимира. Скорее всего, первоначальным вариантом Степенной книги было именно житие князя Владимира. То обстоятельство, что инициатором создания памятника митрополит Макарий назван только в предисловии к житию Владимира, позволяет полагать, что Макарий не имел непосредственного отношения к созданию Степенной книги. Он был инициатором создания лишь жития Владимира. Можно предположить, что в 50-е годы XVI в. митрополит Макарий задумал создание комплекса из двух житий русских равноапостольных святых, крестителей Руси – Ольги и Владимира. Написать житие Ольги было поручено священнику Благовещенского собора Сильвестру, а житие Владимира – служившему в том же соборе царскому духовнику Андрею, будущему митрополиту Афанасию.

Сомневаться в принадлежности Сильвестру жития Ольги едва ли следует, как и в участии митрополита Афанасия в создании Степенной книги. Иначе придется отводить весьма недвусмысленные указания на их авторство в записях в рукописи Погод. 744 и Чудовском списке Степенной. Вероятно, Афанасий получил заказ на житие Владимира, когда житие Ольги было уже написано. Оно и послужило образцом для создаваемого произведения. Этим можно объяснить как значительное сходство в стиле, композиции памятников, так и использование одних источников – Никоновской и Воскресенской летописей. Житие Ольги, кроме того, явилось одним из источников жития Владимира. Отметим, что именно в житии Ольги впервые встречается уподобление русской истории лестнице, т.е. тот образ, который впоследствии лег в основу композиции и историософской концепции Степенной книги. Текстуальное заимствование из жития Ольги фрагмента об охотничьих забавах в житии Владимира и помещение его в иной контекст говорит, на наш взгляд, о том, что авторы этих произведений – разные лица. Именно поэтому гипотеза об участии Сильвестра в составлении Степенной книги нам не представляется вероятной.

По-видимому, работа по созданию жития Владимира не была завершена, так как не известно списков этого жития в первоначальной редакции; на каком-то этапе работу над ним автор решил продолжить и превратить в повествование о русской истории. Если допустить, что им был царский духовник и будущий митрополит Андрей-Афанасий, стремительно восходящий по социальной лестнице в течение 50-х – начала 60-х годов XVI в., то изменение замысла и его воплощение не покажется невероятным.

Подводя итоги, следует отметить, что вопрос об авторе Степенной книги окончательно не решен. На основании исследования рукописной традиции памятника предложен еще один вариант обстоятельств создания Степенной книги. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса невозможно без учета данных черновика Степенной книги, дошедшего в составе Волковского списка, а также его непосредственных копий.

А.Ю. Трубачева

ГРАМОТА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ГЕРЦОГУ ФРИДРИХУ ГОЛШТИНСКОМУ 1652 г.

К истории самозванца Тимофея Акиндинова

Тимофей Акиндинов¹ (1617–1653) известен как последний самозванец, в судьбе которого приняли участие ведущие политические силы Европы. В своей самозванческой легенде он выдавал себя то за сына, то за внука царя и великого князя Василия Ивановича Шуйского.

Поиск, публикация и исследование документальных материалов, имеющих отношение к истории авантюры Акиндинова, были начаты отечественными историками еще в XIX в.

Информация о местонахождении грамоты, которая рассматривается в предлагаемой работе, содержится в статье одного из основоположников отечественной скандинавистики Г.В. Форстена². Он посвятил ее основной проблеме своих исследований – Балтийскому вопросу, точнее, его источник- и архивоведческому аспектам и дал краткий обзор фондов архивов Любека и Данцига. По свидетельству автора, материалы об экономических и дипломатических отношениях Любека с Московским государством представлены в двух разделах соответствующего архива: *Ruthenica* и *Miscellaneous Russicorum*, Vol. V.

Ю.Н. Щербачев составил выборку документов из Государственного архива Дании (бывшего Тайного королевского архива), а также из Большой королевской и Университетской библиотек, которая объединила памятники дипломатических отношений России и Дании в допетровскую эпоху³. Не обошел своим вниманием самозванца и С.В. Соловьев, который опубликовал целую подборку документов, имеющих отношение к этому историческому лицу⁴. Историк П.О. Пирлинг посвятил статью пребыванию Акиндинова в Риме⁵.

Статьи об одиннадцатом самозванце содержатся в дореволюционных справочных изданиях – “Энциклопедическом словаре” Брокгауза и Ефрона⁶ и в “Русском биографическом словаре” под редакцией А.А. Половцова⁷.

Тем, что сведения об этом персонаже были введены в научный оборот в послереволюционный период, отечественная историография обязана Ю.Б. Симченко. Подготовленные этим исследователем материалы по теме были опубликованы после его смерти. Они вошли в статью “Лже-Шуйский П. Православный, мусульманин, католик, протестант”⁸, приложения к тексту

¹ В документах встречается ряд вариантов написания имени самозванца: Акиндинов, Акундинов, Анкиндинов, Анкудинов, Онкудинов. В статье использован вариант “Акиндинов”.

² Форстен Г.В. Архивные записки в Любеке и Данциге по истории Балтийского вопроса // ЖМНП. 1890. № 8. С. 299.

³ Щербачев Ю.Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Колленгагене. 1326–1690 гг. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 235–237.

⁴ Соловьев С.В. Тимошка Акиндинов (XI самозванец) // Финский вестник. СПб., 1847. Т. 13. С. 1–38; Т. 14. С. 1–34.

⁵ Пирлинг П.О. Тимофей Анкудинов в Риме. 1648 // РС. М., 1908. Т. 136. С. 3–4.

⁶ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 2. С. 790–791.

⁷ РБС. СПб., 1900. Т. II. С. 152–154.

⁸ Симченко Ю.Б. Лже-Шуйский П. Православный, мусульманин, католик, протестант // Русские: Историко-этнографические очерки: Народы России. М., 1997. С. 14–41.

которой составили такие источники, как “Извет приказу Новые Чети Тимошки Анкудинова”⁹ и “Вирши Тимофея Анкудинова. Декларация московскому посольству”.

К сожалению, статья не содержит ссылок на место их хранения. Однако она представляет собой огромную ценность для историографии самозванчества, так как построена на новом документальном материале и содержит первую попытку изложения биографии Акиндинова. Помимо архивных материалов, автор использовал известный труд Адама Олеария, посвященный дипломатическим поездкам через Московское государство в Персию¹⁰.

Наиболее полная систематизация сохранившихся документов, связанных с авантюрой Акиндинова, а также обзор историографии, содержится в работах филолога В.В. Дубовик. Опираясь на материалы исследований Е.Е. Рычаловского, заведующего отделом микрофильмирования и фотопирования РГАДА, а также собственных штудий, В.В. Дубовик составила наиболее полный на сегодняшний день перечень грамот, которые хранятся в архивах Италии, бывшей Югославии, Эстонии, Швеции, Дании, Германии¹¹. В статье о самозванческой легенде Тимофея Акиндинова Дубовик перечислила документы, целиком посвященные ее изложению, и содержащие, помимо прочих сведений, краткую версию событий¹². В этой работе, в частности, можно найти сведения о документации, которая в настоящий момент находится в РГАДА.

К прекрасному обзору источников В.В. Дубовик автор данной статьи может добавить только один, немецкоязычный, не известный отечественной историографии. Это “История Любека”¹³, составленная в XVIII в., где упоминается русский самозванец.

Тимофей Акиндинов родился в Вологде в 1617 г.¹⁴ в семье стрельца, который занимался торговлей холстами. В приведенной выше литературе подробнейшим образом описан русский период жизни будущего самозванца, включая эпизод, когда Тимошка, воспользовавшись своим положением поддачего в Приказе Новой четверти¹⁵, заведующего приемом и выдачей сумм, которые поступали от великокняжеских кабаков и кружечных дворов, обманом выманил у писца того же приказа, Василия Григорьевича Шпилькина, драгоценности его жены и, наконец, ограбил московскую казну, после чего пустился в бег с подельником Константином Конюховым.

В Кракове Акиндинов представился королю Владиславу именем Ивана Каразейского, воеводы Вологодского и наместника Великопермского, а компаньона Костку отрекомендовал как своего слугу, изменив его фамилию на полонизированную – Конюховский. По свидетельству Олеария, они покинули Польшу в 1646 г. Собственно, с этого момента начинается история Акиндинова как претендента на Московский престол.

Не найдя поддержки у венгерского короля, он переправился в Турцию, где представился паше как наследник русского престола. Турки вынудили са-

⁹ РГАДА. Ф. 149. № 73 (без начала). 1646 г., декабрь 11.

¹⁰ *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

¹¹ *Дубовик В.В.* Материалы по истории самозванца Т. Акиндинова в архивах Италии, Югославии, Эстонии, Швеции, Дании, Германии // *ВА*. М., 1999. № 4/5.

¹² *Дубовик В.В.* Самозванческая легенда Тимофея Акиндинова. // *Вестн. Литературного ин-та им. А.М. Горького*. М., 2000. № 2. С. 216–219.

¹³ *Umständliche Geschichte der kaiserlichen und des heiligen Römischen Reiches freyen Stadt Lübeck*. Lübeck, 1784.

¹⁴ РБС. Т. II. С. 152.

¹⁵ Новой чети.

мозванца принять ислам и, как он позднее рассказывал датскому канцлеру, срезали с его тела знак, свидетельствующий о принадлежности к царскому роду. После побега из Турции в январе 1647 г. самозванец добрался до Рима, где папа Иннокентий X вновь крестил его и в сентябре 1648 г. отправил, очевидно, с каким-то заданием к гетману Богдану Хмельницкому. Из Рима Акиндинов вывез поддельную жалованную грамоту царя Михаила Федоровича и печать по образцу царской.

Дальнейший путь самозванца лежал через Венецию, Австрию, Венгрию, Семиградье, Польшу, и в конце 1649 г. он уже был в Чигирине, где прожил до начала 1650 г. Тем временем русские послы активно занялись розыском преступника. Гетман помог беглецам добраться до Венгрии, откуда они отправились в Любек. О подробностях пребывания самозванца и его сообщника в этом городе сведения практически отсутствуют. Через Ревель Акиндинов переправился в Стокгольм, где снискал благосклонность королевы Христины. Все попытки поимки русскими Акиндинова провалились, не встретив поддержки у датчан. Когда же настал день очной ставки, русским сообщили о побеге Акиндинова. Послам был выдан только его подельник.

Самозванец же тем временем бежал в Голштинию. Герцог Фридрих III согласился выдать его в обмен на договор о позволении Голштинии провозить товары из Индии и Персии транзитом через владения московского царя¹⁶. Алексей Михайлович также обязался передать Фридриху III всю переписку, которая велась по этому поводу ранее. Договор так и не вступил в силу. Посредническая роль России между Востоком и Западом осталась нереализованной.

Грамота, найденная в Архиве г. Любека, важна как историческое свидетельство, имеющее прямое отношение к этому эпизоду. Она является частью этой переписки и содержит просьбу царя Алексея Михайловича о выдаче беглеца.

Переданный русским послам Тимошка во время допроса в Москве требовал, якобы, подобающих своему сану почестей, присутствия боярина и согласился принять питье только из серебряной посуды. Получив требуемое, Акиндинов как бы добился подтверждения своей легенды о родстве с Шуйским. Запись о допросе содержит информацию о признании Акиндиновым своего самозванства, однако представляется невозможным достоверно судить о том, была ли это фиксация реальных слов или же акт, подтверждающий нелегитимность его претензий на престол, в котором нуждалась центральная власть.

После правежа в застенке и очной ставки с матерью и сыном самозванец был четвергован.

Особый интерес представляет личность одиннадцатого самозванца. Не случайно он стал для Адама Олеария эталоном русской образованности. Способности Тимошки позволили ему не только овладеть рядом языков, среди которых – латинский, итальянский, турецкий и немецкий¹⁷, но и свободно ориентироваться в языке, т.е. в знаковой системе самых различных культур. Удивительна его попытка, подобно человеку, который имитирует иностранный акцент, взглянуть на русскую культуру глазами иноземца, носителя другого языка. Во время очной ставки с обманутым Василием Шпилькиным Акиндинов повел себя так, как мог бы повести себя немец (в значении “ино-

¹⁶ Формально договор был заключен с русской стороной еще в 1634 г. послами Крузиусом и Брюгеманом вопреки герцогскому наказу и повлек за собой казнь Брюгемана.

¹⁷ *Олеарий Адам*. Указ. соч. С. 251.

странец”): попытался заговорить с ним на сарматском (иностранец-эрудит, для которого все восточные люди на одно лицо), а затем отказался признать его гонцом, истолковав фамилию Шпилькин как прозвище, указывающее на профессию продавца булавок.

Помимо источников, которые послужили Акиндинову материалом для создания концепции собственной личности, интересен сам психологический феномен, который он демонстрирует современному исследователю. Его поведение перед казнью, которое навело Олеария на мысль о симуляции безумия, позволяет говорить о способности самозванца вживаться в образ того, чьим именем он себя называл.

Вообще, идея абсолютной религиозности средневекового человека, несмотря на упрощенность и догматизм, навязчиво присутствует в сознании любого ученого. Поэтому, когда он сталкивается с ересью (феномен *сыра и червей*)¹⁸, атеизмом или, как в нашем случае, вероотступничеством и самозванчеством (т.е. отказом от своего ангела-хранителя), этими, казалось бы, не редкими для средневековья явлениями, они все равно в некоторой степени шокируют, заставляют искать спасения в концепциях народной культуры, “переворачивания” понятий и пр. В связи с этим, картина поведения Акиндинова перед казнью заставила автора вспомнить о своеобразной игре, которая в некоторых областях Испании предшествовала корриде.

Перед появлением быков на арену, вытаскивали местного дурачка, наряженного в тореадорский костюм, и зрители начинали его подбадривать, вдохновляя на бой. Дурачок терялся, делал попытку убежать, но его, напуганного и упирающегося, подталкивали вперед. И вот в какой-то момент несчастный преобразался: он отталкивал смеющихся людей, желая сразиться с быком. Этот порыв длился недолго. Дурачок внезапно осознал, кто он на самом деле, и падал без чувств, не выдержав столкновения внушенного ему образа с реальностью. В нашем случае таким героем стал не дурачок, а хитрый и образованный человек. Тем не менее параллель, несмотря на кажущуюся абсурдность, оправдана. Авантюра Акиндинова была обречена на неудачу, но при этом слишком серьезные силы были заинтересованы в нем как в мнимом князе Шуйском. Формирование того образа, который он так отчаянно отстаивал перед казнью, требуя присутствия на допросе боярина, заставляя принести ему питье в серебряном сосуде¹⁹, совершалось не только волей Акиндинова, но и множеством других волей. И, наконец, вспомним его финальное оцепенение во время казни, которую он “перенес, не выражая страданий”²⁰.

Данная грамота была найдена автором в ходе сплошного обследования фондов Архива вольного ганзейского города Любека в 1999 г. Ее местонахождение – фонд *Altes Senatarchiv*²¹, часть *Externa*²², раздел *Ruthenica*, № 2. Справочная литература архива не содержала никаких сведений об этой грамоте. В описи (*Findbuch*) фонда единица хранения *Ruthenica* № 2 атрибутировалась как “торговая привилегия для Любека (с переводом)”, причем в описях приводилась датировка грамоты – 1653 г.²³ Больше никаких документов папка *Ruthenica* № 2 не содержала.

¹⁸ См.: Гинзбург К. Сыр и черви. М., 2000.

¹⁹ Олеарий Адам. Указ. соч. С. 252.

²⁰ Там же. С. 253.

²¹ Старый архив Сената.

²² Раздел содержит документы, имеющие отношение к внешней политике Любека.

²³ Опись (*Findbuch*) Архива вольного ганзейского города Любека *Ruthenica* (*RuBland*), раздел *Privilegien, Verordnungen* (привилегии, распоряжения).

Первое упоминание о грамоте в справочной литературе содержится в рукописных так называемых реперториях Драйера – описи Архива г. Любека, составленной в XVIII в.: *Miscellaneorum Russicorum, Volumen II. 6) Acta, die Auswechselung des in Gottorp gefangenen Rußen, Timoska Ankidinof, der sich Johannem Sinensem oder Zuski genennet; und die zwischen dem Großfürsten Alexio Michaelovitz und Hertzog Friedrich zu Holstein über die Persianische Handlung hiebevor aufgerichtete pacten betreffend 1653. wobei etd: olearii Empfangschein über die ihm a Senatu eingehändigten original Papiren.*

Обнаруженная грамота богато украшена барочным орнаментом, который, как и часть текста²⁴, исполнены золотом. На обороте грамоты указан адресат. Перпендикулярно по отношению к тексту адресата расположена позднейшая надпись чернилами: 1653. На бумаге проступает водяной знак. Он представляет собой изображение четырех букв, стволу каждой из которых мастер придал форму стилизованной колонны, имеющей усеченные треугольники на концах. Буквы расположены в два яруса. Наверху находятся буквы I H S. От центральной перекладины H вверх отходит крест. Внизу расположены буквы I C. Начертание христогограммы (верхний ярус букв) подобно филигрании № 9461, 9463, 9465 из альбома-указателя водяных знаков Брике²⁵. Бумага с водяными знаками такого типа имеет итальянское, возможно, ломбардское, происхождение²⁶.

О важности грамоты свидетельствует ее декоративная сторона. Для сравнения обратимся к другим грамотам по тому же вопросу, которые исходили от Алексея Михайловича и предназначались Фредерику III. В грамоте 1653 г., хранящейся в Дании, золотые узоры расположены над текстом и вокруг начального слова “Бога”, “писанного крупными буквами вязью”²⁷. В труде Ю.Н. Щербачева также упоминается о том, что “в герцогском наименовании... одна лишь первая буква” в слове “велеможному” “писана золотом, остальное чернилами”. В свою очередь, наша грамота демонстрирует гораздо больше деталей, исполненных в золоте.

Документ был снабжен печатью красного воска, которая ныне утеряна. Диаметр ее отпечатка – 104 мм. Судя по отпечатку на бумаге, диаметр утраченной печати должен был приближаться к 102 мм²⁸.

Грамота требует дополнительного изучения, которое не замедлит последовать после ее введения в научный оборот, что, к счастью, происходит в отечественной историографии и как бы запоздало наверстывает время, упущенное после ограничения доступа к перемещенным фондам после второй мировой войны²⁹.

²⁴ В золоте также исполнены первые четыре строки грамоты.

²⁵ *Briquet Ch.M. Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du Papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Leipzig, 1923. Vol. III. Ср.: Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Водяные знаки рукописей России. XVII в. М., 1980. № 88 (1692 г.), № 950 (1669 г.), № 958 (1672 г.) – примеч. Б.Н. Морозова.*

²⁶ *Briquet Ch.M. Les filigranes... Vol. III. P. 498.*

²⁷ *Щербачев Ю.Н. Указ. соч. С. 236.*

²⁸ *Каиштанов С.М. Русская палеография. М., 1988. С. 166.*

²⁹ Черновой отпуск данной грамоты из архива Посольского приказа хранится в РГАДА в фонде “Сношения России с Голштинией” (Ф. 51. Оп. 1. 1652 г. № 1. Л. 7–16). В его конце приведено описание посланной грамоты: “Белая грамота писана на александрейском среднем листу, кайма и богословие и государево имя по Владимирского писано золотом, а дело все писано чернилы. Подпись дьячья на загибке, запечатана государственною печатью на красном воску под кустодею. Да в той же грамоте запечатан перевод сей грамоты неме[ц]ким писмом. Послана в тафте, тафта четь аршина, пол тафты. Подписал дьяк Алмаз Иванов.” (примеч. Б.Н. Морозова).

Бога всемогущаго и во всех всяческая действующаго и утешения благая всем человеком дарующаго, того в Троице славимаго, во единстве поклоняемаго Бога нашего, милостию и властью, силою и действием, и благоволением, Богом избранныи христианский, содержаще скипетр православия во осмотрение и во обдержание великого Росийского царствия и многих прибылых государств и з божиею помощию соблюдати мирно и безмятежно навеки, от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Руси самодержца, Владимирского, Московского, Новгородского, царя Казанского, царя Астраханского, царя Сибирского, государя Псковскаго и великого князя Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иных, государя и великого князя Новагорода Низовские земли, Резанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Северные страны повелителя, и государя Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князеи, и иных многих государств государя и обладателя, велеможному Фредерику, наследнику Норвецкому, арцуху Шлезвигтцкому, Гольштенскому, Стормарскому и Дитмарскому, графу Олденбургскому и Делменьгорскому – любительное поздравление.

В прошлом во 7160-м году збежали из нашего царского величества государства, с Москвы, от смертныи казни воры подьячие Тимошка Анкидинов да Костыка Конюхов, покрадчи нашу царского величества многую казну и учиня многое воровство, и, бегая меж государств, всякую ссору чинили и имяна себе перекладывали, и называетца тот Тимошка Шуиский, а в иных местах назывался Яган Синензис, и были они во Царе-Городе у турецкого салтана, и там он, Тимошка, бусурманился, а бусурманяся, заворовав, ушли от смерти в Полшу и в Литву, и были в воиске Запорожском у гетмана у Богдана Хмельницкого, и из Литвы тех воров по указу брата нашего наяснейшего великого государя Яна Казимера, короля Полского и великого князя Литовского и иных его королевского величества велено, сыскав, прислати к нам, великому государю, а для отдачи их послан был от королевского величества к гетману к Богдану Хмельницкому дворянин Юрьи Ермолич. И запорожских черкас гетман Богдан Хмельницкой тех воров и изменников велел поймать и нашего царского величества дворянину Петру Протасьеву поимочной лист по них дал и к нам, великому государю, о том писал и тех воров хотел к нашему царскому величеству прислать, и те воры ушли в Рим к папе и приняли в Риме папешскую веру, а из Риму бегали по иным государствам и делали ссоры многие и объявились в Свейском государстве.

И в прошлом во 160-м году наши царского величества подданные новгородцы и иных городов торговые люди, которые для торговых своих промыслов ездят в Свейское государство, тех наших царского величества изменников и воров в Свейском государстве, познав, поймали, Тимошку Анкидинова в Колывани, а Костку Конюхова в Ругодиве, и привели в тех городех к генералом, и генералы тех воров у них приняли, а без королевина величества указу тех воров нашим царского величества подданным торговым людям отдать не смели, и прислали того Костку Конюхова из Ругодива в Колывань же и велели тех наших царского величества изменников и воров до королевина величества указу держать в Колывани за пристава.

И в прошлом же во 160-м году писали мы, великии государь, наше царское величество, к велеможной королеве Свейской, к ее королевину величеству, з гонцом нашим, з дворянином с Янакльчом Челищевым, чтоб ее королевино величество по сосецкою с нами, великим государем, с нашим царским величеством дружбе и любви и по нашему государскому вечному утверженью тех наших царского величества изменников и воров подьячих, Тимошку Анкидинова, что, перекладывая имя свое, называетца Шуиским и Яганом Синенъзисом, и Костку Конюхова, которого называли ево, Тимошкиным, человеком, велела отдать тому нашему, царского величества, дворянину Енакльчу Челищеву. И по тому нашему, царского величества, писму ее королевино величество тех, нашего царского величества, воров и изменников нашему, царского величества, дворянину Енакльчю Челищеву отдать велела и лист о отдаче тех воров и изменников в Колывань к генералу Кирику Оксенстерну послала, а велела тех воров нашему, царского величества, гонцу Енакльчю Челищеву, как он ис Стеколна в Колывань приет, отдать тот час. И наш, царского величества, изменник Тимошка Анкидинов ис Колывани из за пристава ушел до приезду из Стеколны в Колывань нашего, царского величества, гонца, а товарища ево Костку по указу и по писму королевина величества в Колывани нашему, царского величества гонцу, дворянину Енакльчю Челищеву отдали, а того вора Тимошку Анкидинова при дворянине нашем в Колывани и в иных Свейских городех не сыскано.

А ныне нам, великому государю, нашему царскому величеству, ведомо учинилось, что тот наш, царского величества, изменник, вор, Тимошка Анкидинов, которой ушел из за приставов ис Кольвани, по извету нашего царского величества подданного новгородца Петра Микляева поиман в вашем княжестве, в Голстенской земле, в городе Неистате, и для того мы, великий государь, наше царское величество, послали к тебе, Фредерику князю, с сею нашею, царского величества, грамотою, нашего, царского величества, гонца Василья Шпилкина. И тебе бы, Фредерику князю, для наших, царского величества, дружбы и любви того нашего, царского величества, изменника, подьячего Тимошку Анкидинова, велети прислати к нам, великому государю, нашему, царскому величеству, с тем нашим, царского величества, гонцом и с ьными нашего царского величества подданными, которые для того посланы со всяким помогательством, чтоб тот вор и изменник никуды не ушел, и ссоры б вперед нигде никакие не учинил, а мы, великий государь, наше царское величество, тебе, Фредерику князю, учнем воздавати нашею царского величества дружбою и любовью, в каких делах случитца.

Писан в государствия нашего дворе, в царствующем граде Москве, лета от создания миру 7161-го, месяца декабря, 1-го дня.

На обороте адресат и дата:

Велеможному Фредерику, наследнику Норветцкому, арцуху Шлезвицкому, Голстенскому, Стормарскому и Дитмарскому, графу Олденбургскому и Дельмангорскому.

1653

*Archiv der freien und hansestadt Lübeck.
Altes Senatsarchiv, Ruthenica (Rußland), № 2*

В.Г. Бухерт

О ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ МГАМИД ПО ИСТОРИИ РУССКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Традиция научной публикации документов по истории русско-грузинских отношений восходит к академику М.И. Броссе (1802–1880), труды которого “положили начало изучению грузинской литературы и истории не только в России, но и в Европе”¹.

В июле 1838 г., по рекомендации министра народного просвещения графа С.С. Уварова, М.И. Броссе был допущен в МГАМИД “к осмотру хранящихся в оном грузинских и армянских дел по начало XIX столетия”². В мае 1844 г. Броссе снова работал в МГАМИД, разыскивая документы “касательно истории Грузии под владычеством России”³. Их он искал и в Синодальной библиотеке⁴. Выявленные Броссе и скопированные служащим Азиатского департамента МИД Д.И. Чубиновым⁵ документы были опубликованы в 1861 г.⁶ Оценка этого издания и в целом научной деятельности Броссе дана Ш.Х. Хантадзе⁷.

Усилению интереса к публикации документов по истории русско-грузинских отношений способствовало развитие в России востоковедения как научной дисциплины. В условиях расширения научных контактов архивов, одной из основных форм деятельности МГАМИД во второй половине XIX – начале XX в. стало участие его в археологических съездах, международных конгрессах и выставках. Первый опыт подобного рода архив приобрел на третьем Международном съезде ориенталистов, состоявшемся в Санкт-Петербурге в августе 1876 г. МГАМИД представил на выставку “некоторые документы, карты и рукописи”⁸. Знакомство с ними, по свидетельству барона Ф.Р. Остен-Сакена, привело “к открытию некоторых интересных историко-географических фактов”, о которых до тех пор “никому не было известно”⁹. Интерес к экспозиции проявило Императорское Русское географическое общество, издавшее подготовленный МГАМИД “Реестр географическим атласам, картам, планам и феатрам войны”. Служащие МГАМИД (А.В. Рачинский, Н.В. Чарыков) составили по документам указатель “всего относящегося до Востока”, который “обратил на себя особенное внимание” организаторов съезда, высказавших мнение, что он “будет драгоценным пособием для всех занимающихся востоковедением”¹⁰.

¹ Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. М., 1977. Т. IX. С. 479.

² РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 1. Д. 114. Л. 514, 516.

³ Там же. Оп. 7. Д. 404. Л. 1–2 об.

⁴ Там же. Ф. 1183 (Московская контора Синода). Оп. 1. 1844 г. Д. 105. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1476. Л. 1–1 об.; Д. 1842. Л. 2.; Ф. 1183. Оп. 1. 1857 г. Д. 176. Л. 1–1 об.

⁶ Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 года по 1770 год. СПб., 1861.

⁷ См.: Хантадзе Ш.А. Академик Мари Броссе и европейское и русское грузиноведение. Тбилиси, 1970. С. 154–155.

⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3099. Л. 65–65 об.

⁹ Там же. Д. 3128. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Д. 3100. Л. 26–26 об.

Сообщение о значении документов МГАМИД для изучения Востока сделал Рачинский, а о путешествии в 1671 г. в Хиву, Бухару и Балх русского посланника Б.А. Пазухина – Н.В. Чарьков¹¹, ставший впоследствии первым политическим агентом России в Бухаре.

Посетившие Москву в начале сентября 1876 г. некоторые участники съезда, ознакомились в МГАМИД с выставкой восточных рукописей и карт. Продолжателем дела Броссе в области издания исторических источников стал профессор Петербургского университета Александр Антонович Цагарели (1844–1929), занявшийся в 1881 г. составлением краткого обзора документов МГАМИД по истории Грузии XVIII столетия¹². Его помощью воспользовался директор МГАМИД барон Ф.А. Бюлер при подготовке к V Археологическому съезду, проведенному в Тифлисе. В письме директору Департамента внутренних сношений МИД барону Ф.Р. Остен-Сакену Бюлер сообщал: “Розыски, произведенные в Архиве и его библиотеке, и беседы с графом Уваровым и профессором Цагарели убедили меня, что наши сокровища изумят съезд”¹³. Бюлер привез в Тифлис грамоты XIV–XVIII вв., карты¹⁴. 12 сентября 1881 г. он выступил на заседании съезда с рассказом об экспонатах.

2 февраля 1889 г. Цагарели обратился к Бюлеру с предложением издать документы, “касающиеся Грузии и, вообще, Закавказья”¹⁵. Предполагаемое издание, – писал Цагарели, – “будет, так сказать, естественным продолжением и дополнением”¹⁶ издания Броссе. Тексты намечалось печатать в оригинале и в русском переводе, иллюстрируя издание копиями с портретов “современных выдающихся исторических деятелей”¹⁷. Основой для публикации должен был стать список документов МГАМИД, краткий обзор которых был опубликован Цагарели¹⁸.

В письме Бюлеру от 14 февраля 1889 г.¹⁹ Цагарели уточнил план издания. Намечалось опубликовать в трех томах документы с 1586 г., т.е. со времени начала “письменных сношений между Грузией и Россией”. Цагарели привлек для копирования документов преподавателя грузинского языка Лазаревского института восточных языков А.С. Хаханова²⁰.

1 июля 1889 г. Цагарели, собираясь в Москву, писал Бюлеру, “Благодарю Вас, любезный барон, за Ваши попечения и заботы обо мне: пишете, что для меня приготовлена комната, – охотно принимаю, тем более, что, если жить в городе (Москве) летом, то лучшего места нет, думаю, во всем городе, как Ваш Архив, с его обширным двором и садом, хотя, правда, что внешним своим видом напоминает мне несколько Афонские скиты и монастыри... впрочем, истинная наука всегда близка к религии! Здесь, в Петербурге, все время была страшная жара и духота, в особенности в помещении Государственного

¹¹ *Шученко К.А.* Участие Московского главного архива Министерства иностранных дел в съезде ориенталистов. М., 1876. С. 6.

¹² РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3315. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 1385 (Ф.Р. Остен-Сакен). Оп. 1. Д. 1430. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3204. Л. 258–259 об. В поездке в Тифлис Бюлера сопровождал служащий Архива С.А. Милов.

¹⁵ РГАДА. Ф. 179 (Комиссия печатания государственных грамот и договоров). Оп. 1. Д. 99. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ См.: *Цагарели А.А.* Новые материалы для истории Грузии XVIII столетия // ЖМНП. 1883. № 1. С. 117–137.

¹⁹ РГАДА. Ф. 179. Оп. 1. Д. 99. Л. 7–8 об.

²⁰ Там же. Л. 38.

архива (вероятно, это располагает господина Гиббенета²¹ к некоторой *восточной лени*)”²².

Издание решили приурочить к VIII Археологическому съезду в Москве, но к этому сроку удалось подготовить и напечатать лишь часть первого тома²³.

В связи с выходом полного варианта первого тома редактируемого Цагарели издания, получившего название “Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии”, Бюлер встретился 30 мая 1891 г. с министром финансов И.А. Вышнеградским, чтобы выяснить вопрос о выделении средств для издания второго тома, в котором предполагалось опубликовать документы на грузинском языке. Министр заявил директору МГАМИД, что не подозревая Цагарели, “а еще менее” Бюлера “в поблажке развитию какого-либо грузинского сепаратизма”, он, тем не менее, просит обсудить, не будет ли “вредного влияния” от издания “подлинных грамот”²⁴. Стараясь спасти издание, Бюлер попытался уверить министра, что в Грузии “не существует никаких политических партий”, а сами грузины “совершенно равнодушны к ученым исследованиям”²⁵. Тем не менее Вышнеградский, ссылаясь на трудности, которые испытывало государственное казначейство, отказался субсидировать издание²⁶. Цагарели надеялся на выделение средств Петербургским университетом. 16 января 1892 г. он писал Бюлеру, что “средства собственно на печатание быть может и нашлись бы, но на их переписывание не найдется, а даром их никто не перепишет”, и потому “решение этого вопроса надо отложить до поры до времени”²⁷. Помощь подоспела от известного мецената К.Т. Солдатенкова, передавшего 29 марта 1892 г. Комиссии печатания государственных грамот и договоров 2 тыс. руб. “на усиление издательской деятельности”²⁸, и летом того же года началась работа по подготовке второго тома²⁹, изданного двумя выпусками в 1898 и 1902 гг., уже после смерти Бюлера.

Хотя подготовленная Цагарели публикация была осуществлена не вполне в том виде, как задумывалась (документы начинались лишь с 1768 г.), она явилась одним из наиболее ценных в научном отношении изданий Комиссии печатания государственных грамот и договоров, которое состоялось в немалой степени благодаря поддержке, оказанной директором Архива Ф.А. Бюлером. Очевидно, что бытующее в архивоведческой литературе представление о Бюлере как о “заурядном чиновнике, безразличном к архивному делу”³⁰ и науке³¹, нуждается в пересмотре.

²¹ Гиббенет Николай Александрович (1825–1897) – делопроизводитель VI класса Государственного архива МИД.

²² РГАДА. Ф. 179. Оп. 1. Д. 99. Л. 68.

²³ См.: Цагарели А.А. Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII столетии. СПб., 1890.

²⁴ РГАДА. Ф. 179. Оп. 1. Д. 99. Л. 154–154 об.

²⁵ Там же. Л. 155.

²⁶ Там же. Л. 169–169 об.

²⁷ Там же. Д. 283–283 об.

²⁸ Там же. Д. 183. Л. 86.

²⁹ Там же. Д. 115. Л. 7–7 об.

³⁰ Чуракова Л.Е. Комиссия печатания государственных грамот и договоров (1811–1917) // СА. 1987. № 5. С. 59.

³¹ Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – нач. XX в.) М., 1990. С. 95.

МУЗЫКА В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ГОРОЖАНИНА XIX ВЕКА: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

С музыкой российский горожанин общался так много, что с нею не может сравниться в этом отношении никакое другое искусство, включая искусство слова – литературу. Музыка входила в его жизнь с рождения до кончины, звучала и в праздники и в будни. Взаимодействие горожан с музыкой было не только пассивным (слушание), но и активным (исполнение, сочинение), причем это последнее охватывало и широкие круги – как способ организации досуга и как приобщение к высокому искусству. Музыка влияла на формирование личности, на ее психическую жизнь¹. Между тем, музыкальная жизнь городов не находит отражения в трудах по социальной истории, в музыковедении изучается главным образом творчество композиторов и исполнителей, внимания к вопросам бытования музыки, ее роли в жизни общества крайне недостаточно.

Городская музыкальная жизнь – это многокомпонентная динамичная, открытая система, включающая все формы функционирования всех видов музыки; ее составляют несколько подсистем, между которыми существовали связи, некоторые элементы могли входить не в одну, а в несколько подсистем. Система, естественно, изменялась во времени, существенно различалась в городах разного типа. Городов в России по первой всеобщей переписи населения 1897 г. значилось 865, по другим данным – 945, существовало и множество местечек². Тип города определялся не только его штатным положением (губернский, уездный, заштатный – вне штатного расписания губерний и уездов), выделялись университетские города и крупные торгово-промышленные центры. По числу жителей некоторые уездные и даже заштатные города превосходили иные губернские. Для положения губернского города важным являлось присутствие в нем губернатора и всех губернских учреждений. Несравнимы с другими городами были обе столицы – в Москве по переписи 1897 г. насчитывалось более 953 тыс. жителей, в Петербурге – более 1132 тыс.³ В Петербурге была и самая насыщенная, разносторонняя музыкальная жизнь. В других городах компоненты системы обнаруживаются в более скромных размерах, могли и вовсе отсутствовать.

Существовали следующие подсистемы: I) музыка в домашнем быту; II) в музыкальных салонах, обществах и кружках; III) в учебных заведениях; IV) в военной среде и (в Петербурге) при императорском дворе; V) публичная музыкальная жизнь, в которой могли принимать участие как бы все горожане. Последнюю составляли: 1) инструментальные и вокальные концерты в

¹ С признанием воздействия музыки на жизнеощущение человека связано давнее, с античности, использование ее в медицине. См., в частности: *Петрушин В.И.* Музыкальная психотерапия. М., 1997. “Странно, что считалось возможным давать картину эволюции человеческого духа, пренебрегая одним из глубочайших его проявлений”, – писал Р. Роллан в статье “О месте, занимаемом музыкой во всеобщей истории” // *Лики культуры: Альманах. Музыка души и музыка слова.* М., 1995. С. 5.

² Россия // *Энцикл. словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.* СПб., 1899. Т. 27 (полут. 54). С. 81.

³ Об изданиях материалов переписи населения России 1897 г. с данными о числе жителей в городах в целом и по разным показателям см.: *Справочники по истории дореволюционной России: Библиогр. указатель.* М., 1978. С. 103–104. (Далее: СИДР).

специальных концертных и других залах в осенне-зимний сезон; 2) музыка в театрах – музыкальные спектакли, музыка в других представлениях, дивертисменты (сборные концерты в дополнение к малым сценическим произведениям), концерты в антрактах и др.; 3) летние выступления оркестров и иные музыкальные развлечения в садах, загородных дачах, на воде; 4) публичные балы, маскарады, танцевальные вечера; 5) народные гулянья, в большинстве которых участвовали все сословия; 6) трактиры (рестораны), в последней трети века еще и кафешантаны, варьете; 7) уличные музыканты – одиночки и ансамбли; 8) церковная музыка – церковные хоры и колокольные звоны православных церквей, органы в костелах и кирхах и др.; 9) музыка, сопровождавшая повседневную службу квартировавших воинских частей, протекавшую публично. Игра военных, уличные музыканты, колокольные звоны, иногда выходившие на улицу церковные хоры (крестные ходы, погребальные процессии) создавали музыкальный фон городского быта.

Функционирование музыки в домашнем быту – в кругу семьи и близких друзей – представляет особенный интерес. Здесь происходило самое непосредственное с ней общение, отчетливее проявлялся личный выбор, а выбор “своей” душе, отвечающей музыки – это часть жизнеотношения, мировидения в целом. В образованном обществе (дворяне и разночинцы, чьи основные занятия требовали среднего и высшего образования) музыка бытовала во многих видах и формах: колыбельные песни матери и няни, песенки на детских праздниках (Рождественская елка и др.), уроки инструментальной и вокальной музыки, игра обученных “для себя” и семьи, музыкальные вечера с выступлениями родственников и друзей, музыкальное сопровождение семейных праздников (дни рождения, именины, свадьбы, последние обычно с приглашением профессиональных музыкантов), балы, танцевальные вечера в домах, где была молодежь – под фортепиано, скрипку, гитару, если дом побогаче, то и под малый оркестр; до начала 1860-х годов у крупных помещиков имелись домашние оркестры и хоры. Обучение музыке было обязательно в дворянских семьях, девочек старались обучать и в малообеспеченных семействах. Во второй трети века дворянству стало подражать столичное купечество, позже музыкальное образование, по крайней мере, женское, признавалось необходимым в кругу состоятельных разночинцев – врачей, инженеров, юристов, преподавателей высших и средних учебных заведений; кроме профессионалов-учителей, игре на фортепьяно обучали и матери, получившие соответствующую подготовку в общеобразовательных, а во второй половине века и в специальных учебных заведениях, и гувернантки (отечественные и иностранки). В этой среде немало было любителей-композиторов, совокупность их сочинений отражает существовавшие запросы, представления о ценностях в музыке.

По слуху, с помощью друзей, постигших искусство, и самоучителей игрой на доступных инструментах овладевали и мелкие чиновники, и канцеляристы (нечиновные служащие), приказчики, домашняя прислуга и т.п. Домашнее музицирование – рядовое явление для всех городов. Историк тамбовской музыкальной жизни писала, что в конце XIX в. оно “в средних и низших слоях населения” получило “такое распространение, что в городе почти не было семьи, в которой не пели бы или не играли на каком-нибудь музыкальном инструменте, начиная от гитары и балалайки и кончая фортепьяно. Это были самоучки, учащиеся музыкальных классов (а позднее – училища), учителя музыки, певчие церковных хоров и др.”⁴ Музыка в домах создавали также ме-

⁴ Емельянова Н.Н. Музыкальные вечера: Хроника музыкальной жизни Тамбовского края за 100 лет. Воронеж, 1977. С. 19.

ханические музыкальные инструменты – от музыкальных шкатулок до появившейся в конце века пианолы. К.А. Сомов, например, писал, что первые его музыкальные впечатления – пение матери и “музыкальный ящик”⁵.

Часто организовывались регулярные (еженедельно, а то и два раза в неделю) музыкальные вечера. Наряду с простыми дружескими собраниями, формировались музыкальные салоны, которые обычно отличала элитарность – высокие критерии оценок сочинений и исполнения; там выступали и профессионалы, включая гастролеров, нередко звучали произведения, еще не попавшие на концертную эстраду. Музыкальные общества и кружки в большинстве своем создавались любителями с целью совместного исполнения ансамблевых, оркестровых и крупных хоровых произведений; они собирались обычно еженедельно для “музыкальных упражнений” и время от времени давали публичные концерты. Объединения профессионалов преследовали цели, главным образом, просветительские и благотворительные.

Музыка в учебных заведениях – это не только учебный процесс, но и внеклассные занятия, праздники с музыкой, концерты и музыкально-литературные вечера. С 1860-х годов специально стали открываться музыкальные учебные заведения с публичными экзаменами и концертами учащихся (прежде – как исключение).

В каждой воинской части, квартировавшей в столицах, во всех губернских и некоторых других городах, имелся духовой оркестр (они назывались музыкантскими хорами), иногда и особый бальный, обязательно комплектовался хор для церковных служб, имелись солдатские хоры песенников, организовывались частные занятия музыкой офицеров, нередко и солдат (особенно к концу века), устраивались полковые праздники, балы, концерты⁶. Придворный музыкальный быт был многообразен: музыка сопровождала все церемонии, была важной частью праздников в “царские дни” (годовщины восшествия на престол и коронации, дни рождения и тезоименитств), балов и маскарадов по разным поводам; устраивались музыкальные и танцевальные вечера и концерты, 1 января давались “народные” балы и маскарады, гостей бывало до 30–40 тыс.

Для изучения всех сторон общественного и частного музыкального быта в российских городах XIX в. в распоряжении исследователей имеется обширный, но мало использованный круг источников⁷.

Главнейшие источники сведений о музыке в домашнем быту это, конечно, дневники, письма, воспоминания, хранящиеся в личных архивных фондах и изданные. Они рассказывают о собственных (автора) занятиях музыкой, музыкальных вечерах, сообщают оценки конкретных сочинений, отражающие их воздействие на данного человека, и т.д. (в той или иной мере в них нашли отражение и другие стороны музыкальной жизни). В дополнение к материалам, использованным автором в книге “Концертная жизнь Петербурга, музыка в общественном и домашнем быту...”, приведу свидетельства еще

⁵ Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 127.

⁶ Концерты бывали открытые, см., например, о вокально-инструментальном вечере Семеновского полка: Театр и музыка // Россия. СПб., 1880. 21 дек. В Преображенском полку был солдатский симфонический оркестр. См.: Благотворительные концерты // Рус. муз. газ. 1897. № 3. Стб. 466–467.

⁷ Далее преимущественное внимание уделяется Петербургу и провинции; из музыкальной жизни Москвы, к которой приведенная схема (система) имеет безусловное отношение, коснусь лишь отдельных моментов. Все упоминаемые виды, формы бытования музыки в Петербурге до начала в ноябре 1859 г. публичных концертов Русского музыкального общества, кроме церковной, показаны в кн.: Петровская И.Ф. Концертная жизнь Петербурга, музыка в общественном и домашнем быту: 1801–1859 годы: Материалы для энциклопедии “Музыкальный Петербург”. СПб., 2000. При повторении здесь сообщенных в ней сведений, ссылки на источники опускаются.

двух лиц о Москве. В.О. Ключевский в письмах назвал себя “записным поклонником опер”, говорил об “эстетическом голоде”, заставлявшем “шляться по домам, где может попасть в его уши один-другой заветный звук Бетховена или Мендельсона-Бартольди”, о музыке как средстве “поддерживать рассудок”; в дневнике он написал о “лирическом припадке” при слушании музыки⁸. Н.П. Розанов рассказывал о быте московского духовенства второй половины XIX в.: в зале небольшого дома священника или дьякона устанавливались “фортепьяно, а иногда и рояль”⁹ (и поповны учились музыке).

При розыске опубликованных мемуаров поистине драгоценен капитальный библиографический труд “История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журнале” (М., 1976–1989. Т. 1–5, продолж.) (далее: ИДРДВ). Однако в аннотациях именно информация о музыке (если это не специально тому посвященные мемуары) чаще всего не отмечается. Так, в аннотации к “Былому и думам” Герцена не называется замечательный хормейстер, устроитель концертов князь Ю.Н. Голицын, хотя о нем – без малого целая глава, не упоминаются важные сообщения о музыке в аннотациях к “Автобиографии” А.О. Смирновой-Россет, дневнику и запискам Е.А. Штакеншнейдер и т.д. Некоторые работы не учтены по тогдашним цензурным соображениям, например, издание “Былого и дум” под редакцией Л.Б. Каменева (М., 1932), где есть содержательные комментарии о том же Ю.Н. Голицыне и других лицах; весьма условна тематическая систематизация. Много воспоминаний и дневников в отделах рукописей РГБ, РНБ, ИРЛИ, в РГАЛИ, РГИА и других архивохранилищах. ГБЛ опубликовала два описания: Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок: XVIII–XIX вв. (из фондов Отдела рукописей) (М., 1951); Воспоминания и дневники XVIII–XX вв.: Указатель рукописей (М., 1976). Оба, как и ИДРДВ, снабжены указателями имен и географических названий, аннотации более подробны, чем в ИДРДВ, но и в них, например, при описании мемуаров К.А. Буха не упоминаются его интереснейшие сообщения о музыке в Оренбурге.

В ряде личных архивов имеются нотные альбомы и тетради, собрания печатных нот, записи текстов вокальных произведений – материал, раскрывающий репертуар домашнего музицирования, например, в архивных фондах певицы-любительницы П.А. Бартеновой, вел. кн. Елены Павловны, вел. кн. Константина Константиновича. С репертуаром любителей знакомят также программы их выступлений в публичных концертах. Дополнительный источник – издания школ для разных инструментов, с приложениями. Разумеется, необходимо и обращение к составу нотных изданий в целом, который зафиксирован в каталогах нотных издательств, магазинов и библиотек и в нынешних ретроспективных каталогах. В первой половине XIX в. ноты издавались преимущественно для домашнего музицирования, и позже для этого предназначалась большая их часть; однако анализ продукции нотоиздательств требует сопоставления с указанными источниками сведений о фактическом музицировании и соответствующих уточнений. В 1820–1860-е годы о музыке в домашнем быту довольно часто информировала периодическая печать – сто-

⁸ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 130, 221, 412. И факты неприятия музыки интересны (ничто не существует изолированно). Записи в дневнике Д.И. Писарева и его высказывания типа: “Я не люблю ни музыки, ни живописи”, “Как можно заниматься с увлечением музыкою”, действительно “способны прояснить феномен писаревского антиэстетизма”. Об этом см.: *Шербаков В.* Писарев и Даргомыжский // Лица: Биограф. альманах. М.: СПб., 1994. Вып. 4. С. 395–397.

⁹ *Мартынов Б.В.* Воспоминания Н.П. Розанова “Второе сословие” // Мир источниковедения (Сборник в честь Сигурда Отговича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 111.

личная (включая корреспонденции с периферии), а потом и провинциальная, позже – редко (о периодике см. дальше, в связи с концертной жизнью).

Для истории музыкального быта, как и для истории функционирования других искусств, идей, нравственных норм, настроений, вкусов, весьма важный источник – художественная литература (проза, поэзия, драматургия)¹⁰. Имеются в виду отнюдь не только высокоталантливые произведения. В стихах, прозе, пьесах авторов, не ставших классиками, запечатлены важные исторические реалии. Но использовать в этом смысле можно только литературу, современную изучаемым явлениям, позднейшая близка к историческим исследованиям.

В литературе говорится о распространенности музыкальных занятий, формах организации досуга с музыкой, восприятию исполнявшихся сочинений, бытовавших инструментах, называется репертуар и т.д. Кажется, нет романа и повести из дворянской жизни, где бы ни звучали фортепьяно и пение (“Как все русские дворяне, он в молодости учился музыке”, – написал Тургенев о Берсеневе в “Накануне”). Но еще ценнее литература для воспроизведения музыкального быта купеческой и мещанской среды, поскольку мемуаров и писем этого слоя населения ничтожно мало. Особенную ценность приобретает она и при выяснении музыкальной жизни уездных и других небольших городов, о которой иных источников несравненно меньше, чем о столичной жизни, а также крупных губернских центров.

Напомню, что много сообщений о музыке в городском быту встречается у Гончарова, Тургенева, Достоевского, Некрасова, в литературе второй половины XIX в., отражающей разные социальные слои общества. Например: “Но не у одних господ Шелестовых было весело. Не прошел Никитин и двухсот шагов, как из другого дома послышались звуки рояля. Прошел он еще немного и увидел у ворот мужика, играющего на балалайке” (Чехов. “Учитель словесности”, 1894 г.); в том уездном городе, где отлично играл на скрипке гробовщик Яков Иванов, купцы и чиновники приглашали на свадьбы еврейский оркестр, которым управлял лудильщик, иногда в него включали и гробовщика (Чехов. “Скрипка Ротшильда”, 1894 г.). Художественная литература позволяет внести уточнения даже в некоторые утверждения музыковедческих трудов. Например, исследователь истории гармоники в России писал, что о бытовании ее в городе одновременно с появлением в деревне (с 1840–1850-х годов) нет сведений (“документов”)¹¹. Но у Островского в комедии “Бедность не порок” (1854 г.) купеческий сын является с гармоникой¹². Однако гармоника не смогла победить гитару, конкуренция между инструментами отразилась в той же пьесе, где к гармонисту обращается гитарист: “Ну уж важная музыка... Нечего сказать! Брось, говорю тебе!” Гитары, сначала дорогие, импортные, в начале XIX в. распространились в дворянском кругу, но к середине века вошли в быт почти всех слоев городского населения: “артист на гитаре” – буфетчик в доме рассказчика в повести “Первая лю-

¹⁰ Художественная литература использована в ряду основных источников в кн.: *Кремлев Ю.А.* Русская мысль о музыке. Л., 1954. Т. 1; *Петровская И.Ф.* Концертная жизнь Петербурга, музыка в общественном и домашнем быту...; *Шербакова Т.А.* Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. М., 1984. Б.В. Асафьев обратился к художественной литературе, рассматривая появление в России произведений Ф. Шуберта (*Асафьев Б.В.* Музыка в кружках русской интеллигенции 20-х – 40-х годов // *Музыказнание: Сб. статей.* Л., 1928. С. 11). В 1962–1967 гг. и позже о значении художественной литературы как исторического источника писал С.О. Шмидт. Обзор суждений по этому вопросу см.: *Миронец Н.И.* Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса) // *ИСССР.* 1976. № 1. С. 125–141.

¹¹ *Благодатов Г.И.* Русская гармоника. Л., 1960. С. 94.

¹² В начале 1860-х годов гармонисты появились в Петербурге как уличные музыканты (Гармонщики // *Петерб. листок.* 1864. 11 авг.), к концу 1860-х они функционировали в других городах, в частности, в Саратове (Из музыкального прошлого: Сб. очерков. М., 1960. [1]. С. 146).

бовь” Тургенева, с гитарой гуляет конторщик Кудряш в “Грозе” Островского, у Некрасова она в руках ремесленника (“Свадьба”, 1855 г.).

Широко бытовала вокальная и вокально-инструментальная музыка. Пение призывало быт “простого народа” – ремесленников, мелких торговцев, конторщиков, домашней прислуги – дома, на работе, на улице в свободные часы: народные крестьянские песни без сопровождения, песни и романсы под балалайку, гитару, потом и под гармонику. Народные песни в обработке, в сопровождении фортепьяно или других инструментов, романсы русские, французские, немецкие, арии и ансамбли из опер распевались в светских гостиных и на дружеских встречах в дворянской, мещанской, разночинской среде. Создавался свой городской фольклор. Имели хождение студенческие и революционные песни, сочинялись рабочие¹³. Процветало хоровое пение, навыки которого приобретались в начальной и средней школе, хором пели даже романсы. Популярный вокальный репертуар – песни, романсы, в том числе цыганские, украинские, оперные арии – включен в многочисленные издания песенников. Примерно до последней трети XIX в. их цена была высокой, так что предназначались они в то время не для простого народа. Много сообщений о песенном репертуаре в художественной литературе, например о песнях в купеческой и окологупеческой (приказчики, конторщики) среде у Островского (“Бедность не порок”, “Горячее сердце”). Во второй половине века в “образованном обществе” приоритетным был русский романс, любимый и раньше. “Пара гнедых” или “Ночи безумные” – / Яркие песни полночных часов, / <...> Что-то в вас есть бесконечно хорошее...” – писал К.К. Случевский в 1890-х годах о популярных романах на слова А.А. Алутина.

О домашних музыкальных кружках рассказывают, как и вообще о музыке в домашнем быту, более всего дневники, письма, воспоминания, но также и периодическая печать, в основном до 1870-х годов. Складывались они повсеместно, домашние музыкальные вечера разного рода устраивались во всех городах. В литературе упоминаются, например, воспоминания о домашних вечеринках в Курске в 1820–1830-е годы, где “молодежь развлекалась пением, музыкой и танцами”¹⁴. Более или менее скромные собрания, не салоны, были, по-видимому, заурядным явлением. Именно поэтому М.Р. Щиглев, вспоминая, что они с А.П. Бородиным в юности “не упустили никакого случая поиграть трио или квартет где бы то ни было”¹⁵, не назвал организаторов собраний, не поименовал их и В.О. Ключевский, говоря о своих посещениях.

За 1801–1850-е годы автором по мемуарам и другим источникам выявлено около 70 видных организаторов музыкальных вечеров в Петербурге. Много их было и в 1860–1870-е годы¹⁶. По воспоминаниям и другим материалам установлено наличие активно действовавших кружков любителей в Оренбурге 1820–1830-х годов, Перми 1830-х, Саратове середины века¹⁷, Нижнем Новгороде с начала века (знамениты вечера в доме А.Д. Улыбышева в 1841–

¹³ Друскин М.С. Студенческая песня в России 40-х – 60-х годов // Очерки по истории и теории музыки: Русская музыка. Л., 1939. С. 49–83; Он же. Русская революционная песня. М., 1954. О рабочих песнях см.: Там же. С. 66–73; Коллар В.А. Музыкальная жизнь Нижнего Новгорода – города Горького. Горький, 1976. С. 51–56.

¹⁴ Очерки по истории русской музыки. 1790–1825. Л., 1956. С. 120.

¹⁵ А.П. Бородин в воспоминаниях современников. М., 1985. С. 123.

¹⁶ Кроме тех, что упомянуты в авторской книге, это знаменитые собрания М.А. Балакирева (“Могучая кучка”), вечера у врача С.П. Боткина, у Ц.А. Кюи, А.Н. Молас, В.В. Стасова, певица П.И. Гумбина, В.А. Римского-Корсакова, барона Штиглица, вел. кн. Константина Николаевича. Э.Ф. Навреник назвал еще семь: см.: *Навреник Э.Ф. Автобиографические, творческие материалы, документы, письма.* Л., 1959. С. 38, 40.

¹⁷ Из музыкального прошлого: Сб. [1]. С. 75, 127–133, 156.

1855 г.)¹⁸ и др. Распространителями музыкального любительства часто являлись офицеры квартировавших частей. В сибирских городах развитию домашней и публичной музыкальной жизни способствовали ссыльные декабристы, а потом ссыльнопоселенцы следующих поколений. Например, в Красноярске бывали концерты в доме декабриста В.Л. Давыдова, а в 1850-е годы любители музыки устраивали благотворительные музыкально-литературные вечера¹⁹.

Представление о том, что в последние десятилетия XIX в. домашние музыкальные кружки, музыкальные салоны исчезают, ошибочно. В связи с бурным развитием публичной музыкальной жизни пресса им перестала уделять прежнее внимание, но они не могли исчезнуть (все множилось число лиц, получавших музыкальное образование в специальных училищах и консерваториях). О них говорят мемуары и некоторые другие материалы. К 1880-м годам в Петербурге сложились постоянные “пятницы” М.П. Беляева, продолжавшиеся вплоть до его смерти (декабрь 1903 г.), где бывало до 70 человек, существовал в 1880–1890-е годы “Веймарский кружок” любителей музыки, собиравшийся у Пыпиных²⁰. Как домашний складывался в 1890-е годы московский кружок А.М. и М.С. Керзиных, успех домашних концертов побудил устраивать их публично, причем это не отменило музыки в доме²¹. Я.Д. Минченков в известных “Воспоминаниях о передвижниках” (Л., 1959) рассказал о еженедельных музыкальных вечерах в 1890-е годы и позже у художников Н.Н. Дубовского (на которых бывал И.П. Павлов), В.Е. Маковского, сообщил о музыкальных вечерах в домах Екатеринбургa конца XIX – начала XX в.²² Из домашних кружков образовались некоторые общества, как, например, петербургское Общество музыкальных собраний (1892–1909) из кружка студента-математика Н.М. Штрупа.

Музыкальные общества, кружки, союзы официально утверждало Министерство внутренних дел (МВД). Разрешением этих организаций и надзором за их деятельностью по всей Российской империи ведали последовательно два департамента министерства: Департамент полиции исполнительной и Департамент общих дел, в архивных фондах которых находятся соответствующие дела (РГИА. Ф. 1286 и 1284). Обычно в деле находится заявление учредителей с их именами и обозначением социального положения, проект устава и его утвержденный вариант, нередко – документы об изменении устава и названия организации. (К описям этих фондов составлены алфавитные указатели.) Аналогичные дела имеются в архивных фондах губернаторов и градоначальников, но они сохранились хуже, чем архив МВД. Собственные архивы этих организаций существуют лишь как исключение, но многие общества издавали отчеты о своей деятельности (большое их собрание находится в РНБ), кроме того, отчеты и обзоры их действий публиковались в периодике, о публичных выступлениях объявляли афиши. Некоторые материалы есть в личных архивных фондах членов кружков и обществ.

К настоящему времени нет даже полного перечня музыкальных организаций России. В специальной брошюре за XIX в. названо 35 организаций Москвы и Петербурга (включая домашний кружок М.А. Балакирева и неосуше-

¹⁸ Беляков Б.Н., Блинова В.Г. и др. Оперная и концертная деятельность в Нижнем Новгороде – городе Горьком (1798–1980). Горький, 1980. С. 179–186.

¹⁹ Кривошея Б.Г., Лаврушева Л.Г. и др. Музыкальная жизнь Красноярска. Красноярск, 1983. С. 7.

²⁰ О нем, в частности, см.: М.А. Балакирев: Летопись музыкальной жизни. Л., 1967. С. 336–337.

²¹ Штейнберг А.А. Керзинский кружок любителей русской музыки // Вопросы музыковедения. М., 1960. Сб. 3. С. 599, 604–605.

²² Из музыкального прошлого: Сб. [1]. С. 49–50.

ствленное Общество распространения музыкальных знаний имени Глинки) и две одесские организации²³. Но, в одном Петербурге, по данным архивных материалов и справочников, их было в то время 32²⁴, не считая многочисленных кружков любителей игры на балалайке, создававшихся к концу века по почину В.В. Андреева (в большинстве своем они официально не оформлялись). Существовали музыкальные общества и в ряде других городов – губернских, уездных и даже заштатных. Назовем некоторые из них: Пермский музыкальный кружок (официально с 1874 г., фактически начал действовать лет на 15 раньше), Екатеринбургский (утвержден в 1880 г., сложился еще в 1870-е годы), в числе которого был Д.Н. Мамин-Сибиряк²⁵, Общество любителей музыки и драматического искусства в Самаре (оформлено в 1882 г., вело начало с 1858 г.)²⁶, такое же общество в Тамбове (утверждено в 1879 г.)²⁷, Музыкальный кружок любителей в Красноярске (организован в 1882 г.)²⁸, Общество музыкального и драматического искусства в Козельске Калужской губернии (есть сведения о его деятельности в 1873–1912 гг.) и Псковское музыкально-драматическое общество²⁹, Уфимское общество пения, музыки и драматического искусства (изданы отчеты 1890–1900-х годов). В Казани и Саратове в 1880–1890-е годы имелись Общества любителей изящных искусств, куда входили и любители музыки, образовывались музыкально-драматические кружки, действовавшие без официального утверждения. В последние десятилетия XIX в. создавались любительские хоры и оркестры, в сущности, кружки любителей музыки – на промышленных предприятиях и др. (в Самаре, например, были купеческий хор и хор приказчиков). О существовании в городах музыкальных обществ, музыкальных учебных заведений, оркестров, хоров, их руководящих лиц, сообщали губернские “Памятные книжки” (“справочные книжки”, “адрес-календари”), ежегодные справочники “Весь Петербург” и “Вся Москва” (см. СИДР). Кроме того, в 1880–1890-е годы такие сведения помещали специальные музыкальные справочники. О музыкальных кружках, действовавших к концу XIX в. в 59 городах Российской империи, рассказано в книге П.М. Пчельникова “Памятная книжка по театральному делу” (М., 1900. С. 276–281).

По размаху деятельности и внутренней его организации выделялось Русское музыкальное общество (РМО), учрежденное в 1859 г. в Петербурге. Отделения РМО были открыты, начиная с 1860-х годов (некоторые – в начале XX в.) в Москве, Архангельске, Астрахани, Владивостоке, Владикавказе, Владимире, Воронеже, Грозном, Екатеринбурге, Екатеринодаре, Ельне, Иваново–Вознесенске, Иркутске, Казани, Керчи, Костроме, Кронштадте, Курске, Нерчинске, Нижнем Новгороде, Нижнем Тагиле, Новочеркасске, Омске, Орле, Пензе, Перми, Пскове, Ростове на Дону, Самаре, Сарапуле, Саратове, Смоленске, Ставрополе, Таганроге, Тамбове, Тобольске, Томске, Туле, Уфе, Царицыне, Ярославле, в ряде городов нынешних суверенных республик. Отделения учреждали музыкальные учебные заведения и давали ци-

²³ Гумерова О.А. Музыкальные общества России (история и современность). Челябинск, 1991. С. 73–75.

²⁴ См.: Петровская И.Ф. Музыкальное образование и музыкальные общественные организации в Петербурге. 1801–1917 годы: Энциклопедия. СПб., 1999; Она же. Концертная жизнь... С. 62.

²⁵ Из музыкального прошлого: Сб.[1]. С. 80–85, 49–62.

²⁶ Из музыкального прошлого. М., 1965. Сб. 2. С. 179–190. Архивный фонд Общества – в Государственном центральном театральном музее им. А.А. Бахрушина.

²⁷ Емельянова Н.Н. Указ. соч. С. 19.

²⁸ Кривошея Б.Г. и др. Указ. соч. С. 7–9.

²⁹ Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР: Обзоры документов: XVII век – 1917 год. М., 1966. С. 195, 219.

клы симфонических и камерных концертов. Издавались их отчеты. Сведения о провинциальных отделениях помещались и в общих отчетах РМО (в некоторые годы с данными о концертах, преподавателях и учащихся училищ), наиболее полное их собрание – в фонде РМО (ЦГИА СПб. Ф. 408), где имеются и иные материалы об отделениях (об основании и преобразованиях, учебных планах, меньше – программах и отчетах)³⁰.

Занятия музыкой в учебных заведениях интересны не только для выяснения места музыки в жизни детей и юношества. Увлечение музыкой или, хотя бы, привычку к ней и полученные навыки исполнения воспитанники несли в дальнейшую жизнь. Главный источник информации – архивные фонды учебных заведений в местных архивах и фонды ведавших ими центральных учреждений. Основанные на документах сведения содержат и очерки истории отдельных заведений и ведомств в целом, существуют печатные издания приказов, инструкций, отчетов, некоторые заведения издавали периодические “памятные книжки”, эти материалы учтены в СИДР (по ведомствам и городам).

Довольна значительна была сеть учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии (ВУИМ; в 1828–1880 годах оно называлось IV отделением Собственной е.и.в. канцелярии): женские институты (закрытые средние учебные заведения), женские гимназии, начальные и другие училища в Петербурге, Москве и некоторых губернских центрах. Их организация была строго подчинена сословному принципу, занятия музыкой поощрялись в первую очередь в институтах “благородных девиц” (дворянок), которым надлежало готовить образцовых жен и матерей для “первого сословия” империи. В них обучали игре на фортепьяно и арфе, светскому и церковному пению, создавались хоры, при институтах имелись профессиональные оркестры. Умение играть и учить играть на фортепьяно входило в программу подготовки домашних учительниц в педагогических классах (для сирот и бедных воспитанниц). В гимназиях ВУИМ преподавалось хоровое пение, а по желанию учащихся и инструментальная музыка³¹. Материалы о постановке воспитания и образования в учебных заведениях ВУИМ, утверждении уставов, выработке программ, дополняющие их архивные фонды, находятся в фондах Опекунского совета, Собственной е.и.в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии и Главного совета женских учебных заведений (РГИА. Ф. 758, 759, 761).

Обучение музыке и внеклассные занятия входили в распорядок жизни учебных заведений военного ведомства с начала их организации в XVIII в. В трудах по истории кадетских корпусов пение отмечалось как непременная принадлежность жизни воспитанников: песни собственного сочинения пели и военные, и кадеты, и в корпусных церквях. В 1835 г. начальник военно-учебных заведений вел. кн. Михаил Павлович издал приказ о поощрении музыкальных занятий: “Музыка, как и всякое изящное искусство возвышает дух человека, дает ему новые средства быть приятным в обществе, а в трудных обстоятельствах жизни служит ему иногда и утешением”. В 1863–1882 гг. вместо кадетских корпусов действовали военные гимназии. В них создавались ученические оркестры и хоры, официально было установлено, что сверх обязательных предметов воспитанники в продолжение курса и в каникуляр-

³⁰ См.: *Калейс А.С.* Архив Русского музыкального общества // *Театр и музыка: Документы и материалы.* Л., 1963. С. 24–56.

³¹ Подробнее о петербургских учебных заведениях этого и других ведомств и об общих установках ВУИМ, Военного министерства и Министерства народного просвещения см.: *Петровская И.Ф.* Музыкальное образование и музыкальные общественные организации Петербурга... При цитировании ниже некоторых извлечений из документов приведенные в книге ссылки на источник не повторяются.

ное время занимаются танцами, пением, инструментальной музыкой. В специальных военных училищах велись занятия по пению, юнкерские хоры пели в своих церквях, в больших благотворительных концертах; в училищах устраивались концерты и музыкальные вечера. Сохранились архивные фонды многих столичных и периферийных военных учебных заведений, кроме того, информация по истории музыкальных занятий имеется в материалах Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ), которое было сформировано в 1863 г., а также его предшественников (см.: Центральный государственный военно-исторический архив: Путеводитель: В 3 ч. М., 1979). Ценные сведения содержат печатные Приказы начальника военно-учебных заведений и журнал “Педагогический сборник” ГУВУЗа, где публиковались статьи и инструкции о преподавании вокальной и инструментальной музыки.

В Петербурге участками активной музыкальной жизни были Академия художеств, где до 1840 г. продолжало существовать Воспитательное училище для малолетних с курсом общего образования, в который входили занятия музыкой, Лицей, Училище правоведения, Горный и Лесной институты, Военно-медицинская (до 1881 г. Медико-хирургическая) академия. В уставе Горного кадетского корпуса, учрежденного в 1804 г. (предшественник Горного института), записано: “Музыка особенно полезна в том отношении, что по выпуске воспитанников из корпуса может приятным образом занимать их свободное от должности время, особенно в удаленных местах Сибири, куда они службою предназначаются”. Известны публичные концерты студентов-любителей Петербургского университета (1842 – конец 1850-х годов), в дальнейшем в нем был студенческий оркестр и хор, как и в большинстве других вузов. В Московском университете почти 35 лет служил композитор Д.Н. Кашин – сочинял хоры и инструментальную музыку для торжественных актов, устраивал концерты, преподавал³². Преподавалась музыка и в Казанском университете.

Классные и внеклассные занятия музыкой процветали в средних и низших учебных заведениях Министерства народного просвещения (МНП). Советские же работы по истории музыкального образования в средней школе были построены преимущественно на нормативных документах, из них делались выводы, соответствующие социальному заказу. Министерские программы называли только пение, за обучение инструментальной музыке требовалась дополнительная плата. (Это отнюдь не было способом не допускать к ней малообеспеченных, имелось в виду, что не все способны к музыке и не все желали бы ею заниматься, а включение расходов на эти занятия в общую плату означало бы, что незанимающиеся платят за занимающихся.) Фактическое положение зависело, главным образом, не от предписаний МНП, а от отношения к музыке директора, сложившихся традиций, наличия энтузиаста-педагога. Притом в январе 1889 г. попечителям учебных округов был разослан циркуляр МНП, предлагавший “обратить особенное внимание на эстетическое и художественное воспитание юношества”. Для этого ввести обучение пению и инструментальной музыке в средних и низших мужских и женских учебных заведениях, учреждать хоры и оркестры, устраивать музыкальные вечера (кроме художественного воспитания преследовалась и другая цель – уберечь от увлечения “вредными” идеями).

Изданные книги по истории гимназий, их штатов, включавшие учителей музыки (нередко нескольких одновременно), воспоминания выпускников, сообщения в периодике свидетельствуют, что в большинстве гимназий, осо-

³² См.: Натансон В.А. Из музыкального прошлого Московского университета. М., 1955.

бенно мужских, шла активная музыкальная жизнь, хоры (в некоторых по два – церковный и светский), оркестры, вечера с выступлениями учащихся существовали и задолго до упомянутого циркуляра. Композитор Н.Н. Черепнин вспоминал: “Музыке особенно легко дышалось в стенах гимназии”; “гимназия дала мне немало в музыкальном отношении и окончательно утвердила меня в намерении стать музыкантом по профессии”³³ (он учился в 6-й гимназии Петербурга). Во Владимирской губернской гимназии еще в ноябре 1809 г., как написано в корреспонденции оттуда в “Северной почте”, открыл бесплатный музыкальный класс тамошний музыкант, известный “по отличному таланту своему в музыкальном отношении”. Позднее в женской гимназии уездного Моршанска музыке “уделялось так много внимания, что ученицы могли подготовить не только песни и романсы, но и небольшие оперные партии и участвовать в постановке оперных отрывков”³⁴, в Самаре в литературно-музыкальном вечере мужской гимназии выступал хор в 90 человек и оркестр “симфонического типа”, в концерте Самарского реального училища в 1892 г. участвовали хор и духовой оркестр³⁵.

Музыка находила место и в профессиональных средних и низших школах разных ведомств. В частности, она преподавалась в первой половине XIX в. в заводском училище Нижнего Тагила, из его выпускников – служащих тагильских заводов – состоял оркестр, игравший в праздники и на торжественных церемониях³⁶. В Красноярске преподавателем инструментальной музыки и пения в учительской семинарии был воспитанник Регентского класса Придворной певческой капеллы, он же преподавал в железнодорожном и ремесленном училищах³⁷. В начальных школах всех ведомств учили церковному и светскому хоровому пению, для чего издавались пособия и сборники песен. Соответственно и в учительских семинариях, и в институтах, готовивших учителей, преподавалось обязательно пение с присоединением, большей частью, инструментальной музыки (скрипка, фортепьяно). В духовных семинариях обучали церковному пению, а также игре на скрипке, поскольку занятия с церковными хорами регенты вели со скрипкой. Музыкальные вечера устраивались и в духовных учебных заведениях³⁸.

Сохранились, хотя чаще неполно, архивные фонды учебных заведений разных уровней в местных архивах (их довольно много в ЦГИА СПб.). Автору неизвестны архивные фонды частных музыкальных школ (вероятно, они есть, как исключение), имеются другие о них архивные материалы. Ходатайства о разрешении их представлялись губернатору или градоначальнику, но требовалось и дозволение МВД; дела об этом находятся в фондах названных выше департаментов МВД, в чьем ведении были и общества: они содержат заявление основателя, программу обучения, проект устава и его утвержденный вариант, документы о переходе к другому владельцу, перемене профиля и пр. Издавались уставы, программы, экзаменационные требования (значителен фонд этих материалов в РНБ). О “музыкально-педагогических” концертах – выступлениях учащихся для демонстрации их мастерства и совершенства преподавания – информировали периодическая печать и афиши (такие концерты устраивали с первой половины века и частные педагоги).

³³ Черепнин Н.Н. Воспоминания музыканта. Л., 1976. С. 21–22, 109.

³⁴ Емельянова Н.Н. Указ. соч. С. 78.

³⁵ Из музыкального прошлого: Сб. 2. С. 168, 186–187.

³⁶ Там же. С. 121–131.

³⁷ Кривошея Б.Г. и др. Указ. соч. С. 37–38.

³⁸ См., например: Сын отечества. СПб., 1870. 22 февр. (О вечере в духовной семинарии); Голос. СПб., 1871. 9 февр. (О концерте в духовной академии).

Главный источник сведений о разнообразных публичных музыкальных выступлениях – собрания афиш, наиболее полное – по Петербургу. С 1804 г. Дирекции императорских театров принадлежала монополия на публикацию объявлений о зрелищах и других развлечениях в столице³⁹, поэтому все афиши – театральные, концертные, садов, гуляний и пр. – печатались в ее типографии и оставались в ее архиве (РГИА. Ф. 497. Афиши сохранились с 1819 г.⁴⁰). В этом же фонде за период с 1841 по 1910 г. в годовых сборниках афиш по московским театрам находятся и афиши разнообразных концертов в Москве (в фонде Московской конторы императорских театров, хранящихся в РГАЛИ, их меньше). По другим городам таких полных собраний афиш нет. Но частично они сохранились в местных архивах, в составе частных коллекций и в фондах административно-полицейских учреждений, в краеведческих и притеатральных музеях. Выше уже упомянуты отчеты отделений РМО и других музыкальных обществ, в которых помещены и программы концертов. Именно афиши, которые включают подробную программу концертов, называют цену билетов и пр., позволили мне показать, что концертная жизнь Петербурга первых шести десятилетий XIX в. была несравненно богаче, чем представлялось прежде, хотя это результат лишь предварительного общего ознакомления с годовыми комплектами 1820–1850-х годов (см.: *Петровская И.Ф.* Концертная жизнь Петербурга...). Во второй половине века эта жизнь стала еще содержательнее, и в полной мере это раскрывают только афиши. Ранее они использовались лишь по частным поводам, а необходимо их фронтальное изучение, которое и позволит уяснить роль музыки в жизни города, качество этой музыки по репертуару и исполнителям, определить, какие именно формы, жанры музыки, какие авторы, конкретные произведения, инструменты, музыканты были наиболее популярны, каково соотношение концертов дорогих и более дешевых, доступных широким кругам.

Другой важнейший источник информации о концертной и вообще публичной музыкальной жизни – периодическая печать. Помещенные в ней рецензии и обзоры сообщают о фактах музыкальной жизни, а главное – содержат интерпретации и оценки их с позиций вкусов и идеалов автора. В советское время требовалось отзывы печати “критически проверять”, судить в соответствии с “марксистско-ленинской методологией”. Но произведение искусства живет в обществе, оказывает воздействие на умы и души в соответствии с тем, как оно понято и принято, позднейшие оценки нередко более глубокие – это уже факт культуры нового времени. Важно выявить именно мнения изучаемой эпохи, притом добыть сведения об авторах (социальное положение, возраст, т.е. время воспитания, и т.д.), степень искренности, типичности или оригинальности суждений⁴¹. Однако нужно учитывать, что, несмотря на обилие статей и заметок в периодике, концертная жизнь в ней освещена далеко не полно. Сравнение с афишами показывает, что столичная печать сообщала не более, чем о 30% концертов в Петербурге, хотя музыкальные обозрения помещали даже “Ведомости С.-Петербургской городской полиции”. Живее откликнулась на местные события (ввиду меньшего их числа) периферийная пресса. В губернских центрах издавались “Губернские ве-

³⁹ См. об этом: ПСЗ-2. 1873. Т. 48. № 52860. 4 дек.; ПСЗ-3. 1891. Т. 11. № 7869. 15 июня.

⁴⁰ За ранние годы, с 1809, есть единичные афиши в Газетном зале РНБ, за 1817–1818 гг. – в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства.

⁴¹ В большинстве случаев отзывы в печати отражали истинное мнение автора, были и исключения, см., например, письма Ф.В. Будгарина Р.М. Зотову и комментарии к ним (Лица: Биограф. альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 6. С. 387–430). Обычно рецензенты предпочитали сотрудничать в изданиях, не противоречащих их образу мыслей.

домости” (введены в 1838 г., но в ряде городов появились позже), а во второй половине века во многих городах выходили частные газеты. Неофициальная часть “Губернских ведомостей” предназначалась для статистических и этнографических материалов, но сотрудники расширяли рамки установленной программы, печатая и хронику городской культурной жизни. С начала XIX в. корреспонденции из провинции посылались в столичные издания.

Газеты и журналы 1801–1880 гг. расписаны под руководством известного музыковеда Т.Н. Ливановой (за 1801–1825 гг. ею самой), издан систематический указатель “Музыкальная библиография русской периодической печати XIX в.” (М., 1960–1979. В 6 вып. входят 11 книг). Нужно иметь в виду, что в этом полезнейшем указателе немало ошибочных ссылок на источник. Не учитывались объявления о концертах, об уроках музыки, продаже инструментов и нот и т.п., которые помогают восстановить картину былой музыкальной жизни. Обращаясь к изучению прошлого определенного города, местные издания целесообразно просматривать полистно (в Москве и Петербурге до введения казенной монополии на афиши подробные объявления о концертах печатали “Московские ведомости” и “С.-Петербургские ведомости”). Подспорьем в розыске необходимой информации после 1880 г. являются росписи содержания отдельных периодических изданий, которые учтены в указателях второй степени⁴². Наиболее полное собрание российских газет находится в РНБ (см.: Алфавитный служебный каталог русских дореволюционных газет (1703–1916) / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1966).

Любой вид публичных концертов, вечеров, спектаклей и т.п. в губернии мог быть осуществлен лишь с разрешения губернатора; уездные исправники и полицмейстеры посылали в канцелярию губернатора донесения о концертах, музыкально-литературных вечерах и театральных представлениях в уездных городах и других населенных пунктах. Соответственно, такие материалы находятся в архивных фондах канцелярий губернаторов. Некоторые крупные города были подчинены в полицейском отношении городским полицмейстерам или градоначальникам, тогда материалы о публичных музыкально-театральных представлениях откладывались в их фондах. Правила устройства публичных зрелищ и увеселений входят в “Устав о предупреждении и пресечении преступлений” (Свод законов Российской империи. Т. 14. Об изданиях Свода законов см.: СИДР. С. 25–36). Дневники, письма, воспоминания содержат как фактические данные о концертах, так и сообщения о том впечатлении, которое произвела музыка. Например, в саратовском дневнике Н.Г. Чернышевского (9 января 1853 г.) после концерта в Дворянском собрании: «“Вильгельм Телль” приводит меня в восторженное состояние, и когда мы после (...) говорили за шахматами о нем, у меня выступили слезы от волнения. И я чувствовал и во время музыки и после, что в случае и я оставлю свою вялость, нерешительность»⁴³. По художественной литературе, где говорится о посещениях концертов, музыкальных спектаклей, гуляний, с течением времени прослеживается изменение контингента слушателей концертов. Стихи, посвященные исполнителям, нередко выразительнее отзывов присяжных рецензентов (см. стихи П.А. Вяземского “Листу”, М.Ю. Лермонтова “Бартеневой”, Ф.И. Тютчева “Ю.Ф. Абазе” и др.).

⁴² Указатели к журналам и продолжающимся изданиям учтены в кн.: *Ниткина Н.В.* Русская периодическая печать: Указатели содержания: 1728–1995. СПб., 1998; к содержанию газет: *Тарасов М.А.* Предварительный список указателей к русским газетам, выходившим до 1917 г. // Методические материалы в помощь библиотекам, работающим над составлением библиографий второй степени. Л., 1966. Вып. 12.

⁴³ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939. Т. 1. С. 409.

Изучение концертной жизни на периферии требует неперемennого привлечения всех источников. Выше уже были ссылки на очерки истории музыкальной жизни Екатеринбургa, Красноярска, Нижнего Новгорода, Нижнего Тагила, Оренбурга, Перми, Самары, Саратова и Тамбова в сборниках “Из музыкального прошлого” и в других изданиях. Не все они охватывают целый век, не всегда близка к полноте источниковая база, тем не менее они многое проясняют в поставленной проблеме. Из других городов, к истории какого ни обратиться, всякий оказывается “музыкальным”. Так, в Астрахани в первой четверти века жил и, по-видимому, концертировал скрипач Ив. Добровольский, издававший “Азиатский музыкальный журнал” (1816–1818), в 1825 г. там давали концерты любители-служащие Коммерческого банка⁴⁴. По сообщениям “Северной почты”, в Пскове в 1810 г. шли спектакли немецкой труппы с музыкой (на них собирался “и простой народ”), а во время великого поста 1812 г. по воскресеньям – концерты в Благородном клубе; в Кронштадте при открытии Благородного собрания в феврале 1812 г. “играла по разным местам духовая и роговая музыка”⁴⁵. В последней трети XIX в. концерты или, хотя бы, музыкально-литературные вечера давались, по-видимому, во всех городах. Устраивали концерты музыканты – местные и гастролеры, музыкальные общества, клубы – сословные и по интересам, благотворительные организации, которые таким образом получали доход для своей уставной деятельности. Обогащали концертную жизнь любители, нередко достигавшие высокого мастерства, участвовавшие в других концертах (бесплатно), они организовывали и собственные благотворительные (кроме альтруистических целей было желание продемонстрировать свое искусство, узнать мнение о нем широкой публики).

В музыковедении рассматриваются преимущественно концерты инструментальной музыки, между тем, огромное место в концертной жизни занимали вокальная и вокально-инструментальная. Много концертировали оперные певцы, выступали камерные, давали концерты театральные хоры, военные певческие хоры, любительские разного рода, церковные – не только знаменитая Придворная певческая капелла и московский Синодальный хор, но архиерейские и иные хоры в городах провинции, русские народные хоры, цыганские, украинские, национальные вокальные ансамбли из других стран.

Виднейшую роль в музыкальной жизни городов играл театр. Не могу здесь останавливаться на оперном – это особая большая тема. Но появление театра всегда несло и музыку. В репертуар драматических трупп входили “драмы на музыку” (главным образом в первой половине XIX в.), водевили с пением и танцами, бытовые пьесы с музицированием действующих лиц. В 1860-е годы в Петербурге начали ставить оперетты, с начала 1870-х они пользовались повсеместным успехом в провинции. Театры – стационарные или странствовавшие труппы – действовали во множестве городов, в том числе уездных. Кроме афиш, статей и заметок в периодике, о них много архивных материалов. Сведения о наличии и состоянии провинциальных театров, списки поставленных и предполагаемых к постановке пьес находятся в фондах Цензурной экспедиции III отделения Собственной е.и.в. канцелярии и Главного управления по делам печати (РГИА. Ф. 780 и 776), местных административно-полицейских учреждений⁴⁶. Но дело не только в театральном репертуаре. Оркестры, хотя бы малые,

⁴⁴ Очерки по истории русской музыки: 1790–1825. С. 382, 387.

⁴⁵ Эти и другие упоминаемые здесь корреспонденции из провинции, помещенные в “Северной почте”, перепечатаны (в алфавите городов) в кн.: Музыкальная старина... / Изд. Н.Ф. Финдейзен. СПб., 1907. [Вып. III–IV].

⁴⁶ См.: Материалы к истории театра в государственных архивах СССР.

которые были при труппах, помимо сопровождения спектаклей, играли и в антрактах, до и после спектакля, участвовали в разнообразных концертах, давали и собственные, о чем сообщали афиши и периодическая печать. В Петербурге имелись оркестры при шести казенных труппах (русских драматической и оперной, французской, немецкой, итальянской, балетной). Эти музыканты и обеспечивали оркестровое и ансамблевое сопровождение сольных концертов инструменталистов, всех вообще вокальных концертов, из них составлялись оркестры для концертов Филармонического и Концертного обществ и пр. (иногда к ним присоединялись военные музыканты); концерты в антрактах спектаклей (исполнители – оркестр и солисты) давались в петербургских Александринском, Михайловском, Каменноостровском театрах. Об “антрактах” и иных выступлениях театральных оркестров 1840–1890-х годов говорится в упоминавшихся очерках музыкальной жизни Екатеринбурга, Красноярска, Нижнего Тагила, Саратова, Тамбова.

О садах с музыкой и народных гуляньях сообщают афиши, периодическая печать, мемуары, некоторые архивные документы в вышеназванных фондах местных административно-полицейских учреждений, художественная литература, в которой, как и в мемуарах, есть сведения о репертуаре и посетителях. Сады были нескольких родов: 1) предприятия частных антрепренеров, устраивавших платные концерты, балы, танцевальные вечера и другие увеселения (некоторые не только летом, но и зимой); 2) бесплатные сады с музыкой, которые содержал город (в них обычно играли военные оркестры); 3) сады общественных организаций, платные и бесплатные; 4) до 1860-х годов – частные сады при городских владениях помещиков, имевших свои оркестры, где разрешалось свободное гулянье; 5) сады придворного ведомства, открытые для посещений.⁴⁷

В Петербурге 1820–1850-х годов было около 20 таких садов (не все они действовали одновременно). Во второй половине века при функционировании некоторых прежних открывались и новые⁴⁸. Кроме широко известных, был, например, Семейный сад купца Сосова за Шлиссельбургской заставой с музыкой и театральными представлениями, давались летние концерты и в Парголово⁴⁹. Даже в Летнем саду устраивались гулянья с музыкой (“концерты-гулянья”)⁴⁹. К концу века в Петербурге учреждались увеселительные сады для рабочих на средства владельцев промышленных предприятий региона. Такой сад был при Василеостровском театре для рабочих, несколько позднее за Невской заставой – Невского общества народных развлечений (издавались ежегодные отчеты общества), Выборгский сад для рабочих, затем Лиговский сад; в последнем давались дивертисменты с участием песенников и оркестра, платные места стоили от 5 коп. до 1 руб., в день сад посещало от 2,5 тыс. до 4 тыс. человек⁵⁰.

Есть немало сведений о садах в провинции. Например, в Саратове в 1810–1820-х годах в саду при губернаторском доме играл собственный оркестр губернатора А.Д. Панчулидзева, для населения Оренбурга в 1830-х годах в роще против города играл военный оркестр, пели солдаты и казаки⁵¹.

⁴⁷ Большинство их названо в кн.: *Алянский Ю.Л.* Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб., 1996. См. также: *Симанский В.К.* Увеселительные места петербуржца: Летний сезон 1884 г. СПб., 1884. О музыке в воскресные и праздничные дни в Екатерингофском парке и других садах второй половины века см.: [*Алексеев-Яковлев А.Я.*] Русские народные гулянья. По рассказам А.Я. Алексеева-Яковлева. Запись, обраб. и предисл. Евг. Кузнецова. Л.; М., 1948. С. 38, 40, 135.

⁴⁸ *Михневич В.О.* Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 235; *Сын отечества.* 1876. 21 июля.

⁴⁹ См.: *Петербург. листок.* 1868. 19 мая; *Русский мир.* СПб., 1873. 27 июля; *Голос.* 1880. 1 июля и др.

⁵⁰ *Зритель.* Лиговский сад // *Столичный курьер.* СПб., 1898. 4 сент.

⁵¹ Из музыкального прошлого. Сб.[1]. С. 147, 136.

Во второй половине века сады для гулянья с музыкой стали непременной принадлежностью городов (хотя были и исключения). Играли оркестры в заводском саду Нижнего Тагила, в саду Коммерческого собрания и Семейном саду Тамбова. У Чехова (“Учитель словесности”) в городском саду оркестр играл “попурри из русских песен”, притом прогуливающиеся “обогнали толпу солдат-музыкантов, спешивших в загородный сад”, в другом городском саду (“Ионыч”) кроме оркестра, пел хор песенников, в частности “Лучинушку”, но в повести “Моя жизнь” рассказчик говорит об отсутствии сада в городе.

Военные оркестры играли везде, где квартировали части или располагались летними лагерями. В Петербурге во второй половине XIX в. – и в самом городе и в дачных пригородах: на Каменном острове, в саду Михайловского дворца, на Семеновском плацу, в Павловске, Нижнем саду Петергофа, Шувалове, Парголове (это отмечено и в периодике и в упомянутом справочнике В.К. Симанского). Репертуар этих оркестров широкий – увертюры и другие фрагменты из опер, марши, танцы, русские народные песни, романсы, собственно военная музыка – зори, рыси, галопы и т.п.

Гулянья народные, традиционные, устраивались по разным поводам. Самые главные – на масленице и пасхальной неделе, в “царские дни”, на ярмарках, национальные (как немецкий “кулерберг” в Петербурге) и др. Кроме музыки, которую предлагали устроители гуляний (оркестры, русские и цыганские хоры и др.)⁵², посетители гуляний пели народные песни и играли на своих инструментах. Об этом писали петербургские журналисты в 1818 и 1824 гг., упоминая национальные песни, кларнет и рожок: о песнях под гармонику гуляющих в Сокольниках, читаем в мемуарах⁵³. Публика гуляний подробно описана в стихах у К.П. Масальского – гулявшие на Елагином острове в Петербурге (стихи из повести “Модест Правдин”, 1829 г.), у А.И. Полежаева – в московском Кремлевском саду (“Сашка”, 1825–1826 гг.). Информацию о составе участников Екатеринбургского гулянья 1 мая в Петербурге и звучавшей там музыке содержит гравюра К.К. Гампельна начала 1820-х годов (12 листов). На ней изображены чиновники высших рангов и офицеры, светские дамы и “мещанские девицы”, купцы, крестьяне, ремесленники, лицеисты и кадеты, солдаты и матросы, бродячие музыканты и цирковые артисты, человек, играющий одновременно на рожке и барабана, русская пляска под балалайку, “казачок” под скрипку и гитару, хор матросов с аккомпаниментом рожка⁵⁴. Есть картины, изображающие более поздние гулянья.

Балы и танцевальные вечера – весьма распространенная форма общения с музыкой. Несмотря на узкие, как будто, рамки репертуара, эта музыка не была однообразной (разные танцы, разные и многочисленные композиторы). Публичные балы и маскарады занимали особенно видное место в столичном быту в царствование Николая I. И в то время, и в следующий период балы давали губернаторы, предводители дворянства, с благотворительной целью устраивали их первые дамы губерний (например, в “Бесах” Достоевского – “в пользу бедных гувернанток”). На этих балах играли военные оркестры, реже – специально бальные, на маскарадах звучала не только танцевальная музыка. Для своих членов и гостей почти все клубы и общества в столицах и про-

⁵² О музыке на гуляньях в Петербурге во второй половине века см.: *Алексеев-Яковлев А.Я.* Указ. соч. С. 28, 37, 54, 58–60, 62, 104, 122, 124; Программа народных гуляний ... на Марсовом поле // Петерб. листок. 1878. 23 авг.

⁵³ Ушедшая Москва: Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М., 1964. С. 355–356 (о гуляньях см.: С. 337, 351).

⁵⁴ *Великанова С.М.* Гравюра К. Гампельна “Екатерингофское гулянье 1 мая” как источник для изучения архитектуры и быта Петербурга 1820-х годов // Старый Петербург: Ист.-этногр. исследования. Л., 1982. С. 188, 189.

винции⁵⁵ давали балы и танцевальные вечера с собственными или приглашенными оркестрами. Частыми были студенческие музыкально-танцевальные вечера, летние танцевальные вечера на дачах (под оркестр). Учреждались танцклассы – специальные заведения для танцев за входную плату (они были не только в столицах, но и, например, в Нижнем Новгороде). Вслед за “образованным обществом” танцевальные вечеринки с современной музыкой организовывал и “простой народ”. Вас. И. Немирович-Данченко писал, что тагильские рабочие «по вечерам после работы собираются и под музыку открывают даже что-то вроде балов. Бабы и парни пляшут “по городскому”»⁵⁶. О балах и танцевальных вечерах сообщала иногда периодическая печать, о них говорится в мемуарах и эпистолярной литературе.

Ввиду широчайшего распространения танцев (были ведь и вышеупомянутые домашние балы и танцевальные вечера), главная задача состояла не в дополнительном подтверждении их повсеместного функционирования, хотя и это интересно, а в выявлении того, какая именно танцевальная музыка бытовала, какая издавалась для оркестра, фортепьяно, гитары, гармоники и т.п. Популярность конкретных произведений проявилась и в их исполнении в концертах – в концертных залах, садах, театральных антрактах (см. афиши).

Музыка в трактирах (ресторанах), ежедневно доступная горожанину, была различной в заведениях разных разрядов и в разные временные периоды. В них оседали странствовавшие музыканты, пели русские песенники, пели и плясали цыгане, играли арфистки, гитаристы, небольшие ансамбли и значительные оркестры. Об этом есть сведения в периодике⁵⁷. В 1860-е годы появились органы в крупных трактирах Петербурга⁵⁸, а затем в других городах. И в том чеховском городе. (“Брожение умов”, 1884 г.), где смутили начальство люди, смотревшие на небо нивесть зачем, «в трактире вздумали пробовать полученный на днях из Москвы новый орган. Заслышав “Стрелочка”, толпа ахнула и повалила к трактиру». Во второй половине века широко применялись в трактирах механические музыкальные инструменты. У Островского (“Доходное место”, 1856 г.) “машина” в трактире по заказу посетителей играет “По улице мостовой” и “Лучинушку”. Московский житель вспоминал, что в конце 1860-х годов слушать “музыкальную машину” (по-видимому, оркестрион) в ресторане “Прага” “собирались музыканты и учащиеся консерватории”, так как она исполняла фрагменты опер, еще не шедших в Москве⁵⁹; трактирный оркестрион упоминается и у Чехова (“Устрицы”, 1884 г.). С 1860-х годов стали открываться, а в 1880–1890-х расплодилось кафешантаны и варьете со специфической развлекательной музыкальной программой, которая, впрочем, в начальные годы была не слишком специфичной. Много их было в столице Российской империи⁶⁰.

Уличные музыканты непременно присутствовали в больших городах. Самые распространенные – шарманщики. Кроме них ходили по улицам и дворам духовики, скрипачи, певицы и арфистки, небольшие ансамбли, гармонисты. Они упоминаются в периодике, мемуарах, показаны на вышеназванной

⁵⁵ См., например: Музыкально-танцевальный вечер в клубе Общества поощрения и покровительства частному труду // Народный голос. СПб., 1867. 3 мая.

⁵⁶ Немирович-Данченко Вас.И. Кама и Урал: Очерки и впечатления. СПб., 1890. С. 706.

⁵⁷ См., например: Петерб. листок. 1864. 8 сент. (о евреях-виртуозах на цимбалах и “деревянной гармонике”).

⁵⁸ Червяков А.Л. Путеводитель по С.-Петербургу. СПб., [1865]: Деятельность. СПб., 1868. 16 июля.

⁵⁹ См.: Волков-Линнит А.Ф. Искусство запечатленного звука. М., 1964. С. 8.

⁶⁰ О кафешантанах и трактирах в Петербурге см.: Алянский Ю.Л. Веселящийся Петербург (по материалам Г.А. Иванова) / Петерб. клуб миниатюристов... СПб., 1992–1998. Т. 1–5 (продолж.); Он же. Увеселительные заведения старого Петербурга; Михневич В.О. Петербург весь на ладони. СПб., 1874.

гравюре К. Гампельна, на других произведениях изобразительного искусства. Поэт москвич И.А. Белоусов в воспоминаниях назвал в числе уличных музыкантов Москвы еще татар (по несколько человек), они играли на скрипках и пели, рожечников, целые хоры русских песенников⁶¹.

Церковную музыку (музыку церковных ритуалов) горожанин слушал всю жизнь (были уклонения от посещения церкви, но массовым явлением они не стали). Главная – церковное православное пение. Помимо профессиональных хоров, монастырских, архиерейских, соборных, при приходских церквях создавались любительские хоры, иногда и профессиональные – на средства любителей церковного пения, имели свои хоры при домовых церквях богатые дворяне. Пение искусных хоров воспринималось не только (нередко – не столько) как богослужение, но и как источник эстетического удовольствия, об этом есть записи в дневниках (например: *Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 269, 271–172). Особенно праздничные службы собирали много любителей хорового пения (высокие церковные своды создавали наилучшую акустику). В службах протестантских и католических церквей главная роль принадлежала органистам, многие из них прославились как музыканты, они привлекали слушателей, помимо совершения собственно религиозного обряда, такие службы вспоминаются и в стихах (например, у К.К. Случевского “В костеле”: “Гудел орган, шла мощная кантата / Трубили трубы...”). В синагогах солистами нередко выступали выдающиеся певцы.

Особый род церковной музыки – колокольные звоны православных церквей. Этнограф С.Г. Рыбаков писал: “Церковный звон получил у нас совершенно особенное, чрезвычайное развитие, какого не встречаем ни в какой другой стране. Такого звона и таких колоколов, как в России, со всем их разнообразием и величественностью, не знают другие христианские страны”⁶². Позднее, в 1907 г., то же отмечал С.В. Смоленский: “В коренной Руси очень часто случается встретить виртуозов-звонарей (...) выработались и типы разных звонов, например, постных, позывных, похоронных, встречных, проводных, будничных, праздничных и т.п. Это традиционные формы, в содержание которых, однако, вкладывается исполнителями иногда сущее вдохновение – вполне свободное творчество”⁶³. С нотными записями колокольных звонов можно познакомиться в сборнике “Музыка колоколов”, а также в статье А.Б. Никанорова “Материалы к библиографии и фонографии” в том же сборнике (с. 241–262).

Музыка, сопутствовавшая повседневной службе воинских частей, еще одна область деятельности военных музыкантов, уже не раз упоминавшихся. Она сопровождала учения, строевые смотры, парады, передвижения подразделений по городу, разводы караулов, другие воинские ритуалы; кроме оркестров особо играли трубачи, барабанщики. И.И. Пущин вспоминал, что слушать полковой оркестр ходили Пушкин и другие лицеисты. М.М. Ипполитов-Иванов писал, что на всю жизнь сохранил в памяти кавалерийскую зрю в исполнении трубачей Кирасирского полка. В Саратове в 1890-е годы музыка, которой сопровождалась учения и прочие действия квартировавшей дивизии, “привлекали толпы народа”⁶⁴. Вместе с игрой военных оркестров в городских бесплатных садах слушали и инструментальную музыку, которую знали и любили горожане, не посещавшие концерт-

⁶¹ Ушедшая Москва... С. 340–342.

⁶² *Рыбаков С.Г.* Церковный звон в России. СПб., 1896. С. 8.

⁶³ *Смоленский С.В.* О колокольном звоне в России // Музыка колоколов: Сб. исследований и материалов. СПб., 1999. С. 201.

⁶⁴ Из музыкального прошлого: Сб. [1]. С. 148.

ных залов. Огромная роль военных оркестров в музыкальной жизни России требует специального их изучения⁶⁵.

В больших городах существовала некая субкультура – собственная музыкальная жизнь “простого народа”, в основном на окраинах, смыкавшихся с подгородными рабочими и крестьянскими поселками (крестьян, непосредственно обслуживавших город). Так, в Петербурге, на Охте праздновался Семик⁶⁶, а на Выборгской стороне – День святого Сампсония (они не были общегородскими праздниками). В этой субкультуре сохранились хороводы, гулянки с народными песнями и плясками в воскресные дни и престольные праздники приходской церкви. В музыковедении предложен термин “слободская культура”⁶⁷. Продолжительность сохранения деревенских традиций в разных городах разная. Еще в 1844 г. Белинский писал, что “подгородные крестьянки Петербурга забыли уже национальную пляску для французской кадрили, которую танцуют под звуки гармоники, ими самими извлекаемые”⁶⁸. В рабочей среде уральского Нижнего Тагила хороводы также рано закончились, к 1890 г. «давно от них отстали. “Помилуйте, мужицкое дело!”»⁶⁹. А в Москве второй половины века, по воспоминаниям певца и беллетриста П.И. Богатырева, на гуляньях “простонародья” во время храмовых праздников у стен монастырей “более всего любили хороводы” с русскими народными песнями⁷⁰. В небольших уездных и заштатных городах долго сохранялась связь с народной (деревенской) музыкальной культурой. В.О. Ключевский в письме 1864 г. о пребывании в г. Богородске рассказывал о слушании там поздним вечером “хороводных песен”: “Несколько десятков больших и малых обоего пола” пели хором, несколько человек состоялись в пляске⁷¹.

Проблема, рассмотренная в статье, может изучаться с разных сторон, применительно к интересам и возможностям исследователя. Наиболее желательное выяснение домашнего и общественного быта определенного города во всей его полноте, по всем источникам, еще лучше – сразу нескольких городов (практически удобно – губернского и двух-трех уездных, поскольку основными источниками будут одни и те же архивные фонды и органы печати). Но интересно и обращение к быту определенных групп населения, к отдельным сторонам музыкальной жизни, к вопросу о восприятии музыки и др. При разграничении групп населения неуместен пресловутый “классовый подход”. Основные занятия – вот главный для этого разграничительный признак.

В начале XX в. (1901–1917) музыкальная жизнь российских городов еще более активизировалась. Но, в основном, система городской музыкальной жизни сохранялась, только увеличилось число объектов для изучения, а также количество источников.

⁶⁵ Об источниках см.: *Петровская И.Ф.* Источниковедение истории русской музыкальной культуры: XVIII – начало XX в. М., 1989. С. 151, 169, 177–178.

⁶⁶ Семик – весенне-летний праздник, соединявшийся с Троицей (начинался в четверг перед Троицыным днем). О нем см.: *Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Энциклопедия.* СПб., 2001. С. 537–543.

⁶⁷ См.: *Латин В.А.* Русская музыкальная традиция и город (К постановке проблемы слободского фольклора) // *Традиция музыкальной науки.* Л., 1989. С. 70–78. О бытовании крестьянской песни в части населения Саратова см.: *Из музыкального прошлого: Сб. [1].* С. 144–145. О собственно слободской культуре – подгородного заводского села см.: *Коллар В.А.* Очерки музыкального быта Сормова // *Сов. музыка.* 1949. № 8/9.

⁶⁸ *Белинский В.Г.* Петербург и Москва // *Полн. собр. соч.:* В 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 406.

⁶⁹ *Немирович-Данченко Вас.И.* Указ. соч. С. 706.

⁷⁰ *Ушедшая Москва...* С. 152–153.

⁷¹ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 112–114.

А.И. Раздорский

**МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ
ГУБЕРНСКИХ И ЕПАРХИАЛЬНЫХ СПРАВОЧНИКОВ
СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ**

В Российской национальной библиотеке с начала 1990-х годов ведется активная работа по библиографированию различных губернских и епархиальных справочных изданий XIX – начала XX в. Ее главными целями являются: по возможности полный библиографический учет, установление мест хранения, подробное раскрытие содержания, изучение истории издания и источниковедческая характеристика этих ценных справочников. Опубликовано два библиографических указателя, посвященных губернским памятным книжкам и спискам должностных лиц¹ и сводный каталог и указатель содержания справочных изданий епархий Русской православной церкви². В настоящее время автор данной статьи ведет работу по составлению библиографических указателей, посвященных историко-статистическим описаниям епархий и статистическим обзорам губерний, областей и градоначальств Российской империи.

Важное место при библиографировании губернских и епархиальных справочников, прежде всего при установлении их репертуара, занимают архивные разыскания сведений об этих изданиях. В документах различных учреждений, причастных к их цензурированию, публикации, распространению или хранению, можно обнаружить данные, позволяющие определить время начала издания справочников, подтвердить факты их невыхода в свет в том или ином году, выявить тиражи и цены, установить издателей, составителей и редакторов, получить представление о путях и способах распространения.

Среди архивов, в фондах которых имеются документы по истории издания губернских и епархиальных справочников, большое значение имеет Архив РНБ. До 1917 г. в Императорскую публичную библиотеку (ИПБ) “как главнейшее и важнейшее государственное книгохранилище, имеющее значение для всей России, должны [были] поступать все без исключения издания, печатаемые, литографируемые и гравированные в России как частными лицами, так и с разрешения и по распоряжению правительственных установлений и лиц всех ведомств”³. Благодаря этому в библиотечном архиве отложилась обширная переписка между ее дирекцией, с одной стороны, и цензорами и издателями различной печатной продукции в столице и в провинции, с другой.

Впервые на ценнейшие материалы Архива Библиотеки, касающиеся истории издания дореволюционных региональных справочников, еще в 1950-е годы обратила внимание библиограф ГПБ Е.С. Викторова. Ее интере-

¹ Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1836–1917): Предварит. список. СПб., 1994; Раздорский А.И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908): Библиогр. указ. СПб., 1999.

² Раздорский А.И. Справочные издания епархий Русской православной церкви (1861–1915): Сводный каталог и указатель содержания. СПб., 2002.

³ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1898 г. № 46. Л. 1.

свали прежде всего данные об издании губернских памятных книжек. В подготовленном ею указателе этих изданий, который, к сожалению, остался неопубликованным, цитируются и упоминаются данные из 14 архивных дел. Предпринятое Е.С. Викторовой обследование документов Архива Библиотечки побудило нас заново обратиться к этому уникальному хранилищу исторических документов⁴.

Сведения об интересующих нас изданиях (губернских памятных книжках и списках должностных лиц, епархиальных справочниках и историко-статистических описаниях, статистических обзорах губерний, областей и градоначальств, губернских списках населенных мест, списках служащих по учебным округам и др.) содержатся в семи группах архивных дел. В настоящее время все они входят в фонд № 1 (Императорская публичная библиотека) Архива РНБ.

Первую группу документов составляют *дела о доставлении в Библиотеку изданий из разных учреждений на основании цензурного устава*⁵. Они включают главным образом сопроводительные письма государственных, земских и коммерческих учреждений, официальных и частных издателей, присылавших свои издания в ИПБ в качестве обязательного экземпляра, а также списки изданий, рассмотренных различными цензурными комитетами и отдельными цензорами. Изначально в эти дела собиралась переписка, касающаяся всех поступавших в ИПБ изданий, кроме купленных ею или принятых в дар. Но постепенно, по мере развития издательского дела в стране и соответственно увеличения числа присылавшихся в Библиотеку изданий, от этого комплекса документов отпочковывались все новые и новые группы дел, имевшие более узкую тематику.

Вторую группу документов составляют *дела о недоставленных в Библиотеку изданиях*, выделенные в отдельное делопроизводство в 1862 г.⁶ ИПБ очень ответственно относилась к своей роли национального книгохранилища. Ее сотрудники настойчиво разыскивали недополученные обязательные экземпляры изданий, прилагая большие усилия для восполнения лакун в своих фондах. С этой целью они постоянно обращались к различным издающим учреждениям и должностным лицам, вплоть до губернаторов. И надо сказать, что власти на местах обычно откликались и удовлетворяли просьбу директора Библиотеки о присылке недополученного издания. (Это неудивительно, ведь, как известно, должность директора ИПБ в дореволюционный

⁴ О работе Е.С. Викторовой с документами Архива РНБ подробнее см.: *Балацкая Н.М., Раздорский А.И.* История библиографирования памятных книжек губерний и областей Российской империи (Опыт воссоздания репертуара) // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. тр. СПб., 1996. Вып. 6. С. 19–20.

⁵ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1 1851 г. № 1; 1852 г. № 5; 1853 г. № 4; 1854 г. № 1; 1855 г. № 1; 1856 г. № 1; 1857 г. № 1; 1858 г. № 1; 1859 г. № 1; 1860 г. № 1; 1861 г. № 1; 1862 г. № 44; 1863 г. № 40; 1864 г. № 5; 1865 г. № 40; 1866 г. № 7; 1867 г. № 46; 1868 г. № 10; 1869 г. № 5; 1870 г. № 49; 1871 г. № 11; 1872 г. № 58; 1873 г. № 45; 1874 г. № 3; 1875 г. № 8; 1876 г. № 6; 1877 г. № 6; 1878 г. № 5; 1879 г. № 12; 1880 г. № 15; 1881 г. № 4; 1882 г. № 41; 1883 г. № 73; 1884 г. № 79; 1885 г. № 10; 1886 г. № 13; 1887 г. № 59; 1888 г. № 4; 1889 г. № 14; 1890 г. № 16; 1891 г. № 14; 1892 г. № 7; 1893 г. № 4; 1894 г. № 13; 1895 г. № 2; 1896 г. № 1; 1897 г. № 56; 1898 г. № 26; 1899 г. № 28; 1900 г. № 23; 1901 г. № 23; 1902 г. № 23; 1903 г. № 23; 1904 г. № 23; 1905 г. № 23; 1906 г. № 25; 1907 г. № 19; 1908 г. № 107; 1909 г. № 15; 1910 г. № 2; 1911 г. № 3; 1912 г. № 3; 1913 г. № 3; 1914 г. № 2; 1915 г. № 2; 1916 г. № 3.

⁶ Там же. 1862 г. № 1; 1863 г. № 2; 1864 г. № 1; 1865 г. № 41; 1866 г. № 4; 1867 г. № 53; 1868 г. № 11; 1869 г. № 51; 1870 г. № 9; 1871 г. № 2; 1872 г. № 51; 1873 г. № 49; 1874 г. № 10; 1875 г. № 14; 1876 г. № 8; 1877 г. № 3; 1878 г. № 17; 1879 г. № 3; 1880 г. № 3; 1881 г. № 10; 1882 г. № 4; 1883 г. № 79; 1884 г. № 2; 1885 г. № 18; 1886 г. № 38; 1887 г. № 55; 1888 г. № 2; 1889 г. № 19; 1890 г. № 14; 1891 г. № 5; 1892 г. № 14; 1893 г. № 12; 1894 г. № 30; 1895 г. № 11; 1896 г. № 28; 1897 г. № 57; 1898 г. № 55; 1899 г. № 31; 1900 г. № 24; 1901 г. № 24; 1902 г. № 24; 1903 г. № 24; 1904 г. № 24; 1905 г. № 24; 1906 г. № 26; 1910 г. № 3; 1912 г. № 33; 1913 г. № 33; 1914 г. № 72; 1915 г. № 56; 1916 г. № 86.

период всегда занимал человек, принадлежавший к числу высших государственных сановников империи.) В рассматриваемую группу дел входят обычно бумаги двух типов: черновики писем дирекции ИПБ с указанием требуемых изданий и ответы на эти запросы из разных мест, представляющие собой сопроводительные письма к присланным изданиям или официальные отношения с изложением причин, почему то или иное издание прислать не оказалось возможным (не издавалось, разошелся тираж и т.п.).

Третья группа документов – *дела об изданиях, доставляемых в Библиотеку губернаторами, вице-губернаторами, губернскими статистическими комитетами, старшими советниками и чиновниками при губернских правлениях, губернскими типографиями и редакциями губернских ведомостей*⁷. Они начали составляться с 1898 г. (до этого бумаги, поступавшие в ИПБ от перечисленных учреждений и должностных лиц, собирались в общих делах о доставлении изданий на основании цензурного устава). В эту же группу документов с момента ее выделения в отдельное делопроизводство стали включаться и запросы о неприсланных в Библиотеку губернских изданиях.

Четвертую группу документов образуют дела, включающие сопроводительные письма и ответы на запросы ИПБ из *петербургских (с 1914 г. – петроградских) учреждений*⁸. Эти документы были отделены от переписки с другими губернскими учреждениями в 1910 г.

Пятую группу документов составляют *дела об изданиях, доставляемых в Библиотеку из духовно-цензурных комитетов и учреждений ведомства православного исповедания*⁹. Их выделили в самостоятельное делопроизводство в 1871 г. Позднее этот комплекс дел также был разбит на несколько частей (в особые дела стали собираться, например, списки изданий, рассмотренные Петербургским и Московским комитетами духовной цензуры). Дела, входящие в перечисленные группы, составлялись, за редким исключением, ежегодно¹⁰.

Шестую группу документов образуют два *дела о доставлении в Библиотеку изданий губернских и областных статистических комитетов*¹¹. Они возникли в результате специальной переписки ИПБ с этими учреждениями, предпринятой в 1869 и 1899 гг. Руководство Библиотеки запрашивало у комитетов списки их изданий и в случае обнаружения недополученных книг посылало вторичный запрос с требованием об их безусловной доставке. Особую ценность представляет дело 1869 г., содержащее в ответах из 54 губерний и областей подробные и малоизвестные сведения не только о справочных изданиях самих статистических комитетов, но и о предшествовавших им публикациях губернских правлений и редакций губернских ведомостей.

И, наконец, седьмую группу дел составляют материалы переписки дирекции ИПБ с губернаторами и начальниками областей *о доставлении губер-*

⁷ Там же. 1898 г. № 16; 1899 г. № 17, 20, 21; 1900 г. № 15; 1901 г. № 15; 1902 г. № 15; 1903 г. № 15; 1904 г. № 15; 1905 г. № 15; 1906 г. № 15, 15а; 1907 г. № 18; 1908 г. № 108; 1909 г. № 7; 1910 г. № 7; 1911 г. № 5; 1912 г. № 5; 1913 г. № 5; 1914 г. № 4; 1915 г. № 4; 1916 г. № 5.

⁸ Там же. 1910 г. № 4; 1911 г. № 2; 1912 г. № 2; 1913 г. № 2; 1914 г. № 1; 1915 г. № 1; 1916 г. № 2.

⁹ Там же. 1871 г. № 7; 1872 г. № 25; 1873 г. № 44; 1874 г. № 15; 1875 г. № 15; 1876 г. № 9; 1877 г. № 18; 1878 г. № 8; 1879 г. № 14; 1880 г. № 17; 1881 г. № 14; 1882 г. № 42; 1883 г. № 66; 1884 г. № 76; 1885 г. № 12; 1886 г. № 16; 1887 г. № 65; 1888 г. № 10; 1889 г. № 17; 1890 г. № 22; 1891 г. № 27; 1892 г. № 37; 1894 г. № 35; 1895 г. № 20; 1896 г. № 17; 1897 г. № 53; 1898 г. № 46; 1899 г. № 29; 1900 г. № 25; 1901 г. № 25; 1902 г. № 25а; 1903 г. № 25; 1904 г. № 25; 1905 г. № 25; 1906 г. № 27; 1907 г. № 20; 1908 г. № 60; 1909 г. № 6; 1910 г. № 14; 1912 г. № 6; 1913 г. № 6; 1915 г. № 5; 1916 г. № 6.

¹⁰ Дела о недоставленных изданиях не составлялись в 1907–1909, 1911 гг., дела об изданиях, доставляемых в библиотеку из духовно-цензурных комитетов и учреждений ведомства православного исповедания, – в 1911 и 1914 гг.

¹¹ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1869. № 65; 1899 г. № 15.

ских статистических обзоров, являвшихся печатными приложениями к всеподданнейшим отчетам губернаторов¹². Переписка была начата в 1896 г., когда руководство Библиотеки решило навести порядок с доставкой этих ежегодных изданий, присылавшихся крайне нерегулярно. До 1899 г. документы, касающиеся присылки обзоров в ИПБ, составляли отдельное делопроизводство, а затем стали включаться в дела о доставлении изданий из губернских учреждений.

Следует отметить, что одни и те же по содержанию документы нередко обнаруживаются в двух разных группах дел. Так, сопроводительные письма о доставке в ИПБ губернских обзоров встречаются как в самостоятельных делах об их доставлении, так и среди переписки по поводу присылки в Библиотеку изданий из разных учреждений; официальные бумаги, исходящие от учреждений ведомства православного исповедания, попадают в делах о светских изданиях, недоставленных в Библиотеку и т.п.

Изучение документов Архива РНБ проводилось в два этапа. На первом этапе, в 1993 г., были просмотрены дела о доставлении в Библиотеку изданий из разных учреждений на основании цензурного устава; о недоставленных в Библиотеку изданиях; об изданиях, доставляемых в Библиотеку губернскими и петроградскими учреждениями и статистическими комитетами. Главная цель архивных разысканий на тот момент заключалась в сборе основных сведений о публикации губернских памятных книжек с целью установления их репертуара. Поэтому мы фиксировали только основную информацию об этих изданиях: либо их заглавия из сопроводительных писем, либо данные о невыходе в том или ином году. Сведения о тиражах и ценах не отмечались. Полученные тогда данные были опубликованы в примечаниях к предварительному списку памятных книжек, изданному в 1994 г.¹³

На втором этапе работы, в 2000 г., была поставлена более широкая задача – выявить сведения об издании губернских и епархиальных справочников разных типов. Нами были просмотрены все те дела, которые уже подверглись обработке в 1993 г., а также обследованы два не изученных ранее комплекса документов: о доставлении в Библиотеку изданий духовного содержания и губернских обзоров. Обязательному учету подлежали данные, позволяющие документировать невыход справочников в том или ином году, а также сведения об их тиражах и ценах. В то же время мы сочли возможным не фиксировать сопроводительные письма, если в них не содержалось никакой другой информации, кроме названия присланного в Библиотеку издания. На первом и втором этапах работы в Архиве РНБ было просмотрено 195 архивных дел (291 том, суммарным объемом свыше 43 тыс. листов). Хронология изучаемых документов была ограничена периодом с 1851 по 1916 г. (в первой половине XIX в. региональные справочники публиковались, как известно, лишь в единичных случаях).

Больше всего в документах Архива РНБ содержится сведений об издании губернских памятных книжек. Среди них особую ценность представляют данные, подтверждающие факты их невыхода в свет в том или ином году. Для установления репертуара подобных изданий, являвшихся по своему назначению ежегодниками, такая информация очень важна, ибо она позволяет закрыть белые пятна в хронологии их выпуска. По материалам архива удалось документально подтвердить невыход памятных книжек Архангельской губ. на 1900 г., Варшавской губ. на 1912 г., Владимирской губ. на 1865–1894 гг.,

¹² Там же. 1896 г. № 27; 1897 г. № 22; 1898 г. № 48; 1899 г. № 16.

¹³ Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки... С. 25–452.

Воронежской губ. на 1898 г. Гродненской губ. на 1863 г., Области Войска Донского на 1870, 1872, 1880–1884 гг., Екатеринославской губ. на 1896–1899 и 1904–1907 гг., Енисейской губ. на 1899, 1900, 1902 и 1904 гг., Иркутской губ. на 1893–1900 гг., Калужской губ. на 1864–1868, 1875–1880 и 1882–1884 гг., Кубанской обл. на 1895–1897 гг., Курской губ. на 1900 г., Ломжинской губ. на 1910 и 1911 гг., Московской губ. на 1901–1903, 1905–1907, 1910, 1911 и 1913 гг., Нижегородской губ. на 1898 и 1899 гг., Оренбургской губ. на 1907 г., Пермской губ. на 1906 г., Псковской губ. на 1884, 1885, 1887, 1890, 1892, 1894, 1898 гг., Радомской губ. на 1876–1880, 1882–1884, 1886 гг., по о. Сахалину на 1900–1904 гг., Симбирской губ. на 1870–1874, 1905, 1906, 1908, 1909, 1911 гг., Смоленской губ. на 1890 г., Ставропольской губ. на 1894–1897 гг., Тобольской губ. на 1896 г., Томской губ. на 1909 г., Тульской губ. на 1903, 1904, 1906 гг., Уфимской губ. на 1902 г. Черноморской губ. на 1900–1903 гг., Эриванской губ. на 1903, 1905, 1907, 1909 гг., Якутской обл. на 1892–1895 гг. – всего за 148 лет по 30 губерниям и областям.

В некоторых случаях в архивных документах объясняются причины невыхода памятных книжек. Так, памятную книжку Гродненской губернии на 1863 г. не удалось издать в связи “с тогдашними смутными обстоятельствами в Западном крае”, т.е. польским восстанием¹⁴, памятные книжки Эриванской губернии на 1903, 1905, 1907, 1909 гг. не были напечатаны из-за ограниченности материальных средств местного статистического комитета¹⁵.

Особо отметим, что показания некоторых архивных документов о невыходе памятных книжек в отдельные годы, следует подвергать критической проверке. Например, в отношении Амурского областного статистического комитета от 15 октября 1915 г. сообщалось что на 1902–1910 и 1912 гг. памятные книжки им не издавались. Эти сведения не соответствуют действительности: на самом деле амурские памятные книжки на 1902–1904 гг. были изданы (две из них находятся в настоящее время в РНБ)¹⁶.

Документы Архива РНБ позволили выявить несколько губернских памятных книжек, не учтенных ранее в библиографии. К ним относятся памятные книжки Келецкой губернии на 1889 и 1892 гг., календари Пермской губернии на 1878 и 1879 гг., памятная книжка Тверской губернии на 1898 г. Примечательно, что келецкая памятная книжка на 1892 г. была обнаружена в 1994 г. автором данной статьи в Библиотеке Варшавского университета.

Все, кто занимается историей дореволюционной печати, особенно провинциальной, знает, насколько сложно бывает установить тираж той или иной книги. Эти данные, за редчайшим исключением, никогда не приводились в самих изданиях. Сказанное в полной мере относится и к губернским и епархиальным справочникам. Материалы Архива РНБ позволили установить тиражи 51 памятной книжки по 10 губерниям и двух списков должностных лиц по двум губерниям (см. прил. 1). К сожалению, в документах об изданиях других региональных справочников сведения об их тиражах никогда не приводятся. Исключение составляют только сопроводительные письма к “Спискам лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Черниговской епархии, на 1901/02 г.” и “Памятной книжке Одесского учебного округа за 1913/14 г.”, в которых указаны тиражи этих изданий – соответственно 30 и 500 экз.¹⁷

Далеко не всегда в дореволюционных региональных справочных изданиях указывалась и их цена. В сопроводительных письмах к присылаемым в

¹⁴ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1869 г. № 65. Л. 67–67 об.

¹⁵ Там же. 1910 г. № 3. Л. 48–48 об.

¹⁶ Там же. 1915 г. № 4. Л. 218.

¹⁷ Там же. 1902 г. № 25. Л. 152; 1914 г. № 2. Т. 1. Л. 136.

ИПБ справочникам данные об их стоимости, к сожалению, приводятся крайне редко. По документам архива оказалось возможным установить цену только шести памятных книжек и одного губернского списка должностных лиц (см. прил. 2).

По материалам Архива РНБ удалось уточнить некоторые доселе не известные обстоятельства издания памятных книжек ряда губерний (полученные данные не публиковались в их предварительном списке). Так, выяснилось, что “Адрес-календарь Оренбургской губернии... 1851 года” был составлен в редакции Оренбургских губернских ведомостей¹⁸, что составителем “Памятной книжки о Ковенской губернии на 1854 г.” являлся редактор губернских ведомостей Михневич¹⁹, что “Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 год”²⁰, “Памятные книжки Плоцкой губернии” на 1891 и 1895 год²¹ были изданы редакциями местных губернских ведомостей, а “Памятная книжка Плоцкой губернии на 1899 год” – типографией губернского правления²², что “Сахалинский календарь” 1896 г. печатался в местной тюремной типографии²³.

До сих пор сравнительно слабо изучены пути и способы распространения региональных справочных изданий. В некоторых делах Архива РНБ можно обнаружить ценные сведения по этому вопросу. Например, в одном из циркуляров ковенского губернского правления содержится важная информация о том, каким образом распространялся список чинов Ковенской губернии 1856 г. Полный текст этого редкого документа публикуется в приложении 3.

В Архиве РНБ имеется довольно много документов об издании ежегодных статистических обзоров губерний, областей и градоначальств. Как уже отмечалось выше, руководство Библиотеки впервые обратилось к губернаторам с просьбой прислать недостававшие обзоры только в 1896 г., хотя во многих губерниях эти издания начали печататься еще в 1870-е годы. По этой причине немало запросов дирекции ИПБ осталось без удовлетворительного ответа: губернаторы чаще всего сообщали, что обзоров за требуемые годы в их распоряжении не имеется и достоверными сведениями об их публикации они в настоящее время не располагают. И тем не менее в ряде случаев официальные ответы губернских властей позволили документировать время начала издания губернских обзоров или подтвердить факты их невыхода в свет в том или ином году. Установлено, что в Елисаветпольской губ. ежегодные обзоры начали публиковаться с 1893 г. (первым по времени был обзор за 1892 г.), в Самаркандской обл. – с 1891 г., в Семиреченской обл. – 1883 г. Не печатались обзоры Астраханской губ. за 1897 г., Варшавской губ. за 1897–1914 гг., Виленской губ. за 1904 г., Владимирской губ. за 1897 г., Иркутской губ. за 1897 г., Калишской губ. за 1898–1914 гг., Ломжинской губ. за 1908–1911 гг., Люблинской губ. за 1911 г., Орловской губ. за 1897 и 1898 гг., Приморской обл. за 1903 и 1904 гг., Псковской губ. за 1897 г., Самаркандской обл. за 1896 г., Седлецкой губ. за 1897 г., Семипалатинской обл. за 1891 г., Сувалкской губ. за 1900–1903 гг., Сыр-Дарьинской обл. за 1896–1901, 1903, 1905 гг., Ферганской обл. за 1901–1903 гг., Якутской обл. за 1900 г., Ярославской губ. за 1896 г., Керчь-Еникальского градоначальства за 1893–1900 гг., Севастопольского градоначальства за 1897 г., отчеты Санкт-Петербургского градоначальства за

¹⁸ Там же. 1851 г. № 1. Ч. 1. Л. 224–224 об.

¹⁹ Там же. 1854 г. № 1. Ч. 1. Л. 81.

²⁰ Там же. 1860 г. № 1. Ч. 2. Л. 25.

²¹ Там же. 1891 г. № 14. Л. 184; 1895 г. № 2. Л. 170.

²² Там же. 1899 г. № 28. Л. 215.

²³ Там же. 1896 г. № 1. Л. 242.

1880 и 1881 гг., приложения к всеподданейшему отчету Кронштадтского военного губернатора за 1897–1917 гг.²⁴ Всего, таким образом, документирован невыход обзоров за 79 лет по 19 губерниям и областям и по четырем градоначальствам.

Некоторые документы объясняют причины, по которым обзоры в том или ином году не были выпущены в свет. Так, массовый невыход обзоров за 1897 г. был связан с изменением программы этих изданий по решению министра внутренних дел²⁵. Обзоры Керчь-Еникальского градоначальства не издавались, как следует из слов местного градоначальника, “по отсутствию в Керчь-Еникальском градоначальстве казенной типографии и неимению в моем распоряжении средств на печатание в частной”²⁶. Обзоры Приморской области за 1903 и 1904 гг. не были составлены “по случаю войны”²⁷.

Ярд сведений относительно неиздания губернских обзоров, как и в случае с памятными книжками, не соответствует действительности. Например, обзоры Вологодской, Полтавской, Санкт-Петербургской, Оренбургской, Рязанской, Самарской губерний за 1897 г., Елисаветпольской губернии за 1905 г. были изданы, хотя в официальных сообщениях говорится о том, что они не печатались. Данный факт наглядно свидетельствует о том, что все сообщения архивных документов, несмотря на то, что в большинстве случаев они вполне надежны, требуют критического к себе отношения и нуждаются в тщательной проверке по другим источникам.

Об издании епархиальных справочников и историко-статистических описаний епархий Русской православной церкви в Архиве РНБ имеется мало сведений. Объясняется это, главным образом, тем, что провинциальные учреждения ведомства православного исповедания далеко не всегда выполняли закон о присылке в Библиотеку местных церковных изданий. В свою очередь дирекция Библиотеки, обычно внимательно следившая за своевременным поступлением в своей фонд книг из провинции, обратилась к епархиальным властям с просьбой о регулярной доставке всех местных церковных изданий только в 1898 г. В специальном отношении № 376 от 13 марта 1898 г., разосланном всем архиереям, в частности, говорилось: “Книги духовного содержания поступают в Библиотеку из духовно-цензурных комитетов и высших духовно-учебных заведений; печатаемые же по благословию или определению Святейшего Синода доставляются типографиями синодальными, Киево-Печерской и Почаевской лавр и Московскою единоверческою. Но, кроме того, весьма много книг и брошюр выходит в свет, особенно за последнее время, с разрешения местной епархиальной власти и местных духовных цензоров, большею частью кафедральных протоиереев или ректоров духовных семинарий. В большинстве случаев такого рода издания, вероятно, вследствие незнания вышеупомянутого закона, по которому все без изъятия книги и брошюры должны быть доставляемы в Императорскую Публичную Библиотеку, в эту последнюю не поступают. Равным образом редакции многих епархиальных ведомостей и некоторых духовных журналов и газет не считают для себя обязательным представлять в Библиотеку отдельные оттиски помещаемых в них статей, нередко образующие целые книги. Немало изда-

²⁴ Там же. 1896 г. № 27. Л. 78; 1897 г. № 22. Л. 13а, 30, 34, 44; № 57, Т. 1. Л. 107; 1898 г. № 48. Л. 9; № 55. Т. 2. Л. 48, 277, 284; 1899 г. № 16. Л. 7–9, 11, 28–28 об., 32; 1901 г. № 15. Т. 1. Л. 125; 1902 г. № 15. Т. 1. Л. 20, 63, 75, 178; Т. 2. Л. 2, 98, 140; 1903 г. № 15. Т. 2. Л. 172–172 об.; 1904 г. № 15. Т. 1. Л. 66; Т. 2. Л. 148; Т. 6. Л. 14; 1909 г. № 7. Т. 1. Л. 34; Т. 2. Л. 50; 1913 г. № 33. Л. 197; 1914 г. № 4. Л. 66, 100.

²⁵ См., например: Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1898 г. № 55. Т. 2. Л. 48, 54, 277.

²⁶ Там же. 1898 г. № 55. Т. 2. Л. 284.

²⁷ Там же. 1909. № 7. Т. 2. Л. 50.

ний выходит, наконец, с разрешения епархиальных училищных советов, братств и тому подобных учреждений”²⁸.

Вследствие такого положения Библиотека недополучила немало епархиальных справочников (многие из них, имеющиеся ныне в фонде РНБ, были получены ею разными путями уже после 1917 г.). А поскольку подобные издания, в отличие от губернских памятных книжек и статистических обзоров, выходили весьма нерегулярно, дирекция ИПБ чаще всего просто не могла за ними уследить и поэтому практически не обращалась к местным церковным властям с запросами о доставке неполученных изданий. За все годы нам удалось обнаружить только один такой запрос, касающийся присылки памятных книжек Киевской епархии на 1911 и 1912 г. В последовавшем на него ответе Киевской духовной консистории сообщалось, что требуемые издания за указанные годы не печатались²⁹.

По материалам Архива РНБ удалось также документировать факты невыхода в отдельные годы списков служащих и памятных книжек некоторых учебных округов Российской империи: Харьковского на 1891–1893, 1895–1897, 1899, 1900 гг.³⁰, Одесского на 1887–1894/95 и 1912/13 (ч. 2) гг.³¹, Оренбургского на 1914 г.³²

Материалы об издании различных региональных справочников дореволюционного времени составляют, разумеется, лишь малую часть того богатейшего собрания документов по истории книжного и библиотечного дела в России XIX–XX вв., которым располагает Архив РНБ. Многие из них еще только ждут своего исследователя. Среди них необходимо отметить интереснейшую переписку о доставке в ИПБ земских изданий, дела о книгах, принятых Библиотекой в дар и купленных ею у книготорговцев, документы об издании губернских ведомостей и т.д. Дальнейшее изучение материалов Архива РНБ и введение извлеченных из них сведений в научный оборот представляется важной и актуальной задачей.

Приложение 1

Тиражи губернских памятных книжек и списков должностных лиц по данным Архива РНБ

Заглавие издания	Тираж (экз.)	Год, номер и лист архивного дела
Бессарабский адрес-календарь на 1873 год	500	1873 г. № 45. Л. 44.
Бессарабский адрес-календарь на 1874 год	300	1874 г. № 3. Л. 22
Бессарабский адрес-календарь на 1875 год	300	1875 г. № 8. Л. 27
Памятная книжка для Ковенской губернии на 1852 год	300	1852 г. № 5. Т. 1. Л. 74–74 об.
Памятная книжка о Ковенской губернии на 1854 год	280	1854 г. № 1. Т. 1. Л. 81.
Список чинам Ковенской губернии на 1856 год	300	1856 г. № 1. Т. 1. Л. 124.
Памятная книжка Костромской губернии на 1855 год	170	1855 г. № 1. Т. 2. Л. 63.

²⁸ Там же. 1898 г. Д. 46. Л. 1–10б.

²⁹ Там же. 1914 г. № 72. Л. 12 об.

³⁰ Там же. 1899 г. № 31. Л. 47; 1901 г. № 234. Л. 83; 1905 г. № 24. Т. 1. Л. 35.

³¹ Там же. 1899 г. № 31. Л. 148; 1914 г. № 2. Т. 2. Л. 66.

³² Там же. 1915 г. № 2. Л. 111.

Заглавие издания	Тираж (экз.)	Год, номер и лист архивного дела
Общий состав управления Минской губернии гражданского, военного, духовного и училищного ведомств. На 1852 год	300	1852 г. № 5. Т. 1. Л. 118 об.
Памятная книжка Новгородской губернии на 1863 год	640	1863 г. № 40. Л. 76.
Памятная книжка Новгородской губернии на 1896 год	697	1896 г. № 1. Л. 256.
Памятная книжка Новгородской губернии на 1897 год	800	1897 г. № 56. Т. 1. Л. 135.
Памятная книжка Новгородской губернии на 1898 год	600	1898. № 26. Т. 1. Л. 127.
Памятная книжка Новгородской губернии на 1899 год	600	1899 г. № 15. Л. 40.
Адрес-календарь Оренбургской губернии с справочными приложениями 1851 года	400	1851. № 1. Т. 1. Л. 224–224 об.
Памятная книжка Петроковской губернии на 1872 год	300	1872 г. № 58. Л. 63.
Памятная книжка Радомской губернии на 1872 год	300	1871 г. № 11. Л. 158.
Памятная книжка Радомской губернии на 1873 год	300	1873 г. № 45. Л. 39.
Памятная книжка Радомской губернии на 1874 год	300	1874 г. № 3. Л. 114.
Памятная книжка Радомской губернии на 1874 год	300	1875 г. № 8. Л. 99.
Адрес-календарь Радомской губернии на 1881 год	260	1881 г. № 4. Л. 9.
Памятная книжка Радомской губернии на 1885 год	60	1885 г. № 10. Л. 10.
Памятная книжка Радомской губернии на 1887/1888 годы	90	1887 г. № 59. Л. 10.
Памятная книжка Радомской губернии на 1889 год	90	1889 г. № 14. Л. 66.
Памятная книжка Радомской губернии на 1891 год	100	1891 г. № 14. Л. 168.
Памятная книжка Радомской губернии на 1892 год	100	1892 г. № 7. Л. 235.
Памятная книжка Радомской губернии на 1893 год	100	1893 г. № 4. Л. 217.
Памятная книжка Радомской губернии на 1895 год	100	1895 г. № 2. Л. 126.
Памятная книжка Радомской губернии на 1896 год	100	1896 г. № 1. Л. 121.
Памятная книжка Радомской губернии на 1897 год	550	1897 г. № 56. Т. 1. Л. 27.
Памятная книжка Радомской губернии на 1898 год	500	1898 г. № 26. Т. 1. Л. 38.
Памятная книжка Радомской губернии на 1899 год	500	1899 г. № 15. Л. 25.
Памятная книжка Радомской губернии на 1900 год	500	1900 г. № 15. Т. 1. Л. 203.
Памятная книжка Радомской губернии на 1901 год	500	1901 г. № 15. Т. 1. Л. 158.
Памятная книжка Радомской губернии на 1902 год	500	1902 г. № 15. Т. 1. Л. 152.
Памятная книжка Радомской губернии на 1903 год	500	1903 г. № 15. Т. 2. Л. 86.
Памятная книжка Радомской губернии на 1904 год	500	1904 г. № 15. Т. 6. Л. 67.
Памятная книжка Радомской губернии на 1905 год	500	1905 г. № 15. Т. 2. Л. 144.
Памятная книжка Радомской губернии на 1906 год	450	1906 г. № 15. Т. 2. Л. 69.
Памятная книжка Радомской губернии на 1907 год	450	1907 г. № 18. Т. 2. Л. 49.
Памятная книжка Радомской губернии на 1910 год	450	1910 г. № 7. Л. 55.
Памятная книжка Радомской губернии на 1911 год	450	1911 г. № 5. Т. 2. Л. 47.

Приложение 1 (окончание)

Заглавие издания	Тираж (экз.)	Год, номер и лист архивного дела
Памятная книжка Радомской губернии на 1913 год	500	1913 г. № 5. Л. 45.
Памятная книжка Радомской губернии на 1914 год	500	1914 г. № 4. Л. 85.
Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губ. на 1902 год	500	1902 г. № 15. Т. 1. Л. 163.
Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1904 год	960	1904 г. № 15. Т. 6. Л. 92.
Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губ. на 1907 год	600	1907 г. № 18. Т. 2. Л. 56.
Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии. На 1910 год	800	1910 г. № 7. Л. 21.
Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год	500	1900 г. № 15. Т. 1. Л. 264.
Памятная книжка Эриванской губернии на 1902 год	375	1902 г. № 15. Т. 1. Л. 239.
Памятная книжка Эриванской губернии на 1904 год	400	1904 г. № 15. Т. 7. Л. 118.
Памятная книжка Эриванской губернии на 1906 год	400	1906 г. № 15. Т. 3. Л. 44.
Памятная книжка Эриванской губернии на 1908 год	400	1908 г. № 108. Т. 3. Л. 76.
Памятная книжка Эриванской губернии на 1910 год	400	1910 г. № 7. Л. 113.

Приложение 2

Цены губернских памятных книжек и списков должностных лиц по данным Архива РНБ

Заглавие издания	Цена	Год, номер и лист архивного дела
Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 год	20 к.	1869 г. № 65. Л. 104–104 об.
Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год	1 р. 75 к.	1869 г. № 65. Л. 104–104 об.
[Памятная книжка Иркутской губернии на 1868 год]	25 к.	1869 г. № 65. Л. 104–104 об.
Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г.	45 к.	1869 г. № 65. Л. 104–104 об.
Памятная книжка о Ковенской губернии 1853 г. (ч. 1 и 2)	1 р. 50 к.	1854. № 1. Т. 1. Л. 81.
Памятная книжка о Ковенской губернии на 1854 г.	1 р.	1854 г. № 1. Т. 1. Л. 81.
Список чинам Ковенской губернии на 1856 год	1 р.	1856 г. № 1. Т. 1. Л. 124.

№ 231. 8 марта*

Из Ковенского губернского правления в Императорскую Публичную Библиотеку.

Слушали: Губернское правление по постановлению, 28 минувшего декабря состоявшемуся, поручило редактору губернских ведомостей Михневичу напечатать в Губернской типографии Список чинам Ковенской губернии на сей [1856] год в числе 300 экземпляров и таковой представить Губернскому правлению для рассылки по губернии. Вследствие чего редактор Михневич при рапорте от 3 сего февраля за № 39 представил триста экземпляров этого списка и присовокупил, что цену ему он полагал бы определить в один рубль сер. за экземпляр.

Определили: Напечатанного в Губернской типографии Списка чинам Ковенской губернии на сей год разослать следующее количество экземпляров и именно: к г. начальнику Юрбургского таможенного округа 5 экземпляров, – гг. губернскому прокурору, председателю казенной палаты, управляющему палатою государственных имуществ и инспектору врачебной управы по 10 экземпляров, – гг. председателям уголовной и гражданской палат, шести городничим, приказу общественного призрения, казенной, гражданской и уголовной палатам по 2 экземпляра, – правлению XII округа путей сообщения, комиссиям: строительной и дорожной, и народного продовольствия по 1 экземпляру, – гг. директору училищ Ковенской губернии и главному смотрителю провиантских магазинов по 8 экземпляров, – дворянскому депутатскому собранию, гг. штаб-офицеру корпуса жандармов, директору Шавельской гимназии и губернскому почтмейстеру по 3 экземпляра, – Россиенскому земскому исправнику 7 экземпляров, – в Тельшевскую римско-католическую духовную консисторию 3 экземпляра, – гг. уездным предводителям дворянства по 8 экземпляров, – гг. командиру внутреннего гарнизонного батальона, ковенскому полицеймейстеру, ковенскому, тельшевскому, шавельскому и поневежскому земским исправникам по 5 экземпляров, – вилкомирскому и новоалександровскому исправникам по 6 экземпляров, – градским и земским полициям, уездным судам, дворянским опекам, городovým думами и ратушам, уездным судьям, градским главам и старшим бургомистрам по 1 экземпляру, – всего двести шестьдесят один экземпляр, и просить кого следует, а подчиненным местам и лицам предписать, о высылке в пользу типографической суммы по одному руб. сер. за экземпляр, – а наблюдение за исправным поступлением денег и зачисление оных в недоимку возложить на казначея сего правления. – Сверх того, по одному бесплатному экземпляру этого списка передать: в канцелярию г. начальника губернии, во все отделения и столы, в канцелярию присутствия, регистратуру и экзекутору, а в Императорскую Публичную библиотеку отослать и г. генерал-губернатору представить по два экземпляра, – всего двадцать три экземпляра, – остальные затем шестнадцать экземпляров возвратить редактору Михневичу. Февраля 20 дня 1856 года.

Подписал: Исправл. долж. советника Маслов

№ 621. Книгу по сему отношению получил

Редактор Михневич

По газетному столу

Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1856 г. Д. № 1. Ч. 1. Л. 124.

* Входящий номер и дата получения циркуляра ИПБ. Курсивом обозначен рукописный текст. Основной текст документа отпечатан типографским способом.

К ЗАВЕРШЕНИЮ “ВОЛОГОДСКОЙ ПРОГРАММЫ”

Бесценные сокровища архитектуры и иконописи Русского Севера давно уже обрели мировую славу. Намного скромнее известность памятников письменности, хранящихся жителями северных городов и сел. И если в Западной Европе рукописная книга XV в. хранится в собраниях музеев, библиотек или у известнейших коллекционеров, то на берегах Северной Двины или Сухоны она может быть обнаружена в сельской избе. До сих пор специалисты-историки (археографы) проводят экспедиции по сбору этих раритетов. Их цель – спасение рукописных и старопечатных (напечатаны кириллическим шрифтом, бытовавшим в России до начала XVIII в.) книг, что в настоящее время возможно лишь в условиях хорошо организованного музейного хранения.

В известной степени эта работа уже была проведена в 20-х годах прошлого века, когда широкое краеведческое движение стало основой создания небольших местных музеев (они сохранили и дары частных лиц, и поступления из разоренных дворянских усадеб, монастырей и церквей). Но скромность их бюджетов, удаленность от научных учреждений (контакты с которыми были достаточно эфемерны) не позволяли сотрудникам этих музеев в полной мере оценить сбереженные ими сокровища.

Однако в конце 1970-х годов профессором Вологодского государственного педагогического института, председателем Северного отделения Археографической комиссии Академии наук П.А. Колесниковым была предложена программа (“Вологодская программа”)¹ описания всех памятников письменности, хранящихся в музеях Вологодской области. Она получила организационную поддержку руководства области и финансовую – областного отделения ВООПИК. Удалось создать и неформальную группу исследователей Москвы и Ленинграда (А.А. Амосов, С.Е. Князьков, Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, С.А. Морозов), связанных с Ахеографической комиссией Академии наук (все они были учениками ее председателя – профессора МГИАИ С.О. Шмидта). Непосредственную работу группы возглавил А.А. Амосов – молодой исследователь, но уже имевший высокий научный авторитет. По мере расширения задач, возникавших при непосредственном обращении к музейным собраниям, первоначальная группа пополнялась. Так, в ее состав на различных этапах входили ленинградские специалисты из БАН – Н.Ю. Бубнов, М.Ю. Гордеева (Алексеева), Ф.В. Панченко, Л.А. Петрова, сотрудники музеев – Н.И. Решетников (ЦМР), Н.Д. Лабичева, Н.Н. Малинина (ВГИАХМЗ), Н.П. Морозова (Дробова) (Череповецкий краеведческий музей) и (в рамках археографической практики) студенты ВГПИ.

Группе предстояло обследовать музеи следующих городов: Бабаево, Белозерск, Великий Устюг, Вытегра, Грязовец, Кириллов, Никольск, Сокол, Тарногский Городок, Тотма, Устюжна, Харовск, Череповец, а также устой-

¹ Амосов А., Колесников П. О своде документальных памятников в хранилищах Вологодской области // Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1, вып. 2. С. 3–7. (Далее: ППМВО). Шмидт С.О. От редакции // ППМВО. Вологда, 1998. Ч. 4, вып. 3. С. 3–5.

чивые (т.е. длительное время действующие) общественные музеи ряда поселков. На первом этапе были подготовлены охранные каталоги рукописных и старопечатных книг, книг гражданской печати и описи документов дореволюционного (до 1917 г.) и советского периодов.

Исходя из основных целей Описания, которое должно было стать справочником по фондам, охватывающим все без исключения книги и документы, и одновременно охранным каталогом, составители стремились дать о каждой рукописи предельно сжатые и по возможности формализованные сведения, в совокупности дающие достаточно четкие представления как о внешних особенностях рукописных книг, так и их содержании². Для документов в качестве единицы описания принят отдельный текст, независимо от вхождения его в какой-либо начальный комплекс. Описательные статьи строго соответствуют существующим археографическим требованиям: каждая статья включает две части – обозначение документа и формальное описание с указанием на достоверительные признаки и физическое состояние³. В тех случаях, когда материалы одной тематической или персональной коллекции находятся в составе нескольких фондов или в других музеях и архивах страны, даны соответствующие отсылки⁴.

В процессе работы выявились особенности культурно-исторических зон, отразившие специфические особенности экономического уклада региона. Так, в Великом Устюге, расположенном на пересечении многих важнейших торговых путей, уже с XVI в. законодателем мод в формировании книжного репертуара стало купечество, определившее светскую струю. Близки им и интересы книжников Тотмы, одного из крупнейших в России центров солеварения, но здесь существенное влияние оказывало крестьянство, также втянутое в производство. Собственно Вологда и расположенные по течению р. Шексна известнейшие монастыри (в их числе и Кирилло-Белозерский) наложили отпечаток на книжную традицию региона, где сформировалась традиция уравновешенного монастырско-дворянского типа. Сходной стала и книжная культура Устюженского региона, с древнейших времен бывшего центром железоделательного ремесла. Но здешние земли были уже с XV в. захвачены дворянами, не оставившими места для свободного крестьянства, но поощрявшими поставление множества мелких монастырей. Поэтому дворянский элемент в книжной культуре стал преобладающим.

Конечно, как всякая классификация, данное деление несколько условно. Позднейшая миграция населения так или иначе внесла некоторые изменения, но владельческие записи на книгах позволяют выявить их судьбы во времени. Определенные коррективы может внести и изучение книг, находящихся ныне в хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга. Это те книги, которые были вывезены коллекционерами XIX в. и археографическими экспедициями XX в.

Затем предварительные охранные каталоги и описания предстояло довести до уровня печатных (написать развернутые предисловия, составить указатели). Редактором всех изданий стал профессор П.А. Колесников, ответственными составителями – исследователи, в большей степени знающие проблему. Таким образом были подготовлены следующие тома ППМВО:

Ч. 1, [вып. 1]. Рукописные книги / Отв. сост. А.А. Амосов, сост.: М.Ю. Алексеева, Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, С.А. Морозов, Н.П. Морозова. Вологда, 1982. 199 с.

² ППМВО. Вологда, 1982. Ч. 1, [вып. 1]. С. 15.

³ Там же. Вологда, 1985. Ч. 4, вып. 1. С. 12.

⁴ Там же. Вологда, 1988. Ч. 5, вып. 2. С. 18.

Ч. 2, [вып. 1]. Книги кириллической печати (1564–1825 гг.) / Отв. сост. А.А. Амосов, сост.: М.Ю. Алексеева, Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, С.А. Морозов. Вологда, 1983. 470 с.

Ч. 3, [вып. 1]. Книги гражданской печати (1718–1825 гг.) / Отв. сост. А.А. Амосов, сост.: Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, С.А. Морозов. Вологда, 1984. 358 с.

Ч. 4, вып. 1. Документы дореволюционного периода / Отв. сост. А.А. Амосов, сост.: Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, С.А. Морозов. Вологда, 1985. 211 с.

Ч. 4, вып. 2. Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее / Сост. Б.Н. Морозов. Вологда, 1984. 207 с.

Ч. 5, [вып. 1]. Документы советского периода / Отв. сост. Н.И. Решетников, сост.: А.А. Амосов, Б.Н. Морозов, В.В. Морозов, С.А. Морозов. Вологда, 1984. 310 с.

По итогам этой работы исследователи и краеведы-любители получили описание 538 рукописных книг конца XIV–середины XX в. (многие из них впервые вошли в научный оборот). Информация о 1778 книгах кириллических, включающая воспроизведение всех записей, относящихся к истории их бытования, является богатейшим материалом для историка книги. Несомненно полезными являются конкорданции (таблицы соотношений номеров описания с номерами соответствующих изданий наиболее полных и авторитетных печатных каталогов книг 1564–1700 гг.), которые показывают, что отдельные обнаруженные в Кириллове и Тотьме издания до того не были известны в библиографии, а это 16 книг XVII в., или 4% от общего числа изданий. Также впервые вводятся в научный оборот и материалы, относящиеся к 2776 книгам гражданской печати.

Что касается собственно документов, то в Тотьме был выявлен дневник крестьянина А. Замараева, два издания которого сразу же стали раритетными⁵. Его 12 книг охватили трагические для России события 1906–1921 гг. Исследователи впервые получили документ, отражающий непосредственное отношение представителя народных низов к происходившему, оценку деятельности правительства (и царского, и большевистского), политических партий, положение различных социальных слоев в трудные годы гражданской войны.

Затем коллективу А.А. Амосова было предложено продолжить работу в Вологодском областном краеведческом музее. В результате вышли в свет следующие книги ППМВО:

Ч. 1, вып. 2. Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. А.А. Амосов, сост.: Н.Н. Малинина, В.В. Морозов, Л.А. Петрова. Вологда, 1987. 431 с.

Ч. 1, вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. В.В. Морозов, сост.: А.А. Амосов, М.Ю. Гордеева, Л.А. Петрова. Вологда, 1989. 272 с.

Ч. 1, вып. 4. Книжная традиция Кубеноозерья / Отв. сост. А.А. Амосов, сост.: Н.Ю. Бубнов, Н.Д. Лабичева, Н.Н. Малинина, В.В. Морозов, Л.А. Петрова, Ф.В. Панченко. Вологда, 2001. 280 с.

Ч. 2, вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В.В. Морозов, сост.: А.А. Амосов, М.Ю. Гордеева, Н.Д. Лабичева. Вологда, 1985. 178 с.

⁵ Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 годы / Подг. В.В. Морозов и Н.И. Решетников. М., 1995. 255 с.; То же // Тотьма: Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. II. С. 245–517.

Ч. 3, вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825 гг.) / Сост. Н.Н. Малинина. Вологда, 1985. 208 с.

Ч. 4, вып. 3. Документы XVI–начала XX веков Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / Отв. сост. А.А. Амосов, С.Е. Князьков, сост.: Н.Н. Малинина, В.В. Морозов. Вологда, 1998. 293 с.

Ч. 5, вып. 2. Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея / Сост. Н.И. Решетников. Вологда, 1988. 424 с.

Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (основан в 1923 г. на базе нескольких упраздненных небольших музеев конца XIX–начала XX в.) стал хранителем подлинных сокровищ книжности. В числе его 360 книг находится Евангелие конца XIII–начала XIV в., Ирмологий, Устав и Апостол XIV в., рукописи, содержащие многие чрезвычайно редкие произведения древнерусской письменности, жития северных святых и повести о поствалении северных обитателей. Поэтому можно лишь приветствовать публикацию их текстов в качестве приложений к Каталогу-путеводителю⁶.

Вместе с тем читатель получил и публикацию книги одного из известнейших художников начала XX в. – К.С. Малевича “О новых системах в искусстве. Статика и скорость. Установление А”⁷, прежде известном лишь по архивным экземплярам, напечатанным на стеклографе в 1919 г. Что касается документов советского периода, то они, несомненно, интересны краеведам, так как, в первую очередь, раскрывают судьбы местных жителей.

Уже в процессе подготовки к печати Каталога-путеводителя музей пополнился новой коллекцией – собранием рукописных и старопечатных книг, принадлежавшим небольшой общине старообрядцев-филипповцев, обитавших к северу от Вологды, на берегу Кубенского озера. В него вошли 112 рукописных книг XVI–первой половины XX в. и 155 старопечатных книг. Эта коллекция была положена в основу отдельного тома (Ч. 1, вып. 4) в связи с тем, что часть собрания была приобретена археографической экспедицией Библиотеки Академии наук, где и хранится как Кубенское собрание (100 рукописных книг, ранняя из которых датируется XV в., 4 старопечатные книги, 23 настенных листа, предназначенные для нелегального молельного дома, и 7 документов на земельную собственность). Надо признать целесообразность такого подхода: в основу издания была положена коллекция музея, а описание Кубенского собрания составило Приложение. Тем самым сохраняется принадлежность частей единого территориального собрания к месту их хранения в настоящее время, а его общность раскрывается в объединенных указателях, подготовленных для всего собрания в целом.

Община жила трудными хлопотами северного крестьянина. С самого начала ей приходилось скрывать свою принадлежность к старообрядчеству. Церкви не было, молились в жилом двухэтажном доме, это преследовалось и официальной церковью и советской властью. И одной из важнейших христианских добродетелей для нее было “почитание книжное”. Об этом свидетельствует не только приобретение книг печатных, бережное хранение и рестав-

⁶ Сказание о Спасо-Каменном монастыре / Подг. Н.Н. Малинина // ППМВО. Вологда, 1987. Ч. 1, вып. 2. С. 407–417; Житие Логгина Коряжемского / Подг. А.Н. Власов // Там же. С. 417–428; Записка “О последних увещаниях Аввакума / Подг. Н.Ю. Бубнов // Там же. С. 428–431; Повесть о житии юродивого Андрея Тотемского / Подг. А.Н. Власов // ППМВО. Вологда, 1989. Ч. 1, вып. 3. С. 263–272.

⁷ Малевич К.С. О новых системах в искусстве Статика и скорость. Установление А. / Подг. Л.Ф. Дьяконович и В.В. Морозов // ППМВО. Вологда, 1989. Ч. 1, вып. 3. С. 239–263.

рация книг ветхих, но и переписывание их в общине. Вместе с тем община сохраняла связи с Петербургом и Тверью, ее “доброхоты” стремились получить книги дониконовской печати (более трети от общего числа старопечатных книг) в различных городах страны и передать в общину в качестве дара. Заметен и интерес общины к прошлому России. Наряду с богослужебными книгами здесь переписывали исторические повести, жития (преимущественно старообрядческих святых), литературные сказания, полемические трактаты и назидательные слова.

В собрании нет традиционных сборников устойчивого состава, преобладают сборники выписок нравственного содержания. Но здесь концентрируются Определения и Приговоры старообрядческих соборов, направленные на предотвращение дальнейшего раздробления на более мелкие секты, и даже на объединение существующих. XX век община встречала с тревогой. Это нашло отражение в духовных стихах, посвященных всеобщему поклонению Мамоне, распространению продажной печати, страшной мировой войне. Похоже, что община прекратила свое существование, но потомки ее членов поняли ценность полученного ими наследия и передали его на государственное хранение. Это была крупнейшая археографическая находка второй половины XX в. И ее описание стало достойным завершением Вологодской программы.

В заключение необходимо особо подчеркнуть, что Вологодская программа, единственная из нескольких задуманных в различных регионах страны, доведена до полного завершения. И, наверное, причиной успеха стал ее общественный характер. Не будучи привязанной ни к одному из государственных учреждений, на первом этапе она реализовывалась заботами научных советов – Археографической комиссии Академии наук и ее Северным отделением. Именно их координирующая деятельность позволила создать группу специалистов и обеспечить своевременное издание подготовленного ей Каталога-путеводителя. На втором этапе важнейшим условием реализации программы стала настойчивость руководства ВГИАХМЗ (директора – Г.М. Новожилова и Л.Д. Коротаева), понимающего всю значимость не только сохранения письменных богатств музея, но и доведения подробной информации о них до широких исследовательских кругов.

**“УЖАСНЫЙ ПЕРЕЛОМ СЛУЖЕБНОМУ ПУТИ”:
В.Ф. ТИМКОВСКИЙ И ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ**

Судьба видного писателя, знатока русской истории, чиновника Василия Федоровича Тимковского (1781–1832) до недавнего времени привлекала внимание ученых в связи с изучением биографических данных о его братьях¹. Часть личного архива Василия оказалась у его брата Егора², рукописи сочинений выявляются с 1900 г. в разных хранилищах³.

К изучению биографии В.Ф. Тимковского впервые обратился Л.А. Шейман⁴. Один из самых сложных сюжетов здесь представляет связь Василия Федоровича с декабристами и то служебное несчастье, которое постигло его после восстания 14 декабря: “Обстоятельства его привлечения к этому делу окружены такой же тайной, как и многие другие эпизоды жизни Василия Федоровича. По-видимому, он был превосходным конспиратором”⁵.

Политический кризис, последовавший за смертью Александра I, не обернулся для Василия Тимковского потерей жизни, свободы, дворянства или карьеры. Следствие, за неимением достаточных улик его причастности к тайным обществам, вынесло оправдательный приговор. Но в силу ряда причин, которые предстоит выяснить в данной работе, он испытал сильное потрясение и стал если не участником, то жертвой декабрьского восстания.

Новые источники позволяют полнее воссоздать отдельные эпизоды деятельности В.Ф. Тимковского. Сведения о событиях последних лет его жизни могут быть почерпнуты из семейной переписки Максимовичей⁶. Кроме того, сохранились биографические заметки Е.Ф. Тимковского о себе и своей семье, причем основное внимание он уделил Василию, с которым долгое время служил в Азиатском департаменте и к которому был особенно привязан. Заметки существуют в двух версиях. Первая – со значительными пропусками в

¹ Шунгуров Н.В. Илья Федорович Тимковский, педагог прошлого времени // Киевская старина. Киев, 1891. Т. 34. № 8. С. 211–231.

² “Путевой журнал” 1814 г. был подарен Василием Егору, и с бумагами Н.В. Шунгурова попал в семью И.О. Новицкого, сын которого, архивист В.И. Новицкий, передал его 6 марта 1932 г. в РО ВБУ (ныне ОР Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 179. Д. 135. Степанович А.И. В.Ф. Тимковский и его путевой дневник (1813–1814 гг.). Статья 1934–1935 г. Автограф в 4-х вариантах. Л. 1). В настоящее время журнал хранится под шифром: ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 2332.

³ Почти в это же время появился в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга “Опыт” о князе А.М. Курбском. См.: Ерусалимский К.Ю. Книга Василия Тимковского о князе Курбском // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 380–383. Л.А. Шейман специально изучил записки “О последнем разграблении караванов” и “О нынешнем состоянии Оренбургской пограничной комиссии” (АВПРИ. Ф. 347 (Санкт-Петербургский Главный архив МИД). 1–13. 1817 г. Д. 3. Л. 216–217; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44. Л. 260–282). Архив В.Ф. Тимковского (распавшийся, надо полагать, во второй половине XIX в.) включает и рукописные переводы, например, “Речь Консула Мария к Римскому народу”. В конце текста дата перевода: 10/22 июня 1813 г. Рейхенбах (РГАДА. Ф. 184 (С.А. Белокуров). Д. 170. Л. 1–8 об.).

⁴ Шейман Л.А. Василий Тимковский, декабристы, Пушкин... (Вокруг записок о “Киргизской орде”) // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1969. Вып. 2. С. 126–194.

⁵ Там же. С. 146.

⁶ ОР НБУВ. Ф. 32 (М.А. Максимович). Д. 127–265. Переписка на 260 л. в общем переплете.

тексте – посвящена только Василию и составлена вскоре после его смерти⁷. Вторая представляет собой расширенную автобиографическую справку с привлечением и уточнением сведений первой версии и материалами о других родственниках⁸, она завершена не ранее 1868 и не позднее 1875 г., когда Е.Ф. Тимковский умер⁹. Документы о собственности Тимковских позволяют прояснить вопрос об отношении Василия Федоровича к крепостничеству. Нами также найдены новые эпистолярные и шире привлечены мемуарные источники, использованы архивные данные о назначении В.Ф. Тимковского на пост Бессарабского губернатора и кризисе в его карьере, связанном с восстанием декабристов¹⁰.

Род Тимковских происходит от казака Бубновской сотни Переяславского полка Тимофея Антоновича, переселившегося на левобережье после заключения Прутского мира 1711 г. Его сын, Василий Тимченко, участвовал в турецкой войне при Анне, затем постригся в Киево-Печерской Лавре¹¹. У Назария Васильевича в браке с Анастасией Просяницкой было четыре сына – отец всего знаменитого рода Федор (1739 – 29 августа 1790) и Иван (ум. 1821 или 1823 г.); о других сыновьях – Андрее и Дамьяне – ничего не известно¹². У Федора было 10 детей: Татьяна (1771–1799, замужем за И.И. Прохоровичем), Илья (15 июля 1773 – 15 февраля 1853 г., женат на С.И. Халанской), Иван (24 июня 1778 – около 1808 г.), умершие во младенчестве Александр и Ефим, Василий (10 марта 1781 – 3 декабря 1832 г.), Роман (1784–1820), Марья (1786–?, замужем за Ф.С. Самусем), Гликерия (13 мая 1788 – август 1830 г., замужем за А.И. Максимовичем), Егор (23 апреля 1790 – 9 февраля 1875 г., женат на Ю.П. Крилицкой). Ранняя смерть отца стала первым тяжелым ударом в жизни Василия. Семья оказалась на грани нищеты. Егор Федорович вспоминает, что отеческая помощь приходила в то время от дяди Ивана, который посвятил себя Богу и иногда навещал их (в д. Згарь) из Печерской Лавры. Последние годы жизни он провел в Мошногогорском монастыре¹³.

Творчество Василия Тимковского, отзывы современников и послужные списки свидетельствуют о его редких способностях, усердии и трудолюбии¹⁴.

Родился он в с. Деньги Золотоношского уезда Полтавской губернии, где получил первое образование от крестьянина-самоучки Андрея Кулибы (Кулида)¹⁵. Воспитанник монахинь Благовещенского и монахов Братского монастырей, Василий готовился к послушничеству¹⁶. В детстве он часто болел.

⁷ Там же. Ф. 1. Д. 703.

⁸ Там же. Д. 767. В первой части дела жизнеописания, во второй – генеалогическая справка. Далее обозначаются соответственно “767а” и “767б”.

⁹ В д. 767б точно указана дата смерти жены И.Ф. Тимковского, С.И. Халанской (8 августа 1859 г.), и упомянуто, что их дочь Варвара постриглась в Севском монастыре в начале 1860-х годов. В д. 767а названа дата смерти возлюбленной Василия Федоровича, Х.Я. Вольф – 1868 г. Материалы, относящиеся к службе Егора, см.: АВПРИ. Ф. 347. IV-1. 1832–1836. Оп. 117. Д. 9; 1845–1852. Оп. 117. Д. 10; РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 518.

¹⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825 г. Д. 299.

¹¹ ОР НБУВ. Ф. 179. Д. 135. Л. 2.

¹² Там же. Ф. 1. Д. 767б. Л. 1–3 об.

¹³ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁴ Именно так, в частности, характеризовали его деятельность Н.С. Мордвинов в первом послужном списке, подготовленном в Государственной канцелярии в 1812 г. и пополнявшемся до 1819 г. (РГИА. Ф. 1162 (Государственная канцелярия). Оп. 7. Д. 1099. Л. 3 об.–4), и А.П. Ермолов в письмах на имя министра иностранных дел К.В. Нессельроде от 8 сентября 1821 г. и 5 сентября 1824 г., вошедших в послужной список, составленный в КИД (АВПРИ. Ф. 347. IV-1. 1821. Оп. 117. Д. 17. Л. 5–6 об., 30–30 об.). В настоящее время известны только эти послужные списки.

¹⁵ Записки Ильи Федоровича Тимковского: Мое определение в службу // РА. 1874. № 6. Стб. 1381–1382.

¹⁶ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 703. Л. 1.

Однажды по дороге из Киева в Згарь кони испугались грохота цепей колодников и понесли его. Василий неудачно выпрыгнул из брички и сломал ногу. Дважды потом ее вправляли, но всю жизнь он ходил прихрамывая.

Закончив Киевскую духовную академию, Василий Тимковский занялся литературной деятельностью, “воспротивился намерению родителей” и, увлеченный идеей государственной службы¹⁷, в 1801 г. поступил в Московский университет. Уже в Киеве Тимковский начал заниматься переводами и сочинять стихи на духовные и светские темы¹⁸. В начале XIX в. были напечатаны его переводы¹⁹. С 1807 до ноября 1809 г., в степени кандидата словесности, он занимал должность помощника инспектора в Академической гимназии при Московском университете.

1 января 1810 г. в чине титулярного советника он поступил на государственную службу²⁰, на которой состоял до 1830 г. Сначала Тимковский был при председателе Департамента государственной экономии адмирале Н.С. Мордвинове, являлся соавтором отдельных его “мнений”.

Сохранилось его стихотворение “Песнь на учреждение Государственного Совета”, написанное 30 марта 1810 г., видимо, совместно с братом Ильей²¹:

Петрополь освещен зарей;
Какая свежесть всех волнует!
Орел весенний воздух чует.
Нева! струи за Зунд пролей,
вещай об Александре.
Предчувствие збылося...

Ода преисполнена идеалами гражданских подвигов и свободолюбия: царей “потомство строго судит” и хвалит не “мишурные дела”, “а подвиги благие, / Отечеству заслуги” (10-я строфа)²². Василий Федорович в то время жил в доме адмирала, летом отдыхал на его даче в Ораниенбауме. Мордвинов собирал сведения о развитии промышленности и даже во время прогулок с подопечным заставлял его “сосчитывать по улицам вывески разных ремесленников по роду их занятий”²³.

В 1811 г., по поручению министра народного просвещения графа А.К. Разумовского, В.Ф. Тимковский составляет правила для руководства министерством (“Некоторые замечания в рассуждении народного просвещения в России”), в которых предлагает прекратить подражание иностранцам, распространить практику домашнего воспитания, расширить права университетов²⁴.

В начале 1812 г. Василий Тимковский был переведен на службу к госсекретарю А.С. Шишкову “для редакторской части”, стал его постоянным спутником и сотрудником в путешествиях по России и Европе, участвовал в соста-

¹⁷ М.А. Максимович, публикуя письмо Василия Федоровича матери из Калиша, отмечал: “Были на него семейные виды, чтобы удержать его при академии Киевской; но душа его стремилась на север, к деятельности гражданственной; и он готовился к ней долго, зная наизусть всего Плутарха и по нем составив себе идеал жизни...” (Максимович М. Письмо Василия Федоровича Тимковского // РА. 1871. № 12. С. 2118).

¹⁸ См.: Радостные чувствования муз: Сборник. Киев, 1796.

¹⁹ Путешествия Морица по Англии. М., 1804; Жизнь графа Миниха. М., 1806.

²⁰ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1099. Л. 3 об.-4.

²¹ Рукопись с подписью Ильи Тимковского, но почерк текста принадлежит Василию. У первого был опыт торжественного сочинительства. На открытии Харьковского университета 18 января 1805 г. пелась его ода, посвященная Александру I. См.: Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Харьков, 1893–1898. Т. 1. С. 200–201.

²² ОР РНБ. Ф. 542 (Оленины). Д. 769. Л. 1–3 об.

²³ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 703. Л. 2 об.

²⁴ Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов: Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873. С. 87. Примеч. 2.

влении манифестов²⁵. По сообщению Е.Ф. Тимковского, перед походом на Париж государь заметил “недостаток способностей Шишкова”, оставил его со своей тещей и императрицей Елизаветой Александровной в Бруксгаме. А.Л. Нарышкин и А.М. Голицын содействовали получению отпуска для В.Ф. Тимковского, и он посетил Италию с Голицыным²⁶. По дороге из Берлина в Россию в сентябре – октябре 1814 г. им был написан “Путевой журнал”, в котором, наряду с живописными картинами балканского природного мира, приведены уникальные сведения о прусской политике по онемечиванию лужицких сербов. Как отмечает А.И. Степанович, В.Ф. Тимковский продолжил исследовательскую работу А.И. Тургенева и А.И. Кайсарова, которая, благодаря П.И. Кеппену, стала программной частью этнографических изысканий Академии наук²⁷.

Записи путешественника отражают его душевные переживания и позволяют представить его внимание к истории, раскрыть взгляды на роль государства в национальном вопросе. Славянские древности овеяны для него священной таинственностью, и он верит в возможность воссоздания полузабытых обычаев. Сказочные медитации переплетаются с аналитической работой, образуется единое пространство ретроспективного осмотра: “Первые шаги по земле сербо-вендской были не приятны. Низкая песчано-топкая земля покрыта мелким, редким сосновым лесом; по дороге изредка стоят ивы. Не видно больших деревень, только вдаль слышен был лай пса – признак Селены. То была деревня Цейц влеве (так в тексте. – К.Е.) от дороги. Село солнце, когда переехал границу. Ночь сумрачна. Звезды проглядывали сквозь облака. Я мечтал о тех временах, когда славяне в первый раз пришли в сею страну. *Silvis horridam aut paludibus*²⁸. А ведьмы жили в шалахах среди холмов песчаных и болот непроходимых, в сих лесах дремучих, и поклонялись своему Световиду, Перуну, Чернобогу и пр. и пр.”²⁹

Автор “Путевого журнала” поддерживает прусское правительство в стремлении привить у славян христианство и просвещение, но удивляется медлительности этих мероприятий и бедности, косности населения³⁰. Лейтмотивом в записках кажется критика его зависимого состояния. Определяя причины изъязнов в национальной политике Пруссии, Василий Федорович демонстрирует особое понимание государственных задач в обращении с малыми народами: “Венды трудолюбивы, но причины важные препятствуют развитию их промышленности. Важнейшая из сих причин есть их рабское состо-

²⁵ См.: Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 174, 201, 280, 323.

²⁶ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 703. Л. 2 об.–3.

²⁷ Степанович А.И. Указ. соч. Л. 9.

²⁸ “Ужасную лесами или болотами” (лат.).

²⁹ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 2332. Л. 5 об.–6. Запись от 24 сентября/6 октября 1814 г.

³⁰ А.И. Степанович, рассматривая записки дневника, считает национальные воззрения В.Ф. Тимковского строго государственными и обращает внимание на его одобрительные суждения (с частной критикой) о прусском правительстве (Степанович А.И. Указ. соч. Л. 13–17). Ученый недооценивает патетическую дневниковую запись от 28 сентября–10 октября 1814 г.: “Вечер поздний провел я один за стрелецким местом, на каменистом утесе, дико над Шпреей возвышающемся, где устроено приятное гулянье в месте романическом – провел часть вечера в воспоминаниях о происшествиях Лизицы [Лужицкой земли], о переменах в участи Вендов, о приключениях, постигших Будишин в разныя времена, и наслаждался блаженством моего положения, свободного и независимаго. Независимость! Свобода! Лучшие дары, неоцененное сокровище смертных! И брат мой по племени и языку, и добрый Сербо-Венд, там внизу, в Житове, в поте лица снискивающий себе хлеб насущный, обремененный пренебрежительностью Германеюю [так в тексте. – К.Е.], угнетенный налогами, видящий, как пред ним за стенами Ортельбургскими роскошь и нега утучняются [так в тексте. – К.Е.] плодами его пота – и брат мой Венд едва ли смеет мечтать о вас, свобода и независимость златая!” (ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 2332. Л. 32–32 об.). Этнокультурная программа путешественника не должна была отрываться от его либеральных идей.

яние, которое, что бы впрочем не говорили в пользу сего несправедливого постановления – естественным образом должно иметь следствия, по крайней мере, для крестьянина вредные. Сие же рабство и еще более отдельность, особенность вендов от их сообитателей – немцев, взаимное недружелюбие и недостаток для вендов способов учиться высшим наукам на их отечественном языке – останавливают вендов на поприще образования”³¹.

Преодоление хозяйственной разрухи, по мнению наблюдателя, зависит от гуманного влияния на приобщение славян к европейскому обществу. Немецкий пастор Фрице просит Тимковского обратиться к А.С. Шишкову и через него донести до сведения короля о горестном состоянии “вендов сиротствующих”: “В самом деле, – пишет путешественник, – одобряя намерение Прусского Правительства истребить разноязычие в своих землях, нельзя похвалить строгих решительных насильственных мер, им избираемых. Наречие сербовендское должно умереть и умереть. Но начто ускорять гибель его, начто мешаться в Планы Природы, начто бременить жестоко народ простой и добрый?”³² Освобождение лужицких сербов от немецкой зависимости представляется путешественнику маловероятным, но он решается сформулировать целую программу русского покровительства и содействия сохранению славянской культуры: “Какое поприще для просвещенных богачей Руских [так в тексте. – К.Е.!] Отделив часть от избытков своих, они могут пустить благотворную росу на землю Сербо-вендскую и изсыхающая ветвь широкосеристаго дуба словянского оживет, оплодотворится! – Они могут назначить известныя суммы для поддержания молодых людей, учащихя в саксонских университетах, обязав их заниматься языком Сербо-вендским и даже церковно-славянским. Академия Рускаго языка пусть даст младшему Фрике деньги на напечатание словаря, им собраннаго; а Санкт-петербургское Библейское общество само, или чрез Великобританское и иностранное библ[ейское] общество должно купить у него Библию его и роздать безденежно Вендам бедным, должно печатать другия для них книги”³³.

Предложения практичны, оформлены как вольные мечтания и лишены прямых намеков на панславянские проекты и на причастность автора к определенному общественному заказу³⁴. В сочинениях В.Ф. Тимковского (и дневник не исключение) присутствует черта, которую замечали в нем самом собеседники: эмоциональность при обращении к политическим темам, которая позволяла свободно иронизировать и придавать обсуждаемым предметам романтическое звучание с “беспечной веселостью”, душевными откровениями, пессимистическим морализаторством, интонациями тоски и преждевременного разочарования. В начале октября (по старому стилю) “Путевой журнал” был завершен и чиновник отправился в Петербург.

По возвращении В.Ф. Тимковский поселился в Доме А.М. Голицына на Английской набережной. До 1816 г. работал в Государственной канцелярии под начальством А.Н. Оленина³⁵. Около 1815 г. состоялось знакомство с канцлером Н.П. Румянцевым. Какую-то роль в этом событии мог сыграть Оленин, нужно учитывать и известность братьев Тимковского среди сотрудников канцлера, и территориальную близость домов Голицына и Румянцева.

³¹ ОР НБУВ. Ф. I. Д. 2332. Л. 7.

³² Там же. Л. 15 об.–16, 41 об.–42 об.

³³ Там же. Л. 17–17 об.

³⁴ Сходные взгляды развивал он позднее, будучи председателем в Оренбургской пограничной комиссии, и там его борьба за смягчение контроля над киргиз-кайсацкой ордой подкреплялась теми же историко-политическими представлениями.

³⁵ РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1099. Л. 6, 9.

По поручению канцлера, Василий Федорович отправился в Москву, где в Архиве Коллегии иностранных дел (КИД) собирал документы, “относящиеся к истории Курбского”³⁶. “Опыт” был закончен к маю 1816 г.³⁷

23 мая 1816 г. В.Ф. Тимковский в чине надворного советника определен правителем канцелярии при полномочном наместнике по делам Бессарабской области. Трудно сказать, можно ли считать это почетной ссылкой, например, за первый том “Опыта” о князе Курбском, подготовленный при содействии Н.П. Румянцева, А.Н. Оленина и московских сотрудников Румянцевского кружка. Возможно, Тимковский сблизился к тому времени со Стурдзами, родственниками первого губернатора Бессарабии³⁸. Конечно, неверно мнение Ф.Ф. Вигеля, что КИД не посылала малоросса за границу, потому что он не знал иностранных языков или знал их плохо. Мемуарист не информирован о переводах своего соперника, о цитировании им немецких источников в книге о Курбском. Судя по “Путевому журналу”, В.Ф. Тимковский говорил на немецком³⁹. Правда, о его знаниях французского трудно судить⁴⁰.

Происхождение чиновника и его внимание к окраинным культурам, его поэтические представления о самоотверженной службе “по Плутарху” подталкивали его к неординарным, сложным шагам, и вероятнее, что он отправлялся на опасные и непривлекательные посты по собственному почину. Торжественное изгнание казалось писателю и мыслителю достойной наградой за честность. В своей книге 1816 г. он эмоционально морализировал на тему несправедливых политических репрессий. Например, честный князь С.Ф. Курбский получил своеобразную награду “за свое усердие” – он не угодил своим мнением и “был навсегда удален от Двора”⁴¹; дважды был изгнан, по мнению автора, главный герой книги князь А.М. Курбский: “Сам Король не возлюбил его. По сему-то Князь Курбский не являлся при Дворе, а жил на Волыни в своем Ковле”⁴².

Прочтение жизни и подвигов представителя знати XVI в. вписывается в идеал службы исследователя. В январе 1826 г. В.Ф. Тимковский, находясь на грани отставки, закричит в лицо управляющему МВД В.С. Ланскому, что “на службе, кроме болезней и долгов, он ничего не нажил; имел одно неотъемле-

³⁶ Переписка государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными / Предисл., примеч., указатели Е.В. Барсова // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 1. С. 19–20. Письмо Н.П. Румянцева А.Ф. Малиновскому от 25 июля 1815 г. Неясно, что подразумевал Н.П. Румянцев под “историей Курбского” – его биографию или “Историю о Великом князе Московском”. В последнем случае, речь могла идти о подготовке текста к изданию. Это предположение подкрепляется сведениями Н.А. Полевого.

³⁷ Работа Тимковского с документами Архива началась в 1816 г., судя по описи “Алфавит содержащимся в книгах Московского Иностранной Коллегии Архива входящих и исходящих дел материалам с 1720 года”. Коллежскому асессору Василию Тимковскому дозволено было изучать архивные дела “о Князе Курбском.[.] 1816г””. Под тем же годом ниже записан “историограф Карамзин” (РГАДА. Ф. 181. Рукописный отдел библиотеки МГАМИД. Оп. 1. Д. 228/399. Л. 17). Посвящение к “Опыту” подписано 9 мая 1816 г., т.е. оформление книги завершено в первой половине мая (*Ерусалимский К.Ю.* Указ. соч. С. 380–381).

³⁸ Записки Ф.Ф. Вигеля. М., 1893. Ч. 7. С. 54; ОРНБУВ. Ф. 1. Д. 703. Л. 3.

³⁹ По сообщению И.Н. Лобойко, Василий Федорович занимался поиском кандидатуры на место начальника переводчиков Азиатского департамента и предлагал эту должность датскому профессору Э.К. Раску (РО ИРЛИ. Ф. 154. И.Н. Лобойко. Д. 40. Л. 38 об.–39).

⁴⁰ Предложение Тимковского вывести французский язык из употребления, высказанное им в “Некоторых замечаниях” 1811 г., нужно воспринимать в контексте программы по устранению подражательности иностранцам на государственной службе, в пансионах и т.д. См.: *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 87. Примеч. 2.

⁴¹ *Тимковский В.Ф.* Опыт исследования о жизни, подвигах и ученых трудах князя Курбского. Часть первая. Жизнь князя Курбского. 1816 // ОР РНБ. ОСПК. Ф. IV. № 821. [Постраничная пагинация основной части]. С. 8.

⁴² Там же. С. 234.

мое, честное и безупречное имя”⁴³. Потеря честного имени тогда стала непреодолимым бедствием. Ф.Ф. Вигель наградит своего противника жесткой характеристикой, в которой многое кажется выражением смеси смутного чувства неприязни и восхищения со стороны мемуариста к странному “горькому пьянице”: “Родившись в веке филозофизма и либерализма, он не веровал ни в Бога, ни в добродетель; честь была единственным верованием, которое как-то в нем уцелело. Одним словом, это был величайший эгоист, настоящий человек девятнадцатого века”⁴⁴. Оставим все “-измы” для специального анализа⁴⁵ и отметим высказывание, вполне согласное с другими сведениями: “честь была верованием”.

На службе у И.А. Бахметева В.Ф. Тимковский приложил особые усилия в Комиссии по рассмотрению прав на обладание монастырским имуществом в Бессарабии, разоблачил взяточничество и показал твердость в деле Манук-Бея, стремившегося удержать в своих руках 400 тыс. десятин казенной земли. Восемь месяцев тянулся процесс. Правителю канцелярии было предложено около 50 тыс. руб. только за то, чтобы он не присутствовал на судебной комиссии, но взятка была отклонена, и вскоре бескорыстный чиновник прославился выигранным делом. Ф.Ф. Вигель пристрастен, когда пишет, что “на сих лаврах почил он и никаких других поручений от Бахметева принимать не хотел. Не сим одним вывел он его из терпения, но явным к нему неуважением и беспрестанными шутками, на счет его распускаемыми”⁴⁶. Гораздо больше о причинах неудовольствия со стороны Бахметева и его стремлении устранить деятельность сотрудника из Бессарабии сообщает Е.Ф. Тимковский. По его словам, брат был возмущен тем обстоятельством, что жена наместника В.О. Бахметева контролировала заседания Комитета, на которых рассматривались бумаги родственников Стурдзы и отчеты о снабжении русской армии во время турецкой войны; многие книги счетов со статьями на круглые суммы были преднамеренно залиты чернилами. Высказав открыто недовольство ходом заседаний, Тимковский покинул Комитет, после чего Бахметев начал распускать о нем сплетни и открыто издеваться: не сидится, мол, в Комитете, посиди на гауптвахте. Однако поводом для перевода стали не старания начальства, а приезд в Бессарабию Александра I, во время которого Василий Федорович сблизился со статс-секретарем графом И. Каподистрия, который содействовал переходу Тимковского в Коллегию иностранных дел. К этому времени (около 1817 г.) мог относиться утерянный труд ученого “История Бессарабии”⁴⁷.

В Петербурге Тимковский поселился в доме Н.П. Румянцева⁴⁸, но вернуться к историческим исследованиям не смог. Указом от 11 августа 1818 г., уже в чине коллежского советника, он был переведен в Государственную КИД, где с 23 апреля 1819 г. был начальником обоих отделений Азиатского департамента (директор – К.К. Родофиникин)⁴⁹. Об этом перио-

⁴³ ОР НБУВ. Ф. I. Д. 767а. Л. 11.

⁴⁴ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 56.

⁴⁵ Саркастические интонации Вигеля сказываются на употребляемой им терминологии. Кроме того, такое определение, как “атеист”, трудно отличить от выхолощенного маркера или эвфемизма. Сочинения В.Ф. Тимковского не содержат суждений, которые бы недвусмысленно подтвердили или опровергли его атеизм (ср.: *Шейман Л.А.* Указ. соч. С. 163–164, 187). В “Некоторых замечаниях” он, возможно, не без влияния ведомства заказчика, предлагает принять меры против безбожия (см.: *Иконников В.С.* Указ. соч. С. 87. Примеч. 2).

⁴⁶ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 54.

⁴⁷ РБС. СПб., 1912. Т. 20. С. 521.

⁴⁸ ОР НБУВ. Ф. I. Д. 767а. Л. 6.

⁴⁹ *Шейман Л.А.* Указ. соч. С. 141.

де его жизни сохранились воспоминания И.Н. Лобойко, относящиеся к 1850-м годам⁵⁰. Автор приписывает Василию Тимковскому идею просмотра государственного архива с целью “отделить дела и документы, относящиеся к Турции и Азии”⁵¹. К нему прикомандировали А.И. Лёвшина. Разбор бумаг занял два года⁵².

Лето 1820 г., согласно К.А. Полевому, Василий Федорович провел в Москве в обществе В.С. Филимонова, где состоялось его знакомство с Н.А. Полевым⁵³. Критик был посвящен в творческие планы написания биографии А.М. Курбского и позднее оповестил читателей “Телеграфа” о намерении Тимковского, “почтенного знатока отечественной Истории”, издать “Историю о великом князе Московском”, о том, что он “несколько лет занимался сим трудом”, но “другие занятия отвлекли его потом от окончания труда”⁵⁴. По записям К.А. Полевого можно понять, что к 1820 г. ученый чиновник не оставил мысли продолжить свои исторические разыскания: “Василий Федорович первоначально назначал себя также к ученому поприщу и имел к тому большие способности. Он был знаток латинской и немецкой литературы и, перешедши в службу дипломатическую, любил словесность и науки искренно”⁵⁵. Мемуарист отмечает и те качества знакомого, которые единодушно подтверждают Е.Ф. Тимковский, П.А. Вяземский, П.И. Пестель, А.П. Юшневский, Ф.Ф. Вигель, А.И. Казначеев – остроумие, граничащее с вольномыслием: “Он отличался в обществе чистым малороссийским юмором, даже говорил с сильным акцентом малороссянина и, кажется, даже умел употреблять это как дипломат, высказывая с видом шутивного простодушия многое, чего нельзя выразить в обыкновенных формах разговора. Это же свойство ума чрезвычайно скоро сближало с ним, потому что он был и умен, и остр, и учен с какою-то беспечною веселостию”⁵⁶.

В.Ф. Тимковский знает “чуть не наизусть” Горация, цитирует его во время дружеских пиров, применяет “к настоящему сближения из истории греческого и римского мира”⁵⁷. Юмор превращал его в “душу компании” и еще не был похож на желчь, которой он будет пугать чиновничество после 14 декабря. Острый, едкий, но это был именно юмор. Античность переходила в повседневность, и московское окружение Тимковского даже после его отъезда продолжало беседы “за бутылкой хорошего вина”, во время которых Филимонов – “Меценат”, а Николай Полевой – “Юноша”.

В 1820 г. Василий Федорович становится председателем Оренбургской пограничной комиссии. Тогда же ему была предложена поместная земля в Бессарабии, но он от нее отказался. К.К. Родофиникину не импонировало усердие подчиненного, который позволял себе держаться перед ним свободно: “Вы, Василий Федорович, слишком глубокомысленны, а мы любим делать дело на походе”⁵⁸. На упрек в непонимании “дидактической части” рабо-

⁵⁰ РО ИРЛИ. Ф. 154. Д. 40. Л. 38–39. Отрывок не датирован. Перед разделом о В.Ф. Тимковском карандашные записи на л. 37 об. относятся к 23 ноября 1856 г.

⁵¹ Там же. Л. 38–38 об.

⁵² Там же. Л. 38 об. И.Н. Лобойко полагал, что департамент открылся только после двухлетней архивной работы Тимковского и Лёвшина. Это неверно: Азиатский департамент существовал с 1797 г., а в 1819 г. был отделен от КИД. 1818 г.

⁵³ Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., авт. вст. ст. и коммент. В.Н. Орлов. М., 1934. С. 132–133.

⁵⁴ Полевой Н. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 2. С. 40–41. Благодарю А.Н. Бачинина, любезно обратившего мое внимание на знакомство Н.А. Полевого с трудами В.Ф. Тимковского.

⁵⁵ Николай Полевой: Материалы... С. 132–133.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 7.

ты Тимковский отвечал: “Охотно уступаю Вам в этом, тем более, что не понимаю дидактики в нашем деле”⁵⁹. Сотрудники прямо приписывали заслуги в работе Департамента Василию Федоровичу в обход директора, что его раздражало, и он только содействовал назначению Тимковского в Оренбург, где тот приступил к делу о судьбе хана киргизов Меньшей орды Ширгазы Айчувакова и его противника богатыря Аругазы, а также начал борьбу с жестким и слабоумным чиновником П.К. Эссеном. Колкий на язык председатель Комиссии при поддержке А.И. Лёвшина успел составить отчет для КИД и боролся с оренбургской администрацией против мнения о неблагонадежности хана и за смягчение политики по отношению к киргизам⁶⁰. Борьба закончилась вмешательством царя и его решающей резолюцией: “Совершенно согласен с мнением Тимковского”, после чего вскоре в апреле 1821 г. коллежский советник вернулся в Петербург⁶¹.

По указу от 19 февраля 1822 г., после письменной просьбы А.П. Ермолова от 8 сентября 1821 г., Тимковский прибывает в его распоряжение в начале ноября 1822 г.⁶² и остается на Кавказе до конца 1824 г. Осенью 1822 г. он оказался проездом в Москве, где встретился с племянниками⁶³.

Главноуправляющий Кавказа предлагал издать сборник судебных обычаев народов, присоединенных от Персии⁶⁴. А.П. Ермолов в письме к графу К.В. Нессельроде просил отправить к нему чиновника КИД для “разных поручений”, преимущественно для дел, относящихся “до устройства и образования ханств, вступивших из-под Персидского владения в подданство России и кочевых народов, в Кавказской и Астраханской губернии обитающих”⁶⁵. Просьба касалась В.Ф. Тимковского, уже известного генералу в качестве председателя Оренбургской пограничной комиссии, “по его правилам и усердию к службе, и имеющего сведения о Азии”⁶⁶. Необходим был исследователь, эксперт, который бы “три или четыре месяца” перед поездкой за помощью одного или двух чиновников составил подборку сведений в архивах КИД и других министерств по теме своих будущих занятий.

Издание не было осуществлено. Объяснения современников не раскрывают причин этого. Ф.Ф. Вигель, как обычно, возмущен ленью Тимковского, который каждый день собирался заняться делом, но так и не собрался в течение полутора лет. По мнению Е.Ф. Тимковского, всему виной был “Проконсул”, занятый лишь интригами и борьбой с Нессельроде и Гурьевым⁶⁷: “Оставаясь в бездействии, Василий Фед[орович] увлекся и там-то развилась в нем

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Шейман Л.А. Указ. соч. С. 147–161, 166 и сл., 192.

⁶¹ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 55; ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 7 об.; РО ИРЛИ. Ф. 725 (А.О. Корнилович). Д. 1. Л. 20, 22 об., 24–25.

⁶² Освобождение от дел Оренбургской пограничной комиссии последовало 10 марта 1822 г. (АВПРИ. Ф. 347. IV-1. 1821. Д. 17. Л. 13). О прибытии в распоряжение Ермолова Тимковский сообщил письмом от 7 ноября 1822 г. (Там же. Л. 17). В декабре генерал ходатайствовал за подопечного. В письме к Нессельроде он писал, что Министерство финансов назначило чиновнику только столовые деньги, хотя по указу от 19 февраля должно было следовать и жалованье, которое было выдано ему еще ранее за 1821 г. Деньги за 1822 г. были переданы в январе 1823 г. Е.Ф. Тимковскому в размере 2970 руб. “за вычетом на Госпиталь”. Всего Василию Федоровичу назначено 3000 руб. жалованья и 1200 руб. столовых (Там же. Л. 18–33). Упоминание госпиталя может свидетельствовать о развивающейся болезни. Размер жалованья не изменился при назначении на пост гражданского губернатора в 1825 г.

⁶³ ОР НБУВ. Ф. 32. Д. 190. Л. 119.

⁶⁴ Там же. Ф. 1. Д. 767а. Л. 7 об.–8.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 347. IV-1. 1821. Д. 17. Л. 5.

⁶⁶ Там же. Л. 5 об.–6.

⁶⁷ Подробнее об этом см.: Давыдов М.А. “Оппозиция Его Величества”: Дворянство и реформы в начале XIX в.: Учеб. пособие. М.; Göttingen, 1994. С. 72–73, 100.

несчастливая склонность к крепким напиткам”⁶⁸. Кажется, склонность появилась раньше. В октябре 1814 г. он закончил путешествие по землям лужицких сербов бутылкой старого хорошего Вирцбургского (“пил, читал некоторые стихи в стихотвореньи Пешковым, – наслаждался бытием моим – еще пил, не мог читать – молчал, упивался и вином, и удовольствием”⁶⁹), летом 1820 г. он был завсегдатаем ежедневных “медленных обедов” с бутылкой хорошего вина у В.С. Филимонова. Очень осторожен в своих оценках в письме от 5 сентября 1824 г. из Нальчика А.П. Ермолов. Он пишет, что Тимковский выполнил бы “все поручения”, “но слабое здоровье статского советника Тимковского с прибытием его в Грузию расстроилось еще более и, наконец, болезнь его усилилась до такой степени, что, по заверению здешних врачей, одна перемена климата и пользование наилучших медиков в столице могут восстановить его здоровье”⁷⁰.

Близкое впечатление передает Е.Ф. Тимковский в письме к М.А. Максимоичу от 13 мая 1824 г.: “Я не очень давно получил письмо от брата В.Ф. Он не совсем здоров, и будет нынешним летом пользоваться минеральными водами, по сую сторону Кавказа находящимися. Кажется, обстоятельства скоро приведут его в наши объятия. Пиши к нему чаще; спрашивай его совета в твоих занятиях; он гораздо опытнее меня”⁷¹. Видимо, Василий признался брату в намерении покинуть Тифлис (и Георгиевск). Воды не помогли.

К 28 января 1825 г. статский советник возвратился из Тифлиса в Петербург, побывав по пути в д. Турановке у старшего брата Ильи. Некоторое время Василий Федорович пользовался в Азиатском департаменте все той же двусмысленной опекой К.К. Родофиникина. В подписанном им рапорте в Министерство финансов объяснение Ермолова было обращено на пользу Тимковскому. Принимая в соображение “особенно ревностное служение и болезни, от усилия при выполнении поручений начальства полученные”⁷², генерал, по словам директора, ходатайствует о сохранении ему содержания, что и было исполнено. Хлопоты заставляют смягчить точку зрения Егора на отношения между братом и его начальником, возможно, почерпнутую из разговоров с Василием.

Указом от 26 августа 1825 г. последовало назначение Тимковского Бессарабским гражданским губернатором. Отставка с этого поста К.А. Катакази рассматривалась с февраля 1825 г., а новому кандидату содействовал А.И. Лёвшин⁷³. И.Н. Лобойко считает, что повышением Василий Федорович был обязан К.К. Родофиникину, который, в благодарность за помощь в достижении поста директора Азиатского департамента, “доставил Тимковскому место гражданского губернатора в Бессарабии”⁷⁴. Нет оснований исключать помощь Родофиникина своему подчиненному, однако она не объясняется необходимостью карьерного взъядания⁷⁵.

⁶⁸ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 8.

⁶⁹ Там же. Д. 2332. Л. 57 об. и сл.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 347. IV-1. 1821. Д. 17. Л. 30–30 об.

⁷¹ ОР НБУВ. Ф. 32. Д. 191. Л. 120. Максимович посвятил дядям, Василию и Егору, свою “Зоологию”, которую прислал из Москвы в Петербург к июлю 1824 г. См.: Там же. Д. 192. Л. 122–123 об.; Д. 193. Л. 124–125.

⁷² АВПРИ. Ф. 347. IV-1. 1821. Д. 17. Л. 39–39 об., 40–40 об.

⁷³ Архив СПб. ФИРИ РАН. РС. Ф. 238 (Н.П. Лихачев). К. 136. Д. 11. Л. 1–6; РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825 г. Д. 299. Л. 1–4; ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 8; Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 46.

⁷⁴ РО ИРЛИ. Ф. 154. Д. 40. Л. 38 об.

⁷⁵ Отношения между ними были более чем натянутыми. Об этом неоднократно упоминает Е.Ф. Тимковский. Вместе с тем, слух, переданный И.Н. Лобойко, косвенно подкрепляется заботой К.К. Родофиникина о служебном положении В.Ф. Тимковского, у которого в 1826–1828 гг. появились серьезные препятствия для развития карьеры.

Другой, разочарованный недоверием графа М.С. Воронцова, претендент на губернаторство, Ф.Ф. Вигель около 29 декабря 1825 г. отмечал: “О Тимковском не было ни слуху, ни духу: по назначении своем пятый месяц без дела и без всякого предлога проживал он в столице. Сей странный человек ничем не дорожил и никем не уважал. Может быть, хотелось ему протрезвиться перед выездом, дабы не совсем в пьяном виде явиться на губернаторство, но, видно, в этом никак не успевал”⁷⁶.

Трудно принять едкие упреки мемуариста (позднее он и сам смягчит оценки произошедшего). В Петербурге разворачивались события, помешавшие Василию Федоровичу своевременно выехать.

Долгое рассмотрение вопроса о его подъемных деньгах и окладе затянулось в связи с отъездом А.А. Аракчеева в Грузино и Александра I в Таганрог. Речь шла о выплатах за 1824 г., и требовалось личное участие губернатора в разбирательстве. Смерть императора и переприсяга нарушили все планы. “Этим промедлением в отъезде, – записал Е.Ф. Тимковский, – воспользовались враги Василия Фед[оровича], и так как по случаю второй присяги Императору Николаю Павловичу (12 декабря) Ермолов долгое время не высылал с Кавказа новых присяжных листов по причине разбросанности отрядов, – то, бросив тень подозрения на Ермолова, они выставили и Василия Фед[оровича] эмиссаром Ермолова, присланным набирать для него партию и участвовать в возмущении, происшедшем 14го декабря 1825 года”⁷⁷.

Общество Отдельного Кавказского корпуса под руководством “Проконсула” вызывает противоречивые суждения исследователей⁷⁸. М.В. Нечкина принимает возможность существования заговора и причисляет к нему А.И. Якубовича, Н.П. Воейкова и В.Ф. Тимковского⁷⁹. Н.Я. Эйдельман считает, что “Кавказское общество” оказалось прежде всего фигурой в замысловатой следственной игре П.И. Пестеля⁸⁰. Как показывает М.А. Давыдов, отношение А.П. Ермолова к революции было сугубо отрицательным. Хотя современники замечали его заговорщическую деятельность и пособничество деятелям тайных обществ, для него такая помощь была разновидностью “постоянной заботы о подчиненных всех рангов”⁸¹. На него рассчитывали, но в решающий момент, не поддержав ни одну из сторон, он не оправдал ничьих ожиданий⁸². Важно все же, что у следствия были основания поверить Пестелю (или использовать его) и привлечь Ермолова. Однако, на мой взгляд, появление имени Тимковского в списке заговорщиков имеет основания и причины, независимые от степени достоверности показаний декабристов о “Кавказском обществе”.

Известно о дружеских отношениях В.Ф. Тимковского со многими представителями тайных обществ. Егор Федорович во второй версии своих воспоминаний добавляет на полях карандашом, что, по словам декабриста, его брата посещали А.И. Якубович, Алексей, Александр, Егор и Петр Толстые⁸³. Среди его знакомых Л.А. Шейман обоснованно называет также В.И. Штейн-

⁷⁶ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 81.

⁷⁷ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 8.

⁷⁸ Л.А. Шейман никак не аргументирует свое предположение о том, что “наиболее вероятным организатором” конспиративных встреч Общества на Кавказе в 1823 г. был В.Ф. Тимковский (ср.: *Шейман Л.А.* Указ. соч. С. 144 и сл.).

⁷⁹ *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 2. С. 111, 207.

⁸⁰ *Эйдельман Н.Я.* Вьеварум. Лунин. М., 1995. С. 366 и сл.

⁸¹ *Давыдов М.А.* Указ. соч. С. 185.

⁸² Там же. С. 166–189.

⁸³ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 11. В материалах Следственной комиссии автору подобной информации обнаружить не удалось.

геля, А.А. Авенариуса, С.Г. Волконского, П.Х. Граббе, Н.Н. Муравьева-Карского, А.А. Муханова, С.Д. Нечаева⁸⁴.

Долголетнее знакомство связывало Тимковского с Корниловичами. С дядей декабриста, Степаном Ивановичем, сотрудничество могло начаться в 1816 г. в Кишиневе, когда оба под начальством генерал-лейтенанта И.А. Бахметева занимались вопросами межевания казенных земель⁸⁵. В это время (с 8 мая 1816 г.) А.О. Корнилович получил разрешение А.Ф. Малиновского на работу в МАКИД и приступил к исследованию военной истории XVIII в.⁸⁶ Василий Тимковский, закончивший книгу об А.М. Курбском, уже тогда мог заинтересоваться службой “архивного юноши”. Сохранилось несколько писем 1821 г. от С.И. Корниловича племяннику, в которых Василий Федорович упоминается как их общий близкий знакомый⁸⁷. О частых встречах с ним Александра Осиповича свидетельствует также записка Тимковского от 29 октября (1821 г.?) с извинениями, что “настоятельность службы” не позволила ему ответить в Кишинев, “а связь родственная, требующая посещения Именинницы, лишает меня приятного случая видеть у себя Вас, любезный Александр Осипович, и Г. Семенова. Не теряю надежды, что неудобства сии исправятся скоро. Прошу сказать мое усердие Петру Александровичу”⁸⁸. Теплые отношения сохранились, 10 июня 1823 г. А.О. Корнилович писал дяде, что В.Ф. Тимковский рассказывал о Степане Ивановиче что-то “доброе” А.И. Лёвшину⁸⁹. Интересно, что Александр Осипович вступил в тайное общество, познакомившись в Тульчине и Линцах с Пестелем и Юшневским в 1825 г., после чего он отправился с письмами для Северного общества в Петербург, где был схвачен незадолго до восстания⁹⁰. Учитывая планы лидеров Южного общества принять В.Ф. Тимковского в свои ряды, можно допустить попытку Корниловича связаться с ним тоже.

Уникальные известия о настроении брата в первые дни следствия и об атмосфере подозрительности и недоверия сохранил в своих мемуарах Е.Ф. Тимковский. К сожалению, он не определяет точных дат описываемых событий, но некоторые уточнения можно внести по архивным данным.

В.Ф. Тимковский к декабрю 1825 г. жил в доме поэта С.А. Неелова. После восстания на Сенатской площади и наговоров “дипломатов” напротив этого дома в хлебном магазине был создан наблюдательный пункт, и переодетый судебный пристав тщательно собирал информацию о поведении и посетителях Тимковского. И.И. Дибич вскоре вызвал к себе подозреваемого. На третий день после конфиденциального разговора с военным генерал-губернатором состоялся прием у Николая I. В январе 1826 г. Василий Федорович дважды вызывался на аудиенцию к монарху, 3 и 10-го, в воскресные дни. Трудно сказать, сколько таких встреч состоялось. Думаю все же, что одна. Чиновник должен был представиться императору. Первое приглашение от имени В.С. Ланского датируется 31 декабря 1825 г., и в нем говорится о желании Николая I принять Тимковского 3 января “по прежнему порядку”. Та

⁸⁴ Шейман Л.А. Указ. соч. С. 141–143.

⁸⁵ РО ИРЛИ. Ф. 725. Д. 1. Л. 11.

⁸⁶ Там же. Л. 12, 52–52 об., 54, 56, 275.

⁸⁷ Тимковский попросил прислать из Кишинева какую-то карту, которая и была ему отправлена в июне 1821 г. (Там же. Л. 20, 22 об.). До декабря Василий Федорович так и не ответил знакомому (Там же. Л. 24–25, 27 об.).

⁸⁸ Там же. Л. 89. Согласно православному календарю, 29 октября именинницами являются Анастасия, Мария, Анна. Поскольку речь идет о родственнице, может быть, Тимковский праздновал именины сестры Марии.

⁸⁹ Там же. Л. 110.

⁹⁰ Там же. Л. 275–276 об.

же формула значится во втором приглашении на 10-е⁹¹. Видимо, аудиенция должна была произойти 27 декабря 1825 г., но была отложена и перенесена ровно на неделю, затем еще на неделю. В таком случае, встречу с И.И. Дибичем следует отнести к 7 января. Однако, скорее всего, она состоялась еще в декабре.

Оттягивание отпускной аудиенции, за которой должен был последовать отъезд чиновника на место службы, могло быть связано с ознакомлением при дворе с послужными данными Василия Федоровича и подключением их к делу декабристов. Но Е.Ф. Тимковский передает слова В.С. Ланского, из которых ясно, что к моменту получения императором известий о подозрениях на губернатора аудиенция уже состоялась и произвела на Николая благоприятное впечатление. Показания П.И. Пестеля и А.П. Юшневского о “Кавказском обществе” относятся к 4–5 января⁹². Дом С.А. Неелова какое-то время был под наблюдением, из чего ясно, что информация или подозрение о причастности Тимковского появилась у Комиссии еще до того, как император узнал о названных показаниях, и, возможно, до самих показаний. Тема и тон разговора с И.И. Дибичем также показывают полную неосведомленность обоих собеседников о существовании обвинений против Василия Федоровича. Дибич не обращает внимания на встречный вопрос, официально ли или из частного любопытства спрашивает он его о А.П. Ермолове. Никакой двойной игры не чувствуется, а ответы Тимковского “в наилучших выражениях об Ермолове” оказываются искомым результатом для собеседника и он предлагает подтвердить их перед императором⁹³.

Из этого скорее следует, что недавно назначенный Бессарабский губернатор рассматривается как незаинтересованное лицо, как возможный свидетель заговора, но не как его участник. Вряд ли к 10 января государь ничего не знал о показаниях недельной давности и встреча прошла так безоблачно, как ее изобразил Е.Ф. Тимковский (конечно, со слов брата) в многочасовой беседе о положении Кавказа и Бессарабии, о чуме и карантинах⁹⁴.

Остается загадкой, действительно ли Николай оставался в неведении относительно распускаемых слухов насчет губернатора или старательно скрывал свою осведомленность, чтобы не наносить преждевременных и оскорбительных для честного чиновника ударов по его репутации. А.П. Юшневский говорил только об опасном уме и смелом образе мыслей В.Ф. Тимковского и о своей переписке с ним около 1818–1819 гг. П.И. Пестель распорядился принять губернатора в Южное общество в Тульчине, где тот должен был оказаться проездом в Бессарабии. Как скажет потом Николай I, этого было недостаточно для наказания.

Пока шло рассмотрение дела, приезда родственника с нетерпением ждали Максимовичи, о чем они часто писали в Москву к сыну: “Дяденьке Василию Федоровичу скажи наше почтение и прежнее желание его видеть” (21 октября 1825 г.)⁹⁵, “о дяденьке В.Ф. слышим, что его ожидают в Турановке, а я каждые газеты смотрю о приезжавших в Москву, и все нет да нет” (11 ноября 1825 г.)⁹⁶, “мы, бывши в Новгороде (Северском. – К.Е.), слышали

⁹¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825 г. Д. 299. Л. 5–8.

⁹² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 398. Л. 60–60 об.; Восстание декабристов: Документы / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1986. Т. 16: Журналы и докладные записки Следственного комитета. С. 219, 235.

⁹³ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 8.

⁹⁴ Там же. Л. 9 об.

⁹⁵ Там же. Ф. 32. Д. 129. Л. 6 об.

⁹⁶ Там же. Д. 130. Л. 7 об. Здесь и далее в отрывках из переписки пунктуация привнесена мной. Орфографические особенности подлинников сохраняются, кроме знаков, вышедших из употребления.

от дядиньки, что дядя Василий Фе[дорович] со дня на день собирается к нам с своим приездом, но Бог знает, что это значит, что его а сю пору нет” (31 января 1826 г.)⁹⁷. Только 3 февраля, как явствует из письма Гликерии Федоровны сыну, приходит известие от Василия и Егора Тимковских: “Вчера мы получили письмо с Петербурга от обоих дядинок и, наконец, слава Богу, я успокоилась, что они здоровы и благополучны; они отпустили свое письмо 19 января, и пишет дядинька, что выедет непременно чрез 5 или 7 дней; о, принеся его Бог поскорее; только жаль, милочка, что он не пишет на Москву, вот и ты, мой друг, порадуется его увидевши, ибо я уже знаю, как ты желал этого”⁹⁸. Однако, пообещав родственникам покинуть Петербург к концу января, Василий Тимковский не выполнил обещания.

Очередная задержка вызвана все тем же делом Следственной комиссии. Возможно, к середине января относится следующий сюжет воспоминаний Е.Ф. Тимковского. Василий собрал вещи и готовился выехать, но ждал жалованья и подорожных и “еще медлил, кажется, по страсти к* Х.Я. В[ольф]”^{2**99}. Племянник А.П. Башуцкого должен был ехать с Тимковским до Глухова, но узнал о расследовании и уехал один, рассказав Егору Федоровичу о причинах поспешности. Егор не стал тревожить брата, но однажды обратился к нему и посоветовал самому посуетиться по поводу жалованья, так как “скоро начнет таять дорога и путь будет тогда труден”¹⁰⁰. Это произошло ближе к весне. Действительно, 5 февраля 1826 г. статский советник подал просьбу управляющему МВД выдать жалованье по 1 февраля¹⁰¹. Скорее всего, и описанные Егором Федоровичем мытарства Василия с получением денег относятся к началу февраля. Василий Федорович явился к А.П. Бутеневу и услышал, что подорожная не прислана. Во второй раз Бутенев “предложил Василию Фед[оровичу] похлопотать самому в Канцелярии Военного Генерал-Губернатора Кутузова”¹⁰². Дважды Тимковский был встречен в Канцелярии отговорками. И вот, в одно утро к нему на квартиру пришел полицейский и объявил, что В.С. Ланской просил приостановить выдачу подорожных до серьезного разговора, якобы “по Бессарабским делам”¹⁰³. Василий почувствовал, что его обманывают, и тогда Егор рассказал все, что узнал раньше от офицера: “Рассказ этот сильно огорчил Василия Фед[оровича]: после ругательств употреблены были и сигары в значительном количестве, и мадера”¹⁰⁴. Драматизм ситуации заключался в том, что Василия Тимковского скрыто оскорбили и ославили. Это для честного человека и дворянина было унижительно, равносильно предательству, лишало его возможности отстаивать свою правоту и делало невозможной дальнейшую службу.

На следующий день после полицейского, сигар и мадеры состоялась встреча с министром. Ланской прямо открыл Тимковскому содержание показаний А.П. Юшневского.

Члены Комиссии передали показания государю. Ланской прибавил: “Государь однако выразился об вас самым милостивым образом, говорил, что знает вас лично с прекрасной стороны и не хочет верить, чтобы вы были за-

⁹⁷ Там же. Д. 137. Л. 22.

⁹⁸ Там же. Д. 138. Л. 23–23 об.; Д. 139. Л. 25 об.–26; Д. 141. Л. 28 об.

* Страсти к исправлено на некотором увлечению.

^{2*} Сверху карандашом и обществом своих друзей.

⁹⁹ Там же. Ф. I. Д. 767а. Л. 9 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 10.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. 1825 г. Д. 299. Л. 9.

¹⁰² ОР НБУВ. Ф. I. Д. 767а. Л. 10–10 об.

¹⁰³ Там же. Л. 10 об.

¹⁰⁴ Там же.

мешаны; что он преследует законом виновные деяния, а образа мыслей преследовать не желает; что, наконец, если это нужно, можно, под благовидным предлогом, замедлить отъезд ваш из Петербурга до тех пор, пока объяснится дело”¹⁰⁵. Итак, император, прямо не привлекая подозрительного чиновника, стремился скрыть от него наветы. Тимковский запомнился ему как верный “сослуживец”¹⁰⁶. Клевета, между тем, потрясла Василия Федоровича, и значение теперь имело не отсутствие собственно вины, кроме “образа мыслей”, и не мнение государя, пусть положительное, а сам факт привлечения его имени к порочащему следствию. И он тут же прямо и громко высказал все Ланскому, чем напугал его и заставил прекратить встречу обещаниями, что “все объяснится к лучшему”¹⁰⁷. Последнее уже не имело значения.

Страдающий недостатком здоровья В.Ф. Тимковский отреагировал на потрясения “новыми излишествами”. Никакого успокоения “благополучное объяснение” не принесло: “мыши похоронили кота”. Чиновник не выходил из дому, прогоны и подорожные были доставлены ему лично. Быстро были собраны вещи, и он отправился на юг. Дальнейшие события демонстрируют как обострение его болезней и привычек, так и открытый вызов обществу, мстительную разнузданность, презрение к нормам служебного поведения и чиновному миру. Остроумие не покидает мыслителя, но становится желчным, безжалостным и граничит с жестокостью. Убитый морально, он совершает медленное социальное и физическое самоубийство.

Ф.Ф. Вигель после 6 февраля записал, что “Тимковский из Петербурга и не думал ехать”, но вскоре А.И. Лёвшин писал ему, что “Тимковский совсем на отъезде”¹⁰⁸. Каким-то образом в Турановке разузнали к 14 февраля, что Василий Федорович не остановится в Москве. Гликерия Максимович писала сыну: “Он едет на Белоруссию, и ожидаем его не со дня на день, а с минуты на минуту, и я думаю, он сегодня или завтра непременно будет, ибо уже дяденька И[лья] Ф[едорович] и лошадей на подставу велел превезть в Новгород”¹⁰⁹.

В личном архиве М.А. Максимовича сохранилось письмо к нему дяди Василия от 16 февраля о том, что он намеревается 20 февраля выехать в “Бессарабскую Область”, 23-го быть в Москве и через день или на следующий отправиться на Глухов и Киев. “Причины, удерживавшие меня здесь так долго, были естественны и обыкновенны”, – дань цензуре. Затем подробно обрисован круг московских знакомых губернатора – это Д.Е. Василевский, Пичугины, Познанские, А.И. Базилевич, кн. П.Д. Черкасский¹¹⁰. К этому кругу можно, по другим источникам, добавить В.С. Филимонова, Полевых, В.П. Ризелие, И.И. Давыдова, В.П. Титова¹¹¹. В это же время В.Ф. Тимковский переписывается (и встречается) с К.Я. Булгаковым, которому сообщает о намерении выехать 20 февраля¹¹².

Точную дату называет Е.Ф. Тимковский. С письмом от 21 февраля он передает в Москву М.А. Максимовичу первый том своего “Путешествия в Ки-

¹⁰⁵ Там же. Л. 11.

¹⁰⁶ Завершая описание ранее упомянутой аудиенции, Егор Федорович во второй версии воспоминаний на поле карандашом записывает даже последние слова Николая: “Вижу, что в вас я имею одного из лучших моих сослуживцев в России” (Там же. Л. 9 об.).

¹⁰⁷ Там же. Л. 11 об.

¹⁰⁸ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 86–87.

¹⁰⁹ ОР НБУВ. Ф. 32. Д. 140. Л. 26–26 об., 27.

¹¹⁰ Там же. Д. 188. Л. 115–115 об.

¹¹¹ Там же. Д. 189. Л. 117–117 об.; Д. 191. Л. 120 об.–121; Д. 193. Л. 125–125 об.; Д. 195. Л. 127 об.; Д. 196. Л. 129; Д. 197. Л. 130.

¹¹² ОР РГБ. Ф. 41 (Воронцовы). К. 135. № 25. Л. 1, 3.

тай” и замечает: “Ты получишь сию книгу от брата Василия Ф., который сегодня отправляется в свою Бессарабию”¹¹³. Ф.Ф. Вигель пишет, что за несколько дней до его приезда в Петербург (около 21 марта) новый губернатор, наконец, выехал¹¹⁴. Можно полагать, отъезд состоялся значительно раньше появления Вигеля в столице, и наиболее надежна дата из письма Е.Ф. Тимковского. Дело в том, что уже 15 марта Василий достиг Турановки, а через неделю был на Заводе у Максимовичей¹¹⁵. Трудно представить, что дорога из столицы на Украину заняла меньше двух-трех недель.

“Узнавши об его приезде и надеясь услышать новости о происходящем в Петербурге, – рассказывает Егор Федорович, – в Турановку съехалось много знакомых, но В.Ф., не отвечая на все расспросы, или читал гостям сказку о Бове-Королевиче и восхищался ею, или рассматривал картину, как мыши kota хоронят”¹¹⁶. Нетрудно представить причины напускного юродства. Родственники могли расспрашивать о следствии над декабристами и тем невольно задеть оскорбленное самолюбие Василия. Неслучайны и выбранные им пространственные (и преследуемые церковью¹¹⁷) сказочные сюжеты, в которых сильны мотивы унижения и предательства.

Видимо, долго гостить у родственников он не собирался и, по словам Г.Ф. Максимович, 25 марта должен был выехать в Чернигов¹¹⁸. Распутица не позволяла торопиться, и целый месяц Василий промаялся в Турановке, на Заводе, в Локотках и Рославце. Как пишет сестра Гликерия, “22 апреля в 8 часов утра мы простились с своими радостями, с своим утешением, может быть и надолго”¹¹⁹.

Через Одессу Тимковский прибыл в Бессарабию. Здесь он сразу же показал себя как жесткий управляющий (почти кощунственно резко в условиях постоянной угрозы эпидемии звучат его слова – “при мне чумы не будет: чума любит ленты и аренды; а мне ни лент, ни аренд не нужно”¹²⁰). Он заострял свои замечания служащим, старался придать своим упрекам вызывающую, шокирующую форму, зная, что в таком виде они дойдут до графа М.С. Воронцова. Так и получалось: его слова “были переносимы” графу “вместе с известиями, что Губернатор пьет много вина и в эту пору не щадит никого в своих речах”¹²¹. Граф Ф.П. Пален старался сохранить бюрократическую идиллию и не допускать на юге отставок и смещений со службы. Казалось, губернатор Кишинева делает все, чтобы помешать этим планам. Притом какая-то часть тамошнего общества была на его стороне. 30 октября 1826 г. Н.С. Алексеев писал А.С. Пушкину: “Место Катакази занял Тимковский, ты его верно знаешь: он один своим умом и любезностью улаживает скуку”¹²².

Между тем, слухи о поведении гражданского губернатора появились в Петербурге. Во время турецкой миссии по случаю заключения Аккерманской конвенции Василий Федорович вступил в конфликт с гостями и однажды, “в нетрезвом виде, разговаривая с турецкими чиновниками в заседании

¹¹³ ОР НБУВ. Ф. 32. Д. 194. Л. 126.

¹¹⁴ Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 95, 97.

¹¹⁵ ОР НБУВ. Ф. 32. Д. 143. Л. 32–33.

¹¹⁶ Там же. Ф. 1. Д. 767. Л. 11 об.

¹¹⁷ См. об этом: *Рункевич С.Г.* Александро-Невская лавра. 1713–1913. СПб., 1913. С. 553.

¹¹⁸ ОР НБУВ. Ф. 32. Д. 143. Л. 32–33.

¹¹⁹ Там же. Д. 145. Л. 35–35 об.

¹²⁰ *Вяземский П.А.* Полн. соб. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 131.

¹²¹ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а7 Л. 12; ОР РГБ. Ф. 18 (Н.П. Барсуков). К. 5. Д. 68. Л. 17–17 об.; Записки Ф.Ф. Вигеля. Ч. 7. С. 97, 195.

¹²² *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. 2-е изд. М., 1996. Т. 13. С. 300.

Комиссии, выхватил у одного из них кинжал и начал им размахивать”¹²³. Видимо, именно после инцидента с кинжалом активизировались доносы “дипломатов” (если не имеются в виду представители турецкой миссии), стремившихся воспользоваться моментом и устранить неуживчивого чиновника. А.И. Казначеев в письме от 25 декабря 1826 г. тайно сообщил И.П. Липранди о том, что губернатор “очернен перед Государем дипломатами” и возможна из столицы “невыгодная смена”¹²⁴. Насколько нежелательно подобное развитие событий, показывают следующие строки: “Однако же думаю, что если Вас[илий] Федорович чувствует в себе довольно силы прекратить всякое сношение с веществом, отягчающим иногда умную и благородную его голову, то пусть остается на своем месте, примется за работу и делами опровергнет хулу, достигшую до престола увеличенную и обезображенную. Мы его любим и уважаем, но все-таки не можем разуверить, что он изъят от слабости разстраивать себя иногда вином, иногда желчью своею, иногда болезнию. Теперь пришел ужасный перелом его служебному пути. Чтобы отклонить его, надобно, чтобы он себя переломил, очнулся и подвинул мощные свои способности для ниспровержения неблагонамеренных дипломатов, восстановления себя и пользы службы. Не оставляйте его в горе, ободрьте сколько можно, дабы не случилось нещастия”¹²⁵. Тимковского любят и уважают, ценят “умную и благородную его голову”, “мощные способности” и призывают взяться за работу. В жизни и общении, видимо, он остается прежним остроумным и добродушным, “душой компании”. И все же, А.И. Казначеев тонко почувствовал душевный надлом в Василии Федоровиче, и речь уже шла не о “восстановлении себя и пользы службы”, а о приближении нещастия (не без сознательного содействия Тимковского). О том же говорит Г.Ф. Максимович: “Брат Василий живет в Кишиневе. Ах! Как жаль брата Василия, сам себя губит”¹²⁶.

К.К. Родофиникин просил Егора Федоровича выволить брата со службы. И вскоре тот и А.И. Лёвшин написали в Бессарабию, советуя губернатору взять годичный отпуск “для излечения”. Благодаря содействию Ф.П. Палена и М.С. Воронцова, А.А. Закревский согласился на годичный отпуск с сохранением содержания в 14 тыс. руб. асс. Год Тимковский прожил в Кишиневе, и затем в 1829 г. был окончательно уволен с пенсией в 1 тыс. руб. асс.

Отставки не последовало¹²⁷. Василий Федорович в конце 1829 г. приехал в Петербург и поселился (до весны 1830 г.) у брата Егора, который исходатайствовал для него должность эксперта при Азиатском департаменте на 500 руб. асс. в месяц. Восстановились и отношения с Бутовскими и Вольф, но женитьба не удалась. «Вообще, по возвращении своем из Бессарабии в Петербург, – пишет Егор Тимковский, – Василий Фед[орович] более и более стал поддаваться грустному настроению духа. Посещая дом братнего тестя, П.В. Криницкого, он нередко уходил на крыльцо, спускавшееся из дому в сад, и там, садясь на нижних ступеньках, задумывался. Когда старались выводить его из этой задумчивости и приглашали его присоединиться к собирающемуся обществу, он не раз говаривал: “Оставьте меня; разве вы не видите, что я нахожусь в точке замерзания”. Иногда же, присоединясь к обществу и находя в нем лиц, бывших в близком отношении к Родофиникину,

¹²³ ОР НБУВ. Ф. 1. Д. 767а. Л. 12.

¹²⁴ ОР РГБ. Ф. 18. К. 5. Д. 68. Л. 17.

¹²⁵ Там же. Л. 17 об.

¹²⁶ ОР НБУВ. Ф. 32. Д. 198. Л. 132; Д. 217. Л. 167.

¹²⁷ Ср.: Шейман Л.А. Указ. соч. С. 147.

в их присутствии пускался в разбор его действий и поступков, добавляя, что, если бы только мог, повесил бы Родофиникина на кишках Нессельрода; что нередко приводило в смущение и П.В. Криницкого, и его гостей, и самого Егора Фед[оровича]»¹²⁸.

Вызывающее желание “повесить одного начальника на внутренностях другого” вписывается, казалось бы, в образ свободомыслеющего радикального республиканца. П.А. Вяземский (точнее, инкогнито NN, герой его записных книжек) говорил: “В Петербурге есть Тимковский Катон-цензор, а этот просто Тимковский-Катон”¹²⁹. В историографии предпринимались попытки сопоставлять подобные замечания со строками А.С. Пушкина о П.Я. Чаадаеве – “Он в Риме был бы Брут...” И все-таки вольномыслие неудачливого римлянина предстает самодостаточной повседневной практикой (все та же “*bavardage atroce*”¹³⁰), не переходящей в четкую политическую программу, что, впрочем, отмечается и у многих действительных участников декабристского движения¹³¹. По крайней мере, не следует забывать, что *какие-то* запрещенные идеи смелый чиновник высказывал “с видом шутливого простодушия”, с ученой веселостью во время “медленных обедов”.

“Горьким пьяницей” Василий Федорович стал вследствие карьерных и личных неудач, по физической слабости, но, не в последнюю очередь, потому, что пьянство и помешательство (“точка замерзания”) в определенной системе ценностей (скажем, в устах Вертера¹³²) отождествлялись с творческим состоянием. Как сказал бы П.А. Вяземский, “урывками от пьяных бесед предавался он, наедине и втихомолку, *трезвому пьянству Муз*”¹³³. Свобода обреталась в дружеском застолье, на службе и в творческом порыве. Дело декабристов “отрезвило” Тимковского, отобрало у него честное имя и ожесточило чиновника, всю жизнь посвятившего бескорыстной службе Отечеству. Можно сказать, что его загадочное “ненормативное” поведение (уже не свобода, а вызывающая вольность) – ответ на унижительное недоверие власти и на жестокость общественного мнения, а употребление алкоголя содействовало изоэренной мести.

Не помогают решить вопрос о социальных взглядах В.Ф. Тимковского и его отношении к крепостничеству дневниковые декларации и оренбургские выступления против рабства. Братья совместно владели родовым имением. В 1834 г. золотоношское поместье сильно обеднело, но и тогда там было еще 70 душ крестьян. После смерти матери имение перешло в общую собственность братьев. Более удачливый младший брат Василия, Егор, с 1832 г. переписывается с братьями о выкупе имения, а 1834 г. решается уплатить долю старшего брата и удовлетворить “по возможности кредиторов покойного брата Василия Ф.”¹³⁴ Егор выкупил крестьян (на 18 марта 1839 г. было 60 ревизских душ, а 9 августа 1849 г. – 1 душа¹³⁵). Согласно автору его некролога К.А. Скачкову, Егор Федорович помогал крестьянам, чем подорвал свое со-

¹²⁸ ОР НБУВ. Ф. I. Д. 767а. Л. 13 об.

¹²⁹ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 131.

¹³⁰ “Жуткая болтовня” (фр.).

¹³¹ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Он же. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 296–336.

¹³² Гете И.-В. Собр. соч. М., 1978. Т. 6. С. 40.

¹³³ Вяземский П.А. Указ. соч. С. 25–26.

¹³⁴ РГИА. Ф. 958. Оп. I. Д. 518. Л. 4.

¹³⁵ АВПРИ. Ф. 347. IV-1. 1845–1852. Оп. 117. Д. 10. Л. 15 об., 30.

стояние. В 1845 г. он продал хозяйство¹³⁶. Эти наблюдения корректируют замечание Л.А. Шеймана о том, что у Василия Тимковского крепостной собственности “практически не было”¹³⁷.

В мае 1830 г. Егор Федорович должен был отправиться в Яссы, и поэтому для Василия подобрали новую квартиру в Косом переулке. Расставшись с братом, он окончательно забросил службу. Умер 3 декабря 1832 г.¹³⁸ в нужде, лишениях и в борьбе с тяжелой болезнью, перерабатывая книгу о князе А.М. Курбском.

¹³⁶ Моск. ведомости. 1875. № 66.

¹³⁷ Ср.: Шейман Л.А. Указ. соч. С. 139.

¹³⁸ Похоронен на Смоленском кладбище, направо от Троицкой церкви. Обнаружить его могилу автору не удалось.

Н.Г. УСТРЯЛОВ КАК ПУБЛИКАТОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVIII ВЕКОВ*

К лету 1834 г. Н.Г. Устрялов сумел напечатать две новых – четвертую и пятую (последнюю) части “Сказаний” в продолжение серии, прерванной публикацией сочинений А.М. Курбского¹. Как видно, намерение издать “по возможности полное собрание материалов” для истории Смутного времени все еще не покидало его; впереди виделось, по крайней мере, “несколько томов любопытных записок”, но предполагаемое их количество Н.Г. Устрялов благоразумно ставил в зависимость “от досуга и обстоятельств”.

На этот раз русскую публику ожидало знакомство с “памятниками литературы польской”. В самом деле: “Кто мог лучше знать Самозванцев, ежели не поляки? Они приводили к нам сих злодеев, стояли за них грудью, были их советниками и любимцами”².

Издание польской *Rossic*³ и точно вписывалось в контекст времени, которое последовало за разгромом мятежной Польши. Травматические последствия кошмара “девятимесячных мучений” 1830–1831 гг. русское общество залечивало при помощи полонофобии и впечатляющими демонстрациями сплоченности имперской нации³. Именно в 1830-е годы николаевский культурный стиль приобретает свой классический облик. Художественные вкусы и предпочтения публики окрашиваются в упоительно-патетические тона коллективного православно-патриотического чувства. Александринский театр открывается постановкой драмы М.В. Крюковского “Пожарский” (1832). Затем следуют “Рука Всевышнего Отечества спасла” (1834) Н.В. Кукольника и, наконец, “Жизнь за царя” (1836) М.И. Глинки. Сенсационный успех новосочиненного русского гимна “Боже, царя храни!” штабс-капитана А.Ф. Львова на слова В.А. Жуковского (1833) обнаруживает такую степень мобилизации национально-патриотических эмоций, какую не могло знать в целом вялое в выражении подобных чувств космополитическое александровское царствование⁴. Тот же

* Начало см.: АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 113–125; АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 179–194.

¹ Цензурное разрешение соответственно 2 мая и 23 июня 1834 г.

² Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. IV. [Предисловие]. С. [I]–II (ССДС).

³ В 1834 г. полковник П.А. Муханов за свой счет издал сборник документов русско-польских отношений начала XVII в. из Варшавского коронного архива. См.: Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши, преимущественно во время Самозванцев. М., 1834. Как выяснилось впоследствии, он напечатал переданные ему в Варшаве надворным советником Миткевичем документы с переводами без ведома последнего и даже без упоминания о нем. См.: Протоколы заседания Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1. С. 246–247, 309. Каким-то образом удалось избежать скандала, дело не получило огласки. Когда П.А. Муханов занял кресло председателя Археографической комиссии (1869), об этом уже не помнил никто. О векторе перемен в общественном умонастроении, связанном с “переоценкой ценностей” (см. сн. 6), можно судить по степени радикальности новой риторики Ф.В. Булгарина: “Пусть враги наши вопиют противу России и в гнусных ругательствах изливают бессильную свою злобу, подобно бессмысленным неграм степей Африки, бросающим камнями в солнце! Россия не померкнет от бестолковой хулы и недосягаема для пресмыкающейся злобы. Славно и честно быть Русским и по воле Царя, твердого душою, нежного сердцем, трудиться для блага отечества... Такова участь наша, Россияне...” (Чувство русского при наступлении нового 1832 года // Северная пчела. 1832. 4 янв.).

⁴ См.: Пресняков А.Е. Апогей самодержавия // Российские самодержцы. М., 1990. С. 267. 11 декабря 1833 г. на сцене Большого театра в Москве впервые был исполнен гимн. Трехтысячная публика слу-

психический настрой находит свое выражение в монументальной скульптуре (В.И. Демут-Малиновский), архитектуре (К.И. Тон), живописных полотнах (К.П. Брюллов) – это только первые, приходящие на ум имена. Но русский “культурный ландшафт” того времени наполнен массой других форм символических репрезентаций пробуждения “народного чувства”⁵. Националистический дискурс с подавленным *ressentiment* в основе⁶ спонтанно распространяется на все тексты культуры. Как бы то ни было, к моменту появления известного циркуляра С.С. Уварова с трехчастной формулой⁷ механизмы идентичности уже работали на полном ходу, а идея народности в русском обществе во всю была ключом⁸. Социо- и историко-культурные проекции польских сюжетов должны были сделаться важнейшим инструментом настройки идеологического консенсуса, получившего обоснование в доктрине С.С. Уварова⁹.

Нанесенная Николаю I восставшей Польшей глубокая душевная травма (вторая по счету после событий 14 декабря 1825 г.) и смерть брата Константина, окончательно закрепляет в нем комплекс нелегитимности. Страх перед возможными потрясениями вытесняет назревшие замыслы давно ожидаемых реформ. Установки прежнего стратегического курса царь заменяет программой “консервативного обновления”, при которой насущные перемены отодвигаются в неопределенное и непредсказуемое будущее, предоставляются течению времени, а сама их необходимость передается на “суд истории”.

Отныне ключевой функцией верховной власти становится обеспечение устойчивости государственного здания и сохранение основ существующего порядка. Карамзинская реплика “древность есть надежнейшая ограда государственных уставов” возводится в принцип политической философии и практической деятельности николаевского режима. Именно в этот момент С.С. Уваров представляет идеологическое обоснование новым реалиям государственной политики, отдающей приоритет постепенным, происходящим как бы исподволь, “органическим” изменениям под неусыпным правительственным контролем. Громадный административный опыт С.С. Уварова подсказал ему адекватный ситуации выбор тактической линии деятельности, нацеленной на перевод “мобилизационных лозунгов в программу рутинной бю-

шала его стоя в глубоким безмолвии. Потрясенный величественным зрелищем, зал пришел в экзотическое состояние. Сборный оркестр и хор (400 человек), к которому присоединилось “все, что имело голос, что могло петь”, исполнили “Боже царя храни!” на бис. “Этот гимн останется навсегда призывным кликом России на пути к совершенству и славе”, – прорекала на следующий день “Молва” (Моск. записки // Молва. 1833. 12 дек.).

⁵ В корпусе исторических романов, изданных в 1830-е годы, преобладающее место занимают сюжеты на темы Смутного времени и Отечественной войны 1812 г. См.: *Ревбекини Д.* Русские исторические романы 30-х годов XIX в.: Библиогр. указатель // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 421. О характере историко-политических коннотаций очередного кризиса русско-польских отношений начала 30-х годов XIX в. см. также: *Францев В.А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831: Опыт исторического комментария к стихотворению “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина” // Пушкинский сборник Русского института. Прага, 1929. С. 65–268; *Биллингтон Д.Х.* Икона и топор: Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 138–139.

⁶ См.: *Greenfeld L.* Nationalism. Five Roads To Modernity. 5 ed. Cambridge (Mass.), 1995. P. VI–X; 189–274. См. также: *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 94–103.

⁷ *Уваров С.С.* Циркулярное предложение г. управляющего Министерством народного просвещения начальствам учебных округов “О вступлении в управление министерством” // ЖМНП. 1834. № 1. С. XLIX.

⁸ См.: *Казаков Н.И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989. М., 1989. С. 13, 27.

⁹ Первый набросок доктрины был начертан в мартовском (1832) меморандуме С.С. Уварова Николаю I. Публикацию документа см.: *Зорин А.Л.* Идеология “православия–самодержавия–народности”: Опыт реконструкции (Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) // НЛЮ. 1997. № 26. С. 96–100. См. также: Десятилетие Министерства народного просвещения (1833–1843). СПб., 1864. С. 36; *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 217–226.

рократической и педагогической работы”¹⁰. Едва ли не главное место в этой программе отводилось историческому образованию, историческим разысканиям и собственно археографии¹¹. Занятая поисками констант национально-го бытия, искомой “народности”, отечественная историография как таковая получила мощный стимул развития. История Смуты давала обильный материал для актуальных идейных реминисценций на эту тему.

Переводом и изданием польских исторических источников Н.Г. Устрялов не только платил дань современной моде. По ходу кратковременного знакомства с С.С. Уваровым он научился понимать шефа с полуслова, тем более, что это не составляло для него особенного труда. Главное, был найден общий язык, установлена необходимая тональность диалога; контексты обсуждаемых тем были также ясны обоим. А в затруднительных случаях Н.Г. Устрялов всегда мог полагаться на содействие “людей просвещенных”.

В четвертую часть “Сказаний” Н.Г. Устрялов включил “Дневник Марины Мнишек”¹² и “Дневник послов польских Олесницкого и Гонсевско-

¹⁰ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. С. 368.

¹¹ См.: [Уваров С.С.] С представлением отчета тайного советника Уварова по обозрению им Московского университета и гимназий (4 декабря 1832 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. 2. Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. первое. 1825–1839. С. 511–512. В сентябре 1832 г. в присутствии С.С. Уварова М.П. Погодин открыл свой курс вступительной лекцией, где, в частности, было сказано: “И когда мы можем с большими надеждами начать свои труды, как не в наше время? Августейший монарх принимает отечественную историю под высокий покров свой; просвещенное начальство, постигшее всю важность исторических занятий, доставляет все нужные средства для их продолжения. Мы повторим здесь всегдашнее наше желание, чтобы скорее изданы были летописи и прочие источники российской истории, чтоб плоды археографической экспедиции Строева были обнаружены во всеобщее сведение и не остались тлеть в архивах, как то к несчастью случилось с трудами других наших незабвенных исследователей. Тогда только российская история получит надежное основание, тогда только обозначатся все материалы, из коих должен создаться великолепный ее храм” (Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Историко-критические отрывки. М., 1946. Т. I. С. 18). Г.В. Плеханов назвал эту лекцию “первым изложением ex cathedra теории официальной народности” (Плеханов Г.В. М.П. Погодин и борьба классов // Соч. М.; Л., 1926. Т. XXIII. С. 54). В конце декабря 1834 г. во всеподданнейшем докладе С.С. Уваров изложил план преобразования еще не приступившей к работе Комиссии по изданию актов, собранных экспедицией П.М. Строева, в учреждение для издания “недостающего у нас систематического и полного собрания источников русской истории. Подобные собрания, – посылал министр, – существуют для истории почти у всех европейских народов, мы же не имеем доселе правильного издания летописи Нестора. Такое собрание, начиная с Нестора, отца русской истории, должно содержать в себе: 1) летописи; 2) Степенную и Родословную книги; 3) хронографы, разряды и биографии; 4) грамоты, послания, путешествия и т.д. [...] Я смею думать, что таковой государственный памятник, воздвигнутый под высоким покровительством Вашим, будет вместе с хранилищем отеческих преданий и свидетельством успехов просвещения истинно народного в славное и благополучное царствование нашего императорского величества [...]” ([Уваров С.С.] Об учреждении Комиссии для издания актов, собранных археографическою экспедициею (24 декабря 1834 г.) // Сборник постановлений... С. 851). Учитывая особый характер отношения Уварова к знаменитому прусскому реформатору барону Г.-Ф.-К. Штейну, которому в 1812–1814 гг. “приходилось давать ему уроки русского патриотизма” (Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. С. 356–358), можно предположить, что и поддержка археографической экспедиции, и вышеупомянутый план имели своим источником государственный опыт Штейна. Проект Monumenta Germaniae Historica осуществлялся под его эгидой.

¹² О списках, изданиях, содержании и структуре “Дневника” см.: Козляков В.Н. “Дневник Марины Мнишек” – памятник Смутного времени // Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 13–21. Не оспаривая принадлежность дневника А. Рожнятовскому (см.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / Под ред. П.А. Зайончковского. М., 1976. Ч. I. С. 60), Козляков оставляет этот вопрос открытым. Не вполне ясен смысл его текстологических комментариев, фиксирующих пропуски и другие погрешности в переводе Н.Г. Устрялова (см. с. 142, примеч. 87; с. 146, примеч. 137; с. 147, примеч. 142 и 149). Объясняется ли “отсутствие” тех или иных мест в переводе особенностями списка Я. Альбертранди, или их можно отнести на счет редакции издателя? Козляков только в одном случае терминологически точен, когда говорит о вмешательстве Устрялова в текст, ссылаясь при этом на Р.Г. Скрынникова (см. с. 136, примеч. 11). Тот же список на польском языке без указания автора позднее напечатал А.И. Тургенев. См.: Описание польских дел в Москве при Димитрии, составленное одним из бывших там с 1605 по 1609 года // Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек... СПб., 1842. Т. 2. С. 155–196.

го”¹³, в пятую (“Маскевич”) – “Дневник С. Маскевича”¹⁴. Таким образом, все содержимое “Сказаний” не выходило за пределы корпуса источников “Истории государства Российского”. Стоит напомнить, что переводы с польского Н.Г. Устрялов делал под наблюдением К.С. Сербиновича, в бытность его секретарем Историографа, которому принадлежали переводы всех польских источников последних томов “Истории” Н.М. Карамзина, в том числе и включенных в “Сказания”¹⁵. Наставником Н.Г. Устрялова при изучении польского языка был священник Доминиканского ордена патер Станцевич, советами которого он также пользовался. Само издание новых томов “Сказаний” по-прежнему обеспечивалась “благосклонностью и любознанием” Д.Н. Блудова.

Рукописи двух первых “Дневников” из числа манускриптов Я. Альбертранди были переданы Н.Г. Устрялову “одним почтеннейшим любителем отечественной истории”, имя которого в представлении не называется. Скорее всего это был А.И. Тургенев. Благодаря любезности Е.А. Карамзиной, Н.Г. Устрялов имел возможность сверить собственный перевод с “буквальным переложением” К.С. Сербиновича тех же рукописей из карамзинской библиотеки. Поскольку текст на языке оригинала не воспроизводился, издатель заверял читателя в старании “передать подлинник со всеми оттенками смысла и слога, не исключая ни одной идеи и объясняя в примечаниях известия темные или неверные, коих впрочем немного” (Сказания. СПб., 1834. Ч. IV. С. III).

Книгу открывал литографированный портрет Марины, который, надо думать, не без любопытства рассматривал и обсуждал русский читатель. В предисловии, лапидарном и более риторическом, нежели в каком ином томе “Сказаний”, издатель не сообщал ничего о внешних приметах и языке рукописей, избежал вопроса об авторстве и ограничился лишь глухим указанием на то, что они представляют собой “ежедневные замечания двух неизвестных поляков, из коих один находился в свите Марины Мнишек, а другой при послах польских, Олесницком и Гонсевском”. Впрочем, в первом случае он точно воспроизводил польское заглавие рукописи и давал его дословный перевод, отправляя эту информацию, однако же, в примечание. Тексту самого перевода предшествовало отредактированное заглавие.

Столь же кратко Устрялов разъяснял достоинства дневников (авторы “рассказывают просто, день за днем, что *сами* видели, от сего показания их в высшей степени достоверны и любопытны”. – Там же). Видимо, недостаток информации заставил издателя соединить в одном общем предисловии характеристики двух различных памятников и дать общую сквозную нумерацию примечаниям.

Во всем остальном Н.Г. Устрялов держался принятой ранее конструкции “Сказаний”. Для комментариев в качестве знаковых сюжетов выступают те же известия, с которыми он не раз сталкивался. История в них смыкается с

¹³ Практически одновременно с Н.Г. Устряловым этот “Дневник” издал в Москве П.А. Муханов. См.: Дневник дороги послов, отправленных от наиснейшего Сигизмунда III... короля польского к князю Московскому в 1606 г. от Р.Х. // Подлинные свидетельства... С. 189–204. Текст давался параллельно на польском и русском языках. Спустя восемь лет А.И. Тургенев напечатал свой перевод этого дневника. См.: Дневник происшествий московских и посольства в Москву пана Николая Олесницкого... и пана Александра Корвина Гонсевского... Писанный в 1606 году в Москве // Акты исторические... С. 92–135. Автор дневника до сих пор не установлен. См.: История дореволюционной России... С. 58.

¹⁴ В “Истории” Н.М. Карамзина – это “журнал Машкевича”.

¹⁵ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. воспроизв. изд-я 1842–1844 гг.: В 3 кн. с прил. М., 1988. Кн. 4. Ключ, или Алфавитный указатель, сост. Строевым. С. 163; 71, 179.

современностью, комментируется в сущности современный текст. Вот эпизод из “Дневника Марины Мнишек”: подкупленный мужик притворился слепым и, подведенный к гробу Димитрия, прозрел (“что весьма естественно”, саркастически добавляет польский автор). Устрялов находит “излишним опровергать сии дерзкие слова иноверца”, поскольку “нелепость их очевидна”. Далее все же следуют два “замечания”: “1) при истинном благочестии, при глубоком уважении к святыне, русские никогда не прибегали к подлогам в делах веры: это свидетельствует вся история нашей церкви; 2) Шуйский, тем не менее, мог быть подозреваем в подлоге, что по несомнительному свидетельству государственных актов, самые почтенные особы удостоверились в Угличе в нетленности мощей св. Димитрия [...] Не подкупленный мужик, как баснословит польский писатель, а сии особы засвидетельствовали нетленность св. Димитрия, и по их удостоверению мощи его перенесены в столицу” (Там же. С. 66, 227. Примеч. 47).

Рассказ о бедствиях в Московии арестованного испанского монаха-миссионера Н. де Мело, которого русские пытались истязаниями принудить к отречению от католичества, издатель сопровождает следующими словами: “Вероисповедание греко-российское было так истинно и непорочно, так согласно с духом и смыслом учения Христа Спасителя, что я считаю излишним опровергать дерзкие слова иноверца, ослепленного злобою и фанатизмом” (Там же. С. 95, 229. Примеч. 55). Известие “Дневника послов польских” о мнимых больных, получавших исцеление у гроба царевича Димитрия вызывает только ремарку: “Нелепый вздор!...” Зато возгласы тех же послов, противопоставлявших свободное отечество московской неволе, Н.Г. Устрялов по принципиальным причинам не может обойти молчанием: “В Польше тогда была не свобода, а необузданное своеволие. Читатель увидит из Дневника Маскевича все ужасы польской анархии” (Там же. С. 207–208, 231–232. Примеч. 72; С. 150, 231. Примеч. 67).

Предисловие к “Дневнику Маскевича” гораздо полнее. Из него мы узнаем подробности о рукописи, служившей ему источником текста (в конволюте, “в 16 долю листа нового почерка... полная, хотя не древняя, но очень исправная, доставленная из Полоцкой иезуитской академии” по ходатайству Д.Н. Блудова при содействии К.С. Сербиновича). Указан состав и объем конволюта, приведены полные заглавия входящих в него рукописей. Сличение полоцкого списка (опрометчиво называемого подлинником) с публикацией дневника на языке оригинала Ю. Немцевича позволило установить почти 40 важных неоговоренных купюр, многие из которых простирались на 20 страницах: польский историк напечатал только фрагменты, причем “по весьма неисправной рукописи”¹⁶.

Характеризуя содержание памятника, издатель останавливает внимание на важнейшем его свойстве – искренности, непреднамеренности авторских записей: они велись “для себя, без всякой мысли о потомстве”, рассказы о том, “что сам он видел и делал, что его радовало и печалило” (смерть отца и свадьба сестры, пропажа палаша и гродненская капуста, голод и холод, потеря крестика и пр.) перемежаются с уникальными известиями о Тушинском воре, П. Ляпунове, об осаде Смоленска, Клушинской битве и т.д. При этом Маскевич обладал даром сравнительно беспристрастного повествователя,

¹⁶ См.: *Niemcewicz J.U. Zbior pamietnikow historycznych o dawney Polsce*. Warszawa, 1822. Т. 2. С. 341–432. Станным образом Н.Г. Устрялов забыл упомянуть о переводе крупных фрагментов дневника из этого сборника Ф.В. Булгариным еще в 1825 г. См.: Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором // Сов. архив. 1825. Ч. 13. С. 3–20, 109–128, 221–242; Ч. 14. С. 117–136, 217–245.

“по крайней мере, слепая злоба и несносное самохвальство, отличавшие многих других польских писателей не руководили пером его” (Сказания. СПб., Ч. V. С. IV–V). Всячески подчеркивая “высокое достоинство” дневника Маскевича, значение которого “не менее записок Бера и Маржерета”, Н.Г. Устрялов заставляет поверить себе: перед нами действительно самостоятельный и ценнейший “исторический источник времен самозванцев” (Там же. С. V). Отсюда естественным и необходимым выглядит в конце предисловия, стереотипное заверение в полной аутентичности перевода, где нет “ни малейшего пропуска против подлинника. Самые ничтожные известия... переданы мною с возможною точностию: ибо только тогда можем оценить автора, когда узнаем его вполне” (Там же. С. VII).

Около сотни примечаний фиксируют затруднительное или сомнительное чтение¹⁷, оговоренные вставки в текст, разночтения с публикацией Ю. Немцевича и его вероятные ошибки, характерные для своего времени идейно-политические ремарки¹⁸, этнографические и географические пояснения. Кроме того, введены девять фрагментов “Повести патриарха Филарета”, как ее называет издатель¹⁹.

Издание дневника С. Маскевича встретило не столь значительный, как это случилось с первыми томами “Сказаний”, но все же заметный интерес. Наиболее обстоятельно высказался набиравший тогда популярность журнал “Библиотека для чтения” О.И. Сенковского. Высокую оценку получил не только выбор текста, но и “ученая точность отделки и совестливость перевода, – обстоятельство чрезвычайно важное в историческом деле”²⁰.

Умеренную критику вызвала примитивность содержания некоторых примечаний. Одно из них “особенно изумило” рецензента. Наблюдение С. Маскевича о состоянии наук в России, которыми “вовсе не занимаются; они даже запрещены”, комментатор, имея в виду неосведомленность пристрастного иностранца, категорически отвергал. “Принимая слова Маскевича в буквальном смысле, – возражал рецензент, – переводчик, конечно, волен спорить, что науки не были у нас запрещены, но надо ж, по крайней мере, согласиться, что они были под сильным *прещением*. Общее невежество есть самый

¹⁷ Выражения, в смысле которых переводчик имел основания сомневаться или который казался двояким, приводились в примечании на языке оригинала. Тем самым любому лицу предоставлялась возможность проверки аутентичности перевода (см. далее сн. 21).

¹⁸ “История доказала, как здраво мыслили наши предки: где Польша с ее волею и что теперь Россия с ее *неволею*?” (ССДС. СПб., 1834. Ч. V. С. 213. Примеч. 55).

¹⁹ См.: Там же. С. 201–208. Примеч. 46; С. 214–220. Примеч. 58; С. 222–225. Примеч. 67; С. 226. Примеч. 72; С. 227–233. Примеч. 77, и др. Выдержки давались без указания на источник текста и не совпадали с фрагментами примечаний “Истории” Н.М. Карамзина. См.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. III. Т. XI. Примеч. 570; Т. XII. Примеч. 23, 27; и др. По-видимому, “Рукопись Филарета” в числе других досталась Н.Г. Устрялову от К.С. Сербиновича. В начале 1833 г. в письме к А.Ф. Малиновскому Н.Г. Устрялов заметил: “Крайне сожалею, что летопись Филаретова не войдет в мое собрание записок о Самозванце: там она была бы очень кстати. Но меня утешает мысль, что общество издает ее гораздо исправнее, нежели я” (ОПИ ГИМ. Ф. 33. (А.Ф. Малиновский). Ед. хр. 16. Л. 112). Первым и последним издателем этой рукописи был П.А. Муханов. См.: *Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России...* М., 1837; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866. С. 263–330. Подробнее о рукописи см.: *Морозова Л.Е.* К вопросу об идентификации филиграней рукописи Филарета // *Филигранологические исследования: Теория: методика, практика.* Л., 1990. С. 97–105. См. также: *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. П–С. С. 317–319 (В.К. Зиборов).

²⁰ В своих колебаниях Устрялов-переводчик представлялся рецензенту излишне щепетильным. Впрочем, одна претензия к переводу все же была высказана. Сличив приведенный в примечании 64 текст оригинала, перевод и два возможных варианта последнего (Сказания. Ч. V. С. 221–222), он нашел, что ни один из них “не выражает настоящего смысла подлинной фразы” ([Рец. на кн.:] Сказания. СПб., 1834. Ч. V // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. С. 22).

строгий закон против наук, какой можно только придумать...”²¹ Действительно, патриотическое чувство увлекало Н.Г. Устрялова порой за пределы здравого смысла. Но общее впечатление “смягчала” идеологическая выдержанность комментариев, или, говоря на языке той эпохи, “благонамеренность”, столь любезная многим, в том числе и просвещенным, ее современникам.

Выражая признательность за “тщательное трудолюбие” Н.Г. Устрялова в разработке иностранных источников русской истории, журналист особо подчеркивал просветительское значение его деятельности: “Без него все эти сокровища, вероятно, и теперь оставались бы недоступны для публики, от которой, при всей возможной любви к историческому чтению, нельзя требовать, чтоб ... она также охотно посещала архивы, как французский театр или филармоническую залу. Г. Устрялов облегчает ей знакомство со старыми рукописями и книгами, избавляя ее от неприятности рыться в пыли, портить зрение, и тратить время над многочисленными... справками: он принимает на себя все хлопоты, всю томительность такого труда...”²²

Хотя мы не располагаем данными о коммерческом результате изданий IV и V томов “Сказаний”, отзыв “Библиотеки...” вне сомнения способствовал их продвижению на книжном рынке, подтверждая превосходную репутацию Н.Г. Устрялова – издателя древних рукописей²³.

Студенческие годы Н.Г. Устрялова (1821–1824) пришлось на хмурые времена “санации” Петербургского университета, когда общий уровень и система преподавания достигли крайней степени убожества. Профессоров, овладевших своим предметом настолько, чтобы самостоятельно заниматься разработкой своих дисциплин, насчитывалось единицы. В начале 1830-х годов декану Н.И. Бутырскому нечего было сказать об университете прошлого десятилетия, кроме того, что он “мало помалу устроивался (так в тексте. – А.Б.), доходя до такого состояния, в котором теперь находится”²⁴. Русскую историю читал профессор Т.О. Рогов²⁵ по допотопному учебнику, изданному еще при Екатерине II комиссией об учреждении народных училищ, иногда дополняемому сведениями “по Карамзину и другим источникам”. Умершего от холеры осенью 1831 г. Т.О. Рогова и сменил Н.Г. Устрялов.

С появлением за кафедрой Н.Г. Устрялова преподавание русской истории в Петербургском университете “вошло... в общее русло русской историографии”²⁶. Впервые после рунического разгрома, – свидетельствует современник, – именно от Устрялова студенты услышали “умное, пересыпаемое мет-

²¹ Библиотека для чтения. 1835. Т. 8. С. 9. Прещенье – запрещенье, запрет; от прещать, претить, возбранять. См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. III. С. 397.

²² Там же. С. 3–4.

²³ Еще ранее, 25 февраля 1833 г. Н.Г. Устрялов избирается в действительные члены МОИДР “за полные труды и основательные занятия отечественною историею” (РО ИРЛИ. Ф. 14. (Н.Г. Устрялов). № 122. Л. 3 об.–4. См. также: Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. III. С. 193 (заседание 5 ноября 1832 г.). “Знаю, – писал по этому поводу Н.Г. Устрялов А.Ф. Малиновскому, – что Вам единственно я обязан сим” (ОПИ ГИМ. Ф. 33. Ед. хр. 16. Л. 108). За поднесенные императору IV и V части “Сказаний” 13 декабря 1834 г. Н.Г. Устрялову было объявлено высочайшее благоволение. См.: РО ИРЛИ. Ф. 14. № 122. Л. 4 об.–5.

²⁴ *Бутырский Н.И.* Краткое обозрение действий и состояния Имп. С.-Петербургского университета с его округом по учебной части за прошлый 1832–1833 академический год... // ЖМНП. 1834. № 1. Отд. III. С. 55. На трех факультетах университета обучалось около 200 студентов, а штат преподавателей не достигал и 50 человек. См.: Там же. С. 47–48. В Берлинском университете тогда же училось более 2500 студентов. См.: Там же. № 2. Отд. V. С. 292.

²⁵ По воспоминаниям мемуариста, “человек бездарный, и высшей степени робкий, охотник до картежной игры, засыпавший не раз на кафедре после бессонно проведенной ночи; впрочем, добряк” (*Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 609–610).

²⁶ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Т. 1. 1819–1835 / Под ред. С.В. Рождественского. СПб., 1919. С. LXXXIX, XC.

кими выражениями и вместе с тем совершенно научнообразное историческое изложение. Введение, заключающее в себе подробное перечисление источников и критическую оценку совершенной по русской истории работы, поразило слушателей в особенности, как радостная новость, открывавшая им путь к самостоятельным знаниям, о существовании которого не говорили им дотоле ни слова”²⁷.

Еще в январе 1832 г. “ищущий звания адъюнкта кандидат” Устрялов²⁸ представил в Совет университета рукопись диссертации “Обозрение источников русской истории до конца XVII столетия”. 2 мая 1832 г. “все господа, члены факультета... делали свои отзывы о достоинстве сего сочинения и нашли оное достойным одобрения как по содержанию своему, так и по строгому порядку изложения описываемого предмета”. Ссылаясь сверх того на “успешное преподавание студентам университета публичных лекций г-на Устрялова по кафедре рос[сийской] истории в III и по рос[сийской] словесности в I годе учебного курса, равно как и изданные им в свет в трех частях ССДС с разными критическими замечаниями”, совет историко-филологического факультета единогласно признал Устрялова достойным звания адъюнкта “по предмету российской истории”. В тот же день представление к должности было подписано деканом Е.Ф. Зябловским и передано “с приложением подлинной рукописи г-на Устрялова” в Совет университета²⁹.

Никаких, однако, последствий для “кандидата Устрялова” мнение факультета не имело. Только спустя год он получил предложение читать русскую историю в Главном педагогическом институте и после согласия начальства с выдвинутыми условиями принял его³⁰. Но на третьем году университетской службы без жалованья (что было обычной практикой того времени) Устрялов не выдержал и осмелился пойти на объяснение с попечителем

²⁷ Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования... СПб., 1870. С. 67. Согласно служебному “формуляру Н.Г. Устрялова, Совет университета поручил ему преподавание русского языка в звании лектора 3 марта 1830 г., чтение “средней и российской истории” – 15 августа 1831 г. См.: РО ИРЛИ. Ф. 14. № 112. Л. 1 об.-2.

²⁸ Экзамен на звание кандидата Устрялов выдержал в 1825 г. Числясь на службе в канцелярии министра финансов, Устрялов сдал два магистерских экзамена, оставалось выдержать последний и заняться диссертацией. Но дело было отложено. См.: Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 624.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 13 (Попечитель С.-Петербургского учебного округа). Оп. 1. Д. 3211. Л. 2–2 об., 1. Разыскать рукопись диссертации нам не удалось. Представляется, что частично ее содержание отражено в “Предположении...” (см. далее, с. 169 и др., а также: АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 185).

³⁰ В отношении к только что утвержденному в должности управляющего Министерством просвещения С.С. Уварову директор института Ф.И. Миддендорф писал: “Бывший г. министр народного просвещения князь Ливен предписал от 13 февраля за № 160 Конференции Главного педагогического института приискать для чтения лекций российской истории особого преподавателя с умеренным жалованьем. Дабы исполнить сие предписание, я старался осведомиться об известных в С.-Петербурге преподавателях российской истории и узнал, что старший учитель Устрялов, служивший в здешнем университете, может соответствовать желанию начальства; но как он не находит для себя возможным принять место в качестве преподавателя и соглашается на вступление в институт не иначе как в звании адъюнкта с положенным по штату жалованьем, то принимая в расуждение, что г. Устрялов как известный уже своими учеными трудами по части российской истории, которым он себя исключительно посвятил, достоин благосклонного внимания высшего начальства, осмеливаясь покорнейше просить ваше превосходительство об определении его адъюнктом Главного педагогического института для преподавания российской истории с правами, представленными Уставом и жалованьем 1500 руб. в год от штатной суммы со дня поступления в должность, поставив ему в обязанность, чтобы он сверх чтения лекций по своему предмету занялся под надзором особого комитета составлением руководства для преподавателей российской истории в отделении младшего возраста Главного педагогического института” (ЦГИА. СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3664. Л. 1–1 об. от 24 апреля 1833 г.). Назначение состоялось 18 июня (Там же. Л. 2). В мае того же, 1833 г., Устрялов утверждается исполняющим должность адъюнкта российской словесности Имп. Военной академии (Там же. Л. 3 об.-4). Сверх того, с августа 1832 по декабрь 1834 г. Он преподавал всеобщую и российскую историю и статистику в офицерских и гардемаринских классах Морского кадетского корпуса. См.: РО ИРЛИ. Ф. 14. № 122. Л. 2 об.-3, 4 об.-5.

учебного округа. М.А. Дондуков-Корсаков обещал обо всем срочно доложить министру. Доклад попечителя возымел действие: через несколько дней последовало определение Устрялова в экстраординарные профессора русской истории³¹.

Пришла пора устраивать и личную жизнь. Летом 1834 г. Н.Г. Устрялов сделал предложение “прекрасной, умной, доброй и образованной девице” Наталье Касовской, дочери давно умершего штаб-лекаря. Брак был счастливым, но недолгим. После продолжительной болезни летом 1837 г. молодая жена скончалась в страшных мучениях, оставив на руках Устрялова годовалого младенца. Смерть близкого человека потрясла историка, на всю жизнь оставив в его душе неизгладимый след. Он стал мрачным, нелюдимым, сторонился общества, целиком ушел в себя и в свои труды.

26 декабря 1834 г. при образовании Комиссии для издания актов археологической экспедиции под председательством П.А. Ширинского-Шихматова профессор Н.Г. Устрялов был назначен одним из четырех ее членов³².

Как известно, задача Комиссии заключалась в скорейшем издании актов, собранных археологической экспедицией. Устрялов готовил к печати второй том “Актов” с документами 1598–1613 гг.³³ 5 августа 1835 г. члены Комиссии обсуждали заглавие сборника. Каждый из них представил на утверждение С.С. Уварова собственный вариант заглавия³⁴.

Вариант Н.Г. Устрялова (“Акты, собранные Археологической экспедицией Императорской Академии наук для объяснения древней и средней русской истории”) имел безупречно позитивистскую источниковую установку.

На том же заседании Комиссия поручила Устрялову составить “ныне же образец алфавитного указателя, а впоследствии, если понадобится, и словаря старинных, вышедших из употребления слов, встречаемых в актах археологической экспедиции...”³⁵ Разработка формы и приемов составления указа-

³¹ Произошло это 17 января 1834 г. См.: ЖМНП, 1834. № 4. Отд. I. С. CVIII.

³² В состав Комиссии вошли также надворный советник К.С. Сербинович, коллежский асессор П.М. Строев и коллежский секретарь Я.И. Бередников. Первое заседание Комиссии состоялось 8 января в 1835 г. См.: Протоколы заседаний Археологической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1. С. 1. На следующем заседании, 21 января, в должности письмоводителя к ним присоединился чиновник канцелярии Министерства просвещения С.М. Строев.

³³ См.: Там же. С. 9. Имеется в виду заседание 16 июля 1835 г. По недосмотру Устрялова и наборщиков в нумерации второго тома “Актов” произошел сбой. После с. 328 выставлена с. 239. Нумерация восстановлена после с. 278, за которой следовала с. 369. См.: Акты археологической экспедиции. СПб., 1836. Т. 2. “Погрешности”. (Далее: ААЭ). Ненумерованы также страницы в конце тома, там же исправлены 22 опечатки в текстах грамот. В Указателе ссылки даны по исправленной нумерации. См.: Указатель к ААЭ. СПб., 1838. С. 128. “Вина была немалая и поделом... – признавал Устрялов, – Ширинский-Шихматов порядочно пожурил меня, сказав, что свои книги я издавать умею, а казенные – кое-как. Все это было, однакож, не так важно, – замечал мемуарист, – в сравнении с ошибками других лиц, принимавших участие в этом издании” (Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 627). Некоторое оправдание себе Устрялов находил в том, что наблюдение за изданием “Актов” совпало с самым тяжелым периодом в его жизни. “По промахам, касательно оглавлений, – писал Я.И. Бередников П.М. Строеву, – Устрялова можно назвать неподражаемым” (ОР РГБ. Ф. 291. (П.М. Строев). К. 2250. Ед. хр. 4. Л. 8). О других недостатках ААЭ см.: Павлов-Сильванский Н.П. Погрешности актов Археологической экспедиции // ЛЗАК за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17. С. 1–46.

³⁴ “Акты, относящиеся к русской истории, собранные Археологической экспедицией Императорской Академии наук, с прибавлением некоторых вновь найденных в С.-Петербургских библиотеках и архивах” (К.С. Сербинович); “Историко-юридические акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук” (Я.И. Бередников). Министр остановился на последнем, исключая слова “Историко-юридические”. В этом был резон, поскольку в собрание входило множество памятников письменности неправового характера.

³⁵ Протоколы... С. 12.

телей становилась необходимым шагом в развитии методики публикации источников. Некоторым опытом подобной работы Н.Г. Устрялов уже располагал, и потому на изложение правил составления систематического указателя с “образцом оного” ушло менее двух недель³⁶.

Н.Г. Устрялов разделил Указатели на “Хронологические, или оглавления” и “Систематические”³⁷. В оглавление он предложил вносить полные заголовки актов для облегчения обзора всего материала и знакомства с содержанием издания. Систематический указатель по Устрялову, как и у П.М. Строева – это своего рода “ключ (курсив мой. – А.Б.) к удобному приисканию главнейших предметов, составляющих существенную важность актов”. В зависимости от характера поисковых данных такой указатель должен состоять из трех разрядов: 1) указатель лиц, 2) указатель мест, 3) указатель “старинных форм внутреннего устройства”, или предметов. Н.Г. Устрялов изложил общие требования к именному и географическому указателям (сопровождение личных имен краткими пояснениями о должностной, служебной или сословной принадлежности лиц, географических названий – пояснениями о характере наименования (волость, город и т.д.)), а также определил примерный перечень предметов, вносимых в “Указатель старинных форм внутреннего устройства” (наименования сословий, чинов, ведомств, правительственных учреждений, монет, весов, мер, налогов и др.; объединение однородных понятий в общие рубрики)³⁸. Все эти установки нашли свое воплощение в “Указателе к ААЭ”³⁹.

Издание “Указателя...” дало повод некоторым специалистам обратиться с разъяснением и значения указателей в кругу пособий для “занимающихся историческими исследованиями”, с другой – проблематики их составления. Один из рецензентов доказывал необходимость оснащения фундаментальных отечественных изданий исторических источников указателями, ссылаясь на германскую книжную традицию “индексов”. (Эталоном служили знаменитые “индексы” к “*Monumenta Germaniae Antiqua*”). В отношении “Указателя...” рецензент осторожно заметил, что “подобного рода труды могут быть оценены только при частом употреблении их, ибо проверить указатель, т.е. убедиться, полон ли он и точно ли составлен, значит то же, что начать снова весь труд”⁴⁰.

“Акты археографической комиссии” получили широкий общественный резонанс⁴¹. Обзор “Актов...” в ЖМНП заканчивался многозначительными словами: “Комиссия, ошастливленная высочайшим вниманием... надеется под руководством г. министра народного просвещения приступить... к великому подвигу: систематическому изданию летописей и других источников отечественной истории”⁴². В том же номере было напечатано “Предполо-

³⁶ Там же. С. 14. Имеется в виду заседание 19 августа 1835 г. Вместе с другими членами Комиссии Устрялов представил заголовки актов, готовящихся к печати.

³⁷ См.: СПб. ФА РАН. Ф. 133 (Археографическая комиссия). Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 23–28. См. также: Корнева И.И. Археография в первой половине XIX в. (1800–1860) // История археографии в дореволюционной России / Под ред. М.С. Селезнева. М., 1969. С. 96.

³⁸ См.: СПб. ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 23.

³⁹ См.: Указатель к ААЭ. СПб., 1838. Указатели к каждому тому “Актов” составляли члены Комиссии, отвечавшие за их подготовку к изданию. Данные для второго указателя поступали к Устрялову, задача которого заключалась в их слиянии и унификации. См.: Протоколы... С. 57–58. Подробнее о содержании “Указателя...” см.: Корнева И.И. Указ. соч. С. 83–84.

⁴⁰ [Рец. на кн.:] Указатель к ААЭ // ЖМНП. 1839. № 1. Отд. VI. С. 31.

⁴¹ См.: Библиотека для чтения. 1837. Т. 21. С. 51–53; 41–80; ЖМНП. 1837. № 2. С. 398–410; Современник. 1837. Т. 5. С. 323–332; Сын отечества. 1837. Ч. 183. С. 465–480; Ч. 184. С. 74–93; С.-Петербург. ведомости. 1837. № 35; Северная пчела. 1837. № 35.

⁴² ЖМНП. 1837. № 2. Отд. IV. С. 404.

жение об издании русских летописей и государственных актов, рассмотренное и одобренное Археографической комиссией» Н.Г. Устрялова⁴³.

Первая часть «Предположения» – историческая справка об изданиях источников русской истории, выстроенная по классификационному принципу. Здесь Н.Г. Устрялов изложил взгляды, представляющие историографический, источниковедческий и чисто археографический интерес, они собственно и располагаются на пересечении этих направлений, связывают их в единую нить.

Письменные источники отечественной истории до конца XVII в. по форме и содержанию Устрялов объединил в три разряда: исторические сочинения в собственном смысле; акты государственные; памятники словесности. В разряд исторических сочинений вошли летописи; Степенные книги; хронографы; сказания современных безымянных и известных авторов об отдельных лицах и событиях (об Александре Невском, Дмитрие Донском, сказания Курбского и др.); дворцовые записки со времен царя Михаила Феодоровича; записки иностранцев о России, основанные частично на преданиях, частично на собственных наблюдениях.

Разряд «государственных актов» разделен на две группы: акты внутренние и внешние. К первым отнесены «памятники законодательства в собственном смысле» (уставы, грамоты и указы о суде и расправе, о сборе податей и пошлин, о порядке управления, о преимуществах и льготах разных сословий, лиц и пр.); временные распоряжения правительства и разных ведомств по государственным делам и по частным случаям (окружные грамоты, приговоры и пр.); судебные акты по частным делам; разрядные книги; писцовые книги, описи городов, государственных и частных вотчин, поместий, оброчных статей XVI–XVII вв. родословные книги, генеалогия удельных князей, старинных княжеских и дворянских фамилий. Ко вторым – договоры великих и удельных князей, памятники дипломатических сношений России, статейные списки.

В разряд «памятников словесности» Устрялов включил «остатки духовного красноречия, догматики, полемики и опытов старинных книжников по части философии, землеописания, естественных, врачебных наук», записки русских путешественников.

Л.Н. Пушкирев, анализируя устряловскую схему деления источников, пришел к выводу, что, несмотря на отдельные нестыковки, она продумана намного тщательнее других, предшествующих ей классификаций. Принципы построения схемы Н.Г. Устрялова явились несомненным шагом вперед⁴⁴.

⁴³ Там же. Отд. II. С. 338–352. Еще 21 января 1835 г. по указанию С.С. Уварова П.А. Ширинский-Шихматов предложил Комиссии записку Н.Г. Устрялова «об издании источников русской истории до конца XVII века», которую определили хранить «до того времени, когда приказано ей будет заняться изданием помянутых источников» (Протоколы... С. 4). «Предположение» вместе с проектом правил для руководства Комиссии, составленным Я.И. Березниковым, обождалось трижды (27 декабря 1836 г., 4 и 11 января 1837 г.), после чего тексты документов в окончательной редакции были представлены министру «немедленно по переписке их» (Там же. С. 67, 69). По-видимому, первоначальный вариант «Предположения» явился результатом контаминации части «диссертации» Устрялова 1832 г. с текстом записки, написанной по заказу С.С. Уварова в конце 1834 г., когда министр загодя обдумывал проект придания Комиссии для издания ААЭ статуса постоянно действующего государственного учреждения.

⁴⁴ Л.Н. Пушкирев указал и на несообразности устряловской схемы: в разряд исторических сочинений включены «дворцовые записки» (делопроизводство), хотя, по-видимому, Устрялов имел в виду все-таки нарративы; к актам отнесены разрядные, писцовые и родословные книги; из памятников словесности, представляющих собой «смесь всего того, что не вошло в первые два разряда», выпали произведения древнерусской литературы. (Здесь автор не совсем прав, см. с. 171–172) Наряду с этим, Пушкирев обратил внимание на близость построения Н.Г. Устрялова к схеме Ф. Рома, изложенной в «Lehrbuch der historischen Propädeutik...» (1830), где предлагалось все письменные источники разделить на три главных «вида»: надписи, акты и памятники словесности (Пушкирев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 140. Примеч. 10. См. также: Пронштейн А.П. Источниковедение в России: Эпоха феодализма. Ростов н/Д, 1989. С. 341–344).

Чтобы не возвращаться к данному вопросу, обратимся к устряловскому учебнику “Русская история”, первая часть которого вышла в свет практически в одно время с “Предположением...” (см. с. 177). Историческим источникам специально посвящены первые страницы и третий раздел Введения. “Основательное знание отечественной истории, – пишет Устрялов, – приобретается постоянным изучением всех вообще памятников отечественной старины, или исторических источников, и знакомством с позднейшими изысканиями ученых: первые сообщают живое понятие о старине; вторые более поясняют недосказанное ими более или менее удачными соображениями”⁴⁵. Отсюда видно, как ошибался А.П. Пронштейн, полагая, что Н.Г. Устрялов еще не видел различия между источником и исследованием⁴⁶. В то же время Устрялов не ощущает нужды в разъяснении существа термина “исторический источник”, а сам этот термин выступает у него эквивалентом “памятника” (минувшего, старины, древности, литературы, письменности и т.д.) или “материалов”.

В учебнике Н.Г. Устрялов предложил двухчленную группировку источников: письменные (сказания современников, акты государственные, произведения наук и изящной словесности) и неписьменные (изустные предания, остатки искусств и ремесел).

Сказания современников – это “известия тех людей, которые частью сами видели описываемые события, частью узнавали их от других лиц самовидцев, и передавали потомству сведения о виденном и слышанном в летописях, дневниках, записках, письмах и проч”. Они разделены на отечественные и иноземные (Русская история. С. 6–7).

В свою очередь “сказания” отечественные поделены на летописи “безымянные” и записки “особ известных” (с середины XVI в. А. Курбский, А. Палицын, Г. Котошихин и др.). Летописи представляют собой “почти непрерывный ряд записок монастырских... деесписателей неизвестных, наблюдавших события большей частью издали, впрочем, добросовестных и беспристрастных. Добросовестность русских летописей, подтверждаемая в сущности дела или в главных обстоятельствах согласием иноземных писателей и многими актами, обнаруживается еще более, если вникнем в самый ход событий... Начало летописей, по общему мнению, укорененному веками, положено иноком Киево-Печерского монастыря преподобным Нестором... Он писал частью по преданиям старожилов, дополняя и проверяя их греческими хрониками, частью по собственным наблюдениям...” Летописцы описывали “события... хотя кратко, часто поверхностно, даже ошибочно, но всегда с любовью к истине...” Большую роль здесь играл акцент на “положительном” значении летописей как исторического источника – в противоположность представителям “скептического поветрия” 1830-х годов⁴⁷. Они служат “основой исто-

⁴⁵ Устрялов Н.Г. Русская история. СПб., 1855. Ч. I. С. 6. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁴⁶ См.: Пронштейн А.П. Указ. соч. С. 342.

⁴⁷ П.М. Строев был на этот счет иного мнения: “Много писано (в новейшее время) о Несторе... летописателе; но критика не довольствуется ипотезами (так в тексте. – А.Б.). Да и где летопись Несторова? Ужели в сборниках позднейших веков, в коих она будто бы образует начало (до 1110 или 1116 г.)? Подобное мнение, доселе всеобщее, указывает только на отсутствие критики в нашей истории” (Строев П.М. Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения до начала XVIII столетия (Извлечено из портфелей Археографической экспедиции, содержащих в себе материалы истории литературы славяно-русской) // ЖМНП. 1834. № 2. Отд. II. С. 153). В то же время К.С. Сербинович конфиденциально сообщал М.П. Погодину мнение С.С. Уварова о “вреде безверия в наши летописи”; министр полагал, что “потрясение наших летописцев предосудительно для нашего народного чувства” (ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 51. Ед. хр. 71. Л. 17, 18. Письмо от 30 июля 1834 г.).

рических знаний” наряду с записками современников. Но при этом “должно смотреть, мог ли современник знать достоверно описываемое им событие и так ли передал потомству, как знал?” Ценность сказания, по Устрялову, определяется средствами получения информации и точностью изложения “виденного или слышанного” автором: он “не внушит потомству доверия без любви к истине; с другой стороны, самая детская откровенность будет бесплодна в свидетеле малосведущем и неискусном” (Там же. С. 7).

Среди иностранных авторов, писавших “по слуху”, Устрялов выделяет произведения византийцев (Прокопий, Константин Багрянородный, Лев Дьякон, Кедрин); скандинавские саги, немецкие хроники (Лиутпранд, Дитмар Мерзебургский) и польские хроники (В. Кадлубек, Я. Длугош, М. Стрыйковский – “компиляторы не всегда верные древних хроник русских”) (Там же. С. 15–16). Записки иноземцев-очевидцев (послов, агентов, путешественников) начинаются с середины XIII в. Они “с живейшим любопытством смотрели на Россию, где все было для них ново, чудно, отлично от европейского”, и писали “с единственною целию доставить своим соотечественникам ясное понятие о полунощной Московии”. Потому их известия представляют собой важный источник истории “событий, нравов, обыкновений”. Сочинения чужеземцев Устрялов распределяет по периодам, начиная с “монгольского” (М. Поло, П. Карпини, Г. де Рубрук) от Ивана III до Самозванцев (А. Контарини, С. Герберштейн), время Самозванцев (Ж. Маржерет, М. Бер, С. Жолкевский), а затем время первых Романовых (А. Олеарий, А. Мейерберг, Я. Стрейс), при этом всегда старался указать на соответствующее издание записок и дать справочные сведения об авторе (Там же. С. 16–17).

Акты государственные, как “памятники действий правительства”, разделены на внутренние и внешние, постоянные и временные (уставы гражданские, военные, церковные, торговые и пр., грамоты и указы по частным случаям, следственные дела, дипломатические договоры). Они дают сведения о степени просвещения, состоянии промышленности, правилах политики, механизме гражданского устройства. Чем насыщеннее ими историческое повествование, тем оно “выразительнее и достовернее: каждое событие, запечатленное актом, в главном основании несомненно”; опора на актовый материал придает точность и полноту, в конечном счете полноценность историческому труду (Там же. О видах грамот см. сн. на с. 18 учебника).

Характеристику актового материала Устрялов дополняет двумя замечаниями. Во-первых, древнейшие акты (договоры с Византией, Русская Правда и др.), дошли до нас не в подлинниках, а в списках летописей и разных сборников, что давало основания некоторым критикам считать их подложными. Поскольку же специальные исследования “подтверждают их достоверность, то они должны причисляться к источникам историческим”. Во-вторых, малочисленность грамот до середины XIII в. объяснима не только действием времени, “невежеством и монголами”, но и тем, что в древности “по тогдашнему уставу государственному письменность не могла быть столь разнообразною и необходимою, как впоследствии” (Там же. С. 18). Обзор актов заключался указанием на их лучшие издания.

“Памятники наук” и изящной словесности – произведения преимущественно духовных писателей, переводная духовная литература, выражающие нередко “характер времени живее самых подробных известий исторических, определяя степень образованности и вкус народа”. В качестве древнейшего памятника письменности указано Остромирово евангелие. К тому же разряду можно отнести и народные песни, отмеченные “печатью глубокой древности”, и летописи, если изучать их в литературном отношении. Из светских ав-

торов выделены Владимир Мономах, автор “Слова о Полку Игореве”, в известном смысле к ним примыкает А.М. Курбский (Там же. С. 19).

Во всех случаях важнейшим средством исторического изучения выступает язык письменных памятников – “орудие выражения мыслей, еще более как хранилище идей, он дает средство судить о родстве народных поколений, о степени влияния одного племени на другое, о направлении и успехах гражданственности” (Там же. С. 7).

“Изустные предания” – “рассказы о минувших временах, сохранившиеся отчасти донныне только в памяти народной, отчасти внесенные в исторические сочинения со всеми признаками сведений о старине отдаленной”. Достоинство их зависит от того, насколько они “сообразны с общим ходом событий, с духом времени и чем менее заключают в себе явно баснословного” (Там же. С. 7–8). В древних летописях они “украшены вымыслом” (походы Олега на Византию, месть княгини Ольги древлянам, война Святослава с Цимисхием) (Там же. С. 19).

“Остатки искусств и ремесел... мира ушедшего” – здания, монументы, картины, монеты, одежда, оружие, домашняя утварь, “исстари сохранившиеся обыкновения” (?). Вкупе с письменными источниками они могут “живо выражать характер века” и “гражданский быт, отличный от нашего”. Их ценность тем значительнее, чем они древнее (Там же. С. 8, 18)⁴⁸.

Как видно, данная в учебнике классификация более развернута и на порядок функциональнее, чем в “Предположении”... Устрялов впервые вводит в учебное пособие по русской истории не только понятие “исторический источник”, но и представляет такой опыт классификации источников, который не идет ни в какое сравнение ни с предшествующими, ни с современными ему, ни весьма продолжительное время с последующими. Разумеется, в обоих случаях устряловские построения решали утилитарные, прикладные задачи в первом – образовательные, гуманитарно-дидактические, во втором – археографические.

Возвратимся к “Предположению... Перебрав до полутора десятка летописей, Н.Г. Устрялов вынужден заключить, что за небольшим исключением они “изданы так неисправно, что многие критические изыскатели списывали для себя копии с оригиналов, признавая невозможным пользоваться печатными, в коих беспрестанно встречаются очевидные ошибки” (“Предположение...” С. 399). Издание актов шло успешнее, но при всем том “этот источник неисчерпаем” (Там же. С. 344).

Историко-археографическая справка имела следующее резюме: во-первых, “исторические материалы наши весьма разнообразны и многочислен-

⁴⁸ Н.Г. Устрялову пришлось дважды столкнуться с проблемой датировки одного из таких “остатков”. В ноябре 1836 г. он выступал экспертом (вместе с Я.И. Бередниковым) в вопросе о принадлежности надгробного камня из Путивля кн. Васильку Георгиевичу, сыну Юрия Долгорукого. Рисунок камня поступил в Комиссию в составе материалов, собранных уездным предводителем дворянства подполковником Львовым. Согласно летописному известию 1162 г., князь выехал в Византию; более в летописях он не упоминался. На основании палеографических признаков и генеалогических справок Бередников отнес надгробие к XVI или XVII в. Впрочем, для вынесения окончательного суждения, Бередников считал необходимым получить “вернейший” рисунок камня. Н.Г. Устрялов был того же мнения. Вместе с тем, “молчание русских летописцев, тем более византийских писателей, а еще более Карамзина, о господстве Василька Георгиевича в Путивле решительно ничего не доказывает: мало ли что нам известно по старинным памятникам, чего нет в летописях! Памятники искусств и художеств именно потому и драгоценны, что они или подтверждают или дополняют, а нередко даже исправляют сказания летописцев”. Поэтому о камне тогда только можно будет сказать “что-нибудь положительное, когда будет получен самый точный рисунок по образцу Тьмутараканского камня” (Там же. С. 62, 64). Через некоторое время обоим археографам пришлось вновь возвратиться к этому делу. На этот раз рисунок надгробия сопровождался предположением зрителя Путивльского уездного училища о принадлежности надгробия кн. Владимиру Игоревичу, упомянутому в “Слове о полку Игореве” (Там же. С. 91, 110).

ны”, однако “из них доступна ученому свету только малая часть”; во-вторых, из того, что доступно, немногим можно “пользоваться с уверенностью, без опасения вставок, пропусков и всякого рода погрешностей”. Наконец, ключевая мысль: “Недостаток критических изданий был доселе главною, если не единственною, виною медленных успехов отечественного бытописания” (Там же. С. 343)⁴⁹. В них-то “бытописатели наиболее встречают надобности”.

Устряловская концепция проекта “совокупного издания русских летописей” опиралась на предшествующий опыт летописной археографии. Прежние издатели летописей следовали “тройкой методе”⁵⁰, но для решения предстоящей задачи “ни одна из сих метод не может служить руководством”: “буквальная” – вследствие “явного отсутствия критики”; “критического, или очищенного свода” (шлёцеровская) – поскольку сходство содержания списков кончается серединой XII столетия; “сводная” (Р.Ф. Тимковского) – применима только к изданию отдельного списка, она не определяла, как должно поступать при издании “всех вообще летописей”. План “полного систематического издания летописей” и примыкающих к ним “других исторических сочинений” Н.Г. Устрялов представлял в качестве “подробного развития мысли Карамзина”⁵¹, которая “есть выражение общего желания всех людей просвещенных” (Там же. С. 344–346).

Исходным пунктом этого плана служила классификация данного нарративного материала по способу составления и характеру содержания. Все летописи он предложил разделить на два главных разряда: отдельные временники “неизвестных деесписателей”, в основу которых положен текст Нестора, переходящие затем к повествованию о событиях в отдельных княжествах (летописи Волынская, Новгородская, Псковская, Киевская и др.), и летописные сборники, составленные по способу компиляции в XVI–XVII вв. из отдельных неизвестных временников (летописи Никоновская, Воскресенская и пр.). “Трудолюбивые грамотеи, – писал Устрялов, – списывали эти временники в одну книгу в виде свода в хронологическом порядке, не отличая одного списка от другого и вставляя разные, не относящиеся к главному предмету, статьи” (Там же. С. 346). В зависимости от особенностей передачи текста Нестора они также должны быть разделены на разряды. Особые разряды “исторических сочинений” образуют хронографы и Степенные книги (“выбор из летописей, приведенный в систему”).

Таким образом, собрание источников русской истории следовало разбить на пять отделений, где напечатать: 1) “летопись Нестора” по лучшему списку с вариантами из всех других списков; 2) “продолжателей Нестора”: в каждом разряде по каждой отдельной летописи, приняв за основу “лучший, если можно, полнейший список”, с вариантами из однородных списков “отчасти под текстом, отчасти в примечаниях или отдельными статьями в виде дополнений, как будет признано удобнее”; 3) летописные сборники, разделенные на разряды, – по той же схеме; 4) Степенную книгу; и 5) лучший хронограф полностью “для образца”, из прочих – только фрагменты русской истории (Там же. С. 347–348).

⁴⁹ Очень скоро Н.Г. Устрялов изменил свои взгляды. В первом тезисе его докторской диссертации (название см. сн. 59), защищенной осенью 1836 г., “причины медленных успехов отечественного бытописания” объяснялись не бедностью материалов, а “неудачным выбором системы как в начертании общего плана, так и в изложении подробностей” (С. 83).

⁵⁰ Вопрос об “ученом” издании летописей был наиболее острым предметом археографической полемики 1800–1820-х годов. См.: *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. С. 316–324.

⁵¹ Мнение Н.М. Карамзина об издании летописей см.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. I, т. 1. С. XVI.

Организационные принципы издания сводились к следующим положениям: сосредоточить в Комиссии все известные списки летописей и разных исторических сочинений; придать работе Комиссии публичный характер (“обнародовать для всеобщего сведения о предполагаемом великом деле для отечественной истории с тем, что каждое приношение частных лиц принято будет с признательностью и что все оригиналы будут в целости возвращены их владельцам, или в те места, откуда доставлены”); распределить имеющиеся списки по разрядам; рецензию их поручить одному лицу в звании главного редактора летописей; на основании мнения главного редактора Комиссия поручает ему или другим своим членам в звании редакторов завершить подготовку рукописей к печати.

Здесь же прописывались обязанности главного редактора и редакторов: “а) с возможною точностью объявить в предисловии все палеографические приметы употребленных ими списков. Не бесполезно было бы присоединить снимки, по крайней мере, первой страницы каждой замечательной рукописи; б) присовокуплять к тексту варианты и следовать единообразному правописанию, которое должно быть определено с точностью, сохраняя древние формы языка; в) в вариантах показывать с дипломатической точностью, что заимствовано из того или другого списка; г) вставки... отдельные статьи и вводные сочинения всякого рода помещать в конце тома в виде особых дополнений; е) пояснять текст критическими примечаниями... Целью примечаний должны быть не прагматические выводы, а единственно исследование несообразностей или противоречий списков, пропусков, дополнений, отчасти значений слов и проч.” (Там же. С. 348–351)⁵².

Что касается программы издания актовых источников, то находящиеся в Комиссии акты с вновь поступающими, Н.Г. Устрялов предлагал печатать в виде дополнений к строевским ААЭ (“важного пособия для объяснения старинных форм судопроизводства”). Подготовительная работа возлагалась на главного редактора актов, действующего на тех же основаниях, что и главный редактор летописей. К первоочередным потребностям археографии Н.Г. Устрялов отнес издание извлечений из Литовской метрики и писцовых книг, Родословной книги, “исправнее Миллера”, и “лучшей” разрядной книги с вариантами⁵³.

В свете дальнейшей практики изданий Археографической комиссии “Предположение...” следует оценить как эклектическую импровизацию, преждевременный плод уваровских бюрократических манипуляций с исторической наукой, карьерного устремления получить от нее вождеденную отдачу как можно скорее. “Пожимая плечами, – писал М.П. Погодин, – можно было утешаться: пусть издадут хоть как-нибудь...”⁵⁴ Как бы то ни было энергичные действия министра привели в движение мощный механизм социальной ком-

⁵² Ср.: Правила для руководства Археографической комиссии [18 февр. 1837 г.] // ЖМНП. 1837. № 3. Отд. I. С. LVI–LXV.

⁵³ Мы не считаем нужным вдаваться в анализ слабых сторон устряловского проекта издания летописей; историю публикации первых томов ПСРЛ можно использовать в качестве классической иллюстрации “герменевтического” круга в археографии, когда “для выработки плана и установления приемов издания необходимо предварительное научное знание самого издаваемого материала, т.е. знание, средством и источником для которого должно служить само издание” (Добрушкин Е.М. Основы археографии. М., 1992. С. 53–54). См. также: Чирков С.В. Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 107–109; Корнева И.И. Указ. соч. С. 85–87; Хартанович М.Ф. К истории издания первых томов ПСРЛ (30–60-е гг. XIX в.) // ВИД. СПб., 1993. Вып. XXIV С. 155–164).

⁵⁴ Погодин М.П. Речь при открытии Археологического съезда в Москве 1869 г. марта 17 дня // Погодин М.П. Речь, произнесенные М.П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях. 1830–1872. [Соч. Т. 3]. С. 493.

муникации, обслуживающий потребности как собственно науки, так и политической стратегии николаевского режима⁵⁵.

29 декабря 1836 г. Комиссия возложила на Н.Г. Устрялова приготовление к печати юридических актов из коллекции П.М. Строева⁵⁶. “Без вас у нас ничего не начинается [...], – писал С.М. Строев в Москву П.М. Строеву, – Устрялов ровно ничего не делает и даже глаз не кажет к нам. Вся работа лежит на Якове Ивановиче и на мне [...]” В другом письме к брату С.М. Строев снова возвратился к той же теме: “Жаль, что работать некому [...] Один [...] Бердников трудится. Устрялов гонится какою-то невидимою силой к храму бессмертия [...]”⁵⁷. На самом деле в течение 1837 г. Н.Г. Устрялов занимался рецензированием актов и описей, поступавших в Комиссию преимущественно из западных губерний империи. В следующем году он фактически устраняется от участия в работе Комиссии⁵⁸.

Согласно университетскому Уставу 1835 г., условием получения ординарной профессуры, а с ним и права на замещение кафедры, становилась докторская степень. Предписанием министра просвещения профессорам без докторского диплома было предложено в течение года публично защитить диссертацию по избранному ими предмету. Трудно сказать, сколько месяцев Устрялов затратил на изложение своего кредо – 80-страничной диссертации “О системе прагматической истории”⁵⁹, но к середине сентября она была отпечатана, а в ноябре 1836 г. при стечении многочисленной публики состоялась ее защита. Устрялов без тени иронии рассказывает, кому он обязан докторской степенью. Решающим был голос Ф.И. Круга. Когда вечерний курьер доставил ему диссертацию, престарелый академик давно уже спал, его пришлось будить, встревожить, “так что и сон его прошел. Этому обстоятельству надобно приписать то, что он обратил внимание на мое сочинение; иначе, может быть, и не взглянул бы на него”⁶⁰.

⁵⁵ В частности, об этом свидетельствуют награды “за отлично-усердные и особенные труды по званию члена Археографической комиссии”. 18 декабря 1836 г. их получили: Н.Г. Устрялов – орден Станислава 3-ей степени, Я.И. Бердников – орден Владимира 4-й степени, А.А. Краевский – орден Анны 3-ей степени, П.М. Строев – орден Станислава 4-й степени. См.: ЖМНП. 1837. № 1. Отд. I. С. XII–XIII. 7 октября 1841 г. Устрялов был удостоен “монаршего благоволения” “за усердную его службу” по Археографической комиссии. О раздаче чинов и наград начальству и членам комиссии см. также: ЖМНП. 1841. № 12. Отд. I. С. 34–36, 38.

⁵⁶ Протоколы... С. 68. Помимо всего, в 1835–1836 гг. Устрялов принял участие в Энциклопедическом лексиконе Плюшара. См.: Алексей Михайлович // Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. [Т. 1]. А – Алм. С. 491–495; Анкудинов Тимошка // Там же. СПб., 1835. [Т. 2]. Алм–Ара. С. 316–317; Антон-Ульрих Брауншвейгский // Там же. С. 386–387; Бирон Э.-И. // Там же. СПб., 1836. [Т. 6]. Бин–Бра. С. 30–33, и др. Попутно заметим: в “Словарь” вошел термин *археография* – “описание древностей”. *Археограф* – занимающийся отысканием и описанием древностей. См.: *Археология* // Там же. СПб., 1835. [Т. 3]. С. 251.

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 291. К. 2250. Д. 40. Л. 3–3 об., 15 об., 16.

⁵⁸ В течение 1837 г. Устрялов несколько раз выступал с рецензиями актов и рукописей, поступавших в комиссию – 15 февраля (Протоколы... С. 76), 26 апреля (Там же. С. 78, 87, 91–96); 24 мая (Там же. С. 99, 104–105); 5 июля (Там же. С. 119); 2 августа (Там же. С. 104–105, 133–134); 6 сентября (Там же. С. 124, 143, 144–145); 1 ноября (Там же. С. 147, 169); 13 декабря (Там же. С. 187–188). В 1838 г. Устрялов лишь дважды выступил с донесениями: 28 марта и 5 декабря (Там же. С. 237, 326, 383); в 1839 г. – единственный раз 6 февраля (Там же. С. 398).

⁵⁹ О системе прагматической русской истории: Рассуждение, написанное на степень доктора философии Николаем Устряловым, Имп. С.-Петербург. университета по кафедре русской истории экстраординарным профессором, Имп. Военной Академии и Главного педагогического института адъюнктом, высочайшее утверждением Комиссии для издания актов, собранных Археографическою экспедициею, членом Общества истории и древностей российских в Москве и Северных антиквариев в Копенгагене, действительным членом и орденов св. Владимира 4 степ. и св. Анны 3 степ. кавалером. СПб., 1836. (По определению Совета университета 14 сентября.)

⁶⁰ Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 624.

На докторском диспуте Устрялову оппонировали Плетнев, Герман и бывший профессор Виленского университета Литвинов. Защищался он слабо и попечитель, по свидетельству А.В. Никитенко, во избежание “соблазнительного спора... поспешил прекратить диспут”. Вся эта история для него принимала вид какой-то непонятной игры: “Странная задача: прагматическая история в наше время, при нынешней цензуре и источниках, не очищенных и не разработанных критически, да разве это мыслимо?”⁶¹

П.А. Вяземского поразило не столь содержание диссертации, сколько сам факт ее защиты. За поощрение трудов, которые “могут служить к ослаблению государственных и исторических начал народа”, он готов был сделать тяжелый упрек министру в идеологической близорукости. Это звучит парадоксом, но взгляды Устрялова Вяземский сближал с идеей русской истории “Философического письма” П.Я. Чаадаева, воспользовавшегося, якобы, теорией, “проповедуемой историческою оппозициею нашею” (т.е. “скептиков”): «Оба мнения подкрепляют друг друга и сливаются вместе. Одно различие в том, что в журнальном письме более безумия и таланта, а в университетском рассуждении более нелепости и менее искусства. Я вполне уверен, – продолжал Вяземский, – что г. Устрялов во многом а, может быть, даже и во всем по совести и убеждению совершенно противоположен мнениям, изложенным в помянутом письме. Я готов согласиться, что даже чего доброго имел он намерение рассуждением своим косвенно возразить “Телескопу”. Но... лучшие побуждения души могут иметь по неспособности головы самые пагубные последствия»⁶².

Сохранилась черновая рукопись неоконченной статьи неизвестного критика устряловской диссертации, в которой он обнаружил лишь “краткие сентенции, не подкрепленные ни авторитетами известных ученых, ни логическими доказательствами; сбор журнальных заметок и выходов, коими не дорожили и не дорожат и сами журналисты”. При этом собственные мысли Устрялова перепутаны такими “противоречиями, которых странно встречать в сочинении ученом, следственно глубоко обдуманном и писанном не по заказу, как статьи журнальные”⁶³. Ничтожность и бессодержательность диссертации аноним пытается обосновать ссылкой на ее исходный тезис – “Россия еще не имеет своей истории”, что практически совпадает с позицией Вяземского. Отсюда понятно, что “антикарамзинизм” – это и есть главный грех Устрялова.

Обозрение современного состояния исторических знаний в России, где Н.М. Карамзин и Н.А. Полевой поставлены на одну доску, “неполно, неопределенно до неясности и совершенно бездоказательно”⁶⁴, а в чудовищном разборе карамзинской “Истории” за истины выдано одновременно “и белое и черное”. Устрялову инкриминируется едва ли не вольнодумство; дух его исторических воззрений “неприятный и не для одного патриотизма, но и для чувства гордости народной”. И этот “квасовый”⁶⁵ патриотизм, осмеянный людьми с новыми взглядами”, анонимный критик предпочитал “целой систе-

⁶¹ Никитенко А.В. Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 189. Запись от 8 декабря 1836 г.

⁶² См.: Вяземский П.А. Проект письма к министру народного просвещения С.С. Уварову с заметками А.С. Пушкина. 1836 // Полн. собр. соч. СПб., 1879. Т. 2. С. 222–224. См. также: Заметки на полях письма П.А. Вяземского С.С. Уварову по поводу книги Устрялова “О системе прагматической русской истории” // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 285–286. Примеч. на с. 468; Письмо А.С. Пушкина П.А. Вяземскому. Декабрь 1836. // Там же. Т. 16. С. 213; Письмо Н.Г. Устрялова А.С. Пушкину 27 октября 1836 г. // Там же. С. 178. Примеч. на с. 338.

⁶³ СПб. ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1а. Ед.хр. 60. Л. 1 об.

⁶⁴ Там же. Л. 4 об.

⁶⁵ Слово зачеркнуто.

ме парадоксов, всегда вредных для людей, знакомых с науками” по одним журналам и брошюрам. Свою точку зрения критик выразил афоризмом: “Кто хочет знать историю как ученый, тот должен читать все, что читал Карамзин”⁶⁶.

В начале 1837 г. Н.Г. Устрялова избрали адъюнктом Академии наук по отделению русской истории и древностей⁶⁷. Можно понять затруднительность положения молодого члена Академии, когда участие в Демидовском конкурсе в качестве штатного рецензента ему пришлось начинать с отзыва на “Ключ...” П.М. Строева к “Истории” Н.М. Карамзина. Ведь еще совсем недавно он выступал в роли ученика многоопытного археографа. Тем не менее первый на академическом поприще самостоятельный шаг Устрялова был твердым и уверенным⁶⁸.

К середине 1830-х годов, приводя в порядок лекционные курсы, Н.Г. Устрялов задумал издать учебное руководство по русской истории. В апреле 1835 г. министр пригласил историка на чтение рукописи. Уваров, рассказывает Устрялов, “призвал меня в кабинет и стал беседовать об ученых делах. Вскоре послышался стук саблею и быстрая походка. “Это Протасов”, – сказал с улыбкою Уваров. Немедленно сели. Протасов взял мою рукопись и начал читать, особенно о Литовском княжестве. Оба они делали замечания; но вообще были в восторге, особенно граф Протасов; для него очень важно было тогда Литовское княжество по политическим соображениям; дело представлялось как-то смутно. Теперь же все стало ясно. Уваров сказал ему мимоходом тихо по-французски, что доложит о моем труде государю”⁶⁹. Так возникло решение объявить конкурс на лучший учебник русской истории. Автору руководства, представленного до 1 января 1837 г. и одобренного Министерством, назначалась премия 10 тыс. руб. асс. Победитель был намечен заранее.

Программу учебника по распоряжению П.А. Ширинского-Шихматова составлял Устрялов. В конце 1836 г. С.С. Уваров представил царю первую часть “Русской истории”; 28 декабря Н.Г. Устрялову было объявлено высочайшее благоволение⁷⁰.

В 1837–1840 гг. Н.Г. Устрялов выпустил еще три части учебника⁷¹. В 1839 г. вышел учебник русской истории для училищ⁷², спустя год – для на-

⁶⁶ Там же. Л. 12, 7, 11 об. См. также: Письмо П.А. Вяземского А.С. Пушкину. Вторая половина ноября 1836 г. // *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.* Т. 16. С. 195.

⁶⁷ В заседании Академии наук 13 января 1837 г. Ф.И. Круг сообщил, что “разбирал с величайшим вниманием два новейшие сочинения г-на профессора... Устрялова... и находит, что сии труды, свидетельствуя о способностях и познаниях автора, соделывают его вполне достойным звания адъюнкта Академии” (ЖМНП. 1837. № 3. Отд. III. С. 604–605). Известие об избрании в Академию вызвало весьма прозаичный комментарий Устрялова: “место почетное, с хорошим жалованьем и квартирою, а службы никакой” (*Устрялов Н.Г. Воспоминания.* С. 624–625).

⁶⁸ П.М. Строев не получил премии. “Ключ ваш, – писал Я.И. Бередников, – рассматривал почтеннейший Ф.И., следственно от него зависел и отказ. А почему, и как, не знаю” (ОР РГБ. Ф. 291. К. 2250. Ед. хр. 4. Л. 23 об. Письмо от 6 авг. 1837 г.). Ф.И. – Филипп Иванович Круг. Рецензии Устрялова на “Ключ...” см.: СПб. ФА РАН. Ф. 2. 1–1836. Ед. хр. 1. Л. 116–119 об.

⁶⁹ *Устрялов Н.Г. Воспоминания.* С. 626.

⁷⁰ См.: [Уваров С.С.] Общий отчет, представленный е.и.в., по Министерству народного просвещения за 1836 год // ЖМНП. 1837. № 4. Отд. I. С. X–XII. Первая часть “Русской истории. 862–1462” вышла в свет в январе 1837 г., цензурное разрешение – от 19 января 1837 г. Одновременно с Устряловым за поднесение “Ключа” к “Истории государства Российского” “высочайшее благоволение” получил П.М. Строев. См.: ЖМНП. 1837. № 1. Отд. I. С. XIII.

⁷¹ Включительно по 1855 г. вышло пять изданий. См.: Русская история. 862–1462. СПб., 1837. Ч. I; То же. 1462–1689. СПб., 1837. Ч. II; То же. 1689–1762. СПб., 1838. Ч. III; То же. 1762–1812. СПб., 1840. Ч. IV; То же. 2-е изд., испр. СПб., 1839–1841. Ч. I–V; То же. 3-е изд. СПб., 1845. Ч. I–II; То же. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1849. Ч. I–II. То же. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1855. Ч. I–II.

⁷² Начертание русской истории для средних учебных заведений. СПб., 1839; То же. 2-е изд. СПб., 1839; включительно по 1857 г. вышло 10 изданий.

чальной школы⁷³. Казалось бы, характер отношений с министром и обер-прокурором Синода Н.А. Протасовым делал Н.Г. Устрялова абсолютно неуязвимым по службе, исключал любые неприятности, не говоря уже об угрозах, реальных или мнимых, его университетско-академической карьере⁷⁴. Однако если дела идут хорошо, значит мы чего-то не замечаем: любимец министра едва не оказался жертвой личной вражды к С.С. Уварову попечителя Московского учебного округа, могущественного по своему влиянию на царя⁷⁵.

Каким-то путем до профессора дошло, что на предстоящей аудиенции приехавший из Москвы С.Г. Строганов собирается указать Николаю Павловичу на превратно истолкованные страницы “Истории”. Положение создавалось критическое, и он принял решение форсировать события. «Сам Бог спас меня от беды, – вспоминал Устрялов. – Я слышал прежде стороною о нерасположении ко мне Строганова, и как скоро он приехал, решил с ним объясниться [...] Строганов ввел меня в кабинет, посадил и, взяв со стола мою книгу, спросил довольно сурово: “Можно ли писать такие вещи?” [...] Я объяснил ему указанные места, доказал, что в них нет ничего противного нашим религиозным верованиям, говорил с жаром, опровергал все возражения и, после двухчасового прения, Строганов совсем ко мне изменился, простился очень ласково, протянул свою руку, и дело не имело для меня никаких последствий”⁷⁶.

Виновником “строгановского” инцидента Н.Г. Устрялов почему-то представил М.П. Погодина, что не имело под собой никакого основания⁷⁷.

1842 год – рубежный в судьбе историка. Его завершала книга “Именитые люди Строгановы”, вызванная случайной находкой “в кипе ветхих бу-

⁷³ Руководство к первоначальному изучению истории. СПб., 1840; То же. 2-е изд. СПб., 1840; включительно по 1859 г. вышло 11 изданий.

⁷⁴ См.: *Устрялов Н.Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское... читанное в торжественном акте в Главном пед. ин-те, 30 дек. 1838 г. СПб., 1839.

⁷⁵ По свидетельству осведомленного С.М. Соловьева, попечитель презирал министра “как подлеца, грязного человека, и по характеру своему не скрывал этого презрения...” Истинные мотивы этой вражды до сих пор не выяснены, но тот же Соловьев передает слух, достоверность которого весьма вероятно: конфликт имел в своей основе интимную связь С.С. Уварова с мачехой С.Г. Строганова. См.: *Соловьев С.М.* Записки для детей моих, а если можно и для чужих // Избр. труды. Записки. М., 1983. С. 268.

⁷⁶ *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 627.

⁷⁷ Завязку “интриги” Н.Г. Устрялов связывал с рецензией в одном из московских журналов, где была “вотптана в грязь” его книга “Именитые люди Строгановы”. Мемуарист не назвал ни журнала, ни автора разгромной рецензии. Но ясно, что имелась в виду статья М.П. Погодина. См.: Погодин М.П. [Рец. на кн.:] *Устрялов Н.Г.* Именитые люди Строгановы. СПб., 1842 // Москвитянин. 1843. № 4. С. 490–500. “По всей вероятности, – писал Устрялов, – эта критическая статья внушила мысль... Строганову, как вредна будет моя книга в училищах, заключая в себе неправильные, даже вредные понятия о религии и правлении” (*Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 627). Но погодинская рецензия совсем не касалась “религии и правления”. Предмет разногласия с Устряловым заключался в трактовке сословного статуса Строгановых. По мнению Погодина, это были гости, а не какое-то особое сословие “именитых людей”. Возмущало некорректное использование ссылок на “Историю” Н.М. Карамзина. «Опасаясь, увлекаясь духом рецензионным против г. Устрялова, сказать что-нибудь несправедливое о самих “именитых людях Строгановых”, – заключал Погодин. Он считал, что автор “сделал бы гораздо лучше, если б издал одну грамоту с рисунками” (*Погодин М.П.* Указ. соч. С. 499, 500). Объяснением мнимого мотива враждебного выпада московского профессора, к чему, видимо, и склонялся Устрялов, могло послужить желание Погодина поквитаться за провал в Демидовском конкурсе 1837 г. Рецензируя погодинское “Начертание русской истории для училищ” (М., 1835), Н.Г. Устрялов нашел, что оно не только не удовлетворяет условиям конкурса, “но даже не заслуживает названия порядочного руководства” (СПБ ФА РАН. Ф. 2. Правление Академии наук. 1–1836. Ед. хр. 1. Л. 107). О непростых отношениях С.Г. Строганова и М.П. Погодина см. воспоминания последнего: ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 28. Ед. хр. 21. Л. 1–14 об.

маг” списка жалованной грамоты 1692 г. именитому человеку Г.Д. Строганову. Думается, все же не столько богатство содержания грамоты, сколько стремление особым способом засвидетельствовать свою лояльность графу С.Г. Строганову подтолкнуло Устрялова к ее изданию. Как выяснилось, подлинник грамоты хранился у С.В. Строгановой. Устрялов обратился к графине и та раскрыла перед ним фамильный архив – свыше 100 подлинных актов с 1517 по 1770 г. На основании документов строгановского архива и была написана статья, предварявшая публикацию грамоты. Текст грамоты занял около 100 страниц⁷⁸. Мастерски описав грамоту, Устрялов приложил к изданию опись фамильных документов архива С.В. Строгановой, карту владений Строгановых на Каме и Чусовой из старинного атласа Академии наук (1745), гравированный портрет Петра I, пожалованный царем Г.Д. Строганову, факсимиле подлинного письма Екатерины I (1714) ему же, редчайший рисунок дома Строгановых в Сольвычегодске, который простоял 233 года и был разобран в 1798 г., родословное древо Строгановых. Книга таким образом соответствовала параметрам коммерческого продукта и подарочного издания. Но независимо от всех привходящих обстоятельств, она открывала собой длинный ряд историко-родословных исследований русской аристократии.

Незадолго до выхода в свет книги, Устрялов становится экстраординарным академиком⁷⁹. С неприязнью относившийся к нему Я.И. Беренников (включая историка в категорию “шарлатанов тщеславных”), предсказывал Устрялову большое будущее: “И сей муж сидит на седалище учителей [...] и, конечно, будет главою русской истории в Академии. O tempora, o mores!”⁸⁰

Из переписки Н.Г. Устрялова с М.А. Оболенским 1841–1842 гг. видно, что в это время историк готовил издание “Записок” С. Порошина и собирал документы для биографии фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского⁸¹. В конце декабря 1842 г. Устрялов сообщал Оболенскому, что помимо быстро продвигающегося вперед жизнеописания Румянцева, он занялся “огромным делом, на которое решился посвятить несколько лет трудов и терпения”. Каким именно – об этом историк умалчивал.

В сентябре 1842 г. Н.Г. Устрялов обратился к С.С. Уварову с просьбой исходатайствовать высочайшее дозволение посещать архивы всех ведомств с правом делать извлечения и выписки из подлинных дел для изучения истории Петра Великого. 2 ноября 1842 г. министр отвечал: “Вследствие представле-

⁷⁸ Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. С. 24. Примеч. 41. Предисловие подписано 26 августа; цензурное разрешение – от 17 сентября 1842 г.

⁷⁹ Произошло это 4 июня 1842 г. См.: РО ИРЛИ. Ф. 14. № 122. Л. 5 об. – 6. Ранее, в январе 1840 г., Устрялова избрали деканом историко-филологического факультета Петербургского университета. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 4346. Л. 3 об. – 4.

⁸⁰ Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 366.

⁸¹ См.: Бухерт В.Т., Шохин Л.И. Обзор переписки М.А. Оболенского с историками Я.И. Беренниковым, Н.Г. Устряловым и А. Хыждеу // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 281–282. В записке Н.Г. Устрялова об изданных им и подготовленных к изданию трудах, составленной для Ф.И. Круга перед баллотировкой в экстраординарные академики, о “Записках” Порошина, как и об “Именитых людях...”, нет ни слова. Кроме жизнеописания графа П.А. Румянцева “по документам Военного министерства и других ведомств”, проливающего “новый свет на войны Екатерины II с Турциею”, значилась “История Малороссии” Г. Конисского, “объясненная ученою критикою”, которая “будет немаловажным приобретением для ученой литературы нашей” (СПб ФА РАН. Ф. 88. (Ф.И. Круг). Оп. 2. Ед.хр. 90. Л. 3. От 12 мая 1842 г.). См. также: Извлечение из отчета по 1 и 3 отделениям Имп. Академии наук... // ЖМНП. 1843. № 3. Отд. III. С. 53. В списке отсутствует “Речь об историческом развитии внутренней жизни русского народа...” (Recueil séance publique de l’Académie Imp. des sciences de SPb., tenue le 29 dec. 1837. S.-Ptb, 1838. P. 53–64).

ния Вашего, я входил со всеподданнейшим докладом к государю императору [...] Его императорское величество, в 30 день минувшего октября, изволил изъяснить на просьбу Вашу высочайшее согласие, с тем, чтобы Вы отнюдь не брали бумаг к себе. О сей монаршей воле, сообщив гг. министрам по принадлежности, я вместе с тем просил их оказать Вам зависящее от них содействие к успешному выполнению предначертанного Вами исторического труда. Сообщая о том Вам, предлагаю, в исполнение высочайшей воли государя императора, не брать подлинных бумаг к себе ни под каким видом, под строгою ответственностью”⁸².

(Продолжение следует)

⁸² Устрялов Н.Г. Воспоминания. С. 628–629. Об упомянутом в прошении историка архиве Синода не было сказано ни слова; обер-прокурор уклонился от подобного представления к царю, но заверил С.С. Уварова, что дела будут “показаны по возможности” (Извлечение из отчета... С. 53–54).

Д.М. Усманова

**Н.П. ЗАГОСКИН – ИСТОРИОГРАФ
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

(К 150-летию со дня рождения)

Приближающийся (в 2004 г.) 200-летний юбилей Казанского университета породил небывалый всплеск интереса к истории первого из восточных университетов Российской империи. Предпринимая очередную попытку создать “генеральную” историю университета (в настоящее время практически завершена работа большого авторского коллектива над “Очерками истории Казанского университета”), исследователи обращаются к прошлому опыту. Одна из первых подобных попыток была предпринята еще в конце XIX в. к 100-летию юбилею и связана с именем профессора истории права Казанского императорского университета Николая Павловича Загоскина (1851–1912).

В данной статье речь пойдет, преимущественно, о такой грани творчества Николая Павловича, как работа над многотомной историей Казанского университета. Тем не менее представляется целесообразным в нескольких словах очертить жизненный путь Николая Павловича. Следует сказать, что в архивах, прежде всего Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ) и Российском государственном историческом архиве, сохранилось большое количество документов, связанных с Н.П. Загоскиным. Это сведения из личного дела студента Казанского университета, из формулярных списков о службе профессора Казанского университета и члена Государственного совета Российской империи¹. Другая группа архивных документов отражает деятельность Загоскина в стенах Казанского университета: в качестве преподавателя и декана юридического факультета², ректора университета³, на научном поприще историка права и как университетского преподавателя⁴, и, наконец, летописца университетской истории. В огромном количестве архивных документов⁵ отражена обширная и разнообразная деятельность Загоскина в сфере публицистики, в качестве журналиста и издателя-редактора ряда периодических изданий, а также автора-издателя классического путеводителя по Казани.

¹ См.: НАРТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 11. Л. 89–145. (Личное дело Н.П. Загоскина); Оп. “Личные дела студентов”. Д. 988. 6 л.; РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 697 (Личное дело члена Государственного совета Н.П. Загоскина 32 л.).

² См.: НАРТ. Ф. 977. Оп. “Юридический факультет”.

³ Там же. Описи “Ректор” и “Совет”. Прежде всего, интерес представляют рукописные, т.е. наиболее полные, варианты протоколов заседаний Совета Казанского императорского университета за 1880–1911 гг., когда Загоскин состоял профессором и полноправным членом университетской профессорской корпорации.

⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. “Совет”. Д. 7335, 7452, 7516, 7596, 8645, 11094, 11141, 11309, 11454, 12318, 12431; и др.

⁵ Здесь речь идет, прежде всего, о делах, сохранившихся в фонде Казанского окружного суда (НАРТ. Ф. 41), Казанской судебной палаты (НАРТ. Ф. 51) и прокурора Казанской судебной палаты (НАРТ. Ф. 390). Загоскин неоднократно привлекался к судебной ответственности за свою деятельность в качестве редактора изданий “Волжский вестник” (1883–1891) и “Камско-Волжский край” (1896–1898). См.: НАРТ. Ф. 41. Оп. 2 (Уголовный отдел). Д. 1248, 1362, 1363, 1481, 1525, 1734; Оп. 4 (Предварительное следствие). Д. 1724.

Происходивший из потомственных дворян Пензенской губернии, Николай Павлович Загоскин получил среднее образование в Пензенской гимназии⁶. Затем поступил на юридический факультет Казанского императорского университета (1870–1874). За дипломное сочинение на тему “Служилые люди Московского государства от Иоанна III до Петра I” был награжден золотой медалью.

После успешного окончания университета в июне 1875 г. Загоскин был допущен к чтению лекций по истории римского права в качестве приват-доцента. Одновременно он продолжил научно-исследовательскую работу над историей государственных институтов допетровской России. За представленную в 1878 г. диссертацию “История права Московского государства” молодой ученый получил степень магистра государственного права и был утвержден в звании доцента Казанского университета. За другое исследование – “Центральное управление Московского государства” (Вып. 1 “Боярская Дума”) чуть позже Загоскин был удостоен звания доктора государственного права. В дальнейшем он продолжил научные историко-юридические изыскания в российских архивах.

В Казанском университете Загоскин первоначально преподавал римское право. 9 апреля 1880 г. он был утвержден ординарным профессором на кафедре истории римского права. Но по научным интересам ему было гораздо ближе русское право (не случайно, в годы учебы в университете экзамен по римскому праву был сдан Загоскиным только на “хорошо”, тогда как по истории русского права он показал отличные знания). Поэтому, когда в июне 1885 г. представилась возможность, Н.П. Загоскин воспользовался вакансией и перешел на кафедру истории русского права. Одновременно он продолжал читать лекции по истории философии права на вакантной кафедре энциклопедии и истории философии права. В 1879–1882 и в 1910–1911 гг. Загоскин преподавал на Казанских высших женских курсах.

По своим историческим взглядам он принадлежал к государственной школе в историографии. Его труды были посвящены истории русского права и государственных институтов Российского государства, методологии и историографии их изучения. Другая сфера его научных интересов – история Казанского Поволжья и краеведение. В частности, ему принадлежит один из лучших провинциальных городских путеводителей “Спутник по Казани”. (Казань, 1895).

Н.П. Загоскин – один из создателей, секретарей и редакторов “Известий общества археологии, истории и этнографии Казанского университета” (1878–1884), основатель и редактор газеты “Волжский вестник” (1883–1891), одного из лучших провинциальных изданий. В 1896–1898 гг. он издавал газету “Камско-Волжский край”, продолжавшую традиции “Волжского вестника”, автор большого количества статей и очерков в периодической печати.

Из многочисленных трудов, вышедших из-под пера Н.П. Загоскина, опубликованная в 1902–1906 гг. четырехтомная “История Казанского Императорского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904” получила, пожалуй, наиболее широкое признание. По словам самого Николая Павловича, эта работа была возложена на него сочленами по профессорской корпорации: “В заседании совета 27 мая 1897 г. товарищи оказали пишущему эти строки высокую честь и лестное доверие, единогласно возложив на

⁶ Биографические сведения почерпнуты в основном из следующих архивных дел: НАРТ. Ф. 977. Оп. “Личные дела студентов”. Д. 988, 6 л.; Оп. 619. Д. 11. Л. 89–145; РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 697. 32 л.

него поручение выступить историографом Казанского университета в виду приближающегося векового его юбилея”⁷.

Впрочем, архивные документы и, в частности, материалы протоколов заседаний Совета Казанского университета красноречиво свидетельствуют о том, в каких непростых условиях рождалась университетская история. Нередко принятию решений предшествовали жаркие дебаты и столкновения различных позиций, отчасти являвшиеся отголоском скрытых межфакультетских противоречий и корпоративных интересов.

Еще весной 1894 г. члены Совета единогласно признали неотложным делом составление истории университета. С этой целью факультетам было поручено представить собственные проекты концепций. Одновременно разработка аналогичного проекта была возложена на Н.П. Загоскина. Предложения будущего историографа университета сводились к следующим пунктам: написать общую историю университета, составить биографический словарь профессоров и преподавателей университета; издать сборник трудов профессоров университета.

Загоскин также сформулировал основные принципы организации работы по сбору, систематизации и обработке архивных и иных документов и материалов. В качестве ведущих архивов предполагалось привлечь документы университетского архива и архива Министерства народного просвещения. Подготовленный Загоскиным проект после обсуждения на заседании Совета 28 октября 1895 г. был передан для своеобразной экспертизы на факультеты. Из четырех основных подразделений лишь историко-филологический факультет представил альтернативный проект, разработанный профессором Д.А. Корсаковым. Именно эти два проекта – Загоскина и Корсакова – были вынесены на обсуждение членов Совета 27 мая 1897 г.⁸

Альтернативный проект Корсакова в основных чертах повторял предложения Загоскина. Однако он был детально проработан и ставил более обширные задачи. В частности, дополнительно предлагалось:

составить отдельные биографические словари лиц, служивших в университете, но не занимавших ученых должностей, и университетских выпускников, “замечательных деятелей на поприще науки, литературы и искусства”, не служивших в университете;

собрать списки студентов, почетных членов, магистров и докторов наук; издать сборники трудов профессоров и студентов университета;

наконец, “для большего запечатления памяти о первой столетней годовщине Казанского университета ко дню его празднования желательно иметь альбом фотографических портретов, снятых или непосредственно с лиц, или же с живописных или фотографических портретов попечителей, ректоров, профессоров и студентов”.

Естественно, столь обширная программа юбилейных изданий вызвала у большинства университетской профессуры серьезные сомнения в ее реализации. Возможно, многих даже всерьез испугала перспектива посвятить себя всецело юбилейным заботам и отложить свои непосредственные научные и служебные обязанности.

Другое расхождение между двумя альтернативными проектами заключалось в принципах создания будущей истории. По замыслу Загоскина, общая “История” должна была явиться трудом “единоличным”, тогда как “Биогра-

⁷ Загоскин Н.П. История Казанского императорского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: В 4 т. Казань. 1902. Т. 1. Предисловие. С. XIX.

⁸ НАРТ. Ф. 977. Оп. “Совет”. Д. 9573 (Протоколы заседания Совета Казанского императорского университета за 1897 год). Л. 213–236.

фический словарь” – трудом коллективным. Проект Корсакова предлагал учредить особый “Комитет для составления истории Университета”, в который вошли бы ректор (в качестве председателя), а также по одному представителю от каждого университетского подразделения (от физико-математического – двое) и ряд лиц, на которых возлагался бы надзор за ходом работы и редакторские функции. Защищая свою позицию, представитель исторической школы апеллировал к опыту германских университетов, а также неосуществленному, в силу ряда причин, проекту истории Казанского университета, разрабатывавшемуся к его 50-летию юбилею. По мнению Корсакова, коллективный научный труд являлся наиболее целесообразной формой.

Именно в этих двух различных подходах к созданию университетской истории – “коллективной” и “единоличной” – заключалось наиболее существенное расхождение проектов. В ходе дискуссии и последовавшем за ней голосовании большинство членов университетского Совета (23 против 8) одобрили концепцию Загоскина. Ему же было поручено создание университетской истории⁹.

Однако впоследствии, по мере того, как происходило накопление исторического материала, усложнилась первоначально поставленная задача и выяснилась целесообразность многих предложений Корсакова. Уже в феврале 1898 г. Загоскин выступил с предложением образовать совещательный комитет по составлению истории, в который вошли бы по одному представителю от каждого факультета¹⁰. Чуть позднее была предпринята попытка собрать фотографии всех университетских профессоров и преподавателей. Причем к маю 1901 г. было собрано лишь 111 портретов (в том числе 29 портретов здравствующих и 82 портрета бывших профессоров) из общего числа 586 университетских деятелей, чьи биографии были представлены в “Словаре”¹¹. Примечательна и поразительна была инертность тех профессоров, которые являлись современниками 100-летнего юбилея. Видимо, столь незначительный процент наличных фотографий и портретов, и существенные финансовые проблемы не позволили осуществить планы по изданию отдельного альбома. Часть собранных портретов, безусловно, вошла в “Историю”, изданную Загоскиным. Однако судьба остальных портретов и фотографий, хронологически выходящих за рамки первой четверти XIX в., неизвестна.

Ход работы Загоскина над созданием университетской истории достаточно полно отражен в протоколах Совета, поскольку он регулярно информировал о нем коллег¹². Эти отчеты, при всей их изначальной заданности и желании представить проделанную работу в лучшем свете, чрезвычайно интересны, поскольку позволяют сравнить намеченные планы с итоговым результатом. Они также весьма информативны и репрезентативны для воссоздания той обстановки, в которой готовилась университетская история. Загоскину были предоставлены максимально благоприятные условия: в распоряжении автора находились полные комплекты “Ученых записок” и “Известий Казанского университета”, предоставлен свободный доступ к университетскому архиву, выделено специальное помещение для сбора и комплектования архив-

⁹ Там же. Л. 233 об. – 236.

¹⁰ Там же. Д. 9793 (Протоколы... за 1898, 1899, 1900 годы). Л. 76–84. Хотя в предложении Н.П. Загоскина данный комитет был озаглавлен как “совещательный”, его суть принципиально не менялась.

¹¹ Там же. Д. 10441 (Протоколы... за 1901 год) Л. 118–121 об.

¹² Подобные отчеты и сообщения были сделаны Загоскиным на следующих заседаниях Совета: 29 ноября 1897 г., 28 февраля 1898 г., 13 декабря 1899 г., 14 февраля 1900 г., 30 октября 1900 г., 7 мая 1901 г., 1 апреля 1902, 14 апреля 1903, 1 декабря 1903, 16 февраля 1904. См.: НАРТ. Ф. 977. Оп. “Совет”. Д. 9573, 9793, 10441, 10610, 10752, 10901.

ных материалов. Ни одна просьба Загоскина о командировке в столичные архивы или о дополнительных средствах не встречала отказа коллег. Можно даже отметить, что на период работы над университетской историей Загоскин практически полностью прекратил посещать заседания Совета и появлялся на них лишь тогда, когда возникала необходимость обсудить те или иные вопросы, связанные с возложенной на него миссией.

Загоскин, безусловно, опирался на аналогичные труды предшественников и современников (Н.Н. Булича, Д.И. Нагуевского), а также на свои более ранние исследования¹³. Значительный источниковый пласт был представлен периодической печатью той эпохи: “Казанские известия” (1811–1820), “Казанский вестник” (1820–1832), “Заволжский муравей” (1832–1834), “Губернские ведомости” (1838–1863). Одновременно была проделана колоссальная работа по выявлению, сбору и систематизации архивных документов¹⁴. В частности, по словам самого Загоскина, к осени 1900 г. им были детально просмотрены архивы университетского Совета (за 1804–1887 гг.), архив попечителя (до 1845 г.), архив Министерства народного просвещения (до 1827 г.). На их основе составлено 15 тыс. карточек с важнейшей информацией за 1804–1887 гг. (по годам). По предложению Загоскина, с этих карточек были сняты вторые экземпляры и переданы на хранение в университетский архив¹⁵.

Сохранившиеся отчеты Загоскина, сделанные им на заседаниях Совета, свидетельствуют о том, как менялись первоначальные планы: изменялись сроки и объем выполненной работы. В частности, еще осенью 1900 г. Николай Павлович выражал уверенность, что в течение наступающего 1901 г. им будет завершено написание и печатание первой части (1804–1827) с тем, чтобы следующий 1902 г. был посвящен составлению и печатанию второй части (1827–1863), соответственно 1903 г. – третьей, заключительной части (1863–1904) университетской истории. Насколько беспочвенными или наоборот вескими были эти претензии определить достаточно сложно, поскольку сохранившийся личный архив Загоскина не дает никаких оснований для оптимистичных выводов.

Из планировавшихся трех частей к юбилейным празднествам вышла лишь первая часть в четырех томах. Однако, несмотря на заглавие (см. сн. 7), изложение истории университета было доведено автором лишь до февраля 1827 г., когда на должность Казанского попечителя был утвержден М.Н. Мусин-Пушкин и, таким образом, закончилась “эпоха Магницкого”. Последний, четвертый том университетской истории заканчивался следующими словами: “Восемнадцатилетнее попечительство М.Н. Мусина-Пушкина представляет собою в историческом прошлом казанского университета любопытный и совершенно самостоятельный цикл, в область которого и вступит наше дальнейшее повествование”. Уже в преддверии юбилея, отчитываясь на заседании Совета (14 апреля 1903 г.), Н.П. Загоскин высказал предположение, что при благоприятном стечении обстоятельств и достойном финансировании он берется завершить написание университетской истории в течение шести

¹³ Загоскин Н.П. Из времен Магницкого: Страничка из истории Казанского университета 20 х гг. Казань, 1894. 25 с.

¹⁴ В ходе архивных поисков материалов случались интересные находки, казалось бы, не имевшие непосредственного отношения к основной цели. В частности, в одном из отчетов (заседание Совета от 28 февраля 1898 г.) Николай Павлович отметил, что им была обнаружена потерянная рукопись Н.И. Лобачевского. По предложению Загоскина, эта рукопись, представляющая собой труд по геометрии, была передана в рукописный отдел главной библиотеки Казанского университета. См.: НАРТ. Ф. 977. Оп. “Совет”. Д. 9793. Л. 76–78.

¹⁵ Там же (Протоколы... за 1898, 1899, 1900 годы. Л. 258–262).

лет¹⁶. Таким образом, оставалась надежда получить “всю” историю к 100-летию полного открытия университета (1914 г.). Однако в силу ряда обстоятельств, эти намерения не были реализованы.

Вероятно, реализации намеченных планов в полном объеме помешал ряд объективных обстоятельств. Во-первых, нельзя не учитывать серьезных финансовых проблем, сопровождавших деятельность юбилейной комиссии. Так, из запрашиваемых на юбилейные нужды средств была выделена значительно меньшая сумма, чем планировалось первоначально. Во-вторых, негативную роль сыграла и неблагоприятная общественно-политическая обстановка начала века, которая не способствовала кропотливым кабинетным исследованиям. Наконец, следует учитывать и изменения в административной и политической карьере самого Н.П. Загоскина.

В самые сложные для университета осенние месяцы 1905 г. он, будучи к этому времени уже деканом юридического факультета, фактически исполнял обязанности ректора. Руководя университетом в обстановке перманентных студенческих сходов и забастовок, он старался сохранить шаткое равновесие, избежать кровопролития и репрессий в отношении студентов, а также попытаться не уронить авторитет казанской профессуры в либерально настроенных слоях населения. Умелая и, вероятно, единственно возможная тактика позволила университету избежать самого страшного – прекращения учебы на длительное время или даже закрытия. 10 февраля 1906 г. Н.П. Загоскин был избран членом Университетского совета, а 28 апреля утвержден министром в качестве ректора Казанского императорского университета. В этой должности он состоял до 21 мая 1909 г., однако избрание его на новый срок не было утверждено министром. Н.П. Загоскин являлся одним из бесспорных лидеров казанской либеральной профессуры, пользовался высоким авторитетом в обществе и студенческой среде. Осенью 1911 г. профессор Загоскин был избран членом Государственного совета Российской империи от Академии наук и университетов. Поэтому в середине октября Н.П. Загоскин с семьей переехал на постоянное местожительство в Санкт-Петербург. В Государственном совете, членом которого казанский профессор пробыл чуть менее четырех месяцев, он примкнул к левому флангу сенаторов и вошел в Академическую фракцию.

Из задуманных юбилейных проектов удалось также подготовить и издать “Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета” (Казань, 1904. Т. 1, 2) под общей редакцией Н.П. Загоскина¹⁷. В “Словаре” были собраны биографии почти 600 деятелей, связанных научной и преподавательской деятельностью с Казанским университетом. “Словарь” был основан на формулярных списках о службе профессоров и преподавателей Казанского университета, хранившихся в университетской канцелярии. Более того, значительная часть деятелей, вошедших в “Словарь”, могла лично удостовериться в правдивости изложенных сведений.

¹⁶ Там же. Д. 10752 (Протоколы... за 1903 год). Л. 91–98 об. Заседание Совета 14 апр. 1903 г.

¹⁷ Незадолго до завершения работы над “Биографическим словарем” Н.П. Загоскин опубликовал более краткий, своего рода пробный вариант словаря под названием “Деятели Императорского Казанского университета 1805–1900. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95 лет его существования” (Казань, 1900). Одновременно преподавателем английского языка А.И. Михайловским были составлены максимально полные списки лекторов и студентов Казанского университета за первые сто лет его существования. См.: Михайловский А.И. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904): В 3 т. Казань, 1901–1908. В настоящее время, в значительной степени опираясь на предшествующий опыт, коллектив ученых под руководством профессора Казанского университета Г.Н. Вульфсона готовит к 200-летию юбилею новый масштабный биобиблиографический словарь всех выпускников университета за двухвековую историю Казанского университета.

Формулярные списки являются, безусловно, одним из самых формализованных и в то же время достаточно полных и достоверных источников. Они регулярно дополнялись и визировались собственноручной подписью того человека, жизненный путь которого фиксировали. Это увеличивает степень их надежности, но, в то же время, в силу подобного характера, информация несколько обезличена и формальна. Может быть, именно поэтому биографии преподавателей и профессоров Казанского университета, представленные в данном “Словаре”, читаются с меньшим интересом, нежели “История Казанского университета”. Последняя же не только была основана на разнообразных и богатых источниках и охватывала более широкий круг проблем, но и смогла, без преувеличения, превратиться в энциклопедию Казани и Казанского университета первой четверти XIX столетия.

Николай Павлович Загоскин скончался от воспаления легких 6 февраля 1912 г. в 6 часов утра на 61 году жизни и был похоронен на Мало-Охтинском кладбище Санкт-Петербурга.

А.Н. Горяинов

**ТЮРЕМНАЯ ЗАПИСЬ В.И. ПИЧЕТЫ 1931 г.
НА КНИГЕ Л.П. ГРОССМАНА
“ЗАПИСКИ Д’АРШИАКА”**

С конца 1980-х годов значительная уже к тому времени литература об академике Владимире Ивановиче Пичете, возродившем и возглавившем в конце 1930-х годов советское историческое славяноведение, обогатилась новыми работами, которые впервые раскрыли трагические события в жизни ученого – его арест и ссылку по вздорным политическим обвинениям¹. Бесспорная заслуга в этом принадлежит белорусскому исследователю жизни и деятельности В.И. Пичеты Э.Г. Иоффе. В 1989 г. он впервые сообщил в печати о “тюремной” странице в биографии историка², а затем написал еще ряд работ, в которых развил эту тему³. В своих изысканиях Иоффе опирался главным образом на устные воспоминания дочери Владимира Ивановича, Ксении Владимировны, других родственников и некоторых знакомых академика. Неудивительно, что за давностью лет и в связи с несовершенством человеческой памяти в эти рассказы вкрались значительные неточности. К тому же, в своих первых статьях о Пичете Иоффе не мог использовать некоторые опубликованные впоследствии документы⁴.

В 1996 г. вышла последняя (по времени написания) статья Э.Г. Иоффе⁵. Она по-прежнему основана на услышанных автором рассказах, причем в ней не учтены, к сожалению, опубликованные за последние годы документальные материалы, проливающие новый свет на пребывание В.И. Пичеты в тюрьме и ссылке. В то же время, продолжая поддерживать контакты с родственниками В.И. Пичеты, Э.Г. Иоффе получил возможность ознакомиться с одной неизвестной прежде записью будущего академика, отрывки из которой он и привел в своей работе.

Запись, частично опубликованная Э.Г. Иоффе, была сделана на книге Л. Гроссмана “Записки Д’Аршиака: Петербургская хроника 1836 года” (Харьков: Пролетарий, 1930) во время пребывания В.И. Пичеты в Доме предварительного заключения в Ленинграде. Она датирована 28 февраля 1931 г., когда следствие по сфабрикованному ОГПУ “Академическому делу”, по которому был арестован ученый, заканчивалось, и Пичета ждал объявления приговора. К тому времени Владимир Иванович был доведен следствием до высшей степени отчаяния. В письме от 12 ноября 1931 г., отправленном уже из ссылки в адрес признанного главы советской исторической науки

¹ Подробнее об этом см.: *Горяинов А.Н.* Трагическая страница биографии В.И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 г. // *Славяноведение*. М., 2002. № 1. С. 62–71.

² *Иоффе Э.Г.* Праз усе выпрабаванні // *Настаўніцкая газета*. Мінск, 1989. 15 марта.

³ См. например: *Иоффе Е.Г.* Володимир Івановіч Пічета // *Український історичний журнал*. Київ, 1991. № 10. С. 103–112.

⁴ Академическое дело, 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб, 1993–1998. Вып. 1–2; “Мне же они совершенно не нужны”: Семь писем из архива академика М.Н. Покровского / Вступ. статья и подг. публ. А.В. Есиной // *Вестник РАН* М., 1992. № 6. С. 108–112.

⁵ *Иоффе Э.Г.* Академик В.И. Пичета (1878–1947) // *ННИ*. М., 1996. № 5. С. 217–229.

М.Н. Покровского, приложившего руку к гонениям на академическую науку (Э.Г. Иоффе оно не было использовано), Пичета вспоминал, что в тюрьме следователи оказывали на него сильнейшее давление. Они заставляли его изменять свои показания и выводы “не в мою пользу”, диктовали их стиль и тон, требовали признания участия подследственного в организации, о которой он “не имел никакого понятия”. Пичета писал о том, что даже хотел повеситься, но веревка оборвалась⁶.

Отчаянием пронизана и запись от 28 февраля 1931 г. Э.Г. Иоффе, к сожалению, не привел этот документ полностью, в его публикации не разобран ряд слов, другие слова прочитаны неправильно. Благодаря содействию Ксении Владимировны Пичета, родственников Владимира Ивановича – Леонида Георгиевича Соколовского и Ольги Алексеевны Слободчиковой (у последней в настоящее время хранится книга Гроссмана), – которым автор выражает искреннюю благодарность, удалось полностью расшифровать запись; она публикуется ниже. Запись сделана очень неразборчивым характерным почерком В.И. Пичеты выцветшими от времени, но еще ясно различимыми чернилами на третьей, почти чистой странице книги и ее оборотной чистой стороне (в верхней части третьей страницы напечатано посвящение автора книги Л.П. Гроссмана матери). Вот что написал В.И. Пичета:

28. II.

Я с каждым днем все более и более устаю душевно. Я измучился, ожидая каждый день вызова к следователю для выслушивания приговора. Я не мечтаю о свободе, о семье. Я раньше надеялся, но теперь нет надежды. Впрочем, все равно. Я измучился и исстрадался. Измучились и мои, Ася и дети. Пусть будет решение против меня, хотя это было бы преступлением, я спокойно приму это известие и со скорбью в душе, с страданием в сердце окончу свое трагическое существование! Разве, действительно, не трагизм быть всю жизнь борцом против монархии и признавать и честно отдать все свои силы Сов[етской] власти, и вдруг очутиться вместе с такими махровыми черносотенцами, как Любавский и Платонов. Это ли не ирония судьбы.

Болезнь моя прогрессирует: я в этом не сомневаюсь. Желудок совершенно перестал действовать. Врач мало мною интересуется: я не рабочий. Если вышлют меня, то тогда, когда я буду уже не в силах переносить свои страдания, я сумею окончить свое существование.

После сделанной 28 февраля записи приговора В.И. Пичете пришлось ждать еще больше пяти месяцев. Решение по “Академическому делу” было вынесено во внесудебном порядке только 16 августа 1931 г. По постановлению Коллегии ОГПУ ученый был административно выслан на пять лет в Вятку. Запись позволяет предположить, что Владимир Иванович допускал более тяжелый для себя исход сфабрикованного “дела”, чем высылка, и готовился к самому худшему. Запись показывает также, до какой степени ученый был измучен, пребывая в состоянии безнадежности и отчаяния. В то же время В.И. Пичета нашел в себе мужество заявить о преступном характере ожидавшегося приговора и о трагизме положения ученых, сложившегося в СССР. Наконец, следует сказать об отношении В.И. Пичеты к упомянутым академиком С.Ф. Платонову и М.К. Любавскому. По всей вероятности, следователям удалось убедить Пичету в их виновности, и оценка их как черносотенцев была сделана под влиянием этого убеждения. До своего ареста Владимир Иванович неоднократно общался с Платоновым и Любавским, он хорошо знал об их монархических настроениях, но всегда относился к ним уважи-

⁶ “Мне же они совершенно не нужны”... С. 110.

тельно, а М.К. Любавского (с которым состоял даже в родственных отношениях) справедливо считал своим учителем.

Владимир Иванович Пичета пробыл в тюрьме и ссылке с осени 1930 до весны 1935 г. Эта трагическая страница его биографии не могла не отразиться на всей последующей деятельности ученого. Он создавал новаторские труды, но, кажется, опасался доводить многие из них до публикации, зачастую неожиданно прекращал на полпути разработку некоторых многообещающих сюжетов. Запись В.И. Пичеты – важное свидетельство психологической и моральной травмы, нанесенной сталинским режимом крупному ученому, одному из лидеров советского славяноведения.

Е.Н.Швейковская

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.А. АЛЕКСАНДРОВА

(к 80-летию со дня рождения)

Наследие ученого, творившего рядом в течение долгих лет, привлекает внимание его ролью и вкладом в развитие того направления науки, которому были отданы многие годы. В.А. Александров (1921–1994) плодотворно работал как в области отечественной истории, так и этнологии русского народа, но, к сожалению, его заслуги не были отмечены прижизненным юбилейным изданием. В большую науку В.А. Александров пришел зрелым человеком и сложившимся исследователем. Благодаря стараниям своего университетского учителя М.Н. Тихомирова, на сей раз увенчавшимся успехом, в 1956 г. В.А. Александров стал сотрудником академического института, но не истории, а этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. В нем он проработал до своей кончины – 1994 г.

В.А. Александров считал М.Н. Тихомирова человеком, который определил его исследовательское становление еще в студенческие годы. Именно вкус к анализу исторического документа прививал выдающийся ученый своим студентам, и одним из важнейших компонентов этого анализа была верификация источниковых данных. М.Н. Тихомиров заложил “умение анализировать источник и понимание достоверности или сомнительности сообщаемого им факта. В это время сам он выделялся как крупнейший источниковед”¹. Под руководством ученого, создавшего проверенную временем плодотворную научную школу (среди его учеников Е.В. Чистякова, С.О. Шмидт, А.Н. Мальцев, Н.Н. Покровский, Л.В. Милов, А.И. Рогов, Б.Н. Флоря, В.А. Кучкин и др.), В.А. Александров утвердился в приверженности к источникам “массового характера, взаимосвязанных и взаимоутверждающих достоверность отдельных фактов”. Этого принципа он придерживался в течение всей своей научной жизни, которая складывалась не гладко.

Каждый историк рано или поздно, коллеги и специалисты других наук задаются вопросом: как и почему становятся историком, в чем “ремесло историка”? Судя по вопросу, заданному автору летом 1993 г. на лесной прогулке в Вербилках, где В.А. Александров снимал дачу более 30 лет, ученый размышлял не только над тем, что было импульсом для выбора творческой профессии, но и каков механизм раскрытия личности в ней. Зарождение этого механизма могло быть порождено “неожиданными и даже, казалось бы, случайными обстоятельствами, как правило, остающимися только в душе человека, но так или иначе всегда сохранявшимися в его воспоминаниях и даже затем, много лет спустя, подталкивающими его к тем или иным мыслям”². Одним из таких толчков стала попавшая в руки девяти-десятилетнего мальчика пятитомная “Летопись русско-японской войны 1904–1905 гг.” Первое вживание в события родной истории получило подкрепление в старших классах

¹ Александров В.А. Путь в историю, пути в истории (моя жизнь). М., 1998. С. 36.

² Там же. С. 29.

школы. Учитель истории Б.Б. Пыхтеев, обладавший широтой знаний и педагогическим даром, побудил своего ученика к первому аналитическому опыту и сыграл большую роль в выборе жизненного пути. На всю жизнь В.А. Александров сохранил глубокую благодарность этому человеку, защитившему кандидатскую диссертацию накануне войны, ушедшему в первые ее дни на фронт и вскоре погибшему.

Поэтому логичным было предпочтение исторического факультета МГУ юридическому, куда В.А. Александров поступил в 1939 г. с твердым намерением специализироваться на русской истории. Он учился у ярких ученых-историков: С.Д. Сказкина, В.С. Сергеева, К.К. Зельина, С.П. Толстова, М.О. Косвена, К.В. Базилевича и других. Однако именно М.Н. Тихомиров, который вел у первокурсников семинар по Русской Правде, определил сначала “университетское бытие, а затем вплоть до своей кончины в 1965 г., оставался другом и поддержкой в трудную минуту”³. Возможно отроческое увлечение русско-японской войной опосредованно сказалось на выборе темы для дипломной работы, – ею стала гвардия Петра Великого. Основная часть диплома была опубликована издательством МГУ отдельной брошюрой в 1947 г. в серии лучших студенческих работ.

М.Н. Тихомиров стал научным руководителем В.А. Александрова в аспирантуре исторического факультета МГУ (1944–1947) и предложил исследовать тему “Стрелецкое войско в южных городах Русского государства в XVII в.” Для этого пришлось обратиться к массовому архивному материалу – делопроизводству Разрядного приказа.

Так началось “сидение” В.А. Александрова в читальном зале Архива древних актов, и равномерный ход больших напольных швейцарских часов в течение почти 40 лет сопровождал шелест столбцов и листов архивных книг, переворачиваемых им. Помню, как в начале 1970-х годов по вечерам, одновременно с боем часов, отбивавших шесть ударов, постукивая каблуками, появлялся в зале Вадим Александрович, собиравший тогда материал для книги о сельской общине.

Успешно защищенную в 1947 г. кандидатскую диссертацию автор не считал возможным опубликовать, так как считал необходимым дополнительно расширить охват южнорусских городов и проследить комплектование в них стрелецкого населения. Сделать это не удалось, и в разное время по материалам диссертации он опубликовал три статьи.

После защиты В.А. Александров был направлен преподавать в Московский государственный институт международных отношений, но не был в него принят. С конца 1947 по 1952 г. он работал редактором исторической редакции Учебно-педагогического издательства (Учпедгиз) Министерства просвещения РСФСР, куда был рекомендован М.Н. Тихомировым. Напряженность издательской работы, свойственная ей как роду деятельности, усугублялась обстановкой тех лет. Постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград” 1946 г., сессия ВАСХНИЛ конца 1948 г., последовавшая в 1949 г. борьба с “космополитизмом”, волна новых и повторных арестов, идеологические кампании и проработки нагнетали общественную истерию. В таких условиях под недремлющим оком цензуры проскочившая глазная опечатка могла стоить не только потери службы. Внутреннее состояние издательско-типографского работника тех лет блестяще отражено в фильме Андрея Тарковского “Зеркало”. Драматизм ситуации доведен почти до предела: по ночному, пустому городу бежит растрепанная, вскочившая с постели героиня, бежит в ти-

³ Там же. С. 36.

пографию и ищет лихорадочно в корректуре место, где, как ей показалось, допущена роковая ошибка.

Текущая работа в Учпедгизе состояла в издании учебной литературы, практически без каких-либо изменений и модернизации, даже в пределах допустимого развития исторической науки. Кроме учебников печатались книги для чтения, и В.А. Александров выпустил трехтомную книгу по истории средних веков и том “Хрестоматия по истории средних веков”. В соавторстве с индологами Н.М. Гольдбергом и А.И. Осиповым он опубликовал книгу “Афанасий Никитин и его время” (1951 г., 2-е изд. – 1956 г.). Как ведущий редактор В.А. Александров готовил к печати книгу Б.Д. Грекова “Киевская Русь” (М., 1949 г.). Издательская работа способствовала, по признанию самого В.А. Александрова, обретению такого полезного профессионального качества, как “умение организовывать написанный текст, а авторское участие в научно-популярных изданиях... дало навыки, необходимые для этого жанра”⁴. Из Учпедгиза он ушел в 1952 г., исчерпав себя на поприще редактора и поняв, что теряет исследовательские навыки. В эти же годы для исторической редакции БСЭ он написал около 150 статей, и в результате был приобретен опыт четкого и максимально краткого изложения материала.

С начала 1950-х годов В.А. Александров, работая по договорам с издательством Академии наук СССР (теперь “Наука”), участвовал в выпуске нескольких объемных и сложных изданий – двух томов “Очерков истории СССР” за периоды конца XV – начала XVII в. и за XVII в. (оба тома вышли в 1955 г.), тома и книги “История Москвы”. Его сотрудничество с ведущими учеными-историками Б.Б. Кафенгаузом, А.Н. Насоновым, Н.В. Устюговым, А.А. Новосельским, Л.В. Черепнинным ввело его в авторский коллектив издания. Для тома “Очерков истории СССР” конца XV – начала XVII в. он написал часть историографического раздела к главе “Крестьянская война под предводительством И.И. Болотникова. Польско-шведская интервенция”, а в следующем томе, посвященном петровским преобразованиям в России, он отразил результаты своих исследований по истории Сибири, в том числе по русско-китайским отношениям. Так началось вступление В.А. Александрова в академическую науку.

В его служебной биографии 1949–1950 гг. есть неожиданная страница – сначала работа по совместительству, а затем штатно в Научно-исследовательском институте физической культуры (конец 1947 – начало 1955 г.). Здесь судьба свела его с людьми разных специальностей – медиками, биологами, психологами, которые вели серьезные исследования в области физического воспитания, а также с известными тогда шахматистами В.А. Алаторцевым, А.С. Суэтином, Н.В. Крогиусом.

В.А. Александров стремился заниматься научными исследованиями, но устроиться на соответствующую работу не мог. Так, ничем кончилось приглашение заведующего редакцией истории в издательстве БСЭ, и попытка пройти по конкурсу на должность доцента истфака МГУ, и следующая – поступить в Институт истории АН СССР по приглашению А.А. Новосельского. В течение полутора лет (1955–1956), перебиваясь договорными работами с издательствами, В.А. Александров находился в вынужденном “творческом отпуске”. Именно с этого периода начался новый, исследовательский этап в жизни 35-летнего ученого.

К этому трудному (в моральном и материальном отношении) рубежу В.А. Александров подошел с определенным багажом. “Для каждого начина-

⁴ Там же. С. 44.

ющего историка-исследователя найти самостоятельно большую перспективную проблему чрезвычайно сложно”, и таким поиском он занялся с 1949–1950 г. Целесообразно привести откristаллизовавшееся мнение ученого о подходе к выбору темы, которое, смею надеяться, поможет молодым людям, вступающим на ученое поприще. «Научная литература, даже если она, казалось бы, исчерпывающе привлечена, расширяет научный кругозор, но очень редко может “навести” на новую тему. Есть даже реальная опасность пойти на поводу за тем или иным автором, уверовав в его непогрешимость. К тому же, неопытному исследователю, опирающемуся только на литературу, сложно увидеть “белые” пятна в истории, которые необходимо заполнить. Единственный реальный путь такого поиска – обратиться к описаниям архивных фондов». В своей исследовательской практике В.А. Александров неизменно следовал методическому принципу “идти от архивных источников и не давать высказанным в литературе суждениям и выводам влиять на складывавшиеся у меня самого мнения”⁵.

Такой ариадновой нитью для ученого, причем на десятилетия, стал труд Н.Н. Оглоблина “Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа” (М., 1895–1901. Ч. 1–4.). А творческая идея возникла почти спонтанно, подобно тому, “когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи...” Как-то в разговоре “за коньячком” со своим приятелем А.М. Филипповым, китаеведом по специальности, речь зашла (был 1949 г.) о начальной фазе русско-китайских отношений в XVII в. Обращение к описанию Н.Н. Оглоблина показало, что документы дипломатического характера по сношениям Сибири с ее восточными и центрально-азиатскими соседями концентрировались в Сибирском, а не Посольском приказе. Первоначальный импульс, подкрепленный проработкой описи архивных фондов, придал теме конкретные очертания. Это – отношения России с Китаем, северо- и южно-монгольскими государственными образованиями в XVII в., причем рассматриваемые как новое направление в русской дипломатии. Россия столкнулась с существовавшим тогда узлом сложных не только русско-китайских, но и китайско-монгольских отношений.

Действительное положение вещей в Приамурье во второй половине XVII в. никак не вписывалось в текущий момент советско-китайской дружбы начала 1950-х годов. Небольшая статья (в 1 машиноп. стр.) о Нерчинском договоре 1689 г. с Китаем, написанная для БСЭ, была отправлена на рецензию в Пекин. Стало очевидным, что выход книги с реально документированной характеристикой политической обстановки на Дальнем Востоке в XVII в. в данной ситуации невозможен. И рукопись пролежала в столе 15 лет!

К моменту “творческого отпуска” В.А. Александров изучал русско-китайскую торговлю, и, несмотря на трудность житейских обстоятельств, он продолжил изыскания в этом направлении. Ученый выяснил, что частная инициатива русского купечества торила дорогу государственно-монополюльной торговле с Китаем, которая развернулась после заключения Нерчинского договора 1689 г. Убедило же его в этом скрупулезное изучение таможенных книг.

Документы Сибирского приказа подсказали новые направления для изучения истории Сибири. Одно из них родилось из занятий как раз таможенными книгами и выяснения торгово-промыслового оборота Нерчинского торгового оборота, которое вывело на более крупную проблему, а именно хозяйственного освоения русскими переселенцами Сибири. Другое направление дало изучение документов Иркутской приказной избы, в которых говорилось об острейших

⁵ Там же. С. 50.

противоречиях и открытых выступлениях русских переселенцев против местной администрации. По мнению ученого, восстания в городах Сибири не были отдельными эпизодами, они складывались в массовое движение сформировавшегося здесь постоянного населения против крепнувшей в регионе системы управления феодального государства. Работа В.А. Александрова над статьей⁶ об этих движениях завершила его один жизненный этап и открывала новый, начавшийся уже в Институте этнографии.

* * *

Отличительной чертой плодотворного творчества В.А. Александрова (он – автор более 300 научных работ, в том числе пяти фундаментальных монографий) было исследование проблем, отвечавших задачам комплексного изучения социально-экономической истории, исторической этнографии и демографии России XVII–XIX вв. Такая междисциплинарная ориентация вырабатывалась осознанно и постепенно набирала силу.

Придя в Институт этнографии, В.А. Александров не был вполне уверен, каким образом он сможет совместить свои научные стремления и те задачи, которые решал институт. Однако он вскоре убедился, что тогдашний директор С.П. Толстов “стремился органично сочетать данные археологии, этнографии, лингвистики, истории, фольклора и антропологии, и этот принцип научного подхода им был положен в основу структуры института”⁷. Сибирский материал, которым располагал В.А. Александров, дал теме хозяйственного освоения Сибири новый поворот, созвучный институтским проблемам. На первый план вышло изучение *происхождения* русских переселенцев при формировании старожильческого населения в регионе, а также тех хозяйственных навыков, которые приносили мигранты на новые места. С течением времени эта тема выросла до проблемного обобщения, ее можно сформулировать так: колонизационно-миграционные процессы и освоение новых территорий, а также трансляция на них материальной культуры и социально-общественных институтов и отношений.

Характерно, что отдельные слагаемые этой темы присутствуют уже в кандидатском исследовании В.А. Александрова о стрелецком населении южных городов России XVII в. Основное внимание было, как раз, сосредоточено на комплектовании в них местного населения, социальном положении жителей и их роли в экономической жизни. История южных городов, неразрывно связанная с колонизацией “дикого поля”, прежде рассматривалась в литературе в ракурсе веками не прекращавшейся борьбы с набегами крымских татар. Этот подход логически утверждал взгляд о преобладании государственной инициативы в образовании южных городов и их заселении. Работы А.А. Новосельского, С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова положили начало показу ведущей роли народной колонизации в хозяйственном освоении южных земель, в строительстве оборонных засечных линий, привлекавшем к себе местное население.

Такая постановка вопроса вела к новой оценке роли южнорусских городов. Выросшие, по преимуществу из крепостей, отвечавших военно-стратегической обороне страны, они, как правило, не имели посадского населения. К середине XVII в. оно сложилось лишь в тех из них, которые находились на оборонительных линиях XVI в. по течению р. Оки и Упы. Основное население

⁶ Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИЗ. М., 1957. № 59.

⁷ Александров В.А. Путь в историю... С. 56.

ние городов составляли приборные служилые люди. Ученый выявил соотношение отдельных категорий служилых людей, преобладание среди них стрельцов, определил их численность на южном и юго-западном рубежах⁸. Он показал источники комплектования стрелецких гарнизонов: до середины 1630-х годов в них набирали “вольных людей” из уже имевшегося местного населения; во второй половине 1630–1640 гг. наборы сочетались с переводом стрельцов из южных городов в гарнизоны сооружавшейся Белгородской черты; во второй половине XVII в. южные гарнизоны пополнялись исключительно вольными людьми⁹.

В этой связи В.А. Александров обратил внимание на двойственность закрепительной политики правительства, которое было осведомлено о происхождении “вольных людей” нередко из тяглых слоев. Вынужденное поддерживать на южной окраине гарнизоны определенной численности, оно на практике открывало “шлюзы” для выхода из тягла. Ученый писал: «Как ни парадоксально это звучит для того времени, правительство не только смотрело сквозь пальцы на поступление тяглых беглецов в ратные люди, но и поощряло их, устанавливая сроки сыска тогда, когда Соборное Уложение категорически отменило “урочные годы”»¹⁰. Он удачно сопоставил успешность наборов охочих людей в города-крепости Белгородской черты во второй половине 1630-х годов (по документам г. Козлова 1637 г.) с появлением первого коллективного требования дворян (оно относится также к 1637 г.) о сыске беглых крестьян, находивших прибежище в приборной службе, подтвердив документально неслучайность подобного совпадения.

Необходимо подчеркнуть, что уже в этой работе В.А. Александров сформулировал мысль, которая в дальнейшем получала все более обоснованное развитие, а именно, об известной гибкости внутренней политики правительства, которое, сообразуясь с местными условиями, использовало разные формы для достижения конкретной цели.

Одна из таких форм – это обеспечение приборных служилых людей жалованием, причем натуральным – землей, которое в приказных бумагах называлось “службой”, “окладом”, редко “поместьем”. Оно было, по существу, единственным средством вознаграждения за несение военной службы. Проследив обеспечение стрельцов земельным окладом по 65 южным городам, В.А. Александров с большой убедительностью доказал, что их землевладение имело некоторое сходство с поместным, а также общинным землепользованием. Однако по своему характеру землевладение южных служилых людей по прибору не тождественно ни с одним из них. Ведь правительство обязало стрельцов за предоставленную землю отбывать феодальные повинности, не имевшие ничего общего с военной службой и возлагавшиеся зачастую несообразно земельным окладам.

Правомерно и по-новому звучал вывод ученого о землевладении служилых приборных людей на юге России, которое представляло собой особую форму, одновременно сочетавшую их содержание и эксплуатацию. Отсюда проистекал двойственный социальный статус ратных людей, ибо “при полной условности своего владения землей стрелец превращался в такого же обязанного в отношении владения землей, каким он был в отношении ратной службы”. Поземельные обязанности служилых людей, заключающиеся в не-

⁸ Александров В.А. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян // ВИ. 1950. № 10. С. 86; *Он же*. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 236–238.

⁹ Александров В.А. Стрелецкое население... С. 239–240.

¹⁰ Там же. С. 241; ВИ. 1950. № 10. С. 88.

сении натурального оброка и обработке десятинной пашни, создавали условия для закрепощения в будущем. Этот процесс, по мнению ученого, “проходил на окраинах государства медленнее и в своеобразной форме, соответственно потребностям обороны границ и феодальной эксплуатации”¹¹.

Противоречивость положения приборных служилых людей юга, владение реальным наделом, урезанным в сравнении с окладом, вынуждало их обращаться к ремеслам и торговле. В.А. Александров сосредоточился на выяснении этого рода деятельности стрельцов, тем более что литература этого не подчеркивала. Он фундировано доказал превалирование стрельцов в торговле, промыслах и ремесле (особенно в городах по Белгородской черте), их значительную конкуренцию посадским людям в городах с более или менее развитыми посадками. “Мелкорозничная торговля стрельцов, сплошь и рядом превосходившая торговлю других прослоек, определяла удельный вес стрелецких слобод в экономике города”¹². К концу XVII в. экономическая роль стрельцов снизилась из-за проводившегося по Уложению 1649 г. “посадского строения”. Обязанности, возложенные на стрельцов по их владению землей, ущемление торгово-ремесленной деятельности сближали их с тяглыми слоями общества и привели к концу XVII в. к утрате ими своеобразного положения¹³.

Именно двойственность социального статуса приборных служилых людей в общественной стратификации стала одной из причин кризисного состояния стрелецкого войска, постоянно волновавшегося во второй половине XVII в. И эта двойственность позволила включить потомков служилых людей по прибору при Петре Великом в податное сословие, когда население одних стрелецких слобод вошло в состав государственных крестьян, а других – пополнило собой посадское сословие. Таковы были важнейшие выводы первой крупной работы В.А. Александрова.

Грандиозная историческая эпопея освоения Сибири, веками ведшаяся силами русского народа, стала предметом крупного исследования В.А. Александрова – “Русское население Сибири XVII – начала XVIII в.”, успешно защищенного в качестве докторской диссертации в 1963 г. и опубликованного в 1964 г. Определяя ракурс своего исследования, ученый исходил из имевшихся к тому времени достижений в сибиреведении. Во-первых, трудов одного из крупнейших знатоков истории Сибири С.В. Бахрушина, который проследил пути и этапы проникновения русских в Сибирь, ярко показал роль переселенцев, среди которых первостепенное значение принадлежало промысловикам и торговым людям. Он также выявил соотношение вольного движения и организованного правительством, степень контроля государства за расселением и освоением громадного региона¹⁴. Во-вторых, работ по земледельческому освоению сибирских пространств, наиболее основательные из которых принадлежали перу В.И. Шункова¹⁵. Именно он впервые обосновал роль стихийной народной колонизации в становлении земледелия в Сибири и степень его влияния на уровень производительных сил региона в XVII–XVIII вв. Главные наблюдения и выводы В.И. Шункова вкупе с работами других ученых (В.Н. Шерстобоев, З.А. Бояршинова, Ф.Г. Сафронов и др.) о становлении и развитии земледелия в разных районах Сибири показали со всей определенностью ведущую роль крестьянской колонизации.

¹¹ ВИ. 1950. № 10. С. 89–94, 95.

¹² Стрелецкое население южных городов. С. 242–246.

¹³ Там же. С. 248–249.

¹⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1.

¹⁵ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.; Л., 1946; Он же. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.) М., 1956.

В.А. Александров сконцентрировал свое внимание на комплексном рассмотрении земледельческой, промысловой и ремесленной деятельности переселенцев. Узловыми вопросами темы стали: 1) первоначальное хозяйственное освоение русскими некоторых районов Сибири и их присоединение к России; 2) этапы заселения отдельных территорий и порайонные особенности, образование на них стабильных поселений и оседлого русского населения; 3) социально-экономическое развитие, последовавшее в результате заселения сибирских регионов и разносторонней деятельности их жителей. Ученый совершенно справедливо подчеркивал: “Социология мертва без реальных черт жизнедеятельности народа. В истории Сибири, заселение и освоение которой в XVII в. проходило одновременно, социально-экономические вопросы неразрывно связаны с демографией русского народа”¹⁶.

Такая увязка разных дисциплинарных проблем придала исследованию В.А. Александрова новое звучание. Демографические сюжеты не ограничены показом общих миграционных потоков, различающихся по социальному составу, месту выхода, приросту населения, но выяснены внутренние передвижения в осваиваемом регионе. Впервые был также обоснован семейный строй русских поселенцев по структурному и количественному составу. В условиях неодновременного освоения разнообразных в географическом и климатическом отношении районов Сибири, обусловивших специфические формы хозяйствования, главным вопросом, считал ученый, должно было стать “как и когда происходило превращение русских переселенцев в важнейшую органическую часть сибирского населения”¹⁷.

Показательна методика, которой придерживался В.А. Александров при изучении формирования постоянного населения. Он выделял: а) момент первоначального проникновения пионеров, как правило, пушных промышленников, в отдельные районы; б) периоды первичного ознакомления русских с хозяйственными, земледельческими возможностями тех или иных сибирских земель; в) образование костяка постоянного населения и очагов земледелия, которые со временем обретали стабильность и расширялись.

Ученый показал, как проникновение русских в отдельные области восточной Сибири, начавшееся с конца XVI в. и продолжавшееся в течение почти всего XVII столетия, определяло поэтапное освоение и присоединение их к России, роль русских людей в разведывании территорий, богатых пушным зверем, острые наблюдения и информация которых способствовали заселению наиболее удобных в хозяйственном отношении районов.

Вопрос о происхождении вольноприходцев в Сибирь был важен для понимания сущности хозяйственного освоения и складывавшейся материальной культуры, а также характера миграций в России. В.А. Александров разделял точку зрения, сложившуюся к концу 1950-х годов, высказанную С.В. Бахрушиным, В.И. Шунковым, А.А. Преображенским о поморском происхождении русских насельников Сибири. Вместе с тем он считал недостаточным общее признание Поморья в качестве базы, “поставлявшей” население в Сибирь. Ведь отдельные регионы и районы Сибири заселялись не одновременно и выходцами из разных областей обширного Поморья, которые отличались по климатическим условиям, хозяйственным занятиям жителей, различались по этническому составу. Эти обстоятельства, по обоснованному мнению ученого, влияли на выбор местности для поселения. Переселенцы оседали в

¹⁶ Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 9.

¹⁷ Там же.

тех местах, которые наибольшим образом соответствовали по природно-климатическим условиям хозяйственному укладу их малой родины. На основательном источниковом материале ученый доказал, что Енисейский край заселяли выходцы из северного и центрального Поморья. Восточное же Поморье, интенсивно заселявшееся в XVII в., поставляло переселенцев ближайшим областям Урала и Западной Сибири, но не такому региону, как Енисейский край. Жители северных, наиболее промысловых поморских уездов – Двинского, Кеврольского – устремлялись в северные же промысловые районы енисейского региона. Переселенцы из самых развитых уездов центрального Поморья – Устюжского, Важского, Устьянских волостей, а также Сольвычегодского и Яренского уездов, давших наибольшее их число, принесли с собой многовековые навыки пашенного земледелия и образовали сельскохозяйственное население Енисейского края. Автор пришел к убедительному выводу, что 1640–1680 гг. были тем периодом в истории восточной Сибири, в течение которого сложилось массовое оседлое население. Именно вольные переселенцы составили основной костяк старожильцев в Енисейском и Красноярском уездах¹⁸.

Одним из важнейших вопросов изучения миграций и хозяйственной колонизации был следующий: кем заселялись новые территории, пионерами-одиночками, семьями, группами или товариществами наподобие артелей? Отвечая на него, В.А. Александров исходил из связи особенностей семейного строя с интенсивностью заселения края и видами трудовой деятельности. Он впервые для эпохи феодализма раскрыл зависимость состава семьи и ее трудового потенциала в рамках крестьянских хозяйств как организационной формы. Ученого подстерегали известные трудности, заключающиеся и в состоянии источников, и в отсутствии специальных методик по вопросу, и в имевшихся в литературе суждениях о моральных нарушениях, вызванных преобладанием мужчин на зимовьях и в походах.

Изучение семейного строя привело В.А. Александрова к узловым выводам. К концу 1660-х годов основная часть постоянного населения – посадские люди и крестьяне – были семейными. Превалировала малая индивидуальная форма семьи (супруги – дети), и в течение 10–20 лет число таких семей увеличилось. В земледельческих районах семьи крестьян разрастались в неразделенные (отцовские и /или/ братские), в промысловых же малая семья оставалась преобладающей. Другими словами, состав и структуру семьи диктовали хозяйственные потребности. Принципиально заключение историка об изживании в начале XVIII в. диспропорции между мужчинами и женщинами, и, главное, об единстве типов семей в европейской России и Енисейском крае. “Можно считать, что процесс создания старожильского русского населения, – писал В.А. Александров, – определенно проявившийся в последнее десятилетие XVII и в начале XVIII в., знаменовал собою превращение его в органическую часть коренного населения всего Енисейского края”. Основными категориями постоянного населения стали крестьяне, посадские и служилые люди, расселившиеся в соответствии со сложившейся хозяйственной специализацией края¹⁹.

Ведущая проблема книги – хозяйственное освоение Енисейского края – изучена В.А. Александровым в аспекте взаимодействия разных отраслей – земледелия, пушного и других промыслов, ремесла, а также связывающей их торговли. Именно сельское хозяйство в Сибири стало основным занятием на-

¹⁸ Там же. С. 88–90, 111, 145–149.

¹⁹ Там же. С. 128, 135–140, 297, 298.

селения, и зерновым производством занимались как крестьяне, так и посадские и служилые люди, причем во всех пригодных для него местах. Основательно ученый рассмотрел формирующееся землевладение и порядки землепользования, тем более, что в этом вопросе не было ясности. Ведь изучению аграрных отношений в Сибири в конце XIX в. способствовал усилившийся тогда приток крестьян-переселенцев из Центральной России. Исследователи землевладения сибирских крестьян полагали, особенно А.А. Кауфман, что в пору его складывания преобладал свободный индивидуальный захват земли, которая лишь юридически была объявлена собственностью государства. Этот взгляд вызвал в разное время критику Н.П. Павлова-Сильванского, С.В. Бахрушина. Землевладельческие порядки в Сибири, изучаемые в русле феодальных отношений в России, наиболее полно были разработаны В.И. Шунковым, а также В.Н. Шерстобоевым. Свое внимание они сконцентрировали на организации “десятинной пашни”, оценивая ее как компонент крепостничества. Она была своеобразным мерилom личной запашки, так как между выделяемым в индивидуальное пользование участком государевой земли и обрабатываемой “десятинной пашней” существовало определенное соотношение. В.А. Александров считал необходимым выяснить, только ли индивидуально отведенный и точно зафиксированный участок государевой земли (“собинная пашня”) был хозяйственной базой сибирского земледельца, а также служил ли государственный отвод единственным основанием, по которому переселенцы пользовались землей²⁰.

Ученый фундировано доказал, что переселенцы, получая землю (а она в Сибири была объявлена государственной собственностью) под обязательство нести с нее тяглые повинности, в обстановке колонизации и постоянного притока населения выработали своеобразную форму землепользования, а именно “повальную”. Она была коллективной по своей сути и вызвана к жизни необходимостью концентрации трудовых сил в условиях первоначального освоения земли и складывавшейся переложно-залежной системы полеводства. Характерно и объединение в “повальных” сообществах представителей разных социальных групп сибирского населения – крестьян, посадских, служилых людей. В соответствии с трудовым вкладом в общее владение каждому сочлену сообщества выделялись пай, которые поступали в их полное распоряжение. От пристального внимания ученого не ускользнуло такое важное обстоятельство: и пай, и индивидуально отведенные участки передавались в другие руки по сделкам с обязательным переходом тяглых обязательств к новому лицу. Это наблюдение позже получило дальнейшее развитие.

Ученый не только вскрыл суть “повального” землевладения, но и интерпретировал его, что необходимо подчеркнуть, как порождение народного правотворчества. Его порядки и традиции принесли в Сибирь поморские переселенцы, которые практиковали объединение трудовых усилий. Пожалуй, в монографии впервые была фиксирована мысль, приведшая впоследствии к сюжету об обычном праве²¹.

Убедительно прозвучало наблюдение ученого о том, что правительству не удалось, несмотря на крепостнические действия (десятинную пашню), провести в Сибири прикрепление к определенному участку земли. Оно не препятствовало передаче участка и тягла по нему новоприходцам, и только уход земледельца без такой передачи расценивался как бегство со всеми вытекающими последствиями. Крепостнические установки государства, направленные

²⁰ Там же. С. 173–175.

²¹ Там же. С. 177–180, 197–198, 202–214.

ные на неперенное выполнение крестьянами своих тяглых обязательств, значительно смягчались в Сибири²². Этот коренной вывод позволил В.А. Александрову в дальнейшем высказаться о характере “государственно-феодализма” в России XVII–XVIII вв.

В результате земледельческой деятельности местного населения Енисейский край превратился в хлебопроизводящую базу, вторую в Сибири после верхотурско-тобольского района. Уже к 40-м годам XVII в. земледелие давало товарную продукцию, а ведущее место в нем занимало личное хозяйство земледельцев, десятинная же пашня не обеспечивала даже казенных потребностей в хлебе. Такое заключение существенно повлияло на последующую разработку проблемы в историографии.

Присоединение Сибири и развитие пушных промыслов тесно связаны не только в научной традиции, но и в русском общественном сознании. В.А. Александров, естественно, уделил им внимание в своей книге. На первую половину XVII в. пришелся расцвет пушного предпринимательства, во главе которого стояли крупные русские купцы. Они не ограничивались торговлей мехами, на свои средства организовывали пушные промыслы, стремясь подчинить их своему влиянию. Русские пушные промышленники добывали соболей (“валюта” того времени) во много (8–18) раз больше, чем поступало в казну от ясачных сборов. Он также рассмотрел и рыбные промыслы (они, кстати, не изучались).

Постепенно, несмотря на преобладание на местных рынках в течение XVII в. ремесленных товаров из российских городов, в Енисейске и уезде складывались основные ремесленные производства, появились свои предприниматели и торговцы, принадлежавшие к верхушке енисейского посада (Жилины, Ушаковы). Местная торговля в Енисейском крае была в руках сибирских торговцев, а центральнорусское купечество после упадка в 1670–1680-х годах соболиных промыслов держало в своих руках торговлю с Россией и заграницей.

Материал о развитии местных производительных сил и торговли, рассмотренный В.А. Александровым, убедительно свидетельствует, что на протяжении XVII в. сложились сельскохозяйственное и ремесленные производства, образовался енисейский областной рынок, а Енисейск надолго стал его центром, причем связавшим Западную и Восточную Сибирь. Русское население, вышедшее по преимуществу из Поморья, стало в XVII в. органичной частью всего сибирского населения, оно вело многоотраслевое освоение обширного региона, который включился в социально-экономические отношения, свойственные развитию России на том историческом этапе.

В 1970-е годы В.А. Александров, аккумулировав сибирский материал, написал две специальные статьи, посвященные проблеме “государственного феодализма”²³. Эта проблема в тот период была актуальной и активно дебатировалась. В статьях он сформулировал три концептуальные положения о социально-экономической развитии Сибири, которые прямо вытекали из разработок региональной тематики конца 1940-х годов. Это, во-первых, признание первостепенности потока русских переселенцев, преимущественно поморских, в присоединении и заселении Сибири. Во-вторых, превращение пашенного земледелия (неизвестного сибирским народам), прочные навыки которого принесли переселенцы, в ведущую отрасль хозяйства. В-третьих,

²² Там же. С.215, 298–299.

²³ Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // ВИ. 1973. № 8; Он же. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII в. // ИСССР. 1977. № 1.

распространение в Сибири, ставшей частью России, социально-экономических отношений, присущих стране в XVII–XVIII вв. Окончательно вызревшие у В.А. Александра положения стали основанием для теоретического осмысления имевшихся в России *инвариантных* по своему развитию регионов, каким была Сибирь. Ученый рассмотрел тогда конкретные обстоятельства сибирской действительности, которые препятствовали установлению жесткого крепостничества. Это – перемещение крестьян; совершение поземельных сделок; агротехнические условия (переложная и залежно-паровая системы); перерождение официального принципа отвода земли по числу барщинных десятин – “земля по тяглу” в противоположный “тягло по земле”, когда реально числившаяся за крестьянами земля не соответствовала числу барщинных десятин; возникновение сообществ, кооперировавших труд в условиях развития переложного земледелия; появление при господствующей до конца XVII в. отработочной ренте натурального и денежного оброка; постоянный прилив новых переселенцев из европейской России и внутрисибирская миграция населения.

В обеих статьях ученый подробно разобрал основные взгляды В.И. Шункова, который впервые обосновал систему “государственного феодализма” в Сибири. Он считал здешних крестьян лишь пользователями земли (такими же, как в черносошных районах России), обязанными нести тягло, причем связь между крестьянином-тяглецом и земельным участком мыслилась как постоянная. В.А. Александров показал эволюцию точки зрения В.И. Шункова, допускавшую смягчение крепостнического порядка через имевшуюся возможность сдачи тягла, однако основная идея о прикреплении сибирских крестьян к обрабатываемой земле, оставалась неизменной. Он также охарактеризовал взгляды последователей В.И. Шункова (Ф.Г. Сафронов, А.Н. Копылов), а также ученых, занимавших другую позицию (В.Н. Шерстобоев, Б.Б. Кафенгауз, З.А. Бояршинова, М.М. Громыко, А.А. Преображенский). Подчеркнув единодушие ученых в признании феодального характера аграрного строя в Сибири и десятинной пашни в качестве основной формы эксплуатации крестьян, В.А. Александров заострил дискуссионный вопрос о реальных отношениях между крестьянами и государством.

Для ответа на поставленный вопрос ученый обратился к более глубокому изучению материала о сдаче крестьянами своих тягол. Он убедился, что “полная сдача тягла свидетельствовала о безусловном праве передвижения, сохранявшемся у сибирских крестьян, и отсутствии прикрепления их к определенному участку земли”. Чрезвычайно важным для того времени было следующее наблюдение В.А. Александра: сдача тягла обедневшим крестьянином не означала *пауперизации*, “так как он, переехав на новое местожительство или даже оставаясь на старом месте, мог снова принять тягло, получив на несколько лет льготу, освобождавшую его от несения феодальных повинностей”²⁴. Обнаруженная ученым практика материальной компенсации имуществом за сданное тягло, которой он уделил пристальное внимание, означала не что иное, как завуалированное совершение земельных сделок. Все вместе взятое предоставляло крестьянам возможность изменить свой социальный статус.

В.А. Александров пришел к обоснованному заключению, что правительство в сибирских условиях не смогло прикрепить личность крестьянина к земле и упрочить “барщинно-крепостнический строй под эгидой собственной местной администрации”. В противовес точке зрения В.И. Шункова, сбли-

²⁴ Александров В.А. Особенности феодального порядка // ВИ. 1973. № 8. С. 47.

жавшей сибирских крестьян с дворцовыми европейской России, В.А. Александров доказал, что социальное положение крестьян Сибири в XVII в. представляло собой вариант, подобный существовавшему в черносошном Поморье. Политику правительства в Сибири, не имевшего обширного аппарата принуждения, но заинтересованного в хозяйственном освоении, он расценил как довольно гибкую и, главное, “отличную от откровенного крепостнического курса, осуществляемого в центральных районах страны”. Ученый подчеркнул, что государева десятинная пашня была уничтожена в Сибири в 1760-е годы, именно тогда, когда крепостничество в центральной России достигло апогея. Дальновидным был его вывод о своеобразии системы “государственного феодализма” в Сибири. Это своеобразие проявлялось “в бытовании наряду с государственными *обычно-правовых* (курсив мой. – Е.Ш.) земельных норм, в сочетании барщины с правом сдачи тягол и перемещения”²⁵. Все это происходило при неоспоримом существовании верховной власти государства на сибирские земли и действия верховного права распоряжения ими, в силу которого крестьяне принуждались к отбыванию повинностей. Так, В.А. Александров внес весомый вклад в разработку концепции “государственного феодализма”, предложенную в свое время М.Н. Дружининым, которая пополнилась на сибирском материале убедительными доказательствами о разных модификациях феодального строя в России XVII–XVIII вв., не сводящегося только к крепостничеству.

В 1969 г. вышла книга В.А. Александрова “Россия на дальневосточных рубежах” (рукопись пролежала в авторском архиве 15 лет из-за сложных политических отношений с Китаем). В частном разговоре с директором издательства восточной литературы О.К. Дрейером ученый упомянул об имевшейся у него готовой рукописи. Директор отреагировал столь живо, что “в считанные дни мой краткий проспект был им проведен через высшие инстанции и книге был дан зеленый свет”²⁶.

Естественно, рукопись нужно было обновить, учтя накопленный опыт и сложившееся понимание сущности присоединения Сибири к России. Автор “предпослал всей историко-дипломатической канве вводную главу о заселении и освоении русскими Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII в. Этот подход, наряду с раскрытием всей политической и военной ситуации в монгольском мире, оказался узловым в понимании проблемы дальневосточных территорий и возникших противоречий России с Китаем”²⁷.

К 1650-м годам Забайкалье и Приамурье были присоединены к России. Строительство острогов, учреждение в них административного аппарата, сбор ясака с местного населения означали политическое присоединение регионов, которому сопутствовало стихийное переселение русского населения из уже освоенных сибирских областей. Становление производительных сил и складывание земледельческих районов в Приамурье, особенно в Даурии (она представлялась русским людям землей обетованной по богатству флоры и фауны), происходило, как подчеркивал В.А. Александров, без поддержки государства. В 1660–1680 гг. Албазинский уезд стал хлебопроизводящим, он удовлетворял собственные нужды и снабжал хлебом Нерчинск с уездом. Говоря об организации десятинной пашни в этих регионах, автор сделал заключение обобщающего характера – о неэффективности административно-полицейских мер правительства, которые были направлены на развитие сель-

²⁵ Там же. С. 57–58. Здесь снова звучит мотив об *обычно-правовых* нормах.

²⁶ Александров В.А. Путь в историю... С. 67.

²⁷ Там же.

ского хозяйства. Он также рассмотрел промысловую и торговую деятельность населения, поиск и первичную разработку полезных ископаемых, складывание Албазина, Нерчинска, Иркутска как центров горнорудной, металлургической промышленности и торговли²⁸.

В Забайкалье и Приамурье русские встретились с бурятскими племенами, находившимися на стадии патриархально-феодалных отношений, группами тунгусов, достигшими разных стадий патриархально-родовых отношений. В Приамурье русские столкнулись с вотчинно-династическим интересом Цинской династии Китая, маньчжурской по своему происхождению. Местное население в середине XVII в. испытало тяготы военных набегов маньчжурских и монгольских войск. Русское подданство предоставляло возможность сохранить свое существование. «Дальнейшая история народов Сибири показала, что присоединение к России, несмотря на все тяготы феодального гнета, не нарушило их этнического развития»²⁹.

К 1660-м годам, когда почти вся Восточная Сибирь была присоединена к России, правительство оказалось перед сложными проблемами взаимоотношений с Китаем, Джунгарским и северо-монгольскими (халхскими) ханствами, а также всех этих государств между собой. Оценивая дипломатическую активность русско-китайских отношений, начавшуюся с 1660-х годов, В.А. Александров рассматривал посольство Н. Спафария 1675–1676 г. в Китай в качестве узлового момента. Он отмечал имевшуюся в историографии недооценку дипломатической миссии посольства. Итог посольства, по его мнению, состоял в последовательно и твердо проводимом отстаивании Россией своих интересов в Приамурье, что на пять–шесть лет предотвратило выступление маньчжурского двора. Четко установленных границ ни в Забайкалье, ни в Приамурье не существовало, и потому после посольства Спафария Сибирский приказ строжайше рекомендовал воеводам ставить новые остроги по Амуру так, чтобы не вступать в конфликты с соседями³⁰.

Противоречия России с Джунгарией возникли из-за отношений с аборигенным населением смежных приграничных районов, которое находилось в двоеданническом положении. Особенно эти противоречия осложнились в середине 1660-х годов, когда в Джунгарии шла междоусобица, а в конце десятилетия в Северной Монголии усилилось влияние пекинского правительства. В.А. Александров выразительно показал и тревожную обстановку в 1680-х годах на пограничных территориях России. Она была вызвана устремлениями маньчжурских властей в Приамурье, набегами северо-монгольских (халхские ханы и тайши) феодалов в Забайкалье. Заслуживает большого внимания привлечение автором свидетельств китайских источников (не только русских), которые говорили о значительной удаленности от Амура китайских укрепленных пунктов, о признании Албазина русской территорией, а также об усиливающейся зависимости северо-монгольских ханов от династии Китая³¹.

Военные действия маньчжуров в 1680-е годы в Приамурье В.А. Александров охарактеризовал с учетом общих внешнеполитических задач, стоявших в то время перед Россией. Угрозу, возникшую на Дальнем Востоке, правительство оценило не сразу. В этой связи ученый писал: «Маньчжурское наступление застало русские вооруженные силы в Приамурье слабо подготовленными к обороне, хотя воеводы Иркутска и Нерчинска почти в каждой от-

²⁸ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (Вторая половина XVII в.) М., 1969. С. 8–16.

²⁹ Там же. С. 19–23, 30–34.

³⁰ Там же. С. 46–47, 49–51; 55–62.

³¹ Там же. С. 101–102, 105–107.

писке в Москву обращали внимание правительства на слабость имевшихся в их распоряжении ратных сил. Местная русская администрация из-за “малолюдства” служилых людей и слабости вооружения не могла осуществить каких-либо серьезных оборонительных мер»³².

Красноречивые подробности и перипетии военных действий 1684–1689 гг., длительная оборона штурмуемого дважды маньчжурами в течение 1685–1686 гг. Албазина, резкое обострение отношений между халхскими феодалами и их военный конфликт с Джунгарией и Россией в конце 1680-х гг., в ходе которого состоялись тяжелые бои под Удинском и за Селенгинск, военно-оборонительные мероприятия, усилия русской дипломатии, направленные на погашение открытого вооруженного конфликта и достижение официального соглашения с Китаем и союзными с ним монгольскими феодалами о мире, пограничном размежевании и об условиях торговли, – все эти непростые вопросы были в центре пристального внимания В.А. Александрова.

Он подробно рассмотрел ход переговоров с китайской стороной, которые намеренно ею затягивались и осложнялись открытым вторжением маньчжурских войск, нарушивших предварительное перемирие в Приамурье. Сложность обстановки, в которой русские дипломаты Ф.А. Головин и И.О. Власов вели переговоры с послами Цинского двора, ясно выступает из следующих слов автора. “Итак, 12 августа 1689 г. под жерлами пушек Нерчинского острога, с одной стороны, и маньчжурской флотилии – с другой, в полуверсте от города между реками Шилкой и Нерчей состоялась первая встреча посольств”. Такова была реальность далекого августа 1689 г. Твердая позиция русских дипломатов, здравая оценка ими сложившейся ситуации привели к разграничению района верхнего течения Амура, однако Албазин с уездом были потеряны, и русское население должно было покинуть этот район³³.

Оценивая Нерчинский договор с точки зрения целей противостоящих сторон и условий его заключения, В.А. Александров считал основным его результатом “начальный этап государственного территориального размежевания между Россией и Цинской империей, неизбежность которого определялась процессом вхождения восточносибирского населения в состав России и распространением русского, главным образом, земледельческого хозяйства во вновь присоединенных сибирских районах”. Вытеснить Россию с дальневосточных рубежей Цинской империи не удалось. Обстановка на Дальнем Востоке, сильно изменившись в течение 1660–1690-х годов, стала определяться с конца XVII столетия взаимоотношениями между Россией и Китаем, а урегулирование их длилось до второй половины XIX в. Таков был главный вывод ученого³⁴.

В 1984 г. Хабаровское книжное издательство переиздало книгу В.А. Александрова “Россия на дальневосточных рубежах”. Автор учел вышедшие за то время публикации документов по русско-китайским, русско-монгольским отношениям, монографии и статьи, рассматривавшие разные аспекты внутри- и внешнеполитической истории Китая за XVII в., русско-китайские связи того же периода. Наряду с более углубленной трактовкой отдельных сюжетов, дополнениями фактического материала в книгу добавлен параграф о ходе присоединения отдельных восточно-сибирских регионов: громадного Енисейского края, Прибайкалья, Якутии, восточных земель по Охотскому побережью. В заключении, добавленном во втором издании, автор раскрыл пос-

³² Там же. С. 109–111.

³³ Там же. С. 174–179, 183–187, 188–189.

³⁴ Там же. С. 192–194, 203.

ледствия условий Нерчинского договора 1689 г., неукоснительно, как он подчеркнул, соблюдаемого русским правительством. Главное из них выразилось в изменении направления русской колонизации. В XVII в. она локализовалась в Приамурье в районе Нерчинска, а в XVIII в. пошла в северо-восточном направлении от Якутска к Анадырскому и Охотскому острогам, а от последнего на Камчатку, Шантарские, Алеутские, Курильские острова, северо-запад Америки. Столь активное освоение Дальнего Востока и Русской Америки XVIII в. заставило правительство снова обратиться к “амурскому вопросу”. Его разрешение и проведение русско-китайской границы “на условиях, выдвигаемых еще посольством Ф.А. Головина, русской дипломатии удалось в середине XIX в., когда земли на левом берегу Амура были возвращены России, и сама река в своем верхнем и среднем течении стала частью границы”³⁵. Новое издание книги было снабжено обширной библиографией, включающей более 200 названий публикаций документов, монографий и статей, а также иллюстрациями и пояснениями некоторых персоналий.

В 1960–1970-е годы В.А. Александров занимался не только сюжетами сибирской истории. В 1960-е годы Институт этнографии создавал серию “Народы мира”, в которой участвовал практически весь коллектив. Свое отношение к этим недоступным широкому читателю изданиям ученый выразил так: «...исследовательская мысль в индивидуальных исследованиях так или иначе “пробивалась через укатанный асфальт” созданных и официально одобренных концепций и скоро становилось ясно, насколько быстро содержание “кирпичей” устаревало», а громадный, многолетний труд, затрачиваемый на их создание и издание, не соответствовал результатам. “Даже такое нужное и полезное издание, как уже упоминавшаяся “История Сибири”, на мой взгляд, через 2–3 года после выхода в свет была полна лакун”³⁶.

Организационно-редакторская работа над томом серии “Народы мира”, который был посвящен русскому, украинскому и белорусскому народам, выявила такую серьезную лакуну, как отсутствие вопроса о сельской общине. М.О. Косвен, выпустивший в 1963 г. книгу “Семейная община и патронимия”, отклонил предложение авторства, и том вышел без главы об общине. Мысль о малоизученной теме уже не оставляла В.А. Александрова. Он посоветовался с М.Н. Тихомировым, который “сказал приблизительно так – пожалуй, дело стоящее, последний кто всерьез общиной занимался, был Н.П. Павлов-Сильванский. Его труды выходили в первое десятилетие XX в. После этих переговоров я занялся темой всерьез...”³⁷, т.е. с конца 1960-х годов.

В 1970 и 1971 гг. на сессиях Симпозиума по изучению аграрной истории Восточной Европы обсуждалась тема об общине. На одной из них ученый заострил внимание присутствовавших на не изученном вопросе об общине как организации социального протеста крестьян. Представляют несомненный интерес и его соображения по поводу историографического состояния проблемы. В массе литературы о сельской общине, написанной перед реформой 1861 г. и в последующие десятилетия, в основном публицистами и в меньшей степени историками, правоведами, этнографами, рассматривалось состояние общины на текущий момент тогдашней действительности. Общественная мысль того времени решала вопрос о судьбе общины, оперируя огромным материалом о ее разносторонних функциях. А “происхождение общины, ее

³⁵ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (Вторая половина XVII в.). 2-е изд. Хабаровск, 1984. С. 233.

³⁶ Александров В.А. Путь в историю... С. 81–82.

³⁷ Там же. С. 84.

генетические корни и исторический путь вовсе не были изучены”, что вело к разногласию в оценке роли общины в жизни крестьян³⁸.

Существеннейший тематический пробел в историографии заполнила монография В.А. Александрова “Сельская община в России (XVII – начало XIX в.)”, вышедшая в 1976 г. Подчеркнув тесную связь проблемы общины с общественно-политической борьбой в России XIX в., особенно во второй его половине, когда вышло в свет более 2 тыс. книг и статей об этом институте, автор подчинил историографию темы анализу научных работ по истории общины, отражавших разные общественно-политические течения, и уделил основное внимание литературе о сущности сельской общины, ее положении и функциях в эпоху крепостничества.

В.А. Александров обстоятельно разобрал точки зрения ученых XIX в., которые, во-первых, признавали органичность существования общины издревле и давление вотчины на нее (И.Д. Беляев, И.Е. Забелин, В.И. Семевский, И.И. Игнатович, А.С. Лаппо-Данилевский и др.); во-вторых, прослеживали эволюцию поземельных форм на пореформенной конкретике крестьянских правовых понятий и обычаев (А. Лалош, Ф. Щербина, С. Щепотьев, А.А. Кауфман, С.В. Пахман и др.), а также сторонников “государственной школы”, трактовавших общину как порождение государственной власти в сугубо фискальных целях (Б.Н. Чичерин, П.Н. Милюков, В.И. Сергиевич, И. Энгельман, К.Р. Качоровский и др.), и выделил понимание общины Н.П. Павловым-Сильванским как стадии в социальном развитии народов. Автор вскрыл имевшиеся к началу XX в. достижения в теоретическом осмыслении развития общины: изучение ее как поземельно-хозяйственной и общественной организации крестьян, попытки выявления типов общин, бытовавших норм права. Камнем же преткновения, полагал историк, стало именно происхождение общины, влекущее за собой то или иное решение вопроса о земельной собственности³⁹.

Отметив взаимосвязанное рассмотрение в советской историографии проблем развития феодальной собственности и сельской общины в XII–XVI вв., В.А. Александров обнаружил слабую разработку темы для периода истории с XVII по начало XIX в., и это при обширнейшей литературе о социально-экономических отношениях, организации вотчинного хозяйства, формах ренты. В своем исследовании В.А. Александров счел необходимым раскрыть сам процесс “инкорпорации общины в феодальную систему и ее трансформации в ходе развития этой системы”, для чего выяснить “когда, какие и при каких обстоятельствах (курсив авт. – В.А.) теряла или сохраняла община те или иные права и функции”. Не менее важно было понять, за счет каких внутренних механизмов сохранялось равновесие в хозяйственном дуализме при общинном владении землей и индивидуальном пользовании⁴⁰.

Свою монографию ученый посвятил внутренней жизни сельской общины европейской части России в условиях крепостничества конца XVII – начала XIX в., он сосредоточился на характеристике ее устройства и внутреннего управления на этапе развитого частновотчинного права, выяснении роли общины в организации как вотчинного и собственно крестьянского хозяйства при разных способах эксплуатации, так и на постижении внутридеревенского правопорядка в повседневной жизни и семейном быту.

В.А. Александров обратился и к малоизученному вопросу о правовом положении общины в крепостной вотчине. Он привлек к рассмотрению мате-

³⁸ Там же. С. 84–86.

³⁹ Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 3–25.

⁴⁰ Там же. С. 38–44.

риал почти 50 помещичьих инструкций, отдельные из которых представляли собой подробные внутривотчинные правовые кодексы. Важна также историческая оценка инструкций, которые ученый определил как тип документов, отражавших процесс “освоения” феодалом хозяйства деревни и устанавливавших права “государей” над подвластными крестьянами⁴¹.

Анализ этого материала убедил В.А. Александрова в том, что помещики разных рангов, как правило, считали сельскую общину необходимым звеном в вотчинном управлении. Многообразие последнего создавало разные варианты связей между вотчиной и сельским миром, которые обеспечивали феодалу зависимость крестьянских общин. Бытование той или иной системы управления определялось в немалой степени господствовавшей в вотчине формой ренты, которая как бы задавала общине набор ее функций.

Историк впервые в литературе классифицировал варианты общин, исходя из взаимозависимости их положения и вотчинного управления. Один был представлен барско-попечительским, а “по существу, полицейским режимом управления, возникавшим, как правило, в барщинных имениях”. При нем вотчинное законодательство регулировало и управление, и жизнь деревни, нивелировало имущественное состояние крестьян, лишало их права передвижения и предпринимательства. Другой тип управления существовал, главным образом, в оброчных имениях и характеризовался общим надзором помещика, более или менее широким общинным самоуправлением с выборной администрацией, которая решала как вотчинные, так и общинные дела. В таких общинах отсутствовали препятствия для имущественной дифференциации, и поддерживался приоритет зажиточных крестьян во внутренних делах. Третий тип связи вотчины и общины, по мнению автора, наиболее распространенный, сочетал вотчинное и мирское управления. При нем выбранные или назначенные феодалом (либо его управляющим) общинные должностные лица входили в низшее звено вотчинной администрации, община же имела при этом право совещательного голоса в вотчинном правлении или активно действовала в решении важных вопросов (например, тяглого обложения или рекрутской повинности), играя роль органа с выборным представительством. Традиционные права, сохраняемые общиной, ее структура и состав мирских сходов, их правомочность, а главное, возможность контролировать вотчинную администрацию и представлять интересы крестьян зависели, прежде всего, от того, при какой системе управления существовала община⁴². Типологические установки автора нашли применение в последующих исследованиях, относящихся не только к частнофеодальным владениям, но и монастырским⁴³.

При явной зависимости общин от юрисдикции феодала (суд и надзор, организация обложения и обеспечения повинностей) самая важная и древнейшая прерогатива общин – внутридеревенское распоряжение “своей землей” – оставалась в их компетенции. Помещики господствовали над крестьянами, вовлекая “представителей общины в систему управления вотчин с административными или совещательными функциями, притупляя тем самым остроту повседневного социального антагонизма, удешевляя аппарат принуждения и обеспечивая с его помощью выполнение крестьянами феодальных повинностей. За общинами в большой степени оставалось право хозяйственного распоряжения надельными землями, организации производства в личном хозяйстве крестьян, регулирования внутривотчинных гражданских и семейных

⁴¹ Там же. С. 47–51.

⁴² Там же. С. 111–113.

⁴³ См.: Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII века (по архиву Троице-Сергиевой Лавры): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 42.

отношений”. И только на рубеже XVIII и XIX вв. появляются случаи полной “утилизации” всех прав общины феодалами и даже ее фактического уничтожения⁴⁴. Таковы узловые выводы В.А. Александрова о правовом положении сельских общин в вотчине.

Обратившись к сюжету об организации и деятельности сельских миров, В.А. Александров заострил внимание на источниковой особенности мирских приговоров (а их он выявил около 500), закреплявших решения мирских сходов. Именно их анализ выявил круг вопросов, которые рассматривали сходы, типичность их решений, т.е. действовавшие в общинах правовые нормы. Безусловно, ценна квалификация ученых мирского приговора как *юридического* документа, сложившегося к концу XVII в. и представляющего обычно-правовой акт, обязательный для исполнения всеми крестьянами. Помещичье “законодательство”, проводимое через решения сходов, находило в приговорах свое исполнительное воплощение. В.А. Александров подчеркнул органичную связь частнофеодального кодекса и мирского приговора. Сила последнего в повседневном бытии общины и феодала была настолько реальна, что помещики стремились добиваться согласия общины на выполнение феодальных обязательств. Однако нередко проявлявшееся несогласие общин с волей помещиков, тем более выраженное в мирском приговоре, сдерживало рост требований феодалов. Общественный дуализм общины сказывался в существовании ее как орудия вотчинного управления и одновременно защиты интересов крестьян, что отразили противоположные документы – помещичьи кодексы и мирские приговоры⁴⁵.

На материалах, относящихся к крупным оброчным вотчинам (Б.И. Морозова, Б.П. Шереметева, В.Г. Орлова, Щербатовых, Суворовых, Паниных, Куракиных), В.А. Александров подробно показал жизнеспособность мирского управления. Сход и избираемые им должностные лица с разграничением функций стойко удерживались даже в вотчинах с жестким режимом, противодействуя, и порой небезуспешно, введению приказничьего управления. Аксиоматичным стало полученное ученым наблюдение о прямой зависимости общинного управления от вотчинного режима⁴⁶, и оно, полагаю, дает ключ к пониманию положения общины в феодальной вотчине.

Заслуживает пристального внимания и выявленное В.А. Александровым сходство общинного управления по структуре и функциям у разных владельцев и в разных губерниях европейской России. Ученый открыл устойчивость форм общинного правления даже в вотчинах, менявших на протяжении десятилетий своих владельцев. Тонкое наблюдение за структурой сложных общин, включавших десятки селений и делившихся на составные части, позволило ему увидеть в них “по сути дела общины-волости”. Однако автор с известной осторожностью полагает в таком устройстве отражение старинного земского порядка, приспособленного помещиками. “Речь может идти только о сохранении среди крепостного крестьянства черносошных традиций, воплощавшихся в организации управления”⁴⁷. Установленное В.А. Александровым единообразие форм общинной организации совсем не исключало вариативности, структурно-функционального ее усложнения, которое со временем вело к бюрократизации управления, а все вместе взятое свидетельствовало, в конечном счете, о косности общины как социального института. Повседневные отношения между феодалом и общи-

⁴⁴ Александров В.А. Сельская община в России... С. 114–115.

⁴⁵ Там же. С. 117, 122, 178–179.

⁴⁶ Там же. С. 119–175.

⁴⁷ Там же. С. 177.

ной находились в равновесии, пока общинное руководство обеспечивало правопорядок: крепостническую дисциплину, хозяйственный и бытовой уклад, несение государственных повинностей.

Главную функцию общины – поземельную – ученый изучил в сочетании с неразрывно с ней связанной – тяглогораспределительной. Следует выделить его коренное соображение, позднее развитое в специальной статье. Историк обратил внимание на отличия сельских общин, представленных поморской черносоловьиной организацией и генетически восходящей к ней – сибирской с подворным землепользованием, а также другой – земельнопредельной в частнофеодальных владениях⁴⁸. Для понимания существа предельной общины В.А. Александров рассмотрел структуру земельного хозяйства, обусловленную экономической конъюнктурой, права и обязанности крестьян-общинников. Ученый акцентировал внимание на стремлении помещиков, причем четко выявляемом по инструкциям, всячески избегать пауперизации крестьян.

Одна из основных мер по поддержанию тягლოსпособности состояла в равенственном (по числу душ) принципе распределения земель внутри общин, которые по своему устройству были как однодеревенскими, так и сложными, наподобие общины-волости. Историк обнаружил характерную особенность – сохранение за деревней или группой деревень определенного массива земель, границы которого поддерживались на основе обычая и государственных документов. При условности такого “владения” оно, при длительном невмешательстве помещика в общинное землепользование, позволяло крестьянам сохранять “свои” угодья, основываясь на давности и традиции, что было особенно важно при смене феодалов. Как раз в практике такого землепользования, утвержденной по выражению И. Болтина, не законом, “но всеобщим обычаем”, следовало искать ответ на вопрос о характере земельных переделов.

Анализ материала о распределении земли привел ученого к ключевым выводам о характере земельных переделов, прочно вошедшим в историографию. Общие земельные переделы были редкими, проводились эпизодически, только тогда, когда было необходимо упорядочить земельное хозяйство в целом, приведя его в соответствие с потребностями и возможностями всех селений общины. Практиковались же “поравнения”, т.е. временная передача земли от деревни к деревне или от двора к двору с обязательным возвратом в будущем, что избавляло от конфликтов и общеземельных переделов. Такие частные перераспределения ученый предложил считать “определенным типом общинного землепользования”, которое возникло в условиях ограниченных хозяйственных угодий.

Распределение земли между дворами в селениях зависело от систем обложения тяглом, принятых в общинах, причем с учетом экономики дворов, что использовали помещики. И очень важным на момент исследования был вывод историка об условности государственного принципа подушного обложения, который определял лишь общие размеры подати, приходящейся на ту или иную помещичью общину⁴⁹. Она, обеспечивая крестьян землей, хотя бы на уровне прожиточного минимума, поддерживала равномерность земельного обеспечения, не допускала обезземеления одних в угоду другим. Ученый предостерегал от идеализированного взгляда на земельно-тягловое хозяйство общин как стремившихся к уравниванию имущественного положения дворов и поддержанию их на точно зафиксированном уровне. Община ограждала

⁴⁸ Там же. С. 181–182.

⁴⁹ Там же. С. 202–204, 207–216, 218–219.

крестьян от полного разорения и упадка, предельно уменьшая тягло, и постоянно контролируя тяглоспособность дворов.

Отвечая на остро дебатруемый в 1970-х годах вопрос об имущественной дифференциации крестьян, В.А. Александров сконцентрировал внимание на проявлении частнособственнических тенденций в землепользовании, связи между концентрацией земли внутри деревни и предпринимательством вне общины, а также на более высоком обложении “прожиточных” крестьян. Очевидные стремления к концентрации общинной земли в руках верхушки деревни свидетельствовали о принципиальных изменениях в земельном хозяйстве общин. Однако принцип поддержания тяглого равновесия между различными по имущественному уровню группами крестьян действовал благодаря дифференцированному обложению дворов по их “силам”. Первостепенными были выводы В.А. Александрова и об отчетливом преобладании в XVIII – начале XIX вв. средних слоев крестьян и относительно незначительном числе малотяглых дворов, а также отсутствии пауперизации среди подавляющей части работоспособных общинников⁵⁰.

Довольно интересно взаимосвязанное рассмотрение практически не изученного вопроса об общине и рекрутской повинности крестьян. Ученый установил, что помещики предоставляя общинам инициативу в выборе рекрутов, предлагали общие принципы их отбора, которые сводились к нескольким: сдача рекрутов – 1) из многотяглых семей, 2) из малотяглых или бесхозяйственных дворов, 3) на основе охвата повинностью всего мужского состава общины. Четко проявившийся к середине XVIII в. потягольный отбор в рекруты при соблюдении первого принципа предохранял от ослабления малочисленные семьи и способствовал нивелированию рабочих сил во дворах, а при втором избавлял общину от слабых крестьян, хотя и вынуждал ее брать на себя выполнение их повинностей. Порядок рекрутской очереди в XVIII в. постепенно эволюционировал к откупу крестьян от повинности и покупке рекрутов с мирской раскладкой платежа по числу мужчин в семьях, а затем к персональному их учету. Распространение во второй половине XVIII в. рекрутчины на каждый двор, потом и на каждого мужчину привело к установлению самими общинами, помимо государства, специального систематического налога на всех сочленов. “В результате в армию попадали те, кто не имел возможности откупиться, т.е. представители средних и бедных слоев крестьянства”. Оценивая в целом рекрутчину, переросшую военную функцию и ставшую своеобразным субинститутом в жизни деревни, В.А. Александров обоснованно утверждал, что в общине государственная повинность приобрела отчетливый социальный и хозяйственный характер, играла дисциплинарную и карательную роль, а в более развитых в товарно-денежном отношении хозяйствах она фактически стала внутриобщинным денежным налогом⁵¹.

Органично вписалась в монографию глава о роли общины в семейном быте крестьян. Ученый показал, что общины следили за соблюдением норм семейной жизни – повиновением главе и старшим в семье, наказанием за внебрачные связи и нарушением норм бытовой морали. Имущественные отношения, связанные с долгами, наследованием, и главное, с разделом были также в ведении общины. В последнем случае велики были роль феодала и решения общины, которые вкупе руководствовались тяглой способностью образующихся семей, а община утверждала еще и условия раздела во избежание возможных имущественных притязаний сторон. Появление брачных пар в семь-

⁵⁰ Там же. С. 194, 198–199, 203, 236–241.

⁵¹ Там же. С. 245–248, 258–260, 273–279, 292–293.

ях, образование новых касалось общин в той мере, которую предписывали помещичьи установления, а они могли не соглашаться на браки вне своих владений, требовать, а порой принуждать к своевременному, с их точки зрения, вступлению крестьян в брак. Роль общин в регулировании семейных порядков была не только значительной, но и определялась вотчинным правом.

В своем фундаментальном исследовании о сельской общине во владениях светских феодалов в период законодательно оформленного крепостного права В.А. Александров доказал повсеместность существования, ее дееспособность, никоим образом не подавленную крепостничеством. Главное же, что община была сословным институтом крестьян, который традиционно вписывался в структуру феодального общества в целом. Совершенно по-новому в книге раскрыты земельные права общины и отдельного двора внутри помещичьего хозяйства. Именно прояснение вопроса о землепользовании убедило ученого в важности вывода об обладании крестьянским двором “своей” землей и “поравнениях” как способе приведения в соответствие рабочих возможностей крестьянского двора его тяглым обязательствам. Книга В.А. Александрова о сельской общине обратила на себя внимание ученых в нашей стране и за рубежом, она имела положительные рецензии и одобрительные отзывы коллег.

Вопрос об общем развитии общины и проявлявшихся региональных различиях В.А. Александров рассмотрел в специальной статье. Типы сельской общины складывались, по его мнению, примерно с XVI в. и на протяжении XVII–XVIII вв. под воздействием разных форм феодальной зависимости крестьян и неодинаковых условий освоения новых земель. Преобладание частновладельческой (крепостной) или государственной форм зависимости крестьян стало определяющим для вызревания типов сельских общин. В регионах господства вотчины и поместья (средней полосе России) под нажимом феодального землевладения сформировался земельно-передельный тип общины с хозяйством деревень, ограниченным строгими рамками имений. На него действовало также трехполье как наиболее рациональная система земледелия и постепенно убавляемое помещиками количество удобной для обработки земли у крестьян. Северорусский тип общины с волостными и уездными мирами, долевым землевладением, перераставшим в индивидуальное, с активным оборотом земли, сложился в условиях отсутствия частного феодального землевладения, подпадания миров под власть государства с вытекающим из этого положением крестьян только как владельцев земли. Ученый пришел к важному выводу, что в России XVII – начала XIX в. “типология сельской общины определялась формой феодальной зависимости крестьян и особенностями их хозяйственной деятельности”, а повсеместное однообразие функций общины указывало на прочность данного социального института крестьян⁵².

В монографии об общине уже определенно выявляется рефрен об обычнo-правовых нормах, встречавшихся в землепользовании и быту крестьян. Логическим продолжением многогранной проблемы стала новая книга В.А. Александрова об обычном праве крепостной деревни России в XVIII – начале XIX в. Он отчетливо осознавал, что тема о значении обычнo-правовых норм неисчерпаема, на этих нормах покоились порядки землепользования, общественная и семейно-бытовая жизнь деревни, видел и слабую ее изученность, особенно в сфере общественных и хозяйственных связей между

⁵² Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII – начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 92–104.

такими важными институтами крестьян, как община и семья⁵³. Ученый предостерегал от заблуждения считать обычное право архаически сохранившимся пережитком, подчеркивал его сложные взаимоотношения с государственной кодификацией, а главное, его внутрисословный характер. В монографии историк сосредоточился на исследовании обычно-правовых установлений, которым подчинялись поземельные и имущественные отношения в крепостной деревне XVIII – начала XIX в., что позволяло проникнуть во внутреннюю жизнь в ее повседневных проявлениях⁵⁴.

Проблема обычного права, поставленная В.А. Александровым, как в широком, так и в конкретном планах, определилась, естественно, ее местом в отечественной историографии XIX–XX вв. В XIX в. обычай был предметом внимания историков-правоведов (Н.В. Калачев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, И.Д. Беляев, А.С. Павлов, В.И. Сергеевич, М.Ф. Владимирский-Буданов и др.), которые признавали его одним из источников писаного права и выясняли преимущественно соотношение обычая и закона на разных этапах развития последнего. Положения о реформе 1861 г. фактически узаконили действие обычного права в государственно-правовой практике страны. После нее историки и правоведы (И. Тютрюмов, А.А. Леонтьев, И.Г. Оршанский, К.Р. Качоровский, С.В. Пахман и др.) полемизировали по поводу применения обычно-правовых норм в судебной практике и административном управлении деревни. Они опирались на действовавшие обычаи, и при этом отделяли их от государственного права, считали их результатом правового обособления крестьян, проведенного государством, и рассматривали обычай, который был действителен и динамичен в связи с писанным правом. Историки XIX в., полагал В.А. Александров, не увязывали действие обычно-правовых норм с положением крестьян на разных этапах эволюции общественных отношений и, тем более, с развитием важнейшего социального института крестьян – сельской общины. Он подчеркнул известное обособление и параллельное изучение истории общины историками, а обычного права – правоведом. Параллелизм же усугубился во второй половине XIX – начале XX в., когда обычным правом занялись этнографы и юристы – специалисты по гражданскому праву⁵⁵.

Советские историки и, особенно, юристы отводили обычаю ведущую роль в складывании писаного права на ранних этапах классового общества, а для разных этапов феодализма его проявления изучены крайне слабо. Распространено было мнение об обычном праве как совокупности норм, появившихся в результате санкционирования обычаев государством, что, по мнению В.А. Александрова, очевидное недоразумение. “Государственная власть может допускать бытование обычая, но допущение – не синоним санкционирования; санкционированный же обычай становится законом, и при таком подходе само существование обычного права ставится под сомнение”. В целом же преобладала (и продолжает доминировать до настоящего времени) трактовка обычного права лишь как источника писаного и кодифицированного права, а отношения, определявшиеся по нормам обычного права и бытовавшие у разных социальных групп общества и крестьянства в том числе, игнорировались или считались статичным явлением, находившимся вне влияния “экономики, политической ситуации даже объективного права”. Законодательная власть, сталкиваясь в разные периоды феодальной эпохи с правовыми представлениями иных

⁵³ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 38–39.

⁵⁴ Там же. С. 36–41.

⁵⁵ Там же. С. 15–16, 28–30.

сословий, кроме господствующего, была вынуждена допускать бытование обычаев или разрешать их применение, апробируя через судебную практику, и в конце концов кодифицировать. Так, писаное право находилось в постоянной взаимосвязи с обычаями⁵⁶.

Для понимания действия норм обычного права, действовавших в крестьянской семье и сельской общине, В.А. Александров заострил внимание на типологии каждого из институтов. Сосредоточиться на семье было нужно не только из-за отсутствия полной ясности, но и имевшейся трактовки М.О. Косвена о большой семье как патронимии⁵⁷. В.А. Александров на репрезентативном материале убедился в господстве малой семьи как формы на протяжении эпохи феодализма. В зависимости от конкретных обстоятельств она пульсировала к неразделенной. Отцовские и братские семьи XVII – середины XIX в., появившиеся в результате регенерации малой семьи, не имели ничего общего с большой семьей (М.О. Косвен) как стадийного института более ранних этапов общественного развития.

Характеристика обычного права в сфере землепользования как деревни, так и отдельного двора, потребовала привести развернутую типологию российских общин. Ученый дал ее на основе ранее сделанных выводов о соответствии типов общины формам феодальной зависимости крестьян. К одному из них он отнес общину поморского Севера и генетически восходящую к ней общину Сибири. Очень важен вывод ученого о том, что в условиях государственной феодальной собственности на землю у крестьян Севера и Сибири, естественно, при имевшихся региональных различиях, бытовало подворное потомственное пользование и распоряжение угодьями, основанное на обычном праве. В центральной же полосе России земельное хозяйство сельских общин было замкнуто границами частнофеодальных владений и трансформировалось в форму, называемую уравнительной передельной. Различные статусы сельской общины в феодальных владениях самым непосредственным образом сказывались на обычно-правовых нормах и земельных распорядках в деревне.

На основе сделанных типологических заключений историк поставил два принципиальных вопроса. Во-первых, о двухлинейном развитии сельской общины, которое началось в XVI–XVII вв. как в черносошной (государственной) деревне, так и в крепостной. Во-вторых, о возможном, в принципе, едином процессе развития обычного права у всех категорий крестьян с учетом, конечно, региональных особенностей, или, во всяком случае, о степени нормативной общности в отдельных регионах страны⁵⁸.

В.А. Александров также убедился, что подчиненные феодальному землевланию общины приспособляли свое земельное хозяйство к условиям тяглого существования, и при этом право деревенского держания “своего” поля не исчезало. Оно дуалистически сочеталось с представлениями о подворном владении, которые отражали частно-собственнические тенденции в деревне. Регулируя землепользование, община условно (до очередной переобролки) передавала тому или иному двору дополнительные участки. Тем самым она сдерживала сосредоточение земли в руках состоятельных крестьян. Контроль за использованием крестьянскими дворами тяглых земель, наиболее жесткий в барщинных имениях (нежели в оброчных), постепенно вел к развитию передельных тенденций, а систематическое перераспределение па-

⁵⁶ Там же. С. 31–37.

⁵⁷ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

⁵⁸ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни... С. 103–109.

шенных участков между дворами – к передельному землепользованию в прямом значении этого понятия⁵⁹.

Объясняя механизм возникновения переделов, В.А. Александров выяснил, каковым было пользование землями – надельными, приобретенными, росчистными? “Нормы обычного права допускали лишь семейно-наследственное использование общинных угодий при обязательном несении фиксированного тягла (на основе тяглоспособности двора) и с согласия общины – сдачу или прием от соседей отдельных долей полевой и дворовой земли”. Земельно-тягловое уравнение все же не исключало права двора на определенные угодья (пашни и сенокосы), что, по мнению ученого, консервировало общественные отношения в крепостной деревне. Главное же – обычное право сдерживало выработку у крестьян понятия о земельной собственности⁶⁰.

Исследование семейно-имущественных отношений, бытовавших у крестьян, привело В.А. Александрова к первостепенному заключению, что совокупность норм отражала общую систему обычного права для всего русского крестьянства. Она была достаточно развитой и рациональной. В ней выделялись три главных принципа: 1) обеспечение хозяйствования крестьянского двора; 2) поддержка нетрудоспособных членов крестьянской семьи; 3) условность в разграничении между общим и личным имуществом в хозяйстве.

Показательно, что движимое и недвижимое имущества существовали в правовом мышлении крестьян как единый комплекс, и потребности производства диктовали эту общность. Хозяйственную дееспособность двора поддерживали именно обычно-правовые нормы. Как раз общесемейное имущество, акцентирует свою мысль ученый, было принципиальным компонентом обычного права, причем традиционно сохраняемым. Эта черта отличала его от права писаного, определявшего индивидуальные права отдельных членов семьи на разные виды имущества. В крестьянских семьях, каждый мужчина, способный возглавить хозяйство, претендовал на долю общесемейного имущества. Подробно разобрав права прямых и боковых родственников, В.А. Александров сделал ценный вывод о подчинении имущественных отношений в семьях разных типов интересам малой семьи как основы семейного строя. В сфере имущественных отношений обычно-правовые нормы бытовали наиболее стойко и находились на страже материальных интересов семьи в целом⁶¹.

Оценивая значение обычного права в феодальной деревне, В.А. Александров считал, что оно, способствуя стабилизации и воспроизводству семейных, общинных и общественных отношений, притормаживало имущественное расслоение среди крестьян, нивелируя положение отдельных семей. Обычно-правовые нормы играли первостепенную, но “защитную роль, будучи инструментом сословия, борющегося за существование своего хозяйства”. Тональность же инструмента изменялась в зависимости от складывавшихся обстоятельств в существовании сословия.

Размышления об истории сельской общины, обычно-правовых нормах, действовавших в крестьянской среде, а также о творчестве В.О. Ключевского, в издании сочинений которого В.А. Александров дважды (1956–1959, 1986–1989) принимал участие, зрелое осмысление исторического пути России, привели его к мысли о чрезмерной заостренности роли государства и его институтов в историографии 1960–1980 гг. Организации

⁵⁹ Там же. С. 133–137.

⁶⁰ Там же. С. 163–164.

⁶¹ Там же. С. 244, 246–247.

же сословного характера у разных социальных групп российского общества, говорящие о представительном этапе в существовании монархического государства, не получили, по мнению ученого, должной разработки. Помню, в беседах второй половины 1980-х годов он несколько раз возвращался к этому сюжету, обратив мое внимание на почти одновременно вышедшие книги Л.В. Черепнина об образовании централизованного государства (1960) и М.Н. Тихомирова о России в XVI столетии (1962), написанные с разных исходных позиций. Раздумья о формах сословного представительства (кроме столь явной, как земские соборы) в России XVII в. воплотились в совместной книге В.А. Александрова и Н.Н. Покровского. Она посвящена возникновению и действию корпоративных организаций у разных сословий Сибири и выяснению их взаимоотношений с воеводской властью в XVII в.⁶² Авторы сделали важные выводы, что поморские переселенцы пришли на сибирский континент с традиционными социальными понятиями, которые способствовали созданию сообществ с явно выраженными земско-мирскими прерогативами. Сословно разные общины входили в единую структуру и вместе стойко отстаивали свои интересы перед властью. Именно двумя взаимодополняющими частями механизма местной власти в Сибири были, по убеждению авторов, воеводское управление и мирская организация. Обе эти ветви в условиях постоянной колонизации решали повседневные проблемы военного, административного, финансового, хозяйственного управления, сотрудничая и противоборствуя. Акцент монографии на каждодневном общении администрации и самоуправляющихся миров, ценный сам по себе, сочетается с раскрытием позиций последних в моменты упорного протеста, перераставшего порой в социальные потрясения. Трактую сибирские сообщества как мирские, претворявшие на обычно-правовой основе земские порядки, авторы ставят важный вопрос – отражалась ли в их деятельности местная специфика или общерусские закономерности? Ученые пришли к выводу, что «взаимоотношения между сибирскими “обществами” и властями, при всей их специфичности, следует рассматривать как часть общерусского политического строя и механизма управления сословно-представительной монархии»⁶³. В.А. Александров и Н.Н. Покровский предложили многомерную интерпретацию общественно-политического строя России XVII в. Они углубили ее, раскрыв действующий на разных уровнях – мирском и государственном – механизм местной власти, выявив такую его особенность, как обратную связь между обществом и администрацией.

Каждая из проблем отечественной истории России, которой занимался В.А. Александров, получив монографическое воплощение, открывала свое направление для последующих исследований: и освоение российских пространств, и углубленное проникновение в толщу крестьянских миров, и познание своеобразия отношений между властью и сословными группами. За рамками статьи, хотя и большой, остались его сотрудничество в трудах по истории Сибири, крестьянства России и Европы, в Симпозиуме по аграрной истории, как публикатора наследия ученых-историков, многолетний труд и руководство группой коллег по сектору “Восточнославянской этнографии” (отдел “Этнологии русского народа”), а также другие стороны многогранной деятельности крупного ученого.

⁶² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск. 1991.

⁶³ Там же. С. 353.

Творчеству В.А. Александра свойственно глубокое проникновение в суть источников. Он предпочитал работать с массовым архивным материалом, причем многовидовым и разнотипным, что, по его убеждению, гарантировало от гипотез и предположительных выводов. Исследования ученого пронизывает тонкая источниковедческая методика, которая органично вплетается в ткань исторического исследования. Характерной чертой его работ была высокая источниковая культура, воспринятая от М.Н. Тихомирова, и приверженность ей вызывает глубокое уважение. Следование этой культуре он сумел привить своим ученикам и сотрудникам. Органичное сочетание источниковедческой методики с основательностью исторических штудий, и, главное, живой интерес к науке “история” придают трудам В.А. Александра многоаспектность и фундаментальность.

О.Ю. Кивокурцева

КРАЕВЕД С БОЛЬШОЙ БУКВЫ: В.Н. БОЧКОВ И БОЧКОВСКИЙ СЕМИНАР

Каждый, кто хотя бы раз обращался к сюжетам костромской истории, мимо работ Виктора Николаевича Бочкова (1937–1991) пройти не мог.

30 с небольшим лет неутомимо и деятельно трудился он на ниве костромского краеведения, оставив после себя более 300 статей, книг и справочников¹. Широкая эрудиция, прочная документальная основа повествований и немалый литературный талант снискали Бочкову заслуженную славу. Его исследования до сих пор вызывают неизменный интерес в научном мире, а книги являются лучшим подарком тем, для кого слова “Кострома” и “Костромской край” не только понятия географические.

В.Н. Бочков родился в 1937 г. в Ленинграде (отец служил там инженером на военном заводе, мать училась в педагогическом институте им. А.И. Герцена), пережил он и Ленинградскую блокаду. В 1942 г. отца репрессировали. Семья выехала по Дороге жизни, с трудом нашла пристанище в Ивановской области. Там прошло голодное детство, там В.Н. Бочков закончил и школу².

Затем была Москва, большой конкурс и поступление в Историко-архивный институт в 1954 г., наставничество С.О. Шмидта и А.А. Зимина.

В МГИАИ Виктор Николаевич начал заниматься генеалогией, успешно защитил диплом по этой теме. Тогда же, в студенческие годы, возник интерес к костромской истории: одна из курсовых работ была связана с деятельностью князя Василия и с легендарным появлением покровительницы Костромы – иконы Феодоровской Божьей Матери.

В 1959 г. молодой специалист поступил в Государственный архив Костромской области. Наиболее древняя часть собраний ГАКО была сформирована губернской ученой архивной комиссией и научным обществом по изучению местного края, действовавшим под руководством одного из крупных и талантливых организаторов отечественного краеведения В.И. Смирнова.

Виктор Николаевич быстро познакомился с фондами, оценил их многообразие и полноту, активно начал заниматься краеведческими исследованиями.

В ГАКО он возглавил работу над первым путеводителем по фондам архива, подготовил к изданию обзор “Коллекции литературных, исторических, культовых рукописей и книг XV–XX вв.”, занимался созданием научно-справочного аппарата к самым значительным по объему фондам, разрабатывал критерии выявления уникальных и особо ценных документов, готовил выставки, радиоочерки, выступал с лекциями, докладами³. Прирожденный архивист-исследователь, он обладал поразительной работоспособностью, легко ориентировался в событиях и персоналиях любой эпохи, безошибочно атри-

¹ Список трудов В.Н. Бочкова см.: *Бочков В.Н.* Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. С. 208–218.

² Основные биографические сведения даны по предисловию Н.А. Дружневой к описи фонда В.Н. Бочкова (ГАКО. Ф. Р-1224) и уточнены Л.В. Вавиловой, вдовой краеведа.

³ ГАКО. Ф. Р-2196. Оп. 11. Д. 62. Л. 149–150. См. также: *Шмидт С.О.* Слово об авторе // *Бочков В.Н.* Старая Кострома... С. 5.

бутировал документы разных делопроизводственных систем. В.Н. Бочков установил связи с местными краеведами и их родственниками, начал собирать и записывать рассказы старожилов.

Первая публикация молодого историка, появившаяся в областной газете “Северная правда” была посвящена истории дома, где жил краевед И.А. Рязановский. Так было положено начало двум важнейшим темам исследований Виктора Николаевича – “Костромские краеведы” и “История города, домов и улиц”. В 1962 г. увидела свет первая небольшая книга молодого историка, посвященная драматической судьбе адмирала Г.И. Невельского, уроженца усадьбы Дракино Солигаличского уезда Костромской губернии.

Круг общения В.Н. Бочкова в Костроме состоял из представителей творческой интеллигенции, которых впоследствии называли костромскими шестидесятниками. Его приятелями были талантливые художники Н. Шувалов, А. Козлов, журналист, будущий известный литературовед и критик И. Дедков, преподаватели пединститута Ф. Цан, М. Пьяных, Н. Скатов, ныне директор Пушкинского Дома, писатель Ю. Куранов, композитор А. Документов. Их связывало общее стремление свободно мыслить, творить вопреки лжи и абсурду окружающей действительности.

Краеведение не мешало активно заниматься научными изысканиями. В 1963 г. В.Н. Бочков поступил в аспирантуру МГИАИ, но был отчислен по доносу секретаря комсомольской организации Костромского архива. В 1965 г. он поступил в аспирантуру МГУ, которую закончил в 1969 г. Защита диссертации “Формирование служилого сословия Российского централизованного государства” не состоялась, так как генеалогия и история российского дворянства не вписывались в рамки официальной конъюнктуры. Впоследствии отдельные главы монографии были опубликованы в “Археографическом ежегоднике” и журнале “Историческая генеалогия”⁴.

Бочков не стремился приспособиться, не шел на компромиссы даже в мелочах. Его положение в архиве осложнилось, пришлось перейти на работу в Областную научную библиотеку им. Н.К. Крупской. Однако краеведческие поиски продолжались, в центральной и местной печати появлялись многочисленные статьи. В конце 60-х годов он начал преподавать в Костромском государственном пединституте им. Н.А. Некрасова.

В это же время вышли из печати книга исторических рассказов “Так начинался подвиг”, два путеводителя по Костроме и очерк “Битва на Святом озере” о малоизвестном событии в истории древней Костромы – битве с татарским отрядом в 1264 г.

Одним из первых Виктор Николаевич обратился к освещению местной краеведческой традиции. В очерке “Щедрость души” о “краеведе с большой буквы” И.А. Рязановском он упомянул полковника И.К. Васькова и его работу – первый изданный труд по истории Костромы, напомнил об изысканиях нерехтского священника М.Я. Диева, исследованиях протоиерея П.Ф. Островского, дяди известного драматурга.

В трилогии “Подвижники костромского краеведения” В.Н. Бочков рассказал о единственном крестьянине-краеведе, члене Губернской ученой архивной комиссии Д.П. Дементьеве, собирателе и хранителе истории костромского Поветлужья. Восторженно и проникновенно написал о “большом и скромном человеке”, великом труженике, ученом-краеведе В.И. Смирнове, о

⁴ Бочков В.Н. “Легенды” о выезде дворянских родов // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 73–93; Он же. “Послужилцы” // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6.

беззаветной преданности своему делу Л.Н. Жазаринова – создателя чухломского музея.

В 1972 г. В.Н. Бочков возглавил научную работу мемориального музея-усадьбы А.Н. Островского “Щельково”. Назначению предшествовало издание книги “Вокруг Щелькова”, подготовленной в соавторстве с А.А. Григоровым, краеведом-генеалогом, прекрасно знавшим заповедные места. Виктору Николаевичу пришлось принимать музейное хозяйство, находившееся в глубоком кризисе, за полгода до 150-летнего юбилея драматурга. Он с энтузиазмом начал действовать, поставив задачу “превратить музей из жалкого придатка дома отдыха в полнокровное научное учреждение”⁵.

При Бочкове открылось новое здание Литературно-театрального музея, его экспозиции ежегодно обновлялись. Впервые со времени возникновения мемориала началось проведение реставрационных работ в парке. Фонды активно пополнялись экспонатами эпохи А.Н. Островского, афишами, фотографиями, программами, рассказывающими о современных театральных постановках пьес драматурга.

Виктор Николаевич увлеченно занимался историей Щелькова и его окрестностей, выверил и дополнил родословную Островских. Под его руководством готовились к изданию каталог “Художники театра А.Н. Островского” и сборник документов “Архив В.О. Массалитиновой” (хранятся в музее). Бочков создал деятельный работоспособный коллектив, который объединял дух увлеченности и творчества.

Но активность заместителя директора по научной работе вызвала противодействие руководителей Всероссийского театрального общества, администрации дома отдыха. После того, как В. Бочков принял на работу опального К. Бабицкого, участника акции протеста против введения войск в Чехословакию в 1968 г., а в мемориальном доме “обнаружили” запрещенный журнал “Континент”, деятельностью музея заинтересовались “компетентные органы”. В биографии краеведа это был уже не первый случай. Дело, которому В.Н. Бочков “намеревался посвятить жизнь”, пришлось оставить. Возвращение в Кострому принесло новые унижения. С издевкой Бочкову предложили место актера в театре.

С трудом он устроился работать сторожем в клуб льнокомбината. Возникла счастливая идея о создании при клубе объединения краеведов. Кружок, в который вошли экскурсоводы, музейные работники, учителя, студенты, действовал с 1978 по 1990 г. Бочков был его неизменным руководителем, читал лекции, проводил экскурсии по Костроме, которые запомнились слушателям на всю жизнь. Личность В.Н. Бочкова оказала значительное влияние на выбор направлений и методов исследований краеведов Е.В. Сапрыкиной, Л.И. Сизинцевой, собирателя костромской старины О.Р. Ильиной.

Весомой работой объединения стала подготовка справочника “Улицы Костромы”, увидевшего свет в 1989 г. Был собран и систематизирован материал по теме “Выдающиеся уроженцы Костромской земли”. Основная часть исследований принадлежала Виктору Николаевичу. В своих многочисленных публикациях он создал целую галерею портретов людей, своим рождением, творчеством или служебной деятельностью связанных с костромским краем, оставивших заметный след в отечественной истории и культуре. Героями его повествований были представители известных дворянских родов, мореплаватели и полководцы, деятели театра, художники, писатели, поэты, ученые, архитекторы и изобретатели, революционеры и депутаты Государственной думы.

⁵ ГАКО. Ф. Р-1224. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

В 1978 г. В.Н. Бочкова пригласили на должность инженера в производственную группу по охране памятников истории и культуры, которая стала последним местом его работы. Ранее, в 1976 г., при непосредственном участии Виктора Николаевича (он автор статей и предисловия в соавторстве с Н.М. Булатовым) вышел том “Материалов свода памятников истории и культуры РСФСР. Костромская область”. В течение последующих 12 лет ни одна крупная работа В.Н. Бочкова не увидела свет.

В 1988 г. в Верхне-Волжском книжном издательстве, как эхо “щельковского периода” жизни Виктора Николаевича, появилась книга очерков “Заповедная сторона. Вокруг Щелькова”. В 1990 г. в издательстве “Современник” вышла долгожданная книга “Скажи, которая Татьяна?..” о прототипах литературных персонажей в произведениях А.С. Пушкина, А.Н. Островского, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского. Необыкновенно цельная, основательная работа, написанная легко и увлекательно, стала заметным событием в отечественном литературоведении.

Но дни В.Н. Бочкова были сочтены. Тяжелая болезнь отняла сначала любимое занятие, а потом и жизнь.

Виктор Николаевич оставил после себя значительный архив: рукописи неизданных книг, дневники последнего десятилетия, которые он начал писать по совету И.А. Дедкова, обширную переписку. Корреспондентами В.Н. Бочкова были И.А. Дедков, С.Н. Есин, И.П. Золотусский, Л.Е. Кропивницкий, И.Б. Кустодиева (дочь художника Б.М. Кустодиева), В.Я. Лакшин, М.С. Лессман, С.С. Лесневский, Ю.М. Лотман, М.А. Островская и М.М. Шателен (внучки драматурга А.Н. Островского), С.О. Шмидт и др.

Часть архивного собрания уже объединена в личном фонде краеведа и хранится в ГАКО. В его составе документы о деятельности В.Н. Бочкова в “Щелькове”, о работе объединения краеведов, материалы по подготовке справочника “Улицы Костромы”, “Свода памятников истории и культуры”, словаря “Выдающиеся уроженцы и деятели Костромского края”.

Картотека “Выдающиеся уроженцы...” передана родными ученого в Государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник “Ипатьевский монастырь”.

С 1992 г. по инициативе учеников и последователей при ГАКО начал действовать Бочковский семинар, приуроченный к дню рождения Виктора Николаевича (16 апреля). Первое заседание семинара вел И.А. Дедков. На развернутой выставке в холле Архива демонстрировались фотографии, материалы исследований, книги, биографические документы из фонда В.Н. Бочкова. Впервые костромская общественность познакомилась с дневниками ученого.

На заседаниях семинара обсуждались состояние костромского родиноведения, тематическая направленность и глубина краеведческих публикаций, богатство и разнообразие библиотечных, музейных, архивных фондов края, важность и полнота изобразительного ряда, необходимость издания “Костромской энциклопедии”, особенности костромского менталитета. В роли докладчиков выступали преподаватели местных вузов, краеведы, музейные, архивные, библиотечные работники, студенты, учащиеся школ⁶. Последнее заседание в апреле 2001 г. было посвящено предстоящему 850-летию Костромы, заслушаны сообщения об экологии, природной городской среде, истории промышленных предприятий. Материалы Бочковского семинара частично

⁶ Документы по проведению Бочковского семинара см.: ГАКО. Ф. Р-34. Оп. 7. Д. 178, 201, 222, 251, 283, 312 (текущий архив ГАКО за 1999–2001 гг.).

опубликованы в двух выпусках сборника “Костромской Вертоград” (Кострома, 1995, 1998), составленных краеведом П.П. Резепиным, одним из организаторов семинара.

“Костромской Вертоград” познакомил читателя с содержанием биобиблиографического и энциклопедического словарей, примерным словником костромских краеведов, обобщил результаты анкетирования современных исследователей истории края, которое было предпринято в 1993–1994 гг., представил краткий путеводитель “Островские в Костроме”, подготовленный на основе материалов В.Н. Бочкова и им авторизированный. Статьи, рассказы, дневники Виктора Николаевича продолжает публиковать историко-краеведческий, культурно-просветительский, научно-популярный журнал “Губернский дом”, его исторические очерки до сих пор звучат по местному радио. Значительное количество ссылок на работы В.Н. Бочкова содержит многотомное издание Государственного научно-производственного центра по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костромской области “Памятники архитектуры Костромской области”.

В 1997–1998 гг. произошли два важных события, связанные с именем Бочкова. Областной художественный музей организовал выставку, рассказавшую о костромских шестидесятниках – “Любить? Ненавидеть? Что еще?” На выставочных стендах были представлены документы и фотографии В.Н. Бочкова и его друзей. Во многом обновленный взгляд на жизнь и творчество историка-краеведа содержала статья Л.И. Сизинцевой “Архивариус”, помещенная в прекрасно изданном каталоге.

Своеобразным итогом исследований Виктора Николаевича, посвященных Костроме, стало издание книги “Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях”. В предисловии, предворяющем основное повествование, академик РАО, председатель Союза краеведов России С.О. Шмидт представил своего ученика многогранной, цельной и деятельной личностью, оставившей заметный след в костромском краеведении, просвещении, культуре. “В.Н. Бочков писал лишь о том, к чему тянулась душа. Он рано осознал себя продолжателем корневых линий развития отечественной исторической мысли. И теперь, когда освобождаемся от накали навязываемых исторических и социологических построений, труды его оказались среди тех, которые сохраняют свое значение для будущего”⁷.

Список посмертных публикаций В.Н. Бочкова и литературы о нем^{1*}

Труды В.Н. Бочкова

1996

“Там всюду прах и ветхость”. Из дневника 1981 г. // Губернский дом. № 4. С. 27–36.

1997

То же // Там же. № 2. С. 37–39, 42–44.

Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома. 230 с.

Рец.: Муравьев В.А. Занимательные рассказы о старой Костроме // Мир библиографии. 2000. № 1. С. 39–42; Дьяч-

ков В.П. О личности в истории и личности историка // Северная правда. 1998. 18 марта. С. 7; Зайцев Е. Сказ о старой Костроме // Там же. 29 янв. 1998. С. 6; Эта шикарная “Старая Кострома” // Костромские ведомости. 1998. 14 янв. С. 3; Пашин В. “Старая Кострома” // Молодежная линия. 1997. 26 дек. С. 5.

1999

Повесть о костромской и щельковской жизни. Письма Виктора Бочкова Михаилу Пьяных // Губернский дом. № 4. С. 47–53.

⁷ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 5.

^{1*} Составитель Н.Ф. Басова.

- Шмидт С.О.* [предисловие к ст. В.Н. Бочкова "Послужильцы"] // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк. 1995. Вып. 6.
- Дедков И.А.*^{2*} Из дневников // Свободная мысль. 1995. № 9. С. 108–128; № 10. С. 89–116.
- Дедков И.А.* Дневники // НМ. 1996. № 4. С. 185.
- Шмидт С.О.* Слово об авторе // В.Н. Бочков. Старая Кострома: Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. С. 1–6.
- Дедков И.А.* Дневники // НМ. 1998. № 5. С. 151, 153, 156, 167, 169, 177.
- Сизинцева Л.И.* "Архивариус". Любить? Ненавидеть? Что еще? // Каталог выставки, посвященной шестидесятиникам / В.Я. Игнатъев. Кострома, 1998. С. 36–39. Фото.
- Арямова В.* Историю обмануть не удастся // Северная правда. Кострома, 1998. 24 марта. С. 7 [О выставке в Костромском областном художественном музее, посвященном шестидесятиникам].
- Кириленко Л.* Они пришли и Кострома перестала быть провинцией [О выставке, посвященной шестидесятиникам] // Костромские ведомости. 1998. 11 марта. С. 3.
- В Костроме чтут таланты: о выставке, посвященной шестидесятиникам // Известия. 7 марта.
- Дедков И.А.* Дневники // НМ. 1999. № 9. С. 136, 144, 158.
- Яковлев С.* Уроки Игоря Дедкова // Родина. 1999. № 9. С. 14. Фото.
- Пахомов Ю.Н.* В поисках двойника. СПб., 2000. С. 37–43.
- Есин С.Н.* Дневники // НС. 2000. № 10. С. 220.
- Сизинцева Л.И.* Виктор Бочков: интеллигент в провинции // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения С.О. Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 338–340.
- Дедков И.А.* Дневники // НМ. 2000. № 12. С. 164.
- Дедкова Т.Ф.* Друзья. "Окостромичивание" // Северная правда. Кострома. 2000. 19 апр.
- Мраморнов О.Б.* Сгоревшие архивы: записки по памяти // Независимая газета. 2001. 6 апр. С. 12. Фото.
- Дедков И.А.* Дневники // НМ. 2001. № 12. С. 166.

Издания Бочковского семинара. Публикации о семинаре

- Бочковский семинар // Северная правда. 30 марта. 1993. С. 3.
- Костромичи и москвичи помнят Бочкова // Костромские ведомости. 1993. 21 апр. С. 2.
- Николаев А.* Неутомимый труженик науки. [О днях памяти В.Н. Бочкова, прошедших в Гос. архиве Костромской области] // Молодежная линия. Кострома, 1993. 23 апр. С. 2.
- Нерсесян В.* Человек русской провинции // Костромской край. 1993. 27 апр. С. 2.
- Анохин А.* Памяти краеведного мастера // Костромские ведомости. 1994. 16 марта. С. 6.
- Сбитнева Л.* О природе костромского менталитета и о многом другом // Молодежная линия. Кострома, 1994. 22 апр. С. 2.
- Борисов Н.* Бочковский семинар // Северная правда. Кострома, 1995. 27 апр. С. 3.
- Негорюхин Б.* Современная картина костромского краеведения // Там же. 1996. 3 мая. С. 4.
- Бугров А.* Переходя из века в век // Там же. 1999. 22 апр. С. 6.
- Костромской Вертоград / П.П. Резепин. Кострома. 1995. № 1. 31 с.; 1998. № 2. 31 с.

Издания, содержащие многочисленные ссылки на труды В.Н. Бочкова

- Памятники архитектуры Костромской области: Каталог. Кострома. 1996. Вып. 1, ч. 1. 364 с.; 1997, ч. 2. 310 с. Фото; 1998, ч. 3. 160 с.

^{2*} В публикациях И.А. Дедкова указываются страницы, где упоминается В.Н. Бочков.

М.П. ЛУКИЧЕВ – АРХИВИСТ И ИСТОЧНИКОВЕД

В марте 1987 г., в самом начале перестроечной “весны” нашего Отечества в системе центральных государственных архивов СССР, произошло примечательное событие. На собрании трудового коллектива ЦГАДА, согласно только что введенной практике, был избран новый директор. Так старейший архив страны возглавил Михаил Петрович Лукичев, тогда еще молодой, 37-летний историк-архивист. Он стал первым избранным директором во всей архивной системе страны. В ЦГАДА начался период, который, возможно, станет предметом изучения историков архивного дела и археографии. 14 июня 2001 г. трагически оборвался жизненный и творческий путь человека, которого многие ценили и уважали как ученого и специалиста, а еще больше людей – особенно сотрудников и читателей архива – просто любили.

Михаил Петрович родился и прожил всю жизнь в центре Москвы, в районе метро “Динамо”, у Ленинградского проспекта. Здесь он окончил среднюю школу, участвовал в литературных и художественных кружках, память о которых проявлялась в тонких суждениях о русской поэзии, графике и живописи; занимался футболом, дойдя до юношеской сборной “Торпедо”. Однако уже тогда, очевидно, выкристаллизовались основные пристрастия. Так в литературном кружке он выступал не со стихами, а с историко-литературными разысканиями. И поэтому выбор Историко-архивного института не стал случайным. Здесь его интересы определились окончательно – Россия (XVI–XVII вв.), источниковедение, кружок Сигурда Оттовича Шмидта.

Успешно защитив в 1973 г. под руководством С.О. Шмидта дипломную работу “Организация внешних сношений России со странами Востока конца XV – первой половины XVI в.”, М.П. Лукичев был распределен на работу в ЦГАДА, оттуда призван на срочную службу в армию. (Тяжесть службы для “интеллигента”, как он сам рассказывал, сильно смягчали высоко ценимые там достоинства – профессиональное умение рисовать и играть в футбол.) Вернувшись, он несколько лет работал в НИИ не исторического профиля, что позволяло сосредоточиться работать над диссертацией. Михаил Петрович поступил в заочную аспирантуру ИРИ РАН к В.И. Буганову, решив не продолжать тему диплома, а выбрать чисто источниковедческий вопрос – исследование одного типа памятников – боярских книг XVII в., важнейшей разновидности документации Разрядного приказа. Основанные на множестве других, первичных источников – списках, челобитных, памятях, расходных книгах Четвертей и др., боярские книги дают обобщенные данные о представителях всей служилой верхушки господствующего класса России XVII в. – Государевом дворе.

Исследовав боярские книги в своей диссертации, Лукичев, как бы заново, ввел в научный оборот весь комплекс источников, доселе широко, но бессистемно использованный и практически не изученный и не изданный. Михаил Петрович реконструировал состав боярских книг XVII в., выявив как книжные, так и столбцовые, черновые экземпляры, проследил источники, методику и приемы их составления, определил их авторов – разрядных дья-

ков¹. В ходе фронтального исследования книг автору удалось обнаружить неизвестные данные о поместных и денежных окладах чинов Государева двора после “Смутного времени”². Эти работы позволили ему сделать вывод о том, что правительство Михаила Романова сознательно пошло на ограничение роста поместных владений “большого” дворянства с целью поддержания уровня земельного обеспечения провинциальных дворянских корпораций, о чем свидетельствовали и привлеченные Лукичевым другие, в основном, столбцовые материалы Разрядного приказа³.

В процессе работы над боярскими книгами – источником “кадровой” информации – М.П. пришел к теме, душевно ему близкой и ставшей одной из центральных в его дальнейшем творчестве. Известно, что биографии большинства личностей допетровской эпохи в значительной степени – “белое пятно”. Если в соседней Польше XVII в. – уже эпоха расцвета мемуаристики, то о личной жизни, внешности, воззрениях многих, даже очень видных фигур России, почти ничего не известно (и это несмотря на совершенный в последние десятилетия трудами Б.Н. Морозова и А.В. Антонова прорыв в открытии и изучении частных архивов XVI–XVII вв.). Михаилу Петровичу же удалось найти на этом пути немало. В 1980-е годы он окончательно сформировался как тип историка-архивиста, “открывателя” и “копателя”, выдающего “на гора” уникальные факты с преимущественным интересом именно к личностям XVII в. Еще в процессе работы над боярскими книгами он выявил и опубликовал новые сведения о кн. С.И. Шаховском, установив, что будущий писатель начал службу в 1604 г., на два года ранее известной даты, а умер между июлем 1654 и августом 1655 г., возможно, поднадзорным в Чудовом монастыре. Трагическая жизнь одного из первых “русских интеллигентов”, таким образом, оказалась значительно длиннее⁴.

Удалось М.П. установить и ряд новых сведений о дьяке Иване Тимофееве, авторе “Временника”: о времени его службы в оккупированном шведами Новгороде, награждении его за эту службу, о дальнейшей деятельности, в частности, в Иконном приказе; были выявлены и новые автографы дьяка⁵. Ученым найдены также уникальные материалы об известном историке конца XVII в. А.И. Лызлове. В Московском столе Разрядного приказа Лукичев обнаружил целый комплекс документов автора “Скифской истории”, о его продвижении по карьерной лестнице от “недоросля”, пожалованного в жильцы в 1670 г., и кончая последней автобиографической “сказкой” 1696 г., в которой историк пишет, что 17 июля “заболел параличною болезнью, левой

¹ Лукичев М.П. Обзор Боярских книг XVII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 255–266; *Он же*. Источники Боярских книг XVII в. // Вопросы источниковедения и историографии СССР: Сб. статей. М., 1981. С. 34–42; *Он же*. Боярские книги XVII в. // СА. 1980. № 5. С. 50–54. См. также автореф. канд. ист. наук (М., 1994).

² Лукичев М.П. О “Земляном” боярском списке 1613 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1983. С. 103–111. Ротапринт; *Он же*. К истории появления и реализации указа об ограничении поместных окладов столичного дворянства в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1984. С. 103–111. Ротапринт.

³ Лукичев М.П. К истории появления и реализации указа... С. 109.

⁴ Лукичев М.П. Новые материалы к биографии С.И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1982. С. 99–107. Ротапринт.

⁵ Лукичев М.П. Новые данные о русском мыслителе и историке Иване Тимофееве // СА. 1982. № 3. С. 22–25; *Он же*. Два документа к биографии дьяка Ивана Тимофеева – автора “Временника” // Реализм исторического мышления. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщ. М., 1991. С. 156; *Он же*. Новые документы о земельных владениях дьяка Ивана Тимофеева // ОА. 1999. № 4. С. 72–74.

рукою и левой ногою не владею и языком говорю косо”, после чего, видимо, вскоре и умер в возрасте лет 40⁶.

Внимание Михаила Петровича привлекали и первые русские интеллектуалы, например, дипломат и переводчик С.Ф. Чижинский: удалось выяснить, что, во-первых, он – автор переводов трудов астронома Я. Гевелия, церковного писателя Ц. Барония, историка М. Стрыйковского, работал в основном без соавторов, а во-вторых, установил более точную дату смерти – не в конце XVII в., как полагали ранее, а около 1709 г., в связи с чем ему можно атрибутировать и ряд более поздних сочинений⁷. Уточнил Лукичев и биографию дьяка Г.В. Львова – автора математической работы по расчету “сошного письма”, опытного редактора и каллиграфа Посольского приказа, дипломата, учителя юного царевича Алексея Михайловича (работа не опубликована). В ходе полемики об известном писателе митрополите Игнатии Римском-Корсакове ученый доказал неверность идентификации его с действовавшим ранее дворянином из того же рода⁸. Последней прижизненно опубликованной работой по этой тематике стала статья о А.С. Романчукове – видном поэте “приказной школы” стихотворства первой трети XVII в., дипломате, друге Адама Олеария и крупнейшего поэта немецкого барокко П. Флеминга⁹.

Внимание Михаила Петровича привлекали и другие аспекты истории русской культуры XVII в. Ему удалось обнаружить новое о начале бумажного производства в России; книжной торговле в Москве; деятельности “Записной приказа” – попытки продолжить официальное летописание; создания знаменитого “Титулярника” 1672 г. в мастерских Посольского приказа – его художественном оформлении, личностях мастеров и живописцев; об одном из первых учебных заведений классического типа в Московском государстве – школе братьев Иоанникия и Софрония Лихудов¹⁰.

Одновременно Михаил Петрович продолжал исследования по истории гражданской войны в России начала XVII в. – “Смуты”. Им были обнаружены новые интереснейшие материалы о сепаратистских устремлениях казанской администрации в 1611–1612 гг. и ряде других событий, опубликованные в соавторстве с крупнейшими специалистами по данному периоду¹¹.

⁶ Лукичев М.П., Чистякова Е.В. К биографии автора “Скифской истории” А.И.Лызлова // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 289–297.

⁷ Лукичев М.П. С.Ф. Чижинский – переводчик и дипломат XVII в. // Россия в X–XX вв.: Сб. статей. М., 1999. С. 250–253.

⁸ Лукичев М.П. К вопросу о происхождении митрополита Игнатия – историка и публициста XVII в. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В.Б. Кобринна. М., 1992. С. 112–114.

⁹ Лукичев М.П. Жизнь и деятельность А.С.Романчукова, дипломата и поэта первой трети XVII в.: Новые архивные данные // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. статей. в честь Н.Ф. Демидовой. М.; Новосибирск, 2000. С. 110–119.

¹⁰ Лукичев М.П. К истории бумажного производства и торговли бумагой в России в XVII в. // История и палеография: Сб. статей. М., 1993. [Вып.] 2. С. 431–444; *Он же*. Новые данные о золотописцах Посольского приказа второй половины XVII в. // ОА. 1993. № 5. С. 55–59; *Он же*. Из истории книжной торговли в Москве в XVII в. // СА. 1991. № 6. С. 90–91; Лукичев М.П., Морозов Б.Н. К истории организации официального летописания в XVII в. // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 134–144; Лукичев М.П. К истории русского просвещения конца XVII в. Итальянская школа братьев Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1993 г. М., 1994. С. 15–19.

¹¹ Лукичев М.П., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612–1613 гг. // Источниковедение отечественной истории. 1989: Сб. статей. М., 1989. С. 240–267; Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография [Вып.] 2. С. 237–245; Лукичев М.П., Назаров В.Д. Из родословной Дивовых. Известия” стайного списка” по истории земских соборов Смуты конца XVI – начала XVII в. // ИА. 1994. № 6. С. 162–177; Лукичев М.П., Шмельков А.А. Дмитрий Пожарский после Смуты (Рукоп.)

Лукичев был тонким исследователем документов генеалогического характера – как ранних, отложившихся в делопроизводстве Разрядного приказа, так и поздних, относящихся к архиву Герольдии. Там ему посчастливилось найти немало ценных документов, о чем свидетельствуют как опубликованные, так и еще не изданные работы, написанные совместно с В.Д. Назаровым¹². Методические наблюдения по проблемам генеалогических исследований были им изложены в статье, написанной совместно с А.Л. Станиславским¹³.

Еще одним направлением исследований Михаила Петровича было изучение старого научно-справочного аппарата исторических архивов, прежде всего Разрядного. Им были подготовлены две большие статьи с анализом описей Разрядного приказа XVII – начала XVIII в., которые он по неизвестным причинам не опубликовал, считая, возможно, их не до конца проработанными, а возможно, из-за ранней смерти соавтора одной из них – А.А. Шмелькова. Работы эти были обнаружены в архиве М.П. Лукичева; ранее специалистам был известен лишь его доклад на эту тему, сделанный во ВНИИДАД в 1978 г. Автор недавних капитальных публикаций этих описей К.В. Петров так же не знал об их существовании и выразил в предисловии сожаление о том, что Михаил Петрович не продолжил эту работу¹⁴. Вообще, Михаил Петрович был тончайшим знатоком старого справочного аппарата; одним из немногих, кто умел пользоваться, например, “алфавитами” XIX в. к столбцам Московского стола Разрядного приказа; обнаружил среди неопищенного материала фрагмент работы архивистов МАМЮ – алфавитный реестр к Боярским спискам (аналогичный изданному П.И. Ивановым Алфавиту к боярским книгам), белой том, к сожалению, лишь один из трех или четырех, которые, вероятно, были созданы и готовились к публикации, но пропали.

Немало сил отдавал М.П. Лукичев и археографии. При поддержке его научного руководителя В.И. Буганова и в соавторстве с виднейшим специалистом в области делопроизводства приказов и его большим другом Н.М. Рогожиным в ИРИ РАН была начата планомерная публикация боярских книг XVII в., две из которых уже изданы¹⁵. Активно участвовал Михаил Петрович и в серии “Посольские книги XVI–XVII вв.”, основанной Н.М. Рогожиным там же, в ИРИ РАН. Серия возродила традицию издания этих ценнейших памятников истории внешней политики России. При его участии были опубликованы книги по связям России с Ногайской ордой, Грецией, Молдавией, Хивой и Бухарой¹⁶, он руководил авторским коллективом богато иллюстрирован-

¹² Лукичев М.П., Назаров В.Д. Документы XVI в. из новых родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: Сб. науч. тр. М., 1993. С. 88–112; *Они же*. Утверждение княжеских титулов представителями местных родов сибирских народностей в XVIII в. (Рукоп.)

¹³ Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Об использовании делопроизводственных источников XVI–XVII вв. в генеалогических исследованиях: По материалам Разрядного приказа // ОА. 1994. № 5. С. 14–20.

¹⁴ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подг. текста и вступ. статья К.В. Петрова. СПб., 2001. С. 12. Примеч. 48.

¹⁵ Боярская книга 1627 г. / Подг. к печ. М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин. Под ред. В.И. Буганова. М., 1986; Боярская книга 1639 г. / Подг. к печ. М.П. Лукичев, Н.М. Рогожин, В.А. Кадик. Под ред. Н.М. Рогожина. М., 1999.

¹⁶ Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489–1608 гг. / Подг. Н.М. Рогожин, М.П. Лукичев. М., 1984; Посольская книга по связям России с Грецией 1588–1594 гг. / Подг. Н.М. Рогожин, М.П. Лукичев. М., 1988; Статейный список посольства С. Горохова и А. Грибоедова в Хиву и Бухару в 1641 г. / Подг. Д.С. Кулмаматов, И.Г. Добродомов, Г.Я. Романов, М.П. Лукичев. М., 1995; Посольская книга по связям России с Ногайской ордой 1489–1549 гг. / Подг. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, М.П. Лукичев, Е.Е. Лыкова. Махачкала, 1995.

ного альбомного издания к 850-летию Москвы¹⁷. В творческие планы археографа входила полная публикация боярских книг и еще многое другое, чему не суждено было осуществиться.

Вступление Михаила Петровича в должность директора Архива пришлось на самое начало глобальных изменений в жизни страны – 1987 г. (Вернувшись в ЦГАДА в 1979 г., он занимал должность заведующего хранилищем поместно-вотчинных и дворцовых учреждений, а затем с 1984 по 1987 г. был заместителем директора ЦГВИА). Годы, следовавшие за его избранием коллективом ЦГАДА, памятли всем как эпоха экономических и политических потрясений, когда, лишившись государственной поддержки, просто “рухнули” не только отдельные научно-исследовательские центры, но и целые направления в науке. Однако, что любопытно, с историками-архивистами, как и с гуманитариями вообще, краха не произошло: во-первых, ввиду и прежней их “неизбалованности” (сотрудник центрального архива, зачастую видный ученый со степенью, в советское время имел зарплату меньше школьного учителя, о чем свидетельствует автор этих строк); во-вторых, ввиду открывшихся новых перспектив научных исследований в области генеалогии, истории сословий, церкви и пр., а также возможности бесцензурной публикации, ранее не слышанной. Михаил Петрович имел лишь одну возможность удержать коллектив от “размывания” и привлечь молодые талантливые кадры – предоставить свободу научного творчества. Ни приличной зарплаты, ни ученых “чинов”, но можно сделать работу радостью – выявляя документы по интересующей теме, готовь статьи, публикации, даже книги. Часть этих работ становилась плановой, часть – вне плана, на энтузиазме, во внеурочное время.

Финансовое обеспечение работ достигалось выдвижением на конкурсы появившихся к тому времени научных фондов, таких, как РГНФ, РФФИ, “Культурная инициатива”, “Фонд Фольксваген”, IREX, INTAS. Благодаря созданной в архиве атмосфере научного поиска возродились некогда славные археографические традиции наших предшественников – МАМЮ и МГАМИД. Достаточно напомнить, что в последние 10 лет выходило в РГАДА: журнал “Архив русской истории” (1992–1994 гг., пять номеров), посвященный истории, в основном, до XVIII в., печатавший работы как архивистов, так и университетских и академических ученых Москвы, Петербурга, Новосибирска, Гарварда, Копенгагена; восемь томов сборника “Русский дипломатический” (с 1997 г.), ориентированного на публикацию актового материала России XIV–XVII вв. (последний из вышедших – восьмой том – посвящен памяти Михаила Петровича), а также обзоров и реконструкций вотчинных и монастырских архивов для готовящегося всеобъемлющего “Каталога актов Русского государства”. Появившиеся в те годы в РГАДА молодые ученые (А.В. Антонов, К.В. Баранов и др.), а также их старшие коллеги (С.С. Ермолаев, В.Г. Бухерт, С.Н. Кистерев, Л.И. Шохин, А.В. Маштафаров, Л.А. Тимошина, М.В. Бабиц, Т.А. Лаптева, М.Ю. Зенченко, В.Ю. Беликов и др.) открыли и опубликовали за последние годы столько ранее не известных русских средневековых документов, что это справедливо было названо современными крупнейшими историками периода феодализма “археографическим шквалом”¹⁸. Так, в основном, А.В. Антоновым путем фронтального кропотливейшего анализа столбцов Поместного приказа было открыто более трех тыс.

¹⁷ История Москвы в документах XII–XVIII вв.: Российский государственный архив древних актов. М., 1997.

¹⁸ *Хорошкевич А.Л.* Памяти Михаила Петровича Лукичева // ВА. 2001. № 4/5. С. 448.

неизвестных актов XV–XVII вв., опубликованных в фундаментальном двухтомнике¹⁹; подготовлен и третий том. С.Н. Кистеревым и др. были изданы “Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря” (М., 1998), совместно с ИРИ РАН – “Акты Российского государства” (М., 1998). Опубликовано, помимо сборников, и ряд крупных памятников социально-экономической истории из монастырских архивов²⁰, семь томов новгородских, ярославских, звенигородских, вологодских писцовых книг XV–XVI вв., в чем также возродилась традиция XIX в.²¹ Продолжалось и издание Полного собрания русских летописей²² (в условиях сворачивания этой работы в ИРИ РАН). Совместно с Варшавским университетом было издано шесть томов в серии “Памятники истории Восточной Европы”, включающие множество ранее не известных материалов о Ливонской войне, “Смутном времени”, русско-польских дипломатических отношениях, событиях войны за Украину 1650-х годов и др.; подготовлены новые тома публикаций посольских книг. Петровская эпоха представлена фундаментальной публикацией “Поденной записки кн. А.Д. Меншикова”, подготовленной С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой и изданной при поддержке Российского фонда культуры (Российский архив. М., 2000. Вып. 10), и продолжением очередных томов “Писем и бумаг Петра Великого”. Сотрудники архива давно стали специалистами вполне академического уровня, самостоятельно решающими множество научных задач, что не отрицает возможности постоянного привлечения к работе и специалистов Археографической комиссии РАН, институтов Российской истории, Славяноведения и Всеобщей истории РАН, ОР РГБ и ОР ГИМ.

Возродилось с помощью Михаила Петровича и создание высококачественного научно-справочного аппарата, одним из первых результатов которого стал выпуск трехтомной эталонной описи – “Описание древнейших документов архивов московских приказов” (М.; СПб., 1994, 1999. Т. 1-3), подготовленной одним из старейших работников архива Н.П. Воскобойниковой под редакцией крупного знатока русского приказного аппарата Н.Ф. Демидовой (она начинала свой творческий путь в Архиве, затем вернулась туда в 1990 г., плодотворно трудилась еще около 10 лет и ныне продолжает научную работу). Четырехтомный путеводитель по архиву, изданный в 1991–2000 гг. стал фундаментальным трудом, в котором РГАДА первым из федеральных архивов завершил публикацию аннотаций на полный корпус своих фондов²³. Курс на создание научно-справочного аппарата современного типа – каталоги – продолжается. В 2000 г. опубликован Каталог славяно-русских рукописных книг XV в. (М., 2000), ведется работа над аналогичным каталогом по XVI в.; первый том Каталога писцовых книг Русского государства (Писцовые книги Русского Севера) вышел в свет в день смерти Михаила Петровича; продолжается работа над следующими томами этого всеобъемлющего опи-

¹⁹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII вв. М., 1997. Т. 1 / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов; М., 1998. Т. 2 / Сост. А.В. Антонов.

²⁰ Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. М., 1993; Описи Савво-Сторожевского монастыря. М., 1994; Хозяйственные книги Чудова Московского монастыря. М., 1996.

²¹ Писцовые книги Новгородской земли XVI в. / Сост. К.В. Баранов. М.; СПб., 1999. Т. 1–2; М., 2001. Т. 3; Великий Новгород в конце XVI в. / Сост. К.В. Баранов. М., 2000; Материалы для истории Звенигородского края / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. Отв. ред. М.П. Лукичев. М., 1992; Писцовые материалы Ярославского уезда XVI в. / Сост. В.Ю. Беликов, Е.И. Колычева, С.С. Ермолаев. М.; СПб., 1999–2000; и др.

²² Летописец Переславля Суздальского (ПСРЛ. Т. 41). М., 1992; Софийские I и II Летописи (ПСРЛ. Т. 6, вып. 1, 2) / Подг. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. Под ред. Б.М. Клосса. М., 1999, 2000.

²³ ЦГАДА СССР: Путеводитель: В 4 т. / Сост. М.В. Бабич, Е.Ф. Желуховцева, Ю.М. Эскин. М., 1991. Т. 1. Переиздан: М., 2000; 1992. Т. 2; 1997. Т. 3; 1999. Т. 4.

сания земель Московской Руси XVI–XVII вв., имеющего большое значение для региональной истории; совместно с нидерландскими специалистами подготовлен каталог документов по связям России и Голландии (М., 1999. Т. 1)²⁴.

Несмотря на большие экономические трудности, Архив продолжает деятельность и по обеспечению сохранности своих памятников. В феврале 2002 г. в Выставочном зале федеральных архивов прошла выставка “Возрожденные сокровища РГАДА”, на которой были представлены экспонаты, отреставрированные за последние 10–12 лет, т.е. за время директорства М.П. Лукичева. Потрясенные историки, культурологи, и прежде всего журналисты, изумленно взирали на то, что вообще, как правило, никому не показывается и выдается для изучения лишь крупнейшим специалистам “из рук” хранителя – это были знаменитая “Саввина книга” – восходящий к XI в. древнейший памятник кириллической письменности, Духовная Дмитрия Донского и жалованная грамота рязанского кн. Олега Ивановича Ольгову монастырю с миниатюрами, византийская богословская рукопись X в. и грамота Ивана III с хронологически первой печатью с “двуглавым орлом” 1497 г.

Всеобщее потрясение было от того факта, что работы произведены в экономически тяжелые годы, когда, казалось бы, люди помышляли только о хлебе насущном: ведь помимо энтузиазма и бессребреничества ученых, коим для работы нужны лишь перо и бумага, реставрационные процессы были технологически дороги. Недаром на открытии выставки виднейший российский специалист по греческим рукописям, член АН Греции, профессор Б.Л. Фонкич рассказал, что аналогичные византийские кодексы буквально гниют в знаменитой Дрезденской библиотеке, а хранители утверждают, что на реставрацию у них нет средств. Комментарии, как говорится, излишни. Почти 10 лет архив не получал из федерального бюджета средств на реставрацию (счастливым исключением был грант, полученный от РГНФ на 1997 г. для реставрации национальной реликвии – печати 1497 г. к юбилею принятия гербом страны двуглавого орла). Однако товарищеские отношения с коллегами из ВНИИР, ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, ГИМ, Лаборатории микрофотокопирования и реставрации документов Росархива, желание совместно преодолеть трудности превозмогли все и дали замечательные плоды.

Никогда не забывал Михаил Петрович и научно-популяризаторскую деятельность. Архив организовывал ряд выставок в сотрудничестве с отечественными и зарубежными музеями, архивами, научными центрами; ежегодно участвовал не менее, чем в 10 выставках, посвященных разнообразным событиям и темам, в том числе три раза – в мэрии Москвы (в связи с юбилеем города) и Госдуме (по символике и геральдике); в ГИМ состоялись выставки “Орел и Лев. Россия и Швеция в XVII в.” и “Москва Посольская”. Экспозиции архива демонстрировались и за рубежом – в Германии, Словении, Голландии, Италии, США. Постоянно и участие в подготовке документальных фильмов, в том числе к юбилеям А.С. Пушкина, Б. Хмельницкого, а в 2000 г. – четырехсерийного телефильма канала “Культура”, посвященного разоблачению так называемой “новой хронологии”.

Знаком признания научной деятельности Архива под руководством Михаила Петровича стали не только присвоение ему в 1997 г. звания Заслуженного работника культуры, но, прежде всего, постоянные победы проектов

²⁴ Изданы и другие каталоги: Московские кирилловские издания XVI–XVII вв. в собраниях РГАДА / Сост. Е.В. Лукьянова и др. М., 1996. Вып. 1 (подготовлены последующие три тома); Каталог арабских рукописей РГАДА / Сост. Д.А. Морозов. М., 1996; Чертежи земли Русской / Сост. В.С. Кусов. М., 1993; Коллекция Ламуаньона. Описание документов / Сост. В.Н. Малов, И.С. Шаркова. В.Н. Малов. М., 1997. Вып. 1.

сотрудников РГАДА на конкурсах различных фондов – из общего числа проектов, поданных в РГНФ и РФФИ с 1994 по 2001 г., было поддержано около 40, благодаря чему научная общественность быстро и оперативно получает новые высококлассные издания справочников, сборников документов, а также монографий по истории государственных учреждений России XVIII в. и архивов – предшественников РГАДА²⁵. Авторам упомянутых книг всегда помогал их директор. В последние годы РГАДА стал “чемпионом” по получению грантов на исследования и издания, этому способствовала и та особая атмосфера уважения научного поиска в коллективе, которую культивировал Михаил Петрович. Автор этих строк не имеет права называть имен, но с удовольствием повторит неоднократно высказывавшиеся ему суждения экспертов конкурсных работ в фондах – гриф “РГАДА” для них означает, во-первых, надежность во всех отношениях и бесспорный научный уровень работ и, во-вторых, уверенность в том, что средства достанутся не административному аппарату, а именно непосредственным творцам, которые их зачастую тратят на публикации или приобретение новой компьютерной техники для Архива. И такая слава дорогого стоит.

С момента возобновления в 1995 г. конкурсов Росархива на лучшую научную работу в области архивоведения, документоведения и археографии работы сотрудников РГАДА постоянно входили в число победителей. Из 15 работ, выдвигавшихся за эти годы на конкурс, 13 получили призовые места, в том числе первое место – четыре работы, второе – четыре и третье – пять. В последнем конкурсе за 1999–2000 гг. все четыре представленных научных труда удостоены наград, что также свидетельствует о нынешнем уровне коллектива Архива.

Многие из изданий последних лет не увидели бы свет, а возможно не выглядели бы столь привлекательно, если бы не еще одна инициатива, поддержанная в свое время Михаилом Петровичем – издательство. Созданное группой сотрудников РГАДА, первоначально именовавшееся “Археографический центр”, а позже “Древлехранилище”, является самостоятельным негосударственным предприятием, но связано с Архивом крепкими узами, постоянно издает его научную продукцию – от фундаментальных каталогов и сборников документов до пригласительных билетов. Уже не говоря об удобстве для авторов – сотрудников Архива, “Древлехранилище” отличает любовь к книге как к предмету полиграфии, стремление создать свой чуть архаичный (в духе эстетических воззрений Михаила Петровича) стиль книжного оформления. Недаром в последние годы помимо собственно архивной продукции “Древлехранилище” издало, например, последнюю монографию А.А. Зимина “Русская Правда” (М., 1999), книги петербургских историков А.С. Лаврова “Колдовство и религия в России XVIII в.” (М., 2000), Т.И. Пашковой “Местное управление в Русском государстве 1-й половины XVI в.” (М., 2000), сборники творческого наследия С.М. Соловьева и С.Б. Веселовского и др.

Не следует забывать, что путь к научному признанию был трудным, и первой “страдательной” фигурой, отвечавшей “за все”, являлся директор, Михаил Петрович никогда не перекладывал на подчиненных хоть толику ответственности – он много, порою слишком много брал на себя, зачастую не перепоручая исполнителям каких-то срочных заданий. Кроме того, суровые обстоятельства заставляли все больше заниматься разнообразными хозяйст-

²⁵ Бухерт В.Г. Архив Межевой канцелярии. М., 1997; Бабич М.В. Государственные учреждения России XVIII в. М., 1999. Вып. 1; Шохин Л.И. МАМЮ и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX в. М., 1999.

венными делами. Необходимость выжить, сохранить коллектив в условиях неполного финансирования и поддержки Архива унесли у Михаила Петровича много сил и здоровья. Вспоминаются и снятие охраны здания Архива, и аварии с отоплением в суровую зиму 1996 г., когда директор вынужден был отпустить сотрудников домой, а его заместители ходили вместе с ним по хранилищам в зимних шапках и давали гневные интервью телевидению и радио; всем помнится и ураган лета 1998 г., когда сотрудники Архива благословляли крепкую “царской” постройки крышу здания...

В последние годы Михаил Петрович выглядел все более усталым, не похожим на впервые увиденного автором данной статьи в 1971 г. в “Теремке” на кружке у С.О. Шмидта юношу, напоминавшего известный автопортрет К. Брюллова – с шапкой темнорусых вьющихся волос и острыми усиками. Все реже удавалось вытащить его на выставку, в музей, на свидание со столь любимыми им “негромкими” пейзажистами конца XIX – начала XX в. – Остроуховым, Клевером, Клодтом, “мирискусниками”. Усиливались и трения с начальством, требовавшим в “большей степени идти в ногу со временем”, пытаться больше “зарабатывать”. Он как-то резко поседел, стал выглядеть много старше своих лет, сказывалось многолетнее отсутствие полноценного нормального отдыха, бесконечные авральные выходы из отпуска. Чрезвычайно скромный по натуре, он как-то не ощущал, как бы не осмеливался почувствовать уважение и любовь, которую питали к нему сотрудники и постоянные читатели. Он был явно удивлен размахом этих чувств, выплеснувшихся во время его юбилея в декабре 2000 г., после которого судьба отпустила ему еще так немного. Ничто не предвещало трагедии. Поговорив на служебные темы с автором этих строк, Михаил Петрович ушел как обычно вечером домой, и умер ночью во сне, о чем только утром узнали его друзья и коллеги.

На прошедшем в июле 2001 г. Научном совете РГАДА было решено издать посмертно сборник основных работ Михаила Петровича. Решение это поддержали крупнейшие специалисты в области отечественной истории периода феодализма – академик РАО С.О. Шмидт, В.А. Кучкин, Н.М. Рогожин, Б.Л. Фонкич, А.Л. Хорошкевич, Н.Ф. Демидова и другие, а также академик РАН Н.Н. Покровский.

В последнее время на базе переданного семьей ученого его творческого архива идет подготовка сборника. Часть работ, которые будут там опубликованы, уже издавались, другие находятся в рукописи, но мы твердо знаем, что они еще надолго сохранят свое научное значение и сборник этот останется памятником тому, кого любили и уважали все, искренне преданные русской исторической науке, которой отдал свою недолгую жизнь Михаил Петрович Лукичев.

Т.Г. Динесман, Л.М. Розенблюм

К.П. БОГАЕВСКАЯ

К 90-летию со дня рождения*

Ксения Петровна Богаевская родилась 2 декабря 1911 г. в Москве. Здесь, в большой и дружной семье, среди двоюродных братьев и сестер, прошли ее ранние детские годы. Родственные и дружеские связи, возникшие в ту пору, всю жизнь сопровождали ее.

Мать Ксении Петровны (урожденная княжна Львова) воспитывала дочь в традициях старой дворянской культуры. Человек всесторонне одаренный и широко образованный, она поддерживала и развивала в ней рано зародившийся интерес к русской литературе. “Всею хорошим, что есть во мне, я обязана моей матери”, – говорила Ксения Петровна.

В 16 лет полудетские мечты стать писательницей сменились у нее трезвой оценкой своих возможностей в этой области (что в столь юном возрасте случается нечасто). Затем возникло твердое, осознанное решение посвятить себя изучению русской литературы, и прежде всего – Пушкина.

В октябре 1927 г. принятое решение привело ее на Высшие государственные литературные курсы (ВГЛК). Это был остаток организованного В.Я. Брюсовым Литературного института, который медленно умирал после смерти своего создателя. Однако здесь еще сохранился собранный Брюсовым блестящий состав профессоров – выдающихся ученых той поры. Так, теорию и историю литературы читали К.Г. Локс, С.К. Шамбинаго, Л.И. Тимофеев, Б.И. Пуришев, Б.И. Ярхо и др.

Первая лекция, которую Ксении Петровне довелось прослушать в стенах ВГЛК, была лекция Мстислава Александровича Цявловского, читавшего совершенно новый предмет – “Техника чтения художественного произведения”. “Говорил он очень увлекательно, серьезно и интересно. С тех пор я жадно ждала каждую его лекцию”, – писала Ксения Петровна в своих воспоминаниях¹.

В то время Цявловский был уже признанным пушкинистом и работал над составлением “Словаря пушкинского языка”. Страстной мечтой юной студентки было участие в этой работе. Но только два года спустя она сумела побороть свою робость и решилась на “отчаянный” с ее точки зрения поступок: «Я послала М.А., – вспоминала она, – письмо со словами, что “жажду заняться какой-нибудь работой около имени Пушкина. Наконец мое терпение истощилось, я не могу удерживать свое безумное желание”. Я просила М.А. сделать меня “помощником своего помощника”» (С. 6).

Ответ не заставил себя ждать. Последовало приглашение придти, а за ним и первое поручение – писать карточки на стихотворения Пушкина, упоминавшиеся в разных работах о нем. Это была первая библиографическая

* Во время подготовки настоящего тома к изданию, 4 июля 2002 г. Ксения Петровна Богаевская скончалась на 91-м году жизни.

¹ *Богаевская К.П.* Рядом с Цявловскими // Мстислав Цявловский. Татьяна Цявловская: Вокруг Пушкина / Изд. подг. К.П. Богаевская и С.И. Панов. М., 2000. С. 5 (далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте статьи).

работа Ксении Петровны. Она на долгие годы связала ее с М.А. Цявловским, а затем и с его женой, Татьяной Григорьевной.

Осенью 1929 г. Литературные курсы закрылись, якобы за неимением средств. Некоторые студенты этих курсов были приняты в Московский университет, но Ксении Петровне помешало ее дворянское происхождение. Зачное отделение при Государственной академии художественных наук, куда она записалась, также очень скоро закрылось. Вместе с тем закрылись для нее и пути к получению официального образования. Однако более ценными, чем университетские лекции, оказались постоянное общение и работа с Цявловским. Здесь ее обязанности постепенно расширились. Сначала она помогала Цявловскому в его личных работах и в работе над пушкинским “Путеводителем”. Московские и ленинградские пушкинисты присылали свои заметки для “Путеводителя”, и здесь, в обработке Цявловского, они приобретали вид стройной системы. Ксения Петровна стала постоянным секретарем Цявловского. Первый из авторских экземпляров своей “Книги воспоминаний о Пушкине” (1931) он подарил ей с надписью “Ксении Богаевской, одной из немногих, кто по-настоящему любит и ценит Пушкина” (С. 12).

Дружба и деловые отношения с Цявловским углублялись. Наконец, в марте 1931 г. он предложил Ксении Петровне быть его полноправным соавтором во втором выпуске книги “Пушкин в печати”. «Я не верила своему счастью! – Вспоминала она. – 31 марта того же 1931 года, когда я начала писать первые карточки, Татьяна Григорьевна мне сказала: “Запишите в дневнике: сегодня начала самостоятельную научную работу”» (С. 12).

Очень скоро Цявловский отказался от соавторства, сохранив за собой права редактора.

Цявловский предъявлял к библиографии очень серьезные требования. Он видел в ней “высокую науку”, тогда как поверхностную, формальную регистрацию литературы наукой вообще не считал. Насколько отвечал труд его ученицы этим требованиям, позволяет судить дарственная надпись, сделанная Цявловским на одной из его работ в те дни, когда Ксения Петровна завершила подготовку своей книги: «Усерднейшему пушкинисту-библиографу, несмотря на свои молодые годы выходящему в *первые* знатоки вопроса, положившему на обе лопатки Межовых, Ефремовых и им подобных дилетантов, которые “лапти плели” в высокой науке библиографии, – Ксении Петровне Богаевской. М. Цявловский. 18.IV [1]936» (С. 20). Книга “Пушкин в печати за сто лет. 1837–1937” вышла в свет в 1938 г. С тех пор имя Ксении Петровны Богаевской твердо вошло в историю русской библиографии и пушкинистики.

Тем временем Ксения Петровна работала не только над этой книгой, не только была верной помощницей Цявловского в его трудах. С 1933 г. она стала научным сотрудником Литературного музея, созданного В.Д. Бонч-Бруевичем, а в 1936 г., когда началась подготовка к празднованию 100-летнего юбилея Пушкина, была принята в штат Всесоюзной пушкинской выставки. После юбилея выставка была превращена в постоянный музей, и Ксения Петровна стала работать там в секторе рукописей, где были сосредоточены все автографы Пушкина. Руководил сектором Цявловский. В 1939 г. Ксения Петровна возвратилась в Литературный музей, Цявловский – в Институт мировой литературы. Тогда же началась работа Цявловского над “Летописью жизни Пушкина”, к которой он привлек и Ксению Петровну. Великая Отечественная война прервала эту работу. Цявловские уехали в эвакуацию, Ксения Петровна осталась в Москве. Ее письма Цявловские очень ценили. Татьяна Григорьевна сообщала ей, что Мстислав Александрович “вырывает” у нее из рук эти письма, так как они, как никакие другие “говорят о Москве” (С. 21).

В те трудные годы Ксения Петровна работала над библиографией Белинского. Цявловский живо интересовался этой работой. Он писал ей:

«О вашей работе по Белинскому мне интересно знать ваш подход – что вы учитываете. Ну, например, указываете ли вы отзывы о Белинском (очень интересные) в дневниках и письмах Льва Толстого? А ведь в библиографических работах самое ценное это выявление “скрытого” материала» (С. 20). «Выявление “скрытого материала”, – добавляет к этой цитате Ксения Петровна, – это и есть не формальная библиография» (С. 20).

Это письмо говорит о многом. Оно обращено не к робкой девочке, которая делает первые шаги на пути к науке, а к зрелому ученому, равноправному товарищу и единомышленнику. Годы ученичества остались далеко позади.

Летом 1943 г., с возвращением Цявловских в Москву, работа над “Летописью” возобновилась. Однако годы и болезнь взяли свое – в ноябре 1947 г. М.А. Цявловский скончался. В дни прощания с ним Ксения Петровна написала Ю.Г. Оксману: “...можете ли Вы понять, что я потеряла со смертью Мстислава Александровича? Он был не только моим учителем, старшим товарищем, но настоящим другом, почти отцом. Это потеря колоссальная и никогда, конечно, не заменимая” (С. 25).

В 1949 г. Ксения Петровна была приглашена на работу в редакцию “Литературного наследства”. С тех пор ее научная деятельность неразрывно была связана с этим изданием. Здесь ее опыт – текстолога, библиографа, комментатора и редактора – был востребован в полной мере. Она участвовала в создании большей части томов этого издания, вышедших за 50 с лишним лет. Достаточно назвать тома, посвященные Белинскому, Пушкину, Лермонтову, Тургеневу, Толстому, декабристам-литераторам, Киреевскому, Горькому и Андрееву и многим другим выдающимся деятелям русской культуры.

Но есть две темы, которые Ксения Петровна Богаевская исследовала особенно углубленно на протяжении нескольких десятилетий, – Белинский и Лесков.

Событием в истории русской критики стала ее работа (совместно с Ю.Г. Оксманом) “Письмо Белинского к Гоголю” (“Лит. наследство”. Т. 56). В 57 томе этого издания появился фундаментальный труд Ксении Петровны “Библиографический указатель сочинений Белинского и литературы о нем”. 1899–1950 гг. (13 а.л.). В Полном академическом собрании сочинений Белинского все его письма (1829–1848), составляющие два тома этого издания (Т. XI и XII; 85 а.л. текста; 18 а.л. комментариев), – целиком подготовлены К.П. Богаевской.

Интерес к Н.С. Лескову проявился еще в молодости. Замечательный ученый, выдающийся знаток Лескова, собиратель его наследия – С.П. Шестериков был мужем Ксении Петровны. Он погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Ксения Петровна так вспоминает их последний разговор: “Если меня убьют, – сказал он, – то издайте моего Лескова”².

С тех пор Лесков навсегда стал не только одной из главных тем литературных занятий Ксении Петровны, но и делом ее души. Неспешно, но целеустремленно, в течение многих лет она публиковала в научных и периодических изданиях неизвестные рассказы, статьи и письма Лескова, материалы к его биографии: “Хронологическая канва жизни и деятельности Н.С. Лескова”, “Рассказывает Н.С. Лесков”, “Тургеневский бережок” (публикация статьи Н.С. Лескова), “Н.С. Лесков о Достоевском”, “Н.С. Лесков о Пушкине”, Н.С. Лесков. Из творческих рукописей (незавершенные произведения),

² ЛН. Т. 101, кн. 2. С. 540.

“Н.С. Лесков. Скрытая теплота. Быль без вымысла (забытый рассказ)”, “Н.С. Лесков в неизданной переписке” и многие другие публикации.

В то же время Ксения Петровна, вместе с И.С. Зильберштейном, занималась подготовкой материалов для тома “Литературного наследства”, посвященного Лескову. Они привлекли к этой работе многочисленный коллектив авторов – исследователей жизни и творчества писателя. При непосредственном участии Ксении Петровны редакция проводила целенаправленную работу по разысканию новых материалов в архивохранилищах Москвы, Петербурга, Орла, Киева. В этих разысканиях участвовали литературоведы нескольких поколений – как отечественные, так и зарубежные. Так были заложены основы 101 тома “Литературного наследства” – “Неизданный Н.С. Лесков” в двух книгах (М., 1997–2000). Ксения Петровна вела в нем не только редакторскую работу, но являлась автором ряда ценных публикаций.

С выходом лесковского тома “Литературного наследства” работа ее над Лесковым не прекратилась. Она являлась членом редколлегии “Полного собрания сочинений” Н.С. Лескова (в 30-ти томах), и каждый подготовленный том этого издания прошел через ее рецензию.

Нельзя не отметить еще одну сторону деятельности К.П. Богаевской. В последнее время она выступала в печати с воспоминаниями о выдающихся литературоведах, с которыми ее сводила судьба. Вышли две статьи, посвященные памяти выдающегося ученого, рано ушедшего из жизни, – С.П. Шестерикова, одного из тех, кто заложил школу современного лескововедения: “Замечательный библиограф (С.П. Шестериков по личным воспоминаниям)” и “Памяти С.П. Шестерикова”, а также мемуарные очерки об Ю.Г. Оксмане, построенные на документальном материале, – “Возвращение. О Юлиане Григорьевиче Оксмане” и “Ю.Г. Оксман в Саратове (письма 1949–1957 гг.)”. И наконец, недавно вышла книга “Вокруг Пушкина” (М., 2000), состоящая из работ М.А. и Т.Г. Цявловских. Она открывается мемуарной статьей Ксении Петровны – “Рядом с Цявловскими”. Здесь, опираясь не только на свою превосходную память, но и на многочисленные документы – дневники и письма, автор воссоздала “труды и дни” знаменитой плеяды московских пушкинистов, регулярно собиравшихся в доме Цявловских, и замечательную страницу истории русского пушкиноведения. Воспоминания Ксении Петровны, написанные правдиво и талантливо, превосходным литературным языком, свидетельствуют, что ее полудетские мечты стать писательницей, были далеко не беспочвенны.

Приложение

Список печатных трудов К.П. Богаевской*

1934

Пушкин по документам архива Погодина / Публ. и примеч. М.А. Цявловского при участии К.П. Богаевской // ЛН. Т. 16–18. С. 679–724.

Рец. на кн.: Веневитинов Д. Полное собрание сочинений / Под ред. Б.В. Смиренского. М.; Л., 1934 // НМ. № 9. С. 203–206.

Рец. на кн.: Сергеев-Ценский С. Гоголь уходит в ночь. М., 1934 // Там же. С. 201–202 (подпись: К. Литовцева).

Рец. на кн.: Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1934. Вып. 1. // НМ. № 11. С. 237–238.

1935

Рец. на кн.: Сергеев-Ценский С. Невеста Пушкина. М., 1934 // НМ. № 1. С. 296–297.

Участие в сост.: И.С. Тургенев. Рукописи, переписка, документы. Бюллетень Гос. литературного музея. М. Вып. 1.

* Составители [К.П. Богаевская], В.А. Черных.

1937

- Издания Пушкина // Книжные новости. № 1. С. 7–11.
 Посмертные публикации Пушкина // Там же. № 7. С. 41–42.
 История “Гавриилады” Пушкина // Анти-религиозник. № 1. С. 40–43.

1938

- Пушкин в печати за 100 лет. 1837–1937: Библиограф. указатель / Под ред. М.А. Цявловского. М. 188 с.
 Искраженный Пушкин // Лит. газ. 5 марта.

1939

- Всесоюзная выставка и ее посетители // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии Акад. наук. М.; Л. Т. IV–V. С. 579–583.

1940

- Рец. на кн.:* Письма Александра Тургенева Булгаковым / Под ред. А.А. Сабурова. М., 1939 // Лит. критик. № 1. С. 206–208.
Рец. на кн.: Архив опеки Пушкина. М., 1939 // ЛО. № 9. С. 58.
Рец. на кн.: Шевырев С. Стихотворения. Л., 1939 // Звезда. № 8/9. С. 322–323.

1941

- Рец.:* С ученым видом [на кн.: Ульяновский А. Няня Пушкина. М.; Л., 1940] // НМ. № 3. С. 250–252.
 Государственный музей Пушкина (К годовщине его существования) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии Акад. наук. М.; Л. Т. VI. С. 541–545.

1948

- Ред.; участие в сост.:* А.С. Пушкин. Рукописи, документы, иллюстрации. Каталог фондов Гос. Литературного музея. Вып. 7. М.
 Неизвестная статья Белинского «Ответ на ответ г-на Д., помещенный в 3-м № “Москвитянина” 1846 г.» // ЛН. Т. 55. С. 385–406.

1949

- [Примечания к лирике Пушкина] // ПСС Пушкина: В 6 т. Т. I–II. Совм. с Т.Г. Цявловской.
 Пушкин и молодые писатели // НМ. № 6. С. 170–182.

1950

- Публ.:* Письмо Белинского к Гоголю // ЛН.Т. 56. С. 513–581.

1951

- Библиографический указатель сочинений Белинского и литературы о нем. 1899–1950 гг. // ЛН. Т. 57. С. 411–534.
Публ.: Запрещенная статья 1876 г. о Белинском // Там же. С. 291–294.
 Об авторе портрета Белинского 1838 г. // Там же. С. 374.
Публ.: Ответ на ответ г-на Д. Заметка в отделе “Трибуна” // Там же. С. 544–545.
 Письма В.Г. Белинского к Герцену. Обзор. // ЛН. Т. 52. С. 777–780.

1952

- Рец. на кн.:* Добровольский Л.М., Лавров В.М. Библиография пушкинской библиографии. 1846–1950. М.; Л., 1951 // Сов. книга. № 1. С. 116–117.
 Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // ЛН. Т. 58. С. 3–154. В соавторстве.

1956

- Ред.; коммент.:* Белинский В.Г. ПСС. М. Т. XI. Письма 1829–1840 гг.
Ред.; коммент.: То же. Т. XII. Письма 1841–1848 гг.
Публ.: Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823–1825) // ЛН. Т. 60, кн. 1. С. 200–230.
Публ.: Письмо Белинского к Гоголю // Белинский В.Г. ПСС. М. Т. X. С. 212–220, 414–415, 452–455.
Рец. на кн.: Нечаева В.С. В.Г. Белинский. Учение в университете и работа в “Телескопе” и “Молве” 1829–1830. М., 1954 // Изв. Отд. языка и лит-ры АН. Т. XV, вып. 3. С. 271–274.

1957

- Коммент.:* Герцен А.И. Старые письма // Собр. соч.: В 30 т. М. Т. XI. С. 744–747.

1958

- Хронологическая канва жизни и деятельности Н.С. Лескова // *Лесков Н.С.* Собр. соч. М. Т. XI. С. 799–834.

1959

- Публ.:* П.В. Анненков о В.Г. Белинском. Письма к А.Н. Пыпину 1874 г. // ЛН. Т. 67. С. 539–554.
 О собрании сочинений Н.С. Лескова // Рус. лит-ра. № 3. С. 215–221.

1960

- Публ.:* Толстой о Чехове. Неизвестные высказывания // ЛН. Т. 68. С. 871–872.

1961

- Публ.: [Письмо Л.Н. Толстого к] В.В. Иванову // ЛН. Т. 69, кн. 1. С. 540–541.
Коммент. к письмам Герцена к М.К. Рейхель 1851–1852 гг. // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 24.
То же. 1853–1854 гг. // Там же. Т. 25.

1963

- Коммент. к записным книжкам № 2 и 13. // Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М.

1967

- Модзалевский Б.Л. // КЛЭ. Т. 4. Стб. 912–913.
Модзалевский Л.Б. // Там же. Стб. 913.
Коммент. к статье П.Л. Лаврова “И.С. Тургенев и развитие русского общества” // ЛН. Т. 76. С. 232–233.
Рец. на кн.: Борщевский С.С. “Отечественные записки”. 1868–1884. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов. М., 1966 // НМ. № 11. С. 286.

1968

- Публ.: Письмо Тургенева М.Н. Каткову // Тургенев И.С. ПСС. Письма. Т. XIII, кн. 2. С. 201, 389.
Рассказывает Н.С. Лесков // Лит. Россия. № 44. С. 19.
Публ.: Лесков Н.С. Тургеневский бережок // Неделя. № 46. С. 8.

1969

- Рец. на кн.: Библиография произведений Ф.М. Достоевского и литературы о нем. 1917–1965. М., 1968 // НМ. № 4. С. 284–285.

1970

- Публ.: Из записок Н.М.Смирнова // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. Л. С. 4–13.
“Город пышный, город бедный” // Жизнь и лира. М. С. 205–225.

1972

- Первые чтения “Бориса Годунова” // Наука и жизнь. № 11. С. 46–47.

1973

- Н.С. Лесков о Достоевском (1880-е годы) // ЛН. Т. 86. С. 606–620.

1974

- Золотой фонд. Собрания сочинений великого поэта // КО. № 22. С. 12.
Из забытых книг: 1. Булгарин о Пушкине;

2. Пушкин и поэт Е.Ф. Розен; 3. Воспоминания В.С. Межевича // Прометей. М. Т. 10. С. 398–401.
Н.С. Лесков о Пушкине // Там же. С. 408–409.

1977

- Публ.: Лесков Н.С. Из творческих рукописей (незавершенные произведения) [“Соколий перелет”; “Подвиг кушца Кинарейкина”; “Московское привидение”] // ЛН. Т. 87. С. 36–91.
Публ.: Письма [В.М. Гаршина] к разным лицам // Там же. С. 232–235. Совм. с А.П. Оксман.
Иван Алексеевич Новиков: Библиография произведений. 1901–1977. // Орел. 42 с. Ротатор.

1981

- Публ.: Лесков Н.С. Скрытая теплота: Быль без вымысла [Забытый рассказ] // Лит. Россия. 1981. 13 февр. С. 10–11.
Новое о писателе. [Неизданные произведения и письма Лескова] // Лит. газ. 18 марта. С. 6.
Публ.: Письма Н.С. Лескова // Вопр. лит-ры. № 2. С. 213–224.

1982

- Публ.: Лесков Н.С. Театральный характер. [Забытый рассказ] // Нева. № 7. С. 117–129.
Примеч. к письмам Белинского // Белинский В.Г. Собр. соч. М. Т. 9. С. 722–829. Совм. с А.Л. Осповатом.
Мировая слава пришла... // Сергей Бородин в воспоминаниях современников. Ташкент. С. 5–15.

1983

- “Я – прирожденный библиограф” [К столетию со дня рождения М.А. Цявловского] // СБ. № 3. С. 69–70.

1984

- Публ.: Лесков Н.С. Из неизданной переписки // В мире отечественной классики. М. С. 367–392.

1986

- Т.Г. Цявловская – пушкинист // Пушкин: Исследования и материалы. Л. Т. XII. С. 382–384.

1987

- Было ли открытие? Комментарий пушкиноведа [О телефильме “Ужель та са-

мая Татьяна?"] // Журналист. № 1. С. 30.

Публ.: Цявловский М.А. Пушкин и Отечественная война 1812 года. [Фрагмент] // Лит. Россия. 6 февр. С. 9.

Публ.: Цявловский М.А. "Записки пушкиниста" (Отрывок) // Пушкинский праздник. 25 мая–7 июня. С. 14.

[Заметка о М.А. Цявловском] // Наука и жизнь. № 3. С. 26–27.

Публ.: Цявловский М.А. Полководец. [Фрагмент из кн.: "Пушкин и Отечественная война 1812 года"] // Лит. Россия. 4 авг.

Публ.: Цявловский М.А. Из "Записок пушкиниста" // Русский язык и литература в киргизской школе. № 1. С. 53–56.

Публ.: Цявловский М.А. Страницы из книги ["Записки пушкиниста"] // Там же. № 4. С. 59–61.

1990

"Все взапуски ко мне бегут" [О воспоминаниях К.Я. Ваншенкина] // Моск. литератор. 20 апр. С. 2.

Возвращение. О Юлиане Григорьевиче Оксмане // ЛО. № 4. С. 101–109.

Слово о Цявловском // Пути в неизвестное. М. Сб. 22. С. 514–523.

Публ.: Цявловский М.А. Записки пушкиниста // Там же. С. 524–557.

[Письмо в редакцию об Андрее Седых] // Смена. № 12. С. 122.

1991

Воспоминания о М.А.Цявловском // ЛО. № 6. С. 102–112.

Замечательный библиографический дар (С.П. Шестериков по личным воспоминаниям и письмам) // Сов. библиография. № 3. С. 79–93.

1993

Красота. Доброта. Щедрость. [О Т.Г. Цявловской] // Библиография. № 2. С. 116–118. Совм. с Е.С. Шальманом.

"Пушкин в печати за сто лет" // Библиография. № 4. С. 77–78.

Публ.: Ю.Г. Оксман в Саратове (Письма 1947–1957) // Вопр. лит.-ры. № 5. С. 263–300.

1994

Публ.: Цявловский М.А. Из неизданного (Пушкин и Москва; Пушкин и греческая революция 20-х годов XIX века) // Октябрь. № 6. С. 184–191. Совм. с Е.С. Шальманом.

1996

Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. № 21. С. 112–129.

Член редколлегии: Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М. Т. 1 (1996) – Т. 7 (2000). Издание продолжается.

1997

Список печатных трудов Ю.Г. Оксмана (К столетию со дня рождения) // АЕ за 1995 год. С. 327–339. Совм. с В.А. Черных.

Публ.: Лесков Н.С. Повесть о безголовой няйде; Соколий перелет; Убежище; Маланьина свадьба; Чертова помощь; Короткая расправа; "Особенно чувствительно..."; Резонеры; Самое жалкое существо; Обход; Фантазии г-жи Гого; Памятные встречи; Живые растения // ЛН. Т. 101, кн. 1. С. 382–425; 463–473; 488–495; 506–579. Совм. с Н.Н. Ставрыгиной.

1998

Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. № 29. С. 125–141.

2000

Сост.: Мстислав Цявловский. Татьяна Цявловская. Вокруг Пушкина: Дневники. Статьи. 1928–1965. М. Совм. с С.И. Пановым.

2001

Коммент. к письмам Н.С. Лескова к Т.Л. Толстой // ЛН. Т. 101, кн. 2. С. 383–409. Совм. с С.П. Шестериковым.

Памяти С.П. Шестерикова // Там же. С. 534–540.

Н.А. Мининков

**Е.В. ЧИСТЯКОВА – ИСТОРИК
НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ XVII ВЕКА**

История народных движений в России в XVII в. – одна из центральных тем научного творчества Е.В. Чистяковой. Выбор ее определялся рядом обстоятельств. Одно из них связано с тем, что в советской историографии подобная тематика рассматривалась в числе самых перспективных. Это не случайно. Во-первых, сама степень ее изученности в отечественной историографии до-советского времени была весьма относительной и оставляла достаточно широкий простор для дальнейшей работы в данном направлении. Во-вторых, советских исследователей не удовлетворяли теоретико-методологические подходы к познанию таких общественных явлений, как массовые народные выступления, принятые в старой русской исторической науке. Взгляд на них либо как на явления исключительно антигосударственного характера, либо как на результат определенного стечения обстоятельств, без глубокого социального анализа обстановки, сложившейся накануне и в ходе этих выступлений, признавался ограниченным, не вскрывающим всей их сложности. В-третьих, работа в архивах способствовала расширению источниковой базы и, следовательно, гораздо более широкому знакомству с самим ходом событий.

Другое обстоятельство, предопределившее интерес Е.В. Чистяковой к данной тематике, было связано с влиянием ее учителя, академика М.Н. Тихомирова. Для М.Н. Тихомирова изучение истории народных движений в России XVII в. как в общеисторическом, так и в источниковедческом плане составляло одно из заметных направлений его научной деятельности. Особое внимание М.Н. Тихомиров уделял крупным восстаниям середины XVII в. – Псковскому и Новгородскому, которым он посвятил пространные очерки¹. В то же время в намеченной им в 1956 г. программе “изучения классовой борьбы и народных восстаний в XVII в.” он упоминал в числе тех движений, которые нуждаются в дальнейшем исследовании: “восстания в южных городах (Курск, Козлов, Воронеж и др.), восстания в северных городах (В. Устюг, Сольвычегодск)”². Таким образом, он выдвигал задачу комплексного исследования проблемы народного движения середины XVII в., с которого, по существу, начиналась эпоха, обозначенная современниками как “бунташный век”. Тем самым он поставил проблему большой научной важности, решение которой выпало на долю его ученицы Е.В. Чистяковой.

Первые существенные результаты появились у Елены Викторовны в первой половине 1950-х годов, когда вышла в свет книга, посвященная восстанию 1648 г. в Воронеже³. В ней, небольшой по объему, проявились многие черты, которые стали характерны для крупных трудов Е.В. Чистяковой более позднего времени. К ним можно отнести такие, как внимание к работам предшественников и обстоятельность историографического обзора, тщательную деятельность по розыску источников и их интерпретации, и, на-

¹ См. Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 11–169.

² Там же. С. 429.

³ См.: Чистякова Е.В. Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года. Воронеж, 1953.

конец, интерес к таким существенным деталям, как историко-географические данные о Воронеже XVII в. и социально-экономическое положение разных слоев населения этого города. Последнее подавалось в тесной связи со сведениями о конкретных людях – участниках событий. Такое умение делать научный анализ и проследить положение и судьбу конкретных людей не только придавало небольшой книге научную значимость, но и делало ее увлекательной для широкого читателя.

Вместе с тем выход в свет книги о восстании в 1648 г. в Воронеже обозначил некоторые новые проблемы, которые встали перед исследователем в более поздний период. Во-первых, это относится к вопросам источниковедения. Речь шла как о введении в научный оборот новых источников, так и об истолковании их содержания, от чего зависело понимание самого характера движений в южных городах, уяснение их движущих сил. Во-вторых, это – вопрос о соотношении классового и сословного начал в движениях горожан 40-х годов XVII в., тем более, что в предшествующей историографии этот вопрос решался неоднозначно.

Интерес к источникам, тщательность в их розыске, внимание при интерпретации и анализе их содержания составляло то ценное качество исследовательской работы, которое перешло по наследству от русских историков старой, дореволюционной школы к отечественным историкам советского времени. В этом отношении невозможно не указать на ту роль, которую играл в становлении своих учеников как исследователей М.Н. Тихомиров. Придававший огромное значение работе с источниками, собравший целую коллекцию рукописей⁴, возобновивший на отечественных исторических факультетах чтение курса источниковедения и выпустивший учебник по этому курсу, М.Н. Тихомиров неизменно требовал от своих учеников не допускать априорных утверждений, чтобы каждое положение и вывод основывался на прочной базе фактических данных, полученных при опоре на источники. И в этом отношении Михаил Николаевич как представитель старшего поколения историков советского периода, которое на себе непосредственно испытывало влияние историков дореволюционного времени, был не одинок. Отсюда неудивительно, что поколение историков, к которому принадлежит Е.В. Чистякова, сделало очень многое в изучении архивохранилищ, в розыске и публикации источников, в их изучении. По существу, тот взрыв интереса в российской историографии к источниковедению, который наблюдается за последнее десятилетие XX в. и концентрированным итогом которого стал выход в свет учебного пособия по источниковедению отечественной истории⁵, был подготовлен не только трудами русских историков досоветского периода (прежде всего А.С. Лаппо-Данилевского) и достижениями зарубежного источниковедения, но и большой работой историков советского времени. И в этой работе виден вклад, внесенный Еленой Викторовной.

Особый интерес у нее вызывал такой своеобразный источник, как приговорные записи из состава следственных дел по поводу выступлений в южных городах в первые годы царствования Алексея Михайловича. Им была посвящена небольшая статья, поводом для появления которой стала работа А.А. Введенского об “одиначестве” и одиначных записях крестьян Поморья в XVI–XVII вв.⁶ Как обратила внимание Е.В. Чистякова, приговорные запи-

⁴ См.: Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

⁵ См.: Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: Уч. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998.

⁶ См.: Введенский А.А. Классовая борьба и “одиначество” в Поморье в XVI–XVII веках // ВИ. 1955. № 5. С. 116–123.

си некоторых южных городов, которые она с полным основанием отнесла к частноправовым актам, имеют весьма большое сходство с одиначными записями крестьян Поморья. В статье изложено содержание двух приговорных записей, составленных служилыми людьми южных городов, – Ельца в 1648 г. и Гремячего в 1651 г. – и приведены сведения о существовании аналогичных записей в некоторых других городах. Автором отмечалось, что «в составлении таких записей иногда участвовали сотни людей. Правительство квалифицировало подобные записи как “воровские”, “заводные” и сурово преследовало их составителей»⁷, поскольку такие документы означали непризнание местной власти и попытку противопоставить ей собственную выборную власть.

Приговорные записи не случайно оказались в центре внимания автора. Они давали основание для определенного пересмотра утвердившейся в советской историографии концепции городских восстаний середины XVII в. как движений, в основе которых лежало исключительно классовое противостояние. И если в книге, посвященной восстанию 1648 г. в Воронеже, проводилась мысль о его классовом характере, то приговорные записи свидетельствовали о более сложном характере этих движений, наличии в них не только классового, но и иного сословного начала. В частности, в статье приводятся сведения об активном участии в их составлении служилых людей по отечеству, а также начальных людей из служилых людей по прибору – десятников и пятидесятников. Кроме того, комплексы дел, включавшие приговорные записи, позволили внести коррективы в утвердившуюся характеристику государственной политики по отношению к военно-служилому населению. Так, с одной стороны, решительно подавляя выступления, центральные власти, с другой стороны, стремились не давать поводов для массового недовольства.

Вскоре вышла в свет другая, более пространная статья Е.В. Чистяковой, посвященная в целом следственным делам о городских восстаниях середины XVII в.⁸ Она явилась результатом изучения множества следственных дел по разным южным городам. В ней был показан состав таких дел, давалась классификация содержащихся в них материалов, а также раскрыты их особенности, информационные возможности и сделаны выводы о степени их достоверности. Автор совершенно правомерно обратила внимание на то, что наибольший объем информации по истории восстаний дают изветные челобитные, расспросные и пыточные речи подследственных, перечневые записи и докладные, а также царские памяти и грамоты. Было отмечено также насколько сложно выявление достоверной информации о безусловной субъективности источников, стремления воеводских властей, следствия и подследственных представить свою версию событий, наиболее благоприятную для них. Отсюда, по мнению ученого, особая трудность работы с такими материалами, как записи речей во время очных ставок и данные повальных обысков, где особенно много путаницы или сознательного заипирательства людей, подвергавшихся этим следственным действиям. Материалы следственных дел дали основание Е.В. Чистяковой говорить о противоречиях не только «между рядовыми служилыми людьми и командующей верхушкой, но и о начавшемся социальном расслоении внутри корпорации служилых людей, о выступлениях мелких и средних горожан против своих же сограждан, разбогатевших на донской торговле, захватывающих лучшие земли и промыслы, занимающихся ростовщичеством и превратившихся в сильных людей... наперс-

⁷ Чистякова Е.В. Приговорные записи XVII века // ВИ. 1956. № 3. С. 137.

⁸ См.: Чистякова Е.В. Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII века // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 91–98.

ников воевод»⁹. Все это – основания для вывода о сложности, неоднозначности характера городских выступлений в южных городах, где тесно переплетались сословно-корпоративная и социальная составляющие в качестве мотивации для вступления в борьбу военно-служилого и посадского населения.

Еще одним источником, которому Е.В. Чистякова уделила пристальное внимание, являлись летописи, в которых имелся материал о городских выступлениях, прежде всего в Москве. При всей своей лаконичности летописные записи давали, по мнению автора, представление об участниках и характере этих выступлений¹⁰.

Итогом многолетнего изучения городских восстаний в России в 30–40-х годах XVII в. стала докторская диссертация, которую Елена Викторовна успешно защитила в 1968 г. а на ее основе в 1975 г. вышла в свет большая монография¹¹. В историографической части исследовательница отмечала, что проблема городских восстаний в России середины XVII в. привлекала внимание историков в силу как своего размаха, так и влияния на последующее развитие страны. Достаточно в этой связи иметь в виду, что под прямым воздействием этих восстаний появился такой полный и весьма совершенный в юридическом отношении для своего времени свод законов, как Уложение царя Алексея Михайловича, в отдельных статьях которого Е.В. Чистякова правомерно усматривала прямой ответ властей на события тех лет¹². Вместе с тем имелся целый ряд спорных вопросов, на которые автор обращал внимание. Среди них были принципиальные, касавшиеся движущих сил и характера городских восстаний. В частности, это вопрос о роли в восстаниях различных категорий служилых людей, населения посада, окрестного крестьянского населения, а в отдельных случаях – о ходе тех или иных восстаний и их хронологических рамках, что имело важное значение для понимания сущности явления.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что городские восстания в первые годы царствования Алексея Михайловича Е.В. Чистякова предлагала рассматривать в тесной связи с выступлениями предшествовавшего времени. Конечно же, при царе Михаиле выступления в городах не имели еще такого размаха, как во второй половине 1640-х годов. Но они в значительной мере служили для них подготовкой, поскольку отражали одни и те же противоречия жизни русского феодального города XVII в., в них противостояли друг другу те же самые социальные силы, а население выдвигало те же самые требования, что и при царе Алексее Михайловиче. Поэтому стремление автора рассматривать выступления 30-х и 40-х годов XVII в. в тесной и неразрывной связи представляется правомерным. Но, по-видимому, дополнительного пояснения требовала мысль автора о том, что восстания, происходившие до Уложения 1649 г., “несколько отличались” “от восстаний, последовавших после Уложения 1649 г.”¹³, в отношении движений 1650 г. в Новгороде и Пскове. Тем более, что в своем энциклопедическом очерке о городских восстаниях в России в середине XVII в. Е.В. Чистякова поместила информацию о псковском и новгородском восстаниях¹⁴.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ См. Чистякова Е.В. Летописные записи о народных выступлениях середины XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М.Н.Тихомирова. М., 1963.

¹¹ См.: Чистякова Е.В. Народные движения в России в середине XVII в. (1635–1649): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук [М.], 1966; Она же. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). Воронеж, 1975.

¹² Чистякова Е.В. Городские восстания... С. 240–242.

¹³ Чистякова Е.В. Народные движения... С. 3.

¹⁴ Чистякова Е.В. Городские восстания в России в середине 17 в. // СИЭ. М., Т. 4. Стб. 591–598.

Глубокое, обстоятельное исследование внутреннего положения в стране в первой половине XVII в. позволило Елене Викторовне не только всесторонне охарактеризовать положения разных слоев населения, но и признать усиление крепостничества с середины 1640-х годов в качестве главного условия подъема “новой волны восстаний” в разных городах страны. В этой связи автор не разделяла распространенную в историографии характеристику московского восстания 1648 г. как соляного бунта, хотя в то же время отмечала, что повод к этому восстанию явился “следствием соляной реформы Морозова”¹⁵.

Внимательный анализ источников позволил Е.В. Чистяковой сделать убедительный вывод о том, что московское восстание, крупнейшее в серии городских выступлений 1640-х годов, не ограничивалось июньскими днями 1648 г. С перерывами оно продолжалось до января 1649 г. По спорному же вопросу о движущих силах этого восстания автором был приведен большой фактический материал, характеризующий это восстание как выступление прежде всего черных людей города совместно с частью служилых людей по прибору. Кроме того, прослеживалось влияние московских событий на крестьянское население, в частности, на крестьян вотчин боярина Б.И. Морозова, где также происходили волнения¹⁶.

Изучение истории восстаний в Москве, в южных, северных и сибирских городах дали Елене Викторовне самые серьезные основания для главного вывода, состоявшего в том, что эти восстания “были не узко городскими, а народными”, и поэтому они “имели общероссийское значение”. В них, как показано автором, соединилось движение протеста разных слоев населения: посадских людей, служилых людей по прибору, отчасти – крестьянства; эти же движения послужили для дворянства одним из наиболее действенных и существенных способов борьбы за свои сословные устремления, выражавшиеся в завершении юридического оформления крепостного права и в превращении поместий в вотчины. Уложение 1649 г., как справедливо подчеркивала Е.В. Чистякова, в своеобразном виде отразило результаты городских восстаний. Позже эту мысль весьма остроумно развил В.М. Соловьев, указавший на две главенствующие идеи Уложения. Первая – полное закрепощение крестьян, представлявшее собой “центр тяжести Уложения” и “его главный социальный смысл”, вторая – возведение “в ранг первостатейных государственных дел заботу о царе”¹⁷. Первая представляла собой социальное следствие народных движений 1640-х годов, вторая – политическое.

Тема городских восстаний первой половины XVII в. неизбежно подводи- ла Елену Викторовну к проблемам крупнейшего народного движения бун- ташного века – Разинскому восстанию. Оно явилось народным ответом на подавление выступлений в городах в 1640-е годы, на принятие Уложения 1649 г. и на установление полномасштабной крепостной неволи.

Вернемся к более раннему периоду творчества Е.В. Чистяковой. В 1953 г. вышла в свет ее первая работа, посвященная событиям, непосредственно связанным с Разинским восстанием, которое рассматривалось в то время в советской историографии в свете классового подхода и характеризовалось как крестьянская война. Темой ее стал поход донских казаков в центральные уезды России во главе с атаманом Василием Усом. Статья отличалась глубоким анализом положения как во внутренних уездах, через

¹⁵ Чистякова Е.В. Городские восстания... С. 49–50.

¹⁶ Там же. С. 92–95.

¹⁷ Соловьев В.М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994. С. 25, 29.

которые проходили казаки В. Уса, так и в казачьих городках Верхнего Дона, где была сосредоточена основная часть голытьбы. В ней, по существу, содержится постановка интересной проблемы особенностей положения казачества на Верхнем Дону, которой уделяли несравненно меньше внимания, чем изучению истории низового войска Донского. Решение этой проблемы все еще сохраняет свою актуальность, несмотря на появление после выхода статьи Е.В. Чистяковой целого ряда исследований по донской истории¹⁸. Елена Викторовна сделала вывод об активной поддержке крестьянством некоторых уездов казаков В.Уса, о значительном размахе в этих уездах народного движения против местных феодалов и о том, что В. Усу удалось увести с собой на Дон «от карателей... не одну тысячу “новоприбывших казаков”» из числа крестьян. Поход В. Уса стал, по оценке Е.В. Чистяковой, прологом к крестьянской войне под предводительством С. Разина¹⁹. Статья Елены Викторовны получила высокую оценку. В то же время высказывалась мысль о том, что в ней не удалось избежать переоценки силы и размаха крестьянского движения²⁰.

Тем не менее Елена Викторовна считала необходимым не только отстаивать свою точку зрения на значимость похода Василия Уса, но и еще более усилить ее. В совместной статье ее с В.И. Бугановым было заявлено о том, что поход казаков В. Уса являлся первым этапом крестьянской войны, которая, с точки зрения авторов, началась с 1666 г.²¹ Авторы при этом привели некоторые серьезные аргументы в свою пользу. Они обратили внимание на то, что действия казаков выражали открытое неповиновение администрации, а поддержка со стороны крестьянства внутренних уездов была весьма активной. Взгляд авторов на поход В. Уса как на первый этап крестьянской войны в целом не получил дальнейшего развития. Более того, в последние годы концепция советской историографии по проблеме народных движений в России эпохи феодализма, по которой крупнейшие из них расценивались в качестве крестьянских войн, была серьезно пересмотрена.

В целом правомерность такого пересмотра несомненна. Она направлена на формирование представления об этих событиях отечественной истории, позволяющего выйти за узкоклассовые рамки, взглянуть на них как на явления, выражавшие кризис всего общественного устройства, затрагивавшие самые разные стороны жизни страны и самые разные слои русского общества. Но даже при том, что для характеристики подобных событий приняты или возрождены к жизни более емкие понятия, такие, как смута (для начала XVII в.), гражданская война или, как у В.М. Соловьева, русский бунт, крестьянская война вполне может рассматриваться как важная составная часть того, что происходило при С. Разине или Е. Пугачеве.

В этой связи остановимся еще на одной мысли Е.В. Чистяковой и В.И. Буганова, которая имеет значение для современного подхода и к истории народных движений в России, и к истории казачества. Авторы обратили внимание на то, что активная поддержка, которую получили казаки В. Уса от крестьянства русских уездов, позволяет снять “имевшее место в советской историографии в 30-е годы противопоставление участвовавших в Крестьян-

¹⁸ См., например: *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов н/Д, 1992.

¹⁹ См.: *Чистякова Е.В.* Крестьянское движение в Подмоскovie и поход Василия Уса (1666) // *ВИ.* 1953. № 8. С. 133.

²⁰ См.: *Степанов И.В.* Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Восстание Степана Разина. Л., 1966. Т. 1. С. 215.

²¹ См.: *Буганов В.И., Чистякова Е.В.* О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России // *ВИ.* 1968. № 7. С. 38.

ской войне жителей окраин (в данном случае – донских казаков. – *Н.М.*) и центра”²². Своеобразное возрождение воззрений 1930-х годов происходит в современной отечественной историографии, где вполне правомерно подчеркиваются различия между казачеством и крестьянством, но при этом игнорируется многое из того, что их сближало. На этом основании представляется полезным вспомнить о том, что утверждали по этому поводу В.И. Буганов и Е.В. Чистякова.

Статья содержала еще одну важную для современных исследователей мысль, которая касается оценки Каспийского похода С. Разина. Рассматривая этот поход как продолжение крестьянской войны, авторы в то же время подчеркивали, что “составить полное представление о нем... можно будет только после изучения персидских источников, что составляет проблему будущего”²³. Это необходимо иметь в виду исследователям раннего периода истории донского казачества, для которого существуют персидские, но в еще большей степени турецкие источники, до сих пор у нас не известные.

Статья носила для авторов программный, теоретический характер. Особенно, это относилось к постановке ими такого важного вопроса, как значение крестьянских войн в истории страны вообще, в том числе и Разинского восстания. Совершенно очевидно, что авторы оценивали его в свете классовой парадигмы. Но в таком понимании есть мысли, имеющие большое значение для современных концепций. Так, указание на то, что восстание имело значение для будущего в “выработке стратегии и тактики гражданской войны”²⁴, по существу, характеризовало восстание не только как крестьянскую войну, но и как войну гражданскую. В этом – видна попытка отойти от узкоклассовой оценки исторического явления, а также некоторая близость к распространенной в современной отечественной историографии идее о перманентном, состоянии гражданской войны в России со времени позднего средневековья.

Наряду с теоретическими проблемами Разинского восстания, Елену Викторовну привлекали и яркие личности, принимавшие в нем участие. Еще в 1963 г. она написала популярный очерк о В. Усе²⁵. В 1971 г., когда отмечалось 300-летие со времени восстания, вышел в свет ее очерк о самом С. Разине²⁶. Написанный ярким, образным языком, он вскрывает исторические корни разинской популярности в народном сознании и интереса, который питал к нему романтически настроенный молодой русский поэт первой четверти XIX в., говоривший о Разине как о “единственном поэтическом лице русской истории”²⁷. Вместе с тем в очерке уделено внимание тем особенностям личности народного атамана, по поводу которых не было достаточной ясности. Так, Е.В. Чистякова обратила внимание, насколько неординарным для своего времени было отношение Разина к царской власти, который «не воспользовался обычной формой самозванчества и не объявил себя даже близким к “царскому кореню”», но сам выступал “избавителем... от угнетения и несправедливости”²⁸. Был, кроме того, вскрыт крайне сложный характер взаимоотношений Разина с верхушкой донского казачества, уяснение сущности которых крайне важно для понимания перемен, происходивших во внутренней

²² Там же.

²³ Там же. С. 39.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Чистякова Е.В. Василий Ус – сподвижник Степана Разина. М., 1963.

²⁶ Чистякова Е.В. Степан Тимофеевич Разин // ВИ. 1971. № 8. С. 130–144.

²⁷ Пушкин А.С. Собр. соч. М., 1977. Т. 9. С. 112.

²⁸ Чистякова Е.В. Степан Тимофеевич Разин. С. 141.

жизни Дона. Они получили яркое выражение несколько позже, в ходе движения донских старообрядцев конца XVII в., вылившегося в первую в истории казачества братоубийственную внутреннюю войну. Еще одной личностью того времени, чья необычная судьба привлекла Елену Викторовну, была женщина-атаман Алена Арзамасская²⁹.

Как исследователь истории народных движений в России XVII в., Е.В. Чистякова подготовила достойную научную смену. Наиболее заметным представителем ее является В.М. Соловьев. Совместные исследования Е.В. Чистяковой и В.М. Соловьева касались отдельных вопросов истории Разинского восстания в Среднем Поволжье, главным образом жизни целого ряда известных сподвижников Разина³⁰. Среди них – Михаил Харитонов, Василий Федоров, Максим Осипов, Акай Боляев, Илья Пономарев, Тимофей Мещеряков, Леско Черкашенин, Яков Гаврилов, Федор Колчев, дядя Разина – Никифор Черток и др. В сложной, исключительно кропотливой работе по восстановлению эпизодов жизни и деятельности людей далекого прошлого были достигнуты существенные успехи и установлено многое из того, что относилось к биографиям этих известных по источникам личностей.

Тернист и сложен путь в науке людей того поколения, к которому принадлежала Елена Викторовна. Им довелось столкнуться с начетничеством и со стремлением власти поставить исторические исследования, особенно о народных восстаниях, под свой полный контроль, с прорывом к свободомыслию и с неизбежно связанной с этим сменой научных ориентиров. Все это сложным, причудливым образом отразилось на их научном творчестве. Не избежала всего этого и Е.В. Чистякова. Однако прочная база знаний, полученная на историческом факультете МГУ, исследовательская школа академика М.Н. Тихомирова, собственное незаурядное трудолюбие, способность видеть и чувствовать главное в исторических источниках – вот что помогло Елене Викторовне стать одним из крупнейших отечественных исследователей истории народных движений в России XVII в., воспринять новые подходы к проблеме, которые принесло наше время, создать самобытную и интересную научную школу, которая успешно продолжает и творчески развивает ее исследовательскую работу.

²⁹ См.: Чистякова Е. Атаман Алена // Алена Арзамасская-Темниковская. Саранск, 1986. С. 37–41.

³⁰ См.: Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Разин и разинцы на мордовской земле. Саранск, 1986; *Они же*. Степан Разин и его соратники. М., 1988.

А.С. Ипатова

**ИСТОЧНИКИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ – ОСНОВА
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(К 70-летию академика В.С. Мясникова)**

В мае 2001 г. исполнилось 70 лет академику В.С. Мясникову, видному российскому ученому, историку-востоковеду, признанному специалисту по истории русско-китайских дипломатических связей и международных отношений в Восточной Азии. Он автор свыше 250 научных работ, широко известных в России и за ее пределами¹.

Творческая лаборатория ученого предельно проста и вместе с тем крайне сложна, так как требует высокого профессионализма: работа с источниками и по источникам. А это, в свою очередь, означает кропотливый труд: поиск первоисточника и его копий или списков, вариантов, квалифицированное прочтение документа, установление аутентичности текста, его археографическая обработка, определение по косвенным признакам авторства и датировки источника в случае их отсутствия, словом, все то, чем занимаются такие исторические дисциплины, как источниковедение, текстология и археография.

“Источники, источниковедение – основа научных исследований”, – любит повторять Владимир Степанович. Этому правилу он следует без малого 50 лет, будь то подготовка архивных документов и других источников к публикации в документальных сборниках или написание монографического исследования.

Первое “боевое крещение” на этой стезе после окончания МГИМО МИД СССР молодой специалист получил работая в бригаде китаеведов и маньчжуристов, которые, готовя для передачи правительству КНР так называемый Маньчжурский архив, обрабатывали документы на китайском и маньчжурском языках. В начале XX в. архив был вывезен из Северо-Восточного Китая царскими войсками, участвовавшими вместе с войсками других держав в подавлении “боксерского” восстания.

В течение полутора лет В.С. Мясников работал вместе с такими опытными востоковедами старшего поколения, как В.С. Колоколов, Б.И. Панкратов, Б.К. Пашков, И.М. Ошанин, М.К. Пашкова, Г.Н. Румянцев, К.М. Черемисов и др. Это была нелегкая, но хорошая школа для молодого специалиста.

Вскоре произошла встреча В.С. Мясникова с П.Е. Скачковым, китаеведом довоенного поколения, участником китайской революции 1925–1927 гг., автором всемирно известной “Библиографии Китая”². Во второй половине 1950-х годов Петр Емельянович, большой знаток отечественных архивов и

¹ Подробно о жизни и деятельности академика В.С. Мясникова см.: *Тихвинский С.Л.* Поздравляем юбиляра: К 70-летию академика В.С. Мясникова // Восток–Россия–Запад: Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика Владимира Степановича Мясникова: Сб. ст. М., 2001. С. 33–45.

² *Скачков П.Е.* Библиография Китая: Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730–1930. М.; Л., 1932; затем была издана в США (Анн-Арбор, 1948; Нью-Йорк, 1975), а в 1960 г. вышло второе, дополненное публикациями на русском языке издание, по 1957 г. включительно (*Скачков П.Е.* Библиография Китая. М., 1960).

рукописных фондов ведущих библиотек страны, обнаружил в ОР ГБЛ фонд одного из российских китаеведов XIX в., своего однофамильца, Константина Андриановича Скачкова. Будучи светским членом 13-й Российской духовной миссии в Китае (1850–1858), он оказался невольным свидетелем событий, происходивших в те годы в Срединной империи. В Пекине К.А. Скачков вел дневники, подробно записывая в них сведения о бушевавшей в Китае крестьянской войне тайпинов (1850–1864).

По прошествии 100 лет эти дневники были извлечены на свет П.Е. Скачковым и заинтересовали его. Часть текста Петр Емельянович микрофильмовал и предложил В.С. Мясникову заняться прочтением, точнее сказать дешифровкой текста, так как почерк у автора дневников был наитруднейший, русский текст перемежался с французским и китайским, столь же трудными для прочтения. Первая попытка не дала никаких результатов. На следующий день Владимир Степанович предложил всем присутствовавшим в Отделе Китая Института востоковедения АН СССР помочь ему разобрать хотя бы отдельные слова текста. Суммарный результат общих усилий свелся к прочтению двух союзов “и” и одного “что”.

Оставался единственный путь: познакомиться с другими материалами фонда К.А. Скачкова. Встретился один текст с более разборчивым почерком. Так был найден ключ к прочтению дневников. За два года Владимир Степанович прочитал 1,5 тыс. рукописных страниц дневниковых записей, выбирая и переписывая наиболее интересные фрагменты, связанные с тайпинским восстанием. Итогом такой кропотливой работы стала книга К.А. Скачкова “Пекин в дни тайпинского восстания. Из записок очевидца”, которая увидела свет в 1958 г. под общей редакцией П.Е. Скачкова. Составителями, авторами вступительной статьи и комментариев были П.Е. Скачков и еще мало кому известный тогда молодой китаевед В.С. Мясников. Научный дебют оказался для Владимира Степановича весьма плодотворным, а главное – увлек его самого, определив основное направление его научной деятельности.

Поступив на работу в только что созданный Институт китаеведения АН СССР, младший научный сотрудник В.С. Мясников вскоре возглавил группу по изучению истории русско-китайских отношений. И снова работа с источниками, на этот раз архивными, и снова вместе с П.Е. Скачковым. В том же, 1958 г., они издают сборник “Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы”. Все вошедшие в сборник документы – договоры, соглашения, трактаты и конвенции – публиковались и ранее, но предыдущие публикации не были свободны от ошибок, неточностей и даже купюр. Все тексты документов нового сборника были тщательно сверены В.С. Мясниковым с их подлинниками, хранящимися в Архиве внешней политики России (ныне Российской империи) МИД. Благодаря такому подходу, В.С. Мясникову удалось восстановить полный текст преамбулы Айгуньского договора (май 1858 г.), которая ранее публиковалась без слов “и для охранения от иностранцев”, вычеркнутых при подготовке договора к публикации³. В предисловии к новому изданию было сказано: “Этим сборником документов Института китаеведения кладет начало изданию документальных материалов, относящихся к истории русско-китайских отношений”⁴.

³ В заключительной части преамбулы записано: “...по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев постановили” (Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М., 1958. С. 29). Для сравнения см.: Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889. С. 110.

⁴ Русско-китайские отношения. 1689–1916. С. 6.

Забегаая вперед, отметим, что с тех пор практически большинство крупных публикаций в нашей стране по истории русско-китайских отношений так или иначе связаны с именем В.С. Мясникова. Эстафету от Института китаеведения принял Институт Дальнего Востока, где был создан Сектор изучения истории русско-китайских отношений во главе с В.С. Мясниковым, а с 1992 г. – Центр “Россия–Китай”, руководит которым по-прежнему Владимир Степанович, теперь уже академик, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

А тогда в конце 1950-х годов изучение 400-летней истории взаимоотношений России с Китаем В.С. Мясников начал с поиска в Центральном государственном архиве древних актов материалов о первых русских посольствах в Китай в XVII в. Работа с документами того времени требует специальных знаний. Признанно, что русская палеография XVII в. наиболее сложна для прочтения. Помог случай. Одновременно с основной работой молодой исследователь подрабатывал на радио, в дирекции иновещания в редакции вещания на Юго-Восточную Азию. В то время редакция объявила филателистический конкурс для детей. И в ответ пришло около 30 тыс. писем и все на китайском языке. Читал и переводил все подряд. После такой практики и русские тексты XVII в. уже не казались столь неприступными, тем более, что были у В.С. Мясникова замечательные добровольные учителя – сотрудники отдела публикаций ЦГАДА Н.Ф. Демидова, М.Л. Волков, Р.В. Овчинников и научный вдохновитель отдела, крупнейший специалист по русскому феодализму Н.В. Устюгов. Здесь в ЦГАДА молодой китаевед прошел школу археографии. Сотрудники отдела в то время занимались выработкой правил публикации исторических документов, и В.С. Мясников был вовлечен в этот процесс. Все это потом пригодилось ему, когда под его руководством началось издание многотомной документальной серии “Русско-китайские отношения”.

Поиск материалов в ЦГАДА он начал со сплошного просмотра монгольского фонда, где вскоре обнаружил два ранее не известных документа Ивана Петлина о его поездке в Китай в 1618–1619 гг. Показал П.Е. Скачкову и другому известному китаеведу довоенного поколения, М.И. Казанину, который, познакомившись с документами, расценил находку как открытие мирового значения и посоветовал скорее опубликовать. Так, в первом номере только что основанного журнала “Советское китаеведение” за 1958 г. появилась первая статья В.С. Мясникова “Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина”.

Строго говоря, поездка томских казаков И. Петлина и А. Мадова с товарищами в Китай не была официальным посольством Русского государства. Но представленный ими отчет, озаглавленный “Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам”, содержал ценнейшие сведения, главным из которых было открытие сухопутного маршрута из Европы через Сибирь и Монголию в Китай. До этого европейцам был известен только очень долгий, сложный и опасный морской путь.

Копия текста “Росписи” И. Петлина вскоре попала в Европу, где была переведена на английский, немецкий, французский и голландский языки и в течение XVII и XVIII вв. выдержала семь изданий.

В родном Отечестве судьба первых документов, повествовавших об установлении связи с Китаем, сложилась весьма печально. Ценнейший опыт первого непосредственного общения, пусть даже неофициальной миссии И. Петлина и его товарищей с представителями китайских властей, не был востре-

бован отечественной дипломатией в отличие от западноевропейской. Даже грамота китайского императора к русскому царю, которую, возвращаясь на родину, вез с собой И. Петлин, ожидала перевода на русский язык 56 лет (!), так как в Русском государстве во времена И. Петлина не было знатоков китайского языка. А ведь в этой грамоте китайский император предлагал русскому царю и впредь присылать к китайскому двору своих послов. Когда в 50-е годы XVII в. снаряжалось первое официальное русское посольство в Китай, дипломатам пришлось начинать все сызнова.

Более того, если в XVII и XVIII вв. достоверность поездки И. Петлина и А. Мадова в Китай не подвергалась сомнению, то уже в начале XIX в. вокруг нее развернулись споры, длившиеся почти 100 лет. Дело в том, что в отличие от Западной Европы, куда копия “Росписи” попала нелегальным путем через бывшего представителя английской Московской компании, а в те годы посла Англии при Московском дворе Д. Мерики, была переведена и опубликована в родном Отечестве, сведения, содержащиеся в ней, затем посчитали секретными, и похоронили этот уникальный документ в архивах Посольского приказа. “Роспись” была известна лишь по спискам, включенным в различные хронографы, и только 200 лет спустя после ее составления была опубликована известным археографом Г.Н. Спасским по хронографу из собрания Фролова, хранившемуся в Императорской публичной библиотеке в Санкт-Петербурге.

Начало спору положил Н.М. Карамзин. Работая над “Историей государства Российского”, он обратился не к первоисточникам, а к более поздним хронографам, в которых эта поездка ошибочно приписывалась И. Петрову и Б. Ялычеву. Его не смутило почти полное совпадение текста, опубликованного Г.Н. Спасским и использованного им самим. По мнению Н.М. Карамзина, И. Петлин, видимо, вовсе не ездил в Китай, а списал текст у атаманов И. Петрова и Б. Ялычева, ездивших, якобы, в 1567 г. в Китай, упомянув вначале о них и добавив в конце несколько строк от себя⁵. Лишь в конце XIX – начале XX в., когда исследователи стали все чаще обращаться к архивным материалам, утверждение Н.М. Карамзина подверглось серьезной критике⁶. В 1914 г. Ф.И. Покровский, опираясь на архивные оригиналы и найденный им подлинник “Росписи” И. Петлина, разрешил этот спор в пользу миссии И. Петлина⁷. Однако и он не располагал исчерпывающими материалами, и многие его правильные утверждения оставались по большей части смелыми догадками, лишь частично подтвержденными источниками.

Обнаруженные В.С. Мясниковым в ЦГАДА ранее не известные документы поставили точку в затянувшемся споре. Это были: подлинник челобитной, поданной И. Петлиным и А. Мадовым в Посольский приказ, и выписка по челобитной, составленная в Посольском приказе. В челобитной ее авторы просили “государева жалованья” в награду за свою поездку, а выписка подтверждала обоснованность челобитной. Публикацию о новых архивных находках В.С. Мясников подкрепил, поместив на страницах журнала факсимиле найденных им документов. В материалах миссии И. Петлина говорится, что помимо грамоты китайского императора И. Петлин вез в Москву “Рос-

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 3, т. IX. С. 220–221. Примеч. 648 (С. 146–149).

⁶ См., например: Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. СПб., 1914. С. 163–164; 2-е изд. Л., 1925. С. 187; Кюннер Н.В. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. 2-е изд. Владивосток, 1914. С. 4; Бартольд В.В. Работа по истории востоковедения // Сочинения. М., 1977. Т. IX. С. 376–378.

⁷ Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 году). СПб., 1914.

пись”, т.е. статейный список, и чертеж. Последний, несмотря на долгие поиски, к сожалению, обнаружить до сих пор не удалось. Тем не менее благодаря находке В.С. Мясникова стало возможным со всей определенностью утверждать, что миссия И. Петлина действительно состоялась в 1618–1619 гг., а важнейшее географическое открытие, сделанное И. Петлиным, закончило длительный период поисков северного пути из Европы в Китай. Вместе с тем она завершила и первый этап в русско-китайских связях. Слава первых русских путешественников в Китай с тех пор прочно закрепилась за И. Петлиным и его товарищами. Так что слова М.И. Казанина об открытии мирового значения не были преувеличением.

Положив конец спорам вокруг миссии И. Петлина, В.С. Мясников продолжал собирать материалы об этом важном эпизоде в истории русско-китайских отношений, и в 1966 г. вместе с Н.Ф. Демидовой издал книгу «Первые русские путешественники в Китае (“Роспись” И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова)». Авторы использовали наиболее плодотворную форму исследования источников, когда публикация памятника дополнялась солидным введением – историческим, источниковедческим и археографическим, содержащим описание памятника, обстоятельств и времени его создания, и дальнейшую судьбу. Публикация снабжена комментариями и прочими атрибутами научного аппарата. Более того параллельно с текстом подлинника “Росписи” И. Петлина авторы опубликовали и наиболее близкий к нему вариант, помещенный в одном из 15 хронографов, воспроизводивших тот или иной вариант текста “Росписи”, которые к тому времени удалось выявить В.С. Мясникову. Текстологический анализ подлинника и варианта № 2 подвел исследователей к выводу о том, что этот вариант, по сути дела, вторая редакция “Росписи”, составленная самим И. Петлиным или при его непосредственном участии.

Еще сложнее обстояло дело с поиском документов посольства Ф.И. Байкова (1654–1658), так как основная часть архива посольства, хранившаяся в Приказе большой казны, погибла во время одного из московских пожаров. Сгорел и подлинник статейного списка, главного документа посольства. Вместе с тем сохранилось несколько списков отчета, т.е. статейного списка Ф. Байкова, содержащих значительные смысловые и стилистические расхождения, а также копии наказной памяти послу, грамоты царя Алексея Михайловича китайскому императору, выписки о торговой деятельности посольства. Все эти копии хранились в Посольском приказе, а теперь – в ЦГАДА⁸.

Впервые на русском языке статейный список Ф. Байкова по рукописи, принадлежавшей Н.И. Новикову и содержащей немало ошибок, был опубликован в 1774 г.⁹ и впоследствии дважды переиздавался Г.Н. Спасским и И.П. Сахаровым. Существуют и иные варианты списка, в том числе и из Сибирского приказа и др. Сравнительный анализ различных вариантов статейного списка показал, что хранящиеся в РГАДА тексты – это суть копии, снятые с подлинника. Одна из них и была опубликована в книге как вариант № 2.

Вариант № 1 (из библиотеки Н.И. Новикова) авторы рассматривают не как еще одну копию статейного списка, подвергшуюся интерполяциям в од-

⁸ Эти документы из коллекции “Дела Китайского двора” из Посольского приказа, хранившейся прежде в Главном архиве МИД, упомянуты и частично изложены в кн.: *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань, 1882. С. 8–13.

⁹ Древняя Российская вивлиофика. СПб., 1774. Ч. IV. С. 122–242. В настоящее время все выявленные В.С. Мясниковым и Н.Ф. Демидовой документы и материалы посольства Ф. Байкова, равно как и миссии И. Петлина, опубликованы. См.: Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. М., 1969. Т. 1. 1608–1683.

них частях текста и экспликациям в других и содержащую разночтения в датировке самого документа в сравнении с вариантом № 2. По их мнению, вариант № 1 и вариант № 2 – по сути дела два самостоятельных документа, составленных для разных целей или адресатов. Поскольку вариант № 2 является окончательной официальной версией, сообщенной послом в Москве, то авторы делают предположение, что вариант № 1 был составлен раньше.

Издание такой книги дало возможность и другим исследователям продолжить изучение этих первых дипломатических документов в отношении России с Китаем, чему призвано способствовать помещенное в книге факсимиле подлинника “Росписи” И. Петлина.

Следующим этапом в изучении В.С. Мясниковым истории взаимоотношений России с Китаем стала работа над документальной серией “Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.” Необходимостью такого многотомного издания, позволяющего воссоздать историю взаимоотношений двух великих государств, была продиктована как научными, так и практическими интересами.

Ответственным редактором серии стал академик С.Л. Тихвинский, научным редактором томов, автором исторических введений, одним из составителей и авторов комментариев – В.С. Мясников, будущий академик, а в конце 1960-х годов – еще кандидат исторических наук. Он и возглавил небольшой коллектив увлеченных энтузиастов, среди которых были и опытные специалисты, такие, как бывшие сотрудники ЦГАДА Н.Ф. Демидова, М.Б. Давыдова и бывший научный сотрудник Архива АН СССР в Ленинграде А.И. Тарасова, а также научная молодежь, впервые познакомившаяся с работой в архивах. Основную нагрузку В.С. Мясников взял на себя.

Хронологически серия охватывает всю 400-летнюю историю взаимоотношений России с Китаем, которая знала разные времена. Периоды сближения и активизации связей сменялись годами охлаждения отношений, а порою и конфронтации, затем снова наступало сближение, сотрудничество. Все спорные вопросы и даже конфликтные ситуации, независимо от степени их остроты, решались мирным путем, путем переговоров, заключения договоров, соглашений, притом, что речь идет о двух крупных соседних государствах, имеющих самую протяженную в мире границу и принадлежащих к разным цивилизационным мирам. Эти обстоятельства существенно осложняли отношения, которые, тем не менее, развивались по восходящей, расширяя спектр контактов, сближения и взаимодействия. Такой уникальный исторический опыт заслуживает углубленного изучения, основанного на тщательной проработке и анализе мощного пласта документов для воссоздания объективной исторической картины развития русско-китайских отношений. Ради этого и предпринято было данное издание.

К настоящему времени вышло пять томов документов по истории русско-китайских отношений в XVII–XIX вв. и один том в двух частях по истории советско-китайских отношений в 1937–1945 гг.¹⁰ Уже изданные тома содержат свыше 2500 документов (в основном корпусе, в приложениях и примечаниях).

¹⁰ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: В 2 т. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. Т. 1: 1608–1683. М., 1969; Т. 2. 1686–1691. М., 1972; Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы: В 2 т. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова. Т. 1: 1700–1725. М., 1978; Т. 2: 1725–1727. М., 1990; Русско-китайские отношения в XIX веке: Материалы и документы. Т.1: 1803–1807 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Сост. М.Б. Давыдова, И.Т. Мороз, В.С. Мясников, Н.Ю. Новгородская. М., 1995; Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы. Т. 4: Советско-китайские отношения: В 2 кн. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Сост. А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2000. Кн. 1: 1937–1944; Кн. 2: 1945.

Источниковую основу серии составляют документы и материалы, хранящиеся в отечественных архивах – АВП РИ, АВП РФ, РГАДА, АП РФ, а также материалы из архивов Китая и Монголии.

Все тексты документов тщательно сверяются с подлинниками, а там, где они не сохранились – с архивными копиями, выявляются максимально полно все случаи предшествовавших публикаций, если таковые были. Однако большая часть документов впервые вводится в научный оборот либо впервые публикуется в полном объеме. Причем речь идет не о документах второго плана, а о важнейших источниках или целых комплексах и коллекциях документов. Так, впервые опубликован текст статейного списка миссии Ф.А. Головина, заключившего Нерчинский договор (1689), первый договор Китая с европейским государством. Также впервые увидели свет в полном объеме документы посольства графа Ю.А. Головкина в Китай (1805–1806). До этого многие исследователи считали их безвозвратно утерянными.

Еще в большей степени введение в научный оборот новых документов относится к 1937–1945 гг.

За предшествовавшие столетия было опубликовано немало документов об истории русско-китайских отношений. Но, как правило, это были разрозненные и бессистемные публикации либо сборники только договоров и соглашений, что не позволяло в полной мере и в хронологической последовательности воссоздать развитие взаимоотношений двух держав.

Составители документальной серии во главе с В.С. Мясниковым восполнили и этот пробел, публикуя не только документы важнейших событий (посольства, заключение договоров и их тексты), но и освещая менее яркие, однако не менее значимые моменты, что способствовало воссозданию отношений в максимальной полноте и в развитии.

Все тома серии – суть звенья одной большой цепи. Вместе с тем каждый том тематически привязан к определенному событию в истории русско-китайских отношений, поэтому он одновременно представляет собой и самостоятельное издание. Подробные историческое и археографическое введения к каждому тому вместе с приложениями, географическим и аннотированным именованным указателями, терминологическим словарем и подробными примечаниями, нередко включающими в себя целые документы, не вошедшие в основной корпус, дают полное представление о состоянии русско-китайских отношений на определенном этапе их развития.

Включение в сборник не только документов на русском языке и в переводе с официальных языков тогдашнего Китая – китайского, маньчжурского, монгольского, а также латинского, языка-посредника в русско-китайских отношениях в XVII – первой половине XVIII в., но и некоторых дипломатических документов западных стран (Англии, Франции, Голландии и др.) – несомненное достоинство документальной серии, позволяющее проследить реакцию Западной Европы на развитие русско-китайских отношений. По общему признанию исследователей, все переводы выполнены на высоком профессиональном уровне с учетом языка и иных реалий соответствующей страны и эпохи.

Изданные документы, представленные в историческом срезе, воссоздают все особенности развития взаимоотношений двух соседних стран, принадлежащих к различным цивилизационным мирам. Они позволяют, с одной стороны, проследить гибкость и последовательность российской дипломатии в отстаивании государственных интересов, направленных на постепенную корректировку китаецентристских взглядов цинских властей во взаимоотношениях с Россией, а с другой – высветить и проанализировать основы традиционной китайской дипломатии.

Документы изданных томов отражают еще одну особенность русско-китайских отношений XVII – начала XIX в. В то время цинский Китай проводил изоляционистскую внешнюю политику “закрытых дверей”. Достаточно вспомнить тщетность попыток Великобритании в конце XVIII – начале XIX в., а еще раньше, в XVI – начале XVII в., Португалии, Испании и Голландии, направлявших своих послов в Китай для установления отношений с ним. Вместе с тем русские посольства с начала XVII в. неоднократно снаряжались в Китай и многие из них были приняты цинскими императорами. Цинское правительство дважды в XVIII в. направляло своих послов в Россию, единственную из европейских государств. Более того, с начала XVIII в. в Пекине находилась Российская духовная миссия, осуществлявшая с согласия цинских властей функции неофициального дипломатического представительства России в Китае. В стенах миссии зародилось и развивалось отечественное китаеведение, что со временем позволило российской дипломатии в своей дальневосточной политике опираться на научные знания. Сборники содержат документы, характеризующие статус и деятельность миссии.

Особое место занимает том, посвященный советско-китайским отношениям периода японо-китайской войны, открывающий серию сборников о взаимоотношениях Советского Союза и Китая в 1917–1991 гг. Он охватывает период предельно насыщенный событиями в жизни обоих государств и в общем мировом масштабе. Главным и самым трагическим из них стала вторая мировая война, в которую были втянуты и СССР, и Китай. В том включены официальные дипломатические документы. Помимо двух договоров, заключенных между СССР и Китаем о ненападении от 21 августа 1937 г. и о дружбе и союзе двух стран от 14 августа 1945 г., а также торгового договора от 16 июля 1939 г. и соглашений по отдельным конкретным вопросам, в сборнике помещены записи бесед руководителей СССР, в том числе И.В. Сталина с главами китайских делегаций, приезжавших в СССР с официальными миссиями; меморандумы и ноты, записи бесед на уровне дипломатических служб СССР и Китая, телеграммы и письма советских полпредов в Москву относительно китайской политики, служебные материалы Посольства СССР в Китайской Республике, 1-го Дальневосточного отдела Наркомата иностранных дел СССР и другие материалы. Составители сочли необходимым включить в сборник документы и материалы о переговорном процессе в Лиге Наций по вопросу об оказании международной помощи Китаю в борьбе против агрессии Японии, опубликованные ранее в “Foreign relations of the United States. Diplomatic papers”¹¹. Отмеченные достоинства данной серии позволяют отнести ее к разряду *академических*.

Анализ огромного объема документов, включенных как в уже вышедшие, так и в готовящиеся тома, позволил сформулировать научно обоснованную концепцию русско-китайских отношений. Суть ее заключается в том, что исторический позитивный опыт этих отношений значительно превышает негативные моменты, возникавшие в отдельные сравнительно короткие отрезки времени и решавшиеся также мирным путем – путем переговоров и консультаций, заключения договоров и соглашений. Это историческое достижение устойчивых мирных отношений двух государств-соседей обращено не только в прошлое, но в значительной степени, в настоящее и будущее. Работа над очередными томами серии продолжается.

Документальная серия “Русско-китайские отношения” – уникальное из-

¹¹ Foreign relations of the United States. Diplomatic papers, 1937. Vol. 3: Far East. Washington, 1938; Foreign relations of the United States. Diplomatic papers, 1943. Vol. 3: China. Washington, 1944.

дание, не имеющее аналогов в мировом китаеведении. Известный американский историк Клифорд Фоуст расценил ее как “ряд превосходных томов”¹². В КНР два тома по истории отношений в XVII в. переведены на китайский язык и изданы в объеме трех томов¹³.

Углубленная проработка мощного пласта архивных материалов, не только отечественных, но и зарубежных архивов, позволила В.С. Мясникову параллельно с источниковедческой работой вести исследования, построенные в основном на этих материалах, а также на трудах своих предшественников. И здесь, прежде всего, следует выделить монографию В. С. Мясникова “Империя Цин и Русское государство в XVII веке” (М., 1980). Она посвящена изучению начального, но, тем не менее, крайне насыщенного различными дипломатическими, да и не только дипломатическими, но и остро конфликтными (неоднократные осады цинскими войсками русского острога Албазин в 80-е годы XVII в.) событиями периода.

В монографии прослеживается эволюция развития русско-китайских отношений от эпизодических контактов в XVI и первой половине XVII вв. до первых в истории двух государств дипломатических переговоров об определении границ, так называемой Нерчинской конференции, завершившейся подписанием в 1689 г. Нерчинского договора – первого в истории взаимоотношений России и Китая и первого в истории Китая договора с европейским государством.

Скрупулезный анализ текста договора, а также широкого круга источников, связанных не только с Нерчинским договором, но и с внутривосточными событиями в обоих государствах, их внешнеполитическими акциями и планами, позволил В.С. Мясникову, наряду с признанием хрупкости и несовершенства договора, о чем писали и пишут многие исследователи, сделать главный акцент на непреходящем историческом его значении “как первого международного правового акта, способствовавшего ликвидации конфликтной ситуации на заре международных отношений на Дальнем Востоке”¹⁴.

В поисках новых источников В.С. Мясников работал не только в отечественных, но и в зарубежных архивах, в том числе и китайских. Разработку истории раннего периода русско-китайских отношений по китайским источникам он начал еще в 1958 г., находясь в командировке в КНР по приглашению АН Китая. Тогда он познакомился с материалами Архива династий Мин и Цин музея Гугун¹⁵, стал покупать в букинистических магазинах старые книги и целые коллекции ксилографов по истории русско-китайских отношений.

Внимательное изучение китайских источников, специальных сочинений и древних трактатов позволило В.С. Мясникову всесторонне проанализировать средневековую китайскую дипломатию, определить ее особенности, вскрыть содержание. Средневековая китайская дипломатия, по мнению В.С. Мясникова, была основана на философско-политических воззрениях Древнего Китая, главным образом на конфуцианстве, а стратегические идеи и методы она черпала из древнекитайского военного искусства. Наконец, другой ее особенностью был исключительно разработанный дипломатический церемониал, направленный на утверждение превосходства Китая над всеми, с кем он ко-

¹² Canadian-American slavic studies. 1982. Vol. 16. № 3/4. P. 543. The Russian enlightenment. Fallwinter.

¹³ Ши ци шици Э Чжун гуаньси. (Русско-китайские отношения в XVII веке). Пекин, 1978. Т. 1–3. 963 с. (на кит. яз.).

¹⁴ Мясников В.С. Историческое значение Нерчинского договора // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: Сб. статей. М., 1993. С. 90.

¹⁵ Гугун – императорский дворец двух династий Мин и Цин. С XV в. до начала XX в. он служил зимней резиденцией китайских императоров. В настоящее время – главный музей КНР.

гда-либо вступал в контакты. Эти три составляющие и определяли специфику средневековой китайской дипломатии по сравнению с дипломатией любой другой феодальной империи.

Проанализировав документы, собиравшиеся в императорской канцелярии (*нэйгэ*) и во внешнеполитическом ведомстве (*лифанюань*), автор пришел к выводу о том, что их главным назначением было создание основы для стратегических замыслов китайской дипломатии. Термин “стратегичность” означает военную хитрость, действие которой вводит противника в заблуждение.

Дипломатическая стратегема, по-китайски “цэ” или “цэлюэ”, “фанлюэ” – это “нацеленный на решение крупной внешнеполитической задачи план, рассчитанный на длительный период и отвечающий государственным или национальным интересам так, как они интерпретируются господствующим классом”¹⁶.

Стратегическим планом цинской дипломатии XVII в. было обеспечение военных акций будущих территориальных захватов, выполнявших при этом две функции: подготовку военных действий и последующее закрепление их результатов. Анализируя источник “Стратегические планы усмирения русских”, автор приоткрыл тайну действия механизма, способствовавшего реализации внешней политики Цинов, и то, как цинский император вынашивал, составлял, а затем в течение двух десятилетий реализовывал стратегию, нацеленную на вытеснение русских из Приамурья.

И еще один существенный момент открытия стратегичности китайской дипломатии, на который нельзя не обратить внимания – это ее источниковедческий аспект. В.С. Мясников теоретически обосновал и доказал путем анализа большого комплекса китайских источников, что документы цинской эпохи, содержащие трактовки международных или внешнеполитических дел, отражают не столько объективные реалии (насколько это было возможно в условиях изоляционистской внешней политики Цинов и господства в цинской дипломатии китаецентристских конфуцианских представлений), сколько внесенные в этот процесс субъективные элементы, порожденные стратегическими замыслами китайских правителей, либо разработчиков стратегического внешнеполитического курса цинской дипломатии.

Вывод В.С. Мясникова о стратегичности китайской дипломатии был положительно воспринят мировым китаеведением. Книга дважды издавалась у нас, переведена на английский и французский языки. В более кратком виде он изложил концепцию стратегичности китайской дипломатии в предисловии к русскому изданию и в комментариях к переводу книги швейцарского ученого Х. фон Зенгера “Стратегемы”. Автор книги, отдавая должное открытию В.С. Мясникова, признает, что он “может считаться пионером китаеведческих стратегических исследований на Западе”¹⁷.

Занимаясь на протяжении многих лет исследованием источников по истории русско-китайских отношений и средневековой китайской дипломатии, В.С. Мясников вел разработку и такой актуальной проблемы, как история формирования русско-китайской границы, завершившуюся изданием монографии “Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв.” (М., 1996). Тема очень сложная, учитывая позицию китайской стороны по этому вопросу, и вместе с тем и в связи с тем, весьма актуальная, учитывая также и тот факт, что даже после рас-

¹⁶ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 51.

¹⁷ Зенгер Х. фон. Стратегемы: О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. М., 1995. С. 19.

пада СССР российско-китайская граница остается одной из самых протяженных в мире. Формирование границы России с Китаем – длительный и многоплановый исторический процесс, начавшийся в XVII в. и продолжающийся до наших дней.

Монография В.С. Мясникова – первое в мировом китаеведении, равно как и в исторической науке, фундаментальное исследование такой острой политической проблемы взаимоотношений соседних государств, как формирование государственной границы. В книге впервые в мировом источниковедении дан анализ всех договоров, заключенных нашей страной с Китаем, начиная с Нерчинского договора 1689 г. и заключая Соглашениями и от 16 мая 1991 г., и от 3 сентября 1994 г. Причем тексты двух последних из них были опубликованы впервые.

В заключительном разделе книги, озаглавленном “Будет ли заключение?”, автор ратует за заключение нового договора о границе между Россией и Китаем и научно обосновывает необходимость этого.

Анализируя современную внутреннюю ситуацию в России и Китае, и важнейшие тенденции в их развитии, а также бурное развитие контактов на различных уровнях от правительственных до “челноков”, В.С. Мясников приходит к выводу, что Соглашения 1991 и 1994 гг., хотя и являются важными вехами в истории формирования нашей границы, но не решают всех проблем современного состояния российско-китайских отношений. Об этом писал академик В.С. Мясников в 1996 г.

16 июля 2001 г. в Москве был подписан новый российско-китайский Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, одна из статей которого посвящена решению вопроса о границе.

Логическим продолжением книги “Договорными статьями утвердили”, равно как и всех предыдущих работ академика В.С. Мясникова, стало издание коллективной монографии “Границы Китая: история формирования”¹⁸, осуществленное под его руководством.

Появление такого солидного научного труда стало возможным благодаря открытию и рассекречиванию многих фондов отечественных архивов, общей политики открытости, проводимой в последнее десятилетие в нашей стране. Все исследование построено как на отечественных источниках, так и на зарубежных. Существенное расширение и обогащение документальной основы столь актуального в научном и практическом значении исследования позволило его авторам воссоздать историческую канву формирования границ цинского Китая, Китайской Республики, Китайской Народной Республики.

Складывание государственной территории Китая происходило, как это показано в книге, в соответствии с общими историческими закономерностями, но при этом имело и свою специфику. Суть ее, по мнению В.С. Мясникова, заключалась в том, что на протяжении всей истории китайской государственности собственно китайские империи (Цинь, Хань, Суй, Тан, Мин) неизменно стремились “расширить сферу своего владычества за счет приобщения к китайской цивилизации части соседней варварской периферии”¹⁹. Этот процесс был отражением скорее общего, чем специфически китайского: аналогичную картину можно было наблюдать практически повсеместно при формировании государственных территорий. Но в Китае не всегда так было. В отдельные периоды обитатели варварской периферии – кидани, чжурчжэни, тангуты, монголы, маньчжуры, японцы – создавали собственные

¹⁸ Границы Китая: история формирования / Под общей ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001.

¹⁹ Там же. С. 5.

государства, правители которых, укрепившись во власти, в свою очередь, совершали военные походы в “застенный” Китай, намереваясь завоевать его.

Таким завоевателям, как монголы и маньчжуры, удалось на длительное время подчинить себе Китай, воцариться на китайском троне и значительно расширить имперские земли в первую очередь за счет присоединения к Китаю собственных владений. Уникальный исторический пример, когда завоеватели не отторгали территории покоренных государств, а приумножали их. Подобный механизм расширения государственной территории Китая на протяжении многих веков оставался неизменным, и параллельно с этим шел процесс формирования его государственных границ.

“Границы Китая: история формирования” – это первое в мировом Китае-ведении комплексное исследование, завершающегося в наше время многовекового процесса складывания, утверждения и договорно-правового оформления территории Китая по всему периметру его границ – сухопутных и морских. Значительная часть монографии посвящена истории формирования русско-китайской границы, что вполне естественно. Положения нового российско-китайского договора 2001 г. о том, что у России и Китая нет взаимных территориальных притязаний, строятся на прочном историческом фундаменте. Данное исследование нацелено на реализацию положений договора о развитии добрососедских российско-китайских отношений, равно как и установление мира и стабильности в регионах Северо-Восточной, Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии.

Политическая реальность подвела черту под многолетним исследованием истории русско-китайских отношений академика В.С. Мясникова, правильность которого была многократно проверена и подтверждена практикой. А на подходе новые тома, близится к завершению еще одна монография, сделаны наброски новых книг и статей. И снова, как все предыдущие труды, они будут построены на тщательной проработке первоисточников.

Источники, источниковедение – основа научных исследований – по-прежнему убежден академик В.С. Мясников. Справедливость этого положения он доказывает всей своей деятельностью.

Е.В. Белякова

Я.Н. ЩАПОВ – АРХЕОГРАФ

Ярослав Николаевич Шапов пришел в отечественную археографию тогда, когда это направление отнюдь не пользовалось популярностью среди историков. Изучение средневековых рукописных книг исключительно церковного содержания мало соответствовало духу времени. Исследование традиционной книжности, начатое еще в XIX в., в советский период стало возможно лишь в строго ограниченном виде (преимущественно изучались летописи, актовый материал и т.п.). Одной из насущных задач археографии было сохранение средневекового рукописного наследия, интерес к которому в обществе был утрачен.

С 1952 г. Я.Н. Шапов, поступив после окончания МГУ сотрудником Отдела рукописей ГБЛ, начал принимать участие под руководством И.М. Кудрявцева в работе по описанию рукописных книг¹, а также в археографических экспедициях.

ОР ГБЛ по согласованию с Министерством культуры РСФСР в 1950-е годы проводил проверку состояния рукописей, хранившихся в районных библиотеках и музеях. Уже первые проверки показали, что в большинстве случаев рукописи находились в совершенно неудовлетворительном состоянии: отсутствовали порой даже инвентарные описи, не имелось подходящих хранилищ. В результате поездок Я.Н. Шапова в Вологду и ознакомления с положением рукописей Вологодской областной библиотеки им. В.И. Бабушкина, Вологодского областного краеведческого музея (ныне Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник) в 1953 г. значительное число рукописей (193) было передано из Вологодской областной библиотеки, где им не находилось читателя и они считались обузой, в ГБЛ. Здесь эти рукописи выделили в особый фонд 354 (Вологодское собрание). В 1955 г. Я.Н. Шапов совместно с М.Б. Шарковой, Т.Б. Уховой и И.М. Кудрявцевым составили машинописное описание фонда, в котором после дополнительных присоединений стало насчитываться 248 ед. хр.² В результате этой поездки среди поступивших рукописей особо отметим первую пьесу русского театра XVII в. “Артаксерксово действо”, текст которой считался утраченным.

Весьма неутешительными оказались итоги поездки 1955 г. по библиотекам и музеям Вельска, Сольвычегодска, Яренска, Великого Устюга. Так, в отчете было, например, отмечено: “В Вельском краеведческом музее рукописи находились под потолком бывшего собора, над зрительным залом кино. В летнее время здесь жарко и чрезмерно сухо, зимой стены покрываются инеем, в помещении холодно и очень сыро. Рукописные материалы, ко-

¹ Кудрявцев И.М., Голубцова Е.И., Майкова К.А., Шапов Я.Н. Рукописи, поступившие в 1952 г. // ЗОР ГБЛ. М., 1952. Вып. 15. С. 119–144.

² Обзор и историю Вологодского собрания с использованием неопубликованного материала, написанного Я.Н. Шаповым, см.: Рукописные собрания государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина: Указатель. М., 1996. Т. 1, вып. 3. С. 121–145. В обзоре (с. 137) говорится, что на состав собрания оказали влияние “пристрастия и вкусы сотрудника ОР ГБЛ Я.Н. Шапова”.

торых там довольно много, не учтены и содержание их было мало известно руководству музея. Охранная опись, составленная в 1950 г. В.И. Малышевым, утеряна”³. В 1955 г. часть собрания Великоустюжского краеведческого музея, выделенная Я.Н. Шаповым и хранителем музея Е.С. Мансветовой, была передана в ГБЛ⁴.

В 1955 г. Я.Н. Шапов знакомится с состоянием рукописей в Кировской областной библиотеке, краеведческом художественном музее в г. Слободском. Результат – охранная опись на 153 рукописи бывшей Вятской духовной семинарии.

По инициативе ОР ГБЛ Минкультом РСФСР было составлено директивное письмо всем областным отделам культуры с предложением дать сведения о рукописных материалах. Это письмо, как свидетельствовали сотрудники ГБЛ, поставило большинство местных работников в тупик, так как они не имели ни малейшего представления о хранящихся в их подразделениях рукописных книгах. Другая цель, намеченная библиотекой – разыскание рукописей у населения. Рукописи, находившиеся на руках, после смерти владельцев часто погибали. Экспедициям стали известны многочисленные случаи такого рода: “В деревне Кельях (Горьковская область) после смерти М.А. Пальцевой, жившей в последней старообрядческой келье, под ее крыльцом было обнаружено значительное количество сгнивших рукописей и старопечатных книг, спрятанных ею туда в 1930-х годах”⁵; в другой деревне сгорел дом Ивана Гавриловича Блинова, известного писца рукописей XIX в., при этом в доме погибла и книжная коллекция.

В 1956 г. во время первой экспедиции, организованной московскими археографами в заволжскую часть Горьковской области, Я.Н. Шапову и Б.А. Шлихтеру удалось за один месяц собрать 55 рукописных книг XV–XX вв. Среди приобретений экспедиции – Триодь последней четверти XV в. В своей статье Я.Н. Шапов дал объяснение причинам гибели книг и писал о “необходимости скорейшего собирания памятников письменной культуры прошлого на территории Горьковской области. Откладывать собирание памятников рукописной старины больше нельзя. В то же время наша поездка наглядно свидетельствует о том, что на территории Горьковской области сохранилось еще немало ценных рукописных книг, и тщательное археографическое обследование области целесообразно”⁶. Таким образом, полевая археографическая работа Я.Н. Шапова началась одновременно с деятельностью Археографической комиссии АН СССР, возрожденной в 1956 г.

Я.Н. Шапов участвовал в экспедиции в Горьковскую область и в 1957 г., а в 1958 г. – вместе с Н.Б. Тихомировым⁷, ставшим впоследствии известным археографом. В это время уже установились способы работы экспедиции: привлечение краеведов, учителей, сотрудников местных газет. О значении сбора рукописных книг и их ценности для исторической науки печатались статьи в областных и краевых газетах. Я.Н. Шаповым, отчасти в соавторстве с коллегами, были опубликованы следующие статьи в 1956 г.: “Древние ру-

³ Кудрявцев И.М., Шлихтер Б.А., Шапов Я.Н. Археографические поездки Отдела рукописей ГБЛ в 1953–1956 гг. // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 268.

⁴ Собрание Великоустюжского районного краеведческого музея. Ф. 122 // Рукописные собрания ГБЛ. Т. 1, вып. 3. С. 152–157.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Шапов Я.Н. Археографическая экспедиция в Горьковскую область // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 613–614.

⁷ Кобрин В.Б., Маматова Е.П., Тихомиров Н.Б., Шлихтер Б.А., Шапов Я.Н. Археографические поездки Отдела рукописей ГБЛ в 1957–1958 гг. // ЗОР ГБЛ. М., 1959. Вып. 21. С. 258–261; Турилов А.А. Николай Борисович Тихомиров (1927–2000) // АЕ за 2000 год. М., 2001.

кописи в нашей области” (“Горьковская правда”, 27 июля), “Будем собирать древние рукописи” (“Городецкая правда”, 1 авг.), “Сбор древних рукописей в нашем районе” (“Семеновская правда”, 8 авг.); в 1957 г.: “Поиски рукописей продолжают” (Там же. 30 июня), “Старинные письменные книги в Залесном районе” (“Залесная правда”, 4 июля); в 1958 г.: “Старинные рукописные книги” (“Социалистическая стройка”. Красные Баки, 22 июня), “Сохранить старинные рукописные книги” (“Колхозная победа”. Воскресенское на Ветлуге, 25 июня); и др.

Экспедиции, как было сказано в итоговом отчете, “все время сталкивались со случаями гибели рукописей”⁸.

Я.Н. Шапов участвовал в экспедициях ОР ГБЛ и в 1960, и 1962 гг., будучи уже сотрудником Института истории АН СССР. Эти экспедиции ставили своей задачей спасение рукописей от гибели и помогли сохранить ценный для истории Отечества рукописный фонд. Описания вновь поступивших в библиотеку рукописей, выполненные в том числе и Я.Н. Шаповым, публиковались в ЗОР ГБЛ.

В 1959 г. вышло подготовленное Я.Н. Шаповым описание рукописного собрания И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича⁹. Описание охватило 134 рукописи, попавшие в Румянцевский музей из коллекции известного собирателя И.Я. Лукашевича, жившего в Полтавской губернии, и приобретенного им частично собрания украинского историка и этнографа Н.А. Маркевича. В издание включено изложение истории самого фонда вместе с биографией владельца и рассказ о том, как часть коллекции Н.А. Маркевича попала к И.Я. Лукашевичу. Среди описанных рукописей – Кормчая второй половины XVI в., Сказание черноризца Храбра о письменах (список последней четверти XVI в.), Сербский летописец XVII в., Апостол-апракос XIV в., Торжественник последней четверти XV в. с уникальными записями писца и другие тексты, которые впервые стали доступными историкам.

Занимаясь в Институте истории СССР АН СССР изучением памятников церковного права, Я.Н. Шапов продолжил работу и по описанию рукописей.

Одной из постоянных тем занятий археографа стало изучение восточнославянских рукописей, хранящихся за рубежом. С этой целью историк использовал все свои зарубежные поездки. Им были изучены рукописи в хранилищах Мадрида, Парижа, Гейдельберга, Штутгарта, Мюнхена, Рима, Ватикана, Вены, Загреба, Белграда, Будапешта, Бухареста, Иерусалима и Синая. Далеко не все результаты этих работ опубликованы¹⁰.

Особое значение имело изучение Я.Н. Шаповым богатых коллекций восточнославянских рукописей Польши (Варшава, Краков, Люблин, Перемышль, Санок, Познань, Курник, Вроцлав). В собраниях архивах Польши оказались рукописи западнорусской митрополии, до сих пор мало известные отечественным историкам. Обзор польских собраний был сделан Я.Н. Шаповым в статье “Материалы по истории народов СССР в Польской Народной Республике”¹¹. Этот краткий очерк, к сожалению, не переизданный, как и статьи А.И. Рогова, дают важную информацию и являются единственными пособиями для исследователей, изучающих древнерусскую книжность, в истории которой западнорусская митрополия играла важную роль.

⁸ Там же. С. 260.

⁹ Шапов Я.Н. Собрание И.Я. Лукашевича и Н.А. Маркевича / Под ред. И.М. Кудрявцева. М., 1959.

¹⁰ См.: Шапов Я.Н. О моих занятиях историей России // Историки России о времени и о себе. Приложение к журналу “Исторический архив”. М., 1997. Вып. 1. С. 61.

¹¹ Шапов Я.Н. Материалы по истории народов СССР в Польской Народной Республике // ИСССР. М., 1971. № 5. С. 233–237.

В собрании Библиотеки майората Замойских (Национальная библиотека Варшавы) Я.Н. Шапову удалось выявить рукописи из собрания Полоцкого Софийского собора¹² и частично восстановить состав книг известной Академии Замойской. Ученым было сделано описание восточнославянских и южнославянских рукописных книг, находящихся в собраниях Польши (Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. М., 1976. Ч. 1–2). Они впервые стали достоянием широкого круга отечественных историков. Среди них – фрагменты древнеболгарского Супрасльского кодекса XI в., глаголической рукописи XIV в., 15 рукописей XV в., более 100 рукописей XVI в. В результате описания историк введена в научный оборот новая редакция Кормчей XV в. из Ягеллонского собрания. В приложении к описанию впервые была опубликована грамота Константинопольского патриарха Дионисия по списку XVII в., известная ранее историкам только по сообщениям польских писателей. Я.Н. Шапов опубликовал также новый список похвалы царю Симеону, перечень русских митрополитов, формуляр протокола об избрании в епископы, “правило и наказание о душегубстве” (всего около 20 приложений).

Из собрания Библиотеки Чарторыйских в Национальном музее в Кракове Я.Н. Шаповым был опубликован отрывок из западноукраинской хронографической компиляции конца XVI в. “О Руси святой” и о взаимоотношениях Руси и Польши X–XI вв.¹³

Историк издал также обзор греческих рукописей в собраниях Варшавы и Кракова, составленный на основе личного описания их в хранилищах¹⁴.

Работа в Синайском монастыре св. Екатерины дала возможность Я.Н. Шапову познакомиться со славянскими рукописями и опубликовать запись писца Добра на русском Апостоле (Месяцеслове) XII в.¹⁵ Ценные наблюдения были сделаны археографом при описании славянских рукописных книг Патриаршей библиотеки Иерусалима и нового собрания библиотеки Еврейского университета¹⁶.

Специальные теоретические статьи историк посвятил проблеме описания восточнославянской книжности за рубежом. В докладе на IX Международном съезде славистов в 1983 г. им были подведены итоги изучения русских, украинских и белорусских рукописей в хранилищах Европы и Северной Америки и предложена программа их использования как исторических источников¹⁷.

¹² Шапов Я.Н. О судьбе библиотеки Полоцкого Софийского собора // ВИ. 1974. № 6. С. 200–204; *Он же*. Библиотека Полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 262–288. *Szczapow J.N.* Cyrylickie księgi rękopiśmienne ze zbioru Biblioteki ordynacji Zamojskiej w Bibliotece Narodowej w Warszawie // Rocznik Biblioteki Narodowej. Warszawa, 1976. T. XI. С. 279–309.

¹³ Шапов Я.Н., Лимонов Ю.А. История Руси в западноукраинской хронографической компиляции XVI в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1975. М., 1976. С. 196–209.

¹⁴ Шапов Я.Н. Греческие рукописи в собраниях Варшавы и Кракова // ВВ. М., 1973. Т. 34. С. 257–261.

¹⁵ Шапов Я.Н. Новое о русском книгописце Добре, современнике “Слова о полку Игореве” // “Слово о полку Игореве” и его время. М., 1985. С. 375–383. *Он же*. Три дня в Синайском монастыре св. Екатерины // ГЕННАДИΟΣ. К 70-летию акад. Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 284–291.

¹⁶ Шапов Я.Н. Русские и славянские рукописи в Иерусалиме // Богословские труды. М., 1999. Сб. 35. С. 119–128.

¹⁷ Шапов Я.Н. Восточнославянская рукописная книга за рубежом и проблемы ее научного описания // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Сб. статей. Л., 1981. С. 38–48. *Он же*. Восточнославянская рукописная книга за рубежом как памятник истории и культуры. Вопросы ее изучения и введения в науку // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 283–295.

Тщательное изучение рукописей и глубокое знание древнерусской книжности дало возможность Я.Н. Шапову выявить ряд рукописей, содержащих книжные знаки XVI в., связанные с Иаковом, Соловецким игуменом, и проанализировать их характер как знаков заказчика рукописных книг. Ученый отметил две линии развития известных книжных знаков: одна – связана с игуменом Досифеем, другой тип художественно оформленного знака зафиксирован в рукописях XVI–XVII в., он приближается к владельческому знаку (экслибрису), выражающему отношение к книге заказчика-владельца¹⁸.

Находка археографа, ставшая возможной только благодаря внимательному палеографическому изучению рукописей – неизвестный молдавский “катастих” (книга записей различного вида государственных податей) 1606 г. на листах рукописи, принадлежавшей Петру Могиле. Исследователи этой рукописи не заметили молдавский текст, сохранившийся под более поздними записями¹⁹.

Обратим внимание на введение в науку Я.Н. Шаповым комплекса памятников, связанных своим происхождением с Туровской епископией, сохранившихся в списке XVII в., в том числе уставной записи XIV в.²⁰

Для изучения русской истории особое значение имеют труды Я.Н. Шапова по археографическому изучению памятников права. Я.Н. Шапов продолжил работу коллектива историков под руководством Б.Д. Грекова (В.П. Любимова, Н.Ф. Лаврова, М.Н. Тихомирова, Т.А. Гейерманс, Г.Е. Кочина), подготовивших издание Русской Правды. Для него были использованы 88 списков, дана их классификация и опубликованы различные редакции и изводы. Однако даже такой большой коллектив не взялся за работу по описанию состава тех сборников, куда входила Русская Правда. Как пояснил Б.Д. Греков, “полное и подробное описание всех рукописных сборников, в состав которых входит Правда, задержало бы выход настоящего издания на долгие годы...”²¹ Издание памятников, связанных с Русской Правдой, как было сформулировано Б.Д. Грековым, “составляет особую задачу”. О программе, предложенной репрессированным В.Н. Бенешевичем, тогда нельзя было упоминать.

В Институте истории АН СССР в то же время возник план издания древнерусских княжеских уставов под редакцией С.В. Юшкова, но работа остановилась на копировании списков из некоторых хранилищ. Были собраны фотокопии списков уставов В.М. Черновым.

Работа по изданию древнерусских княжеских уставов была проделана Я.Н. Шаповым. В подготовленное им издание вошли Устав князя Владимира в семи редакциях, Устав князя Ярослава в шести редакциях, Уставные грамоты и уставы XII – первой половины XV в., подтвердительные грамоты XV–XVI вв., анонимные уставы и уставные записи, в том числе и “Правосудие митрополичье”²². Эти памятники, большая часть которых была известна историкам, использовались очень ограниченно. Я.Н. Шапов обратил внимание исследователей на позднейшие переработки памятников, представляю-

¹⁸ Шапов Я.Н. Новые материалы к истории русского владельческого книжного знака XVI–XVII вв. // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Вторая всесоюзная конференция; Секция теоретических проблем библиофильства. М., 1974. С. 41–45; *Он же*. К истории русского книжного знака конца XV–XVII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 85–93.

¹⁹ Шапов Я.Н. Новый документ по истории Молдавии и молдавско-украинских связей XVII в. – “катастих” воеводы Семеона Могилы // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 154–160.

²⁰ Шапов Я.Н. Туровские уставы XIV в. о десятине // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 252–273.

²¹ Правда Русская / Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М; Л., 1940. Т. 1. Тексты. С. 8.

²² Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Шапов. Отв. ред. акад. Л.В. Черепнин. М., 1976.

щие самостоятельную ценность для историка. Издание получило высокую оценку, без него не может обойтись ни один исследователь русского права и истории русской церкви. Введенный в научный оборот материал древнерусских княжеских уставов дал основу для научного изучения положения церкви в древнерусском государстве и широко используется в трудах современных историков – С.М.Каштанова, Б.Н.Флори, Д.А.Баловнева и др.

Следующим этапом стало изучение Я.Н. Шаповым Кормчих книг – основного русского церковно-канонического свода. Я.Н. Шапов проделал сплошной просмотр рукописей Кормчих книг в хранилищах. Им были составлены описания 180 списков Кормчих, хранящихся как в отечественных архивах, так и в зарубежных. Изучение Кормчих позволило впервые в исторической науке дать аргументированные схемы взаимоотношения рукописей трех основных редакций славянской Кормчей: Древнеславянской, Сербской и Русской. Выводы Я.Н. Шапова о взаимоотношениях списков делались на основании изучения и состава Кормчих и палеографических особенностей.

По ряду важнейших списков Кормчих Я.Н. Шаповым были проведены археографические исследования, позволившие определить историю памятников: по списку Новгородской Синодальной Кормчей²³, по Кормчей Ефремовской редакции (Я.Н. Шаповым был найден новый список Древнеславянской редакции²⁴), Варсонофьевской Кормчей²⁵. Особое значение имело исследование Рашского списка Сербской редакции, оказавшегося разделенным между двух хранилищ: ГИМ (Воскр. № 29) и РГБ (Ф. 310 (В.М. Ундольский № 25 (27 листов))). Анализ палеографических особенностей списка позволил отвергнуть высказываемую некоторыми учеными гипотезу о двух рукописях, принадлежавших Рашскому епископу Григорию и подтвердить предположение о том, что рукопись РГБ представляет собой часть Рашского списка. Ученый сделал вывод о том, что рукопись сохранилась целиком, без утрат. Причиной ошибки в датировке рукописи, породившей представление о двух датах ее написания, явилось неправильное прочтение записи на рукописи составителем описи в XVIII в.²⁶ Я.Н. Шапов также сделал вывод о том, что Рашский список – древнейший полный сербский список. Он предложил сербскому ученому, профессору Д. Богдановичу, использовать его при подготовке издания Сербской кормчей.

Следствием изучения Кормчих явилось значительное расширение их археографической традиции: был введен в науку новый список XV в. Древнеславянской Кормчей, для Сербской редакции выявлены 17 ее русских списков. Из массы позднейших обработок русской редакции были выявлены и изучены 10 списков старшей Русской редакции XIII в. Одним из результатов исследования рукописей Кормчих явилось и выявление новых не известных ранее редакций: сокращенного Уваровского свода XIII в. и южнославянской Мазуринской редакции XIV в.²⁷

²³ Шапов Я.Н. К истории текста Новгородской Синодальной кормчей // Историко-археологический сборник. Артемию Владимировичу Арциховскому к шестидесятилетию со дня рождения... М., 1962. С. 295–301.

²⁴ Шапов Я.Н. О составе древнеславянской Кормчей Ефремовской редакции // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 207–215; *Он же*. Новый список Кормчей Ефремовской редакции // Там же. 1967. С. 257–274.

²⁵ Шапов Я.Н. Варсонофьевская Кормчая // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 93–101.

²⁶ Шапов Я.Н. Первоначальный состав Рашской кормчей книги 1305 г. // ЗОР ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 140–147.

²⁷ Под руководством Я.Н. Шапова Е.В. Беляковой, О.А. Князевской, И.П. Старостиной, Е.И. Соколовой подготовлена публикация “Мазуринская Кормчая – памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.” (Отв. ред. Я.Н. Шапов. М., 2002).

В опубликованном Я.Н. Шаповым в 1978 г. исследовании “Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII” (М., 1978) было дано описание 6 списков Древнеславянской редакции, 10 южнославянских и 27 восточнославянских списков Сербской редакции и 10 списков Русской редакции, а также впервые даны схемы взаимоотношения списков.

Во время работы по изучению Кормчих и сборников Я.Н. Шаповым было обнаружено шесть неизвестных списков Русской Правды: ГИМ. Муз. 3460 (вторая половина XVI в.), ГИМ. Епарх. 563 (середины XVII в.), ГИМ. Хлуд. Д. 79 (XVII в.)²⁸, из частного собрания М.Ф. Першина в Коврове (начало XVIII в.), БАН 21.11.11 (XVII в.), РНБ. Соф. 1176 (середины XVI в.).

Я.Н. Шапов выявил и опубликовал календарь из Псковской Кормчей XV в. (по трем спискам XV–XVI в., в том числе из собрания М.Н. Тихомирова в Новосибирске). Как показал исследователь, это – малоизученная компиляция, объединяющая собой византийскую и западноевропейскую календарные традиции. Он указал также круг опубликованных латинских и славянских памятников, близких к данной компиляции: каноник Скалигера (XIV в.), календарь Оксфордский (1337 г.), календарь из Монте-Касино (IX в.) и др.²⁹

Отдельные исследования Я.Н. Шапова были посвящены славянской рукописной традиции памятников византийского права – Прохирону³⁰ и Номоканону Иоанна Схоластика³¹, а также славянским обработкам византийских памятников – Закон Судный людем и Славянская Эклога³².

Исследование Древнеславянской редакции позволило Я.Н. Шапову опубликовать новый список “Летописца вскоре” патриарха Никифора, а также перечни епископов и патриархов Константинополя и Хронологическую справку о семи вселенских соборах. Изучение этих памятников дало возможность ученому определить иначе источники Летописца в Синодальной Кормчей и в Повести временных лет и пересмотреть положения А.А. Шахматова и Н.В. Степанова. Как писал Я.Н. Шапов, эти тексты “представляют первостепенный интерес для истории южнославянского и древнерусского летописания, а отчасти и византийской хронографии, поскольку они являются наиболее ранними переводами соответствующих византийских сочинений”³³.

Важные результаты археографического изучения рукописей, содержащих канонические памятники, были сформулированы в статьях “Некоторые юридические и канонические памятники в славянской письменности XII–XV вв.”³⁴ и “Археографическая методика исследования и издания памятников древнерусского права”³⁵. В статье для “Методического пособия...” впервые была дана классификация русских сборников канонического права и

²⁸ Шапов Я.Н. Новое о списках Русской Правды // ИА. 1959 № 4. С. 209–211; *Он же*. Новые списки Кормчих книг, содержащие Русскую Правду // ИСССР. 1964. № 2. С. 100–102; *Он же*. Русская Правда в новых списках Кормчих книг XVI–XVII вв. // АЕ за 1969 год. М., 1971. С. 70–72.

²⁹ Шапов Я.Н. Календарь в псковских рукописях XV–XVI вв. // ТОДРЛ. 1983. Т.37. С. 157–183.

³⁰ Шапов Я.Н. Прохирон в восточнославянской письменности // ВВ. М., 1977. Т. 38. С. 48–58.

³¹ Шапов Я.Н. Номоканон Иоанна Схоластика и Синтагма 14 титулов у славян в IX–X вв. // *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.–11. Jahrhundert*. Liblice. 20–23 Sept. 1977. Praha, 1978. S. 387–411.

³² Шапов Я.Н. Закон Судный Людем и Славянская Эклога: К истории Краткой редакции Закона на Руси // *Vyzantinoslavica*. Praha, 1985. Т. 46. N 1. P. 136–139; *Он же*. К изучению ранних славянских переводов византийских памятников права: Славянская Эклога и проблема ее возникновения // *The 17th International Byzantine Congress / Abstracts of Short Papers*. Washington, 1986. P. 310–311.

³³ Шапов Я.Н. Византийские хронографические сочинения в Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 230–263.

³⁴ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 268–272. Этот выпуск сразу же стал библиографической редкостью и давно назрела необходимость его переиздания.

³⁵ Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. статей. М., 1978. С. 8–21.

названы типы этих сборников. В статье, посвященной методике исследования, были сформулированы важнейшие принципы археографического изучения памятников права, появившиеся вследствие многолетней работы по их изучению и изданию. Как считает Я.Н. Шапов, принципиально важным для современного исследования источника является “требование рассмотрения его в той исторической среде, где он возник, в сопоставлении с источниками (и их сведениями) того же времени, но принадлежащими другим традициям”. Еще одно требование – “изучение письменного источника в совокупности всей его археографической традиции, а не одного или нескольких избранных списков”³⁶. Эти положения, не вызывающие, как правило, возражений, требуют от исследователей и издателей большой предварительной работы, которая не всегда выполняется. Так, издание Сербской кормчей, подготовку к которому начал еще русский историк в Югославии С.В. Троицкий, опубликовавший исследование-программу такого издания, а затем готовившееся международной комиссией под руководством академика Д. Богдановича, в настоящее время вылилось в фототипическое издание Иловицкого списка³⁷. Сборник “Мерило праведное” также имеет только фототипическое издание текста³⁸.

В указанной выше статье Я.Н. Шапов отмечает, что старший список далеко не всегда ближе всего стоит к архетипу. Старший список сохраняется достаточно случайно, в то время как изучение всей традиции позволяет правильно понять его место. На примере Устава Владимира, известного более чем в 100 списках, Я.Н. Шапов показывает, что старший список устава, сохранившийся в составе новгородской Синодальной кормчей 1282 г., не дает возможности видеть в нем наиболее раннюю редакцию: “Это новгородская обработка второй половины XIII в., отражающая особые черты конституции Новгородской республики, а более ранние тексты сохранились в списках Волынской кормчей и Архангельского сборника XVI в.”³⁹

Издание Древнеславянской Кормчей XIV титулов без толкований, выполненное В.Н. Бенешевичем на основании дефектного Ефремовского списка XII в. и не доведенное до конца, привело к тому, что исследователи стали воспринимать этот памятник в объеме издания. Опубликование коллективом под редакцией Я.Н. Шапова второго тома, содержащего утраченные в старшем списке тексты памятника, позволило исправить эту ошибку⁴⁰.

Я.Н. Шапов сформулировал требования к изданию юридического памятника: выделение в тексте не только фраз, но и клаузул и статей с размещением тех и других с абзаца, с нумерацией статей, даваемых издателем; правильное членение текста на фразы и статьи. Наряду с передачей особым шрифтом киноварных букв, необходимо снабжать специальным знаком буквы и инициалы в тексте списка, выделенные писцом особым написанием как заглавные, а также сохранять в издании обычные конечные знаки писцов, не употребляемые ныне. Современное издание требует передачи всех букв, имеющих в тексте, обозначаются концы строк и страниц, при необходимости с восполнением в различных скобках текстов из других списков. Другие списки даются в вариантах к основному: указываются смысловые разночтения (за-

³⁶ Шапов Я.Н. Археографическая методика исследования и издания памятников древнерусского права // Методика изучения древнейших источников... С. 8.

³⁷ Законоправило, или Номоканон светога Саве. Иловицкий препис 1262 година / Приредило и приложи Миодраг М. Петровић. Дечје Новине. Горњи Милановац, 1991.

³⁸ Мерило праведное. По рукописи XIV века / Изд. под набл. и со вступ. статьей акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961.

³⁹ Шапов Я.Н. Археографическая методика... С. 17.

⁴⁰ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований: Труд В.Н. Бенешевича. Т. II / Подг. к изд. и снабжен дополнениями Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым. Под общим рук. Я.Н. Шапова. София, 1987.

мена одного слова другим, добавления и пропуски слов), приводятся изменения грамматической формы слова (числа, падежа, грамматического рода, временной формы глагола).

Публикация каждой группы текста снабжается археографической легендой, содержащей все важнейшие сведения о списках: их датировке (с ее обоснованием), месте исследования, именах писцов, месте бытования списка, предшествующих публикациях и пр.⁴¹

Я.Н. Шапов сформулировал принцип необходимости привлечения лингвистов, так как без лингвистического изучения не могут быть окончательно решены вопросы о происхождении памятника⁴².

Особенностью работ ученого является то, что археографические наблюдения над списками памятника помогают исследователю решать вопросы об истории его распространения, о его значимости для культуры и права. Изучение рукописной традиции памятника – путь к пониманию его функционирования: “При сохранении документа в списках, относящихся к более позднему времени, чем его подлинник, вступает в силу закономерность, согласно которой, чем богаче сохранившаяся письменная традиция, тем с большей подробностью и достоверностью можно восстановить историю развития памятника после его создания”⁴³. Появление в тексте памятника крупных смысловых изменений отражает новые этапы в развитии права. “Археографическая традиция памятника может дать материал для изучения важного вопроса об ареале действительности этого памятника в определенное время, для которого другие источники ответа не дают”⁴⁴.

Работы Я.Н. Шапова⁴⁵ продолжают в отечественной науке традицию изучения памятников церковно-канонического права и дают основы для новых подходов к этим памятникам.

⁴¹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 7–10.

⁴² Шапов Я.Н. Археографическая методика... С. 20–21.

⁴³ Там же. С. 9.

⁴⁴ Там же. С. 12.

⁴⁵ Список работ Я.Н. Шапова см.: От Древней Руси к Новой России: Юбилейный сборник, посвященный 70-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Ярослава Николаевича Шапова (в печати).

Н.Ю. БУБНОВ – СОБИРАТЕЛЬ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПУБЛИКАТОР СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КНИГИ

Церковный раскол XVII в. – явление чрезвычайно многогранное. За внешне несложной коллизией – приведение переводных служебных текстов к греческому оригиналу – открылась бездна интерпретации прошлого и разительные противоречия во взглядах как на настоящее, так и на будущее огромной страны. Россия должна была встать на путь реформ, но свирепые (если не дикие) формы их проведения правительством с безусловно-стью порождали протест у определенной части людей неординарных, способных к критическому осмыслению происходящего. Конечно, и вожди старообрядчества порой совершали поступки, и тогда, и сейчас вызывающие неприятие (добровольное мученичество самосожжением), но нравственные устои старообрядческой среды в XIX в. показали свою жизнестойкость. Ведь именно им отечественная промышленность обязана появлением многих своих лидеров.

Непреходящим является и духовное наследие старообрядческих писателей, чьи труды нашли верных почитателей и бережных хранителей, благодаря которым они стали достоянием науки, долгое время уделяющей им пристальное внимание. Здесь следует назвать имена Я.Л. Барсова, П.А. Безсонова, В.Д. Бонч-Бруевича, В.Г. Дружинина, В.Н. Перетца, П.С. Смирнова, А.К. Бороздина, Н.К. Гудзия, В.И. Малышева, Л.А. Дмитриева, В.В. Лукьянова, Н.Н. Покровского, А.Н. Робинсона, Н.С. Демковой.

Устойчивым остается интерес к старообрядческой литературе в стенах нашего старейшего научного учреждения – Библиотеки Академии наук. В 2001 г. исполнилось столетие первой в России археографической экспедиции, предпринятой заведующим Рукописным отделением Библиотеки (образовано в 1900 г.) – В.И. Срезневским. В результате этой экспедиции из Олонецкого края были привезены первые рукописи, давшие представление об огромной “крестьянской библиотеке”. Тогда же была разработана программа научного описания хранящихся в Библиотеке рукописей, значительную часть которых составляют книги старообрядцев, вопреки гонениям властей два с половиной века бережно хранивших сокровища культурного наследия. Свидетельством признания вклада Библиотеки в изучение “староверия” стала передача ей рукописного собрания известного знатока и исследователя старообрядчества члена-корреспондента Академии наук В.Г. Дружинина. В сущности, именно Рукописному отделу БАН суждено было стать основателем “полевой” археографии, в том смысле, как ее принято понимать в XX в. Там, в экспедиции БАН, были сделаны первые экспедиционные шаги В.И. Малышева – основателя Древлехранилища Пушкинского Дома, в свою очередь повлиявшего на все археографические школы страны.

Николай Юрьевич Бубнов – представитель старой “бановской школы” в археографии, известной трудами В.И. Срезневского, Ф.И. Покровского, В.Ф. Покровской, Н.Н. Зарубина, А.И. Копанева, М.В. Кукушкиной,

А.А. Амосова. Признаками этой школы стали: тщательный источниковый анализ памятников; включение их в контекст истории страны и, как следствие этого – пристальное внимание к начальным этапам становления и развития старообрядчества.

После окончания ЛГПИ им. А.И. Герцена, в 1963 г., Н.Ю. Бубнов пришел в Рукописный отдел БАН, в котором ведет разностороннюю творческую деятельность до настоящего времени. Молодой сотрудник сразу был привлечен А.И. Копаневым к участию в археографических экспедициях¹, где и определились его научные интересы², получившие оформление в успешно защищенной в ЛОИИ СССР кандидатской диссертации³.

К тому времени Н.Ю. Бубнов имел за плечами девятилетний опыт археографических экспедиций, описания рукописей БАН и ясное представление о произведениях раннего старообрядчества, положивших начало широкой низовой, оппозиционной самодержавию и господствующей церкви литературной традиции. Впрочем, хотя занятия их писаниями еще не стали основными (приходилось считаться с планами участия БАН в подготовке Сводного каталога славяно-русских рукописей), определилось направление многолетней научной работы – старообрядческая книга, выработаны основополагающие принципы и критерии выделения ее компонентов из огромного комплекса старообрядческой литературы.

Формирование исследователя завершилось, предстояла долгая кропотливая работа по описанию рукописей и изучению документальных и нарративных произведений писателей старообрядцев, их текстуальной и литературной взаимозависимости во временном развитии. На этом пути необходимо было наметить ясные задачи не только для себя⁴ (позднее они вылились в программу⁵), но и объединить исследователей, обращающихся к произведениям старообрядческих писателей, т.е. археографов-”полевиков” и авторов описаний книжных собраний как центральных научных учреждений, так и местных⁶.

В триединой задаче – собирание, изучение, описание рукописей – полевая археография создает надежную базу дальнейшей работы. Понимая это, Н.Ю. Бубнов стал участником и организатором 26 экспедиций на Север

¹ Бубнов Н.Ю., Копанев А.И. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР 1965 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 199–205; *Они же*. Археографические экспедиции 1966 и 1967 гг. в Медвежьегорский (Заонежье), Пудожский и Беломорский районы Карельской АССР и в Архангельскую область // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. Л., 1970. [Вып.] II. С. 327–336; *Они же*. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1968 г. в Вологодскую и Архангельскую области // Там же. Л., 1973. [Вып.] III. С. 445–456. См. также: Бубнов Н.Ю. А.И. Копанев: Воспоминания о совместных археографических экспедициях // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. СПб, 1992. С. 83–89.

² Бубнов Н.Ю. Книга раннего старообрядчества // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Вторая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. Тез. докл. М., 1974. С. 34–37.

³ Бубнов Н.Ю. Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975.

⁴ Бубнов Н.Ю. Основные задачи описания и издания старообрядческих рукописей // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 215–221.

⁵ Бубнов Н.Ю. Программа изучения старообрядческой письменности в Библиотеке Российской академии наук (Итоги и перспективы камеральной археографии) // Мир старообрядчества: Материалы международ. научн. конф. 21–24 ноября 1995 г.: Сб. научн. трудов. М., 1998. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы исследований русского старообрядчества. С. 51–56.

⁶ Бубнов Н.Ю. Писания русских старообрядцев (К проблеме создания репертуарного справочника-указателя старообрядческих сочинений) // Историография общественной мысли дореволюционного Урала: Сб. научн. трудов. Свердловск, 1988. С. 113–119.

Европейской части России – в Архангельскую, Вологодскую, Кировскую⁷ области, Карелию, а затем – в Прибалтику, на Украину. В результате этих экспедиций фонды БАН пополнились почти 2 тыс. рукописных и старопечатных книг, из которых составлено 8 новых рукописных территориальных собраний (Белокриницкое⁸, Беломорское, Вятское⁹, Двинское¹⁰, Казачье, Каргопольское¹¹, Неманское, Рижской Гребенщиковской общины¹²), а уже существовавшие коллекции были существенно пополнены¹³. Многие из найденных и привезенных в БАН рукописей прочно вошли в научный оборот благодаря Н.Ю. Бубнову¹⁴.

А ведь успех в работе со старообрядцами обусловлен не только специальными знаниями и незаурядной культурой, но чрезвычайным тактом археографа-полевика. О том, что Н.Ю. Бубнов обладает этими качествами, могут свидетельствовать позже слышанные одним из нас от далеко не общительных “бегунов” (“скрытников”) Каргополя добрые слова в его адрес (как, впрочем, и А.И. Копанева, и О.П. Лихачевой) и живую заинтересованность в складывании их судеб. Та же эрудиция, тактичность и доброжелательность отличают Николая Юрьевича – лектора для многочисленных экскурсантов Отдела рукописей БАН. Исследователи хорошо знают его исчерпывающие бескорыстные консультации.

⁷ Исследования книжно-рукописной традиции Вятского края осуществлялись, в частности, совместно с археографической экспедицией Уральского университета. Сотрудничество “старого” археографического центра с молодым уральским центром оказалось чрезвычайно полезным для анализа живой книжной традиции Вятки. Об этом см.: *Мосин А.Г.* К 25-летию археографического открытия Вятки // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 204–206.

⁸ *Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф.* К истории библиотеки Белокриницкой старообрядческой митрополии (По итогам археографических экспедиций Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР 1971–1972 гг.) // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 265–275; *Бубнов Н.Ю.* Из собрания белокриницких митрополитов. Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1974. М., 1975. С. 157–161.

⁹ *Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 гг. в Кировскую область // Сборник статей и материалов Библиотеки АН СССР по книговедению. [Вып.] III. С. 399–407; *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю., Петрова Л.А.* Полевые поиски на Вятке археографов БАН СССР в 1986–1988 гг. // К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования: По материалам археографических экспедиций 1984–1988 гг. Л., 1991. С. 26–45, 54–61, 67–73, 76–77.

¹⁰ *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю., Петрова Л.А.* Русская книга в Прибалтике // Памятники письменности: новые находки: Каталог-путеводитель по экспозиции археографических центров Северо-Запада и Севера Европейской части РСФСР на выставке “Полевая археология за 10 лет”, посвященной 10-летию Закона РСФСР “Об охране и использовании памятников истории и культуры”. Л., 1988. С. 66–78, 196.

¹¹ *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области (1975–1976) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 262–298. Каргопольское собрание БАН насчитывает почти 400 рукописей. Всего же рукописей, происходящих из этого “культурного заповедника”, с учетом находящихся в других собраниях Отдела – более 500.

¹² *Бубнов Н.Ю.* Рукописи из собрания Рижской Гребенщиковской общины в Библиотеке АН СССР // Книжное дело в России в XVI–XIX веках: Сб. научн. трудов. Л., 1980. С. 97–104.

¹³ *Бубнов Н.Ю., Кукушкина М.В.* Археографические экспедиции и формирование территориальных собраний в Библиотеке АН СССР (1971–1980) // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982. Ч. II. Памятники старинной письменности. С. 7–17; *Амосов А.А., Бубнов Н.Ю.* Новые поступления в Отдел рукописей Библиотеки АН СССР за 1977–1985 гг. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. 1985. Л., 1987. С. 277–283.

¹⁴ *Бубнов Н.Ю.* Ответы каргопольских странников (“О еже како на вопрошения отвецати пред властною”) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 284; *Он же.* Рукописное наследие пуустозерских узников (1667–1682 гг.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII – первой половине XIX в.: Сб. научн. трудов. Л., 1981. С. 69–84; *Он же.* “Псалма о Выгореции”. Рукописная и печатная книжность Карельского Поморья (По итогам археографической поездки 1980 г.) // Книга и библиотеки в России XIV – первой половине XIX века: Сб. научн. трудов. Л., 1982. Прил. I. С. 153–156; *Он же.* “О житии Адамаве” // Там же. Прил. II. С. 156–159.

Вместе с тем работа бок о бок с такими знатоками рукописей, как В.Ф. Покровская, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева в творческой и чрезвычайно доброжелательной атмосфере Отдела, созданной А.И. Копаневым и его преемниками, М.В. Кукушкиной и Л.И. Киселевой, несомненно, способствовали росту профессионального мастерства исследователя. Поначалу, как принято, ему доверяют подготовку указателя¹⁵, затем – полноправное участие в описании¹⁶, и, наконец, – самостоятельная работа: обзор пергаменных рукописей¹⁷. Н.Ю. Бубнов становится признанным знатоком рукописной книги (в период 1970–1997 гг. – ученый хранитель рукописей БАН), ему поручают подготовку методических пособий¹⁸, заказывают обзорные статьи, посвященные вопросам описания рукописей¹⁹.

Но сочинения писателей-старообрядцев и феномен старообрядческой книги остаются для него основной темой. Исследователь ясно понимает, что занимается отнюдь не приоритетным направлением исторической науки, оценивая его как альтернативное, побочное, но отражающее явление, к сожалению, не нашедшее должного изучения. Причиной тому стало восприятие отдельно взятых старообрядческих сочинений явлением чрезвычайно интересным, но единичным, уникальным. Однако защищенная Н.Ю. Бубновым в 1990 г. докторская диссертация²⁰ показала: в XVII в. “старообрядческое движение и его культура, нашедшие наиболее яркое отражение в старообрядческой книге и старообрядческой литературе... предстают как важная часть общерусской культуры”²¹. Книги сразу же получали широкое распространение, и потому “становились важным инструментом воздействия на развитие общественного сознания”²².

Источниковой базой диссертации стала коллекция старообрядческих рукописей БАН, одна из самых крупных в стране. К настоящему времени в свет вышли два выпуска систематического ее описания – “Сочинения писателей-старообрядцев XVII века” и “Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века”, – подготовленных Н.Ю. Бубновым²³. Особенность изда-

¹⁵ Именной указатель. Указатель географических названий / Сост. Н.Ю. Бубнов // Исторические сборники XV–XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская. М.; Л. 1965. Т. 3, вып. 2. С. 333–353, 354–361.

¹⁶ Исторические сборники XVIII–XIX вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева. Л., 1971. Т. 3, вып. 3; Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков / Сост. Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская. Л., 1976; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984 (см.: Указатель рукописей по хранилищам. С. 385–387).

¹⁷ Бубнов Н.Ю. Русские и славянские пергаменные рукописи Библиотеки АН СССР [Обзор] // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 195–220.

¹⁸ Он же. Славяно-русские прологи // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1. С. 274–296; Бубнов Н.Ю., Шапкина Л.Б. Некоторые вопросы сохранности и использования рукописного фонда Библиотеки АН СССР // Организация сохранности книжных фондов в академических библиотеках. Сб. науч. трудов. Л., 1986. С. 46–52; Бубнов Н.Ю. Инструкция по учету и технической обработке фондов // Организационно-распорядительная документация БАН СССР. Документы, регламентирующие деятельность Отдела рукописной и редкой книги. Л., 1988. Вып. 8. С. 59–67 (2-е изд. Л., 1990).

¹⁹ Бубнов Н.Ю. Первая Всесоюзная конференция по описанию и изданию памятников древней письменности // АЕ за 1979 год. М., 1981. С.348–350; Он же. Всесоюзный методологический семинар “Проблемы описания рукописей на современном этапе” // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 326–328.

²⁰ Он же. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы, эволюция: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Л., 1990.

²¹ Там же. С. 3–4.

²² Там же. С. 5.

²³ Сочинения писателей-старообрядцев XVII века. Описание Рукописного отдела БАН СССР / Сост. Н.Ю. Бубнов. Л., 1984. Т. 7, вып. 1.; Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII в. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук / Сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2001. Т. 7, вып. 2.

ния состоит в том, что в его основу положены не рукописи, а именно сочинения, вошедшие как в кодексы указанного периода, так и более поздние.

Из описанных в первом выпуске 133 рукописей XVII – начала XX в. лишь о половине была опубликована информация в научной литературе (только о семи подробная, сюда входит и широко известный Пустозерский сборник В.Г. Дружинина). В ходе работы над Описанием удалось обнаружить неизвестные ранее сочинения Аввакума и Игнатия Соловецкого, древнейшие списки сочинений, прежде известных лишь в поздних копиях. Несомненным подспорьем исследователям окажется и проведенное составителем определение редакций отдельных сочинений. Это проливает свет на многочисленные позднейшие переработки ранних произведений и тенденции интереса к ним.

Методика описания, принятая Н.Ю. Бубновым, получила признание коллег, посчитавших полную поstateйную роспись старообрядческих сочинений и изучения на этой основе их истории “примерной”, т.е. образцовой²⁴.

Во второй выпуск (посвящен 100-летию Рукописного отдела Библиотеки) вошло описание 180 рукописей, включающих в себя сочинения писателей первой половины XVIII в. – периода расцвета старообрядчества, освоившего к этому времени такую традиционную для русской книжности форму, как “Сборник” или “Цветник”, куда наряду с новыми сочинениями входили подчас и сочинения древнерусских авторов, что, несомненно, придавало больший вес старообрядческим писателям как хранителям заветов предков. Н.Ю. Бубнов считает это обстоятельство “несомненной удачей”²⁵. Здесь также обнаружены неизвестные науке сочинения или копии, переписанные непосредственно с автографов, установлено авторство и происхождение ряда текстов, числившихся ранее анонимными. Значительное место в выпуске заняло творчество талантливых писателей Выго-Лексинской поморской пустыни, старообрядцев Керженца, Вятки, Причудья, а также Санкт-Петербурга и Москвы. Как успех составителя следует отметить, что впервые в практике научных описаний получили подробный сюжетный анализ миниатюры, украшающие рукописи.

Описание рукописей во втором выпуске удалось (в отличие от первого) сгруппировать по тематическим разделам: сочинения догматические (сюда вошли и знаменитые “Поморские ответы”), агиографические и исторические (“Виноград российский”, “История о зачале Выговской пустыни” и др.), публицистические (сборники Слов старообрядческих наставников и “риторов”, Торжественники, включающие Слова, написанные известными наставниками Выга). Это, как справедливо полагает составитель, создает определенные удобства для читателей и позволяет “наглядно представить эволюцию текстов... сохранившихся в большом количестве списков”²⁶. Уже поэтому исследования Н.Ю. Бубнова становятся ключом для изучения большого числа старообрядческих сочинений, сохраненных в рукописных собраниях страны.

В дальнейшем предполагается довести публикацию описаний старообрядческих сочинений до XX в., дополнив их описанием старообрядческих переработок сочинений древнерусской литературы, тематических подборок и рукописей-автографов видных старообрядческих деятелей XVIII–XIX вв., а также имеющих отношение к старообрядчеству документальных сборников.

Чтобы понять, насколько важно изучение именно этого феномена – старообрядческой книги – приведем слова Н.Ю. Бубнова: “Изучение старооб-

²⁴ Кобяк Н.А., Круглова Т.А. Проблемы описания старообрядческих рукописей Русского Севера в составе территориальных собраний // Старообрядчество Русского Севера. Каргополь. 1998. С. 85.

²⁵ Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века. С. 4.

²⁶ Там же.

рядческой литературы... неотделимо от изучения старообрядческой рукописной книги. Многие ошибки... исследователей проистекают, на наш взгляд, из того, что они подходили к изучению отдельно взятых старообрядческих сочинений без должного учета их рукописно-книжной традиции и взаимодействия со всей старообрядческой письменностью рассматриваемого периода”²⁷. К тому же рукописное наследие старообрядческих писателей зачастую требует реконструкции текстов, поскольку сохранились они порой неполными, отрывочными и даже искаженными позднейшими переписчиками в составе “Цветников”.

Позже, на основе диссертации, Н.Ю. Бубнов подготовил монографию²⁸ (она посвящена памяти Александра Ильича Копанева), получившую прекрасные отзывы²⁹. Принципиальным отличием ее от предыдущих исследований стало видение в произведениях, подчиненных, казалось бы, узко-конфессиональным задачам, выражения настроений русского крестьянства в соединении с древнерусской литературной традицией. Исследователь убедительно показал в книге, что первые писатели-старообрядцы отнюдь не были противниками новаций в культуре. “Хорошо знакомые с широким кругом национальной и западноевропейской исторической и художественной литературы”, они искали путь выхода страны из относительной культурной изоляции³⁰. Хотя трудно согласиться с несколько прямолинейным тезисом об ослаблении церкви вследствие “раскола”, что сделало “возможным болезненный для страны и ее народа административный путь реализации культурных и экономических реформ, проведенных несколько десятилетий спустя Петром Великим”³¹.

Потомкам же остались сочинения старообрядцев, получившие оформление и распространение в самобытной книге (для XVII в. это – сборник догматико-публицистического характера)³², которая долгое время была запретной. Еще в конце XIX в. она находилась у своих “исконых” читателей (коллекционирование старообрядческой книги началось довольно поздно), которые активно использовали ее, переписывали и дополняли. Обретя свою форму (внешнее сходство с печатными “дониконианскими” книгами), старообрядческая книга стала и легко узнаваемой, только ей были присущи признаки, превратившиеся в своеобразный пароль. Возникшая как старообрядческий архив обширного обличительного материала (игумена Феоктиста³³, епископа Александра Вятского³⁴, материалы Федора Иванова³⁵), она довольно скоро трансформировалась в литературно-архивный сборник. Затем сложились сборники литературно-публицистические, куда могли входить слова, проповеди, поучения, “прения о вере”, переписка авторитетных членов общины (после соответствующей обработки), жития, повести о мучениях за веру, а также рассказы о противниках старообрядчества (для назидания, как пример отрицательный). Сутью такой книги стал ее состав, основанный на тщатель-

²⁷ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга... Автореф. дис. С. 3.

²⁸ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы, эволюция. СПб., 1995. 435 с.

²⁹ Pollock Stan. [Рец.] // Slavic Review. 1996. Vol. 55, num. 3. P. 682–684; Горфункель Александр. [Рец.] // Solanus. Nov. Ser. 1997. Vol. 11. P. 107–113; Поздеева И.В. [Рец.] // Книга: Исследования и материалы. М., 1997. № 74. С. 291–300.

³⁰ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России... С. 367.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 41.

³³ Подробный анализ состава архива см.: Там же. С. 50–60.

³⁴ Обзор личной библиотеки этого тайного противника патриарха Никона см.: Там же. С. 72–74.

³⁵ Указания на источники его сочинений см.: Там же. С. 63–68.

ном тематическом подборе. Так, на базе архива московской старообрядческой общины иноком Авраамием создан “Христианский щит веры против еретического ополчения” (1667–1669)³⁶. Но уже менее чем через десятилетие (1675–1676) возник литературно-публицистический сборник, включивший в себя сочинения Аввакума и Федора Иванова³⁷.

Тщательное изучение старообрядческих сочинений позволило автору выделить особенности книгописных старообрядческих центров – Московского, Соловецкого, Пустозерского, – характер созданных в них произведений, индивидуальные черты и судьбы их лидеров. В условиях острого конфликта с властями, как церковными, так и светскими, деятельность этих центров была чревата постоянной опасностью расправы. Но вместе с тем старообрядцы получали постоянную тайную поддержку, позволявшую собрать значительный архив документов, связанных с их борьбой против церковной реформы. Сформированные в сборники, “привязанные” к конкретным адресатам (царь, патриарх) и получившие этикетные названия (челобитные, послания, письма), документы приобрели литературно-публицистический характер, что в немалой степени способствовало привлечению к ним внимания читателей. А это, в свою очередь, обеспечивало их переписывание и, следовательно, сохранность.

Превосходное знание сочинений писателей-старообрядцев, их филигранный анализ позволили Н.Ю. Бубнову составить списки книг, созданных в книгописных центрах, а также выявить циклы сочинений, связанных с деятельностью отдельных писателей, и показать их влияние на русскую читательскую аудиторию. Привлекательность старообрядческих писаний обусловлена и литературным стилем их признанных вождей – протопопа Аввакума и инока Епифанья. Это – “не-что иное, как язык церковной учительной проповеди, положенный на бумагу”³⁸, т.е. язык, привычный многомиллионному крестьянству.

Став основной для Н.Ю. Бубнова, эта тема получила не только проницательного исследователя, но и превосходного популяризатора, способного в доступной форме поведать как о произведениях, так и о писателях-старообрядцах, и, конечно же, их антиподах³⁹. Начиная с первой газетной статьи⁴⁰, ученый настойчиво ведет просветительскую работу. Одним из лучших ее результатов стала выставка “Полевая археография за 10 лет”, где он готовил (совместно с А.А. Амосовым и Л.А. Петровой) раздел БАН⁴¹.

Последнее начинание Н.Ю. Бубнова – серийное издание “Памятники старообрядческой письменности”, где предполагается публиковать вновь най-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 40.

³⁸ Там же. С. 234.

³⁹ Бубнов Н.Ю. Никон (в миру Никита Минов) – патриарх Московский. Писатели и поэты XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1991. Т. XLV. С. 80–83; *Он же*. Феоктист – игумен московского Златоустовского монастыря // Там же. С. 155–156; *Он же*. Шушерин Иван Корнильевич – иподьякон, автор жизнеописания патриарха Никона // Там же. С. 175; *Он же*. Александр – епископ Вятский и Великопермский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. А–З. С. 55–59; *Он же*. Герасим Фирсов – соловецкий старец... // Там же. С. 193–196; *Он же*. Игнатий – черный дьякон Соловецкого монастыря // Там же. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. И–О. С. 24–26; Бубнов Н.Ю., Лаврентьев А.В. Иоанн Корнильев Шушерин-Рипатов (ум. 1693), иподиакон // Там же. С. 69–71; Бубнов Н.Ю. Никон (в миру Никита Минов) – патриарх Московский и всея Руси // Там же. С. 400–404; *Он же*. Сказания и повести о патриархе Никоне // Там же. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3. П–С. С. 459–462; *Он же*. Спиридон (в миру Симеон Потемкин), архимандрит Покровского монастыря в Москве // Там же. С. 490–493.

⁴⁰ Бубнов Н.Ю., Мартынов И.Ф. За книжными кладами // Кировская правда. 1970, 1 дек.

⁴¹ Памятники письменности: Новые находки. Каталог-путеводитель... С. 7–78.

денные и ранее не издававшиеся сочинения. В первый том серии вошел полный корпус сочинений старообрядческого писателя и публициста Игнатия Соловецкого (к его творчеству Н.Ю. Бубнов обратился еще в начале 1970-х годов)⁴², “Жалобница” поморских старцев против самосожжений, “Возвещение от сына духовного к отцу духовному” и ответ протопопа Аввакума, а также “Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума” (в керженской компиляции конца XVII – начала XVIII в.)⁴³. Исследователи получили здесь ранее неизвестные материалы для изучения старообрядческой письменной культуры в процессе ее становления, а любознательный читатель – интересный очерк, повествующий о трагических событиях осады и взятия Соловецкого монастыря (февраль 1676 г.) “государя ратными людьми”, судьбе и литературном творчестве дьякона Игнатия. Это, в свою очередь, может вызвать непосредственное обращение к эмоциональным произведениям “последнего осталца соловецкого”

Н.Ю. Бубнов считает, что писатели-старообрядцы, оставаясь в русле вековых традиций древнерусской письменности, отразили сложность и противоречивость переживаемой ими эпохи, сознательно противопоставили себя “придворной” культуре. Они создали своеобразную параллельную культуру, которая, несмотря на “потаенность”, вышла далеко за пределы собственно старообрядчества как влиянием непосредственно ими созданных писаний, так и литературных реминисценций русских писателей XVIII–XX вв. Такое понимание проблемы намного шире привычных представлений о круге чтения и исторических воззрениях староверов, их месте в жизни русского общества.

Н.Ю. Бубнов – в полном смысле слова продолжатель петербургской культурной традиции. Родом из интеллигентной питерской семьи, переживший в детстве ужасы блокады Ленинграда (от ее начала и до конца), он “крепок месту” – своей службе в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук. А приверженность однажды избранной теме, верность учителям и бережное развитие их традиций сулят нам новые встречи с интереснейшими открытиями исследователя, полного планов и постоянного в своем пристрастии к работе по избранной теме.

⁴² Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома: Сб. научн. трудов. Л., 1972. С. 92–94.

⁴³ Памятники старообрядческой письменности / Сост. Н.Ю. Бубнов, Н.С. Демкова, О.В. Чумичева. СПб., 1998.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2001 ГОДА
ВКЛАД ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА
В РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
И ИСТОРИОГРАФИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
(К 70-летию Историко-архивного института РГГУ)

С.О. Шмидт

ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОДРУЖЕСТВА
ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА
И АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Нынешние традиционные Тихомировские чтения посвящены юбилею Московского Государственного историко-архивного института. Это – совместное заседание с ИАИ в ставшем родным его помещении – в издавна знаменитом здании Печатного двора на Никольской улице. Творческие взаимосвязи АК и ИАИ начались отнюдь не с приходом к руководству нынешнего председателя АК, преподающего с 1949 г. в ИАИ, где и формировалась его научно-педагогическая школа источниковедения. В первой же книге основанного академиком М.Н. Тихомировым “Археографического ежегодника” – АЕ за 1957 год – публикуются статья доцента ИАИ И.А. Мироновой о записках декабриста И.Д. Якушкина и Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., составленный С.М. Каштановым в период работы (под руководством А.А. Зимина) над кандидатской диссертацией, а в АЕ за 1958 год – уже пять статей преподавателей ИАИ (Е.А. Каменцевой, А.Т. Николаевой, М.Н. Черноморского, Е.В. Чистяковой, С.О. Шмидта).

Конечно, для первого председателя возрожденной его усилиями АК главным местом преподавательской деятельности и очагом формирования его научной школы всегда оставался Московский университет; и Тихомиров гордился тем, что он и выпускник, и профессор университета. Но во второй половине 1930-х годов Тихомиров преподавал и в ИАИ; в 1937 г. составил Записку о задачах историко-архивного образования (выявленную и изученную С.В. Чирковым, о чем статья в АЕ за 1982 год), где и четкое определение – “специальные исторические дисциплины” (которые, на взгляд Тихомирова, “неправильно называют вспомогательные исторические дисциплины”). И именно в ИАИ был впервые в нашей стране прочитан в таком объеме лекционный курс источниковедения отечественной истории. Лекции М.Н. Тихомирова стали основой его книги 1940 г. “Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.,” утвержденной в качестве учебника для исторических факультетов университетов и педагогических институтов; ее редактором от Историко-архивного института был академик Ю.В. Готье (что указано на обороте титульного листа).

Михаил Николаевич Тихомиров и позднее был в определенной мере связан с ИАИ: согласился по просьбе А.С. Рословой стать членом Ученого сове-

та, руководил аспирантом В.И. Бугановым (о Буганове как моем дипломнике и приобщении его к “тихомировцам” см. подробнее в статье сборника памяти В.И. Буганова, изданном в ИРИ в 2001 г.). При Тихомирове сотрудником АК стала выпускница ИАИ Ирина Евгеньевна Тамм, которой доверили участок работы, требующий особой эрудиции и деликатности – раздел библиографии. Она же позднее составила новаторского типа уникальный по полноте биобиблиографический указатель “Михаил Николаевич Тихомиров”, изданный РГГУ в 1996 г. С 1970-х годов число выпускников ИАИ среди сотрудников АК возрастает – и это понятно, так как специальность “историка-архивиста” особенно подходит к сфере занятий АК.

Между деятельностью АК и ИАИ выявляются долгие творческие взаимосвязи. На страницах АЕ отражена научно-методическая работа ИАИ, опубликованы перечни диссертаций, защищенных на заседаниях ученых советов ИАИ, материалы, подготовленные многими его преподавателями, аспирантами, даже студентами; постоянно их участие в заседаниях АК, организуемых ею конференциях. Сотрудники АК преподают в ИАИ, выступают на заседаниях, научных конференциях. Широкого профиля конференции, собирающиеся по инициативе кафедр ИАИ, становятся нередко и совместными с АК: и в сфере архивоведения, и ежегодные по проблемам источниковедения и методологии истории (тезисы к печати готовят на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин – ИВИД), и по проблемам краеведения и провинциальной культуры (в организации которых заметны усилия кафедры региональной истории и краеведения). Информация об этом помещается в АЕ, а о регулярных (не реже раза в месяц в течение учебного года) заседаниях с обсуждением новинок московской и краеведческой литературы (при участии Научного центра краеведения и московского отделения, возглавляемого мною) – в журнале “Вестник архивиста”. О наиболее значительных совместных начинаниях АК и ИАИ всегда имеется информация в журнале “Отечественные архивы”.

Творческие взаимосвязи АК и ИАИ сохранялись даже тогда, когда руководители ИАИ С.И. Мурашов и М.С. Селезнев в первой половине 1970-х годов, при поддержке некоторых сотрудников Отдела науки ЦК КПСС, пытались бросить тень на работу АК и особенно ее председателя. Тогда ИАИ сделался цитаделью трапезниковщины, т.е. проведения в жизнь установок в исторической науке, исходящих от зав. отделом науки С.П. Трапезникова, близких к историческим взглядам сталинских времен; ИАИ вынуждены были покинуть многие высококвалифицированные и преданные делу преподаватели (все они перешли на работу – иногда заняв и более высокое служебное положение – в институты АН СССР или в другие вузы); препятствовали и оставлению в аспирантуре научно-перспективных выпускников. Понятно, что я выражал несогласие, опираясь при этом и на должностной авторитет; и поэтому меня не только лишили полставки, но и за подписью заведующих кафедрами ИАИ П.С. Смирнова, С.П. Люшина, В.И. Вяликова и доцента В.М. Хевролиной направили письмо, дискредитирующее Шмидта, в Президиум Академии наук и в партком Института истории АН СССР. Соответствующей тональности был и доклад Хевролиной в ИАИ при обсуждении АЕ за 1968–1970 гг. И тогда не только в Отделении истории АН СССР и на истфаке МГУ постарались защитить честь АК и Шмидта, но и при обсуждении АЕ в ИАИ в марте 1972 г. наиболее авторитетные в ученом мире преподаватели ИАИ в основном положительно оценили деятельность АК и ее издания, за что им по сей день признателен. Сейчас обстановка в ИАИ, конечно, изменилась; и в юбилейные дни его 70-летия названные малодостойные имена

обычно не принято было упоминать. Но в ту пору это стоило сотрудникам АК и ее “доброжелателям” немало сил, мешало заниматься настоящим делом, а меня довело до болезни.

Так как заседание приурочено к юбилейной дате, должно отметить и синхронное восприятие деятельности ИАИ и результаты, ощутимые в последующие годы. Уже приходилось делиться – и устно и письменно – некоторыми соображениями по этому поводу. Сейчас же ограничусь напоминанием о многом, прежде всего в плане, так сказать, историографической оценки. И за период существования РГГУ речь пойдет только о ныне существующем факультете архивного дела (ФАД) в Историко-архивном институте, сохранившем свое прежнее название и в системе РГГУ.

На рубеже столетий наиболее видные сотрудники хранилищ документальных памятников в России (да и в государствах бывшего Советского Союза) – выпускники ИАИ; и отечественная архивная и археографическая культура всемирным сообществом архивистов и историков высоко оценивается. Заметно место выпускников ИАИ и в научно-исследовательской работе академических учреждений. Выдвинулись они и как вузовские преподаватели. Выделяется роль окончивших ИАИ в провинциальных культурных центрах; и они оказались особо востребованными теперь с начавшимся возрождением краеведения.

Уже утвердилось представление, что в значительной степени ИАИ все мы обязаны сохранением навыков преподавания специальных исторических дисциплин и дальнейшим развитием их на традиционном для отечественной науки высоком уровне: в ИАИ, помимо уникальных в СССР собственно архивоведческих кафедр, возникла и первая кафедра подобного назначения, и еще в 1930-е годы стали готовить соответствующие учебные пособия. Постепенно определились и взаимосвязи преподавания таких научных дисциплин с методологией истории: после пресеченной на рубеже 1940-х и 1950-х годов попытки А.И. Андреева восстановить обращение к источниковедчески-методологическим штудиям А.С. Лаппо-Данилевского, с 1960-х годов возобновилась деятельность и учащихся и учащихся в сфере теоретического источниковедения и развивается интерес к новой тогда еще сфере источниковедения историографии, и – что важно – к этому было привлечено внимание молодежи. Приятно вспоминать, что споры после докладов подобной тематики оживляли мысль участников руководимого мною Научного студенческого кружка источниковедения (50-летие которого отмечали в 2000 г.), и первые печатные труды об этом опубликованы в сборниках НСО (Научно-студенческого общества) ИАИ. Такую работу направляли, помимо преподавателей кафедры ВИД (Е.А. Луцкого, А.Ц. Мерзона, А.А. Зимина, И.А. Мироновой, С.И. Якубовской и др.), преподаватели кафедры истории СССР Л.М. Зак, В.Е. Иллерицкий, И.А. Кудрявцев. Затем появились и новаторские труды О.М. Медушевской о развитии источниковедения за рубежом, причем в контексте методологии широкого спектра гуманитарных знаний. А когда снова обратились к генеалогии, традиционной для России XVIII – начала XX вв. отрасли исторических знаний, по инициативе А.Л. Станиславского именно в ИАИ состоялась в 1989 г. Первая всесоюзная конференция такой тематики – “Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования”. Е.И. Каменцева много лет руководит семинаром по геральдике и смежным с ней областям научно-прикладных знаний (фалеристике и др.) привлекающим и немосквичей. Имели место и первые попытки разработки вопросов источниковедения истории советского общества, опираясь и на методiku, апробированную опытом изучения источников по истории более далекого прошлого (в трудах Е.А. Луцкого даже

при подходе к документам ленинианы). Развернулась деятельность как профессоров и выпускников ИАИ (и прежде всего этой кафедры) – С.М. Каштанова, В.В. Кабанова, В.А. Муравьева, А.Л. Станиславского. Уже 13 лет созываются ежегодные научные конференции (всероссийские, а часто и международные) по важным проблемам источниковедения и смежным с ним научным дисциплинам, существенно способствующие контактам преподавателей ИАИ и других вузов, взаимосвязям с академической наукой и архивами, и вовлечению в такую сферу деятельности научной молодежи. Конференции культивируют интерес и к научному наследию профессоров кафедры (А.И. Андреева, В.К. Яцунского, А.А. Зимина, А.Л. Станиславского и др.).

Деятельности преподавателей ИАИ обязаны разработкой в таком широком масштабе и на столь значительной архивной базе и проблематики по истории государственных учреждений и общественных организаций, а также делопроизводства (труды А.В. Чернова, Н.П. Ерошкина, А.Д. Степанского и др.). Чтения памяти выпускницы ИАИ профессора Т.П. Коржихиной, особенно много сделавшей для возбуждения внимания к этой проблематике при изучении советского периода истории, приобрели всероссийский характер. А возглавляемая Т.В. Кузнецовой кафедра документоведения помогла связать с научной проблематикой работу современных учреждений. На кафедрах архивоведения и археографии изначально предметом и преподавания и исследования были и современная практика, и история собственно архивов и других хранилищ документальных памятников (музеев, библиотек, научных учреждений – об этом труды Ю.Ф. Кононова и др.). Преподаватели ИАИ были всегда участниками работы по составлению архивных справочников – и по отдельным архивам, и сразу по нескольким архивам (как изданная в 1997 г. книга “Архивы России. Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обозрение и библиографический указатель”), и тематических. Специальное внимание уделялось научно-техническим архивам и архивам кинофотофонодокументов.

По окончании войны ИАИ стал инициатором преподавания предметов, вошедших затем в программы других вузов, – и истории науки и техники (главным образом об их источниковой базе и ее особенностях), и исторической географии (В.К. Яцунский читал лекции, в которых данные по отечественной географии рассматривались в контексте истории всемирной географии, исторической библиографии). С недавнего времени ИАИ, и прежде всего возглавляемая В.Ф. Козловым новая кафедра региональной истории и краеведения, становится средоточием разработки проблем по истории и методике историко-культурного краеведения (это было продемонстрировано и на международных конференциях в парижском университете Сорбонна в 2000 г. “Краеведение в России: истоки, проблемы, возрождение” и по региональной истории в Рязани (1999 г.) и Петербурге (2000 г.).

И, наконец, очень существенно то, что опыт ИАИ был использован при организации и определении задач и направлений историко-архивного образования в других вузах СССР, а сам ИАИ стал базой для основания его ректором Ю.Н. Афанасьевым первого в России нового типа гуманитарного университета. Сейчас предметом внимания и у нас, и за рубежом являются результаты деятельности самого Российского государственного гуманитарного университета – РГГУ, его взаимосвязи с отечественными и зарубежными учреждениями образования и науки. (Об этом имеются сведения в книге Ю.Н. Афанасьева “Universitas humana – гуманитарный университет третьего тысячелетия”, выпущенной в 2000 г.) Но ветераны РГГУ помнят и о том, что на рубеже 1980–1990-х годов в ИАИ было одно из важнейших средоточий общественно-политической жизни, состоялись первые встречи с теми деятеля-

ми России и зарубежья, которые не имели ранее возможности публичного общения с советскими гражданами, происходили собрания интеллигенции, группировавшейся вокруг академика А.Д. Сахарова и его сподвижников.

На рубеже тысячелетий возрос интерес к истории и в России и во всем мире; и те, кто верят в оптимистический прогноз развития человечества, полагают, что в наступившем веке наибольшее внимание будет привлечено к проблемам биологии и медицины, экологии и гуманитарных знаний, при продолжающемся, конечно, прогрессе в сфере технических возможностей человечества и обуславливающих его научных достижений. Признаком усилившейся потребности в познании прошлого, и прежде всего правды о нем, можно признать и результаты конкурсов исторических работ старшеклассников. Некоторые собрания участников всероссийских слетов школьников, организуемых Центральной детской туристической станцией краеведения (ЦДТСК) происходили в здании ИАИ, а конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников организуется с 2000 г. обществом "Мемориал" совместно с РГГУ: преподаватели РГГУ – в составе Жюри конкурса; на опубликованные статьи победителей конкурса – ссылки в научных трудах.

И в то же время число желающих учиться на факультете архивного дела по сравнению с 1990-ми годами уменьшается. Полагаю, что это объясняется и социально-экономическими причинами (зарплата окончивших факультет – невысокая, да еще при режиме обязательного присутствия на служебном месте в течение всего рабочего дня), и тем, что нет должного контакта с руководителями ведомств, в подчинении которых находятся учреждения, нуждающиеся в специалистах, окончивших ФАД, т.е. с Главархивом, Министерством культуры (в ведении которого музей и библиотеки), а также с Министерством образования, не налажена и целевая подготовка таких специалистов.

Тенденция ущемить в ИАИ подготовку историков-архивистов и начать за счет этого подготовку специалистов других – более распространенных или широких профилей и даже изменить наименование вуза, уникальное не только в нашей стране, но и в мире, – и не дальновидна и не перспективна. Главная привлекательность ИАИ в его уникальности и в давних творческих взаимосвязях с академическими учреждениями и учреждениями архивной службы. И должно, продолжая по современному совершенствовать технологическую базу обучения, как это успешно делается в последние годы в РГГУ в целом, в большей мере превращать ИАИ в лабораторию выращивания специалистов высшего уровня по документальным памятникам (быть может, договориться и о создании института стипендиатов от регионов).

В этом плане важно было бы предусмотреть и специальное обучение с краеведческим уклоном. Вероятно, следует принять меры к тому, чтобы именно ИАИ стал базой подготовки не только краеведов-документалистов, но и таких историков края, которые смогут проявить себя в деятельности туристического плана. Индустрия туризма – одна из самых развивающихся сейчас в мире. К туристским группам – и специализированным на историко-культурной тематике и общепринятого типа – обычно прикрепляют для чтения лекций об истории и культуре края, памятниках культурного и природного наследия, проведения экскурсий и ознакомления с музеями на более научной основе профессиональных историков (в некоторых странах этим заняты в туристский сезон и профессора). Стоит предусмотреть акцент на подобную терминологию и при обучении иностранным языкам и даже подготовить к изданию под грифом РГГУ словари-справочники иностранных слов историко-культурной и краеведческой направленности. Характерные при обучении в РГГУ система междисциплинарных научных связей и широкая общегуманитарная нацеленность будут способ-

ствовать высокому уровню подготовки и таких специалистов. (Важность развития этой области гуманитарного образования в РГГУ подчеркнута мною на с. 389–392 названной книги “Universitas humana”.) Должно приложить усилия к тому, чтобы именно ИАИ стал школой повышения квалификации и для специалистов по документальным памятникам (хранящимся в архивах и музеях), и для краеведов (тем более, что многие из них являются сотрудниками хранилищ памятников истории и культуры), и для методистов школьного образования. Можно было бы попытаться, чтобы это стало совместным делом ИАИ РГГУ и Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (тем более что в здании этого НИИ и помещение для занятий, и условия для проживания) и учреждений, направляющих работу школьных учителей.

Соответственно, главной задачей вуза такого типа, как ИАИ – на мой взгляд – является оказание действенной помощи в овладении вершинными достижениями ученых “ремесел”. Слово-термин “ремесло”, именно в таком понимании употребленное, стало заглавием последнего незавершенного труда Марка Блока “Апология истории или ремесло историка”. Именем этого великого ученого и героя французского Сопротивления назван Международный научный центр РГГУ. М.Блок почитал своим долгом помочь приобщению к методике исторической работы широкого круга лиц, проявляющих интерес к познанию прошлого, юношества. Сочинение это – и высокий образец доступного всем изложения сложной научной проблематики с ориентацией прежде всего на общепринятый лексикон, а не специфический жаргонный конгломерат терминов, к тому же обычно не из родного языка.

Напоминаю об этом и потому, что в изданиях ИАИ (и РГГУ в целом), обнаруживается, увы, такая же модная ныне манера излишеств в употреблении нерусскоязычной научной терминологии. Студенты к ней не привыкли еще, тем более, что не уясняется ее соотношение с терминами прежней научной и учебной литературы. Более того, при наименовании “теорией” склонности к наукообразным рассуждениям (или даже декларациям) и к неуместному обращению к подобной терминологии происходит по существу девальвация научных ценностей. В литературе последних лет заметна и другая нарастающая тенденция: сохраняется обязательность приведения цитат авторитетов (особенно в авторефератах диссертаций), но необходимые прежде (в целях безопасности) цитаты из сочинений “классиков” марксизма-ленинизма подменяются формулировками из трудов мыслителей нарочито иного толка: из недавно еще недоступных сочинений русских философов-идеалистов начала XX в. или высказываний зарубежных мыслителей-методологов (и зачастую уже не первой свежести). Не избежали этой “детской болезни” и некоторые преподаватели ИАИ.

В наши дни явственно ощущаем вину и высшей и средней школы в недостаточной конкретности исторических знаний у тех, кто считает себя образованными людьми – явления и памятники прошлого воспринимаются ими зачастую вне системной взаимосвязи, как бы вне контекста и времени и пространства, как некая случайная коллекция. По существу, это те, кого А.И. Солженицын охарактеризовал как “полуобразованцев” – у них специальные серьезные знания только в сфере их профессиональной деятельности и отсутствует глубина исторического кругозора. Это обнаруживается, в частности, в не критическом восприятии антиисторических сочинений математика академика А.Т. Фоменко и его сотрудников по организации доходного книжного бизнеса. Поклонники таких писаний оказываются совершенно не осведомленными ни о далеком прошлом, ни о более близких к нам столетиях, если уверовали в то, что 400–300 лет назад имелись возможности и знания для организации такой индустрии исторических подделок. (Об этом убедительные данные в

статьях книги «История и антиистория: критика “новой хронологии” академика А.Т. Фоменко», вышедшей в 2000 г., но, к сожалению, тиражом значительно меньшим, чем книги Фоменко, и особенно в блистательной статье академика А.А. Зализняка “Лингвистика по А.Т. Фоменко”).

И потому тревожит, что в ИАИ (и, видимо, и на других факультетах РГГУ), пытаются навязать вместо современного уровня программы конкретного источниковедения некий симбиоз теоретического источниковедения и методологии истории. Это небезынтересно, но доступно и привлекательно лишь немногим. В итоге новаторское по замыслу учебное пособие 1998 г. по источниковедению отечественной истории лишено необходимых учебнику достоинств и справочного издания, а иногда и методического руководства, и не содержит четких и сравнимых с другими учебными пособиями определенных понятия “исторический источник” и принципов классификации их. (Об этом подробнее в тексте моего доклада на конференции в 1999 г. в РГГУ “Точное гуманитарное знание”¹.)

В докладе этом и в выступлении на страницах журнала “Отечественные архивы” отмечена и претенциозность постановки вопроса о противопоставлении толкований М.Ф. Румянцевой представлениям традиционного источниковедения – просто толкуем о “различных уровнях методологии” (если пользоваться определением И.Л. Беленького) и о различных “технологических” возможностях и создания, и восприятия исторических источников. Действительное различие лишь в том, что Шмидт не ограничивает круг исторических источников, т.е. всего того, что может дать информацию, полезную и для историка, источниками собственно исторического происхождения, памятниками материальной и духовной культуры, т.е. результатами целенаправленной деятельности человека.

После того, в 2000 г. в сборнике трудов Воронежского университета появилась усложненного наименования статья М.Ф. Румянцевой, где предпринята попытка защитить свои позиции авторитетом А.С. Лаппо-Данилевского. В статье снова сформулирован надуманный тезис о противопоставлении разного гносеологического уровня подходов к задачам источниковедения (и, соответственно, и к определению понятия “исторический источник”), и обнаруживается нежелание (или неумение?) вдуматься в то, что пишут и говорят предшественники (судя по раскавыченной цитате, это слова Шмидта, причем повторенные им с большей или меньшей четкостью неоднократно, по крайней мере, начиная со статьи в сборнике 1969 г. “Источниковедение. Теоретические и методические проблемы”). Заметно и обращение к лексике времен партийного диктата².

¹ Традиции “точности” источниковедческого знания // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва, 4–6 февраля 1999 г. М., 1999. С. 23–32.

² «Все это заставило перенести внимание с системы “историческая действительность – исторический источник” на систему “историческое знание – исторический источник”. При таком подходе исследователей мало интересовала природа самого источника, что и породило господствующее до сего дня в нашей науке определение: исторический источник – это все, из чего можно почерпнуть информацию об истории человечества. Такое понимание предмета источниковедения, а точнее, – такое невнимание к предмету источниковедения (невнимание – потому, что слово “все” на самом деле не может указывать ни на какую субстанцию) имело разные основания и разные последствия для истории разных стран и периодов. Там, где корпус источников был хорошо разработан еще на позитивистской основе (история средневековья в Западной Европе, в какой-то степени российская история допетровского периода), создание новых концепций во многом шло на этой разработанной источниковедческой базе. При неразработанности корпуса источников и тем более в условиях нарастающего идеологического давления такой подход вел к догматизации и идеологизации исторического знания» (Румянцева М.Ф. Эпистонологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского и современная источниковедческая парадигма // Источниковедение: Поиски и находки. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 5). Утешает в этом наборе фраз, однако, то, что господствующим в нашей науке признается определение исторического источника, сформулированное в 1983 г. (См.: Ковальский Н.П. Выступление С.О. Шмидта в 1983 г. в Днепропетровске на IV Всесоюзной конференции по источниковедению и специальным историческим дисциплинам // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. ст. М., 2000. С. 17).

Ведь на самом деле сосредоточение внимания на историческом источнике в системе исторических знаний для историка тоже имеет основной целью определение степени точности отражения историческим источником исторической действительности, возможностей выявления и использования собственно исторической информации. Это взаимосвязанные этапы исторического познания, все усложняющегося – с накоплением наблюдений (и фактологических, и методических) – процесса исторического знания. Первая задача при подходе к историческим явлениям (и исследователя-профессионала, и школьника тоже) – выявить то, что может источать нужную, искомую историческую информацию. Только после этого пытаемся определить какова эта информация, степень ее полноты, соответствия времени изучаемого явления, “остатки” это или “предания”, по терминологии Лаппо-Данилевского. И, как правило, лишь затем: какими объективными и субъективными факторами объясняются особенности исторической информации в данном источнике. Конечно, с углублением знаний источника учитываются и социопсихологические моменты, и воздействие традиций мышления и создателя источника, и воспринимавших его в момент создания, и воспринимающих его позднее, следовательно, и историков. Это – все в большей мере уже в сфере не конкретного, а теоретического источниковедения, а также методологии истории, философии, к занятиям которыми не всегда склонны даже крупные историки и собственно источниковеды.

М.Ф. Румянцева, по существу, утрачивает представление о работе в сфере (или на уровне) конкретного источниковедения. Автор “Методологии истории” А.С. Лаппо-Данилевский не допускал подобного высокомерия, и в предназначенных для историков-практиков (притом получивших, как правило, уже и высшее образование!) лекциях по русской дипломатике частных актов философ-методолог не считал возможным смешивать теоретические рассуждения с практическими рекомендациями. В то же время развитие методики исследований и расширение научных междисциплинарных связей в век науки о науке, т.е. за время, прошедшее после кончины Лаппо-Данилевского, убеждает в необходимости внесения в большей мере элементов теоретического источниковедения в современное конкретное источниковедение и в методику обучения ему.

К сожалению, пересмотром терминологии (а, по существу, и задач археографии) занялся и заведующий этой кафедрой ИАИ В.П.Козлов, так много обогативший наши знания по истории российской археографии XVIII – начала XIX вв. Причем сделано это пока без сопоставительного рассмотрения новых терминов и давно вошедших в обиход и археографии, и других отраслей историко-филологических знаний, и без учета нововведений последних десятилетий (к примеру, принятый в мировой науке предложенный Д.С. Лихачевым термин “конвой” – в ином употреблении, чем у В.П. Козлова). Не внесет ли это усложнения и путаницу и в практику археографов и в преподавание предмета “археография”?

Тематику Тихомировских чтений, посвященных юбилею ИАИ, ограничили проблематикой источниковедения и историографии, но в контексте со всем комплексом научных дисциплин, преподавание которых ведется в ИАИ РГГУ – это и источниковедческие, и историографические элементы в преподавании этих дисциплин и в научной работе ИАИ, и архивная основа работы в сферах источниковедения и историографии.

Постепенно все в большей мере утверждается представление о том, что история исторической науки и исторической мысли не сводится по преимуществу к концепциям и выявлению их идеологической (т.е., по существу, об-

щественно-политической) направленности. Не менее значимы (и тем более востребованы потомками) и результаты исследований фактологического типа, и развитие самой методики исследовательской работы, а, следовательно, и источниковедения и смежных с ним специальных научных дисциплин археографии, архивоведения. Важны – особенно в контексте истории культуры и общественного сознания – и преподавательская и научно-популяризаторская деятельность историков; а в научном наследии историков не только труды, опубликованные при жизни, и вообще не только завершённые сочинения, но и все то, что относится к лаборатории исследования, т.е. материалы, отложившиеся в архивах. Многие определяют и особенности личности историка. Об этом приходилось писать не раз, и специально – при обосновании и характеристике работы АК по составлению Каталога личных архивных фондов отечественных историков³.

Обращение к архивным материалам при изучении истории архивного дела закреплено было в практике работы преподавателей и аспирантов ИАИ И.Л. Маяковским. С 1960-х годов это становится все более частым и при изучении истории отечественной исторической науки, особенно жизни и творчества отдельных историков; и уже в 1973 г. на Всесоюзной конференции по вопросам историографии в высшей школе (в Смоленске) можно было выступить с докладом “Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии”. Ныне – это общепринятая тематика и диссертаций, и дипломных работ, и по всеобщей истории тоже (в 1964 г. Е.В. Старостин защитил дипломную работу “П.А. Кропоткин как историк Великой французской революции”); ныне подобная тематика – в работах, написанных и под руководством Н.И. Басовской и ее коллег по кафедре всеобщей истории). Преимущественно на архивном материале базируется исследование С.В. Чиркова, выполненное как плановая работа и АК и ИАИ “Археография в исторической науке России рубежа XIX и XX веков (По материалам изучения древнерусских письменных источников)”, новейшие работы Т.И. Хорхординой и по истории самого ИАИ, и по истории архивной мысли. Е.В. Старостиным подготовлен к печати труд М.К. Любавского по истории архивного дела в России и т.п.

Архивные материалы и существенно обогащают источниковую базу историографии, и убеждают в необходимости в большей степени учитывать – и не только в трудах собственно биографической тематики – личностный фактор (причем во всем многообразии его проявлений); хотя это, в свою очередь, накладывает (подчас невольно даже) черты субъективизма на историографические труды, особенно при оценке историографических фактов (и прежде всего поведения историков)⁴.

³ Шмидт С.О. Архивный документ как исторический источник // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Докл. и тез. выступл. на Всерос. конф. 20–22 дек. 1994 г. М., 1995. С. 50–76. Перепечатано в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205.

⁴ Одним из самых насыщенных архивными открытиями исследований по историографии является книга Л.И. Шохина “Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX — начале XX века” (М., 1999). Там ощутимы и пристрастия автора, например, в подходе к деятельности Д.Я. Самоковцова. Я еще успел быть знакомым с учеными поколения учеников В.О. Ключевского, у которых и тогда не остыла личная антипатия к этому руководителю МАМЮ; однако, понимая немалое значение сделанного ученым, в частности, в развитии археологии, предоставил страницы АЕ за 1998 год для публикации впервые полного списка печатных трудов Самоковцова (составленного в то же время Б.Б. Лебедевым). Но как ответственный редактор книги Шохина, не считал возможным внести изменения в его авторский текст. Огорчило меня в этом издании другое – то, что без предупреждения меня было напечатано авторское Послесловие. Там слишком много о Шмидте, приводятся его высказывания, не рассчитанные на прижизненную публикацию. Отнюдь не отказываясь от своих давних слов, но в книге под моей редакцией это выглядит не совсем удобно.

Долгие жизненные наблюдения в сопоставлении с собственно историографическими, убеждают в том, что те, кто склонен и способен к отступлению от истины в характеристике и оценке жизненных явлений и других лиц из-за соображений общественной выгоды, идеологической настроенности, личных удобств, остаются такими же и в своих научных трудах. И к их выводам, характеристикам следует относиться с настороженностью, проверять состоянием источниковой (и собственно историографической) базы их трудов, приемы истолкования извлеченного из источников. Историки поступают так не только в угоду политической или идеологической конъюнктуре, но и ради утверждения представлений о целостности и красоте их концепции, построенной и обобщающего типа и конкретного. Такое заметно в творческой биографии ученых и крупного масштаба – у М.Н. Покровского (о чем писали уже многие; не раз и я, особенно об его историографических суждениях об историках и прошлых эпох и современниках из среды так называемых буржуазных специалистов), у П.Н. Милюкова (в частности, в оценке сделанного Н.М. Карамзиным в историографии), даже у В.О. Ключевского (он счел возможным умолчать о недавней докторской диссертации Н.П. Загоскина “Дума Боярская”; а соображения Ключевского в его “Боярской думе”, блистательной и по художественной образности, и в конструировании хода государственно-политической истории не показались источниковедчески основательными самому крупному в те годы знатоку архивного и печатного материала именно по этой тематике, Н.В. Калачову)⁵.

Вообще нельзя не учитывать при занятиях проблемами историографии личностные моменты. Это всегда в той или иной степени отражается в творческой деятельности (исследовательской, преподавательской, публицистической, общественной, даже организационной). И определяется не только общественно-политическими взглядами, идеологическими или научно-методологическими установками, но и личными симпатиями и антипатиями, опасениями и др. Историки литературы, искусства, науки обычно в трудах последних десятилетий при публикациях научного и литературного наследия (особенно переписки, дневниковых записей, мемуаров) обращают на это внимание в статьях и комментариях – думается, что элементы таких, в определенной мере субъективных, и восприятия, и самовыражения должно проследивать и в памятниках творчества (причем во всем его многообразии) историков.

В деятельности АК значительное внимание уделяется изучению и публикации научного наследия наших историков и их переписки. И приятно заметить, что осуществляется это главным образом силами прошедших школу учения в Историко-архивном институте. А будущее Археографической комиссии – это и совершенствование контактов с научными учреждениями, вузами, хранилищами документальных памятников, и работы ее ныне молодых сотрудинок.

⁵ Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 388 и сл.

**ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
В ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ**

На первый взгляд кажутся избыточно широкими публикаторские, описательные и собирательские начинания крупнейших ученых конца XIX – начала XX в. А.А. Шахматов публиковал, собирал и описывал не только летописи, но и двинские грамоты, составил правила издания актового материала. А.С. Лаппо-Данилевский собирал и публиковал не только акты (наиболее систематично грамоты Коллегии экономии, однако еще и грамоты галицких князей), но и научное наследие А.А. Куника и др., письма и бумаги М.М. Сперанского, сфрагистический материал (печати галицких князей), археологические находки. С.Ф. Платонов занимался изданием не только источников Смутного времени, но и летописей (с небывалым размахом), материалов Петровского времени, памятников новой литературы, даже миниатюр древнерусских рукописей. Им организовывалась и велась собирательская работа Археографической комиссии, других академических учреждений в первое послереволюционное десятилетие. Можно сказать, что он внес вклад в археографическую разработку материалов по каждой теме, которой занимался в научном плане.

Успешное осуществление этой разработки источников становилось возможным только при наличии развитой системы специальных историко-филологических дисциплин, обеспечивающих исследователя прочным базисом точных данных о разных сторонах источников и их разновидностях. Круг специальных дисциплин, используемых исследователями, интенсивно расширился к концу XIX в. Уже в произведениях Ключевского можно видеть данные десятков таких дисциплин. Названные ученые внесли крупнейший вклад в разработку археографии, летописной текстологии и хронологии, дипломатики, исторической географии и др.

Центрами разработки проблем археографии, архивоведения и других специальных дисциплин в дореволюционной России были Академия наук, Археографическая комиссия, археологические институты, крупнейшие архивы (например, МАМЮ). Наиболее отчетливо “кристаллизация” специальных областей источниковедения в отдельные предметы, и в конечном счете, дисциплины происходила в связи с необходимостью их размежевания в учебных планах в высших учебных заведениях – университетах и археологических институтах. В первые послереволюционные годы все эти учреждения сохранялись, что обеспечивало внешние условия для научной преемственности в разработке указанных проблем, хотя, конечно, деятельность большинства учреждений была сведена до минимума. Но в дальнейшем, после архивной реформы, на первый план среди этих учреждений выходят вновь образованные архивные органы. В Главархиве возник Научно-технический комитет и подобные позднейшие подразделения. Важно подчеркнуть, что работа здесь на первых порах организовывалась и велась теми же учеными, которые занимались ею и в предшествующий период, так что преемственность сохранялась.

Сохранение ее в известной мере обеспечивалось и организацией историко-архивного образования в первое десятилетие нового режима. Преподавание археографии и архивоведения продолжалось силами старых ученых в Петроградском и Московском археологических институтах до их “удушения”, о котором справедливо писала Т.И. Хорхордина. В 1920-е годы на смену этим

институтам пришли археографические циклы на факультетах общественных наук (ФОН) Петроградского и Московского университетов.

Археографический цикл отделения археологии и истории искусств ФОН ПГУ в основном складывался по образцу археографического факультета Петроградского археологического института, к тому времени закрытого. Здесь читали историю русской археологии (понимаемой как основа историографии) и методологию археологии (А.Е. Пресняков и П.Н. Шеффер), источниковедение (С.Ф. Платонов и С.Н. Валк), русскую и латинскую палеографию (В.В. Майков и О.А. Добиаш-Рождественская) западноевропейскую и русскую дипломатику со сфрагистикой (А.И. Андреев и Н.П. Лихачев), историю актового языка (В.В. Виноградов), историю учреждений России (А.Е. Пресняков и Н.В. Бородин), историческую географию (К.В. Кудряшов), геральдику (В.К. Лукомский), историю книгопечатания и библиотековедение (А.И. Малеин и А.Г. Фомин). Архивоведческие дисциплины в планы группы археологии не входили. Они преподавались тогда на архивных курсах, где сотрудничало большинство преподавателей.

Однако после разгрома гуманитарной науки в конце 1920-х годов возникла грозная перспектива разрыва этой преемственности. И Центрархив, и созданные в 1930-е годы в Академии наук институты истории, в руки которых попали исследования по археологии и архивному делу, координация и методическое обеспечение практической работы в этих отраслях, не только испытывали сильнейшее идеологическое давление, но и состояли по большей части из носителей новой идеологии, для которых историческая истина представлялась делом абстрактным, подчиненным по отношению к идеологическим заданиям “класса-гегемона”, а затем и прямо – сталинского государства. На смену поискам истины приходит недвусмысленная задача идеологического обслуживания “самого передового в мире государства”.

Созданный в ходе “великого перелома” Институт архивоведения (с 1932 г. – Историко-архивный) первоначально воплотил эти идеологические задачи. Он должен был в кратчайшие сроки подготовить “инженеров” архивного дела, не отягощенных избыточным научным багажом. Однако уже в середине 1930-х годов с реставрацией патриотических ценностей происходит возвращение не только к общему курсу отечественной истории (тогда – истории народов СССР), но и к преподаванию и изучению специальных исторических дисциплин. К работе в институте начинают привлекать представителей “старой” научной школы, – среди них были Ю.В. Готье, П.Г. Любомиров, С.Б. Веселовский, И.Ф. Колесников, В.К. Лукомский, И.Л. Маяковский, а также и более молодых ученых, сформировавшихся на традициях настоящей науки, таких, как М.Н. Тихомиров, А.Н. Сперанский, Н.В. Устюгов, И.И. Полосин и др. В 1940-е годы выдающуюся роль в развитии преподавания специальных исторических дисциплин в МГИАИ сыграл А.И. Андреев, начавший свою педагогическую деятельность еще в Петроградском археологическом институте.

Вопросы развития специальных дисциплин в МГИАИ обсуждались в 1937 г. в записках Ю.В. Готье, С.А. Никитина, А.Н. Сперанского, М.Н. Тихомирова, поданных в методическую комиссию по архивоведению. Ценнейшие соображения здесь высказал М.Н. Тихомиров. По его мнению, для воспитания историко-архивных кадров важно было прививать студентам “основные навыки и любовь к работе над архивными документами”. В основе обучения – непосредственная работа с этими документами. “Архивист прежде всего должен быть тщательной подготовлен к технике архивного дела и ни в коем случае не рассматривать технические навыки как что-то дополнительное

и маловажное, целиком лежащее на заботе каких-то особых техников архивного дела”.

Историк предлагал организовать занятия в духе выдвинутого еще в 1885 г. Н.В. Калачовым проекта Археологического института при МАМЮ. По мнению Тихомирова, необходим был практикум по научному описанию документов для всех студентов под руководством профессора. Для этого нужно было выбрать большой архивный фонд и описывать его в течение нескольких лет. Составление описей явилось бы “прекрасной школой для выработки настоящего историка-архивиста, так как описание документов вырабатывает в составителе необходимость точного и ясного представления об описываемом”. Подобная работа играет большую роль в обучении, открывая “дорогу к пониманию всего богатства и интереса архивного материала”, она наглядно показывает “неразрывную связь между работой историка и техникой архивного дела, о чем часто забывают как историки, так и сами архивисты”. К тому же, подобная работа принесла бы значительную практическую пользу в деле совершенствования описания документов.

Проект М.Н. Тихомирова не только продолжал традицию историко-архивного образования, восходившую к Н.В. Калачову, но и был тесно связан с научной школой академика В.Н. Перетца, практиковавшего со своими учениками описание рукописей многих отечественных хранилищ. Молодой Тихомиров был учеником В.Н. Перетца в период своей работы в Самарском университете.

Изучение источниковедения, методики и техники публикации документов, истории учреждений, палеографии, дипломатики, сфрагистики, исторической географии в МГИАИ Тихомиров считал нужным подчинить задачам работы с архивными документами. По его словам, специальные исторические дисциплины “имеют особенное значение для историка-архивиста”, что связано с их ведущей ролью при изучении архивных документов. Поэтому он предлагал выделить в курсе источниковедения лекции, посвященные архивным фондам XVII–XX вв., изучать не только скоропись XVI–XVII вв., но и палеографию XVIII и даже XIX вв., особое внимание уделить историко-географическим данным за последние столетия. Это вовсе не означало, что из курсов специальных исторических дисциплин должны быть исключены вопросы, связанные с ранними периодами истории СССР. Но все же главное внимание следовало обратить на изучение наиболее распространенных документов, “на подготовку архивных работников, которым придется иметь дело не с абстрактным материалом, а с определенными видами архивных источников”. Таким образом, ратуя за восстановление традиций архивного образования, Тихомиров в то же время выступал и за творческое отношение к этим традициям, за переработку их на современной основе.

Уже в 1940-е годы в МГИАИ наметилось важнейшее направление в усвоении и переработке традиций изучения специальных исторических дисциплин – историографическое. По инициативе А.И. Андреева в институте состоялись заседания памяти выдающихся ученых прошлого: П.М. Строева, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и др. Впоследствии был опубликован доклад Л.В. Черепнина о вспомогательных исторических дисциплинах в творчестве В.О. Ключевского. Планировалось написание А.А. Зиминим докторской диссертации о В.О. Ключевском. В 1947 г. Андреев подготовил доклад к 50-летию со дня смерти К.Н. Бестужева-Рюмина. Предполагалось отметить юбилей Н.В. Калачова, А.С. Лаппо-Данилевского, но в условиях нового уже сточения идеологического гнета во второй половине 1940-х годов эти заседания не состоялись. Вскоре стали появляться работы, в которых А.А. Шахма-

тов, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков и другие ученые третируются как “буржуазные источниковеды”.

Новое оживление тематики историографии источниковедения стало возможным в МГИАИ в 1950-е годы. В это время выходят первые историографические труды С.О. Шмидта, О.М. Медушевой, А.Т. Николаевой. Появляется ряд студенческих работ, выполненных под руководством Н.В. Устюгова, С.И. Якубовской, А.Ц. Мерзона, А.А. Зимина, И.А. Кудрявцева, Е.А. Луцкого и других. Во многих из них исследовались прошлые судьбы отечественного источниковедения, археографии и других специальных дисциплин. Одной из главных эта тема стала в образовавшемся в 1950 г. студенческом научном кружке источниковедения под руководством С.О. Шмидта. А с 1961 г. С.О. Шмидт организовал спецсеминар по источниковедению историографии, действовавший на протяжении нескольких лет. Его участники овладевали навыками и собственно исторического, и историографического, и источниковедческого, и историко-библиографического исследования, часто и исследования в области археографии и архивоведения. Для многих из них студенческие доклады стали началом работы над диссертациями и монографиями. Изучался вклад в источниковедение и специальные дисциплины В.В. Пасека, П.А. Кропоткина, В.Г. Короленько, В.О. Ключевского, В.С. Иконникова, А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.П. Павлова-Сильванского, А.Е. Преснякова, М.М. Богословского, В.Я. Богучарского, Ю.В. Готье, И.И. Полосина и др. Исследовались материалы по истории отечественного краеведения дореволюционной поры и послереволюционного “золотого десятилетия”. Пафосом этих работ стало продолжение или восстановление прерванных традиций в изучении и публикации письменных источников родной истории.

Данное направление исследований продолжается в Историко-архивном институте и в настоящее время. Силами преподавателей, студентов, аспирантов, недавних выпускников института, работающих в других учреждениях, осуществляются значительные научные проекты, такие, как научные издания “Методологии истории” А.С. Лаппо-Данилевского, “Истории Петра Великого” М.М. Богословского, собрания сочинений С.Ф. Платонова. Выпускники института выступают в качестве составителей сборников архивных материалов, обеспечивая научный уровень этих изданий. Продолжаются исследования и в широкой сфере специальных дисциплин, одним из важнейших центров разработки которых стал Историко-архивный институт.

В.А. Муравьев

КАФЕДРА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН: ИСТОКИ И ИДЕИ

Историк не только изучает памятники и, будучи великим историком, сам становится выдающимся явлением культуры. Он соучаствует в создании таких памятников, как сама наука с ее драматической историей; как дисциплины науки, которые только усилиями ученого приобретают именно те, а не другие очертания. Идея увидеть в настоящих Чтениях прошлое и настоящее Историко-архивного института, с которым была на протяжении многих лет связана научная деятельность М.Н. Тихомирова – идея, достойная роли ученого в судьбах отечественной исторической науки, образования, архивов России.

Так сложилось, что М.Н. Тихомиров не работал именно на той кафедре Историко-архивного института, с которой были в наибольшей мере связаны его научные интересы и книги – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (где также преподавалась и преподается историческая география). Кафедра была образована по инициативе ее первого заведующего, Александра Николаевича Сперанского, в 1939 г., уже тогда, когда готовилось к выходу в свет первое издание тихомировского учебника “Источниковедение истории СССР” (такой курс читался М.Н. Тихомировым на кафедре истории народов СССР МГИАИ), а педагогическая деятельность самого М.Н. Тихомирова (тогда научного сотрудника Института истории АН СССР, образованного в 1936 г.) все более смещалась в Московский университет. Но его “след” в научно-педагогической истории кафедры остался до сих пор.

За 62 года существования кафедры на ней работало в общей сложности свыше 80 человек (включая 16 совместителей и 11 почасовиков)¹. На кафедре преобладал постоянный, кадровый состав (66,25% преподавателей). В 1990-е годы в связи с дифференциацией обучения в РГГУ, частью которого стал Историко-архивный институт, введением специализаций, потребностью в чтении целого ряда уникальных курсов это соотношение стало изменяться – на кафедру стали больше приглашать совместителей, прежде всего известных академических специалистов.

Среди специалистов преобладали “универсалы” – 19 преподавателей вели источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины, 21 – источниковедение, 12 – вспомогательные исторические дисциплины, 10 специалистов – древнерусский язык, 3 – историческую географию, 1 – латынь (ей не оказалось одно время места на других кафедрах), 3 – историческую библиографию. Кафедра всегда была “профессорской”: 40% ее состава (32 из 80) – доктора наук, профессора. Ученые – преимущественно историографически известные, нередко академики и члены-корреспонденты РАН и отраслевых академий, многие удостоились посвященных им книг, биобиблиографий. Среди них – названный выше основатель кафедры А.Н. Сперанский, А.И. Андреев, С.Б. Веселовский, И.А. Голубцов, В.А. Дунаевский, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, В.В. Кабанов, В.Б. Кобрин, Е.И. Каменцева, В.П. Козлов, И.Ф. Колесников, В.Д. Кузьмина, М.П. Лукичев, В.К. Лукомский, Е.А. Луцкий, О.М. Медушевская, А.Ц. Мерзон, А.Т. Николаева, А.А. Новосельский, И.И. Полосин, Ю.Я. Рыбаков, А.Л. Станиславский, Н.В. Устюгов, Л.В. Черепнин, М.Н. Черноморский, С.О. Шмидт, С.И. Якубовская, В.К. Яцунский и др.

Все они – ученые различных, достаточно близких или способных к сближению и определенной научной толерантности, но не сливавшихся напрямую, школ. Если попытаться построить родословную кафедры, как древо рода людского к Адаму и Еве, она – духовно-научная и реально персонифицированная – взойдет, с одной стороны, к Московскому университету, к дореволюционной московской школе историков, к В.О. Ключевскому и его младшему профессорскому окружению. Это – позитивистская в своих корнях, эмпирически ориентированная в своих исследовательских устремлениях и методе (ни с кем не сравнимые знатоки корпуса источников российской истории), преимущественно национальная по цветам научного флага (не путать с националистической!) ветвь.

Другая ветвь, столь же выраженная и персонифицированная, идет от Петербурга, от А.С. Лаппо-Данилевского и его окружения. Это иная ветвь, пре-

¹ Данные за 1939–2001 гг.

имущественно релятивистская в своих философских основаниях и методологии, более нацеленная на теоретические поиски (отсюда различия в характере концептуальных построений), более универсалистская по своей ориентации в глобальном научном пространстве. То, чего было невозможно достигнуть ранее прямым “привоем и подвоем ветвей” этих разных школ (единственным исключением был методологически близкий В.О. Ключевскому, но принадлежавший все-таки петербургской школе С.Ф. Платонов), что не могло быть достигнуто при существовании Московского и Петербургского университетов, Петербургского и Московского археологических институтов, было достигнуто на третьей почве – в Историко-архивном институте.

Ближе других к разгадке этого феномена оказалась О.М. Медушевская, считающая, что особое место кафедры в сохранении источниковедческих традиций российской высшей школы было обусловлено особенностями создания Историко-архивного института в 1930 г. Источниковедческий профессионализм, обособившись несколько ранее от собственно исторической науки, испытывавшей со второй половины 1920-х годов сильнейшее воздействие господствующих идеологических и конъюнктурных влияний, обрел здесь иную социальную функцию, несколько отличную от функции исторической науки. Поле его приложения в Историко-архивном институте стала не пропаганда господствующей формационной теории и идеи классовой борьбы (как на восстановленных в середине 1930-х годов исторических факультетах университетов, где многое было предназначено для воспроизводства заданной и готовой исторической схемы), а подготовка квалифицированных кадров для обслуживания информационных потребностей власти и содержания деятельности государственных архивов². Под этим флагом в Историко-архивном институте и был собран (и собрался сам) круг эрудитов и теоретиков. Благоприятное в целом воздействие на консолидацию ученых различных школ – несмотря на порой ожесточенные споры архивистов и историков о преобладании тех или иных дисциплин в Историко-архивном институте, а, может быть, и благодаря этим спорам – оказало решение в рамках института и всей архивной системы специальных источниковедческих задач и формирование архивоведческих дисциплин.

М.Н. Тихомиров был одним из наиболее “московских” историков московской школы. В основе знаменитого учебника, издававшегося в 1940 и 1962 гг., лежали лекции общего курса источниковедения отечественной истории, прочитанного им и С.А. Никитиным (последний читал XIX в., изданный отдельно). Удивительный феномен учебника М.Н. Тихомирова состоял в том, что учебником в привычном смысле слова он не был – в нем отсутствовали теоретическая часть и вообще какие бы ни было высказанные напрямую теоретические положения; “отвлеченности были не по мне”, – когда-то писал по сходному поводу С.М. Соловьев. Учебник скорее унаследовал прочную традицию эмпирических обозрений источников, характерную для XIX в. Но, между тем, в ходе этого обозрения были решены теоретические задачи высокой степени сложности. М.Н. Тихомиров обобщил источниковедческий научно-педагогический опыт, характерный для наиболее продвинутых в этом отношении Московского и Варшавского университетов; решительно применил (в условиях выстраивания формационного подхода) видовой подход к источникам и задачам источниковедения; выстроил классификацию источников по видовому принципу; выявил на практике ос-

² Медушевская О.М., Муравьев В.А. Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 38–39.

новную задачу источниковедения не только как “установление подлинности и степени полноты и достоверности исторических источников”, но и как формирование представления об их информационных возможностях; изложил основные принципы работы с источниками разных видов. Это была целая источниковедческая программа, определившая направление развития источниковедения на многие годы.

С момента одновременного появления учебника М.Н. Тихомирова и образования кафедры, на ней сменилось примерно пять поколений ученых – довоенное, военно-послевоенное, поколение 1960–1980-х, 1980–1990-х годов, наконец, приходит современное поколение нового века. Не считая их “личных” работ – книг, статей, рецензий – за эти годы под “грифом” кафедры выпущено 34 издания программ учебных дисциплин, 95 учебников и учебных пособий, 35 сборников трудов преподавателей кафедры и кафедральной “школы”, 6 библиографических указателей, защищены 101 докторская и кандидатская диссертации³. Не рискуя заявить о полноте изложения, укажем на основные педагогические и научные идеи и принципы, поставленные и реализованные в этой литературе, в учебных курсах:

- принцип связного последовательного преподавания вспомогательных исторических дисциплин, древних языков и источниковедения, предложенный А.Н. Сперанским; далее круг последовательно читавшихся дисциплин был пополнен исторической географией (В.К. Яцунский, А.Л. Станиславский, В.А. Муравьев), исторической библиографией (Е.А. Луцкий, Л.Н. Простоволосова, С.Б. Казаков), теорией и методологией истории (О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева);
- принципы отбора вспомогательных исторических дисциплин для их общего (стандартного) курса, одновременного сочетания палеографии, хронологии, метрологии, сфрагистики и геральдики (С.Б. Веселовский, Н.В. Устюгов, А.Т. Николаева, Е.И. Каменцева) с последующим включением дипломатики (А.А. Зимин, С.М. Каштанов), генеалогии (А.Л. Станиславский, Е.В. Пчелов);
- создание курсов дипломатики и актов археологии (С.М. Каштанов);
- создание системной русской метрологии (Н.В. Устюгов, Е.И. Каменцева);
- принцип признания суверенности вспомогательных исторических дисциплин и интерпретация их как дисциплин историко-культурного характера, реализованный в новом сборнике программ “Вспомогательные исторические дисциплины” (В.А. Муравьев, О.М. Медушевская);
- формирование двух конкурирующих системных определений исторического источника, в сущности, воплотивших происхождение кафедры из взаимодействия двух школ (О.М. Медушевская и С.О. Шмидт);
- систематизация принципов и процедур научной критики источников (А.Ц. Мерзон), развитых затем в научно-учебной литературе кафедры;
- видовой принцип подхода к историческому источнику и типологически-видовая классификация исторических источников (от М.Н. Тихомирова до О.М. Медушевской, И.А. Мироновой и С.О. Шмидта и современного поколения преподавателей кафедры);
- формирование историографии вспомогательных исторических дисциплин (А.Т. Николаева, Е.И. Каменцева), источниковедения (О.М. Медушевская, С.О. Шмидт), исторической географии (В.К. Яцунский, В.А. Муравьев);
- компаративное исследование состояния источниковедения в мире и в России (О.М. Медушевская);
- интерпретация интегрирующей роли источниковедения не только, как “дисциплины для исторической науки” и в исторической науке, но как основы и метода для сферы гуманитарного познания в целом (О.М. Медушевская);
- трансформация создаваемого обществом корпуса исторических источников во времени и пространстве под воздействием социальной среды, политических событий и т.п. (Л.В. Черепнин);
- идея универсального источниковедческого подхода, принципы совместного изучения письменных, картографических, вещественных источников (А.И. Андреев);

³ См.: Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. С. 134–226.

- соотношение источниковедческого открытия и реинтерпретации социальной информации исторических источников (А.Л. Станиславский);
- источниковедческое и текстологическое изучение письменного памятника и всех его изданий (Е.А. Луцкий), выявляющее существенные различия между ними;
- создание совершенно новой области источниковедения – источниковедения истории советского общества (М.Н. Черноморский, Е.А. Луцкий, В.В. Кабанов);
- создание новой области источниковедения, ориентированной на изучение материальных памятников человеческой культуры – вещественного источниковедения (О.М. Медушевская);
- создание источниковедения историографии (С.О. Шмидт);
- синтез источниковедения, краеведения, региональной истории (С.О. Шмидт);
- принципы синтеза источниковедения и исследования истории человека – исторической антропологии (О.М. Медушевская);
- идея исследования духовной составляющей исторического источника (И.Н. Данилевский);
- реинтерпретация соотношений источниковедческого и исторического построения и формирование на этой основе принципиально нового курса теории и методологии истории (О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева).

Конечно, это далеко не полный перечень, он может быть значительно детализирован и продолжен; многие “протяженные” последствия научно-педагогической деятельности кафедры еще требуют размышлений и твердых аргументов, в частности, ее несомненное воздействие на эволюцию архивной практики и архивоведческой сферы науки, столь же несомненное воздействие на систему исторического образования в стране.

Это воздействие реализовалось различными путями. Наряду с традиционными формами существования и деятельности кафедры высшей школы, можно выделить, по меньшей мере, еще три пути воздействия кафедры и ее школы на свое окружение. Старейший из них – работа существующего уже более полувека студенческого научного кружка под руководством С.О. Шмидта, ставшего настоящей, хотя и неформальной, кузницей высококвалифицированных научных кадров для академических учреждений, высшей школы, архивов, музеев, издательств и журналов. Другой – работа постоянно действующих научно-исследовательских семинаров при кафедре, в частности, Геральдического семинара Е.И. Каменцевой и Источниковедческого семинара С.М. Каштанова. Наконец, по инициативе А.Л. Станиславского (так, к сожалению, и не успевшего увидеть ее в действии) кафедра с 1989 г. проводит ежегодные научные конференции по проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и их междисциплинарных контактов (источниковедение и историческая антропология, источниковедение и точное научное знание, источниковедение и проблема пространства человека и др.), играющие большую роль в координации научно-исследовательской деятельности и в обсуждении ее результатов⁴. Каждая из конференций сопровождается выпуском научных сборников; по некоторым были выпущены и сборники избранных трудов (сборник статей “Генеалогия” и др.).

Свыше шести десятилетий, поколение за поколением складывается школа вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения Историко-архивного института, умноженная трудами ее учеников и единомышленников. Школа твердо видит в источниковедческих трудах М.Н. Тихомирова один из своих истоков. Ныне она стоит перед новыми вызовами, поставленными технологическими и информационными реалиями постиндустриального, постмодернистского, постсоветского времени, предвещающими в ее дисциплинах и отраслях весьма значительные изменения.

⁴ Прошла уже XIV конференция. Материалы опубл.: Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002.

**КАФЕДРА ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ:
ИСТОРИЯ И НЕМНОГО СОВРЕМЕННОСТИ**

В преддверии юбилея МГИАИ кафедра истории госучреждений и общественных организаций на заседании вынесла решение восстановить собственную историю, поручив это профессору С.П. Стрекопытову и доценту А.С. Сенину. Однако вскоре выяснились обстоятельства, препятствующие качественно выполнить это поручение в короткий срок. Сохранившиеся документальные материалы ректората и партийной организации института и даже личные дела бывших членов кафедры не дают полного представления о том, как зарождалась кафедра, кто работал в ее составе, каковы были подлинные причины ее частых реорганизаций. Как любил вспоминать один из ее основателей и долгое время бессменный руководитель Н.П. Ерошкин, за время существования она не объединялась только с тремя кафедрами института – гражданской обороны, иностранных языков и физвоспитания.

С.П. Стрекопытов и А.С. Сенин приняли, на наш взгляд, единственно верное решение – выявив все, что было можно в архиве РГГУ и ЦМАМ, они обратились к большинству выпускников кафедры с просьбой написать несколько страниц воспоминаний, ей посвященных, или поделиться какими-либо источниками. Число откликнувшихся превзошло все ожидания. Несмотря на то, что, обратившись с этим предложением, мы оговорили сроки присылки материалов, они до сих пор приходят на адрес кафедры. Здесь нет ничего удивительного – число дипломников, кандидатов наук, защитившихся под руководством одного из членов кафедры, бывших ее докторантов, давно перевалило за тысячу. Более того, некоторые из выпускников МГИАИ, не имевших прямого отношения к кафедре, прослышав о нашей просьбе, обратились к нам по собственной инициативе, прислав свои воспоминания или письма. Не обошлось в этом случае и без обид – а почему не обратились к нам? В основу написания истории кафедры, наряду с архивными материалами, легли и эти воспоминания. Не исключено, что со временем лучшие из них будут опубликованы.

Сбор материалов затянулся и подготовить исторический очерк о кафедре к юбилею ИАИ не удалось. Скорее всего он будет опубликован в юбилейном для кафедры году, 2002, за авторством С.П. Стрекопытова и А.С. Сенина. Попытаюсь очень коротко охарактеризовать вехи ее истории.

Инициатором чтения в институте курса “истории учреждений” и первым, кто начал его читать, был А.Н. Сперанский. Им же в 1935 г. была разработана первая его программа. Знакомство с ней и с немногочисленными документами Сперанского, имеющими отношение к разработке курса, свидетельствует о том, что историю госучреждений он рассматривал как чисто прикладную дисциплину и читал ее как историю фондообразователей. Положение курса упрочилось с принятием в 1940 г. нового устава Историко-архивного института, в соответствии с которым его программа должна была утверждаться НКВД СССР, открывалась аспирантура по этой, как было в нем записано, специальности. Сперанский читал ту часть курса, которая была посвящена дореволюционным учреждениям, советский период читали Д.С. Бабурин и В.З. Джинчарадзе. Бабурин был, пожалуй, первым, кто защитил кандидатскую диссертацию по истории госучреждений. Он же подготовил так и не увидевший свет первый учебник по истории советских госучреждений.

Со времени появления в учебном плане этой дисциплины начались поиски ее места в структуре института. Сначала она читалась на кафедре истории СССР, затем на кафедре вспомогательных исторических дисциплин, на кафедре истории и организации архивного дела, вновь на кафедре истории СССР, потом на кафедре истории и организации архивного дела. В первые послевоенные годы курс читали Д.С. Бабурин, ставший к этому времени директором института, В.В. Боброва, Б.Г. Слищан, Н.П. Ерошкин, Е.Н. Седова, В.Н. Зеленецкая и др. Руководство института понимало, что для преподавания дисциплины нужна специальная кафедра, но бюрократическая возня, отсутствие достаточного количества специально подготовленных кадров все время откладывали решение по этому вопросу. Удивительно, но это факт – в апреле 1947 г. зам. министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант В.С. Рясной, курировавший МГИАИ, направил министру высшего образования С.В. Кафтанову письмо, в котором, в частности, ходатайствовал о создании кафедры истории госучреждений, мотивируя это тем, что МГИАИ единственный вуз, где эта дисциплина изучается. И даже после этого письма на всевозможные согласования ушел не один год.

В феврале 1952 г. была наконец открыта в МГИАИ кафедра истории государственных учреждений и делопроизводства. Возглавивший ее А.В. Чернов неоднократно высказывал свое отрицательное отношение к такому симбиозу. Кроме него историю госучреждений читали в те годы В.В. Сучков, Ю.В. Куликов, А.А. Нелидов, В.А. Цикулин, Н.П. Ерошкин. Трое последних защитили кандидатские диссертации по проблемам истории российской государственности. Уже в те годы Н.П. Ерошкин стал неформальным лидером среди читающих курс истории отечественных госучреждений, чему в немалой степени способствовали огромная эрудиция, ораторское мастерство. Постепенно его курс все меньше и меньше напоминал историю фондообразователей, скорее это была политическая история дореволюционной России, структурированная по государственным институтам. Ничего общего с историей фондообразователей не имели и спецкурсы Н.П. Ерошкина. Под его руководством начал функционировать кружок, значительная часть его участников поступила в аспирантуру.

С историей госучреждений советского периода дела, по вполне понятным причинам, обстояли сложнее. Преподававший эту часть дисциплины не мог бичевать пороки советского госаппарата, а это являлось коньком Н.П. Ерошкина. Пожалуй, лишь Т.П. Коржихиной удалось сделать ее интересной для студентов, благодаря привитым ей Н.П. Ерошкиным “любви к факту, вкусу к деталям, даже к анекдоту”, – как вспоминала впоследствии она.

Совершенно невольно этот курс выполнял еще одну функцию. Дисциплины правового блока в институте читались от случая к случаю, поэтому долгое время курс истории госучреждений восполнял периодически возникающие пробелы – в научном плане он был ближе к истории государства и права, нежели к отечественной истории.

Осенью 1960 г. кафедра истории государственных учреждений во главе с А.В. Черновым стала самостоятельным подразделением института. В числе ее членов появились первые правоведы – С.И. Копьев, Д.В. Павлин. К этому времени отношения между заведующим кафедрой и Н.П. Ерошкиным осложнились. У них не было принципиальных научных разногласий, скорее это была несовместимость характеров – коса и камень, лед и пламень – яркий и темпераментный Ерошкин – сухой и сдержанный Чернов. Более того, в том же году Ерошкин опубликовал учебное пособие по дореволюционной части курса, а в середине 1960-х годов вышли пособия А.А. Нелидова и В.А. Цику-

лина¹. Молодежь заявляла о себе “весомо, зримо”, может быть, не всегда деликатно.

В 1965 г. среди преподававших “госы” (так дисциплина именовалась чуть ли не официально) появилась ярчайшая личность, с именем которой связаны не только перемена в отношениях студентов к советской части курса, но и издание по нему учебников, – Т.П. Коржихина. В том же году в результате очередной реорганизации кафедра теряет свою самостоятельность при объединении с кафедрой истории организации архивного дела. Кафедру истории госучреждений и истории организации архивного дела возглавил Ю.Ф. Кононов. Пребывание госучрежденцев в составе этой кафедры всегда вспоминалось ими с большим теплом. Будучи широко эрудированным историком, Кононов прекрасно понимал значение дисциплины для подготовки историков-архивистов и высоко ценил профессиональные качества специалистов, пришедших к нему на кафедру. Кроме того, с Н.П. Ерошкиным его связывали дружеские отношения. Помимо последнего на кафедре появились А.В. Чернов, А.А. Нелидов, Т.П. Коржихина, в качестве почасовиков приглашались Н.А. Ивницкий (одно время он работал и на полставки), А.В. Елпатьевский, А.Д. Степанский. Последний и Т.М. Смирнова – еще одна яркая во всех отношениях личность – стали штатными преподавателями кафедры в 1967 г. Через два года на кафедру пришла и автор настоящей статьи. Значительное время ушло на борьбу с преодолением в себе ученического чувства по отношению к Коржихиной, Смирновой, Степанскому, борьбу напрасную – ведь такое отношение не мешало нашей дружбе: с Танями дружила до последних дней их жизни, с величайшей скорбью провожала их в последний путь, Сашу считаю ближайшим другом. Ерошкину, возглавлявшему секцию на кафедре Ю.Ф. Кононова, было не просто руководить столь яркими, неординарными людьми. Шеф нашел, как мне кажется, единственно верный способ общения с нами – он сделал нас своей семьей, где царил на правах любящего, строгого и справедливого отца.

С осени 1969 по 1975 г. госучрежденцам, находящимся в составе кафедры госучреждений и организации управленческого труда факультета делопроизводства было особенно трудно, и не только потому, что этот симбиоз был совершенно неорганичен, просто руководители кафедры не понимали и не хотели понять даже содержания преподаваемой нами дисциплины. Вольно или невольно, но они много сделали для формирования отношения к ней как к второстепенной. Борьба с таким отношением отняла у моего учителя не один год жизни.

Летом 1975 г. Н.П. Ерошкин возглавил восстановленную кафедру и был ее руководителем до последнего дня своей жизни (его не стало 30 января 1988 г.). Еще при нем на кафедру пришли С.П. Стрекопытов, возглавлявший ее в 1988–1994 гг., А.С. Сенин. В то время она состояла исключительно из его учеников. Все последующие годы кафедра пополнялась и пополняется, в основном, учениками самого Ерошкина и Коржихиной. После смерти Н.П. Ерошкина пришли С.И. Голотик (он, к сожалению, не так давно по болезни перешел на другую работу), А.Ю. Бахтурина (в студенчестве – Юрчикова), А.В. Крушельницкий, Л.Д. Шаповалова, Е.П. Малышева.

Преобразование МГИАИ в РГГУ, как известно, не стало просто переименованием. Его руководство считало, что университет должен стать центром гуманитаризации образования. Это повлекло за собой изменение прин-

¹ *Ерошкин Н.П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; *Нелидов А.А.* История государственных учреждений СССР, 1917–1936 гг.: Уч. пособие. М., 1962; *Цикулин В.А.* История государственных учреждений СССР, 1936–1965 гг. Уч. пособие. М., 1966.

ципов организации учебного процесса. С целью предоставления студентам более широкого спектра дисциплин было сокращено преподавание дисциплин, традиционных для МГИАИ. В их число попала история государственных учреждений, но кафедра сумела перестроиться и в настоящее время, наряду с традиционной для нее дисциплиной, ее преподавателями читаются “История российского чиновничества”, “История российской государственности”, “Госслужба”, “Правовые основы госслужбы”, “История государства и права” и др., расширилась проблематика специальных курсов.

За исключением Стрекопытова и зав. кафедрой, ее члены – представители молодого и среднего поколения, А.С. Сенин и А.Ю. Бахтурина трудятся над докторскими диссертациями. Большинство членов кафедры периодически работают по грантам разных фондов. Как и прежде, в перерывах между занятиями на кафедре забегают ее ученики из далекого и недавнего прошлого, а также те из числа студентов, кто хотел бы сотрудничать с ней в дальнейшем. Конечно, последних сейчас меньше, чем прежде, но эта тенденция общая. Практически ежегодно один–два аспиранта кафедры защищают кандидатские диссертации, в среднем раз в два года проводятся всероссийские конференции, посвященные знаменательным событиям в истории российской государственности или памятным датам, связанным с историей кафедры. Обычно их материалы публикуются.

Материалы этих конференций, другая научная продукция членов кафедры свидетельствуют о постоянно расширяющейся тематике исследований, охвативших все компоненты истории российской государственности. В этом видится залог будущего кафедры, ее готовность соответствовать задачам, выдвигаемым перед высшей школой наступившим веком.

В.Ф. Козлов

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ В РАБОТЕ КАФЕДРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

В январе 2002 г. кафедре региональной истории и краеведения (РИК) исполнилось пять лет. Предпосылки же развития краеведения в МГИАИ возникли давно и базировались на потенциальной близости региональной истории с преподаваемыми в институте предметами – источниковедением и вспомогательными историческими дисциплинами, историей государственных учреждений и архивного дела и др. Наиболее активно и динамично это научное направление развивалось на кафедре ВИД, где под руководством С.О. Шмидта выполнялись дипломные и диссертационные работы, посвященные изучению источников и историографии по истории региона.

Вскоре краеведению стало “тесно” в рамках существовавших кафедр, и в 1989 г. была образована кафедра музейного дела и охраны памятников. Именно здесь стали читаться автором первые курсы по изучаемому направлению: “История краеведения”, “Источники по историческому краеведению”, “Церковное краеведение”. На базе новой кафедры вскоре был создан факультет музеологии, выделившийся вскоре из структуры ИАИ, а в 1994 г. на факультете открыта специализация “московедение”, имеющая краеведческий характер. К сожалению, с середины 1990-х годов в преподавании на факультете музеологии обозначился крен в сторону изучения истории искусств, и факультет был вскоре переименован в факультет искусств.

В ИАИ с середины 1990-х годов вновь вернулись к идее создания своих учебно-научных подразделений краеведческого характера. В декабре 1996 г. был образован общеуниверситетский учебно-научный Центр исторического краеведения и москвоведения, призванный содействовать углубленному изучению студентами региональной истории и краеведения (москвоведения) путем организации и проведения научных конференций, семинаров, круглых столов, консультаций и т.д. Инициатором создания и директором Центра стал С.О. Шмидт, прилагавший много сил для оформления краеведения в серьезное научное направление. Новый Центр разместился в здании ИАИ. В Центре развернулась работа по организации ряда конференций по проблемам российской провинции, малых городов, историографии краеведения.

В январе 1997 г. в структуре ИАИ была образована кафедра региональной истории и краеведения, призванная обеспечить преподавание блока историко-краеведческих дисциплин, а также вернуть в институт теснейшим образом связанные с архивоведением музейное дело, памятниковедение, краеведение и др. В представленной на Ученый совет РГГУ концепции новой кафедры, в частности, указывалось: “Целесообразность создания в ИАИ самостоятельной кафедры диктуется и тем, что возвращение краеведению его академического уровня, традиций, должно опираться прежде всего на архивные исследования. Кроме того, значительная часть архивных фондов представляет собой источники по местной истории. В ИАИ уже на протяжении более десяти лет пишутся и защищаются дипломы и диссертации по историко-краеведческой тематике, накоплен значительный опыт разработки теоретических и практических проблем краеведения...” В концепции кафедры большое внимание уделяется введению в учебный план курсов, отражающих основные направления историко-культурного краеведения. В течение первых лет работы силами преподавателей кафедры удалось организовать на четырех факультетах РГГУ преподавание общих курсов: “Региональная история и краеведение”, “Историческое краеведение”, “История музейного дела в России”, “Охрана памятников истории и культуры”, “Рукописные собрания музеев и библиотек”, а также специальных курсов преимущественно москвоведческого характера: “Москвоведение”, “Церковное краеведение Москвы”, “История москвоведения”, “Усадьбы в истории и культуре России”, “Экскурсионные маршруты по Москве” и др.

Основанная на почве ИАИ кафедра сосредоточила институтский опыт методики работы с региональными архивными и историографическими источниками. Проблемы источниковедения и историографии занимают заметную часть программ практически всех читаемых курсов. В программе курса “Историческое краеведение” (М., 2001, авторы – Э.Г. Истомина, В.Ф. Козлов) проблемам источниковедения и историографии посвящены специальные разделы: “Источники и методика их использования в историко-краеведческих исследованиях”, “Библиография по историческому краеведению и справочные издания...”, “Основные этапы развития исторического краеведения”. Другие разделы программы, посвященные конкретным направлениям краеведения – изучение города, крестьянской, дворянской, купеческой культур, некрополя, церковного краеведения также начинаются с темы “Историография, источники, методы исследования”.

Таким же образом выстроена программа “региональная история России” (авторы – Э.Г. Истомина, В.Ф. Козлов), где характеристика каждого региона начинается с представления источников по истории края, историографии краеведческого движения. Такое внимание к источниковедению и историографии краеведения сразу же придает последнему серьезный научный харак-

тер, учит студента восприятию масштаба, степени изученности, методике поиска и анализа источников.

Разделы историографического и источниковедческого характера предвзряют и другие читаемые курсы: “История музейного дела” (С.И. Добренький), “Охрана культурного и природного наследия России” (М.А. Полякова) и др. А некоторые общие и специальные курсы целиком основаны на источниках или на одной из специальных исторических дисциплин: “Рукописные собрания музеев и библиотек” (М.Д. Ковалева), “Генеалогия в краеведческом исследовании” (С.Ю. Шокарев). Такое особое место источниковедения и историографии на кафедре РИК обусловлено и тем, что более половины кафедральных преподавателей – ученики профессора С.О. Шмидта, подготовившие кандидатские диссертации по кафедре “Источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин” (В.Ф. Козлов, С.И. Добренький, С.Ю. Шокарев).

Из всех преподаваемых на факультете дисциплин региональная история и краеведение обладают наибольшим разнообразием форм проведения лекционных и практических занятий, возможностью наглядно и часто визуально излагать проблемы архивоведения, источниковедения и историографии. Все это привлекает на кафедру студентов разных факультетов. Ежегодно здесь защищаются до 15 выпускников. Существует обязательное требование к дипломным работам: солидная оригинальная источниковая и историографическая база, умение проводить анализ источников. В результате студенческие дипломные работы вводят в научный оборот значительное число неопубликованных архивных источников. Предметами исследования студенческих дипломных проектов являются история краеведения в регионах, отдельных обществ, региональных изданий, комплексные исследования монастырей, храмов, усадеб и т.д.

Кафедра существенно расширяет традиционные представления об источниках. Несколько дипломных работ защищено по темам использования изобразительных материалов (графика, живопись, фотографии, открытки и т.д.) как источников по истории региона, города, отдельных памятников и т.д. Аспирантка А.Н. Ларина готовит диссертацию “Документальная открытка как источник по истории и культуре Москвы”, а С.В. Литвинов – диссертационное исследование, основанное на чертежах Москвы XVII в. и археологических источниках. Ведущие профессора кафедры ИВИД С.О. Шмидт и С.М. Каштанов также осуществляют руководство работами диссертантов по кафедре РИК (С. Уваров – о москвоведе П.Н. Миллере и Л. Митрошенкова – об источниках о средневековом городе Малоярославце), что позволяет удачно сочетать региональную историю и источниковедение.

Кафедра РИК включает в круг региональных источников и памятники архитектуры и археологии. Экскурсионный метод, широко практикующийся в кафедральных курсах предусматривает показ памятников архитектуры как источников, дающих богатые, часто уникальные сведения о памятнике, его связи с окружающей средой. На экскурсионных занятиях, во время демонстрации слайдов, изобразительного раздаточного материала, студенты учатся читать каменную летопись, а на семинарских занятиях сопоставлять эти источники с документальными памятниками. Второй год на кафедре читаются спецкурс и спецсеминар “Иконография старой Москвы по изобразительным источникам”.

Характерной чертой деятельности кафедры стала организация совместно с Центром исторического краеведения и москвоведения регулярных научно-практических конференций. За последние пять-шесть лет были проведе-

ны конференции: “Москва многонациональная” (1995), о преподавании краеведения и москвоведения в вузах (1997), о проблемах изучения малых городов – Переславля-Залесского (1998) и Малоярославца (2000), исторического некрополя Москвы и России (1994, 2000), об источниках по истории усадеб (Ясная Поляна – 1996, 1997), чтения, посвященные памяти реставратора П.Д. Барановского (2001, 2002) и др. Особо следует отметить активное участие Центра и кафедры РИК в III и IV Всероссийских научных краеведческих конференциях о культуре российской провинции в г. Пензе (1995, 2000). Преподаватели кафедры принимали участие в международной конференции “Краеведение в России: истоки, проблемы, возрождение”, проходившей в Парижском университете Сорбонна в 2000 г.

Возрождение краеведческого движения в Москве и в провинции вызвало появление значительного числа научной и научно-популярной литературы. Следить за состоянием историографии по региональной истории сегодня сложно, так как многие книги и сборники издаются частным образом и маленьким тиражом. С конца 1997 г. кафедра регулярно (один раз в три недели) устраивает встречи краеведов в актовом зале института, на которых представляются новые издания по москвоведению и краеведению. Таких презентаций в присутствии авторов, составителей, редакторов за пять лет проведено более 40. Хорошей традицией “встреч на Никольской” стала продажа перед началом заседаний новой краеведческой литературы, а также появление на страницах “Вестника архивиста” рецензии-отчета о встречах (автор – аспирант кафедры Г.А. Мельничук). Традиция “встреч на Никольской” (их обычно открывает директор Центра, а ведет заведующий кафедрой) стала уже важной частью историографии москвоведения и истории ИАИ. Большую работу по организации встреч, информированию москвоведов об издании новой литературы неизменно выполняет лаборант кафедры О.А. Зайченко. Подобные мероприятия подняли авторитет кафедры и Центра и как средоточия краеведческой информации.

Источниковедение и историография занимают важное место и в научно-исследовательской деятельности небольшого преподавательского коллектива кафедры. Научная специализация преподавателей удачно отражает широту и разнообразие кафедральной тематики: история краеведения, москвоведения, церковное краеведение (В.Ф. Козлов), усадебоведение, историческое краеведение (М.Д. Ковалева), организация музейного дела и библиотек (С.И. Добренский), генеалогия, некроповедение (С.Ю. Шокарев), музейное дело и коллекционирование (А.И. Фролов).

В целом, несмотря на молодой возраст, кафедра РИК уже определяет внедрение в учебный процесс РГГУ курсов краеведческого характера. Источниковедение и историография явились важнейшей составной частью этих курсов и содействовали включению региональной истории и краеведения в число признанного научного направления в исторической науке.

К 60-ЛЕТИЮ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ (Совместное заседание Мосгорархива и Археографической комиссии РАН)

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Прежде всего благодарю руководителей Мосгорархива за организацию совместной конференции и решение подготовить сборник ее материалов (т.е. полных текстов докладов и сообщений, включая и написанное теми, кто не имел возможности присутствовать на заседании).

Совместные конференции и пленарные заседания с главными хранилищами памятников истории и культуры – архивами, музеями и библиотеками, научными учреждениями и вузами стали постоянной практикой в деятельности АК; и это всегда находит отражение на страницах Археографических ежегодников, а нередко и других изданий (прежде всего журнала “Отечественные архивы”). Понятно, что конференция, приуроченная к годовщине битвы под Москвой, имевшей столь большое значение в ходе второй мировой войны и обусловившей падение фашистской Германии, проводится совместно с Мосгорархивом, гостеприимно представившим для этого свое помещение и организовавшим интересную выставку документальных материалов о времени Великой Отечественной войны и свидетельств многообразной работы – собирательской, описательной, издательской – проводимой в этом плане в Мосгорархиве его сотрудниками и привлеченными к такой деятельности ветеранами войны и учеными специалистами из Института военной истории, ИРИ, ИАИ РГГУ и других учреждений. О результативной деятельности Мосгорархива в журнале “Отечественные архивы” в № 6 за 2000 г. помещено (на с. 13–19) насыщенное информацией интервью его руководителя А.С. Киселева в рубрике “Архивы служат городу”. Существенно и то, что особое внимание там уделено подготовке документальных изданий по проблематике “московведение”, причем, и широкой, так сказать, всемосковской и более локальной (об отдельных регионах нашего огромного города).

Планируя конференцию, посвященную изучению Московской битвы и жизни в Москве в первый военный год, АК решила скооперироваться с Мосгорархивом потому, что именно усилиями Мосгорархива при поддержке Правительства Москвы и его издательских структур проведена особенно результативная научно-публикаторская работа (достижения которой всем очевидны и на днях были продемонстрированы на зональном совещании архивистов России с участием виднейших наших ученых – академиков РАН и зарубежных архивистов). Ведь Мосгорархив по месту, которое он занимает в системе архивов, приравнивается к центральным архивам и по богатству сосредоточенных там архивных документов, и по формам и результатам работы его сотрудников. Но, хотя Москва – столичный город, и очень многое произ-

ходящее в Москве имеет общегосударственное, а подчас и общемировое значение (особенно взаимосвязи с другими регионами нашей страны и с зарубежьем), у Москвы схожие с другими большими городами управленческие, хозяйственные, многообразные общественные функции, и основная документация об этом сосредоточивается в Мосгорархиве. Мосгорархив – это и методический центр для множества разного профиля ведомственных и иных архивов нашего огромного города, а в последние годы все в большей мере и для держателей личных архивов. Мосгорархив, наработки его сотрудников – это и школа повышения квалификации для архивов всей России.

На конференции, в соответствии с главными направлениями деятельности Археографической комиссии как Научно-проблемного совета Российской Академии наук, преимущественное внимание уделяется истории выявления и изучения документов периода битвы под Москвой или об этом времени, их источниковедческой характеристике и особенно их публикации, так как именно публикации по этой тематике имеют особое значение и для исторической науки, и для популяризации архивных документов и, соответственно, распространения знаний об архивной (и собственно-археографической) культуре. Особо отметим, что московские архивы не ограничиваются официальной документацией, широко привлекают документы о повседневности военных лет, организуют материал, побуждая ветеранов войны к обработке своих личных архивов, написанию воспоминаний (с использованием и современных приемов “устной истории”). Это способствует и дальнейшему комплектованию архивных коллекций. Очень существенны здесь нравственный и учебный аспекты: пожилые люди чувствуют заинтересованность к сохранившимся у них памятникам прошлого (России) и уважение к их личному жизненному подвигу. А благодаря доступной широкой публике форме публикаций (в частности, в тематических сборниках – в книге “Москва прифронтовая” и других) их удобно рекомендовать и учащимся средних школ по программе “московведение”. Поэтому позволю себе выразить признательность всем, кто причастен к подготовке таких изданий от имени возглавляемых мною советов – и Городской экспертной комиссии по книгоизданию, и Московского городского совета по московведению (по изданию литературы для школьников и учителей).

Понятно, что тема истории Великой Отечественной войны, вопросы сохранения и изучения памятников этой истории занимают немалое место в работе и других хранилищ памятников истории и культуры, научных учреждений и вузов, и потому сотрудники таких учреждений тоже привлечены к участию в совместной конференции АК и Мосгорархива. Еще в годы войны в этом направлении проводилась большая работа в Государственном Историческом музее – была даже организована выставка свежесобранных материалов, сумели сосредоточить в ГИМ разнообразный документальный материал – печатный и рукописный, коллекцию личных фондов участников войны. В “Археографическом ежегоднике” уже публиковались статьи об этой собирательской деятельности (А.Б. Закс – АЕ за 1975 год) и сообщения, основанные на документах фонда ОПИ ГИМ “Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.”

Понятно, что материалы такой тематики оказались и в ГАРФ, и в РГАЛИ и в других хранилищах, и уже ранее вызывали интерес ученых. Так очень информативным оказался подготовленный покойным А.Д. Зайцевым для ежегодника за 1985 год обзор фонда писателя П.А. Лидова – автора взволновавшего всех газетного очерка “Таня”, поведавшего миру о подвиге Зои Космодемьянской. Особое значение имеют дневниковые записи историков о Москве военных лет – к этим, прежде знакомым им темам возвращаются

В.Ф. Козлов, в сообщении о дневниках профессора П.П. Смирнова (ставшего тогда директором Историко-архивного института), и С.А. Уваров, готовящий диссертацию об архивном фонде виднейшего московеда П.Н. Миллера.

Важным собственно-историографическим фактом была деятельность выдающихся наших соотечественников, опиравшихся на личный военный опыт и использовавших свой высокий авторитет для организации создания воспоминаний о войне и сохранения документации военных лет. Это тоже в определенной мере находило отражение в практической деятельности АК и на страницах АЕ писатель К.М. Симонов стал инициатором создания специального архива такой документации и консультировался незадолго до кончины с сотрудниками АК. И тогда сотрудник Комиссии А.А. Курносков, известный уже трудами об источниках по истории военных лет, подготовил записку с соображениями по этому поводу¹, состоялась встреча писателя с сотрудниками АК. Важно было бы сообщить данные и о большой работе, проводившейся историком академиком А.М. Самсоновым по сбору документов о повседневности военной жизни, и прежде всего солдатских писем. Помощником его был В.А. Невежин – ныне доктор исторических наук, сотрудник ИРИ РАН. Полагаю, что долг его совести опубликовать сообщение об этом и о судьбе документов, изучавшихся А.М. Самсоновым.

Документам военных лет, воспоминаниям об этих героических годах уделяется внимание в работе и с тянущимися к занятиям историей школьниками (в определенной степени это продолжает хорошие традиции предшествовавшего времени). Об опыте работы школьников на протяжении уже десятилетий предполагается рассказ первого заместителя председателя Совета Союза краеведов России В.Е. Туманова, о документах, поступающих в редакцию газеты “Первое сентября” для рубрики “Домашний архив”, – сообщение инициатора создания подобного раздела в газете, издающейся преимущественно для учителей, журналиста Д.Г. Шеварова.

Это важно и потому, что при создании сравнительно полного и целостного представления об источниковой базе истории Великой Отечественной войны, и особенно о повседневной жизни тех лет, нельзя ограничиться только материалами, сосредоточенными в центральных хранилищах. Необходимо и сопоставительное рассмотрение их с тем, что имеется в других хранилищах, сохраняется в личных фондах. И главное – не ослаблять усилий по выявлению и обеспечению дальнейшего хранения такой документации, ибо с годами величие и историческое значение свершенного участниками Великой Отечественной войны для будущего человечества становится все очевиднее.

А.С. Киселев, М.М. Горинев

ИЗДАНИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ “МОСГОРАРХИВ” ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Разработка проблематики истории Великой Отечественной войны ведется в Центре научного использования и публикации архивного фонда объединения “Мосгорархив” (далее везде в тексте – Центр; до 1993 г. – Отдел научного использования и публикаций) с момента его основания.

Вначале акцент делался на издании коллекций документов, отражавших сенсационные, либо ранее практически не освещавшиеся страницы Великой

¹ См. наст. изд. С. 445–450.

Отечественной войны. Во 2–4 книгах альманаха “Неизвестная Россия. XX век” (составители В.А. Козлов и С.М. Завьялов) опубликованы: ряд материалов уголовного дела командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова и трех других руководителей фронта – генерал-майоров В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева и А.А. Коробкова¹; подборка документов Центрального архива общественных движений Москвы (ЦАОДМ), характеризующая обстановку в Москве в середине октября 1941 г.: создание подполья, возникновение паники, реакция партийных организаций и простых москвичей на случаи дезертирства руководителей, уничтожение коммунистами партийных билетов²; три блока материалов (около трети объема всего выпуска альманаха), освещающих положение на оккупированных советских территориях: подготовленный Главным разведывательным управлением (ГРУ) Красной Армии для партийно-государственного руководства обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, раскрывающих деятельность германских властей на оккупированной территории СССР (документ отложился в ГАРФ); распоряжения высшего немецкого руководства, касающиеся “восточной политики” (из фондов ЦХИДК), и подборка сочинений школьников, оказавшихся на территории Подмосковья, оккупированной немецкими войсками (из фондов ЦАОДМ)³.

Археографическая подготовка документов в альманахе (археограф Н.А. Тесемникова) проведена в соответствии с “Правилами издания исторических документов” (1990). Документы публиковались полностью или в извлечениях, по правилам современной орфографии. Недописанные слова или другие уточнения авторского текста даны в квадратных скобках. Явные опечатки и опечатки, обнаруженные в тексте документов, исправлены без дополнительных объяснений. Купюры текста обозначены многоточием в квадратных скобках. Редакция стремилась к максимальной точности воспроизведения текста документа, передаче его с соблюдением всех авторских особенностей (редактор Л.Л. Пушкова). В некоторых случаях были также сохранены и оформительские элементы, присущие делопроизводству определенного периода истории нашего общества. Каждая коллекция документов снабжена предисловием (публикаторов или редакторов) и комментариями. Начиная со второго выпуска, в издание включался список архивов, документы которых представлены в альманахе. В 4-й книге альманаха помещен именной указатель ко всем четырем выпускам. С 1994 г. издание альманаха “Неизвестная Россия” было прекращено в связи с переориентацией Центра на выпуск литературы исключительно московской тематики (с этого времени Центр возглавила Л.Н. Селиверстова).

В середине 1990-х годов в Москве осуществлялась большая программа мероприятий, посвященных 50-летию победы нашей страны в Великой Отечественной войне. В то время объединение “Мосгорархив” выступило в качестве

¹ “Мне было приказано быть спокойным и не паниковать”: Трагедия Западного фронта и его командующего Д.Г. Павлова / Подг. В. Ерошин, В. Ямпольский // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 2. Документы, хранящиеся в архивах ФСБ РФ, согласно существовавшей тогда практике, опубликованы без легенды.

² Не только паника (октябрь 1941 г. в Москве) / Подг. К. Буков // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 3.

³ Оккупация. I. Обзор мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленный на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 по март 1943 г. / Подг. В. Козлов, С. Соманова и Н. Тепцов; II. Документы штаб-квартиры фюрера и немецкого командования о положении в оккупированных восточных областях / Подг. В. Романов, Н. Яковлева; Рассказы детей Подмосковья о немецкой оккупации, записанные Комиссией ЦК ВКП(б) по составлению хроники Великой Отечественной войны. 1941 г. / Подг. А. Пономарев // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 4.

издателя ряда книг о Московской битве, подготовленных авторским коллективом Института военной истории МО РФ. В них главным образом освещены малоизученные аспекты боевых действий в период битвы за Москву (включая этап подготовки противоборствующих сторон к столкновению)⁴. Центр и Объединение также оказали творческую и финансовую помощь Военно-научному обществу при Центральном Доме Российской армии в издании сборника его трудов, преимущественно затрагивающих ту же проблематику⁵.

Широкий общественный резонанс вызвала публикация Центром сборника документов, касающихся предыстории Великой Отечественной войны – “Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР” (М., 1995). Составителями этой книги (работниками отечественных спецслужб), пожалуй, впервые в отечественной историографии был проведен взвешенный анализ разведывательных данных, полученных накануне войны. Они отмечали, что советской разведке удалось в общих чертах вскрыть намерение Германии напасть на СССР: в декабре 1940 г. ряд агентурных источников сообщал, что “война начнется через полгода”⁶. Однако внешняя “разведка и контрразведка тогда не оценили совокупности добытых сведений, не проанализировали поступившей информации, не сделали необходимого вывода [...] Будучи доложенной руководству страны в разобранном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правительством Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий”⁷. Назначавшиеся разведкой конкретные сроки нападения Германии на СССР (всего указывалось шесть возможных вариантов) истекали, а вторжения не происходило. В этом контексте и неоднократно поступавшие сведения о 22 июня, как точной дате начала агрессии, рассматривались советским руководством в ряду очередных дезинформаций⁸.

Основное внимание сотрудников Центра (практически с 1993 г.) сосредоточилось на подготовке масштабных документальных сборников, посвященных истории Москвы в годы Великой Отечественной войны и преодоления послевоенной разрухи⁹. В условиях пропагандистских кампаний, направленных на

⁴ 50-летие победы в битве под Москвой: Материалы научной конференции [состоявшейся в Институте военной истории МО РФ в декабре 1991 г.]. М., 1993; Битва за столицу: Сб. док.: В 2 т. М., 1994; Г.К. Жуков в битве под Москвой: Сб. док. М., 1994. См. также соответствующий раздел в кн.: Военная история Отечества с древних времен до наших дней: В 3 т. М., 1995. Т. 2.

⁵ О Московской битве и Великой Отечественной войне: Труды Военно-научного общества при Центральном Доме Российской армии. М., 1997.

⁶ Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР, март–июнь 1941 г. М., 1995. С. 11.

⁷ Там же. С. 11–12.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы / Сост.: К.И. Буков, М.М. Горинев, А.Н. Пономарев. М., 1995; Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы / Сост.: М.М. Горинев, А.Н. Пономарев, Е.В. Таранов. М., 2000; Москва прифронтовая. 1941–1942: Архивные документы и материалы / Сост.: М.М. Горинев, А.Н. Пономарев, Е.В. Таранов. М., 2001. Общий объем 273 п.л. Археографы: Н.А. Тесемникова, И.И. Кудрявцев, И.С. Месяц. Редакторы: Л.Л. Пушкова, Л.А. Блинкова, О.С. Рябухина, Ю.Б. Живцов. Художники: А.К. Ершов, Г.И. Метченко, В.П. Сысоев. Фотографы: А.А. Зайцев, М.И. Кан, С.В. Бодянский, В.П. Никитин и др. Художественные редакторы: Л.Ф. Егоренко, Е.М. Сапожников. Корректоры: Е.Е. Логачева, Е.Е. Трухина, Г.С. Холодилина и др. Технические сотрудники: Л.Б. Борисова, С.А. Воронина, Р.А. Григорьев, Н.Н. Грунь, Ж.А. Завиралина, Ю.И. Пешков и др. Ответственные за выпуск: В.И. Алехин, Э.М. Каприелян, Д.Б. Павлов, Е.М. Сапожников.

дискредитацию исторического опыта народа, нам казалось социально значимым рассказать правду о той великой, достойной уважения потомков эпохе.

В книгах предпринята попытка реконструкции общей панорамы жизни Москвы. Документы же о боевых действиях (разумеется, в военной диалогии) являются как бы “рамкой” этого преимущественно городского “пейзажа”. (В книге “Москва прифронтовая” отдельными штрихами даны также зарисовки жизни Подмосковья.) Решение задач максимально подлинной реконструкции прошлого, создания у читателя “эффекта присутствия” потребовало включения в издания большого и разнообразного иллюстративного материала: редких фотографий военных лет, плакатов, картин, рисунков фронтовых художников, писем с фронта и на фронт, служебных удостоверений, фотокопий важнейших документов и др.

При отборе документов для сборников составители отказались от исключительного следования принципу “сенсации”, как не отвечающему поставленной ими перед собой цели – объективной реконструкции прошлого. Известно, что основной массив сенсационных (ранее не известных читателю и специалистам) документов находился до начала 1990-х годов на специальном хранении. Эти материалы содержат преимущественно “негативную” информацию: о катастрофах (включая военные), должностных и особо тяжких уголовных преступлениях, неэтичном поведении руководителей, случаях измены Родине, антисоветских высказываниях и действиях и т.д. Публикация исключительно этой категории документов в большинстве изданий начала 1990-х годов, существенно расширяя наши представления о Великой Отечественной войне, тем не менее, в результате воссоздавала еще более искаженную ее картину, чем это было в советское время. После знакомства с такого рода публикациями становилось непонятным главное: почему победил Советский Союз, а не Германия, если все у нас было так плохо?

Поэтому основным принципом трилогии был избран принцип “целостности” (системности).

Во-первых, в соответствии с этим принципом определялись основные темы сборников. В книгах не только освещаются “вяземская катастрофа”, паника 16 октября 1941 г., преступность, недостатки в осуществлении вывоза людей и материальных ценностей, голод в осажденном городе. В них также показаны успешное контрнаступление советских войск под Москвой, наведение жесткого порядка в столице в двадцатых числах октября, в целом положительный опыт эвакуации, подвиг московских добровольцев и тружеников тыла, налаживание снабжения города продуктами питания и т.п.

Во-вторых, принципа целостности придерживались при отборе документов. В издания включены как ранее “совершенно секретные” документы Центрального архива ФСБ РФ, 2-й части Особого сектора Московского комитета ВКП(б), Фонда партизанского движения ЦАОДМ, так и воспоминания и документы, публикация которых была бы возможна и в советское время. Изданные материалы крайне разнообразны по своему характеру. Это – мемуары, директивы, постановления, доклады, отчеты, приказы, оперативные сводки, политдонесения, дневники, заявления, письма и т.д. С целью более полного и объективного освещения тем в книги включен и ряд ранее опубликованных материалов.

В-третьих, следование принципу целостности проявилось и в стремлении представить материалы как можно большего числа московских и федеральных архивов. Всего в книги включено около 1150 документов и около 1000 иллюстраций. Они хранятся в структурных подразделениях объединения “Мосгорархив” (в первую очередь, в ЦАОДМ), а также – в Государственном

архиве РФ, Центральном архиве ФСБ РФ, Центральном государственном архиве Московской области, Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве литературы и искусства, Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, Российском государственном архиве кинофотодокументов, Научном архиве Института российской истории РАН, Архиве внешней политики РФ, Центральном архиве Министерства обороны РФ и др.

Принцип же сенсационности трансформировался в более общий принцип научной новизны: до 90% документов сборников опубликовано впервые. И это не только “сенсации”. Традиционные темы (работа промышленности, создание и боевой путь добровольческих формирований и др.) также раскрываются почти исключительно на новых материалах.

В трилогии впервые издан целый массив ранее “совершенно секретных” документов из архивов ФСБ: показания советника германского посольства в Москве Г.Штарке “Об известных мне политических убеждениях и деятельности бывшего германского посла в Москве графа фон дёр Шуленбурга”, План агентурно-оперативных мероприятий УНКГБ и УНКВД г. Москвы и Московской области по обеспечению госбезопасности в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР и докладная записка о его реализации; информации спецслужб о реагировании населения на важнейшие события войны, о ситуации на фронте, о формировании дивизий народного ополчения и др.

Думается, привлечет внимание широкого круга читателей публикация воспоминаний и документов о чекистском, партийном и комсомольском подполье, созданном в Москве на случай ее захвата немцами. Сформированные в октябре–ноябре 1941 г. подпольные организации просуществовали до марта 1943 г. и занимались, главным образом, сбором достоверной информации о положении в городе. В сборниках опубликованы материалы, раскрывающие цели, задачи, направления деятельности, источники и способ финансирования городского подполья. Уникальным историческим источником являются информации “групп по спецработе”: о положении на предприятиях, рынках, складах, в магазинах, отдельных наркоматах и др., часть которых опубликована в книгах.

Не менее интересны материалы “Комиссии по истории Великой Отечественной войны” (ее названия менялись). Члены Комиссии собрали целый массив стенограмм бесед с участниками боевых действий, тружениками трудового фронта. Эти шероховатые, “непричесанные” рассказы, записанные в основном в 1942–1943 гг. по “горячим следам” событий, касающиеся Московской битвы, в силу своей искренности и правдивости надолго угодили в “спецхран”.

Потрясают своим трагизмом акты “Московской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Подмосковье”, небольшая часть которых вошла в книгу “Москва прифронтовая”. Помещен также итоговый проект постановления Чрезвычайной государственной комиссии “Об итогах учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками колхозам, государственным предприятиям и учреждениям Московской области”.

В сборниках впервые опубликованы и другие интересные документы.

При подготовке изданий специальная работа проводилась с ветеранами, как рядовыми участниками событий, так и лицами, занимавшими в годы войны значительные посты. Им либо заказывали мемуары, либо брали имеющиеся у них материалы, а затем после минимальной литературной обработки публиковали их. На наш взгляд, воспоминания начальника контрразведывательного отдела УНКВД г. Москвы и Московской области С.М. Федосеева, руко-

водителя молодежного подполья Ф.Е. Медведева, одного из руководителей МПВО Москвы Ю.Ю. Каммерера, нынешнего председателя Совета ветеранов-партизан в/ч № 9903 Московского комитета ветеранов войны Д.М. Дмитриева и ряда других значительно обогащают наши представления о прошлом. Работа проводилась в тесном контакте с ветеранскими организациями. Много интереснейших материалов мемуарного жанра было выявлено в архивах: работницы Е.П. Вединой, мл. лейтенанта С.Н. Григорьева, видного историка А.Л. Сидорова, зам. председателя партийного контроля при ЦК ВКП (б) И.А. Ягодкина и др.

Третий, важнейший принцип изданий – принцип историзма, требующий изучения явлений прошлого во взаимосвязи друг с другом и с окружающей обстановкой, в динамике (выявление генезиса, основных этапов и перспективы). Включая в сборники целые пласты документальных материалов, составители стремились выявить и раскрыть взаимосвязь изменений на фронте и в Москве (например, в сборнике “Москва послевоенная” – в мире, стране в целом и в столице). Они старались показать, как в первые, тяжелейшие месяцы Великой Отечественной войны в различных структурах и сферах жизни Москвы и Подмосковья (в аппарате управления, в экономике, культуре, в сознании простых людей и т.д.) постепенно происходил перелом: от растерянности, неуверенности, неорганизованности к мужеству, стойкости, сплоченности. Соответственно в “Москве послевоенной” составители пытались выявить логику тогдашней истории: от эйфории Дня Победы к осознанию руководством и обществом масштабов и остроты послевоенных проблем и к их постепенному преодолению.

Четвертый принцип, которому стремились следовать составители, – принцип антропоцентризма. Великий французский историк Марк Блок сравнивал историка с людоедом: его всегда влечет туда, где “пахнет человечинкой”. В настоящих изданиях главные акценты делались на: 1) раскрытии “человеческих” аспектов традиционных тем (истории промышленности, транспорта, добровольческих формирований и др.); 2) освещении городской повседневности, воссоздании реальной картины жизни простых москвичей (особое внимание уделено московским женщинам и детям), 3) описании малоизвестных страниц биографии “знаковых” персонажей (Г.К. Жукова, А.С. Щербакова, В.П. Пронина, Г.М. Попова, З.А. Космодемьянской, В.В. Талалихина и др.),

Думается, очерк писателя П.А. Павленко о Г.К. Жукове, подборки материалов о нашей национальной героине Зое Космодемьянской (опровергающих многочисленные спекуляции вокруг ее имени), о замечательной девушке-снайпере Наташе Ковшовой; дневники журналиста Н.К. Вержбицкого, выдающегося московеда П.Н. Миллера, врача Е.И. Сахаровой, работницы Маруси К., сельского учителя М.Ф. Саввина и других никого не оставят равнодушными.

Пятый важнейший принцип трилогии – стремление придать ей подлинно научно-популярный характер: сделать книги интересными и доступными одновременно исследователям-профессионалам и широкому кругу читателей, ветеранам и школьникам. В какой-то степени, этой цели удалось достичь. Материалы “Москвы военной” широко используются в научной литературе. В канун 60-летия Московской битвы на основе документов этой книги был организован ряд выставок (причем, не только объединением “Мосгорархив”); снят четырехсерийный телевизионный фильм “Москва в 41-м” (руководитель проекта В.А. Швыряев, режиссер-сценарист и ведущая Т.С. Донская), занявший первое место на IV Евразийском телефоруме (сентябрь 2001 г.); выпущен компакт-диск “Битва за Москву” (М.: Республиканский

мультимедиа центр Минобразования РФ, 2001) и т.д. Думается, найдут своего читателя и изданные совсем недавно “Москва послевоенная” и “Москва прифронтовая”. Новой формой работы Центра с широкой общественностью стала подготовка (совместно с Республиканским мультимедиа центром Минобразования РФ) компакт-диска “От Кремля до рейхстага” (М., 2000), в котором в электронной форме представлена огромная информация по истории Великой Отечественной войны (руководитель творческой группы Центра Л.Н. Селиверстова).

Фундаментальные документальные публикации лежат и в основе работы Центра со сферой образования. На их базе выстроены соответствующие разделы учебных пособий: “История Москвы. Хрестоматия” (т. 4) “Московведение. Москва – столица России” (Учебник для 10–11 классов), “История Юго-Запада Москвы” и “История Юго-Востока Москвы”¹⁰. Нарботки, полученные в период подготовки изданий, служат основой лекций и выставок, проводимых в подшефной школе, в вузах. Следует отметить, что в школьном и вузовском курсах московведения широко используется практически вся печатная продукция Центра.

В археографической и редакционной подготовке трилогии авторский коллектив руководствовался теми же принципами, что и при подготовке “Неизвестной России”. Кроме того, были использованы и другие приемы публикации. Неправленные стенограммы подвергнуты минимальной литературной обработке: в ряде случаев изменен порядок слов, устранили лексические повторы. Некоторые воспоминания, охватывающие обширный временной отрезок, разбиты на фрагменты, соответствующие структуре книг. В этом случае в постраничных примечаниях указано расположение предшествующего и последующих отрывков. Ряд тематически целостных материалов опубликован в приложении. Многие документы, развивающие темы, намеченные в материалах, публикуемых в основном тексте книг, в целях экономии места даются в изложении и (или) обширных фрагментах в комментариях. Научно-справочный аппарат изданий включает предисловия составителей (общее и к частям), примечания, список сокращений и именной указатель¹¹. Биографические справки в примечаниях ограничены рамками описываемых событий.

В планах Центра – издание, по меньшей мере, еще двух книг серии: “Москва и Московская область. 1941–1942. Оккупация, подполье, партизанское движение. Архивные документы и материалы” и “Москва предвоенная. 1939–1941. Архивные документы и материалы”.

Кроме того, Центром выпущены две книги, посвященные выдающимся военачальникам периода Великой Отечественной войны – адмиралу Н.Г. Кузнецову¹² и Главному маршалу авиации А.Е. Голованову¹³. Данные издания развивают принцип антропоцентризма, использованный в трилогии. Книги, включают как документы самих героев (воспоминания, статьи, рассказы, письма и

¹⁰ История Москвы: Хрестоматия: В 4 т. М., 1997. Т. IV: Столица России и Советского государства (1914–1991) / Сост. М.М. Горин; Московведение. Москва – столица России: Учебник для 10–11 кл. общеобраз. учрежд. / Под общей ред. М.М. Горинова. М., 1999; История Юго-Запада Москвы: Уч. пособие для учащихся старших классов / Рук. авт. кол. Н.В. Тепцов. М., 1997; История Юго-Востока Москвы: Уч. пособие для учащихся старших классов / Рук. авт. кол. А.Н. Солопов. М., 2000.

¹¹ Из-за крайне сжатых сроков подготовки издания (сентябрь 1999 г. – начало работы над темой, апрель 2000 г. – выход в свет) в книгу “Москва послевоенная” не успели включить именной указатель, а также предисловия к отдельным частям, что существенно затрудняет пользование книгой.

¹² Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сб. документов и материалов / Сост.: Р.В. Кузнецова, А.А. Киличенков, Л.А. Неретина. М., 2000.

¹³ Главный маршал авиации Голованов: Москва в жизни и судьбе полководца: Сб. док. и материалов / Сост.: О.А. Голованова, А.В. Тимофеев. М., 2001.

др.), так и разнообразный материал о них: служебные характеристики, воспоминания сослуживцев, родных и близких. Настоящую серию также намечено продолжить. Разделы, охватывающие хронологические рамки Великой Отечественной войны, являются органической частью ряда “ведомственных” изданий Центра. Они посвящены раскрытию роли Москвы в истории отечественного флота и контрразведки, московским финансам и образованию¹⁴.

В заключение хотелось бы поблагодарить всех участников данных изданий – архивистов, историков и др., трудом которых книги увидели свет¹⁵, особые слова признательности – председателю Археографической комиссии РАН и председателю “Комиссии по книгоизданию Правительства Москвы” С.О. Шмидту, оказавшему нам честь проведением этой конференции в здании Архива и содействовавшему в получении средств на издание книги “Москва прифронтовая”.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

20 декабря 2001 г. в Москве состоялась конференция, посвященная 60-летию Московской битвы 1941–1942 гг. В работе конференции, организованной АК и Московским городским объединением архивов, приняли также участие сотрудники Росархива, ГАРФ, РГАЛИ, архивов г. Москвы и Московской области, ИРИ РАН, РГГУ, ГИМ, Музея истории г. Москвы, гости из архивов Югославии.

Открывая конференцию, начальник Московского городского объединения архивов *А.С. Киселев*, отметил, что в период подготовки к 850-летию Москвы, 50-летию Победы в Великой Отечественной войне и 60-летию битвы под Москвой объединением было опубликовано свыше 30 сборников документов и научно-популярных изданий. Большинство из них в той или иной степени затрагивает тему истории Москвы в годы Великой Отечественной войны, а такие книги, как “Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы”, “Москва прифронтовая”, “Битва за столицу”, “Г.К. Жуков в битве под Москвой”, специально посвящены этой теме.

В сборнике “Москва военная” воссоздана общая панорама жизни Москвы с начала войны по май 1942 г. В нем помещены 263 документа и 319 иллюстраций, большей частью публикуемых впервые. Выявление документов для сборника было проведено в 30 архивах. В подготовке сборника, наряду с московскими архивами, участвовали Институт военной истории и Центральный архив Министерства обороны РФ.

Особое внимание при отборе документов было уделено недостаточно изученным аспектам: созданию добровольческих народных формирований, строительству оборонительных рубежей, эвакуации, военной экономике, противовоздушной обороне, повседневной жизни москвичей, панике 16–18 октября.

Значительную часть вступительного слова *А.С. Киселев* посвятил полемике с теми отечественными историками и публицистами, которые, по его

¹⁴ Москва и судьбы российского флота: Архивные документы и исторические очерки: Книга-альбом / Сост. А.Н. Давыдов и А.А. Киличенков. М., 1996; Лубянка, 2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999; История финансов Москвы / Рук. автор. кол. О.Н. Хрычова. Отв. сост. Н.В. Тепцов. М., 1998; Образование в Москве: История и современность / Рук. автор. кол. И.Ф. Юшин. М., 2000.

¹⁵ См. об этом: *Горинов М.М.* Опыт сотрудничества с архивными и научными учреждениями в издательской деятельности объединения “Мосгорархив” // Проблемы публикации документов по истории России XX в.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. М., 2001.

мнению, фальсифицируют историю Великой Отечественной войны и приписывают подвиг советского народа.

С докладом «Издания объединения “Мосгорархив” по истории Великой Отечественной войны» выступили *А.С. Киселев* и *М.М. Горинов* (см. наст. изд. С. 304).

А.Н. Пономарев (Мосгорархив) посвятил свой доклад освещению трудового подвига москвичей в документальных изданиях “Москва военная” (М., 1995), “Битва за Москву” (М., 1996), “Москва прифронтовая” (М., 2001), “Москва послевоенная” (М., 2000). Отличительной особенностью этих изданий явилось стремление к всестороннему и полному освещению исторических событий без каких-либо умолчаний, на разных уровнях – от высшего партийного, государственного и военного руководства до заводского цеха и бригады. В названных изданиях впервые подробно освещены такие темы, окруженные ранее плотной завесой секретности, как организация производства “Катюш” и танков “Т-60”; использование детского труда на предприятиях, трудности эвакуации. Докладчик привел впервые опубликованные в этих сборниках итоговые данные: за годы войны московские предприятия выпустили 11 тыс. самолетов, 85 тыс. минометов, 3745 реактивных установок; около полумиллиона москвичей участвовали в строительстве оборонительных сооружений, более 200 тыс. женщин работали в госпиталях, стали сандружинницами и медсестрами.

Т.Н. Горбачева (Музей истории г. Москвы) рассказала о проведении первого Московского международного музейного форума, посвященного 60-летию разгрома фашистских войск под Москвой. Основная идея Форума – единовременный показ в разных городах разнообразных подлинных памятников истории Великой Отечественной войны. Центральным событием Форума стала организация выставки “Контрнаступление” в Манеже. Экспонаты для этой и других выставок Форума предоставили музеи и архивы Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также Белоруссии, Крыма, работали 33 персональных участника. Впервые в Москве экспонировались уникальные фотографии из Исторического музея Варшавы.

Такие интегрированные тематические выставки, объединяющие документальные и вещественные памятники из различных государственных, общественных и частных собраний, позволяют с максимальной полнотой и выразительностью представить исторические события во всех их многообразных проявлениях. Этот путь дает возможность наиболее полно отразить различные уровни событий – от конкретных фактов до исторических обобщений. Вместе с тем они свидетельствуют о широком размахе, плодотворной и многообразной собирательской деятельности государственных и общественных музеев.

Заведующий отделом ГАРФ *Н.С. Зелов* посвятил выступление обзору документов защитников Москвы, хранящихся в личных фондах ГАРФ, в том числе документов генерала *А.С. Гундорова*, возглавлявшего в дни обороны Москвы Всеславянский комитет; бойцов народного ополчения – преподавателя Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова *И.С. Кувшинова*, заместителя директора Московской консерватории *И.Я. Златкина*, начальника лаборатории текстильной фабрики им. Шкирятова *С.М. Бирюкова*; участников обороны Москвы – директора Института иностранных языков *И.А. Жолдака*, наркома здравоохранения СССР *Г.А. Митерева*; известных впоследствии архивистов *С.Т. Плешакова*, *Ю.П. Дзагуровой*, *В.Н. Автократова*.

Эти документы весьма разнообразны по содержанию. Они отражают участие их авторов в боевых действиях, строительстве оборонительных укреплений, работу на оборонных предприятиях; эвакуацию детей и взрослых граждан, материальных и культурных ценностей, быт москвичей в годы вой-

ны. Наряду с подлинными документами военного времени, в частности, письмами с фронта и на фронт, значительную ценность представляют рукописи воспоминаний, в том числе неопубликованные сборники воспоминаний ветеранов радиовещания, переданные в архив руководителем историко-мемуарной комиссии Совета ветеранов труда Государственного комитета по радиовещанию и телевидению М.С. Шалашниковым (среди них – воспоминания Ю.Б. Левитана); подготовительные материалы к сборнику “Письма славы и бессмертия”, над которым до последних дней своей жизни работал известный архивист и археограф В.А. Кондратьев. Несомненный интерес представляют документы о фронтовых концертных бригадах московских артистов (в том числе Л.А. Руслановой, И.С. Козловского).

Сотрудники ГАРФ продолжают работу по собиранию документальных реликвий Великой Отечественной войны, их описанию и введению в научный и культурный обиход.

О.В. Турбина (РГАЛИ) сделала обзор документов о битве за Москву, находящихся в личном архивном фонде писателя К.М. Симонова. Известно, что Симонов в последние годы жизни настойчиво добивался создания специального архива или отдела при Центральном архиве Министерства обороны для хранения воспоминаний и писем участников Великой Отечественной войны. Его инициатива, поддержанная Археографической комиссией, не встретила одобрения ни в Главном политическом управлении Советской Армии, ни в ЦК КПСС, не заинтересованных в “неконтролируемом” освещении событий войны. Сотни писем и воспоминаний бывших фронтовиков отложились в личном архиве Симонова, переданном в ЦГАЛИ. В каждом письме содержится рассказ о военных эпизодах, участником или свидетелем которого был автор письма. Участники войны, приславшие писателю свои воспоминания, верили, что он напишет правду о войне, и К.М. Симонов это доверие оправдал. Он понимал, что всю правду о войне, по крайней мере, в обозримом будущем, сказать невозможно. Но он сделал все от него зависящее, чтобы крупницы этой правды, содержащиеся в письмах и воспоминаниях фронтовиков, сохранить для будущих поколений. Он доверил хранение этих бесценных человеческих документов ЦГАЛИ.

На примере воспоминаний бывшего военного прокурора 2-й гвардейской танковой бригады Г.А. Кабанова о ноябрьских боях 1941 г. под Зарайском, присланных автором К.М. Симонову, докладчица показала, как свидетельства участника могут пролить новый свет на исторические события.

В сообщении *С.Д. Мякушева* (Росархив) “Третий орден генерала Панфилова: Из истории награждений героев Московской битвы” на примерах, связанных с именами прославленных героев обороны Москвы генералов И.В. Панфилова и Л.М. Доватора, политрука В.Г. Клочкова, были освещены некоторые малоизвестные аспекты практики награждения первого периода Великой Отечественной войны. Используя архивные документы и публикации в периодике, Мякушеву удалось показать механизм награждения боевыми наградами в дни сражения за Москву, подойти к разгадке тех, без преувеличения сказать, тайн, которыми богаты страницы героической обороны столицы.

Оказалось, что во введенном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1941 г. децентрализованном порядке награждения отличившихся в сражениях бойцов, командиров и политработников Красной Армии и Военно-Морского Флота, сыгравшем в целом положительную роль и применявшемся в течение всей Великой Отечественной войны, были такие лазейки, которые, в результате, позволяли “лишать” заслуженных наград. К сожалению, это коснулось самых известных героев битвы за Москву – И.В. Панфилова и Л.М. Доватора. В своем сообщении автор также обратил

внимание на некоторые ошибки в изложении событий Московской битвы, кочующие из работы в работу.

С.Д. Мякушевым был сделан вывод о том, что и сейчас, через 60 лет после победы под Москвой, российские историки не располагают опубликованной документальной базой, адекватно отражающей великий подвиг тысяч и тысяч защитников столицы; необходимо научное издание корпуса наградных актов периода Московской битвы. История полугодового сражения на подступах к столице должна быть основана на точном фактическом фундаменте, системных документальных публикациях и справочниках, в частности, о штабах, соединениях и частях Красной Армии, формированиях НКВД СССР, партизанских отрядах, которые принимали участие в Московской битве с начала октября 1941 г. до конца апреля 1942 г., об их командном и политическом составе, о переформированиях, преобразованиях, наградах. Мякушев подчеркнул, что это очень большое дело, требующее объединенных усилий многих ведомств и организаций. Было бы справедливо, если к созданию такого труда приложил бы усилия и Мосгорархив.

А.А. Кац (Мосгорархив) дал обзор документов личного происхождения, выявленных в Центральном архиве документальных коллекций Москвы (ЦАДКМ) при подготовке сборника “Москва прифронтовая”. В нем хранится свыше 200 личных фондов и архивных коллекций; немало документов о Великой Отечественной войне, как синхронных событиям (официальные документы, письма, дневники), так и ретроспективных (воспоминания). Особое внимание было уделено выявлению свидетельств о жизни “простых” москвичей в прифронтовом городе, их труде и быте. Таковы, например, “Воспоминания счастливого человека” педагога С.Д. Рудневой (1890–1989); мемуары старого большевика Н.А. Седикова (1891–1977), участвовавшего в организации подполья на случай возможной сдачи Москвы; эпистолярные источники из фонда В.К. Икова (1882–1956) – одного из немногих видных меньшевиков, выживших в тюрьме и ссылке. Используются в сборнике и документы личного фонда историка К.Н. Тарновского (1921–1987), учительницы 110-й школы В.А. Гусевой (1894–1985).

Многие из выявленных документов остались неопубликованными и еще ждут своих исследователей.

И.Е. Ромашин выступил с сообщением “Моральный дух советского солдата как фактор военной победы в битве под Москвой” (на примере источников по истории Тульской оборонительной операции в октябре-декабре 1941 г.). Оборона Тулы – одно из главных звеньев Московской битвы. Важным источником для изучения названной темы явились воспоминания ее участников, однако ценность опубликованных материалов¹ снижается из-за бывшей тогда редакторской и цензурной правки. Значительно более достоверными являются неизданные воспоминания, в частности, хранящиеся в Государственном архиве Тульской области. Наряду с воспоминаниями советских солдат и офицеров (в том числе весьма информативными мемуарами командира батальона Тульского рабочего полка А. Елисеева), в архиве обнаружен такой уникальный документ, как русский перевод ежедневных записей неизвестного военнослужащего вермахта – участника боев под Тулой. Сопоставление столь разных по происхождению документов позволяет сделать важные выводы. По мере того, как немцы, натолкнувшись на упорное сопротивление, теряли веру в свой успех, защитники Тулы ощущали все большее моральное превосходство. И это в значительной степени определило победу советских войск.

¹ Битва за Тулу. Тула, 1969; Все для победы. Тула, 1985.

И.В. Рыжова (ЦГАМО) рассказала о документах Московской областной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, хранящихся в Центральном государственном архиве Московской области. Осенью 1941 г. немецким войскам удалось оккупировать на короткий срок (от двух недель до трех месяцев) почти половину территории Московской области. Несмотря на краткость оккупации, хозяйству области и ее жителям был нанесен тяжчайший урон: сожжено почти 43 тыс. домов, убито 2882 мирных жителя, угнано 3607 человек, уничтожен скот, реквизировано продовольствие. Хранящиеся в фонде комиссии 1053 акта свидетельствуют о чудовищных преступлениях фашистов, 9578 актов – об ущербе, нанесенном хозяйству области. Общий ущерб составил 326 599 200 руб. (в ценах 1943 г.). В актах названы имена немецких генералов, несущих персональную ответственность за эти преступления.

В сообщении *И.Е. Сизоненко* (ЦГАМО) содержится обзор документов личных фондов архива по истории партизанского движения в Подмосковье. В оккупированных районах Московской области действовало свыше 40 партизанских отрядов, в которых сражались около 15 тыс. человек. В ЦГАМО хранятся фонды как руководителей партизанского движения и партийного подполья, так и рядовых подпольщиков и партизан. Они отчетливо делятся на документы, современные событиям, и послевоенные документы. К первой группе относятся документы и рапорты командиров, сводки и отчеты с описанием боевых операций, личные письма бойцов партизанских отрядов. Ко второй – мемуары, статьи, письма с воспоминаниями, написанные, в основном, уже в 60–70-е годы XX в. Все эти документы заслуживают детального исследования, которое, по сути дела, только еще начинается.

З.Д. Ясман (ГИМ) проанализировала в своем докладе письма военных лет из семейного архива Алексеевых, хранящегося в ОПИ ГИМ. Основную его часть составляют документы доктора биологических наук, профессора М.В. Алексеевой, ее матери, старого большевика О.А. Алексеевой, двух сестер и брата. М.В. Алексеева родилась в 1908 г. в Москве, окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. Когда началась война, она отправила маму со своей малолетней дочкой в эвакуацию, а сама ушла добровольцем в ополчение и стала медсестрой; участвовала в битве под Москвой, войну закончила в Прибалтике. После войны стала видным биологом.

В семейном фонде хранится переписка М.В. Алексеевой с матерью, дочкой, сестрой – 118 ее писем с фронта и 73 письма ей на фронт за все годы войны. Семейная переписка обычной интеллигентной семьи представляет несомненный интерес, поскольку раскрывает историю повседневности, надежду, тревоги и заботы народа, показывает, чем и как жили наши люди в пору тяжелейших испытаний. З.Д. Ясман привела много ярких цитат из этих писем, иллюстрирующих их историографический интерес и человеческую, психологическую ценность.

В.Ф. Козлов (РГГУ). Павел Петрович Смирнов (1889–1947) – видный отечественный историк. С 1938 по 1947 г. Смирнов преподавал в МГИАИ, где руководил кафедрой истории СССР. В ноябре 1941 – мае 1942 г. возглавлял его. В военные годы он преподавал также в МГПИ. Он автор многих книг и статей по социально-экономической истории допетровской России и археологии Средней Азии. Монография ученого “Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.” была удостоена в 1943 г. Сталинской премии, которую Павел Петрович полностью передал в фонд обороны.

Обширные личные материалы П.П. Смирнова были сданы его вдовой в ОР ГБЛ (Ф. 279). Среди неопубликованных работ большой интерес предстает

вляют воспоминания “Война и Историко-архивный институт в 1941 году” (32 маш. с.), написанные в начале 1943 г. В основе записки – современные событиям дневниковые записи, часть из которых сохранилась в фонде ученого. Записка начинается описанием первых дней войны, когда ее автор жил в Новогирееве под Москвой, но основное внимание уделено тому, что происходило в столице в октябре-ноябре 1941 г. Особенно подробно описаны события середины октября, когда положение по Москвой стало критическим и многие были охвачены паникой. В записке переданы тревожное настроение москвичей, различные слухи, стихийная эвакуация на восток, случаи самоубийства, грабежи и т.д. В тексте записки много набросков жизни прифронтовой Москвы, сообщения о результатах бомбардировок центра города, поведении населения в критические дни обороны.

Смирнов пишет о занятиях, чтении лекций на призывных пунктах, настроениях студентов в общежитии на Большой Андроньевской. Наибольшее внимание автор уделяет судьбе института, не попавшего в список эвакуированных вузов, описывает, как он вместе с аспиранткой И.И. Корневой и студенткой В.Н. Зеленецкой добились у властей сохранения и восстановления института, директором которого был назначен Павел Петрович.

Значительный интерес также представляют хранящиеся в фонде неопубликованные воспоминания жены ученого, Софьи Васильевны, под названием “Жизнь Павла Петровича Смирнова (1882–1947)” (132 с. тетрадного формата), большую часть которых занимают события войны. Но она гораздо подробнее помнит и записывает повседневный семейный быт комнат ИАИ, где жили супруги в первые годы войны, тяжелые условия жизни преподавателей вуза. Она детально вспоминает, как праздновали в институте присуждение Смирнову Сталинской премии.

С.В. Уваров (РГГУ) ознакомил собравшихся с весьма информативным источником – дневниками историка-московеда Петра Николаевича Миллера (1867–1943), хранящимися в его личном фонде в Музее истории г. Москвы. Дневники представляют собой 14 тетрадей; хронологические рамки записей – с сентября 1939 по ноябрь 1942 г. П.Н. Миллер ежедневно фиксировал в дневнике погодные условия, вел хронику налетов вражеской авиации и разрушения зданий, приводил сведения о росте цен в магазинах и на рынках, записывал слухи и разговоры москвичей. Он включал в записи всю увиденную и услышанную им информацию, пусть даже непроверенную; в то же время в дневниках содержатся и его собственные оценки людей и событий. По инициативе П.Н. Миллера в Институте истории АН СССР была создана группа “Летописи Великой Отечественной войны”; после эвакуации института он один продолжал работу над летописью. 22 января 1943 г. П.Н. Миллер скончался. Его дневниковые записи, лишь частично опубликованные, – уникальный источник о быте москвичей в начале Великой Отечественной войны.

К сожалению, не все участники конференции представили в письменном виде тексты своих сообщений, поэтому и настоящая хроника является неполной, однако она дает представление о широте и разнообразии тематики конференции и вводимых в научный обиход источниках по истории Битвы под Москвой.

В сборнике материалов конференции, подготовленном Мосгорархивом и Археографической комиссией под редакцией А.С. Киселева и С.О. Шмидта, публикуются полные тексты выступлений, а также статьи, представленные организаторами конференции.

В.А. Черных

К 80-летию К.Н. ТАРНОВСКОГО
(Совместное заседание СПб ФИРИ РАН
и Археографической комиссии РАН)

Р.Ш. Ганелин

СИЛА ДУХА И ТАЛАНТА*

Посмотрев на портрет Константина Николаевича я растрогался, и вспомнил те годы, и людей тех лет, и те черты характера, которые этим людям были присущи, и вот, если вы посмотрите на эту фотографию, вы ощутите эти черты – и несгибаемость, и такую очень твердую духовную стойкость... Постараюсь поэтому не столько сказать о научном творчестве Константина Николаевича, сколько предпринять попытку реконструкции образа человека своей эпохи, который хорошо знал, как в этой эпохе надо себя вести. Это такое назидательное, может быть, старческое, не то чтобы нравоучение, а воспоминание. Константин Николаевич – яркий пример того, как можно было пройти сквозь очень и очень тяжелые жизненные, научные и политические испытания. Может ли быть историк вовсе свободен от влияния времени? Начну не с Константина Николаевича, а с одной из первых своих бесед с Борисом Александровичем Романовым, нашим учителем, к которому я, будучи студентом 4-го курса, в первый раз был приглашен домой; мне был задан вопрос о том, как я отношусь к книге Б.А. “Россия в Маньчжурии”. Мы все были тогда в известной мере политизированы, но, возможно, это была отчасти вынужденная временем политизация, а, может быть, это и свойство моей собственной натуры, не боясь огорчить старика или все-таки немного боясь (а он еще вовсе не был стариком, потому что это нам, совсем мальчишкам, он казался старцем, седой человек, а на самом деле он был совсем еще не стар), сказал, что когда я читаю “Россию в Маньчжурии”, пусть меня Борис Александрович извинит, ощущаю влияние или веяние того, что тогда называлось покровщиной. Я нежней сказал, влияние Михаила Николаевича Покровского. Произнеся это, замолчал и страшно стал бояться, что Борис Александрович обидится. Он не обиделся, а сказал: “Вы знаете, я думаю, что Вы правы, потому что дело обстоит так, что если вы убьете даму, которую вы очень любили или горячо ненавидели, в ее будуаре, то на вас до самого конца жизни будет запах ее духов”. Жить в обществе и быть свободным от общества, очевидно, нельзя. Люди поколения К.Н. были людьми своего времени. Я сразу, когда посмотрел на портрет и услышал о подписи Виктора Петровича Данилова под полученной нами телеграммой, вспомнил партком института, секретарем которого был Виктор Петрович, а его заместителем – Константин Николаевич Тарновский, среди активистов был и Александр Моисеевич Некрич. Собственно говоря, из-за этого парткома институт и был разделен на

* Доклад опубликован в сборнике в честь К.Н. Тарновского, “Константин Николаевич Тарновский: Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования” (СПб., 2002).

два, с исключительной и единственной тогда целью – покончить с этой парт-организацией.

Как я представляю себе возникновение школы “новопрочтенцев”? Слово “новопрочтенцы” носило в одних устах уничижительный характер, а в других – горделивый. Имелись в виду попытка по-новому прочесть Ленина. Традиционалисты произносили это с издевкой над “мальчишками”, а сами “новопрочтенцы” считали, что, если по-новому читать Ленина, то можно у него много интересного вычитать. Собственно говоря, это был один из этапов развития советской общественной мысли предперестроечного периода.

Не буду останавливаться на различных характерных чертах советской историографической доктрины этого времени, осознанное (иногда не до конца) отторжение которых и вызвало стремление к новому прочтению Ленина (на самом деле не только его одного), а упомяну только о так называемой теории формаций. Эта теория формаций была всеобъемлющей, с математической неотвратимой детерминированностью, определявшей ход исторического развития, происхождение революций, универсальную неуклонность смены одной формации другой с обязательным для всех сторон прохождением через каждую формацию. Исключение делалось, кажется, только для Монголии, как шагнувшей в социализм минуя капитализм.

Теория формаций создавала основу для конструирования так называемых объективных предпосылок социалистической революции, которые дополнялись субъективными (это понятие включало в себя массовые движения при все усиливавшемся крене в сторону руководящей роли большевиков). Концепция предпосылок была неглупой при всей ее искусственности. Она, конечно, далеко не полностью отвечала неутолимой общественной потребности в универсальном средстве объяснения закономерностей исторического процесса, например, Февральскую революцию, в сущности, игнорировала. Нельзя, однако, не отметить, что изучение предпосылок революции, как и теория формаций, на которой строилось это изучение, было продиктовано стремлением к анализу внутренней природы исторического процесса и противостояло представлениям о его полной управляемости, сведению причин событий (в том числе и апокалиптических) исключительно к рукотворным: к действиям отдельных лиц или групп. По большей части действия эти оказывались, как и у некоторых современных авторов, злонамеренными, заговорщическими.

В этом отношении попытки поиска причин детерминированности исторического процесса могли бы приветствоваться, но на выдвинутых тогда и официально утвержденных причинах, помимо их подозрительного универсализма, лежала печать их происхождения. Они возникли в идеологическом котле Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Там происходили страстные дискуссии, окончившиеся трагически для некоторых их участников, в которых, наряду с такими специалистами, как В.В. Струве и Б.Д. Греков, участвовали очень яркие, глубоко верующие в марксизм, одаренные в области генерирования стройно выглядящих философских идей, но совершенно безапелляционные и исторически неграмотные люди, – М.М. Цвибак, А.Г. Пригожин и др. Все они были уничтожены, а В.В. Струве и Б.Д. Греков, старавшиеся налету подхватить и увязать с историческим материалом их методологические открытия, стали руководящими деятелями советской исторической науки. В 1935 г., когда теория формаций утвердилась, несмотря на то, что в 1934 г. Сталин отозвался о ней скептически, как о скучной для учащихся, Греков и Струве стали академиками. Портреты их обоих у нас здесь висят. В.В. Струве, в частности, пришлось истолковать в ду-

хе формационной теории так называемый азиатский способ производства, который, по Марксу, был с ней не совместим. В 1938 г. теория формаций в качестве особого параграфа вошла в четвертую главу “Краткого курса истории ВКП(б)”.

Долгое время опубликованные труды, доклады и прения ГАИМК, важнейший из которых носил название “Проблемы истории докапиталистических формаций”, оставались не проанализированными с точки зрения происхождения формационной теории. Мне кое-что было об этом известно по рассказу В.В. Мавродина, который был в числе гаимковской молодежи, и очень ясно представлял себе происходившее. Только много лет спустя тема возникновения теории формаций в ГАИМК была затронута Я.С. Лурье в его книге “История одной жизни” – об отце, С.Я. Лурье. Затем в вышедшем в Брянске в 1999 г. под редакцией А.М. Дубровского сборнике “Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XIX вв.” появилась превосходная статья А.А. Формозова о том, как в котле ГАИМК была “выплавлена” теория формаций.

Не прошло и четверти века, как получившая утверждение включением в “Краткий курс истории ВКП(б)” теория формаций, из которой, между прочим, чуть ли не с математической непреложностью вытекало, что за капитализмом наступит социализм, оказалась неспособной удовлетворить настоящих исследователей, занимавшихся изучением предреволюционной России, в том числе форм и степеней развития в стране капиталистических отношений. Это были, кроме К.Н., – М.Я. Гефтер, П.В. Волобуев, А.Я. Аврех, А.М. Анфимов, М.С. Симонова, подпись которой вместе с подписью В.А. Емеца стоит под телеграммой о К.Н. Все они были молоды, но рядом с ними и двое представителей старшего поколения – глава этой школы А.Л. Сидоров и И.Ф. Гиндин. А.Л. был партийным историком, учеником М.Н. Покровского, но это был архивный человек, для которого исторический факт по большей части перевешивал методологическую доктрину. Гиндин же олицетворял собой живую связь с предреволюционной экономической наукой и теорией банковского дела, в частности.

Как и П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер и другие, К.Н. пошел в архивы, где были к этому времени обработаны фонды банковских, финансовых и промышленных предприятий, чтобы посмотреть, что же представлял собой российский капитализм как предшественник социализма, который детерминированно должен был прийти ему на смену. Возникла значительная (и по объему и по качеству) литература, которая слишком известна, чтобы на ней останавливаться, – статьи в “Исторических записках”, монографии, замечательные сборники документов о монополистическом капитале в нефтяной, металлургической промышленности. Началось глобальное изучение русской деревни под углом зрения развития в ней капиталистических отношений.

В конце 1960–1970-х годов в сидоровской школе произошел раскол. Результаты исследований ее представителей, очень глубоко проникнувших в банковско-предпринимательскую сферу и создавших труды и предпосылки к новым трудам в этой области, рассматривались как подтверждение формационной теории развития общества. Ведущий представитель этого направления В.И. Бовыкин рассказывал мне, что оно встретило одобрение со стороны видных историков КПСС, которые сигнализировали в ЦК о вредности иных толкований.

К.Н. и те, кто оказались в одном с ним лагере, тоже были марксистами и ленинцами. Но они очень скоро убедились, что за продвинутыми экономическими и финансовыми формами, во многом соответствовавшими тому, что

было в это время на Западе, проглядывались традиционные черты старой российской действительности, не только деревенской, но и городской. Что касается деревни, то ее изучение связано с именем А.М. Анфимова, который в буквальном смысле пересчитал землевладение и землепользование всей России. К.Н. и другие ученые, которые считали нужным изучать российский капитализм по источникам, выходящим за пределы круга банковской и связанной с ней документации, пытались анализировать конкретную экономическую и социальную действительность по различным ее проявлениям, оказывались в противоречии с принципом детерминированной смены одной формации другой, особенно капитализма социализмом. Капитализм должен был быть для этого, если не перезревшим, то вполне зрелым, а этого у них в общероссийском масштабе не получалось. Такие взгляды, да еще высказанные “снизу” (П.В. Волобуев, хотя и работал некоторое время в ЦК, не занимал в партийно-иерархическом отношении достаточно высокой позиции, чтобы выдвигать “новые положения”), не могли не вызвать сопротивления со стороны идеологических “верхов”. Недвусмысленно и ясно выразил это в статье в защиту теории формаций в журнале “Коммунист” заведующий Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников.

Здесь следует обратиться к воспоминаниям, связанным с ролью личности если не в истории, то в историографии. Незадолго до смерти А.Л. Сидорова, в 1966 г., я был у него в больнице. И он мне сказал, что произошло нечто для нашего института чрезвычайно неприятное: Трапезников назначен заведующим Отделом науки. Я не знал ни того, кто такой Трапезников, ни почему это так неприятно для института. И он мне объяснил, что Трапезников приехал в Москву из Кишинева, где он работал у Брежнева, окончил, кажется, заочно, Кишиневский пединститут, был большой любитель исторического писания, занимался аграрным вопросом в марксизме-ленинизме. Потом он издал свои труды, которые были, кстати сказать, по отзывам знатоков (помню мнение Ш.М. Левина), иногда противоречивы и в некоторых своих частях далеко не так ортодоксальны, как казалось. Но это было позже, а Сидоров имел в виду его пребывание в докторантуре нашего института, вероятно, в середине или во второй половине 1950-х годов. На заседаниях К.Н. и В.П. Данилов обращались с ним и с его текстами без особенной почтительности, отмечая несообразности, делая, как обычно, замечания, в том числе и друг другу. Затем пришлось продлить срок пребывания в докторантуре. Это было сделано, но ему пришлось, – рассказывал А.Л. Сидоров, – ждать в роли просителя в директорской приемной. А этого не прощают, – заключал А.Л.

Через несколько лет после кончины Сидорова и начался поход против “новопрочтенцев”. Их обвиняли в стремлении опровергнуть Ленина. А они хотели отнюдь не этого, их цель была в том, чтобы ленинскую формулу “империализм как высшая стадия капитализма”, получившую в чрезвычайно узком ее значении официальную канонизацию, обогатить Лениным же, а не закрывать глаза на всесторонний характер его оценок российской действительности при том, что иногда они противоречили друг другу. Неприкосновенная монументальность ленинской формулы империализма была подорвана еще во второй половине 1950-х годов, когда по инициативе алмаатинского профессора Бровера, горячо подхваченной в нашем московском институте А.Л. Сидоровым, был поставлен вопрос: что Ленин имел в виду, когда говорил о российском феодализме как военно-феодальном? Была проведена острейшая дискуссия по поводу, имел ли он в виду империализм как высшую стадию капитализма, как категорию экономическую, или употреблял в этом

случае слово “империализм” для обозначения захватнической политики различных исторических времен, начиная с Римской империи. Второе решение признано было правильным, но П.В. Волобуев остался сторонником первого.

А затем, лет десять спустя, “новопрочтенцы” – и здесь К.Н. как яркий представитель творческого начала в марксизме был одним из инициаторов этого – стали отнюдь не противопоставлять (употребление такого слова было невозможно ни для кого) ленинской теории империализма ленинскую же формулу о многоукладности, а соединять их друг с другом. Соединение это было, в сущности, естественным, потому что Ленин отмечал наличие в послереволюционной России всех формаций, называя их укладами, – от первобытнообщинного до капиталистического. Понятие многоукладности, его введение в обиход давало возможность создать более яркую, дифференцированную, соответствующую жизненным реалиям картину российской социально-экономической действительности и предреволюционных времен.

К.Н., придававший теории многоукладности большое значение (напомню о его классической работе по ремесленной промышленности), острил по этому поводу, что дело было не только в многоукладности, но и в многоподъездности. Это второй термин (тут-то уж я почти не сомневаюсь в авторстве К.Н.) означал, что в то время, как в Отделе науки инициировали гонения против “новопрочтенцев”, в Международном отделе ЦК их втихомолку привечали. А находились эти отделы в разных подъездах. Насколько я себе представляю, в определении позиции Международного отдела играл роль заместитель заведующего, В.В. Загладин. В отличие от ортодоксов, настаивавших на неотвратимости победы социализма во всем мире, “международники”, ведавшие отношениями с зарубежными компартиями, вряд ли могли настаивать перед их руководителями на всеобщей обязательности такой исторической перспективы. Впрочем поддержка “новопрочтенцев” “международниками” не оказалась сколько-нибудь действенной: идеологическая доктрина в целом была вне их компетенции.

Надо отметить две общесоюзные научные конференции, проведенные под ощутимым влиянием новых веяний. Одесская – о рабочем классе (со словами: “облик, борьба, гегемония” в названии и с осторожной попыткой Ю.И. Кирьянова и П.В. Волобуева поставить под вопрос непрерывность и обязательность гегемонии пролетариата в политической борьбе), и, получившая особенно широкий отклик среди исследователей хозяйства в различных регионах, Свердловская – о многоукладности, материалы которых были изданы, стали сигналом к атаке на “новопрочтенцев”, как пытающихся пересмотреть “твердый марксизм” (выражение аппаратчиков тех лет). Они были сокрушены. Надо сказать, что личность К.Н., его благородство способствовали тому, что его били сильно.

Но Любомир Григорьевич Бескровный, заведовавший сектором исторической географии, взял его к себе и в общем приютил. К.Н. получил возможность заниматься исторической географией, изучением истории ремесла в России и делать то, что он хочет. Это обстоятельство помогло, но оно и повредило, потому что то, что он получил приют, кров и дом, привело к тому, что была устроена расправа над его докторской диссертацией по историографии российского империализма, позже увидевшей свет и получившей общее признание. ВАКовская история этого более или менее известна. Известны и люди, которые приложили к этому руку. Встречались и такие люди, которым было стыдно за эту расправу, хоть они и не были к ней причастны. Кирилл Владимирович Гусев, как только оказался заместителем председателя

ВАК, немедленно дал знать Николаю Евгеньевичу Носову, нашему директору, что надо в Ленинграде, в стороне от московских бурь и страстей, провести защиту докторской диссертации К.Н. Николай Евгеньевич передавал слова Кирилла Владимировича: “Вам бояться нечего, а я это покрою. В конце концов уволят, заместитель председателя ВАК может претендовать на более или менее приличную пенсию”. Это я рассказываю о недавно скончавшемся человеке, который однажды на моих глазах очень ловко, мужественно и гибко вел себя в аналогичной ситуации. У нас состоялась защита К.Н. в бытность заведующего ЛОИИ В.А. Шишкина, который активно ей содействовал. Тема работы – “Ленинская Искра”. Это была интересная работа. По теме у него было много напечатано, но, конечно, все-таки основные работы К.Н. – его статьи и книги, посвященные историографии российского империализма. Мне представляется, что это его самый существенный вклад в историю общественной мысли и российскую историографию. Например, его первую книгу, вышедшую в 1965 г., особенно ценю потому, что она осталась непревзойденной в одном определенном отношении: прошел XX съезд, потом разгромили “Вопросы истории”, и вопрос о Сталине как историке повис в воздухе. “Сталин как историк” – эта тема и сейчас остается, в сущности, неразработанной. И вот в первой книге К.Н. Тарновского “Советская историография российского империализма” тонко и вместе с тем беспощадно показано не формирование взглядов Сталина, а, я бы сказал, фабрикация, “кройка и шитье” тех основополагающих фрагментов сталинизма, которые выдавались на протяжении десятков лет за марксистско-ленинское учение об империализме, переходе буржуазно-демократической революции в социалистическую и пр. Сделано это очень тонко и осторожно – хотя время тогда еще было для этого не очень подходящее и вместе с тем блестяще. Все остальные работы К.Н. по истории империализма и по историографии империализма в России имеют непреходящее значение.

Кроме того, он был одним из первых (вслед за А.Л. Сидоровым), кто стал непосредственно изучать военную экономику России. Сидоров начал это блестящей большой статьей, вышедшей к 10-летию Октябрьской революции в сборнике семинара М.Н. Покровского “Очерки по истории Октябрьской революции”. К.Н. стал готовить кандидатскую диссертацию по военной экономике. Затем он был редактором и самым деятельным публикатором серии журналов Особого совещания по обороне государства, и этим тоже стяжал себе известность. Это было не простое дело, потому что именно во время войны во всей полноте проявились регулирующая роль государства и особенности российской государственности, дававшие особые возможности императивного плана для экономического регулирования, что оставалось нераскрытым. Мы путались в формулах о подчинении или сращивании монополий и государства, т.е. подчинялись ли монополии государству или сращивались с ним. О подчинении монополий государству не могло быть и речи. Тарновский, вслед за Иосифом Фроловичем Гиндиным (и в этом смысле они были единомышленниками) ломал эту формулу, деликатно показывая, что в российской действительности самые крепкие, самые сильные монополии вынуждены были подчиняться государственному регулированию. Это очень сложный процесс. В тех бумагах помощника управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтова, в его записях заседаний Совета министров, которые удалось недавно нам издать, процесс выглядит, может быть, и сложнее, потому что министры считали, что государство наносит ущерб своей регулирующей роли в силу разделения власти между Советом министров, верховной властью и военным командованием.

К.Н. Тарновский, а до него И.Ф. Гиндин, были правы, конечно, в том, что они показали роль государственности в российских условиях в регулировании экономического процесса и экономических явлений, особенно, повторяю, в военные годы. Вклад К.Н. в изучение военной экономики России определяется не только его собственными исследованиями и публикациями, но и подготовкой посмертного издания монографии А.Л. Сидорова об экономическом положении России в годы первой мировой войны. При жизни А.Л. успел издать первую из своих двух известных монографий – о финансовом положении страны, а работа над оставшейся неизданной рукописью, посвященной военной экономике тех лет, выпала на долю К.Н. и была проделана с большой тщательностью.

Среди молодежи и людей почтенного возраста сейчас встречается пренебрежительное отношение к таким сюжетам, как история с “новопрочтенцами”. Зачем нам, говорят при этом, история борьбы внутри докторины, без которой мы теперь успешно обходимся? С моей точки зрения, это далеко не так. Во-первых, речь идет о самых существенных элементах развития советской общественной мысли в последние десятилетия существования советского строя в нашей стране задолго до его краха, задолго до его идеологического банкротства. Это очень существенные вещи. 1973 год ознаменовался ведь не только тем, что выгнали Волобуева, Тарновского и других, в это же время “шерстили” Институт социологии. Так что, вероятно, работа над архивами ЦК, над архивами идеологического отдела и отдела науки даст возможность установить какие-то намечавшиеся тогда общие подходы к тому, чтобы навести порядок в идеологическом хозяйстве. Вот одна сторона дела. Но есть и другая. Я возвращаюсь к тому, с чего начинал, к тому, что говорил мне Б.А. Романов – “о запахе духов от убийцы любимой или ненавидимой им женщины”. Это проблема историка-творца и соотношение *его* творчества и *его* личности с *его* временем – проблема даже не идеологического, а чисто историографического значения. И К.Н. в этом смысле фигура необыкновенно яркая, необыкновенно чистая. И он это очень просто объяснял. Однажды он мне сказал: “Ты не думай, что я такой святенький, я просто не умею кусаться, не умею интриговать. Хотел бы, но вот не умею”.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

9 октября 2001 г. состоялось заседание СПб ФИРИ РАН и Археографической комиссии, посвященное памяти К.Н. Тарновского. Его открыл директор Института В.Н. Плешков.

С докладом выступил член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин¹, затем те, кто был близок с К.Н. Тарновским и кто больше знал ученого по его трудам.

Л.Е. Шепелев (СПб общество историков и архивистов) в своем выступлении обратил внимание на увязку Р.Ш. Ганелиным вопроса о работе К.Н. Тарновского по истории империализма в России с общей историографической ситуацией 1950–1960-х годов, и с подготовкой и изданием в 1957 г. сборника документов “Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции” под руководством П.В. Волобуева. Обойтись без паритетного участия в этой публикации ЦГИАЛ оказалось невозможно. Предполагалось привлечение к совместной работе ленинградских

¹ См. наст. изд. С. 317–323.

и московских историков, в том числе Тарновского. По какой-то причине ученый не смог участвовать в работе. По замыслу сборник должен был продемонстрировать, во-первых, наличие в стране предпосылок социалистической революции, и, во-вторых, неспособность российской буржуазии избавить Россию от “грозящей катастрофы”. Издание все-таки оказалось полезным собранием источников, что было отмечено в ряде рецензий, а также в книге К.Н. Тарновского “Советская историография российского империализма” (М., 1964). Сотрудничество ленинградских и московских ученых было продолжено при подготовке тома “Документов по истории монополистического капитализма в России” (VI том “Материалов по истории СССР”). В нем И.Ф. Гиндин и К.Н. Тарновский представили публикацию “История монополии Voгау (торгового дома Voгау и К⁰)”.

А.В. Островский (СПб университет технокоммуникаций) остановился на судьбе “нового направления” в исторической науке, к которому принадлежал Тарновский и которое было разгромлено в начале 1970-х годов. Только во второй половине 1980-х годов открылась возможность вернуться к обсуждению многих вопросов, изучение которых было искусственно прервано. Тогда увидели свет некоторые работы представителей “нового направления”, в том числе и первая докторская диссертация Тарновского. Однако на современном этапе исторической науки приходится констатировать почти полное забвение проблем, разрабатывавшихся представителями “нового направления”.

Докладчик сосредоточился на трех важных положениях концепции Тарновского. Во-первых, на предложенном им принципиально ином подходе к изучению не только пореформенной российской деревни, но и России в целом. Вместо общепринятого сопоставления процессов в экономике России и странах Запада, Тарновский показал, что пореформенная российская деревня была ближе к колониальной Индии второй половины XIX – начала XX в., только вступавшей в период первоначального накопления капитала. Правомерность такого подхода ни в одной работе не была поставлена под сомнение. Во-вторых, Тарновский считал, что Россия переживала процесс первоначального накопления капитала, который был характерен для стран Западной Европы в XVI–XVIII вв., вплоть до начала XX в. В это время в европейских странах бурно развивался промышленный переворот и индустриализация вступала в завершающую стадию. Россия же оказалась в совершенно новой ситуации. В ней одновременно происходили и первоначальное капиталистическое накопление, и промышленный переворот. Именно в этом заключалось “наложение эпох” и проблема многоукладности пореформенной экономики России. Известно, что постановка вопроса о многоукладности была в свое время оспорена В.И. Бovyкиным. Заслуга Тарновского и его сторонников заключается не только в том, что они обратили внимание на необходимость учета многоукладности, но и поставили вопрос о соотношении патриархальных, феодальных (полукрепостнических) и раннекапиталистических, капиталистических отношений в пореформенной российской деревне. В-третьих, считал Тарновский, первоначальное накопление капитала происходило в России в совершенно других условиях, в отличие от Запада, и потому Россия не могла развиваться ни по-прусски, ни по-американски. Для России был характерен иной вариант аграрно-капиталистической эволюции.

По мнению докладчика, в этих условиях неизбежно проявлялись своеобразие в развитии как промышленного переворота, так и индустриализации. Он убежден, что тот уровень, на который Тарновский и другие представите-

ли “нового направления” подняли изучение аграрной истории пореформенной России, остается непревзойденным. Однако начатая ими работа не получила продолжения после 1991 г. Взгляды Тарновского не вписывались тогда и не вписываются сейчас в господствующие представления о пореформенной России. У историков этого течения не оказалось смены, и когда пали запреты и исчезла цензура, когда время предъявило спрос на другие идеи, продолжить их дело уже некому.

С.К. Лебедев (СПб ФИРИ РАН) коснулся судьбы идей К.Н. Тарновского в литературе 1990-х годов, предварительно отметив связь теории многоукладности с концепцией постоянной отсталости А. Гершенкрона. Докладчик подчеркнул, что “новое направление” обратило внимание на дисгармонию, неравномерность и нелинейность развития общества. Эти положения вызывали резкую критику В.И. Бовыкина с 1970-х годов и вплоть до 1998 г. Докладчик огласил доводы В.В. Поликарпова, который обратил внимание на то, что историография, в том числе и англоязычная, не учитывает работ “нового направления”, придававших значение непрогрессивным процессам – традиционализму, инерции и отсталости. Сейчас становится ясно, сколь существенно сделанное Тарновским. По большому счету ученый находится на мировом уровне именно потому, что осознавал необходимость смотреть широко и не одномерно: зависимость–независимость, левый–правый, отсталость–неотсталость. Может быть, совершаемое сейчас в области социальной истории и есть современная реплика Тарновскому и продолжение работ “нового направления”.

Чл.-корр. РАН *В.А. Шишкин* (СПб ФИРИ РАН) раскрыл свое организационное участие как директора ЛОИИ в защите Тарновским докторской диссертации по “Искре”. Он также поделился своими впечатлениями о широте интересов ученого и не только в области истории, но и культуры, музыки. Вспоминая о кампании в 1960–1970-е годы против Тарновского и его единомышленников, Шишкин согласился с Ганелиным, что Тарновский не был склонен к интригам и склокам. Он был сдержанным, твердым, сильным человеком. Докладчик также подчеркнул очевидную глубину работы ученого о многоукладности.

А.Н. Цамутали (СПб ФИРИ РАН) поделился своими воспоминаниями о Тарновском как о человеке. Он отозвался на отдельные высказывания в выступлении Островского и Шепелева, корректируя их. Докладчик особо подчеркнул самое внимательное отношение Тарновского к молодым историкам – Б.В. Ананьичу, В.С. Дякину, Ю.Б. Соловьеву и себе, проявлявшим порой на обсуждениях горячность, свойственную их возрасту. Скептически он отнесся к проскользнувшему, пусть и в шуточной форме, бытующему противопоставлению московских и ленинградских историков.

Цамутали, вспоминая об учителе К.Н. Тарновского, А.Л. Сидорове, говорил о сложной судьбе этого ученого. С одной стороны, Сидоров был причастен к так называемой борьбе с космополитизмом, с другой, он сделал много полезного и для докладчика. Далее Цамутали сопоставил настойчивые усилия Сидорова по разворачиванию публикации документов по истории экономики России с, казалось бы, далеким по времени и теме выступлением А.Е. Преснякова на диспуте при защите им докторской диссертации. Подчеркивая присущее петербургской школе усиленное внимание к изучению исторических источников, Пресняков, по мнению докладчика, старался указать историкам путь, следуя которому историческая наука может выжить, по выражению С.А. Жебелева, в лихолетье, т.е. – годы революции и гражданской войны, сохранив лучшие традиции, особенно в области источ-

никоведения. Этим же путем, полагает Цамутали, шел и Сидоров. В очень трудные для исторической науки годы (конец 1940-х – начало 1950-х годов) было предпринято совместными усилиями сотрудников Института истории АН СССР, ЛОИИ АН СССР, ЦГИА капитальное издание документов, охватывавших важнейшие события в социально-экономической жизни России конца XIX – начала XX в., которые рассматривались с точки зрения экономических предпосылок Октябрьской революции 1917 г. Тем самым Сидорову удалось сохранить большую группу историков и Москвы, и Ленинграда как специалистов по истории дореволюционной России (тогда говорили: истории СССР периода капитализма), и это в то время, когда все темы за исключением истории советского общества, вообще сворачивались или даже исключались из планов.

В этой ситуации Тарновский сыграл особенно заметную роль, подготовив книгу по историографии. Уже успешно защищенную в качестве докторской диссертации эту книгу ВАК не утвердил по причине, далекой от науки. Тарновскому, как и некоторым другим ученым не могли простить борьбу против догматизма, борьбу, которая внешне велась в защиту решений XX–XXII съездов КПСС. После снятия в октябре 1964 г. со всех должностей Н.С. Хрущева время от времени предпринимались попытки дезавуировать решения XX–XXII съездов. Цамутали привел красноречивый эпизод, имевший место в феврале 1966 г. в Институте истории АН СССР при обсуждении подготовленного парткомом (его секретарем тогда был В.П. Данилов, а заместителем секретаря К.Н. Тарновский) доклада с обсуждением задач дальнейшего развития исторической науки. Он был выдержан в духе решительного противостояния каким бы то ни было попыткам вернуться к реставрации сталинизма и защиты линии XX–XXII съездов КПСС. Вследствие закулисных интриг было сорвано утверждение результатов докторской защиты Тарновского, хотя достоинства монографии, посвященной историографии империализма, были несомненны.

А.Н. Цамутали считает, что книга Тарновского была одним из лучших образцов историографического исследования. Сам же ученый, проявивший редкое самообладание и представивший к докторской защите новую диссертацию о газете “Искра” и ее роли в политической и общественной жизни России, был старшим коллегой, на которого можно равняться. Участник Великой Отечественной войны, Тарновский с горечью говорил о том, что народ и страна, вынесшие на своих плечах все ее тяготы и кровью завоевавшие победу, достойны лучшей участи. Сам он, с непреклонностью убежденного в своей правоте человека, поступал так, как ему подсказывало чувство долга, ответственности за подлинную науку.

Председатель АК С.О. Шмидт поблагодарил коллег-петербуржцев и за подготовку книги “Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время: Историография. Воспоминания. Исследования”, и за приглашение москвичей к участию в этом заседании, осуществленном при финансовой поддержке РГНФ, и за организацию конференции памяти ученого. Когда Тарновский с особой симпатией говорил о ленинградцах и Ленинграде, то становится все очевиднее, что для этого у него были серьезные основания – не только привязанность к архивным материалам ЦГИА, уважение к научным результатам работы ленинградских историков, но и крепкие и теплые личные взаимосвязи.

Сейчас, по прошествии почти полутора десятилетия со времени кончины, выявляется еще в большей мере значимость свершенного Тарновским в нау-

ке истории и перспективность разрабатывавшейся им научной методики – при всех следах его эпохи и даже принятых тогда клише обязательного цитирования сочинений классиков марксизма-ленинизма в подтверждение своего мнения. Более того, Тарновского отличали, и это тоже становится заметнее сейчас при сравнении с написанным тогда же коллегами, не подгонка материала под цитаты, т.е. вывод, по существу, навязанный даже, если он и принят на веру, а творческое осмысление ленинских трудов. Тарновского интересовал сам процесс ленинской мысли, источниковая база его построений, рождение вывода, а не конечная формулировка. И потому его работа источниковедческого плана о ленинских “Тетрадах по империализму” приближается по своему уровню к таким вершинным для источниковедения трудам, как статьи С.Н. Валка.

Конечно, Тарновский был и организатором науки. Но не традиционного, преимущественно административного типа, как П.В. Волобуев. Тарновский, прежде всего, генератор идей, побуждающих других к творчеству, радостно поощрявший научную молодежь. И главный его интерес не утвердить именно за собой лидирующее положение на “фронте” исторической науки, а дать возможность свободного научного творчества. Как лидер, он воспринимался и в высших инстанциях потому, что был ярче других, да, пожалуй, и независимее. Видимо, потому люди менее одаренные и менее порядочные старались использовать свои возможности, чтобы препятствовать его подъему даже по стандартным ступеням ученых степеней. А чтобы зависть и недоброжелательство не выглядели слишком откровенно, пытались оправдать свои поступки выполнением официально поощряемой “миссии” противостояния выдвиганию в науке лиц еврейской национальности, к которым причислили первоначально и Тарновского. Тем более, что среди близких ему, убежденному интернационалисту по своей ментальности, было немало людей нерусского происхождения; да и воспитаны московские интеллигенты нашего поколения были так, что даже не задумывались над тем, что написано в пятом пункте анкет наших знакомых. Когда во время разговора в ЦК КПСС ему дали понять, что при таких национальных признаках трудно рассчитывать на изменение ситуации с ним, Тарновский был вынужден привести факты, показавшиеся действительно убедительными многоопытным в кадровой политике функционерам: он напомнил, что его отец был назначен главным редактором “Учительской газеты” за год до кончины Сталина, да еще получил квартиру в высотном здании в Котельниках. При наличии пятого пункта это было тогда совершенно недопустимо.

Тарновский, как известно, особенно претерпел в период преследования “нового направления”, ВАК не утвердил его в ученой степени доктора исторических наук, хотя защита диссертации была блистательной и при единогласном голосовании. Тарновского, прирожденного педагога, умного темпераментного лектора, внимательного и поражавшего эрудицией руководителя семинарских и дипломных работ, отторгнули и от преподавания. Однако рассматривать фигуру Тарновского, преимущественно, лишь в контексте, связанном с “новым направлением” и борьбы с причисленными к нему историками, не следует, это преуменьшает масштаб личности и сужает представление о сфере исследовательских интересов ученого, не говоря уже о человеческой притягательности Константина Николаевича, разносторонности его дарований, широком круге его знакомств.

Об этом приходилось и говорить, и писать не раз, не только в выступлениях и статьях, посвященных Тарновскому. В определенной мере это выра-

жено в концентрированном виде в моей статье “К семидесятилетию со дня рождения К.Н. Тарновского” в Археографическом ежегоднике за 1991 г., затем перепечатанной в книге 1997 г. “Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии”. Хорошо, что последняя фраза этой статьи “и думается, что к образу его – ученого и человека еще не раз обратится историческая мысль” нашла подтверждение в организованной в Петербурге конференции памяти нашего друга и в подготовленном по инициативе петербуржцев же сборнике статей* о выдающемся историке второй половины ХХ в. и по проблематике, особенно близкой его научным интересам и по сей день оплодотворяемой его идеями.

Б.Д., Е.Ш.

* Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография. Воспоминания. Исследования. СПб., 2002. Книга содержит статьи о Константине Николаевиче Тарновском: *Емец В.А.* К.Н. Тарновский – “шестидесятник”; *Симонова М.С.* О К.Н. Тарновском; *Данилова Л.В.* Значение трудов К.Н. Тарновского для изучения истории дореформенной России; *Поликарпов В.В.* К.Н. Тарновский и “новое направление” в изучении социально-экономической истории России конца XIX – начала XX века; *Саев Л.Я.* Источники по экономической истории периода первой мировой войны: опыт издания под руководством К.Н. Тарновского; *Крупина Т.Д.* Участие К.Н. Тарновского в публикации исторических источников: штрихи к портрету ученого; *Ольховский Е.Р.* К.Н. Тарновский об источниковом круге “Искры”; *Шепелёв Л.Е.* По поводу книги К.Н. Тарновского “Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в.”, воспоминания о нем и статьи по тематике его работ.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

В.Н. Малов

ДЮТЬЕ-РИБЬЕ-ЛАМУАНЬОН: НОВОЕ О КОЛЛЕКЦИИ ЛАМУАНЬОНА

*К 100-летию со дня рождения
А.Д. Люблинской*

В настоящее время Российский государственный архив древних актов ведет публикацию полного каталога фонда, известного под названием “коллекция Ламуаньона” (Ф. 81, содержащий 66 томов, ранее находился в составе фонда Строгановых), и впервые введенного в научный оборот А.Д. Люблинской¹. Каталог, составление которого было начато еще в 1960-е годы И.С. Шарковой, выходит в настоящее время в свет под редакцией автора этих строк в четырех выпусках². Значимость этого фонда, содержащего свыше 8200 документов, определяется тем, что он более чем на 99% представляет собой большую часть ведомственного архива государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг. Жана Дютье³. Один из четырех государственных секретарей, распределение дел между которыми было построено по географическому принципу, Дютье, ведал “юго-восточным направлением”: перепиской с Лионом, Дофине, всей Италией и Турцией. Когда он умер (март 1560 г.), бумаги государственного значения остались в его семейном архиве (в замке Борегар близ Блуа), в руках его наследников. Такова была обычная ситуация для того времени, когда на министерском уровне еще не существовало государственных архивов.

К сожалению, для историков архив Дютье не сохранился полностью: он раздробился на несколько фрагментов, частью пропавших, и коллекция первого президента Парижского парламента в 1658–1677 гг. Гийома де Ламуаньона – лишь одна (пожалуй, самая крупная) из дошедших до нашего времени частей этого документального комплекса. Сложная история архива Дютье в XVII в. до сих пор не ясна во всех подробностях, однако работа по составлению каталога позволила выявить новые факты и построить новую версию событий, отличную от высказывавшейся ранее. Об этом и пойдет речь ниже.

А.Д. Люблинская отмечала, что в коллекции Ламуаньона хранятся некоторые документы, входящие в известную двухтомную публикацию эрудита XVII в. Гийома Рибье, появившуюся в 1666 г.⁴ и идентичную с нашей коллек-

¹ Документы по истории внешней политики Франции 1547–1548 гг. / Под ред. А.Д. Люблинской. М.: Л., 1963.

² Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ламуаньона (Архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.). Описание документов / Под ред. В.Н. Малова. М., 1997. Вып. 1.

³ Малов В.Н. Происхождение коллекции Гийома Ламуаньона (ЦГАДА) // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 55–69.

⁴ Lettres et mémoires d'Etat des roys, princes et ambassadeurs sous les règnes de François 1er et Henri II, par G. Ribier. Paris; Blois, 1666. Т. I–II.

цией по тематике и хронологии документов. Возник вопрос о соотношении коллекции Ламуаньона и фонда, имевшегося в распоряжении Рибье, и на первых порах А.Д. Люблинская, видимо, считала возможным самое простое его решение. “Из богатейшей коллекции Ламуаньона, – писала она, – Рибье взял (для публикации. – В.М.) едва ли одну десятую часть”⁵. Иными словами, предполагалось, что все или почти все опубликованные Рибье документы хранились в составе того комплекса, который затем стал собственностью Ламуаньона. Сам этот комплекс, как известно, Люблинская считала происходящим из личного архива коннетабля Монморанси; с его документами, по ее мнению, Рибье мог ознакомиться после казни внука коннетабля, герцога Анри де Монморанси в 1632 г., когда на имущество казненного был временно наложен секвестр.

Дальнейшее изучение фонда позволило проверить это представление. В моей статье 1976 г., где было доказано происхождение коллекции Ламуаньона из ведомственного архива Дютье (что сделало понятным, в частности, как велики были возможности блуасца Рибье приобрести документы из находившегося рядом с Блуа Борегара), приводились и подсчеты числа документов, общих для коллекции и публикации Рибье. Оказалось, что из 44 опубликованных Рибье документов за апрель 1547 – апрель 1548 г. в коллекции Ламуаньона имелось лишь 11, т.е. отсутствуют три четверти. Еще более выразительными были результаты проверки по другому периоду, с мая 1552 по апрель 1555 г., к которому относятся 93 документа Рибье – из них в коллекции Ламуаньона было обнаружено только пять!

“Итак, странное противоречие, – констатировал я. – С одной стороны, характер нашей коллекции абсолютно идентичен характеру документов Рибье. С другой же, состав обоих фондов... не имеет между собой практически ничего общего”⁶. Как мне тогда представлялось, вывод мог быть только один. Рука блуасского публикатора не касалась наших документов. Он оказался обладателем другой части архива Дютье, к тому времени уже раздробленного. Допускалось, что к Ламуаньону перешла та часть коллекции Рибье, которая была посвящена времени Франциска I (в основном, 1537–1540 гг., когда Дютье был личным секретарем Монморанси) и которая не дошла до нас, исчезнув уже из ламуаньоновского собрания. Очевидно, уже после смерти Г. Рибье (январь 1663 г.) Ламуаньон приобрел два документа из его семейного архива, оригиналы двух весьма лестных писем на имя деда публикатора, Мишеля Рибье, бывшие, надо полагать, фамильными реликвиями. Этот факт доказывал, что парижский парламентарий действительно производил какие-то поиски в Блуа, в результате которых он мог самостоятельно выйти на другие части разрозненного фонда Дютье и стать их обладателем.

А как быть с теми документами коллекции Ламуаньона, которые были опубликованы Рибье? Ответ на этот вопрос представлялся несложным. Каждый документ может существовать во многих “ипостасях”. С оригинала могли быть сняты копии. Вслед оригиналу, с другим курьером, французские послы из-за опасностей дорог отправляли его дубликат. Дешифровка письма с большими шифрованными фрагментами могла производиться на отдельных листах. Понятно, что все эти виды одного и того же документа совсем не обязательно хранились вместе, они могли попасть в разные части фонда Дютье (где бумаги не были переплетены и лежали в отдельных картонах). Такое решение прямо подсказывалось, в частности, тем обстоятельством, что из пяти

⁵ Документы по истории... С. 4.

⁶ Малов В.Н. Происхождение коллекции... С. 63.

общих документов 1552–1555 гг. четыре хранящихся у нас письма не имеют дешифровки, а одно является дубликатом; аналогичные наблюдения были сделаны и относительно 11 общих писем 1547–1548 гг.

Все это построение выглядело очень логичным, и трудно было заметить, что здесь упущена одна возможность, позволяющая дать иную разгадку “странного противоречия” – возможность, связанная с тем, что Г. Рибье был не простым коллекционером, дорожающим любым своим раритетом, а составителем публикации, оценивающим все скопившиеся у него материалы в зависимости от того, полезны или бесполезны они для его целей. (“Бесполезны” – запомним это слово.)

Чтобы увидеть такую возможность, потребовалась работа по каталогизации фонда при достаточно обстоятельном сличении текстов. В результате ее обнаружилось несколько документов, относительно которых можно уверенно сказать: да, Рибье держал в руках эти листы. Перечислим все эти случаи.

В коллекции Ламуаньона, т. 1, л. 36–41, имеется экземпляр инструкции Генриха II чрезвычайному послу в Турции д’Юизону от 17 августа 1547 г. Собственно, окончательный текст занимает Л. 36–39, а на Л. 40 воспроизведен второй вариант отрывка, написанного на Л. 36 об. Он непосредственно идет за последними строками документа (Л. 39 об.) и при невнимательном прочтении может быть принят за окончание инструкции. Именно такую ошибку совершил Рибье, опубликовавший эту инструкцию (Т. II. Р. 43–47), механически включив в ее состав данный вариант, при полном совпадении стыковки со стыковкой между нашими листами – 39 об. и 40.

Блуасский публикатор очень вольно обращался с публикуемыми документами, подчас сильно сокращая их, снимая нежелательные или излишние фрагменты⁷. Семь наших документов несут, как выяснилось, следы редакторской работы Рибье – обширную правку, сделанную коричневыми чернилами почерком XVII в. При сличении этих документов с публикацией Рибье обнаружилось, что вычеркнуты именно те фрагменты, которые были сокращены Рибье.

Так обстоит дело с черновиками писем Генриха II к кардиналу Феррарскому, кардиналу Турнону и Терму от 2 мая 1551 г. (Т. 7. Л. 82–88) и к Терму от 3 августа 1551 г. (Т. 7. Л. 104–105), с оригиналами писем принца Мельфийского Генриху II от 26 сентября 1547 г. (Т. 10. Л. 5–6), д’Юрфе Генриху II от 5 ноября 1549 г. (Т. 13. Л. 111–112) и кардинала Реоманюса кардиналу Лотарингскому от 14 августа 1559 г. (Т. 65. Л. 110–111), с дубликатом письма Джордано Орсини Генриху II от 7 июня 1559 г. (Т. 64. Л. 167–168), с дешифровкой письма д’Авансона Генриху II от 8 мая 1555 г. (Т. 41. Л. 68–69). Во II т. публикации Рибье эти документы помещены соответственно на с. 329–331, 341–342, 67–69, 251–252, 810–811 (под ошибочной датой 10 августа 1559 г.), 803, 609–611.

Отметим, что данное наблюдение относится к обеим сериям, на которые делится коллекция Ламуаньона: если Т. 1, 7 и 13 принадлежат к серии А, то т. 10, 41, 64 и 65 – к серии В.

Связь отредактированных текстов именно с книгой Рибье еще в XVII в. обратила на себя внимание какого-то человека, видевшего их уже в составе коллекции Ламуаньона: на полях четырех из них (Т. 7. Л. 104–105; Т. 10. Л. 5–6; Т. 41. Л. 68–69 и Т. 65. Л. 110–111) он оставил точные отсылки на соответствующие страницы блуасского издания 1666 г.

⁷ См.: Малов В.Н. Документы по истории франко-турецких отношений в коллекции Ламуаньона // СВ. М., 1997. Вып. 59. С. 172–176.

С каждым новым наблюдением возвращалась мысль: может быть, все наши документы прошли все-таки через руки Рибье? Но как это могло быть?

Войдем в положение Рибье, ставшего обладателем огромного фонда, на основе которого он хотел подготовить свою публикацию. Он должен был произвестить сортировку, отбраковав массу писем, не представляющих для него интереса, и даже отдельные нежелательные, невыгодные для его концепции документы. Он либо просто откладывает их отдельно, либо ставит при этом еще и “резолюцию”, что данный документ для публикации – “бесполезен”.

“Inutil!” Эти многочисленные пометы в томах обеих серий сильно интриговали знакомых с коллекцией Ламуаньона. После того, как у меня сложилось представление, что обе серии были неизвестны Рибье, появление помет оставалось отнести ко времени Ламуаньона, – и тут можно было вспомнить, что вокруг него, человека высокой культуры, группировалась очень авторитетная частная “академия”, куда входили известные эрудиты. Не задумал ли кто-нибудь из них публикацию документов из коллекции главы академии – дело, почему-то не доведенное до конца? Предположение вполне возможное, хотя и совершенно умозрительное. Приняв более простое решение, что автором пометок “inutil” был Рибье, мы избавляемся от поисков в этом направлении.

В груды отбракованных материалов, естественно, могли попадать и “лишние” разновидности документов, предназначенных для публикации: копии, дубликаты и даже оригиналы. Рибье мог, например, отправить в эту груды оригинал письма без дешифровки, оставив для типографа только эту сделанную на отдельном листе дешифровку; мог пренебречь не очень разборчивым оригиналом, сделав его транскрипцию или предпочтя ему легче читаемую копию. И, наконец, – как мы видели, – он мог счесть ненужным оригинал сильно отредактированного им письма, сняв с него копию, соответствующую его правке. Кстати, отметим, что в этих случаях уничижающая резолюция “inutil” отсутствует: она была бы психологически неестественной, ведь текст писем был использован.

Ну, а потом? Рибье получил королевскую привилегию на печатание своего труда еще в 1650 г., но дело затянулось на целых 16 лет, так что сам публикатор, скончавшийся в 1663 г., не увидел вышедшие через три года после его смерти два тысячестраничных фолианта. Самое естественное и такое понятное нам сейчас предположение: на работу просто не хватало денег. В этой ситуации, понятно, Рибье мог принять решение: продавать известным коллекционерам по частям отбракованные документы, получая тем самым средства на издание отобранных им материалов. Он мог и дарить их разным влиятельным лицам, которые могли бы помочь ему субсидиями. Так он сам дробил на части имевшийся в его распоряжении архив Дютье. (Владел ли он им целиком или только частью его – другой вопрос, и к нему мы еще вернемся.)

Сохранились следы стараний блуасского эрудита заинтересовать влиятельных людей своей публикацией. В парижской Национальной библиотеке среди бумаг канцлера Сегье хранится недатированная рукописная опись части коллекции Рибье, составленная им самим и озаглавленная “*Inventaire de lettres et mémoires d'Etat depuis 1538 jusques en l'année 1560*” (BN. Ms. fr. 17 358). Копия этого инвентаря имеется также в фонде графа Ипполита Бетюна (1603–1665), известного коллекционера и родственника зятя Сегье, герцога Сюлли (BN. Ms. fr. 5676). Как коллекционер Бетюн был связан с Ламуаньоном, о чем свидетельствует несколько интересных помет на документах нашей коллекции. Например, на полях копии XVII в. с письма Ланссака д'Авансону от 11 августа 1556 г. Ламуаньон написал: “Снята со старой копии того времени, которую я отдал графу Бетюну” (Т. 47. Л. 189–190). Или еще

помета также на копии XVII в. с другого документа: “Кардинал Дюбелле герцогу Альбе. Копия с его письма. Граф Бетюн имеет другую” (Т. 48. Л. 115–116). От Сегье же о существовании коллекции Рибье узнал еще один завзятый коллекционер, Жан-Батист Кольбер, который 15 октября 1662 г. просил навести справки о ценности фонда⁸; правда, тогда оставалось всего три месяца до смерти старого публикатора. Впрочем, ни Сегье, ни Бетюн, ни Кольбер, судя по составу их фондов в Национальной библиотеке, не приобрели крупных фрагментов коллекции Рибье.

О каких именно документах сообщал Рибье в составленном им инвентаре? Мною был проделан “зондаж” по материалам описи Национальной библиотеки, полученной Сегье. В итоге картина оказалась очень сложной. Для анализа были взяты письма от послов и поверенных в делах Франции в Стамбуле к французским королям. Таких документов в инвентаре Рибье упомянуто 83, из них только в коллекции Ламуаньона ныне имеется 24 (9 – в томах серии А и 15 – в серии В), по публикации Рибье известны 12, общими между коллекцией и публикацией являются 9, но 38 документов (45,8%) не встречаются ни в коллекции, ни в публикации. Значит, можно заключить, что имевшийся в распоряжении Рибье фонд был примерно вдвое больше, чем материалы коллекции Ламуаньона и публикации 1666 г. вместе взятых. Однако в инвентаре не отмечены 48 аналогичных писем из коллекции Ламуаньона и 30 из книги Рибье. Как видим, набор документов инвентаря не соответствует ни одному из известных нам фрагментов фонда Дютье, прошедших через руки Рибье, но видно, что все они тогда уже принадлежали публикатору.

Благодаря недавно выявленным французским историком М. Антуаном письмам Рибье, хранящимся в парижской Национальной библиотеке и Британском музее, копии которых он мне любезно предоставил, выясняется хронология работы над публикацией, обстоятельства и цели составления инвентаря. Из письма Рибье к Сегье от 15 мая 1649 г. (BN. Ms. fr. 17393. F. 179–180) следует, что к 1643–1644 гг. у Рибье уже скопилось достаточно документов, и он через посредство одного из друзей просил канцлера о разрешении на их публикацию. В то время, однако, “обстановка не оказалась благоприятной”, и работа над книгой приостановилась. Несколько лет спустя Сегье заинтересовался коллекцией Рибье. Отвечая на его письмо, блуасский публикатор обещал в срочном порядке закончить уже начатый инвентарь отобранных для публикации документов и выслать его канцлеру. Этот инвентарь должен был содержать не только указания об авторах и адресатах писем, но и краткие сведения об их тематике, что облегчало бы, по мысли Рибье, канцлеру его цензурскую работу по выявлению нежелательных документов, не подлежащих обнародованию. Правда, выполнить это последнее обещание Рибье не смог (вероятно, работа оказалась для него слишком трудоемкой): сохранившийся инвентарь сведений о тематике писем не содержит, ограничиваясь лишь данными об их авторах, адресатах и датах.

Итак, выясняется время составления инвентаря – 1649 г. и его характер реестра документов, отобранных для печати. А тот факт, что подбор этих документов никак не соответствует составу реально появившейся публикации, очевидно, свидетельствует, что первоначальные предположения Рибье о составе его сборника были им со временем радикально пересмотрены.

Большая лакуна в бумагах Сегье за 1650–1656 гг., связанная с его временным отстранением от дел, не позволяет судить, продолжались ли в эти годы его контакты с Рибье. К этому времени относятся два письма Рибье к

⁸ Colbert J.-B. Lettres... éd. P. Clément. P., 1868. T. V. P. 236.

хранителю Королевской библиотеки и известному коллекционеру Жаку Дюпюи, датированные “14 мая” и “9 июля” без указания года – но относящиеся, очевидно, к одному году (BN. Coll. Dupuy. Ms. 803. F. 280–281, 282–283)⁹. Из них видно, что Рибье послал Дюпюи на рассмотрение свой инвентарь, с просьбой “вычеркнуть или отметить письма, которые Вы сочтете недостойными увидеть свет”, а Дюпюи его получил и высказал о нем благожелательное мнение¹⁰.

Из писем Рибье к Сегье от 3 марта 1657 г. (British Library. Ms. Harleian 4490. F. 186–187), 2 ноября 1660 г. (BN. Ms. fr. 17397. F. 367–368) и 29 октября 1662 г. (BN. Ms. fr. 17401. F. 218–219) мы узнаем, что в последние годы жизни блуасец старался держать канцлера в курсе своих хлопот по завершению затянувшейся работы над книгой, просил его о денежной и иной помощи, принимал его критические замечания по тексту своих комментариев. Естественно, что при этом у Сегье имелась опись публикуемых материалов (в последнем письме Рибье прямо пишет об этом), но, конечно, это был не сохранившийся инвентарь, а какой-то иной, соответствовавший реальному составу близких к появлению в свет томов и до нас не дошедший.

Приведу пример, который можно было бы истолковать как наглядное свидетельство дробления публикатором доставшегося ему фонда. Коллекция Ламуаньона богата письмами французских послов в Венеции: Морвилье, Сельва, дю Габра. Но вот в конце 1557 г. дю Габр был сменил новым послом де Ноайлем. Оставалось еще более двух лет до смерти Дютье и “обрыва” его фонда. А между тем в коллекции Ламуаньона нет ни одного письма Ноайля, переписка с Венецией обрывается на 1557 г., хотя у Рибье такие письма были, 10 писем Ноайля включены в его публикацию, и в рукописной описи Национальной библиотеки они упоминаются постоянно. Не значит ли это, что Рибье старательно выбрал из своей коллекции письма Ноайля, чтобы продать или подарить их какому-либо представителю этого знаменитого рода? В конечном счете эти письма оказались в Архиве Министерства иностранных дел Франции (ААЕ), в фонде “Сношения с Венецией”, где оригиналы писем французского посла за 1557–1559 гг. занимают целых девять томов (ААЕ. Venice. Vol. 7, 8, 10–16) вместе с шестью томами их копий (Vol. 21–26).

* * *

Серии А и В, судя по различиям в переплете и брошюровке¹¹, поступили к Ламуаньону в разное время, хотя обе они происходили из одного источника, коллекции Рибье. Последней Ламуаньон приобрел, очевидно, серию В, о которой известно, что она не могла быть переплетена ранее сентября 1665 г.; вероятно, она досталась ему уже после смерти Рибье. Тогда серию А парижанин должен был приобрести еще при жизни блуасца.

Но как попали материалы обеих серий к Рибье – вместе или порознь? Иными словами, существовали ли они отдельно и до Рибье или разделились лишь под его рукой, в результате произвольной раскладки отбракованных документов по разным грудам? Для ответа на этот вопрос кое-что дает под-

⁹ Жак Дюпюи умер 17 ноября 1656 г. Поскольку письма адресованы ему, а не его старшему брату и предшественнику Пьеру Дюпюи (скончался 14 декабря 1651 г.), они, очевидно, были написаны между 1653 и 1656 гг. (для бурного 1652 г. столь мирная переписка представляется маловероятной).

¹⁰ В письме от 9 июля содержится неожиданное известие: оказывается, у Рибье хранились письма “времени Карла VIII и Людовика XII” (1483–1515) в таком количестве, что он предложил прислать Дюпюи их специальный инвентарь, дабы тот мог отобрать из них кое-что для своей коллекции. В коллекции Ламуаньона имеются только четыре документа того времени.

¹¹ См.: Малов В.Н. Происхождение коллекции... С. 57–58.

счет пометок “inutil” в той и другой серии. Выяснилось, что хотя эти пометы и встречаются как в серии А, так и в серии В, но в совершенно разных пропорциях. Приведу для сравнения результаты моих выборочных подсчетов по девяти томам серии А и девяти томам серии В (подсчитано процентное отношение числа документов с пометой “inutil” к общему числу документов данного тома).

Серия А		Серия В	
Т. 1	21,1	Т. 10	0
Т. 7	28,4	Т. 14	0
Т. 8	39,8	Т. 34	0,8
Т. 13	16	Т. 36	0,7
Т. 18	39	Т. 39	3,4
Т. 23	34,4	Т. 41	2,1
Т. 33	98,1	Т. 42	0
Т. 38	97	Т. 43	0
Т. 40	98,3	Т. 46	8,6

Итак, мы видим, что в серии А есть тома, где практически все письма имеют помету “inutil”; в других случаях количество документов с такой пометой варьирует в диапазоне 15–40% и никогда не бывает единичным. Наоборот, в серии В нередки тома, где совсем нет таких резолюций, а в других они имеются в единичном количестве. Поражает, например, контраст между взаимно синхронными томами 40 из серии А (апрель–август 1555 г.) и 41, 42 из серии В (апрель–июнь, июль–сентябрь 1555 г.), с практически повсеместным присутствием помет в первом случае и почти полным отсутствием их во втором. Этого не было бы, если бы документы обеих серий были первоначально смешаны и Рибье разбирал их в естественном хронологическом порядке. Но тогда, значит, одна из серий досталась ему позже другой и соответственно позже была разобрана. Или, может быть, Рибье вообще просматривал документы по сериям и, пока не была закончена работа над одной, не переходил к другой, а за этот срок постепенно изменилась его манера отбраковки: то ли он просто устал ставить “inutil” на многочисленных документах, то ли со временем решил, что раз уж отбракованные бумаги можно будет пустить на продажу, лучше не “компрометировать” их подобными надписями. Во всяком случае, видно, что Рибье собирал распавшийся фонд Дютье по частям.

Такое же представление создается из предисловия Рибье к его рукописному инвентарю, где он пишет: “Я собирал это небольшое политическое сокровище много лет и не без труда, ибо мне приходилось искать и отбирать письма из больших груд бумаг в семейных архивах, где они были погребены, и я мог бы гордиться тем, что извлек их из могилы...”¹²

Раз Рибье пришлось собирать свое “сокровище” по частям, то нет гарантии, что ему удалось собрать все его части. Вполне возможно допустить, что какие-то фрагменты огромного архива Дютье остались недоступны блуаскому эрудиту, или были приобретены другими коллекционерами, или просто погибли. Но, вопреки тому, что предполагалось ранее, это не относится к двум сериям коллекции Ламуаньона, прошедшим через руки Рибье и представляющим собою собрание отбракованных им документов (пропали же после использования как раз материалы, отобранные для типографии). Таков основной вывод из новой версии сложной истории коллекции.

¹² BN. Ms. fr. 17 358 (листы не пронумерованы).

**АРХИВ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ
ПОДМОСКОВНОГО СЕЛА ИЗМАЙЛОВА
ЗА 1676–1687 гг. И ЕГО ДОКУМЕНТЫ**

Изучение делопроизводства и архивов в дворцовых учреждениях (в особенности, в таких, как государевы подмосковные вотчины) позволяет рассмотреть систему управления и связь делопроизводства и организации архивов в местных и центральных учреждениях¹. Архивы и делопроизводство местных учреждений изучены в меньшей степени, в отличие от центральных, которым посвящены работы С.О. Шмидта, С.А. Левиной, В.И. Гальцова, Н.М. Рогожина и др. Ценный материал по делопроизводству приказной избы дворцового села содержится в документах измайловской приказной избы последней трети XVII в., включающих Приходо-расходную книгу с. Измайлова 1676/77, Опись дворца и хозяйственных заведений в с. Измайлове 1687 г.², Книги записные великих государей пришествиям в Измайлово 1689–1696 гг. и Благословенную грамоту патриарха Иоакима 1676 г. на строительство церкви Рождества Христова в Измайлове³.

Данный документальный комплекс принадлежал управляющему с. Измайловым И.С. Брыкину⁴. Он передал его А.Ф. Малиновскому. Последний на материале приказных книг написал исследование “О преждебывших в селе Измайлове царских хозяйственных заведений”, прочитанное на заседаниях Московского общества сельского хозяйства 7 марта и 2 июня 1821 г., членом и учредителем которого он был. Работа была издана в “Земледельческом журнале”⁵. На заседании 2 июня 1821 г. он подарил книги в библиотеку общества. Благословенная грамота осталась в его собрании. Книги записные 1689–1696 гг. довольно скоро оказались в коллекции Н.А. Попова, который их передал в 1883 г. в Румянцевский музей⁶.

Комплекс документов измайловской приказной избы изучали такие известные ученые, как А.Ф. Малиновский, И.М. Снегирев, И.Е. Забелин, опубликовавший фрагменты Описной и Приходо-расходной книг, и А.И. Заозерский⁷. После первого издания монографии А.И. Заозерского в 1917 г. документы при-

¹ На необходимость подобных исследований, в частности, указывал автор пособия С.О. Шмидт: *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв.: Уч. пособие. М., 1985. С. 3.

² Государственный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник “Коломенское”. Фонд редкой, старопечатной и рукописной книги (Далее: ГМЗК. Фонд книги). Ед. хр. А-1063; А-1062. В состав этой книги входят две описи: 5 марта дьяка Никиты Пояркова (Л. 1–12 об.) и 8 марта стряпчего Феодора Протопопова (Л. 14–274 об.). Автор выражает сердечную признательность сотрудникам музея О.А. Поляковой, М.Н. Ильиной и Е.А. Верховцевой за оказанное содействие в изучении данных книг.

³ ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 2772; РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Прил. Рубр. III. Ед. хр. 51.

⁴ Он происходил из семьи служителей приказной избы. Его возраст (он прожил 115 лет и умер в 1821 г.) и воспоминания привлекали к нему многих любителей старины, в частности, А.Ф. Малиновского. О Брыкине см.: *Снегирев И.М.* Воспоминания // РА. 1866. № 5. Стб. 523–528, 543–562; То же // *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1905. Т. 2.

⁵ Протокол Московского общества сельского хозяйства // *Земледел. журн.* 1821. № 2. С. 301; № 3. С. 458–459; *Малиновский А.Ф.* О преждебывших в селе Измайлове царских хозяйственных заведений // Там же. № 2. С. 147–161.

⁶ *Думин С.В.* Книга записи посещений Измайлова царями, царицами и царевнами XVII в. // ТГИМ. М., 1992. Вып. 81. И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения, ч. 2. С. 65–66.

⁷ *Снегирев И.М.* Воспоминания о подмосковном селе Измайлове, старинной вотчине Романовых. М., 1837. С. 30–31; *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. 3-е изд. М., 1895. Т. 1, ч. 1. С. XXI, 491–549; *Заозерский А.И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. С. IV. Все они работали в библиотеке Московского общества сельского хозяйства.

казной избы оказались в забвении. Они не были известны таким исследователям промышленности XVII в., как Н.А. Бакланова и Е.И. Заозерская⁸. Только в конце XX в. в связи с комплексным изучением Измайловской усадьбы Н.С. Датиева указала на Описание 1687 г. и обнаружила копию Приходо-расходной книги⁹, а С.В. Думин опубликовал статью о “Книге записные великих государей пришествиям в Измайлово 1689–1696 гг.”¹⁰ В связи с изучением истории Строкинского кирпичного завода автор обнаружил подлинную Приходо-расходную книгу¹¹. В рамках настоящей работы рассматривается весь комплекс сохранившихся документов приказной избы. Преимущественно используется описание архива приказной избы, входящая в состав описи с. Измайлова¹². Хотя документальное собрание избы при составлении последней было систематизировано¹³, она отражает основные черты приказного делопроизводства. Ее сведения сопоставляются с данными Приходо-расходной книги с. Измайлова, освещающими систему делопроизводства и структуру управления волостью¹⁴. Временные рамки (1676–1687) обусловлены, с одной стороны, отсутствием в описи приказного архива документов ранее 1676 г., а с другой – временем составления самой описи Измайлова. В опубликованных книгах и в изученных архивных материалах Приказа Тайных дел измайловская приказная изба почти не упоминается¹⁵.

Опись архива приказной избы оформлена следующим образом: даты, предшествующие списку столпов, книг или отдельных документов, даются по центру строки; каждая запись следует с новой строки с отступом и начинается с указания вида документа; содержание раскрывается только в судебных делах и отдельных документах; в случае, если дата относится к отдельному документу, помещенному в список, она пишется в конце его описания.

Заголовками в описи выделены три части. Первая часть следует после слов “В приказной же избе?”. Название этой части не раскрывает причины ее выделения из всего документального собрания, поэтому они могут быть определены лишь гипотетически. Она содержит документы за 1676–1681/82 гг. Нижняя дата связана со смертью царя и передачей дворцовых волостей из Приказа Тайных дел в Приказ Большого дворца¹⁶. Существенных изменений в структуре управления Измайловской волостью в этот год не произошло.

Документы с 1681/82 г. вошли во вторую часть, где хранились “дела, которые были при путном ключнике при Иване Протопопове”, и в третью, тесно связанную со второй. Иван Протопопов, по всей видимости, в 1681/82 г. был

⁸ Бакланова Н.А. Стекланные заводы в Московском государстве XVII в. // ТГИМ. М., 1928. Вып. 4. С. 119–141; Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.

⁹ Архив СПб ФИРИ РАН. Ф. 175 (Акад. И.Х. Гамель). Оп. 1. Ед. хр. 278 (Копия XIX в.); Датиева Н.С. Измайлово: Опыт исследования комплекса по письменным и графическим источникам // Русская культура второй половины XVII – начала XVIII в. М., 1993. Ч. 1. С. 54–56.

¹⁰ Думин С.В. Указ. соч. С. 65–69.

¹¹ Результаты авторского исследования книг измайловской приказной избы из фонда Коломенского музея были использованы в докладе “Строкинский кирпичный завод XVII в.”, зачитанном на конференции “Сельская Россия: прошлое и настоящее” (Тула 26–28 ноября 1999 г.), научного и культурно-просветительского общества “Энциклопедия российских деревень”, и в пояснительной записке “История формирования средневекового градостроительного комплекса в Петровской части Измайловского парка”, написанной совместно со священником Н.В. Ненароковым. Исследования авторов записки были включены в состав проекта “Парк народной памяти в Измайлово”, который рассматривался на Градостроительном совете Москомархитектуры 21 марта 2000 г.

¹² ГМЗК. Фонд книги. А-1062. Л. 175 об. – 218 об.

¹³ Гальцов В.И. Архивные описи в приказном делопроизводстве XVII в. // Историография и источниковедение архивного дела в СССР: Межвуз. сб. М., 1984. С. 14.

¹⁴ Об информационном потенциале приходо-расходных книг см.: Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997. С. 177–198.

¹⁵ РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Стб. 955. В описи Измайлова 1676 г. приказная изба вообще не упоминается. См.: Там же. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 233–240.

¹⁶ РИБ. Т. 21. Стб. 191–195.

назначен в Измайлово. Ранее этого времени его имя не фигурирует в сохранившихся приказных книгах. Однако в 1681/82 г. не произошло смены измайловских приказчиков. Устин Федорович Зеленой, управляющий Измайловской волостью с 1664 г.¹⁷, продолжал оставаться путным ключником и вместе с измайловским подьячим Иваном Ульяновым “заручил” хранящуюся во второй части архива “книгу переписную 191-го [1682/83] года в красной коже [...] приказным делам, книгам которые посланы во дворец”. Более того, в этой должности он пребывал и после смерти в 1687 г. Ивана Протопопова и назначения на его место нового путного ключника, стряпчего Кормового двора Якова Нефедьева. А 26 октября 1690 г. он принимал на Съезжем дворе царя Петра Алексеевича, который “изволил кушать” его “кушенье столовое и вечернее”¹⁸. Таким образом, можно предположить, что с 1681/82 г. в Измайловской приказной избе было два путных ключника и что разделение документального собрания на две части, скорее всего, связано с назначением Ивана Протопопова на должность путного ключника в 1681/82 г.

Первым документом в описи архива приказной избы было Соборное Уложение 1649 г.: “Книга уложенная в переплете в досках”. Основной принцип расположения документов в первой части – хронологический. Он осуществляется только относительно “Книги крестоприводные измайловской волости крестьяном и всяких чинов людям” с 1 февраля 1676 г. и столбцов¹⁹. Отдельные документы находятся после описания столбцов и расписаны также по хронологии внутри каждого вида: благословенные и государевы грамоты. Архив приказной избы содержал благословенные грамоты патриарха Иоакима на церкви Николая Чудотворца в Покровском, Рождества Христова²⁰ и царевича Иоасафа Индийского в Измайлове, составленных соответственно в 1675/76, 1676, 1677/78 гг., и пяти государевых грамот (1675/76, 1677/78, 1679/80, 1680/81 гг.). В третьей части отдельные документы (как датированные, так и недатированные) также располагаются в конце хронологического списка, но без четкого деления на виды. В описании столбцов первой части соблюдается следующая последовательность, которая нарушалась в столбцах второй части: указные памяти, подписные челобитные, документы различных видов²¹, выборы. Кроме 1677/78 и 1679/80 гг. на каждый год приходится по одному столбцу. 9 столбцов включают 461 документа “обо всяких делех”, среди которых преобладают указные памяти (357), поручные записи (38) и, начиная с 1676/77 г., выборы Измайловской волости на старост и на целовальников (49).

Преобладание указных памятей, как распорядительной документации, совершенно естественно для местных учреждений (см. табл. в конце статьи). Согласно Приходо-расходной книге, управление измайловским хозяйством, использование его ресурсов для царских и приказных нужд, выплата госуда-

¹⁷ В дворцовом хозяйстве он служил в чине сокольника с осени 1663 г., в Измайлове, по крайней мере, с лета 1664 г., а на должности приказчика впервые упомянут в марте 1667 г. См.: РИБ. Т. 21. Стб. 1013, 1072, 1272.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 2772. Л. 15. Устин Зеленой упоминался также 2 августа и 24 октября 1689 г., 4 августа и 5 октября 1690 г. См.: Там же. Л. 3 об., 4 об., 8 об., 14.

¹⁹ В Кремле присяга Федору Алексеевичу после смерти Алексея Михайловича происходила 30–31 января 1676 г. См.: Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1640. Примечательно, что 1 февраля также была составлена опись измайловского хозяйства. См.: РИБ. Т. 21. Стб. 233 и далее. О посылке в Измайлово 22 декабря 1665 г. крестоприводной книги сообщается в описи дел Тайного приказа. См.: РИБ. Т. 21. Стб. 1141.

²⁰ Вероятно, единственный документ этой описи, дошедший до наших дней, – благословенная грамота 16 сентября 1676 г. на строительство церкви Рождества Христова в Измайлове с печатью. Верх документа утрачен. На грамоте пометы: “дьяк Перфилий Семенов” (на скрепе), “справил Ивашко Вешняков” (РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Прил. Рубр. III. Ед. хр. 51. Л. 2–2 об.).

²¹ В связи с малочисленностью столбцов и видовым разнообразием документов установить закономерности описания невозможно.

рева жалования требовали царского указа и памяти приказа Большого дворца за приписью дьяка²². Сравнение числа указных памятей, хранившихся в архиве (63), с упомянутыми в Приходо-расходной книге (79)²³, а также существование, отмеченных в Приходо-расходной книге, но отсутствующих в архиве, восьми подписных челобитных, двух росписей за пометой приказного дьяка, одной ценовной росписи, одного письма, семи памятей, около десяти царских указов свидетельствует о том, что далеко не все документы, поступающие в приказную избу, оставались на хранение в ее архиве.

В первой части, согласно описи, хранилось два судебных дела на крестьянина приселка Ивановского и на сына просвирницы с. Измайлова, причины заведения которых не указаны. Из них одно включено в общий столп, а другое хранилось в отдельном столпе. Согласно Приходо-расходной книге, в этот период велось дело по иску садовника Семена Ильина на садовника Антошку Дарофеева в Судном дворцовом приказе²⁴. Всего первая часть архива приказной избы включала 18 единиц хранения и 469 документа.

Вторая часть озаглавлена: “Да дела, которые были при путном ключнике при Иване Протопопове”. Иван Протопопов находился на этой должности с 1682 по 1687 г. Его смерть в том году и стала причиной составления описи для передачи измайловского хозяйства стряпчему Кормового дворца Якову Неведьеву. Крайние даты, входящих в состав этой части документов 1681/82–1686/87 гг., соответствуют времени его управления Измайловым. Вторая часть содержит 16 столбцов, 5 судебных дел и 6 книг. Из шести книг две – отказные сельцу Лукину да селу Медведкову 1684/85 г. На сельцо Лукино ранее, в 1681/82 г., уже выдавалась “грамота об отказе его боярину Василию да кравчему Алексею Петровичам Прозоровским”, хранившаяся в архиве приказной избы²⁵. В отличие от первой и второй части, в которых год предшествует списку столбцов и книг, в этой части, за исключением первого описания, год каждого столбца указывается в тексте: “Столп 190-го [1681/1682] году, а в нем...” Помимо столбцов, содержащих документы за год, не связанные единством делопроизводства, 6 столбцов подобраны по определенным вопросам – “о молотье пшеницы и ржи безденежно на измайловских мельницах” (1681/82–1684/85) и 5 столбцов – о высылке, или расходе соломы на государственные конюшни, плотины, мельницы и московские стрелецкие караулы (1682/83–1686/87). Столбцы второй части включали 739 документов, среди которых преобладают следующие: указные памяти (596), росписи (75), выборы измайловской волости на старост, целовальников и земского дьячка (39 за 1682/83–1685/86 гг.)²⁶. За 1683/84 г. сохранилось два столбца с выборами ста-

²² В 1676/77 г. припись ставил в основном дьяк Семен Комсин, хотя упоминаются также приписи дьяков Петра Кудрявцева (13 июля, 12 августа 1677 г.), Семена Кудрявцева (27 октября и 30 декабря 1676 г.; 17 марта, 11 апреля, 31 августа 1677 г.), Протасия Никифорова (29–30 октября и 8 ноября 1676 г., 16 февраля, 22 мая, 13 июня 1677 г.), Федора Тютчева (11 июля, 14 августа 1677 г.) и путного ключника Ивана Боркова (24 октября 1676 г.). См.: ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 371, 374 об., 80, 235, 352, 263 об., 361, 120 об., 280, 235 об., 236 об., 345 об., 248 об., 417–418, 403 об., 405.

²³ Здесь дается примерное количество документов, поскольку, во-первых, они датируются 185 [1676/77] г. лишь по времени их выполнения; во-вторых, в Приходо-расходной книге упоминаются во множественном числе недатированные указные памяти; в-третьих, при выполнении распоряжения не всегда упоминался сам документ (так, например, напротив записи, в которой не упоминался распорядительный документ, написано и зачеркнуто: “справитца в указе” – (Там же. Л. 357 об.); в-четвертых, возможно, существуют не выявленные двойные упоминания одного и того же документа. В выявленных встречаются как точное повторение названия документа (Там же. Л. 58 и 329 об., 405 и 406), так и примерное: в одном случае “по указу [...] и памяти”; в другом – “по памяти” (Там же. Л. 63 об., 331 об.–332).

²⁴ ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 90.

²⁵ Ср.: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 409.

²⁶ Выборы земского дьячка впервые указаны в столбце 1682/83 г. Эта должность существовала в 1674–1675 гг. (РИБ. Т. 23. Стб. 224, 379), но не упоминается в Приходо-расходной книге. Возмож-

рост и целовальников (причем, в первом отсутствуют выборы земского дьячка), однако за следующий год столбцов с выборами не отмечено, что указывает на возможную ошибку в датировке столбцов в описи.

Судебные дела в этой части хранились в отдельных столбцах, т.е. были отделены от всего приказного делопроизводства. Они возбуждались относительно крестьян с. Измайлова, приписных сельца Глинки, д. Лукина и приселка Николаевского за воровство, в частности, за кражу льна, за “поколотую лошадь”, за чародейство и за винную продажу.

Третья часть начинается со слов: “Да в приказной же избе ящик села Измайлова умершего подьячего Ивана Ульянова, а в нем всяких дел переписывано при свойственнике ево при Якове Пиминове”. Иван Ульянов, очевидно, умер в том же 1686/87 г., что и Иван Протопопов, так как его рукой подписана книга приходная и расходная десятинному хлебу 1686/87 г. Само по себе присутствие родственника при описании этой части интересно. Временные рамки этой части, 1681/82–1686/87 гг., идентичны второй, что указывает на ее связь с управлением Ивана Протопопова²⁷. Тем более, что Иван Ульянов в должности подьячего служил, по крайней мере, с 1677/78 г., т.е. еще при путном ключнике Устине Зеленом²⁸. Согласно описи архива, Иваном Ульяновым в этой части составлены записи на 12 книгах о посылке такихых в Приказ Большого дворца, “памятные ерлычки”, черновые памятные тетради денежному расходу 1685/86–1686/87 гг. и “Письмо памятное <...> что взято ис приказу Большого дворца денег на дачу стеклянных заводов и садовым работником”. По всей видимости, основная деятельность подьячего измайловской приказной избы сводилась к делопроизводственным работам – неслучайно в его ящике хранилось множество черновых книг²⁹.

Путный ключник Иван Протопопов “заручил” находящуюся в этой части умолотную черновую книгу всякого хлеба 1682/83 г. (во второй части архива, согласно описи, находилась такая же по названию и году книга) и семь росписей 1682/83, 1685/86 и 1686/87 гг., в том числе “роспись уговорную на Съезжом дворе хороменому строению...” Эти росписи содержат списки наемных рабочих и денежного расхода, связанного с подрядными работами и “пришествиями” государей и царевны Софьи.

Третья часть архива описана по хронологии, но, как и в первой части, отдельные документы, датированные 1684/85–1686/87 гг., следуют после книг и тетрадей 1686/87 г. Эта часть существенно отличается от предыдущих, она содержит преимущественно черновые отчетные книги и тетради по измайловскому хозяйству: из 189 “единиц хранения” 92 – книги и тетради, среди которых 69 черновых и лишь две беловых. Одна из них, “книги зборные пехорских мелниц помольным деньгам” 1685/86 г., была “заручена”. Она, вероятно, была составлена и подана в приказную избу мельничным целовальником, поскольку

но, должности земского дьячка в измайловской приказной избе некоторое время не было (если бы дьячок существовал, то должен был получать жалование), и появилась вновь только в 1682/83 г. Этим годом датируется наиболее раннее упоминание о деятельности земского дьячка: с ним были поданы в Приказ Большого дворца “книги приходные и расходные стеклянным судом” (ГМЗК. Фонд книги. А-1062. Л. 190).

²⁷ Это подтверждает наличие во второй части прихода-расходной пригонным быкам, умолотной десятинному хлебу и расходной “стеклянным судам” книг, дополняющих комплекс третьей части.

²⁸ ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 87-87 об., 242 об. В 1674–1675 гг. он был измайловским земским дьячком. См.: РИБ. Т. 23. Стб. 224, 379).

²⁹ Кроме подьячего Измайловской приказной избы, в Измайлове при Приказе Тайных дел был измайловский площадной подьячий. См.: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 512. Ч. 1. Л. 3–8. Цит. по: *Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в.: Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2-е изд., просм. и испр. М., 1937. С. 74. В описи Измайлова 1687 г. значатся во множественном числе “подьячий” (ГМЗК. Фонд книги. А-1062. Л. 8).

он, согласно Приходно-расходной книге, и вел такие книги³⁰. Вторые “книги отдаточной десетинной пашне в оброк” были “незаручены”³¹.

В третьей части хранились полные комплекты (за 1681/82–1686/87 гг.) лишь приходо-расходных книг денежной казне и “стеклянным судам”. В комплекте приходо-расходных книг десятинному хлебу отсутствовала только одна – за 1685/86 г. Эти книги, по всей видимости, являлись одними из наиболее важных в делопроизводстве приказной избы, так как с сентября 1686 по март 1687 г., т.е. за первую половину 1686/87 г., в приказной избе, согласно описи, были заведены только они. Из более менее полных комплектов, в которых отсутствовали книги только за два года, можно назвать приходо-расходные книги укосному сену, отдаточной десетинной пашне, продажные книги садовых и огородных овощей, записные книги сметным росписям о всяких запасах.

Описания некоторых черновых книг содержат сведения (иногда вписанные другим почерком) о посылке таких же беловых с земским дьячком Ивашком Брыкиным или с подключником Гаврилой Чернышевым в Приказ Большого дворца. Посылались книги с конца августа до ноября³².

В отличие от первой и второй части, в последней части архива отсутствуют судебные дела. Среди отдельных документов упоминаются документы о хлебном и денежном жаловании, в том числе и две указные памяти о даче Ивану Протопопову государева хлебного жалования в 193 и 195 гг.³³, а также “две государевы грамоты, что присланы ис Троецкого походу отписные о князе Иване Хованском и о стрельцах, за приписью дьяка Лариона Вязмина” от 1682/83 г.³⁴ Третья часть содержит: 92 книги, 14 столбцов, включающих 372 документа, 25 документов, включенных в девять маленьких столпиков, и 74 отдельных документа.

Опись и Приходо-расходная книга с. Измайлова позволяют в некоторой степени реконструировать систему организации делопроизводства. Отдельные отрасли и объекты хозяйства распределялись между старостами, целовальниками, сторожами приказной избы и солдатами. Большинство из них вели собственные приходо-расходные книги (мельничные, продажные, записные, счетные). В описи архива отмечено пять подобных черновых книг, находящихся в третьей части³⁵. Большинство из описанных книг, составленных преимущественно целовальниками, не содержало их имен. Общая Приходо-расходная книга по Измайлову составлялась, по-видимому, в приказной избе, т.е. была вторична по отношению к книгам отдельных сборов³⁶. Приказчик или путный ключник ведал денежную казну и десятинный хлеб³⁷. В составлении приходо-расходных книг денежной казны участвовал подьячий приказной избы, записывающий в памятных книгах денежный расход. Черновые книги прошлых

³⁰ ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 20, 23 об., 27 об., 31 об., 33 об., 36 об., 39, 41.

³¹ Десятинная пашня была отдана в оброк крестьянам и “сторонним всяких чинов людям” в 1675/76 г., с этого времени отдаточные книги ежегодно посылались в Приказ Большого дворца, в 1676 г. – 5 ноября. См.: ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 57–57 об.

³² ГМЗК. Фонд книги. А-1062. Л. 189 об. (17 окт.), 196 (28 авг.), 201 (18 авг.), 207 об. (6 нояб.).

³³ Там же. Л. 204 об., 213 об.–214. Согласно Приходо-расходной книге, хлебное и денежное жалование путный ключник получал из Приказа Большого дворца. Ср.: РИБ. Т. 21. Стб. 1272, 1514; РИБ. Т. 23. Стб. 601.

³⁴ Ср.: Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 198.

³⁵ Приходо-расходная продажным стеклянным всяким судам целовальника Ерочки Сидорова 1683/84 г.; Расходная деньгам из продажи садовых овощей целовальника Трошки Игнатъева 1684/85 г.; Записная расходная стеклянным судам целовальника Трошки Игнатъева 1684/85 г.; Записная приходо-расходная всяким запасом Васки Балаша 1685/86 г. и роспись счетная приходу и расходу деньгам из продажи стеклянных судов целовальника Яшки Коржа (?) 1685/86 г. Ср.: ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 57, 60, 66–66 об., 69 об., 162 об.

³⁶ Ср.: *Мопель Э.Л.* Приходо-расходные книги Псковской приказной избы в XVII в. // ВИД. Л., 1991. Т. XXII. С. 207.

³⁷ ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 4.

лет хранились у подьячего или у других лиц, поэтому в описи 1687 г. и не была указана сохранившаяся приходо-расходная книга 1676/77 г. Архив приказной избы как действующего учреждения хранил лишь текущую документацию, необходимую для управления дворцовым селом³⁸. И в нем находилось Соборное Уложение 1649 г., преобладала распорядительная документация и отсутствовали документы ранее 1676 г. (поскольку в том году село перешло в другое ведомство и к новому владельцу).

Принципы хранения архива были традиционны. В описи Никиты Пояркова указано: “В приказной избе дела в ящиках и коробьях, которые в столпах собраны в сундук и поставлены в казенку”. Делопроизводство велось столбцовое. Из 1679 документов только 82 (4,88 %) хранились не подклеенными в столбцы, в том числе две росписи “в тетратех”. Это были государевы и благословенные грамоты, расписки и росписи. 25 документов, соединенные по 2–6, не назывались в описи “столбцами”, а вошли в опись под названием первого документа. Для хозяйственных записей (прихода, расхода, памятных записей и пр.) использовались тетради и книги³⁹. Приказной архив еще сохранял свои характерные черты: в нем хранились деньги. Согласно первой описи 5 марта 1687 г., “по сказке подьячих в дву ящиках денег рублей с тритцать”. При описании в ящике Ивана Ульянова обнаружено 11 алтына 4 деньги, 4 алтына – “худых”. Архив измайловской приказной избы за 1676–1687 гг. составлял 235 единиц хранения; 53 – столбцы, включающие 1597 документов, 100 – книги и тетради, 82 – отдельные документы.

Сравнение частей архива Приказной избы с. Измайлова свидетельствует об использовании в его структуре, условно говоря, принципа происхождения. Каждая часть связана с деятельностью измайловского приказчика или подьячего. Внутри каждой части документы систематизированы по хронологии. Данные принципы осуществлены не в полной мере, но позволяют рассмотреть вопрос о соотношении функций путного ключника или приказчика с. Измайлова и подьячего приказной избы. Все они подчинялись после упразднения Приказа Тайных дел Приказу Большого дворца. Приказчик вел судебные дела, в его архиве откладывались документы по выборам старост, целовальников и земских дьячков – он фактически управлял Измайловской волостью. Сфера отчетности и хозяйственного контроля принадлежала и ему, и подьячему. Так как в описи редко указывается, кто вел книгу, точно невозможно определить пределы функций этих должностей. Существовала та неразграниченность компетенций, которая была характерна для управления Измайловской волостью во времена царя Алексея Михайловича⁴⁰.

Итак, документы Измайловской приказной избы позволяют рассматривать состав и структуру приказного архива и его делопроизводство как вполне традиционные. Некоторые элементы (например, связь частей архива с деятельностью путного ключника или подьячего) представляют интерес и требуют изучения уже в контексте развития русских архивов в XVII–XVIII вв.

³⁸ В нем отсутствовала переписная книга Измайлова дьяка Семена Комсина, упомянутая в Приходо-расходной книге (ГМЗК. Фонд книги. А-1063. Л. 148 об., 163–163 об.), но зато, согласно описи, находилась “Роспись в тетратех села Измайлова с приписными лугами за приписью дьяка Григорья Посникова” 1686/87 г.

³⁹ Использование обозначений “тетради” и “книги” было основано на традициях делопроизводства. Эти обозначения иногда были взаимозаменяемыми. См. например: ОР РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 2772. Л. 31, 39, 45, 53. Сохранившиеся книги измайловской приказной избы писались на тетрадях и впоследствии были переплетены (на это указывает “сжимание” текста к концу тетради, пустые листы в конце тетради, начало некоторых частей книг с новой тетради).

⁴⁰ Заозерский А.И. Указ. соч. С. 69–71.

Документальный состав архива Измайловской приказной избы*

	1675/76	1676/77	1677/78	1678/79	1679/80	1680/81	1681/82	1682/83	1683/84	1684/85	1685/86	1686/87	Всего
Указные памяти	36	63	52	34	47	82	82	167	257	106	149	80	1167 ^{1*}
Росписи	1	0	0	0	1	0	1	14	12	19	68	29	145
Расписки	0	0	0	0	0	0	0	32	42	6	51	10	141
Выборы	0	5	11	8	8	8	9	8	19	0	0	0	88 ^{2*}
Поручные записи	0	0	18	1	19	0	0	2	3	5	2	1	51
Письма	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	1	17	20
Суд.-следственные документы ^{3*}	0	0	0	0	3	2	0	6	3	2	2	0	18
Подписные челобитные	1	0	1	1	0	0	1	4	2	5	0	1	16
Отписка	0	0	0	0	0	0	2	0	1	3	0	4	10 ^{4*}
Государевы грамоты	0	1	2	0	1	1	1	2	0	0	0	0	9 ^{5*}
Памятные ярлычки	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	0	0	4
Докладные выписки	0	0	0	0	1	0	2	0	0	0	0	0	3
Благословенные грамоты	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
Сказка	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2
Подрядная запись	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1
Засемная кабала	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1
Итого:	39	70	85	44	80	93	100	236	339	152	274	142	1679

* ГМЗК. Фонд книги. А-1062. Л. 175 об. – 218 об.

1* В том числе 12 за 1681/82–1684/85 гг.;

2* В том числе 12 за 1685/86–1686/87 гг.

3* Здесь включены приходы, распрощенные и пыточные речи, очные ставки и мировые челобитные.

4* Количество "отписок о кожевничих тчанах" за 1684/85 гг. не указано.

5* В том числе одна за 1676/77–1681/82 гг., под 1681/82 г. включена отказная грамота.

**ПРИМЕЧАНИЯ С.П. ШЕВЫРЕВА
К “ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО” Н.М. КАРАМЗИНА**

Степан Петрович Шевырев (1806–1864) в русской культурной жизни 1820–1850-х годов – виднейшая, если не самая значительная фигура раннего почвенничества и связанного с ним мифа об особом предназначении России в судьбах человечества. Излюбленная Шевыревым мысль о всечеловечности русских, о мировом их призвании, о способности их разрешить всемирные проблемы, какими они виделись в то время, самая идеологема “гниющего” Запада¹, в качестве составляющих этого мифа, нашедших свое основание в историософии Ф.М. Достоевского, делают из него явление в высшей степени знаковое.

Нельзя, тем не менее, сказать, что С.П. Шевырев должным образом понял или это понимание хотя бы выведено на уровень современных представлений об истории русской мысли, о русской истории и культуре. Как бы не наоборот. Все дело в известной репутации Шевырева, порядочно затрудняющей его свободное восприятие. “Ученый осел” Лиодор Картофелин из памфлета В.Г. Белинского, пригвоздившего “тупорожденного Шевырку” к позорному столбу, да пресловутая “нечистая пара” (С.П. Шевырев всегда идет в связке с М.П. Погодиным) из “Былого и дум” и статей А.И. Герцена так прочно впечатаны в подсознание, что пока было бы уместнее просто сослаться на малоизученность Шевырева как объективно существующую данность².

Между тем Шевырев может быть действительно захватывающе интересен. Помимо выразительности нравственной физиономии, литературно-научной позиции и вовлеченности в интеллектуальную проблематику, важнейшие культурные контексты и конфликты своего времени, должны найти какое-то объяснение и экзистенциальные метаморфозы Шевырева – поэта и человека.

Талантливый, подающий блестящие надежды юноша-поэт, удостоенный благосклонного внимания Гёте, ценимый А.С. Пушкиным, волею случая занимает университетскую кафедру, погружается в науку, становится профессором-“педантом”, “мраколюбцем”, одним из вождей “черной уваровской

¹ Концепция “Запада” у Шевырева начала складываться задолго до 1841 г., к которому относится его знаменитое выступление в “Москвитянине”. “Если просвещеннейшие государства Европы... – писал он еще совсем молодым человеком, – достигают уже поры зрелого мужества, той поры мудрого опыта, которая граничит с возрастом старости, то мы зато пользуемся преимуществом сил юных, бодрых, не истощенных, находясь в счастливой поре середины между юностью и мужеством” (*Шевырев С.П. Обзорные русской словесности за 1827 год // Моск. вестник. 1828. Ч. 1. С. 65–66*). Образ стареющего “Запада” в России в 1820-е годы обязан активной филиации идей немецкой историософии и эстетики.

² Литература о Шевыреве несоизмеримо мала в сравнении с библиотеками, написанными о западниках и славянофилах. См.: *Погодин М.П. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве // ЖМНП. 1869. № 2. С. 395–452; Тихонравов Н.С. С.П. Шевырев // Соч. М., 1898. Т. 3, ч. 2. С. 220–229* (перепечатка речи адъюнкта Тихонравова “Памяти Степана Петровича Шевырева” на университетском акте 12 января 1865 г., на с. 220–221, в примеч. 1 перепечатан некролог Шевырева. См.: *Моск. ведомости. 1864. № 107; Шевырев С.П. // Энциклопедический словарь [Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона]. СПб., 1903. Т. XXXIX. С. 361–364; Н.Ч. Шевырев С.П. // РСБ. СПб., 1911. Т. 23: Шибанов-Шютц, С. 19–29; Аронсон М.И. Поэзия С.П. Шевырева // *Шевырев С.П. Стихотворения*. Л., 1939. С. V–XXXII; *Струве П.Б. С.П. Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о “гнилом” или “гниющем” Западе // Записки Русского научного института. Белград, 1941. Вып. 16/17. С. 201–252; Манн Ю.В. Молодой Шевырев // Манн Ю.В. Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969. С. 149–190; *Песков А.М. У истоков философствования в России: Русская идея С.П. Шевырева // НЛО. 1994. № 7. С. 123–139; Riasanovsky N. Russia and the West in the teaching of the slavophiles: A Study of romantic ideology. Cambridge (Mass.), 1952; Idem. Pogodin and Ševyrev in russian intellectual history // *Harvard slavic studies. 1957. Vol. IV. P. 149–167; Idem. The Official nationality in Russia. 1825–1855. Berkeley; Los-Angeles, 1959; Ludger U. Stepan Petrovič Ševyrev. 1820–1836. Köln, 1986.****

партии”, вдохновенным певцом казенно-патриотической народности, и – заканчивает учено-служебное поприще скандальным увольнением из университета, забвением на родине и смертью вдали от нее. Само творчество Шевырева – счастливая находка для психологического анализа. Исследование механизма сублимации художественной фантазией поэта энергии бессознательных импульсов обещает заманчивые перспективы в изучении на русском материале генезиса националистических доктрин и мифологем (см., например, стихотворение “Непригожей матери”, 1829 г.). Стоит ли напоминать, что С.П. Шевырев – автор первого учебно-образовательного курса “Истории русской словесности”, основоположник литературоведения Древней Руси, опирающегося на источники исторической поэтики и сравнительного литературоведения. От Шевырева через его любимых учеников Ф.И. Буслаева и Н.С. Тихонравова лежит прямая дорога к А.Н. Веселовскому. Что касается излюбленной мемуаристами и историками антитезы С.П. Шевырев–Т.Н. Грановский, если провести ее не по линии нравственного совершенства и человеческого обаяния, а по вкладу в развитие тех отраслей науки, которым они положили в России основу как ученые и преподаватели, то очевидным сделается бесспорное преимущество первого над вторым.

Задаваясь целью “решительно и исчерпывающе формулировать исторически объективную оценку” С.П. Шевырева, П.Б. Струве находил в нем “довольно крупную фигуру в истории русской науки и образованности”; «художническая личность Шевырева, его писательское дарование, сила его мысли, были довольно ограничены. Но – все-таки! – в истории русской поэзии, и русской публицистики, и русской науки, за фигурой Шевырева должно быть признано известное и почетное место, в котором до самого последнего времени ему совершенно несправедливо отказывали. Он вовсе не был “какой-нибудь Шевырев”»³.

Происхождением С.П. Шевырев связан с приказным дворянством Поволжья⁴, предки его служили в присутственных местах Астрахани и Саратова⁵.

³ Струве П.Б. Указ. соч. С. 220–221. Большое впечатление на Струве произвела аттестация Шевырева Вяземским, считавшего его едва ли не единственным среди людей своего круга “настоящим *homme de lettres*” (Лекции о русской литературе, читанные в Париже С.П. Шевыревым в 1862 г. // Сборник ОРЯС. 1884. Т. XXXIII. № 5. С. II). По образованности и таланту Струве ставил Шевырева вторым после О.И. Сенковского.

⁴ Размышляя о странной природе “добросовестного раболепия” С.П. Шевырева (в противоположность литературным циникам Ф.В. Булгарину и Н.И. Гречу, – что вошло потом во все хрестоматии), А.И. Герцен допускал, конечно, психологическую мотивировку – бессознательную “увлеченность своим предком, который среди пыток и мучений, во времена Грозного, пел псалмы и чуть не молился о продолжении дней свирепого старика” (Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. II. С. 149). Герцен имел здесь в виду известный эпизод дикой расправы oprичников с князем Д.А. Шевыревым из “Истории о великом князе Московском” А.М. Курбского. См.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 331. Но в генеалогическом древе Шевыревых (РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 62. Л. 40) родоначальником значится “прапращур” деда С.П. Шевырева Сергея Степановича “Борис, а чей сын не знает. Служил по г. Юрьеву-Польскому в городских дворянах”. Согласно выписке из боярской книги 7135 (1627) г. там же служил внук Бориса Иван Афанасьев сын Шевырев, а его двоюродный брат Иван Наумов упоминается в числе городских дворян в “воронежских десятиях” 7157 (1649) г. Ср.: Шевырев С.П. [Автобиография] // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Моск. ун-та. М., 1855. Ч. II. С. 602.

⁵ Прадед поэта “царедворец” Степан Кондратьев Шевырев служил управителем саратовской рыбной конторы (1740). Сын его, Сергей, “с малолетства обретался у дел” в Синоде, в 1731–1735 гг. – копиист и подканцелярист Главной соляной конторы. В 1736 г. направлен канцеляристом в Астраханское соляное комиссариатство, откуда “командирован был в другие разные команды по исправлению интересных дел и во отдаленные послылки”. В 1753 г. комиссариатство упразднили, Шевырев явился в Москву и просил за “прилежные и долговременные службы” и по его дворянству определить секретарем в Саратовскую соляную контору, что в скором времени и было исполнено. Старший брат Сергея, Николай, в 1736 г. из недорослей был зачислен рейтаром в лейб-гвардии Конный полк; в 1739 г. отставлен от службы и назначен воеводой в г. Сапожок. Дядя С.П. Шевырева, Семен Сергеевич, служил прокурором в саратовском губернском магистрате. См.: РГАЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 62. Л. 3 об.–4 об., 7, 8, 16–16 об. и др.

Отец, Петр Сергеевич (ум. 9 августа 1821 г.), выйдя в отставку в чине артиллерии поручика⁶, четыре срока подряд избирался губернским предводителем саратовского дворянства, заседал в совестном суде, пользуясь “всеобщим уважением за свою справедливость и бескорыстие”. Мать, Екатерина Степановна, из рода Топорниных, являла собою образец всяческих семейных добродетелей. Самым тяжелым наказанием за детскую шалость, к которому она прибегала, было то, что на некоторое время дитя лишалось права поцелуя ее руки. Маленький Степа очень страдал, оставаясь в своей “детской и горько плакал, пока не получал прощения от нежно любимой им матери”⁷.

Обучение грамоте Шевырев начал в самом юном возрасте вместе со своими старшими братьями и сестрами, едва ли не трех лет, и к семи годам уже читал “шестопсалмие за домашнюю всеобщую”. Сочинения А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, Н.М. Карамзина и других русских авторов с неизъяснимой силой действовали на чувствительную натуру Шевырева, он “часто засыпал с книгою в руках или клал ее под подушку, чтобы, проснувшись пораньше, читать ее в постеле”. Затем наступила очередь иностранных языков, и вскоре на его столе скопилось целая куча переводов. В золотой поре раннего детства сочинилась первая драма, разыгранная детьми в домашнем спектакле. Способности не по годам развитого ребенка не оставили мать равнодушной. В 1818 г. она привезла 12-летнего сына в Москву и отдала его в Благородный университетский пансион. Здесь закладывалась прочная образовательная основа дальнейшего умственного развития Шевырева. В конце 1822 г. Шевырев закончил курс с золотой медалью, его имя украсило доску лучших воспитанников пансиона. Со школьной скамьи Шевырев вступил в товарищество “архивных юношей”⁸. Прошло немного времени и Шевырев стал восходящей звездой литературной критики, крупнейшей теоретической силой кружка “любомудрствующих”, заглавной фигурой лучшего русского журнала тех лет – “Московского вестника”. На него устремлялись взоры всей литературной молодежи, готовой видеть в нем одного из “главарей нового поэтического поколения, шедшего на смену Пушкину”⁹.

Приближаясь к зениту славы, Шевырев неожиданно бросил все и уехал в Рим домашним учителем сына “северной Коринны”, княгини З.А. Волконской, Александра¹⁰. Образование, а с ним и духовное самоопределение Шевырева завершилось на Западе, в Италии.

Дневники Шевырева итальянского периода (1829–1832), поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в составе коллекции его бумаг (1892), представляют значительный по объему и насыщенности пласт текстов литера-

⁶ Формулярный список, собственноручно заполненный надворным советником П.С. Шевыревым, см.: Там же. Л. 1 об.–2.

⁷ *Погодин М.П.* Указ. соч. С. 395–396. Для понимания механизма формирования поэтического дара Шевырева это свидетельство весьма существенно. Впечатления детства оставили в душе поэта неизгладимый след: “Сколько раз маленькому мне случилось гадить постель свою обманом хитрого воображения, которое представит до малейшей подробности как зачинается желание, как приходишь в необходимое место и приговляешься к нему: все это в самую минуту исполнения! – Когда вырос я и члены окрепли, – другие сны пришли. Я обнимал подушку по инстинкту молодости, – а воображение рисовало другое. – Так я думаю все сны причиняются одеялом, подушкой, простынею, все сии предметы дают намеки воображению, а оно уже по данным созидает чудеса. Так падая с подушкою, думаешь, что упал с горы, утонушь в пуху или в одеяле, думаешь, что утонул в море. – Судорога сведет ногу – вообразишь, что кто-нибудь гонится за тобой, а тебе бежать нельзя [...]” (ОР РНБ. Ф. 850. Д. 14. Л. 97–97 об. Запись от ноября 1829 г.).

⁸ Копию служебного аттестата из архива Коллегии иностранных дел от 30 января 1829 г., представленного Шевыревым при вступлении в Московский университет (1832), см.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 322. Л. 2–3.

⁹ *Аронсон М.* Указ. соч. С. VII. Что касается литературных отношений между Пушкиным и Шевыревым, то они представляли собой нечто большее, чем простое знакомство. См.: Там же. С. XV.

¹⁰ Причиной отъезда послужила несчастная любовь поэта к двоюродной сестре.

турно-историсофского содержания¹¹. Дневник в данном случае – наименование достаточно условное. Это скорее рабочая книга, “журнал” записей размышлений и впечатлений поэта, конспектов, выписок, набросков, афоризмов, расположенных большей частью в хронологической последовательности. Мир Шевырева – “дивный мир искусства” и литературы, где только и возможно постижение собственной сущности – самопознание. Здесь, на этом пространстве происходит вживание в иную культуру, иную традицию, осмысливаемую в категориях метафизики национальной идентичности, совершается переоценка ценностей: “На чужбине я узнал лучше отечество и утвердил в сердце и уме, в корне своей жизни его высокое назначение”. Приходит понимание того, “что такое быть русским” и “как быть им”. Вообще рефлексивная, болезненная, почти фобическая заикленность молодого дворянина в стремлении обезопасить свое девственное, “субстанциональное” русское начало под натиском иностранных влияний и впечатлений, не отказываясь от них, сберечь духовно-творческую самостоятельность, достойна всяческого внимания: “Я весьма доволен тем, что судьба привела меня жить в Италии среди такого народа, коего характер и образ мыслей не могли на меня иметь решительного и стеснительного влияния, так что мне легко было сохранить русскую свободу души и нужное нам особенно беспристрастие ко всем нациям. Германия дала бы мне систему, повернула бы мой ум по своему: ее владычество сильно. Итак, Италия помогла мне возвратиться к России. Благодарю ее”¹².

Стиль жизни, вся жизненная программа Шевырева определялась античной максимой: “познай самого себя, будь самим собой”. Новая для него культурная среда стала мощным стимулом самопознания, выявляя и санкционируя подлинность и смысл собственного “Я”. На уровне бессознательного происходило искомое отождествление персонального и национального: “Я вообще насчет всех мнений нахожусь в состоянии брожения: у меня все как-то перерождается и выходит новое от своего, русского корня”¹³.

И все же подзабытое, прошлое, книжное увлечение иенскими романтиками с их необыкновенно развитым чувством историзма, дало знать о себе. Оно не позволило ему замкнуться в кругу восторженного, но пассивного созерцания мистических начал России. Эстетические категории перешли в идеологические. Поэт – “апофеоза нации”, пророк, глашатай, мобилизатор национальных устремлений. К осени 1829 г. экстракт такого пророчества уже готов, его содержит предренессансная идея возвращения русских домой, “к самим себе”¹⁴, ведь “мы азиатцы, преобразованные в европейцев”, что означа-

¹¹ Описание Дневников см.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 193.

¹² ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 16 об. (запись от 20 августа 1830 г.), 83 об. (запись от 28 октября 1831 г.). При цитировании сохранена авторская орфография, отражающая черты московского говора (русской, бояра, Шуйской и т.д.), и пунктуация (тире между предложениями); прописные буквы (Князей, Государств, Самодержавие, за исключением цитат из Истории Карамзина) переданы строчными; в остальных случаях (на пример, не лъзя, и так, еслиб, тоже, теже, ужь, однакожь, чтожь) исправления даны без оговорок: Подчеркнутые слова и места даны в разрядку. Сохранены падежные окончания числительных.

¹³ Письмо к М.П. Погодину от 17 сентября 1831 г. Цит. по: Аронсон М.И. Указ. соч. С. IX. “Иные люди, – пишет Шевырев, – похожи на стоячие озера, которых вода никуда не годится и которые то бухнут от дождей, то сохнут; другие как ручьи текущие. Я, слава Богу, принадлежу к последним: теперь я запер свою воду плотиной, разольюсь трудом, но как спущу, – то держись мельница – наместо муки русской, испеку ее в печи новой: кушайте граждане во здравие души!” (ОР РНБ. Ф. 830. Д. 17. Л. 16. Запись от 20 августа 1830 г.).

¹⁴ В письме М.П. Погодину от 29 октября 1829 г. Шевырев поделился мыслью о необходимости “приготовлять Россию и к обратному шагу, то есть возвращать русских к русскому” (РО ИРЛИ Ф. 26. Д. 14. Л. 58 об. Шевырев поставил 1827 г., но это явная описка). “Трудно в более сжатой формуле, – комментировал это место М. Аронсон, – выразить основные особенности идеологии раннего славянофильства” (Аронсон М.И. Указ. соч. С. XII).

ет – назад, в Азию, т.е. на Восток. На языке шевыревского времени “Восток” – это эвфемизм, обозначающий Царьград, Константинополь. Рядом мы видим пока еще туманную формулу идеи особого пути: “Наш путь – не путь крови (как французской), а путь труда, терпения, путь Христов [...] Всякому – свое – вот девиз наш [...] Дух завоеваний никогда не был духом русского: дух терпения – вот наш дух”¹⁵. Так одновременно, независимо друг от друга родились две диаметрально противоположные концепции России – С.П. Шевырева и П.Я. Чаадаева.

Однажды в палатке З.А. Волконской С.П. Шевырев так сцепился с князем Голицыным, что чуть было не вышел скандал: “Он кричал против [...] всех преданий, – и когда я ему сказал: вы слишком западны! – он, обидевшись этим словом, схватился за родословную мою и его. – Вот князи мира сего! Но этот князь глупее других. – Я не хотел с ним продолжать спора, и сыграл роль старшего, т.е. замолчал. Но я бы мог указать на родословной Голицыных известных изменников, и одного, давшего яду тому Петру, которому и этот дурак обязан бритой рожой и европейским костюмом”¹⁶. Это столкновение на почве прорвавшегося наружу “русского комплекса” – симптоматичный предвестник будущих словопрений западников и славянофилов.

Хорошо известно, что представления об уникальности русского культурно-исторического опыта, распространявшиеся в России с начала 1830-х годов, его принципиально неевропейской сущности, возведенные в степень онтологического принципа П.Я. Чаадаевым (и, позднее, славянофилами), сублимировались в идее тотальной, вневременной, антитезы России и Европы. У Шевырева мы ее не видим, в отличие, к примеру, от самой настоящей апологетики Петра Великого¹⁷. Для него допетровская русская история скорее по-восточному изоморфна, нежели противоположна западной, она просто иная.

Шевыревская Россия – “свежее, непаханное, девственное поле”¹⁸, наследница стареющей европейской культуры. В этом ее провиденциальная, историческая миссия. Дневник содержит одну из первых экспозиций русской идеи – набросок любопытного плана “рассуждения” или “притчи”: “Россия,

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 26. Д. 14. Д. 58 об. Вдали от родины Шевырев предавался романтическим грезам, навеваемым грандиозными успехами русского оружия: “Состояние России теперь слава Богу: мы под Византией, – продолжал он. – Бог послал нам царя твердого. Душа его растворена ко благу. Минута его – есть минута художника, свершившего подвиг. Такие минуты бывают зародышем счастья народного, благотворений царских. Русскому надо бы воспеть наши подвиги: остановиться у ворот Константинополя и вместо меча и огня предложить ему оливу и алей – чудо, достойное русских [...] Мы растем не как Римская империя – это вздор. Мы выросли силами для того, чтобы благородно защищать право слабого [...]” (Там же). А вот уже описание завтрака в окрестностях Рима двумя годами позже, в разгар Польской кампании: “Мы [...] сели на ветвистое дерево, которое я прозвал гнездом Юпитера и Соболевского, здесь пили шампанское за здоровье России... Соболевский сказал: да будет сей Рим русскою губернией! Я повторил слова: да будет у нас дух терпимости, дух сознания, дух человеческой – русской!” (ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 62. Запись от 14 апреля 1831 г.).

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 61. Запись от 11 марта 1831 г.

¹⁷ “В моей комнате в одном углу будет: ессе homo! – в другом: портрет Петра Великого. Будь человеком по Христу, будь русским по Петру – вот пословица для русских. Я очень рад, что отец мой назывался Петром. Да буду я венец от камне честна! [...] Петр есть тип истинно-русского; в нем есть сходство с Христом: как Бог объемлет в себе божество и облекается в человека, чтоб показать человеку, – как быть человеком; так Петр Великий объемлет в себе божество земное (величество), чтоб показать русскому – как быть русским. Жизнь Петра есть русское евангелие. Всякой вечер непременно, а иногда и утро, поставил себе непременно обязанности читать жизнь Петра, и все до нее относящееся” (ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 16. Запись от 20 августа 1830 г.). Из письма Погодину: “Надо бы нам вербовать Петров из высшего класса [...] теперь надо огненным пером написать историю Петра так, чтобы она врезалась во всех русских от вельможи до сапожника. И это, друг мой, твое дело” (РО ИРЛИ. Ф. 26. Д. 14. Л. 58 об.). Об органичности связи “Древней и Новой” России подробнее см.: Шевырев С. Введение в историю русской словесности. Чтение первое // Моисвилян. 1844. № 12. С. 225–228.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 18. Л. 37 об. (запись от 12 февраля 1832 г.).

вышел из Азии, смотрит на сокровища европейские [...] Итак, что у кого перенимать. Недостатки наций. Мы их избежим и будем первыми. Все нации нам последуют [...] – Но все-таки младшинство России перед каждою из ее учительниц. – Обращение к Азии. – Тогда то первенство ее возвысится. Россия – кондуктор европейского просвещения в Азии. Назначение России и Русского. Высокость сего назначения [...]”¹⁹

В другом месте Шевырев замечает: русские, “кажется, для того и объевропеились, чтобы служить проводником от Азии к Европе”. Впрочем, “мы не прежде обратимся к Востоку, как наглотаемся Запада, потому, что Запад для голодных сытнее”²⁰. Рассуждая о будущих временах, когда русские “воплотят философию, скелет, приготовленный немцами, в живое тело истории”, он вопрошал: “Кому, как не русским должно заниматься историей и избрать во всем методу историческую? Русские как последние имеют опыт всех народов”²¹. Все это хорошо знакомые мотивы философствующей публицистики, но – в несколько более поздней их артикуляции. Вопрос в том, что и у кого заимствовать решался в самой общей форме: “Русские должны быть эклектиками во всем, как в науке, так и в искусстве”; “Русской да соединит в себе эстетический вкус неопрятного итальянца с опрятностью безвкусного англичанина”²² и т.д.

Безусловно к одному из самых значительных по интересу мест шевыревского дневника относятся Примечания к “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина. Они расположены среди недатированных отдельных от текста дневника записей на последних его листах (в двух колонках) под общим заглавием “Русское”²³. Большинство из них являются, по-видимому, перенесенными последовательно, том за томом, со страниц “Истории” Карамзина, вместе с соответствующим текстом, маргиналиями, отчасти впоследствии обобщенных. Нельзя сказать, что эти примечания совсем незнакомы историкам. Цитаты из шевыревского дневника разбросаны по многим статьям и монографиям. Но специально, в сколько-нибудь репрезентативном виде они не были представлены. Происхождение их, вероятнее всего, связано с обстоятельствами внешнего порядка – Шевырев готовился к занятиям с воспитанником. “Историю государства Российского” он “изучал и читал вслух, постоянно с извлечениями”; в Италии ему пришлось вновь перечитать Карамзина и найти “средства образовать свой более самостоятельный взгляд на движение русской истории, имея в виду постоянный предмет для сравнения в истории Запада [...]”²⁴

¹⁹ Там же. Д. 17. Л. 85 об. (запись от ноября 1831 г.). Годом ранее сделана другая запись: “Напишу сказку о бездарной (или бесприданной) дочери. Вот содержание: жил был царь; у него было пять дочерей: старшая – Италия, вторая – Англия, третья – Франция, четвертая – Германия, меньшая – Россия. Первой дано в приданое искусство, второй – промышленность, третьей – гражданственность, четвертой – наука, пятой – ничего, но дан сундук, в которой можно уложить все четыре приданые и дана мощь перенять их у сестер своих. Может быть, успею развить это аллегорическую драму” (Там же. Л. 16).

²⁰ Там же. Л. 1 об. (запись от 18 июля 1830 г.).

²¹ Там же. Л. 52–52 об. (запись от 23 января 1831 г.).

²² Там же. Л. 10 (запись от 29 июля 1830 г.), 16 об.

²³ Там же. Л. 90 об.–97 об. Заголовок: “Прим. на Карамзина изд. 1817 г. Июня 22”.

²⁴ *Шевырев С.П.* [Автобиография]. С. 605, 609. О характере взаимоотношений С. Шевырева с А. Волконским можно судить по следующим иеремиям поэта: “О воля, воля, дочь богатства и мать довольства! Как иногда по тебе я в утреннюю пору плачу! Сколько прекрасных минут жизни убито без твоего воздуха! Сколько крови, нужной на жизнь и на труды во благо ближних, испортилось по мелким каплям! Как часто сердце сжималось и выдавляло вместо крови яд или желчь. Ужели я не обойму тебя, воля? Ужели вечны цепи на крыльях духа? Ужели никогда не снимешь их? – Но пусть нет тебя: не всем же ты даешься, хотя и многим понапрасну; но зачем судьба послала мне человека, меня не понимающего, которой лучшие минуты поэзии отравлял холодною, упрямством? И я не могу от него оторваться и я даже люблю его, как свое произведение, которое иногда закинешь к чорту, как негодное, и потом в другую минуту читаешь с любовию, находишь в нем красоты, незамеченные прежде. Одна отрада – вылить на бумагу чувство. И как выльешь, все прошло

Шевыревские “Примечания” являются ценным источником изучения классических историко-культурных сюжетов (тема “Россия и Запад”²⁵, полемика вокруг “Истории” Карамзина²⁶, проблематика русского исторического процесса и т.д.). Сосредоточим внимание на “Примечаниях” как историографическом источнике.

Стержневой здесь представляется тема происхождения и характера бытования (филиации) взгляда Шевырева на общественный строй Древней Руси. После 1825 г. вопрос этот приобрел актуальный идеологический подтекст. Требования “органического” взгляда на историю вели к установлению генетической связи (на Западе) между современными формами представительного строя и феодализмом; по той же логике самодержавие в России предполагало отсутствие последнего в прошлом, делая тем самым идеологически бесперспективной (беспочвенной) идею русского парламентаризма. Шевырев так и написал: “Русская конституционная хартия, которую некогда даст Второй Петр Великой, будет именоваться: царь”²⁷. Но подобные элементарные историсофические построения или, скорее, предчувствия нуждались в наполнении конкретным историческим материалом, проверки фактами русской истории. К ним и обращается Шевырев.

Историки недавно обратили внимание на очевидную “близость” мысли Шевырева о “наследственном, родовом феодализме” соловьевской концепции “родового быта” Древней Руси, междукняжеских отношений, которые определяли иерархию князей в роде и о Руси как “нераздельной родовой собственности”²⁸. Однако дальше этой констатации дело так и не пошло, а сюжет все же нуждается в прояснении. Работавший с дневником С.П. Шевырева М.Б. Свердлов пропустил важную запись об окончании чтения “Истории России и Петра Великого” Ф.-П. Сегюра, сделанную за два года до составления “Примечаний”²⁹. Шевырев расценивает эту книгу

[...] (Л. 1. Запись от 16 июля 1830 г.) Спустя несколько дней он пишет: “Сколько поэтических минут убито в душе неволею! Сколько желчи в крови прибавится! Учить математике человека, у которого в голове $2 \times 2 = 3$, – вот 35-я песнь Дантова Ада” (Л. 11 об. Запись от 5 августа 1830 г.) Еще через месяц: “Я хотел было в минуту добрую вымарать из своего журнала строчки, написанные в минуты горькие; но нет, – пусть они останутся. Сегодня был еще со мной припадок желчный, произведенный его упрямством [...] Как холодно он смотрит на мое нетерпение, на мою горячность! Как не понимает языка, чувством одушевленного! Дай ему одну флегму – он погибнет, но горячий человек около него много крови испортит. Однако мне надо удерживать свои нервы, которые слишком италианизируются: широко их портит. Я уж вобрал в себя огня Италии, надобно умерить кровь холодом отчизны” (Л. 20. Запись от 3 сентября 1830 г.)

²⁵ См.: Дурновоц В.И. Россия и Европа: обзор материалов по истории русской исторической мысли конца XVII–XIX вв. М., 1985.

²⁶ См.: Козлов В.П. “История государства Российского” Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 850. Л. 61. Запись от 11 марта 1831 г.

²⁸ См.: Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVII–XX вв. СПб., 1996. С. 84. Примеч. 244. Автор замечает, что С.М. Соловьев (речь идет о его диссертациях 1845 и 1847 гг.) “только в соответствии с духом времени... снял вопрос о феодализме... Видимо, переработанная в новых идейно-политических условиях шевыревская идея имела хождение в Московском университете” (Там же). В “Записках...” знаменитого историка дело представлено так, что своей “системой” он обязан одному Г.-Ф. Эверсу, и ни словом не упомянуто об университетском наставнике. А ведь Шевырев принимал даже кое-какое участие в защите Соловьевым магистерской диссертации, написанной, можно сказать, слёту, всего за полгода, на тему, которой ранее вовсе не занимался. Вопреки А.Н. Шаханову, мы склонны разделить мнение И.В. Волковой о подготовке С.М. Соловьевым своей первой работы “Феософический взгляд на историю России” в семинаре С.П. Шевырева. См.: Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992. С. 32; Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма. М., 1996. С. 8. Попутно заметим, что М.Б. Свердлов ни словом не упомянул о взглядах Н.Г. Устрялова, в “Русской истории” которого (1837) красной нитью проведена та же идея родового владения Русью князьями Рюрика дома.

²⁹ Речь идет о книге: *Ségur Ph.-P., de. Histoire de Russie et de Pierre le Grand. 2-éd., P., 1829.*

как первый опыт русской истории “в сравнении с историей остальной Европы, т.е. общие законы развития народов среднего века применены и к нашей истории, напр[имер] феодальная система и проч.” Итак, резюме прочитанного: “История средних веков в прочих государствах есть борьба единодержавия с вассалами и победа первого [...] У нас вассалов не было. Обычай делить имение между сыновьями и наследование боковое было причиною того, что вся история наша до Иоанна представляет междуусобие князей [...] в которых дворянства мы не видим, а крестьяне свободны. С постепенным унижением князей возникало вокруг самовластного трона и дворянство, которое служило власти монаршей орудием, – и после победы единодержавия крестьяне закабалены: явление совершенно противное европейскому. Это доказывает, что системы феодальной у нас не было. Таким образом и воздвигалась лестница: трон на дворянах, дворяне на крестьянах”³⁰. Выходит, перечитывая Карамзина, свой “более самостоятельный взгляд на движение русской истории” Шевырев вырабатывал не без помощи Сегюра³¹.

Принятая за аксиому в старой европейской литературно-философской, и в целом ментальной традиции, формула “Россия – не Европа” в конце концов была по достоинству оценена и усвоена русским поэтическим, а вслед за ним и историческим сознанием³².

Уже в первом абзаце “Примечаний” Шевырев заявляет о принципиальном расхождении с Карамзиным: “Одною из главных черт Истории Карамзина служит то, что он хотел историю России представить совершенно историею европейского государства. Этой чертою Карамзин отражал направление века Александра, когда Россию хотели выставить совершенно во всех отношениях европейскою, – направление, кончившееся 14-м декабря. – Карамзин написал историю России в европейских формах, как наружно, так и внутренно. – Этот взгляд на Россию, как на совершенно европейское государство, есть в России общий – и вредный. – Мы таки думаем, что мы европейцы по роду и образованию. Надо переменить этот образ мыслей и скромно показать, что мы азиатцы, преобразованные в европейцев”³³. Исходной точкой критической оценки Карамзина Шевыреву служит определение: “Что есть русская история? История преобразования народа азиатского в европейской”.

Историограф “с особенною охотою и рвением выставляет все наши браки, союзы, сношения с европейскими державами, как права на европеизм; хочет счесться родными с Европой. – Сравнения мифологии нашей с греческою к сему же относится”³⁴. Шевырев внимательно фиксирует все “европеизмы”, малейшие симптомы “западного направления”: Киев – “новая Капуя”; скомоорохи – “русские трубадуры”; Иван Грозный – “тиран”; Ляпунов, Заруцкий и Трубецкий – “триумвиры”; “хочет представить и русских, участвовавшими в крестовых походах”, что они, “подобно другим европейцам, имели рыцарские игры” и т.д.; обнаруживает “не русские обороты: взял на себя завоевать –

³⁰ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 14. Л. 89 об.–90 (запись от 2 ноября 1829 г.).

³¹ Вполне, вероятно, знакомство С.П. Шевырева и с концепцией различия европейского и русского исторического развития А.Г. Геерена. См.: *Геерен А.Г. Взгляд на “Историю государства Российского” Н.М. Карамзина* // Сев. архив. 1822. Ч. 4. С. 486–506.

³² М.М. Ковалевский не знал о дневниках Шевырева и потому ошибался, считая В.П. Титова несколько более продвинутым в данном пункте, чем его одноклассник по Благородному пансиону. См.: *Ковалевский М.* Философское понимание судеб русского прошлого мыслителями и писателями 30-х и 40-х гг. // Вестн. Европы. 1915. № 12. С. 164.

³³ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 90 об.

³⁴ Там же.

хвалился завоевать”, в общем “всюду Карамзин историю русскую переводит на язык европейской”³⁵.

С.П. Шевырев вступает в спор и с А.С. Пушкиным, обнаруживая следы прежнего, возможно личного полемического общения: “Пушкин в местничестве находит, что древние русские бояра имели понятие о чести”³⁶, – следует отсылка к Карамзину: “Князя Гвоздева (в 1589 году) за местничество с князьями Одоевскими высекли батогами [...]” – «Хорошо понятие о чести! Да у нас не было поединков, след[овательно] и не было рыцарской чести, или обратно.

Есть ли у нас в истории такая сцена как в Ричарде II между Норфолком и Болинброком, между Омерлем и приверженцами Болинброка? Маржерет говорит именно (и кому же если не французу было заметить это?): “Россияне [...] мыслят о чести не [так], как мы [...]”³⁷. И еще один аргумент: “Послам в сношениях с Литвою Иоанн велит даже сносить побои!!.. Вот как действовали в политике наши предки, которых Карамзин хотел представить давнишними европейцами”³⁸.

Слова Карамзина: “с верховною княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система Феодальная...” Шевырев вынужден комментировать: “Сим Карамзин утверждает феодализм в России – и видно, что он хочет переделать Историю Робертсону на наши нравы, так как Полевой новые исследования Нибура и Тиерри, но не понявши их (прости мне Боже и Карамзин сие сравнение!)”³⁹.

Главной точкой соприкосновения позиции Шевырева с карамзинской является вопрос о призвании варягов. Из сопоставления варварских правд в Европе с “Русской Правдой” Карамзин извлекает “весьма умное замечание, что варяги не завоевали словен, а были избраны словенцами управлять государством”⁴⁰. А вот аргументы Шевырева, найденные им несколько ранее: “Ответ бояр Василию Шуйскому, предлагавшему им присягнуть, избрание Михаила Федоровича, который восемь раз со слезами отказывался от престола перед боярами, валявшимися в ногах, объясняет совершенно возможность добровольного призвания Рюрика, Синеуса и Трувора (или кого бы то ни было) славянами”. В другом месте: “Сим, Хам и Яфет – замечательно, что это трибратство, которым Нестор начинает всемирную историю, повторяется в Кие, Щеке и Хориве, Рурике, Синеусе и Труворе”⁴¹.

³⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. воспр. 5-го изд. / Под набл. ак. Д.С. Лихачева, С.О. Шмидта. М., 1988–1989. Кн. I–IV, т. 1–12. Далее ссылки на это издание с указанием номера тома и страницы: Т. 2. С. 45, 113–114; Т. 5. С. 139; Т. 9. С. 1–8 и др.; Т. 10. С. 152; Т. 12. С. 177. Приведем дидактически чеканные формулировки из записей, содержащих стилистическую оценку карамзинского языка: “Влияние Карамзина на язык русской было совершенно западное: он воспитал его на образцах французских – и, присвоив ему множество галлицизмов, утвердил их за нами” (Д. 17. Л. 1); “Карамзин очинил перо для русской прозы, все по его чинке пишут” (Там же. Л. 11). Сравнительное изучение литературных процессов в Италии и России привело Шевырева к интересной догадке: “У нас было то же самое явление, в котором роль латинского языка играл словенский язык, а италийского русской. Таким образом объясняются летописцы, оды Ломоносова, трагедии Сумарокова и комедии его [...] Не представляет ли наша европейская (т.е. с Ломоносова) литература борения словенского языка с русским! Не так ли объясняется явление Шишкова и Карамзина, причем эта борьба достигла высшей степени, так что должен был последовать перелом решительный” (Л. 46. Запись от 3 января 1831 г.).

³⁶ Мнение поэта, высказанное в 1827 г., стало известным только из посмертных публикаций. См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л. 1949. Т. 11. С. 54–55.

³⁷ Т. 10. С. 155, 159; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 96 об. Ср.: Геерен А.Г. Указ. соч. С. 502–503.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 95.

³⁹ Т. 1. С. 70; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 90 об.–91.

⁴⁰ Т. 2. С. 3; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 91.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 10 об.; 89 об.

Далее развивается тема различия феодальных отношений на Западе и на Руси. “Феодализм русской основан на родстве, не так как прочий европейской на совокупном завоевании [...] Дело-то в том, что Россия основана не завоеванием, а добровольным уступлением власти варягам. В этом, мне кажется, должен быть главный источник различия феодализма нашего от европейского. В прочих странах, например, в Неаполе, теми же норманнами он водворился посредством завоевания. Полководец обязан был с товарищами своих подвигов разделить приобретенное. Так и во Франции. У нас же Рюрик призван с роды своими. Он роздал волости мужам своим. Но Аскольд и Дир, не его племени, не получили [...] Старший брат заменил отца: это не показывает ли, что наш феодализм основан на родстве?”⁴²

Прежний, как видно, не вполне уверенный тон рассуждений, сменяется на категоричный: “У нас был особенный, наследственный, родовый феодализм, совершенно отличный от европейского. Европейский феодализм произошел от того, что все западные государства Европы основались завоеванием, а наш от того, что Россия основалась добровольною уступкою словен одному роду [...] Все имение было в роду [...]” Констатация последнего позволяет делать далеко идущие выводы: “Правда наследства суть развалины феодализма. Майораты на Западе есть развалина оного. Отсутствие майората и ровный дележ наследства между сыновьями есть развалина нашего феодализма особенного, наследственного, родственного. Местничества у нас были таким же остатком правила нашей поместной системы, что старший в роде преимуществовал всюду. Разрядная книга есть развалина из родословных княжеских. Выгода западных государей требовала дать свободу крестьянам, чтобы лишить феодалов их силы: вот почему всюду на Западе за утверждением единодержавия последовало освобождение крестьян. У нас напротив за утверждением единодержавия последовало порабощение крестьян, но случайно, при Борисе, искавшем любви бояр. Лжедимитрий, искавш[ий] любви народа, дал опять Юрьев день. Шуйский так же, как и Борис, льстивший боярам, опять его отнял”⁴³.

Значительное место в “Примечаниях” Шевырев отводит выяснению существа междукняжеских отношений. Выписав из Карамзина десятка полтора характеристик князей середины XII в., напоминающих литературно-театральных героев (“Добродушие Святослава”, “добродушие Изяслава”, “чувствительность Святослава”, “чувствительность Изяслава”, “чувствительность Вячеслава”, “несправедливость в. к.”, “справедливость в. к.” и т.д.), критик замечает: “Объясняют ли все эти нравственные качества происшествия?”⁴⁴

Карамзин знал, что “основным правилом в системе уделов было признание главою князей старшего в роде, но не всюду верно следовал этому и не объяснял из этого правила многих явлений, которые бы можно объяснить было”. Это справедливое наблюдение. Занявшись таким объяснением, Шевырев для наглядности чертит шесть генеалогических таблиц, с помощью которых надеется прояснить эту “самую темную часть нашей истории и облегчить дело памяти” относительно истории главных конфликтов “племянников с дядями”.

Отсюда, между прочим, полагает Шевырев, “открывается новая точка, с которой должно смотреть на войны Новгорода с князьями [...] Новгород, вероятно, еще призвавши Рюрика, заключил с призванными князьями до-

⁴² ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 89 об. (из текста под заглавием “Русское”).

⁴³ Там же. Л. 91–91 об.

⁴⁴ Т. 2. С. 126; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 91.

говор, в котором сказано было, что старшему в роде он повинуется, кроме других условий. Ярославовы льготные грамоты, вероятно, были только письменным выражением того же словесного условия. Посему-то [...] новгородцы всегда принимали к себе изгнанных старших в роде: это было вследствие закона, а не мятежнического духа, как объясняет Карамзин [...] Разумеется, когда родословная запутывалась и когда трудно было разобрать старейшего, и когда они видели, что это право само уступало силе, тогда и переходило к сильнейшему [...] Итак, новгородская вольность предстанет нам вовсе не такую буйною: новгородцы просто следовали закону, который заключался в договоре их с князьями, ими призванными [...] Новгородская вольность лучшим образом доказывает, что добровольною уступкою, а не завоеванием основалась Россия, ибо покоренные народы с своими завоевателями договоры не делают, как новгородцы то делали с нашими князьями”⁴⁵.

Самое решительное возражение вызывает знаменитое место из 6 тома “Истории”, где Карамзин дал ретроспекцию русской истории, из которой следовало, что Древняя Русь представляла собой мощное цветущее государство европейского типа, но вследствие разделения на уделы и междоусобных войн “мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась к просвещению”, а в XIII в. уже “отставали от Держав Западных в государственном образовании. Нашествие Батыево испровергло Россию”. “Вкратце все последующее, – иронизирует Шевырев: если б не татары, мы бы были чудо.

В сем отрывке, – продолжает он, – ясно видно понятие Карамзина об развитии России, понятие, господствующее во всем поколении, на чтении его “Истории” воспитанном. Теперь у нас сделалось общим местом, что Россия давным-давно была бы европейским государством, если б не татары, и что она до татар стояла еще выше держав европейских. – Мы имели те же обычаи – а женщины как у нас жили? – Мы имели те же законы и уставы государственные, – а феодализм у нас тот же ли был? – Россия имела единоедержавие при Ярославе, – да это было случайно. Уж пора перестать укорять Владимира в ошибке раздела: всем Владимир велик, только то дурно сделал, что разделил Россию. Да так всегда было: это не считалось в его время ошибкой [...] Самая вера удаляла нас от европейского мира. Не будь татар, не прими Россия веры греческой, не будь Литвы, – и так дойдем до того – имей Россия другой язык, – словом, не будь Россия Россией”⁴⁶.

«В XIII веке мы уже отставали от держав западных...” – Только что отставали, да XIII век воспитал Данта»⁴⁷.

Историограф на основании свидетельства Г. Рубрука пишет: “Европ[ейские] путешеств[енники] XIII века не находили даже никакого различия в одежде нашей и Западной”. – Шевырев возражает: “Карамзин легковерен в этом случае потому, что гонит нас заранее в европейцы”⁴⁸. И вообще, “какая охота нам себя назвать давнишними европейцами? Тогда европейцы имеют право уличить нас в лени и бездействии. Коль спросят они: вы уж так давно в Европе, – что ж у вас есть? [...] Англия нас узнала только в 15-м столетии и об нас говорили, как о земле новооткрытой. Так где же мы давнишние европейцы?”⁴⁹

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 93.

⁴⁶ Т. 6. С. 213–215; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 94.

⁴⁷ Т. 6. С. 215; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 94.

⁴⁸ Т. 6. С. 225; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 94 об.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 94 об., 96.

С 6-го тома Карамзин больше внимания уделяет внешней политике, чем делам внутренним: “он, кажется, обрадовался наконец полю дипломатики, на которое торопился [...]” Шевыреву же история уделов гораздо более интересна, ибо в ней он более узнает Россию, чем в “дипломатических сношениях, которым радуется Карамзин”, хотевший “представить Россию уже давно европейскою и счесться давним родством и знакомством с Европою”⁵⁰.

Любопытны краткие реплики Шевырева: «”Боголюбский, прозванный за ум вторым Соломоном”. – Подумаешь, что народ его прозвал вторым Соломоном, а это просто выражение летописца: “Вторый мудрый Соломон был”. Летописцы средних веков и во всей Европе берут сравнительные наименования из Библии»⁵¹.

«“Италия дает первые плоды рождающихся в ней художеств”. – Да Леонардо да Винчи процветал в 15-м веке [...] Так какие же рождающиеся художества? – Они рождались в 13 веке, когда жили Чимабуэ и Джотто»⁵².

«“Россия около трех веков находилась вне круга Европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов”. – Как будто она прежде участвовала!»⁵³.

Шевырев, кажется, в восторге от наблюдений и замечаний С. Герберштейна о характере русского народа и соответствующего этому характеру государственного устройства: “Напрасно Карамзин обвиняет Герберштейна в том, что он не понимал России. Герберштейн, хотя и удивлялся безусловной власти царя русского, но понял тотчас это свойство народа. Из этого удивления европейца проистекает самое сильнейшее опровержение европейского взгляда Карамзина на Россию, который самое развитие самодержавия объясняет исторически, как французский историк описывал бы утверждение единодержавия при Людовике XI. Так Карамзин, смешивая самодержавие с единодержавием, говорит, что первое утвердилось Иоанном и Василием, а не глубже его ищет, не в корне народа словенского, не в азиатском его свойстве, и не подозревает, что сим только может объясниться и самое основание России. Карамзин думает, что Иоанн III и Василий могли в несколько лет образовать в народе нашем его коренное свойство, что они дали его. Они только сосредоточили самодержавие в единодержавии, другими словами: они многих самодержцев соединили в одном”⁵⁴.

Комментируя изображение Герберштейном русских обычаев, Шевырев заключает: “Описание этого обилия форм жизни, совершенно ненужных, показывает совершенно азиатский характер наших предков. И теперь в Китае общежитие заключается в наблюдении пустых обрядов”⁵⁵.

Шевырев разделяет мнение Карамзина о роли боярства в становлении нового порядка наследства и в утверждении “единодержавия”, с которым они начинают играть важную роль: “Этого требовали их выгоды. – Но они эту силу в Иоанне воспитали для себя”⁵⁶.

⁵⁰ Там же. Л. 94 об.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 93 об.; Т. 3. С. 20. Примеч. С. 13.

⁵² ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 94 об.

⁵³ Т. 6. С. 212; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 94 об.–95.

⁵⁴ Т. 7. С. 120–121; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 95–95 об.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 95 об.

⁵⁶ Там же. Л. 95 об.–96.

Феномен Ивана Грозного для Шевырева не представляет никакой загадки: все «прекрасно объясняется воспитанием, как доказал Погодин⁵⁷. Иоанн есть совершенно русское явление и только в России возможное, т.е. в России до Петра. Его тиранство есть сумасшествие, есть болезнь, коей корень от его воспитания [...] Только в России могли тогда сносить безумного палача-царя, как сносят язву, голод, всякое неотвратимое послание неба⁵⁸. Этот «фатализм» не есть ли азиатская черта в народе русском? – Эта безусловная привязанность к царю – залог образования России – не суть ли также азиатская черта?»⁵⁹

Представляя Ивана Грозного «тираном европейским», Карамзин впал в противоречие, ибо, по его же словам, «в смиреннии великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как Греки в Термопилах, за отечество, за Веру и Верность, не имея мысли о бунте». «Это золотые слова, которые показывают, что Карамзин постигал своим инстинктом характер русского народа, но европейской взгляд его часто сбивал с настоящей точки»⁶⁰. Шевырев готов сколь угодно долго рассуждать о неизменных, коренных свойствах народа. «Народ наш крестился по примеру царя, так как и образовался по примеру царя же [...] плач матерей, отдающих детей в школу, и другие подобные народные черты должны убедить нас в правдивости сказаний Нестора: ибо эти же черты мы и теперь видим в народе. Так настоящее служит всегда свидетельством верности исторической»⁶¹. У Шевырева на этот счет получился настоящий афоризм, чем-то отдаленно напоминающий пушкинскую мысль о «единственном европейце»: «В России должно делать заговоры не с народом против царя, а с царем против народа, ибо в народе главное препятствие образованию, а в царях всегда есть желание оного [...]»⁶²

⁵⁷ См.: *Погодин М.П.* Об участии Годунова в убиении царевича Дмитрия // Моск. вестн. 1829. Ч. 3. С. 90–126. Не лишен любопытства отзыв Шевырева о своем верном товарище: «Погодин есть новое издание Новикова в нашем столетии; врожденная любовь к просвещению отечественному и деятельность необыкновенная. Он считает все средства полезными для образования России. Кто, как я, знает цель его – тот его будет любить неизменно. Кто будет смотреть на одно средство, не зная цели, тот может быть и врагом его. (Далее три строки тщательно вымараны чернилами. – А.Б.) Он лучше всех постиг тип и язык национальный; он лучше Пушкина напишет картину национальную; но он не имеет вкуса от природы; у него нет чувства на прекрасное, эстетическое; он не постигает искусства, он не сумеет национальное возвысить до идеального. Посему полезно ему было побывать в Италии и приобрести вкус к формам прекрасным. Этот недостаток может быть в нем причиной его происхождения. – Я заранее предполагаю, что его «Марфа Посадница» как национальная картина, превосходна и даже выше «Бориса», но в художественном отношении не будет иметь достоинства, свойственного трагедии. Погодин – писатель для народа. Он может иметь на него великое влияние [...] Он введет историю русскую в чернь» (ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 30–30 об.). За текстом Примечаний к «Истории» Карамзина следует полемическое опровержение упомянутой статьи Погодина. Суть его сводится к следующему: «Погодин в защиту Бориса приводит все прочие клеветы, на него возведенные, и из этого заключает: коль смотреть с этой одной точки, то и убийство царевича Дмитрия было такою же клеветою [...] Да участие-то Бориса в убийстве Дмитрия и есть главная вина последовавших за ним клевет. У нас в деревнях раз укради, – так уж всякая, и чужая вина, на тебе виновата. Это совершенно в характере русского правосудия, да не только русского, может быть и божественного. Борис, виновный в одном убийстве, платил за все смерти: напрасно на это особенно не намекнул Пушк[ин] в монологе Бориса, где он высчитывает клеветы. – Итак эти клеветы, приведенные Погодиным в число доказательств, обращаются против него же» (Л. 97 об.–98). Ср.: *Пушкин А.С.* [Заметки на полях статьи М.П. Погодина «Об участии Годунова в убийстве царевича Дмитрия»] // Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 243–256.

⁵⁸ Интертекст записки «О Древней и Новой России...» Ср.: «Кто верит Провидению, да видит в злом самодержце бич гнева небесного! Снесем его, как бурю, землетрясение, язву – феномены страшные, но редкие [...]» (*Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Предисл., подгот. текста и примеч. Ю.С. Пивоварова. М., 1991. С. 46).

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 95–96 об.

⁶⁰ Т. 9. С. 258; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 96.

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 90.

⁶² Там же. Л. 28 об.

Следующее наблюдение содержит догадку, предшествующую появлению “вотчинной теории” образования Московского царства: “При Рич[арде] II вся Англия была на откупе и вот главная причина, почему он потерял престол. След[овательно], на Западе понятие о собственности царской отделено от собственности частной. Что такое революция Французская? – Банкротство короля. У нас же собственность народа принадлежит царю, так как собственность крестьянина боярину. Он ею мог бы пользоваться, если б захотел, если б совесть внутри и мнение снаружи его не останавливали. Посему у нас царь не может отдать на откуп России и, след[овательно], не может обанкротиться, а, след[овательно], революции у нас не будет. Иоанн Грозный вздумал было завести опричнину и отделить свою Россию от земской, но увидал, что это нелепость и что вся Россия принадлежит ему. Опричнина у Карамзина не объяснена. Это явление важное – и должно быть русское”⁶³.

Шевырев бросает упрек Карамзину, не объяснившему происхождение самозванца: “Отрепьев на одре болезни требует духовника – и духовник был иезуит”. Как мог историограф не обратить внимания на это обстоятельство? Возможно ли, чтобы мысль о троне пришла в голову русскому монаху? Она “с чужи занесена, от иезуитов”. Шевырев склонен верить Петрею и шведским дипломатам, уверявших, что явление Лжедмитрия – интрига Сигизмунда, папы и иезуитов. “Европейцам-то это виднее было, чем нам. Мы и не понимали – чего иезуиты хотят. Да и могли ли тогда понять, когда только при Александре насилу поняли!”⁶⁴

Предельно интересен фрагмент с описанием важнейшего элемента миро-созерцания русского народа: “И тени царя верили русские! Чудесная история самозванцев в России есть также особенность совершенно русская и азиатская. Она ничем другим не может объясниться, как безусловною любовью нашего народа к царю и царскому племени. Наш народ в царе чтит Бога земного – и думает, что племя царское прерваться не может. Это, по мнению русскому, разрушило бы порядок мира; скажи русскому: царя нет, это все то же, что: Бога нет [...] Был такой хаос в России, когда провидение отняло у России царское племя кончиною бездетного Феодора и убиением Димитрия. Были люди, которые хотели воспользоваться благородным чувством народа и наслали самозванцев. Русской народ, ослепленный своим внутренним чувством, не мог помыслить, чтоб Бог забыл его и отнял у него корень царский, хватался за призраки – и вот чем объясняется многократное явление одного и того же мнимого Димитрия. Эти злые люди были иезуиты, мигом постигшие, что самодержавие в России есть первая сила, которою завладевши, они тотчас Россию овладеют. – Это же благородное, бескорыстное чувство в русских и спасло Россию, ибо оно было для них великим центром соединения. – Итак, это черта русская. – Азиатскою я назвал ее потому, что в европейской истории мы не видим ни одного самозванца, а в азиатской (например, в персидской) многих. Это происходит и от того, [что] в Европе царь никогда не был окружен блеском божества. Видеть в царе Бога – мысль азиатская. Посему-то в Европе в случае похищений престола никто не назывался именем лишнего, ибо не мог бы никогда иметь силы великой, поелику сия сила в вере народа заключается. – Потому же Европа возводит царей на плахи, а Россия никогда не доживет до этого, и горе ей, если она доживет до такого разврата народного, ибо она тогда не будет Россией. – У нас нет междуцарствия: восше-

⁶³ Там же. Л. 67 об.

⁶⁴ Т. 11. С. 76. Примеч. С. 41; Т. 12. С. 46; ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 97.

ствии на престол Николая считается с минуты смерти Александра. Он уже был наречен Богом.

В истории русского народа не может быть ни минуты без царя, ибо эта минута была бы хаос. Под условием вечного бытия царя только Россия существует, как мир существует только под условием бытия Божия”⁶⁵.

Казачество по Шевыреву – “явление русское совершенно”. Это “преступники”, бегущие от закона, но все они остаются верными царю и “все ему служат”; примечательно происхождение самозванцев: “Илейка, Лжепетр – и Пугачев, и многие другие” являлись из “приволжских, азиатских стран”.

Заключительный абзац “Примечаний” – смешение высокого пафоса и сарказма: “Последняя страница Карамзина – предмет поэтической. Рука его онемела от смерти, перо выпало из рук – и пала свинцовая завеса на русскую историю в самое интересное мгновение. Что же? Является Полевой и силится приподнять ее!..”

В самом конце 1830 г. за несколько месяцев до составления “Примечаний” к “Истории” Карамзина, Шевырев прочитал первый том “Истории русского народа” Н.А. Полевого, самую громкую книжную сенсацию года. Судя по разрозненным критическим заметкам в дневнике, оценка нового опыта истории России была продиктована тем же “комплексом” и выдержана в том же ключе, что и в случае с “Историей” Карамзина. Однако концептуально тождественные исходные критерии оценки обоих произведений не мешают Шевыреву относиться к Полевому резко, агрессивно отрицательно, видеть в нем разновидность Булгарина. «Полевой – шарлатан, но русской и шарлатан в маске благородства, философии XIX столетия, учености всеобъемлющей, умеренного либерализма. В нем видны все приметы русского купца, который продает дурной и старый товар за хороший и новый, умея искусно навить на него лак новизны. У него оборотливость удивительная: он все сметит, подхватит, подслушает, переймет, но исковеркает. Снаружи он чудо, но взглянешь внутрь: пусто. – В его “Истории русского народа” самое заглавие и посвящение доказывают шарлатанство. Предисловие его есть образец искусства купеческого в России. – В книге его вы увидите, что он схватил все мнения новые, он бредит и Шеллингом, и Шлегелем, и Гердером, и Гереном, Нибуром – и ничего не прочел порядочно. – Везде лак, везде наружность, – но внутри невежество темное. Он обманет многих в России: его шайка велика, ибо у нас более людей поверхностных, недоучившихся, а он их представитель. Полевой есть русской тип шарлатанского невежества в XIX столетии».

А вот запись месяцем позже: “История русского народа” Полевого “похожа на котел ведьм макбетовский, в который шарлатан, чтобы обморочить нашу поверхностную публику, варит вместе печенку Нибура, ухо Демпинга, палец Тиерри, мочу Шеллинга, слюни Клапрота, мокроты Крейцера и проч. и проч., словом все [...] снадобья ученой Европы XIX столетия и ничто в нем не переварилось”. И наконец: “История” Полевого «построена из обломков литературы Телеграфа: сего вавилонского столпотворения в нашей литературе. Стиль сего здания совершенно стиль всего Телеграфа [...] История Полевого есть неудачное переложение “Истории” Нибура на русские нравы»⁶⁶.

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 97–97 об.

⁶⁶ Там же. Л. 29 об.–30. Запись от 19 октября 1830 г.; Л. 31 об. Запись от 17 ноября 1830 г.; Л. 43 и далее. Запись от 8 декабря 1830 г.

В своем дальнейшем творчестве Шевырев ограничивался только общей характеристикой Карамзина, назвав Историю “великим, главным подвигом его жизни”, а Историографа – гуманистом, служившим воплощением “идеи добра во взаимном союзе двух идей – отечества и человечества”⁶⁷.

Мы знаем, что Шевырев был далеко не первым в череде поэтов “народной монархии”; но мы хорошо знаем и то, чего можно ожидать от людей искусства, когда они начинают заниматься не своим делом⁶⁸.

Некоторое время назад С.О. Шмидт писал, что без привлечения архивных документов “невозможно с должной полнотой и объективностью изучать историю исторической науки и выяснить взаимосвязь исторической мысли и исторического восприятия”⁶⁹. Думается, исследование Дневника С.П. Шевырева в качестве историографического источника позволит сделать более точными наши представления о тенденциях русской историографии рубежа 1820–1830-х годов.

Л.И. Шохин

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ С.Д. ШЕРЕМЕТЕВА О П.А. СТОЛЫПИНЕ

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) – историк, придворный и общественный деятель, предводитель дворянства Московской губернии (1885–1890), член Особого совещания по дворянскому вопросу (1897), член Государственного Совета с 1900 г., председатель Археографической комиссии (1900–1917). Он был одним из богатейших помещиков в России, владел имениями в десяти губерниях общей площадью более 300 тыс. десятин.

В 1895–1917 гг. Шереметев вел дневник, в котором запечатлелась разнообразная информация, в том числе о его деятельности в Государственном Совете, о встречах с императором Николаем II, императрицей Марией Федоровной, П.А. Столыпиным и другими министрами. Всякий дневник интересен как отражение эпохи, а принадлежащий такому неординарному человеку, как Шереметев, в особенности. Нами опубликован обзор “С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях” (АЕ за 1994 год. М., 1996) и отдельные

⁶⁷ Лекции о русской литературе, читанные в Париже С.П. Шевыревым в 1862 г. С. 268, 258. В Карамзине Шевырев видел “превосходный образец соединенной любви к отечеству и человечеству. В нем эти два чувства уравновешивались, питали, поддерживали друг друга. Любовь к человечеству, не приненная к нашим ближним, олицетворяемым для нас в отечестве, перерождается в отвлеченный и праздный космополитизм. Любовь к отечеству, не озаренная светом любви к человечеству, переходит в узкий или квасной патриотизм. Карамзин научил русских избегать той и другой крайности; но, к сожалению, не все следуют его примеру” (Там же. С. 258–259). Дневник сохранил сделанные 30-ю годами ранее записи, созвучные с вышеприведенной: “Надо бы русских воспитывать в духе терпимости ко всему иноземному и в жаркой любви к отечественному. Кто соединит терпимость к чужому с любовью к своему – тот истинно русской”. Позднее вновь читаем: “Дух терпимости да будет русским духом!” (ОР РНБ. Ф. 850. Д. 17. Л. 1. Запись от 13 июля 1830 г.; Л. 30 об. Запись от 27 октября 1830 г.).

⁶⁸ Новейшее исследование опытов поэтической рефлексии см. в кн.: *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

⁶⁹ *Шмидт С.О.* Архивный документ как историографический источник // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института / Сост.: Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева. Под ред. В.А. Муравьева. М., 2001. С. 118.

фрагменты из дневника¹, не касающиеся Столыпина. В связи с 90-летием со дня смерти Столыпина пришло время ввести в оборот новые материалы о нем, содержащиеся в 9 объемистых тетрадах – по одной на каждый год.

Первое упоминание Столыпина в дневнике относится ко времени погромов 1905 г. в принадлежавшем Шереметеву имении Баланда Аткарского уезда Саратовской губернии. 23 октября 1905 г. Шереметев записал: “Из Баланды тревожно. Телеграф[ировал] в Саратов губернатору о помощи”. На следующий день получена еще одна паническая телеграмма от управляющего Циммермана и неутешительный ответ губернатора Столыпина – “час от часу не легче”, – заметил Шереметев. 1 ноября ему стало известно, что в Баланде сожгли 2800 овец и рубят лес². Таким образом, впечатление Шереметева о губернаторстве Столыпина оказалось отрицательное – не предотвратил погром. Но Столыпин располагал ничтожными военными и полицейскими силами и не мог быстро прекратить беспорядки, начавшиеся одновременно в пяти уездах. Об этом писала С.Д. Шереметеву М.В. Каткова, у которой тоже были изменения в пределах Саратовской губернии³. Однако Шереметев остался при своем мнении, о чем свидетельствует дневник: “7 октября 1906 г. Глупый разговор с Марьей Владимировной Катковой”; “13 октября 1906 г. Оставил, хотя и не хотел, карточку у Столыпина – на Комендантском подъезде” (Д. 5051. Л. 105, 107).

Когда Столыпин стал министром внутренних дел и председателем Совета министров, Шереметев присматривался к нему глазами много выдавшего человека, пережившего царствования Александра II и Александра III, критически оценивавшего реформы 1860-х годов как поспешные и непродуманные, нанесшие большой ущерб социально-экономической стабильности. По мнению Шереметева, помещики проиграли от этих реформ, да и крестьяне не выиграли, обогатились лишь спекулянты. Вероятно, заранее принятая Шереметевым установка и его преклонение перед Александром III мешали ему правильно оценить Столыпина – политического деятеля новой формации⁴.

16 июля 1906 г. имеется характерная запись в дневнике: “Едва ли Столыпин долго выдержит с его прямым характером”. Шереметеву рассказали, что после доклада у Николая II “Столыпин вышел с пятнами на лице и громко говорил о Трепове⁵, называя его действия достойными изменника (его разговор с корреспондентом о необходимости кадетского министерства – факт!)” (Л. 77 об.). 25 июля – менее сочувственный отзыв: “Столыпин едва ли прочен. К сожалению, он, при хороших свойствах, глуп. К нему подлизывается Юрий Милютин (!)⁶ и ожидать хорошего трудно” (Л. 85). 12 августа 1906 г.: “Вечером пришло известие о покушении на Столыпина – множество жертв, пострадавшие – дети; сам цел и невредим. Это террор, а противовеса все нет” (Л. 91).

¹ См.: Из дневника графа С.Д. Шереметева 1917 г. // Российский архив. М., 1995. Вып. 6. С. 487–492; “Картина была потрясающая!” (Из дневника С.Д. Шереметева о коронации Николая II, 1896 г.) // ОА. 1996. № 1. С. 84–90; Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте // ОИ. 1998. № 2. С. 149–163; Из дневника С.Д. Шереметева 1897–1917 годов // Шереметевы в судьбе России: Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2001. С. 216–220.

² РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5050. Л. 117–119. Далее ссылки на дела и листы фонда даны в тексте. Сохраняются авторские многоточия.

³ См.: Письмо М.В. Катковой С.Д. Шереметеву 23 сентября 1906 г. / Публ. Л.И. Шохина // РА. М., 1995. Вып. 6. С. 444–446.

⁴ См. подробнее: Мемуары графа С.Д. Шереметева / Публ. Л.И. Шохина. М., 2001.

⁵ Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) – генерал-губернатор Петербурга с января 1905 г., одновременно с апреля 1905 г. товарищ министра внутренних дел, после октября 1905 г. – дворцовый комендант.

⁶ Милютин Юрий Николаевич (1856–1912) – сын Н.А. Милютина (1818–1872), брата бывшего военного министра Д.А. Милютина (1816–1912), в 1908 г. организовал славянофильское общество.

Шереметев считал роковой ошибкой издание манифеста 17 октября 1905 г., разрешившего политические партии и учредившего Государственную Думу. По его наблюдению, на аудиенции 3 мая 1907 г. и Николай II воспринимал это как игру или временный камуфляж: «Я сказал, что был накануне в Госуд[арственном] Совете и вынес утешительное впечатление – отказа Г[осударственного] С[овета] (кроме 10) в рассмотрении думского постановления как незаконного по форме и по существу... Государь оживленно: “Да уж, мне сообщили...” – и казался доволен» (Д. 5052. Л. 61). Одновременно Шереметев иронически отзывался в дневнике о “герое дня” Столыпине, “которого не перевариваю” (Л. 49).

В своем собственном доме Шереметев постоянно сталкивался с уважением к Столыпину и это его еще больше злило. “Ира продолжает либеральничать с культом Столыпина” (Д. 5051. Л. 77). (Имеется в виду дочь бывшего министра двора, наместника на Кавказе, Ирина Илларионовна Воронцова-Дашкова, жена старшего сына С.Д. Шереметева.) “Нахожу, что Ара стала крайне раздражительна и необузданна на язык. Что-то ультра-Столыпинское сильно пробилося наружу” (Д. 5052. Л. 120). (Арой называли вдову министра внутренних дел, Александру Павловну Сипягину, урожденную княжну Вяземскую, младшую сестру Екатерины Павловны Шереметевой, жены С.Д. Шереметева). 6 апреля 1907 г. Шереметев встретил приехавшего из Москвы в Петербург А.М. Каткова⁷, мужа М.В. Катковой, сына знаменитого публициста М.Н. Каткова. Шереметев “начал было говорить о впечатлениях Петербурга, но он заговорил чушь и, видимо, Столыпинофил, как и жена его, ожидающие великих благ от этого культа и себе и России. Я отмахнулся от него и рад был, когда он удалился” (Л. 50).

22 мая 1907 г. Шереметев собирался из Москвы на заседание Государственного Совета и уже садился в поезд на Николаевском вокзале, «когда принесли мне срочную депешу. Читаю: “Булыгин”⁸, – сообщает, что заседание “отменяется”! [...] Впечатление мое скорее радостное. Что-то готовится. Булыгин выражается осторожно... Невольно волнуешься. Так назрело сознание, что нельзя продолжать думскую преступную, развращающую игру. Столыпин должно быть в чьих-то руках (не разберу) и во всяком случае действует не умно» (Л. 72–73). 25 мая «разговоры все вокруг Г[осударственной] Д[умы] и того ужаса, который происходит благодаря непозволительному правительству с его главою Столыпиным. В Г[осударственном] С[овете] его, говорят, передернули. Касаткин⁹ высказал ему правду в глаза, что правительство потворствует революционному движению... Чувствуется, что приближается решительная минута, что нельзя долее терпеть. Газеты переполнены раздражительными статьями и сознанием неизбежности “разгона”. Люблюсь “Киевлянином”. Большая его заслуга». (Л. 73).

2 июня Шереметев находился в своей обычной летней резиденции Михайловское в Подольском уезде. “Газеты сообщают о появлении Столыпина в

⁷ Катков Андрей Михайлович (1863–1915) – председатель Московской губернской земской управы, Подольский уездный предводитель дворянства, егермейстер, в 1888 г. женился на княжне Марии Владимировне Щербатовой (1864–?), дочери бывшего саратовского губернатора князя Владимира Алексеевича Щербатова (1826–1888), женатого на Марии Афанасьевне Столыпиной (1832–1901).

⁸ Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) – министр внутренних дел с января по октябрь 1905 г., гофмейстер, статс-секретарь, член Государственного Совета с 1905 г., главноуправляющий ведомством учреждений императрицы Марии с 1913 г., обер-шенк с ноября 1916 г.

⁹ Касаткин-Ростовский Николай Федорович (1848–1908) – князь, камергер, капитан II ранга в отставке, курский губернский предводитель дворянства (1890–1894), новооскольский уездный предводитель дворянства, гласный Курской губернской земской управы, избран в Государственный Совет от Курского земства.

Госуд[арственной] Думе по поводу ареста заговорщиков. Прав[ительствен- ное] сообщение о заговоре с участием 50 членов Г[осударственной] Думы!!! А мы все еще в белых перчатках и церемонимся...” (Л. 76). 4 июня 1907 г. Шереметев записал в дневнике: “Впечатление от разгона Думы хорошее, только в 3-ю Думу все-таки не верится!” (Л. 77). 10 июня в Михайловском, как и повсюду, “после обедни чтение Манифеста 3-го июня, после которого вообще дышится легче. Видел, как Иван Григорьевич [Булыгин] перекрестился во время чтения на самом решительном месте. Меня удивляет подчеркивание некоторых Царских слов в Манифестах, присланных по волостям губернатором. Уж не Столыпин ли?” (Л. 81).

В конце 1907 г. Шереметев по-прежнему холодно относился к Столыпину, по-видимому, не оценил его роль организатора “третьиюньского переворота” (под таким названием это событие вошло в историю). Попытки Столыпина балансировать между несколькими течениями Шереметев принимал за приметы слабости, хотя и готов был признать, что намерения у Столыпина хорошие. 17 ноября 1907 г. Шереметев «прочел “декларацию” (!) Столыпина. Громкие, успокоительные, но не успокаивающие слова, мнимая ясность. В Г[осударственной] Думе выходка Родичева¹⁰ – “Столыпинский галстук”! Ответ Столыпина достойный, твердый, внушительный. Он подчеркнул недосказанное в “декларации”. Спасибо Родичеву и его дружине» (Л. 153–153 об). В декабре 1907 г. Шереметев присутствовал на рауте у Столыпина в здании МВД. “Видел фигуру Витте¹¹. Поклон издали. Я перешел в залу, обхватило воспоминаниями! [...] Приятно было сознание, что скучное это обязательство исполнено” (Л. 167).

24 марта 1908 г. к Шереметеву приезжал редактор “Московских ведомостей” Л.А. Тихомиров¹². “Впервые с ним говорю, – записал Шереметев. – Сидел около часу. Интересен, осторожен, но под конец разговорился [...] Любопытны его связи с П. Столыпиным” (Д. 5053. Л. 49). Наконец, 6 мая 1908 г. Шереметев “говорил со Столыпиным, речь кот[орого] по Фин[ляндскому] в[опросу] все хвалят” (Л. 70). Лаконичные дневниковые записи не сопровождаются никакими комментариями. По всей вероятности, мнение Шереметева о Столыпине не изменилось, иначе он бы выразился яснее. 23 мая 1908 г. Шереметев узнал из газет “приятное известие о назначении Кривошеина¹³ министром земледелия и об увольнении Васильчикова¹⁴ [...] Кривошеин не человек Столыпинских воззрений. Нашим доморощенным октябристам это назначение несочувственно” (Л. 79).

В дальнейшем в дневнике Шереметева расставлены точки на “i”. На именины Сергея Дмитриевича 5 июля 1909 г. в Михайловское прибыл его друг А.К. Варженевский¹⁵. В разговоре с ним Шереметев пришел к выводу, что

¹⁰ Родичев Федор Измайлович (1856–?) – гласный Тверской губернской земской управы, предводитель дворянства Вельегонского уезда, депутат Государственной Думы I–IV созывов от конституционно-демократической партии, после февраля 1917 г. – комиссар Временного правительства по Финляндии, после октября 1917 г. – в эмиграции.

¹¹ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), граф с 1905 г., председатель Комитета финансов (1906–1915).

¹² Тихомиров Лев Александрович (1852–1922) – публицист.

¹³ Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923) – главноуправляющий земледелия и землеустройства (1908–1915), член Государственного Совета с 1906 г., глава правительства П.Н. Врангеля, после 1920 г. – в эмиграции.

¹⁴ Васильчиков Борис Александрович (1863–1930) – князь, шталмейстер, главноуправляющий земледелия и землеустройства (1906–1908), член Государственного Совета, после 1917 г. – в эмиграции.

¹⁵ Варженевский Алексей Константинович (1855–?) – председатель Можайской уездной земской управы, предводитель дворянства Можайского уезда (старейший среди уездных предводителей в Московской губернии – избирался на 8 трехлетних сроков подряд). См.: “Все рушится и тонет в море анархии...” (А.К. Варженевский – С.Д. Шереметеву 1917 г.) / Публ. Л.И. Шохина // Источник. 1994. № 6. С. 28–40.

“Столыпин отчасти и даже иногда весьма определен как октябрист” (Д. 5054. Л. 98). 26 ноября 1909 г. А.Д. Самарин¹⁶ давал обед в своем московском доме на Поварской. “После обеда А.Д. Самарин рассказал мне в гостиной, – записал Шереметев, – о свидании своем и продолжительном разговоре с П. Столыпиным в Петербурге по поводу вопроса о возведении во Дворянство Крестовникова и Сапожникова и о непоследовательности вообще в действиях Правительства в вопросе Дворянском. Разговор не особенно приятен был Столыпину. Все более убеждаюсь в двойственности последнего и его политики...” (Л. 152).

В 1908 г. Шереметев обращался к Столыпину по делу об отставке своего друга Н.Н. Усова¹⁷. Шереметев выхлопотал ему придворный чин гофмейстера, но это не обеспечивало его материальное положение. Усов оказался в числе разорившихся дворян и жил с семьей на жалованье. 28 мая 1908 г. Шереметев написал Столыпину с просьбой о свидании (Д. 5053. Л. 83). 2 июня Столыпин принял его во дворце председателя Совета министров на Елагине острове в Петербурге. Шереметева удивили меры предосторожности по отношению к нему, обер-егермейстеру императорского двора, получавшему свободный доступ к Николаю II. «Швейцар опросил и отнял у меня шляпу! Когда я удивленно спросил почему, он ответил, что таковы порядки. Вероятно, опасались скрытой бомбы. Я застал Столыпина в кабинете, и мы сели у маленького стола посреди комнаты. Я повторил, что имею к нему дело не личное, но частное, по поводу одного из его подчиненных, и потому извиняюсь, что отнимаю у него время, столь занятое. Он что-то ответил любезное и сказал: “Догадываюсь о ком – Алфераки!”.. “Нет, – ответил я. – Я Алфераки не знаю, а я об Усове”. “Усов”, – недоуменно сказал Ст[олыпин], припоминая, но, очевидно, не зная, что за человек. Тогда я изложил суть, подчеркнув прежнюю службу, и дворянскую, и тверскую, особенности его положения общественного и семейного, его нравственные качества, с которыми нужно считаться и им дорожить, даже когда и нет особых качеств “дельца”.

В общем, Столыпин реагировал хорошо: “Векся Вам дать сейчас не могу, но справлюсь”, – и дал понять, что весьма возможно. Сам записал все, хотя я и сказал, что принес ему пам[ятную] записку. Говоря о переж[иваемом] времени, по поводу воспитания молодого поколения (я указывал на сына Усова и семью его), Стол[ыпин] коснулся политики праздностей, борьбы с лжею¹⁸, гов[орил] о пускаемых враждебных слухах [...] В общем был любезен при известной сдержанности. В словах его прозвучало “представительство”, но в то же время отрицание “парламентаризма”! Прощаясь, сказал: “Скажу Бельгарду¹⁹!”, – и мне показалось еще сильнее, что отсрочка Усову до лета буд[ущего] года в голове его решена. Ушел с чувством облегчения, и я рад, что сумел сказать Столыпину, что было нужно, и впервые получилось личное впечатление в беседе с ним» (Д. 5053. Л. 86–86 об). 13 июня 1908 г. “на заседании Г[осударственного] С[овета] Столыпин выступил с обычными эф-

¹⁶ Самарин Александр Дмитриевич (1872–1932) – егермейстер, Богородицкий уездный предводитель дворянства (1899–1908), Московский губернский предводитель дворянства с 1908 г., в 1912 г. провел Съезд объединенного дворянства, в том же году назначен членом Государственного Совета, обер-прокурор Синода в 1915 г., смещен происками Г.Е. Распутина.

¹⁷ Усов Николай Николаевич (1855–1909) – можайский уездный предводитель дворянства, тверской вице-губернатор с 1888 г., камергер, действительный статский советник, служил сверхштатным чиновником в Главном управлении по делам печати с 1900 г., гофмейстер с 1908 г.

¹⁸ Так в тексте.

¹⁹ Бельгард Алексей Валерианович (1861 – ?) – эстляндский губернатор (1902–1903), гофмейстер, действительный статский советник, начальник Главного управления по делам печати, сенатор с 1912 г.

фектами. Потом спросил, получил ли я его письмо официальное по поводу Усова: сохраняет содержание только до 1 янв[аря] 1909 г. Я развел руками, но он тотчас же добавил, что можно найти ему “пособие” до апреля... И то хлеб!” (Л. 92). К вышесказанному прибавим – Усов скончался от сердечного приступа в феврале 1909 г. Что же касается Столыпина, то 14 июня 1909 г. Шереметев вновь был в Государственном Совете, и в тот день “особенно своею ясною и правдивою речью помог Коковцев²⁰. Вижу в нем l’homme de la situation²¹. Куда Столыпин с своими фразами и эффектами? У Коковцева только дело” (Л. 93).

22 декабря 1908 г. Шереметев посетил в Гатчине императрицу Марию Федоровну, мать Николая II. В разговоре она «перешла к министрам, о Столыпине спросила, бываю ли у него, и отозвалась очень иронически, сказав, что он мало знает Россию, в чем я ей вторил и гов[орил] о предстоящей внутр[енней] реф[орме] уездной, кот[орую] наместили, о вражде к Дворянству, о желаниии его принизить и ликвидировать, что такова теперь линия, и что Столыпин сам считает Дворянство теперь “пустым листом”, что он и высказал именно этими словами М[осковскому] Г[убернскому] Пр[едводителю] Самарину. Я сказал, что это – зловещая и недостойная игра и недопустимая [...] Говорили о розни т[ак] н[азываемого] Министерства Столыпина» (Л. 189).

В марте 1909 г. Шереметев остро переживал дипломатическое поражение – аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. В апреле 1909 г. «объявлено, что Г[осударь] сделал надпись на докладе о м[орских] штатах против соглашения Гос[ударственного] С[овета] и Гос[ударственной] Думы: “Не утверждаю!” Наконец-то проявилось давно желанное решение на незаконные действия Думы и Правительства, послушного Столыпину. Давление Столыпина в этом деле было несомненное против своих же товарищей. Гос[ударственный] Сов[ет] высказался большинством против, а перевес дали голоса Правительства! Столыпин настойчиво поддерживал прием Г[осударственной] Думы, вопреки ясно выраженному “основному закону”. Теперь лучший исход был бы Столыпину с комп[анией] “не обижаться” и оставаться без фокусов и тем признать, что и у Государя своя воля, которая не обязана всегда и непременно соглашаться с “палатами” и “правительствующими лицами” и тем более, когда речь идет о соблюдении закона. Воображаю, что происходит в известных муравейниках, а в общем слава Богу и, быть может, начало просветления...» (Д. 5054. Л. 61 об.).

25 мая 1909 г. С.Д. Шереметев говорил А.В. Кривошеину, что считает “не утверждаю” показателем нового курса. «Кривошеин очень одобрил и выразил, что до того “Царь был при Правительстве”, а что после того получилось сознание, что “Правительство при Царе”!, – и что так должно идти и далее. Я было выразил удовольствие, что Столыпин принял это как следует, не “обиделся”, и тем взял верную ноту. Кривошеин сказал, что больших трудов стоило его уговорить, чтоб не обиделся, что вообще он при известных достоинствах весьма упорен и любочестив... что его трудно было уломать... Я сказал, что почитаю его даровитым оратором, порядочным человеком, но “не умным”. “Не умный”, – повторил Кривошеин и высказал, что после всего случившегося Столыпин умалился, а Царь возвысился, и что при свойственной Столыпину мании постоянно грозить отставкой он делает ошибку, ибо Государь “умнее” его и умнее многих, думающих противное. Я совершенно с

²⁰ Коковцев Владимир Николаевич (1853–1943) – министр финансов (1906–1914), одновременно с сентября 1911 г. председатель Совета министров, при отставке в 1914 г. пожалован графский титул, член Государственного Совета с 1914 г., после 1917 г. – в эмиграции.

²¹ Человек ситуации (фр.).

этим согласился и в этом всегда был убежден, что ум Государя несомненен и тонкий до чрезвычайности, но “воля” не соответствует, и в этом нужно ему помогать... Словом, разговор чрезвычайный и меня оживил. Пригласил Кривошеина в Михайловское» (Л. 77).

С.Д. Шереметев со слов своего родственника А.Г. Булыгина с раздражением узнал о стремлении Столыпина повлиять на назначение новых членов Государственного Совета – “вторжение в чужой приход” (Л. 158, 169). В частности, Варженевского Шереметев в течение семи лет настойчиво рекомендовал Николаю II как достойного места в Государственном Совете и заручился предварительным согласием императора, но назначение Варженевского состоялось лишь после смерти Столыпина. Судя по дневнику Шереметева, одна из причин промедления – негативная позиция Столыпина.

Вероятно, и Столыпин весьма настороженно относился к Шереметеву, видя в нем политического противника, одного из правых критиков его политического курса в Государственном Совете. Поэтому личные контакты между ними никогда не приобретали теплоты и носили вынужденный характер. Например, 21 декабря 1909 г. на вокзале в Петербурге встречали тело умершего в Канне великого князя Михаила Николаевича, брата Александра II, председателя Государственного Совета до 1905 г. Там Шереметев столкнулся со Столыпиным, который “молчаливо протянул руку необычайным вывертом. Эта молчаливость его всегда со мною доходит до смешного” (Л. 161).

24 января 1910 г. Шереметев «все-таки подошел к Столыпину по поводу юбилея Стран[ноприимного] Дома и предупредил о представлении наградного списка. Сначала сказал: “Но он не будет чересчур велик?”, – но, увидав стоявшего поблизости Танеева, повернулся с шуткою: “Представьте побольше, а то вот А.С. [Танеев] все сокращает...” Я засмеялся и Танеев также, а я добавил: “ведь это юбилей столетний!” (Д. 5055. Л. 16). Поясним, что С.Д. Шереметев являлся попечителем Московского Странноприимного дома, основанного его дедом, Николаем Петровичем Шереметевым, а наградные документы представлялись через Собственную е.и.в. канцелярию, управляющим которой был Александр Сергеевич Танеев.

14 мая 1910 г. Столыпин подошел к Шереметеву на заседании Государственного Совета «и сказал, что Государь поручил ему переговорить со мною ввиду предполагаемого моего назначения председателем особой комиссии по ремонту Успенского собора в Москве. При этом добавил, что [Государь] предварительно желает знать, согласен ли я. Я поспешил разъяснить, насколько мне невозможно братья за такое дело за нед[остатком] времени и вообще. “Вы специалист”, – сказал Столыпин. Я: “Т[о] е[сть] я – председатель комитета, в котором находятся специалисты”, – и советовал ими воспользоваться». Шереметев имел в виду одну из своих должностей в научно-исторических учреждениях – председатель Комитета попечительства о русской иконописи.

По его протекции в состав комиссии по ремонту Успенского собора включили члена Комитета иконописи, известного ученого Н.П. Лихачева. «Я отв[етил], что знаю Москву и ее почву, что был там губ[ернским] предв[одителем]. “Как же, знаю”, – ск[азал] Столыпин. Я перечислил все мои занятия по разным местам и сказал: “Очень убедительно прошу Вас меня огр[адить] в этом деле и доложить о том Его Величеству”. Столыпин согласился, сказав: “Кого же назначить?” Я сказал: “Назначьте Ширинского²², – подчерк-

²² Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1927) – князь, гофмейстер, прокурор Московской синодальной конторы (1894–1903), руководил реставрационными работами в Успенском соборе перед коронацией Николая II в 1896 г., сенатор, в 1905 г. – товарищ обер-прокурора Синода, с апреля по июль 1916 г. – обер-прокурор, член Государственного Совета, после 1917 г. – в эмиграции.

нув, что он делу не чужд... Столыпин промолчал. Мы разошлись, а Булыгин меня спросил: “Что, тебя экзаменовали?” ...Когда все кончилось, я еще раз шепнул Столыпину: “Надеюсь, что оградите”. “Будьте покойны, – отв[етил] он. – Я Вас не подведу!» (Л. 84). 2 июня 1910 г. Столыпин говорил с будущим обер-прокурором Синода князем А.А. Ширинским-Шихматовым, ответившем, что ему было бы легче состоять вице-председателем при Шереметеве. Вельможный граф Сергей Дмитриевич был доволен, что Столыпин его послушал, а предложение Ширинского-Шихматова отклонил, и он действительно стал председателем комиссии по ремонту Успенского собора. “Я засмеялся и ответил [Ширинскому-Шихматову, – Л.Ш.] определенно. Вот гусь!” (Л. 92).

2 июля 1910 г. Николай II и весь двор отправились в Ригу на открытие памятника Петру I. Шереметев вновь встретился лицом к лицу с “верховным министром” Столыпиным. «Сдержанно любезен, насколько возможно, чтобы не расплескаться. Хвалил Гучкова²³ – [московского] голову и иронически отзывался о Глазунове²⁴ – петербургском. Сказал, что уговорил Государя принимать в замке, а не на “Штандарте”» (Л. 104). 4 июля Николай II давал обед на императорской яхте “Штандарт”. Шереметев отметил, что Столыпин снова рассуждал о городских головах”, “с оттенком сочувствия к Гучкову” (брату основателя партии октябристов А.И. Гучкова) “и легкой иронии к Глазунову”. Шереметев с юных лет вращался при дворе и в высшем свете, его памятью пользовались как живой энциклопедией. И на этот раз Столыпин громко спросил Шереметева: “«На ком женат Глазунов?» Я ответил: “На Анненковой”. Во весь обед Государь со мною ни слова, ограничиваясь Столыпиным и Фредериксом²⁵». Чувствуется, что Шереметев испытывал какое-то недовольство второстепенной ролью, уготованной ему за обедом, и тем, что не мог открыто выразить свои мысли о более важных делах, чем семейно-генеалогические. Столыпин приходился ему дальним родственником и неожиданное возвышение из провинциального губернатора сразу в премьеры могло уязвить самолюбие Шереметева. В мемуарах Шереметев нередко писал о надменных людях, опасющихся “расплескаться”. Тем не менее в дневнике записано, что Столыпин «лично внушает сочувствие и уважение, хотя в отрывочных его разговорах очень заметен “цвет” и склонение» (Л. 108). Судя опять-таки по мемуарам, на Шереметева красный цвет действовал, как тряпка на быка.

23 ноября 1910 г. Шереметев побывал у Столыпина по поводу назначения чиновника Департамента общих дел МВД В.В. Лысогорского правителем дел Комитета иконописи. “Принят любезно – все в том же столь знакомом мне кабинете, где столько промелькнуло министерских теней. Коснулся дела о Лысогорском. Выразил сочувствие. Говорил о приеме земцев Государем в Зимнем дворце, о пользе таких приемов, после которых представляющиеся должны поправётъ (sic)²⁶. Эти слова мне были неприятны. Потом гов[орил] о своем деде кн. Горчакове... Я немного отнял у него времени и поспешил retirоваться” (Л. 186).

Судя по дневнику Шереметева, попытки наладить деловые связи со Столыпиным постоянно натывались на противоречия по коренным проблемам государственной жизни. Шереметев всегда считал конституцию вредной для России,

²³ Гучков Николай Иванович (1860–?) – московский городской голова (1905–1913).

²⁴ Глазунов Илья Иванович (1856–1913) – петербургский городской голова в 1910 г., издатель и книготорговец, из крупных петербургских купцов.

²⁵ Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) – граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр императорского двора (1897–1917), подписал отречение Николая II, после 1917 г. – в эмиграции.

²⁶ Так (лат.).

всякие уступки, по его убеждению, расшатывали существующий строй. 15 марта 1910 г. в Государственном Совете обсуждался земельный вопрос. «Речь Столыпина самоуверенная и настойчивая: “Через несколько лет не будет общинного землевладения!” Это возбудило многих. Кр[оме] гл[авного] вопроса, скрывается, как всегда, личный. Выступл[ения] Витте, Мануйлова²⁷ и сотр.» (Л. 49).

18 марта земельный вопрос оставался на повестке дня, причем Столыпин, встретив отпор, продолжал отстаивать свой проект реформы, надеясь добиться осуществления, независимо от одобрения Государственным Советом. “Ряд речей. Столыпин говорил, неприятная поза насилия. Много речей, в том числе крайних взглядов. Жаль искреннего Ушакова²⁸, но он не допускает перемен. Вопрос прямой, но его все время обходят в виде лекции – за или против общинного землевладения, но не сочувствуют многие, и справедливо, министерскому проекту, да еще усиленному восемью дополнительными статьями Г[осударственной] Думы. Вся суть в том, примут эти статьи или отбросят? Тут есть и доля “Столыпинского вопроса” вообще и им многое объясняется, а Столыпин действ[ует] довольно бесцеремонно с Г[осударственным] С[оветом], обсуждающим де то, что уже введено в жизнь...” (Л. 51). 19 марта “в час в Госуд[арственном] Совете продолжение прений. Говорили все сочувствующие быстрому ходу реформы, как то желает Прав[ительство] Столыпина. Интересны прения – речь Шебеко²⁹ – лекция по с[ельскому] хозяйству... Новый ответ Максима Ковалевского³⁰... Разошлись в нач[але] седьмого” (Л. 51). Продолжалось 22 марта. “В общем впечатление безотрадное. Болтовня бесконечная и бесполезная, и все для галереи и для печати. Человечество неприглядно. Только с несколькими можно говорить просто: Булыгин, Зверев³¹, Кобылинский³² да еще два-три” (Л. 53). Заседание 26 марта также произвело на Шереметева “тяжелое впечатление насилия” (Л. 54). Сергей Дмитриевич обычно молчал, сознавая, что большинство не на его стороне. Он ранее выступал в дворянских собраниях с более однородной публикой.

17 февраля 1911 г. Шереметев «со скукою поехал на “чашку чаю” к Столыпину, – как записано в дневнике. – Я долго искал случая уйти тем же единственным путем, но у дверей все стоял Столыпин. Между пр[очим] подошел ко мне и изрек о готовящемся законопр[оекте] об охране древностей, что пока задерживается ввиду возражений дух[овенства], что действительно составитель проекта Гурлянд³³ – жид и что неловко. Для чего он мне это говорил?

²⁷ Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – экономист, ректор Московского университета, избран в Государственный Совет в 1907 г. от научных учреждений, член ЦК партии кадетов, автор партийной программы по аграрному вопросу, выступал против аграрного законодательства Столыпина, в 1917 г. – министр просвещения Временного правительства.

²⁸ Ушаков Яков Афанасьевич – земский начальник в Даниловском уезде Ярославской губернии (1895–1905), избран в Государственный Совет от дворянства Ярославской губернии.

²⁹ Шебеко Игнатий Альбертович (1859–?) – юрист, в отставке, помещик, избран в Государственный Совет от землевладельцев Царства Польского.

³⁰ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, в 1887–1905 гг. – в эмиграции, с 1905 г. – профессор Петербургского университета, избран в члены Государственного Совета в 1907 г. от Академии наук и университетов, в 1906–1907 гг. издавал газету “Страна”, с 1909 г. – редактор-издатель журнала “Вестник Европы”. Академик Петерб. АН с 1914 г.

³¹ Зверев Николай Андреевич (1850–1917) – профессор философии Московского университета, сенатор с 1901 г., начальник Главного управления по делам печати (1902–1904), член Государственного Совета с 1909 г.

³² Кобылинский Петр Петрович (1847–1918) – юрист, сенатор с 1899 г., член Государственного Совета с мая 1906 г.

³³ Гурлянд Илья Яковлевич (1868 – ?) – историк права, профессор административного права в Демидовском лицее (1900–1904), член Совета министра внутренних дел (1907), ответственный руководитель правительственного офицоза “Россия”, директор-распорядитель Петербургского телеграфного агентства (бюро печати) в 1916 г., после февраля 1917 г. в эмиграции.

Разве только для галереи... Вскоре мне удалось покинуть этот тяжелый мне по воспоминаниям дом» (Д. 5056. Л. 34). Шереметев всегда с отвращением воспринимал искавших популярности и, судя по всему, подозревал в этом Столыпина. Кроме того, С.Д. Шереметев критически относился к брату П.А. Столыпина, публицисту А.А. Столыпину, сотрудничавшему в газете “Новое время”.

4 марта 1911 г. в Государственном Совете рассматривали законопроект о введении земства в девяти западных губерниях. Шереметев был убежденным противником такой меры, на практике означавшей уступку полякам, которые получили бы возможность через земские учреждения закрепить свое преобладание в общественной жизни западных губерний в пику русской государственной администрации. “Государь сказал, чтобы голосовали по совести, несмотря на давление Столыпина”. Шереметев перед заседанием заверил председателя группы правых в Государственном Совете П.Н. Дурново³⁴: «Я и без указания голосовал бы [по] совести”. Дурново улыбнулся: “Знаю, знаю”. Заседание от часу до 7. Наконец голосование [...] Коковцев перед голосованием спускается с ложи и демонстративно подходит к сидящему в первом ряду П.Н. Дурново. Вижу, что-то говорит ему на ухо. Тот качает головой отрицательно. Коковцев махнул рукою и возвращается в ложу. Голосование. Провал проекта по статье курий, т.е. по существу! Сенсация, Столыпин потемнел... 90 – против, 60 – за, считая Министерство. Гляжу на Коковцева: обращается к зале и делает выразительную мину – удивления, но глаза веселые и улыбка на лице. Видимо, был корректен, но проекту не сочувствует... Затем – речь Витте, длиннейшая, недостойная. С самого начала уходит Коковцев и, отворяя дверь, еще взглянул на залу и выразительно улыбнулся ... Позднее значительно ушел Столыпин, не дождавшись конца речи, за которою последовало новое голосование Виттовского³⁵ предложения. Провал полнейший! И по делом. Держит себя недостойно и думал воспользоваться провалом Столыпина. Не дождавшись конца речи, уехал домой» (Л. 43). 10 марта 1911 г. Шереметев побывал в Москве. “Разговор о происходящем в Петербурге, об отставке Столыпина, о том, что он остается, приводит к большому брожению. Опять те же роковые явления, те же ошибки!” (Л. 47).

Все же Столыпин нашел способ обойти Государственный Совет, и Шереметев горько сетовал в письме вдовствующей императрице Марии Федоровне 23 марта 1911 г.: «Прежде чем отправиться на заседание Госуд[арственного] Совета, чтобы выслушать речь Диктатора, чувствую в сердце тяжкое чувство глубокого оцепенения и неизгладимой скорби быть обязанным присутствовать на разгроме всех основ, поддерживавших нас в течение жизни с точки зрения традиционного направления. Теперь ясно, что свобода рук была нужна современному Министерству, чтобы подкопать те основания, которые послужили славе и могуществу России. Уже в Думе обсуждают преобразование нового “Всероссийского” земства, архидемократического, являющегося логичным последствием того, что совершилось. Другие соответствующие законопроекты будут следовать неизбежным тому закреплению и все это – с барабанным боем!» (Л.56 об). Императрица Мария Федоровна приняла Шереметева в Аничковом дворце. “Сама заговорила о моем письме... Говорила, что сама была за Стол[ыпина] и что уговаривала его остаться, но что после известного акта она недоумевает, как все это понять. Я сказал, что все

³⁴ Дурново Петр Николаевич (1845–1915) – министр внутренних дел с октября 1905 по апрель 1906 г., член Государственного Совета, возглавлял группу правых, в которую входил С.Д. Шереметев.

³⁵ Так в тексте.

в этом положении, но что особенно тяжело сознание, что тут личные вопросы и мстительность, что заслуги Дурново, сдержавшего революцию, велики, что так обращаться произвольно нельзя, что это – акт произвола и заносчивости”. Шереметев говорил о том, “как тяжело было бы сознание, если бы Государь на нас стал бы смотреть глазами Столыпина...” (Л. 54, 58, 59). 1 апреля 1911 г. Шереметев опять побывал в Аничкове – на правах бывшего адъютанта Александра III и друга царской семьи. Императрица Мария Федоровна “говорила о происходящем в Госуд[арственном] Совете, что Столыпин имеет вид болезненный – les levres pales³⁶”. Затем Шереметев перестал ездить в Государственный Совет, оскорбленный тем, что Столыпин воспользовался перерывом в занятиях Государственного Совета и дал на подпись Николаю II законопроект о земстве в шести губерниях, образовывавших Киевское генерал-губернаторство (по 87-й статье Основных Законов Российской империи).

6 апреля Шереметев навестил Дурново. “Об нем газеты врут, что уезжает в свое имение Орловской губ[ернии], кот[орого] у него нет. Застал его одного, сидящим в креслах. Очень был любезен и благодарил за сочувствие. Разговор все о том же – о плохой услуге, оказанной Столыпиным Государю” (Л. 61, 62, 63). 11 апреля 1911 г. Шереметев “говорил с Акимовым³⁷ и Булыгиным о готовящейся поездке в Киев, где предполагается речь Государя о введении земства в Зап[адном] крае, т.е. о закреплении проекта Столыпина. А что если обе палаты по вторичном рассмотрении отвергнут его?” Впрочем, Шереметев, как и председатель Государственного Совета М.Г. Акимов, признавал “свою полную беспомощность”. “Гнет великий испытывают все порядочные люди”, – писал Шереметев (Л. 66). 28 апреля 1911 г. в дневнике говорится о новых нападках Столыпина на Государственный Совет. “Дело его не выиграло. Теперь слово за Государем” (Л. 71). 2 мая императрица Мария Федоровна сказала Шереметеву, “что читала о речи Столыпина, что она преувозшла неприличием все остальное” (Л. 73).

В заключение – об убийстве Столыпина и откликах на это покушение. 2 сентября 1911 г. Шереметев находился в Михайловском. “Почта привезла потрясающее известие о событии в Киевском театре. У меня все время было предчувствие недоброго; возвращение ссыльных и несколько недавних политических убийств должны были надоумить, но мы толстокожие. Вся поездка искусственная, вызванная личными соображениями Столыпина, заключала в себе фальшивую ноту. Вместо Москвы, 300 л[ет] тому назад освобожденной от польского насилия, странен выбор Киева, к сожалению, все еще польского – и все это вокруг памятника Александру II (взамен Александра III) и с программой торжеств ради Столыпинского апофеоза после деяний его прошлой зимы – все это не к добру и многими предчувствовалась неудача затеянного с личною целью. И не пойманы. Ведь главный характер паломничества ради св[ятого] Иосифа и тут же театральное представление с случайной публикой и с Ц[арской] семьей, никуда не показывающейся, и ныне как бы сопровождающей Столыпина. А как легко он мог бы вовремя уйти – не хватило ума и чутья. Событие возмутительное и опять отбрасывающее нас назад. Жаль Коковцева, принимающего такое наследство и в таких условиях... Но как заместитель он единственный человек! Остальное – мелюзга” (Л. 118–119). Как видно, Шереметев не мог примириться с тем, что Николай II, редко покидавший столицу (не считая поездок в Ливадию и в Финские шхе-

³⁶ Губы бледные (фр.).

³⁷ Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914) – юрист, сенатор, статс-секретарь, министр юстиции с декабря 1905 по апрель 1906 г., член Государственного Совета с апреля 1906 г., председатель Государственного Совета с апреля 1907 г.

ры), не почтил открытие в Москве памятника Александру III 23 июля 1911 г. Вместо предполагавшейся поездки в Москву Николай II предпочел поехать в Киев, а на открытии памятника его отцу семью представлял только младший брат, великий князь Михаил Александрович.

6 сентября 1911 г. Шереметев, “проснувшись, узнал, что Столыпин умер! Не хотели сказать этого на ночь. Событие крупное и чреватое последствиями. Жаль, что конец его такой. Можно было бы другим исходом отвратить от него эту опасность и сохранить человека полезного на будущее... Передержав в известном неблагоприятном для него положении, рискованно было затеять поездку в возбужденный искусственно Западный край [...] Глубоко жаль такого конца. Все та же медлительная неумелость и та же роковая двойственность правительственная” (Л. 120). Вместе с тем Шереметев отмечал через несколько дней: “Газеты меня раздражают. Развивается какой-то газетный культ Столыпина” (Л. 122). “Назначение Макарова³⁸ Мин[истром] Внутр[енних] дел успокоительно. Я опасался Крыжановского³⁹, главного Столыпинского внушителя. Немного странно, что Мин[истр] Внутр[енних] дел не дворянин” (Л. 125).

Подводя черту под минувшим годом, Шереметев записал в дневнике 31 декабря 1911 г. под влиянием растущей славы Столыпина, как бы шагнувшего в бессмертие: «Не люблю я последний день в году. А прошедший год был крайне печален по своим итогам, что предшествовало и сопровождало смерть Столыпина, с неестественным прославлением этого неглупого и неумного человека, увлекшегося ораторским искусством, при крайнем сомнении и большом высокомерии, при отсутствии даже того “благородства”, на кот[орое] охотно указывали, но следа которому не найдешь в его проделках с П.Н. Дурново... Он принес даже больше вреда, чем Витте, не оградив Царя, а выдав его со всеми его слабостями, сохраняя за собою как бы лучшую роль... Преемник его умнее и тактичнее; он будет всегда заслоняться волею Царскою, а не будет заслонять его собою, как делал Столыпин» (Л. 191). Шереметев до конца оставался пристрастным к Столыпину и к Кокореву как к противоположности Столыпина.

После смерти Столыпин почти исчез со страниц дневника Шереметева, и могло ли быть иначе? У покойного премьера остались приверженцы, и Сергей Дмитриевич общался с ними, не разделяя их настроения. Так, 15 ноября 1911 г. он был в Москве у М.В. Катковой, и последняя говорила о Столыпине (Л. 151). 6 марта 1912 г. Шереметев с женой видели редактора еженедельника “Гражданин” князя В.П. Мещерского⁴⁰, “который рассказывал о таинственных действиях Курлова⁴¹ в связи с убиением Столыпина” (Д. 5057. Л. 50). В глазах некоторых государственных деятелей, продолжавших стоять у кормила власти, фигура Столыпина со временем не потускнела, а напротив – выросла. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов⁴² сказал Шереметеву, что “глубоко уважал Петра Аркадьевича” (Д. 5059. Л. 27). А.В. Кривошеин, “под-

³⁸ Макаров Александр Александрович (1857–1919) – юрист, государственный секретарь с 1909 г., министр внутренних дел с сентября 1911 до конца 1912 г., член Государственного Совета с 1912 г.

³⁹ Крыжановский Сергей Ефимович (1861 – ?) – сенатор, товарищ министра внутренних дел (1906–1911), автор закона о выборах в III Государственную Думу, государственный секретарь с 1911 г., член Государственного Совета с 1 января 1917 г., затем в эмиграции.

⁴⁰ Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – князь, камер-юнкер, публицист, издатель “Гражданина” (1872–1914).

⁴¹ Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) – генерал-майор, товарищ министра внутренних дел при П.А. Столыпине (1909–1911) и А.Д. Протопопове (1916–1917), с 1918 г. – в эмиграции.

⁴² Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – министр иностранных дел (1910–1916), после 1917 г. – в эмиграции.

черкивая, сказал, что он глубоко его чтит и за него не отдаст всего нынешнего кабинета (!)" (Д. 5057. Л. 202).

При всей отрывочности высказываний Шереметева, из них можно составить представление об откровенной оценке Столыпина одним из влиятельных аристократов той поры. Хотя время сглаживает углы и теперь до некоторой степени устоялся идеализированный образ Столыпина. Тем важнее использовать нетрадиционные источники, на фоне которых, казалось бы, хорошо известное приобретает иное освещение, или, по крайней мере, – новые оттенки. К тому же, дневник характеризует не только Столыпина, но и Шереметева, весьма интересного – и как деятеля своей эпохи, и как историка, и как мемуариста. Он скрупулезно фиксировал в дневнике все свои встречи с Николаем II и с ведущими министрами.

Б.Н. Казанцев

СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАБАСТОВКАХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР В 1926–1934 годах

(по фондам РГАСПИ и ЦА ФСБ РФ)*

Переход к реконструкции народного хозяйства, проходивший в условиях свертывания новой экономической политики и осуществления форсированной индустриализации страны во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов, нашел отражение во многих официальных документах и материалах центральных партийно-правительственных органов власти и управления основными отраслями экономики Советского государства. В них уделено значительное внимание складыванию и развитию новых социально-экономических и трудовых отношений в индустриальной сфере как в заново создаваемых, так и технически реконструируемых отраслях промышленности.

Для периода реконструкции было характерно вовлечение в промышленную сферу большого количества необученных работников, сохранявших еще тесную связь с деревней¹.

Наряду с быстрым ростом общей численности рабочей массы и изменениями в соотношении количества старых и новых кадров в фабрично-заводской промышленности, в ходе индустриализации произошло некоторое расширение социального состава рабочего класса за счет вовлечения в производство представителей ранее привилегированных социальных групп. Это наличие в среде индустриального отряда так называемого чуждого элемента, часть которого была настроена оппозиционно к советскому строю, а также тяжелые условия труда и быта большого числа работников не могли не влиять на социальную психологию рабочей массы, на характер и содержание выдвигаемых рабочими требований к администрации предприятий.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 00-01-00041а).

¹ В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам заработной платы и производительности труда от 22 апреля 1926 г. указано, что только с мая 1925 г. и приблизительно до марта–апреля 1926 г. было вовлечено в производство свыше 400 тыс. новых, в значительной мере, необученных рабочих кадров. См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет. 1917–1967: В 5 т. М., 1967. Т. 1 (1917–1928). С. 523. Подробнее о роли пополнения рабочего класса выходцами из деревни в 1926–1928 гг. см.: История советского рабочего класса: В 6 т. М., 1984. Т. 2: Рабочий класс ведущая сила в строительстве социалистического общества (1921–1937). С. 193.

Поэтому не случайно в некоторых опубликованных партийных и правительственных постановлениях второй половины 1920-х – начала 1930-х годов отмечаются не только крупные просчеты и недостатки в области производства и организации труда, в том числе распространение уравниловки в оплате труда, но и обращается внимание партийных и профсоюзных организаций, хозяйственников на необходимость принятия мер по улучшению условий труда и материально-бытового положения рабочих и членов их семей². Однако в обнародованных решениях ничего не говорится о трудовых конфликтах между рабочими и администрацией фабрик и заводов, о забастовках в промышленности и других отраслях советской экономики.

Из других официальных изданий, вышедших после 1925 г.³, статистическая информация о стачечном движении в начальный период индустриализации имеется только в материалах ВЦСПС, подготовленных к VIII съезду профсоюзов СССР (1928). В них приведены таблицы о забастовках на государственных, кооперативных, концессионных и частных предприятиях за 1926, 1927 и первую половину 1928 гг. (за январь–июнь 1928 г. – цифровые данные о забастовках предварительные) и о продолжительности забастовок и числе потерянных человеко-дней в 1926–1927 гг. (%)⁴.

В дальнейшем, на протяжении 30-х – начала 90-х годов XX в. никаких статистических сведений о забастовках (стачках) в открытой печати не публиковалось. Только на рубеже XX–XXI столетий появились первые историко-ведческие работы и документальные научные публикации с различными сведениями о забастовках в Советской стране 1920-х годов. Это сборник историко-ведческих статей и документов, подготовленный совместно российскими и американскими исследователями, и первые тома фундаментальной документальной серии “Совершенно секретно”⁵.

В первом сборнике приведены отдельные количественные показатели о забастовках и иных трудовых конфликтах на предприятиях в 1926–1929 гг. и в более ранний период. Значительный цифровой и фактический материал о забастовках и иных формах рабочего протеста включен и в четвертый том указанной документальной научной публикации. Эти сведения содержатся в ежемесячных обзорах о политическом состоянии СССР в 1926 г., подготовленных главным образом по сводкам Информационного отдела (ИНФО) ОГПУ. Особенно ценные статистические показатели имеются в приложениях к обзорам, например, в “Таблицах движения забастовок” в ряде отраслей промышленности и транспорта за август–сентябрь и за ноябрь–декабрь 1926 г.⁶ Однако обобщающей сводки о динамике забастовочного движения по СССР за весь 1926 г. в этой публикации нет.

Из новейших монографических исследований историков можно назвать книгу Е.А. Осокиной, в которой использованы архивные материалы ОГПУ о

² См., например: Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) о массовой работе на предприятиях от 28 февраля 1927 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4 (1926–1929). С. 151–155; Постановление ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1931 г. “О практической работе хозяйственных организаций (извлечение)” // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... М., 1967. Т. 2 (1929–1940). С. 369.

³ См.: Наемный труд в России и на Западе. 1913–1925 / Под общей ред. С.Г. Струмилина [М.], 1927. Ч. 1: Наемный труд в России. Опубликованы сведения государственной статистичности о забастовках в 1925 г. и за первые годы существования Советской России и СССР.

⁴ См.: Профессиональные союзы СССР. 1926–1928: Отчет ВЦСПС к VIII съезду профессиональных союзов. М., 1928. С. 358, 359.

⁵ Трудовые конфликты в Советской России. 1918–1929. М., 1998; “Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). М., 2000. Т. 1 (1922–1923), ч. 1–2; М., 2001. Т. 2 (1924); М., 2001. Т. 4 (1926), ч. 1–2.

⁶ “Совершенно секретно”... Т. 4, ч. 1. С. 704; ч. 2. С. 1022.

забастовках в отдельных отраслях промышленности в 1929 и первой половине 1930 гг.⁷ Но в отечественной историографии по-прежнему отсутствуют историко-ведческие работы об архивной базе истории забастовочных выступлений периода реконструкции промышленности и индустриализации страны.

Настоящая статья является своего рода продолжением обзора автора об учете забастовок в первичной статотчетности 1920-х годов⁸. Здесь анализируется оперативная (в основном цифровая) и статистическая информация о забастовочном движении на предприятиях СССР, отложившаяся в фондах РГАСПИ и ЦА ФСБ РФ за 1926–1934 гг.

В РГАСПИ основные сведения о забастовках за изучаемый период находятся в ряде дел Ф. 17 (ЦК ВКП(б)), а именно в описях: 32 (Информационный отдел ЦК ВКП(б) – 1924–1930 гг.), 85 (Секретный отдел ЦК ВКП(б) – 1926–1934 гг.) и 87 (Бюро секретариата ЦК ВКП(б) – 1918–1931 гг.). Это различные справки, обзоры и сводки местных партийных организаций, а также аналогичные материалы информационных отделов ЦК партии и ОГПУ, присланные для ознакомления высшего партийного руководства. Среди этих документов наиболее значительные данные о забастовочной борьбе рабочих содержат ежемесячные обзоры о политическом состоянии СССР за 1926 г. и за январь–март 1927⁹. Как отмечалось выше, такие обзоры за 1926 г., хранящиеся в ЦА ФСБ РФ, были опубликованы в 2001 г.

Среди документов Секретного отдела ЦК партии обращают на себя внимание две машинописные копии таблиц о забастовочном движении в СССР в 1926 г. Эти таблицы составлены “по материалам ГПУ” (хотя с 1922 г. существовало ОГПУ), каждая в пяти экземплярах с грифом “Совершенно секретно”. Одна из них озаглавлена “Таблица движения стачек за 1926 год (количество, участники, потерянное время)” и состоит из девяти граф. Во второй графе показано распределение стачек (забастовок) в основных отраслях тяжелой и легкой индустрии (металлической, горной, текстильной, химической), а также в некоторых других отраслях, в том числе с сезонным циклом производства. В других графах приведены помесечные данные о количестве забастовок и числе участников этих конфликтов, цифровые сведения о количестве участников в расчете на одну забастовку и о числе потерянных человеко-дней в каждой из отраслей, а также во всей промышленности в результате 841 стачки.

Из всех учтенных в промышленности конфликтов наибольшее количество забастовок в течение года произошло в металлической промышленности (169), из них в июне – 29, в августе – 17, а в мае, сентябре и ноябре – по 16 забастовок в месяц. Наименьшее число забастовок в этой отрасли приходится на октябрь (8), январь (9) и декабрь (9). В эти три месяца в стачках (соответственно) участвовали: 786, 422 и 1632 человека¹⁰.

По данным вышеназванной таблицы в 1926 г. среди текстильщиков произошло 115 забастовок, или 13,7% от общего их числа в промышленности. Пик забастовок в текстильной отрасли пришелся на февраль (16 стачек и 3977 участников) и декабрь (15 стачек и 3119 участников). Наименьшее число забастовок было в июне (5 забастовок и 274 участника), апреле (6 забастовок и 281 участник) и ноябре (8 забастовок и только 219 участников)¹¹.

⁷ Осокина Е. А. За фасадом “сталинского изобилия”: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998. С. 80–81.

⁸ См.: АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 275–284.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 200, 200а, 201. Копии.

¹⁰ Там же. Оп. 85. Д. 99. Л. 2. Приведенные в архивной таблице данные о числе стачек в металлопромышленности и количестве стачечников-металлистов, например, в ноябре и декабре 1926 г. полностью совпадают с аналогичными цифровыми показателями, опубликованными в “Обзоре политического состояния СССР за декабрь 1926 г.” (“Совершенно секретно”... Т. 4, ч. 2. С. 906).

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 99. Л. 2.

В ту же таблицу было включено 285 стачек, вспыхнувших на строительных и других сезонных работах. Это – самый высокий показатель забастовочной волны 1926 г. как по числу зарегистрированных стачек (33,9% от их общего числа во всей промышленности), так и по числу участников (43,9 тыс. участников, или 43,5% от общего числа забастовщиков)¹².

В двух графах таблицы сделаны подсчеты о числе стачечников на одну забастовку и о потерях в днях на одного человека за 1926 г. по каждой из включенных в таблицу отраслей. Так, в графе “Потеряно дней на человека” указано, что в металлической отрасли они составили 1,19, в горной – 1,05, а в “прочих” (нерасшифрованных) отраслях – 1,18 человеко-дня, а на транспорте даже 1,57 – выше среднего показателя по всей промышленности (1,16 человеко-дня)¹³.

В рассмотренную сводку о стачечном движении за 1926 г. включены также данные о забастовочной борьбе рабочих в январе 1927 г.: 53 забастовки, в которых участвовало 4040 человек. В результате этих конфликтов общие экономические потери в промышленности и на транспорте составили 3541 человеко-день. Показатели этого раздела таблицы дают возможность сравнить январские выступления 1927 г. с соответствующими показателями о забастовках в отдельных отраслях в январе предыдущего года. По текстильной отрасли, например, это выглядит так: 20 забастовок (1497 участников) в январе 1927 г. против 9 забастовок (574 участников) год назад. Потери же от забастовок в человеко-днях составили: 1072 (январь 1927 г.) и 572 (январь 1926 г.)¹⁴.

В другой таблице о забастовочном движении в 1926 г., датированной 8 апреля 1927 г. (см. табл. 1), указаны конкретные причины забастовок. Видно, что наиболее частой причиной конфликтов на производстве при переходе страны к реконструктивному периоду социалистического строительства являлась неудовлетворенность рабочих заработной платой. Приведенный источник показывает, что по этой причине возникли 233 стачки, или около 28% из всех учтенных конфликтов, сопровождавшихся прекращением работ и выдвижением от имени протестующих рабочих тех или иных экономических требований. Другими основными причинами забастовок в промышленности являлись возмущения рабочих сдельными расценками и размерами дополнительных заработков (23,8% от общего числа выявленных стачек), а также нарушениями сроков выплаты зарплаты (19,3% из всех учтенных по этой причине стачек). По данным табл. 1 можно установить, что гораздо реже возникали забастовки по другим конкретным причинам (вследствие недовольства рабочих нормами выработки, организацией производства и условиями труда на предприятиях и др.). Эта же статистическая сводка дает возможность исследователям выяснить причины забастовок в каждой из учтенных отраслей государственного (основного) сектора промышленности и на транспорте, включая перевозки на местном транспорте.

В том же деле к тексту таблиц подшит черновик сводки, помогающий определить методику сбора и обработки цифровой и иной информации о забастовках сотрудиниками Секретного отдела ЦК партии и их информаторами. Эта, по-видимому, первоначальная сводка на 29 листах, каждый из которых содержит 11 граф¹⁵. Большинство записей сделаны чернилами, остальные – карандашом. Названия некоторых граф сформулированы не совсем четко.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 5–34.

Таблица движения забастовок за 1926 г. (причины забастовок) (по материалам ГПУ)*

Отрасль промышленности	Недовольство уровнем зарплат	%	Недовольство расценками и приработками	%	Задержка, неполная выдача зарплат, неурядицы при выдаче зарплат	%	Недовольство нормами	%	Недовольство организацией производства, условиями труда	%	Недовольство администрацией, грубость, несправедливые действия, невыполнение колдоговора	Прочие причины	%	Всего	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Металлическая	35	20,7	49	29,0	27	16,0	15	8,9	10	5,9	2	1,2	31	18,3	169	100,0
Текстильная	43	37,4	29	25,2	9	7,8	9	7,8	10	8,7	2	1,8	13	11,3	115	100,0
Горняки	9	17,3	7	13,5	12	23,1	11	21,1	6	11,5	0	-	7	13,5	52	100,0
Транспорт	11	30,6	6	16,7	11	30,6	2	5,5	1	2,8	1	2,8	4	11,0	36	100,0
Местран (грузчики)	11	23,9	20	43,5	5	10,9	2	4,3	2	4,3	0	-	6	13,1	46	100,0
Сезонные (в том числе строители)	95	33,3	69	24,2	62	21,8	23	8,1	7	2,5	8	2,8	21	7,3	285	100,0
Химики	0	-	1	20,0	0	-	0	-	1	20,0	1	20,0	2	40,0	5	100,0
Силикатная	4	9,5	6	14,3	11	26,2	5	11,9	6	14,3	0	-	10	23,8	42	100,0
Прочие	25	27,5	13	14,2	25	27,5	3	3,3	4	4,4	1	1,1	20	22,0	91	100,0
Всего	233	27,7	200	23,8	162	19,3	70	8,1	47	5,6	15	1,7	114	13,5	841	100,0

* Заголовок документа. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 99. Л. 1.

Например, четвертая графа – “Сколько рабочих участвовало” (в стачке. – Б.К.), пятая – “Когда начало и конец” – [стачки. – Б.К.] и т.д. Поэтому можно предположить, что эти заголовки составители делали “для себя”.

В черновике дан перечень более 200 предприятий, на которых были забастовки или кратковременные прекращения работ продолжительностью менее получаса. По многим из названных предприятий дана отрывочная информация. Это относится и к большинству фабрик текстильной отрасли, в том числе Истринской фабрике (Московская губ.) и Тейковской мануфактуре (Иваново-Вознесенская губ.). О забастовке на первой из них сказано, что она была 6–7 января [1926 г.] и в ней участвовали 150 ватерщиц. Работницы требовали увеличения зарплаты с 35 до 50 руб. [в месяц]. Бастовавшие возобновили работу 7 января в 1 час дня¹⁶. На Тейковской мануфактуре бросили работу 100 возчиков (дата забастовки не названа). Они настаивали на повышении зарплаты с 3 до 6 руб. в день. Не удовлетворившись сделанной 20% надбавкой к заработку, возчики отказались приступить к работе¹⁷.

То же можно сказать и о степени заполненности граф по металлической и другим отраслям. Так, о конфликтах на некоторых предприятиях, имевших место в 1926 г., в черновике содержатся следующие сведения: на Каслинском заводе Свердловского треста забастовка началась в 2 часа дня 1 апреля и продолжалась на следующий день, участвовали 175 рабочих двух смен; на Харьковском паровозостроительном заводе 3 апреля бастовали 30 рабочих мартевовского цеха, протестовавшие против снижения расценок; на Ленинградском заводе “Электрик” в забастовке 16 апреля (продолжалась с 12 час. и до конца рабочего дня) приняли участие лишь 10 сборщиков, в том числе один член ВКП(б) и два кандидата партии¹⁸. Участие членов партии в забастовках отмечены и в других случаях.

В черновике статсводки (строка “Прочие отрасли”) дана расшифровка отраслевой принадлежности предприятия, чего нет в вышеназванных таблицах. В некоторых ее графах, в частности, показано, что конфликты с прекращением работ были на государственных молочных заводах (Донской округ), штамповочной фабрике № 5 (Самарская губ.); в автобусном гараже № 3 (Московская губ.) из 104 работавших в забастовке участвовало только 20 человек. Она продолжалась 1 1/2 часа, “причина забастовки – холод”¹⁹.

К сожалению, в Д. 99 отсутствуют последующие статистические сведения (по-видимому, это были ежемесячные и двухмесячные данные о стачках), на основе которых, можно предполагать, и были составлены таблицы, отражающие динамику забастовочного движения в 1926 г.

Цифровая и иная информация, которая в той или иной мере использовалась для составления оперативной отчетности о забастовках и других формах трудовых конфликтов, содержится в краткосрочных сводках Информационного отдела ЦК ВКП(б) (ИНФО ЦК ВКП(б)), подготовленных по материалам местных партийных организаций и текущим сводкам ОГПУ за 1926–1927 гг. Такие сводки в секретном порядке регулярно рассылались партийно-государственному руководству страны и руководителям ОГПУ для ознакомления. Например, в сопроводительном письме к сводке № 10/131 от 3 марта 1926 г. перечислен 41 адресат, включающий фамилии высоких долж-

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Л. 34.

ностных лиц (38 фамилий) и подотделы ОГПУ. В нем, в частности, сказано, что экземпляры сводки за № 1 направляются И.В. Сталину, за № 2 – В.М. Молотову²⁰. Секретные сводки содержали разделы о настроениях рабочих, недовольстве отдельных групп рабочих своим материально-бытовым положением, о забастовках на предприятиях и т.п.

В качестве иллюстрации количественной стороны данных о забастовочном движении в административных регионах и республиках СССР приведем краткие извлечения из сводок Информотдела ЦК партии за октябрь–декабрь 1926 г. В первой из них (№ 25/145 от 12 октября) сказано: “По данным партийных комитетов и ОГПУ^{2*} в июне месяце отмечено 139 забастовок, в июле – 90, в августе – 25 и в сентябре м-це (неполные данные) – 44 забастовки. Основные причины забастовок в сентябре м-це следующие: недовольство расценками и существующим уровнем зарплаты (в 27 случаях), несвоевременная выдача зарплаты (в 8 случаях), снижение зарплаты и урезание приработка (в 6 случаях), распоряжения администрации, связанные с проведением режима экономии (в четырех случаях) и недовольство тяжелыми условиями работы (в двух случаях)²¹.”

Во второй (№ 29/150 от 23 ноября) написано: “... с 1-го по 10 ноября отмечено 15 забастовок. Основные причины забастовок: недовольство существующим уровнем зарплаты и снижением расценок (в 7-ми случаях), неправильная оплата труда (в 2-х случаях), задержка зарплаты (в 2-х случаях), недовольство квартирными условиями, увеличением рабочего дня, недовольство действиями администрации (по 1 случаю)”²².

В третьей (№ 30/151 от 22 декабря) констатируется: “... с 11 по 30 ноября с.г. отмечено 19 забастовок. Основные причины забастовок: недовольство существующим уровнем зарплаты и снижением расценок (10 случаев), задержка зарплаты (3 случая), недовольство действиями администрации (4 случая), нежелание работать сверх нормы (1 случай) и протест против слабой борьбы с хулиганством (1 случай)”²³.

В четвертой сводке (№ 31/152 от 27 декабря) записано: “... с 1 по 15 декабря отмечено 13 забастовок. Основные причины забастовок: недовольство существующим уровнем зарплаты и снижением расценок (5 случаев); задержка зарплаты (3 случая), недовольство переходом на 3 станка, требование ремонта вентилятора и выдачи спецодежды (по 1 случаю)”²⁴.

В этих сводках в качестве самой крупной зафиксирована забастовка на Бытошевском чугуноплавильном заводе (с. Бытошь, Бежецкого уезда Брянской губ.), в которой участвовала 1 тыс. рабочих. Причем забастовка “повторялась 2 раза на почве задержки свыше двух месяцев зарплаты”²⁵. В числе менее значительных названы: стачки работников городского трамвая г. Харькова (300 участников), рабочих главных железнодорожных мастер-

²⁰ Там же. Оп. 32. Д. 90. Л. 16.

^{2*} В остальных трех сводках это начало фразы нами опущено.

²¹ Там же. Л. 16.

²² Там же. Д. 91. Л. 28.

²³ Там же. Д. 92. Л. 16. По последнему случаю дано разъяснение: “На окраине г. Херсона неизвестными лицами (в ноябре) убит член К[оммунистического] С[юза] М[олодежи] Киричев – рабочий литейного цеха (завод им. Петровского). Предполагается, что убийство произошло с целью ограбления. Рабочие литейного цеха (110 человек) утром устроили в цехе собрание, где решили к работе не приступать; в 11 час. дня прекратили работу и все остальные цеха завода (всего 960 чел.). Рабочие связывают убийство с растущим хулиганством...” На похороны убитого рабочие шли с плакатом: “Требуем над убийцами суровой меры наказания!” На следующий день рабочие приступили к работам (Из сводки ОГПУ № 18 от 16.XII. с.г.).»

²⁴ Там же. Д. 92. Л. 18.

²⁵ Там же.

ских Уссурийской железной дороги (300 человек) и рабочих Черкасского сахарного завода на Украине (400 забастовщиков)²⁶.

После 1927–1928 гг. каких-либо обобщающих сведений о стачках в просмотренных материалах, поступивших в ИНФО ЦК партии, не встречается²⁷. Исключение представляет обобщающая машинописная справка “Итоги колдоговорной кампании 1927/28 года” (подписана врид. зав. ИНФО ЦК Цирулем) от 3 сентября 1928 г. Она составлена по материалам, полученным от местных партийных организаций из 45 округов, областей и губерний страны, а также по политсводкам ОГПУ. В этой справке обстоятельно проанализированы различного рода конфликты и методы их разрешения в период заключения и проведения в жизнь новых коллективных договоров на 1927/28 хозяйственный год, взамен таких договоров, принятых на 1926 г. Так, в разделе “Резкая форма недовольства рабочих” написано: “Формы недовольства были разные: а) забастовки, б) коллективные обращения к руководящим органам, в) подача коллективных заявлений, г) массовый уход с общих собраний. Забастовки носили характер вспышки – вдруг возникали и быстро угасали. По времени большинство их длилось несколько часов. Длившихся в течение одного дня было мало. Отмечаются случаи итальянской формы забастовки.

Подавляющее большинство забастовок не носили массового характера. Только на некоторых предприятиях рабочие приняли массовое участие в забастовках (забастовки: Люберецкая, в Гусю (г. Гусь-Хрустальный Владимирской губ. – Б.К.), в Ленинграде, на двух–трех заводах в Твери.

В остальных случаях в забастовке принимали участие незначительные группы рабочих, главным образом, высокооплачиваемые, которые и были в большинстве выступлений инициаторами. Приведем перечень (неполный) областей, губерний и округов, где имели место забастовки: губернии – Тверская, Киевская, Брянская, Нижегородская, Ульяновская, Вятская, Владимирская; округа: Днепропетровский, Артемовский, Одесский, Сталинский, Сталинградский, Харьковский, в Крыму, на Урале, г. Ижевск.

Коллективных обращений (уход на время от станка) к руководящим органам и подач коллективных заявлений было немного. Еще меньше было случаев массового ухода с собраний и срыва их”²⁸.

Итак, приведенная выдержка из справки показывает, что в 1927 г. и в отдельные месяцы 1928 г. ведущей формой протеста рабочих были сравнительно кратковременные стачки, в которых участвовали довольно небольшие группы рабочих. Перечислены основные причины забастовок и иных проявлений рабочего протеста. Например, в одном из пунктов “выводов” справки об этом сказано так: “11. Случаи волокиты, бюрократического отношения к колдоговорам, не чуткого отношения к требованиям рабочих, плохой проработки вопросов зарплаты и норм выработки, слабого руководства партийных, проф[союзных] и хоз[яйственных] органов приводили к тому, что во время кампании (перезаключения колдоговоров. – Б.К.) имели место забастовки и волынки рабочих”²⁹.

²⁶ Там же. Д. 90. Л. 16; Д. 92. Л. 16, 18.

²⁷ См.: Там же. Д. 159, 169, 186, 187, 191. Сводки информационных материалов местных парторганизаций, присланных в ИНФО ЦК ВКП(б), также сводки и обзоры ИНФО за 1928–1930 гг. Из этих оперативных сводок можно назвать лишь одну: “Выполнение местными парторганами директив ЦК о работе с сезонниками и отходниками” от 24 сентября 1928 г. за подписью врид. ИНФО ЦК ВКП(б) Цируля. В ней отмечено: “В Сальском округе ... в предыдущем году были массовые случаи отказа сезонных и с.х. рабочих от работ – стремление объявить стачку (Из инф. сводки о работе с сезонными рабочими от 15/III – 28 г.)”. См.: Там же. Д. 159. Л. 5.

²⁸ Там же. Д. 154. Л. 21–22.

²⁹ Там же. Л. 29. Подчеркнуто в документе.

За последующие годы (с конца 1920-х годов) основные сведения о забастовках в промышленности, на строительных работах, на железнодорожном и водном транспорте сосредоточены в оперативной информации ИНФО ОГПУ, хранящейся в ЦА ФСБ РФ. В них содержатся цифровые, статистические (в виде таблиц) данные о стачках и дается анализ протестных выступлений рабочих как в отдельных отраслях промышленности, так и в государственной промышленности в целом.

Например, ценная информация о протестах горняков имеется в “Докладной записке по рабочим горной промышленности” от 8 апреля 1930 г. В ней сообщается о забастовках в отрасли за 1928–1929 гг.: “Забастовочное движение в 1929 г. снизилось по сравнению с 1928 г. (63 заб[астовок], 6864 участн[иков] и 10 535 потерян[ных] человеко-дней в 1929 г. против 72 заб[астовок], 6250 участн[иков] и 14 455 потерян[ных] человеко-дней в 1928 г.), но при этом все еще значителен удельный вес забастовочного движения по горнякам в общем забастовочном движении индустриальных рабочих (имеются в виду, кроме горняков, металлисты, текстильщики и химики) – 29,6% всего числа забастовок, 39,1% участников и 62% потерян[ных] человеко-дней”³⁰.

Обобщенные данные о забастовках в начальные годы первой пятилетки имеются в “Докладной записке по вопросам зарплаты на госпредприятиях” (1930) ИНФО ОГПУ, составленной в 40 экземплярах и направленной руководству ОГПУ (№ 1 документа – В.Р. Менжинскому) и в высшие инстанции (№ 5 – А.Н. Поскребышеву, для И.В. Сталина, № 6 – В.М. Молотову, № 7 – Л.М. Кагановичу) для ознакомления³¹. На основании представленного в ней цифрового ряда о забастовках можно составить по табл. 2.

В той же “Докладной записке по вопросам зарплаты...” обращает на себя внимание одно пояснение, касающееся регистрации конфликтов: учет значительного числа конфликтов за 1930 г. еще не произведен. Это относится преимущественно к районам машиностроения – Московской области, Нижегородскому краю и Украине³².

Из табл. 2 видно, что в январе–августе 1930 г. произошло заметное уменьшение числа забастовок и забастовщиков на госпредприятиях страны по сравнению с тем же периодом 1929 г. То же можно сказать и об экономическом ущербе промышленному производству от стачек, исчисленному в человеко-днях.

Более полную информацию о динамике и отраслевой структуре забастовок в государственном секторе промышленности за первые восемь месяцев

Таблица 2

**Забастовки на государственных предприятиях СССР
в 1929–1930 гг. (январь–август)***

Год	Число забастовок	Число участников	Число потерянных человеко-дней
1929 (январь–август)	174	15 707	15 536
1930 (январь–август)	147	11 833	13 279

* ЦА ФСБ. РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 660. Л. 590.

³⁰ ЦА ФСБ. Ф. 2 (ОГПУ). Оп. 8. Д. 670. Л. 1. Машиноп. подлинник.

³¹ Там же. Д. 660. Л. 600.

³² Там же. Л. 591.

**Забастовочное движение на государственных предприятиях СССР
в январе–августе 1930 г.***

Отрасли промышлен- ности]	Недов[оль- ство] суще- ствующей зарпл[атой]	Недов[оль- ство] сни- ж[ением] зарпл[аты]	Недов[оль- ство] обще- тами	Недов[оль- ство] за[держкой] зарпл[аты]	Недов[оль- ство] прод[овольст- венными и произв. зат[рудне- ниями]
1	2	3	4	5	6
Металлич[еская]	14	7	1	3	4
Текстильн[ая]	4	6	–	–	2
Горная	10	4		1	7
Химическая	3	1		–	1
Прочие	25	–	2	5	17
<i>Итого:</i>	56	18	3	9	31
Верно: (подпись) ^{2*}					

* Заголовок автора статьи. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 660. Л. 601. Заверенная машиноп. копия.
^{2*} Подпись неразборчивая.

1930 г. дает табл. 3, приложенная к вышеназванной докладной записке. В ней дана расшифровка основных причин конфликтов рабочих-эксплуатационников с администрацией предприятий. Наибольшее число стачек в январе–августе было в металлической и горной отраслях (соответственно 32 и 26 с 1753 и 2974 участниками). Здесь чаще наблюдалось прекращение работ по мотивам недовольства оплатой труда (соответственно 14 и 10 из всех зарегистрированных стачек). Другой причиной экономических забастовок в документе названо “недовольство снижением заработной платы” (7 забастовок в металлической, 6 – в текстильной и 4 – в горной отраслях). В “прочих” отраслях произошло 60 стачек, из них в 25 случаях рабочие бросали работу вследствие недовольства низкой заработной платой.

По данным этого источника снижение заработной платы у ряда групп рабочих как основных отраслей промышленности (металлисты, горняки, текстильщики и химики), так и неосновных (деревообделочники, кожевники, пищевики и др.) отраслей в основном объяснялось следующими обстоятельствами: во-первых, продовольственными затруднениями и ростом дороговизны жизни; во-вторых, ошибками и нарушениями со стороны администрации предприятий и тарифно-нормировочных органов, допущенных при проведении перетарификации рабочих в ходе реализации заключенных коллективных договоров на 1929/30 хозяйственный год³³.

Характерным примером недовольства рабочих уровнем оплаты труда на ряде текстильных фабрик является конфликт на фабрике “Искра Октября” (Костромской округ) 5 февраля 1930 г. Основной его причиной послужило снижение заработков у работниц в результате уплотнения рабочего дня. В “Спецсводке № 3 о важнейших моментах отрицательного характера на промпредприятиях Союза” от 15 февраля 1930 г. этот момент нарастания не-

³³ Там же. Л. 590.

Недов[ольство] усл[о- виями] труда	Недов[ольство] плох[им] качеств[вом] сырья	Недов[ольство] рацион. и упл[отно- нием] режима работы]	Пр[очие] причины	Всего заб[астовок]	Всего участ[ни- ков]	Всего потер[янных] ч[еловеко] дн[ей]
7	8	9	10	11	12	13
2	—	—	1	32	1753	831
2	3	2	3	22	3421	2416
2	—	—	2	26	2974	5687
1	—	1	—	7	179	170
3	—	1	7	60	3505	4175
10	3	4	13	147	11 833	13 279

довольства отражен в следующих цифрах: в ноябре 1929 г. дневной заработок работниц составлял 2 руб. 04 коп., в декабре – 1 руб. 94 коп., а в январе 1930 г. – 1 руб. 89 коп. Возмущенные таким быстрым снижением зарплаты, 39 разматывалок фабрики прекратили работу и более одного часа выясняли причины понижения их заработка. В результате спор между работницами и администрацией был передан на разрешение Расценочно-конфликтной комиссии с участием представителей работниц³⁴.

Продовольственный кризис во многих городах и рабочих поселках, обусловленный быстрыми темпами коллективизации сельского хозяйства и насильственным раскрестьяниванием части сельского населения, повлек за собой массовое недовольство различных групп промышленных рабочих, вылившееся в разного рода конфликты. В частности, в приложении № 1 к “Сводке материалов по вопросу об отношении рабочих и инженерно-технического персонала к Обращению ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г.” (о выполнении промфинплана. – *Б.К.*), в котором дана расшифровка состояния дел на так называемых “нездоровых” предприятиях, написано: “За последнее время значительно увеличилось количество конфликтов рабочих с администрацией. Так, в июле–августе зафиксировано 64 случая проявления рабочими забастовочных настроений (с 1655 уч[астниками]), из них в связи с продзатруднениями 34 случая, в связи с задержкой зарплаты и недостаточной зарплатой – 23 и проч[их] 7. На почве задержки зарплаты отмечено несколько случаев избивания рабочими представителей общественных организаций”³⁵.

В названной ранее “Докладной записке...” (1930) прямо указывается на увеличение забастовок “в связи с продзатруднениями” (31 забастовка с 3928 уча-

³⁴ Там же. Д. 653. Л. 78.

³⁵ Там же. Д. 658. Л. 179.

стниками в 1930 г. против 13 с 1204 участниками в 1929 г.)³⁶. Из 31 забастовки, указанной в табл. 3, 17 (или 54,8% всех стачек, возникших на почве недовольства рабочих перебоями в снабжении продовольствием) приходилось на работников “прочих”, т.е. других отраслей промышленного производства.

Большинство из учтенных забастовок падает на май–июль 1930 г., (76 стачек)³⁷, т.е. на те месяцы, когда развернулась официальная кампания по пересмотру нормирования труда на предприятиях и произошло ухудшение снабжения продовольствием городского населения ряда промышленных регионов СССР.

В некоторых документах имеются сведения и о конфликтах в одном или нескольких экономических регионах, например, в “Справке об основных отрицательных моментах по предприятиям металлопромышленности Украины, Ленинграда и Уральской области” (составлена по материалам за 1929 г. и январь 1930 г.)³⁸ и “Спецсводке № 3 о политическом состоянии рабочих промышленности Д[альне]В[осточного] края за время с 25/IX по 15/X–30 г.”³⁹

В разделе последней, озаглавленной “Забастовки, волынки и уход с работы”, есть количественные данные о забастовках в основных отраслях экономики Дальневосточного края. “Всего за отчетный период (20 дней), – сказано в нем, – на предприятиях рыбной, каменноугольной, лесной и местной промышленности края, строительных работах и на транспорте отмечено 14 забастовок и 4 массовых забастовочных настроениях. В прошлый отчетный период (с 1/VIII по 26/IX–1½ м-ца) их было 13... Забастовки проходят в преобладающем большинстве помимо профессиональных организаций и отличаются своей внезапностью. Из указанного количества забастовок две имели итальянский характер”⁴⁰.

В остальных спецсводках ИНФО ОГПУ конца 1920-х – начала 1930-х годов содержатся статсведения и конкретные факты о забастовках сезонных рабочих. К ним тогда относились строители, торфяники, рабочие-заготовители леса и сплавщики леса, рабочие кирпичных заводов, грузчики, чернорабочие и др. Например, в приложении № 1 к “Спецсводке № 5 об отрицательных моментах в настроении сезонников за август 1930 г.” приведены количественные параметры забастовочного движения среди сезонников в летние месяцы 1929–1930 гг. (табл. 4).

Из табл. 4 видно, что с августа 1929 по август 1930 г. число забастовок среди сезонников сократилось на 25, а участников – на 198. В то же время на-

Таблица 4

Забастовки сезонных рабочих летом 1929–1930 гг.*

Время забастовок	Число забастовок	Число участников	Число потер[янных] человеко-[дней]
Август 1929 г.	106	6169	6106
Июль 1930 г.	98	7539	7251
Август 1930 г.	81	5971	6041

* Заголовок таблицы, название первой графы и хронологическая последовательность забастовок даны автором. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 665. Л. 70.

³⁶ Там же. Д. 660. Л. 591.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д. 653. Л. 63–76.

³⁹ Там же. Д. 714. Л. 725–739.

⁴⁰ Там же. Л. 726–727.

блюдалось и некоторое уменьшение забастовочных выступлений по сравнению с предшествовавшими двумя месяцами 1929–1930 гг.

В августе 1930 г. реже стали выступать сезонники на почве недовольства уровнем зарплаты – 26 против 42 забастовок в июле 1930 г. В спецсводке № 5 зафиксирован рост числа конфликтов, связанных с производственными и продовольственными затруднениями: 37 с 3210 участниками против 29 забастовок с 2450 участниками в июле 1930 г. (для сравнения отметим, что в августе 1929 г. на почве продзатруднений произошло 6 забастовок, в которых участвовали 226 человек)⁴¹.

В том же источнике указано, что на ряде строек и объектов серьезное недовольство сезонных рабочих в августе 1930 г. было вызвано частыми задержками выдачи зарплаты. Эта задолженность в выплатах иногда достигала крупных денежных сумм. Так, сезонникам, трудившимся на Рязано-Уральской железной дороге, задолженность по зарплате достигла 40 тыс. руб.⁴² Недовольство выплатой зарплаты на стройках выливалось в различные формы протеста: отказы от работы, подача заявлений об уходе со строившегося объекта, несоблюдение трудовой дисциплины и т.п. На строившемся [“Рост”]сельмаше”, написано в спецсводке № 5, в связи с задержкой зарплаты от рабочих поступили групповые заявления об уходе, имели место случаи отказов от работы⁴³. Отмечено также, что на Сельмашстрое с форсированием работ был введен 10-часовой рабочий день с оплатой 2 часов как сверхурочных. Причем среди строителей не было проведено никакой разъяснительной работы. Поэтому на собраниях имели место выкрики: “У нас нет питания, мы голые и босые, работать 10 часов все равно не будем!” В результате от работы отказались 105 рабочих⁴⁴.

В той же спецсводке сказано, что 20 августа 1930 г. на втором строительном участке Сталинградского тракторного завода, “отказались от 10-ти час. рабочего дня 1050 рабочих (из 1567 человек)”. Отказавшиеся выдвинули ряд требований: выдача спецодежды, улучшение питания, подача поездов ко времени окончания работы⁴⁵. Документ содержит важную информацию и о деятельности антисоветски настроенных групп и отдельных лиц среди сезонников. “В некоторых случаях, – указывается в нем, – а[анти]сов[етские] элементы, не встречая должного отпора со стороны общественных организаций, являлись инициаторами забастовок, конфликтов, подачи коллективных заявлений с требованием немедленного снабжения промтоварами и продуктами питания, [против] чрезмерного повышения расценок и т.д.”⁴⁶

В табл. 5 раскрыты основные причины забастовок сезонных рабочих. В ней показано, что первое место по числу забастовок и участвовавших в них временных рабочих в июле–августе 1930 г. занимали строители, второе – работники других (“прочих”) отраслей и третье – торфяники. Одной из главных причин стачек рабочих-сезонников было недовольство оплатой труда. По этой причине учтено 42 забастовки в июле и 27 в августе. Меньше забастовок возникло в те месяцы на почве недовольства организацией снабжения продовольственными (соответственно 18 и 25 выступлений) и промышленными товарами (11 и 11) а также обсчетами рабочих (12 и 3 забастовок).

⁴¹ Там же. Д. 655. Л. 70.

⁴² Там же. Л. 72.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 71.

⁴⁵ Там же. Л. 70.

⁴⁶ Там же. Л. 72.

Забастовочное движение сезонников в июле–августе 1930 г.*

Отрасли	Недов[ольство] существ[ующей] зарплат[ой]		Недов[ольство] сниж[ением] зарп[латы]		Недов[ольство] задер[жкой] зарп[латы]		Недов[ольство] обещ[аниями]		Недов[ольство] прод[олжительности] затр[уднениями]	
	VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII
Строители	28	21	3	2	1	4	7	3	6	14
Торфяники	1	–	–	–	1	–	1	–	1	2
Прочие	13	6	–	–	3	–	4	–	11	9
<i>Итого</i>	42	27	3	2	5	4	12	3	18	25

* Заголовок автора статьи. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 665. Л. 76.

Большой объем информации о конфликтах на предприятиях и стройках заключен в ряде рассекреченных спецсводок и спецсправок Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ (после июля 1934 г. – СПО Главного управления госбезопасности НКВД), посвященных анализу антисоветских проявлений на промышленных предприятиях страны с конца 1933 и по декабрь 1934 г. Подлинники этих спецдокументов предназначались для информирования руководства ОГПУ–НКВД и рассылались лишь В.Р. Менжинскому, Г.Г. Ягоде⁴⁷, Я.С. Агранову и Г.Е. Прокофьеву.

В частности, в спецсводке за январь 1934 г. зафиксировано: на “почве недочетов материально-бытового обслуживания рабочих” на промышленных предприятиях Союза отмечено 15 волынок с числом участников до 800 человек против 16 волынок с 621 участником в декабре 1933 г.⁴⁸ Большинство таких выступлений произошло на различных строительствах (на Средне-Волгострое в Ивановской промышленной области, например, по причине невыдачи хлеба прекратили работу 80 рабочих), торфоразработках и на предприятиях местной промышленности⁴⁹.

В 1934 г. волынки становятся одной из самых распространенных форм коллективного протеста рабочих. Такие “волынки” (“итальянские забастовки”) обычно сопровождались выдвижением отдельных экономических требований. В ходе такого пассивного протеста производственные операции не выполнялись, а сами работы в отдельных случаях прекращались на несколько и более часов.

Основными причинами возмущения протестовавших групп промышленных рабочих и сезонников являлись так называемые недочеты в снабжении, недовольство уровнем зарплаты и задержками с ее выплатой. Поэтому не случайно в спецсправке за февраль 1934 г. указывалось, что на Пальцевских торфоразработках (Брянский район Западной области) “вследствие невыдачи хлеба” 5 февраля прекратили работу 110 рабочих. Они возобновили работу только 6 февраля, после “выдачи хлеба”⁵⁰.

⁴⁷ После смерти Менжинского (с 10 мая 1934 г.) – и.о. председателя ОГПУ, с 10 июля 1934 г. – нарком внутренних дел СССР.

⁴⁸ Там же. Ф. 3 (ОГПУ–НКВД). Оп. 1. Д. 32. Л. 10, 11. В спецсправке за февраль 1934 г. приведены другие, более полные данные за январь: 24 волынки (1550 участников).

⁴⁹ Там же. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Л. 21.

Недов[ольство] пром[ышленными] затр[уднениями]		Недов[ольство] усло[виями] труда		Отсут[ствие] раз[личных] монет		Проч[ие] причины		Всего забастовок		Всего участников		Всего человеко-дней	
VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII	VII	VIII
1	6	2	4	—	—	—	3	48	57	3079	4031	2829	4179
7	2	—	—	1	—	1	—	13	4	1798	863	1988	799
3	3	2	1	1	—	—	1	37	20	2662	1077	2942	1063
11	11	4	5	2	—	1	4	98	81	7539	5971	7751	6041

Наглядное представление о рабочих выступлениях дает табл. 6, составленная автором по спецсводкам и спецсправкам СПО ОГПУ за февраль–июль и сентябрь–ноябрь 1934 г.

Из учетных в таблице групповых протестов больше всего их приходится на июнь (31) и январь (24) месяца, в которых участвовали (соответственно) по 1455 и 1550 человек. Чаще всего такие конфликты наблюдались на строительных работах и торфоразработках. По данным одной из справок СПО ОГПУ за период с марта и по 20 июня 1934 г. включительно было зарегистрировано 49 конфликтов, в которых приняли участие 1942 сезонников – строителей и торфяников⁵¹. В эти же месяцы четко прослеживается тенденция резкого снижения числа конфликтов по сравнению с тем же перио-

Таблица 6

Динамика групповых выступлений рабочих на промышленных предприятиях и стройках СССР в январе–ноябре 1934 г.*

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
1	2	3	4	5	6
24 ^{2*}	19 ^{2*}	21	12	11	31
1550	1076	1128	217	457	1455

Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Всего за 11 месяцев
7	8	9	10	11	12
19	21	11	11	5	185
769	1169	385	232	271	8707

* Верхняя цифра каждого ряда таблицы означает число конфликтов, нижняя – участников (примеч. авт.).

^{2*} Волынки и групповые выступления (так в док. – Б.К.). ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 20, 36, 42, 68, 75, 85, 92, 99.

⁵¹ Там же. Л. 45.

дом 1933 г.: 80 конфликтов с 3143 участниками по всем отраслям промышленности в 1934 г. против 326 конфликтов за то же время в 1933 г.⁵²

На протяжении большинства месяцев года в выступлениях стачечного характера участвовали мелкие группы рабочих. На шахте «Южный Коммунар» (Украинская ССР) на почве плохих условий труда 15 марта прекратили работу 30 иностранных рабочих. Они не работали двое суток и возобновили трудовые операции только после удовлетворения их требований⁵³. Других выступлений иностранных рабочих в источнике не зафиксировано.

Ознакомление с текстами спецводок дает основание утверждать, что более или менее значительные конфликты имели место в редких случаях. Один из них произошел на фосфоритном заводе в Брянском районе Западной области. 4 ноября 1934 г. не вышли на работу 170 рабочих, потребовавших (еще 2–3 ноября) выплаты зарплаты за вторую половину октября, выдачи продуктов и отпуска обедов в кредит. Однако из-за отсутствия директора требования бастующих удовлетворены не были⁵⁴.

В целом изучение количественных характеристик о забастовках на предприятиях СССР за период 1926–1934 гг. (по ряду фондов РГАСПИ и ЦА ФСБ РФ, содержащих основные сведения о трудовых конфликтах) свидетельствует о резком снижении этой активной формы рабочего движения к началу 1930-х годов и ее практическом исчезновении к середине 1930-х годов.

С.А. Уваров

МАЛОИЗВЕСТНАЯ РАБОТА П.Н. МИЛЛЕРА “ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРАНОВСКИЙ В МОСКВЕ”

Петр Николаевич Миллер (1867–1943)¹ – одна из наиболее значимых фигур российского краеведения и особенно москвоведения первой половины XX в. Не имея профессионального исторического образования, он, тем не менее, в достаточно короткий срок сумел заслужить признание в среде ученых-историков и пользовался авторитетом в их кругах благодаря глубоким познаниям в области краеведения, археологии, топографии. Кроме того, Миллера занимали различные аспекты отечественной истории и культуры XVIII–XIX столетий. Об этом свидетельствуют и некоторые из тем докладов, сделанных им в разное время на заседаниях общества «Старая Москва»², председателем которого он являлся в 1923–1929 гг. Но особой привлекательностью для П.Н. Миллера обладали вопросы, которые были связаны с пребыванием в Москве известных людей (А.С. Пушкин, А.Н. Островский, А.С. Грибоедов, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов и др.). Подобного рода изысканиями Миллер занимался примерно с 1912 г. Главным образом его интересовала связь этих лиц с отдельными частями города, посещаемые ими дома и учреждения, места прогулок. В качестве источников при сборе материала Миллер использовал воспоминания, опубликованные дневники и письма современников.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Л. 36.

⁵⁴ Там же. Л. 99.

¹ Подробнее о нем см.: Краеведы Москвы: Сборник. М., 1995. Вып. 2. С. 100–119; Рюмина Т.Д. Архив москвоведца П.Н. Миллера в ОПИ ГИМ // АЕ за 1997 год. М., 1997. С. 334–346.

² Перечень тем докладов П.Н. Миллера см.: Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. М., 1989. С. 131–134.

В конце 1920-х – начале 1930-х годов, работая в структуре Общества изучения Московской области (ОИМО), историк, на основе полученных ранее данных, составлял маршруты экскурсий по местам пребывания в Москве А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова. Доскональное знание истории планировки и застройки города, возникновения названий отдельных местностей и улиц, появления домов и памятников служило при этом необходимым подспорьем. А вышедшая в 1937 г. книга “Пушкинская Москва”, написанная П.Н. Миллером в соавторстве с Н.П. Чулковым и Н.Р. Левинсоном, стала своеобразным подведением итогов его многолетних изысканий в этой области.

1 июля 1938 г. на имя П.Н. Миллера поступает обращение из МГУ, в котором говорится буквально следующее:

“Уважаемый Петр Николаевич!

Московский Государственный университет совместно с Госуд. Историческим музеем готовят к печати сборник, посвященный памяти Т.Н. Грановского (1813–1938).

В связи с этим Дирекция МГУ обращается к Вам с просьбой принять участие и дать статью для помещения в сборнике памяти Грановского.

Зам. Директора МГУ

по научной части: (проф. Потёмкин В.В.)”³.

Миллер с энтузиазмом воспринял это предложение. В результате, 31 октября 1938 г. была готова черновая рукопись очерка “Тимофей Николаевич Грановский в Москве”, составившая 106 страниц. Ныне этот экземпляр находится на хранении в ОПИ ГИМ (Ф. 134. Д. 75). Машинописный вариант, составляющий 58 листов, хранится в Документальном отделе МИРМ (Ф. 8169. Д. 20).

Следует отметить, что даже при беглом просмотре рукописи напрашиваются аналогии с черновым вариантом “Путеводителя по Пушкинской Москве”, выполненным Миллером в 1936 г.⁴ Это касается прежде всего структуры текста.

Материал о Грановском можно разбить на две части. Первая – биографические сведения, изложенные живым и увлекательным языком, изобилующие массой деталей, характеризующих фигуру знаменитого историка с самых разных, и порою, довольно неожиданных сторон. Миллер, возможно, с самого начала ставил целью показать не столько Грановского-историка, о котором и прежде было написано довольно много, сколько Грановского-человека, яркую во многих отношениях личность.

Вторая часть рукописи повествует о так называемом кружке Грановского – кружке западников, который, по словам историка А.А. Левандовского, “объединил людей очень разных и очень сложных; каждый из них знал себе цену и не склонен был жертвовать своей духовной независимостью во имя внешнего, организационного единства”⁵. Миллер активно пользуется отрывками из воспоминаний современников Грановского, товарищей по кружку, в частности, А.И. Герцена. Из этих описаний, зачастую содержащих множество колоритных подробностей, складывается живописная картина, передающая дух эпохи Грановского, демонстрирующая формирование русской интеллигенции.

Таким образом Миллер не просто воспроизводит биографию замечательного ученого-историка. Из разрозненных мозаичных кусочков он создает

³ ОПИ ГИМ Ф. 134. Оп. 1. Д. 75. Л. 1. Машинопись.

⁴ Там же. Д. 64.

⁵ Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 101.

портрет человека на фоне времени. Этому способствует также и тот факт, что, помимо списка столичных домов, в которых бывал Т.Н. Грановский, в качестве своеобразного приложения приводится краткая история известных московских салонов XIX в. Эти данные также опираются на извлечения из мемуаров и дневников.

Безусловно, Миллер, в первую очередь, москвовед. Это, в какой-то мере отражается и в самом названии материала. К написанию очерка он подошел именно с позиции знатока столицы. Московской среде здесь отводится существенная, если не сказать, определяющая роль. Частые реминисценции из записок и дневников призваны способствовать не только созданию целостного образа неординарной личности в глазах читателей, но и ощущению неповторимой атмосферы столичной богемы XIX в. Эрудиция Миллера, редкостный дар рассказчика, использование широкого круга источников – все это в результате привело к появлению объемного и содержательного труда, заслуживающего самого пристального внимания.

О.И. Мальшев

ДОКУМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДА Г.А. ГУКОВСКОГО В ФОНДАХ ЦГАЛИ СПб

Григорий Александрович Гуковский родился 18 апреля (1 мая) 1902 г. в Петербурге в семье служащего. Учился в 3-й гимназии Петербурга. В 1920 г. поступил на факультет общественных наук Петроградского университета, окончил его в 1923 г. С 1923 по 1928 г. работал преподавателем 15 и 51-й средних школ. Научную деятельность начал в 1924 г. в качестве научного сотрудника Института истории искусств. Вел педагогическую работу на Государственных высших курсах искусствоведения (1927–1930) и в Коммунистическом институте журналистики (1928–1936). В 1924–1927 гг. был аспирантом Научно-исследовательского института языков и литератур Запада и Востока при Ленинградском университете, где защитил кандидатскую диссертацию по теме “Русская поэзия XVIII века”, которая вскоре вышла отдельной книгой (1927).

В начале 1930-х годов Г.А. Гуковский возглавил группу по изучению литературы XVIII в. в ИРЛИ. В 1934 г. был принят в Союз советских писателей. В 1935 г. начал преподавание на филологическом факультете ЛГУ – читал курс и вел семинар по русской литературе XVIII в., затем – курс по литературе первой половины XIX в. В 1936 г. Г.А. Гуковский защитил докторскую диссертацию по теме “Очерки по истории русской литературы XVIII века” и получил звание профессора. В 1938 г. был назначен заведующим кафедрой Ленинградского института усовершенствования учителей и заведующим сектором Ленинградского отделения АПН. Вел большую лекционную работу в Ленинградском лектории.

В начале Великой Отечественной войны Г.А. Гуковский вступил в ополчение. В марте 1942 г. вместе с ЛГУ был эвакуирован в г. Саратов и назначен проректором по учебной работе Саратовского университета. В 1946 г. вернулся в Ленинград. Продолжал преподавательскую работу в ЛГУ, а также работу в ИРЛИ, в Ленинградских отделениях АПН и ССП.

25 июля 1949 г. в результате клеветы ученый был арестован и 2 апреля 1950 г. погиб, затем посмертно реабилитирован.

В ЦГАЛИ СПб хранится семейный фонд (Ф. 145) Григория Александровича Гуковского и его жены Зои Владимировны Гуковской (урожденной Артамоновой) (1907–1973), литературоведа и переводчика, специалиста в области романских языков и литературы. Фонд поступил в ЦГАЛИ СПб в 1974 г. от дочери Г.А. Гуковского, писательницы Н.Г. Долининой. В фонде 262 дела за 1922–1973 гг., из них документы собственно Г.А. Гуковского составляют 164 дела за 1922–1972 гг.

Кроме того, документы Гуковского встречаются в следующих фондах архива: Коммунистический институт журналистики (Ф. 241), Научно-исследовательский институт языков и литератур Запада и Востока (Ф. 288), Российский институт истории искусств (Ф. 82), Государственные Высшие курсы искусствоведения (Ф. 59), Ленинградское отделение Союза советских писателей (Ф. 371), Ленинградское отделение издательства “Советский писатель” (Ф. 344), Комитет по радиовещанию и телевидению Леноблгорисполкомов (Ф. 293) и в личном фонде литературоведа Виктора Андронниковича Мануйлова (1903–1987) (Ф. 440).

В фонде Гуковского хранятся черновые рукописи трех его монографий. Из большой монографии “История русской критики” (Оп. 1. Д. 6–8, 113¹), написанной в 1945–1946 гг., опубликованы отдельные главы: вторая глава в сборнике “Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма” (М.; Л., 1964) под заголовком “Тредиаковский как теоретик литературы” (С. 43–72) и третья глава в сборнике “Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы” (М.; Л., 1962) под заголовком “Ломоносов – критик” (С. 69–100). Монография “Творчество Гоголя в 1830-е гг.” (Д. 9–11), написанная в конце 1940-х годов, была опубликована после смерти автора под названием “Реализм Гоголя” (М.; Л., 1959). Что касается ранней монографии “М.М. Херасков. Первый период жизни и творчества...” (Д. 1–5), написанной в 1920-е годы, то она осталась неопубликованной, хотя и послужила отчасти основой для позднейших опубликованных исследований.

Статьи и доклады представляют собой как рукописи, так и оттиски и вырезки из печатных изданий. Некоторые статьи посвящены общим вопросам литературы: “К вопросу о стиле советского романа” (Д. 22–24), “Заметки историка литературы”, “Несколько слов о критике” (обе: Д. 16), “Заметки о литературе XVIII в.” (Д. 13), “Критика и литературно-общественная борьба 1830-х гг.” (Д. 32), “О поэтической лексике” (Д. 36), “Стадии и прогресс в литературе” (Д. 37–38). Интересна статья, написанная во второй половине 1940-х годов, “Русская литература в журнале Готтшеда”, опубликованная после смерти автора в книге “XVIII век. Сборник 3” (М.; Л., 1958. С. 380–415) под заголовком “Русская литература в немецком журнале XVIII века”. На обороте этой рукописи – отрывки из работ о русской литературе XVIII в., сделанные Гуковским (Д. 26). Большинство статей посвящены творчеству отдельных писателей XVIII в.: М.В. Ломоносову (Д. 129, 131), А.П. Сумарокову (Д. 39, 121, 130; Оп. 2. Д. 1), Г.Р. Державину (Оп. 1. Д. 12, 14, 47, 48), А.Н. Радищеву (Д. 117), Я.Б. Княжнину (Д. 124), И.Ф. Богдановичу (Д. 118), А.Т. Болотову (Д. 126), И.П. Пнину (Д. 127); XIX в.: А.С. Пушкину (Д. 17, 18, 20, 21, 25, 30, 31, 33–35, 43, 44, 122; Оп. 2. Д. 1), Н.В. Гоголю (Оп. 1. Д. 19, 27), И.А. Крылову (Д. 119), Ф.И. Тютчеву (Д. 28), Н.А. Некрасову (Д. 29), И.П. Котляревскому (Д. 116).

В фонде имеются работы Гуковского по текстологии, составлению и комментированию сборников русских писателей и поэтов, подготовленные к

¹ Далее дела описи 1, фонд 145 указываются без номера описи.

изданию, порой неосуществленные: “Александр Сумароков. Стихотворения. Выбрал и подготовил к печати Гр. Гуковский” (1922 г. Д. 39), «Материалы для полного собрания сочинений М.М. Хераскова. Приложение к работе “Молодой Херасков”. Собраны Г. Гуковским. Резолюции, письма и рапорты, биографические материалы» (1923 г. Д. 40), “Материалы для полного собрания сочинений И.Ф. Богдановича и А.А. Ржевского” (начало 1920-х годов. Д. 41), «Материалы к изданию сочинений Д.И. Фонвизина: биография, биографическая канва, заметка к публикации комедии “Недоросль”. Примечания» (действие 1-е, начало 2-го), ранний текст (1937 г. Д. 45, 46), “Поэзия декабристов. Биографические справки и комментарии” (2-я половина 1940-х годов. Д. 51). Две работы представляют собой комплексное исследование (вступительная статья, составление, редакция текста, примечания): 1) печатный экземпляр книги “Г. Державин. Стихотворения. Библиотека поэта” (М.; Л., 1935), с рукописными вставками и пометами на полях, сделанными Гуковским для 2-го издания (Д. 47–48); 2) “Я. Козельский. Философские предположения”, рукопись которой осталась неизданной (Д. 49, 50).

Подготовительные материалы к работам представлены списками стихотворений поэтов XVIII в. (Д. 46, 52, 53), выписками из поэтических сборников и тетрадей, с текстологическими пометами, сделанными Гуковским (Д. 144–145), и системой рукописных картотек, таких, как “Картотека собственных имен, слов и выражений к сочинениям Пушкина” (Д. 58), “Библиографическая картотека к работам по русской литературе XVIII века” (Д. 53), “Ломоносов. Сумароков. Картотека” (Д. 54).

В фонде имеются педагогические работы Гуковского: “О введении русского языка в 1767 году в университетское преподавание” (Д. 125), “Советское литературоведение и школа” (Д. 66), “К вопросу об анализе художественных образов в школе” (Д. 67), “О преподавании литературы в школе” (Д. 68), “К вопросу об изучении литературного произведения в школе (Методические очерки о методике)”. Последняя статья, написанная в 1948 г., опубликована отдельным изданием под заголовком “Изучение литературного произведения в школе (Методические очерки о методике)” (М.; Л., 1966) (Д. 63–65). В фонде также хранится стенограмма заседания Президиума Ленинградского отделения ССП под председательством поэта А.А. Прокофьева от 16 января 1948 г., где с основным докладом “Задачи преподавания литературы в средней школе” выступил Г.А. Гуковский. Стенограмма представляет собой машинопись, но с обширными рукописными правками Гуковского (Д. 99).

Рукописи Гуковского в других фондах ЦГАЛИ СПб немногочисленны. Это, прежде всего, тезисы доклада Гуковского “А.А. Ржевский (Из истории Сумароковской школы)”. Доклад был прочитан 9 ноября 1924 г. на заседании Секции художественной словесности Российского института истории искусств. В прениях по докладу выступили К.А. Шимкович, В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов (тексты прений не приводятся) (Ф. 82. Оп. 1. Д. 67. Л. 146–148). В фонде Комитета по радиовещанию и телевидению хранится выступление Гуковского по Ленинградскому радио 23 декабря 1941 г. Сначала был зачитан Акт о состоянии Музея-усадьбы писателя Л.Н. Толстого после хозяйничанья гитлеровцев с 29 октября по 14 декабря 1941 г. во время оккупации Ясной Поляны. После этого выступил Гуковский. В частности, он сказал: “Ясная Поляна – это символ культуры, это живая и вещественная память о гении, это памятник народной любви ко всему лучшему, творческому, передовому, это завещание нам прошлым” (Ф. 293. Оп. 2. Д. 161. Л. 114).

В фонде Ленинградского отделения ССП имеются отзывы Г.А. Гуковского на произведения писателя С.И. Хмельницкого, литературоведов Б.И. Коплана, А.Н. Нечаева и Б.В. Томашевского (Ф. 371. Оп. 2. Д. 215, 97, 148, 198), а в фонде Ленинградского отделения издательства “Советский писатель” – отзывы и рецензии на рукописи поэтических сборников, выходявших в “Библиотеке поэта” (Ф. 344. Оп. 1): “Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX века” со статьей и под редакцией А.Я. Максимовича (Д. 146. Л. 117–118; Д. 148. Л. 46, 47), “А.А. Бестужев-Марлинский. Стихотворения”, вступительная статья Н.И. Мордовченко (Д. 148. Л. 1–7; Д. 178. Л. 16–28), “Ломоносов. Стихотворения”, редакция П.Н. Беркова (Д. 146. Л. 97, 98; Д. 178. Л. 66–68), “Баратынский” под ред. Е.Н. Купреяновой (Д. 178. Л. 109), “Стихотворения А.Д. Кантемира”, вступительная статья, ред. и примеч. Л.И. Тимофеева (Д. 148. Л. 58–61; Д. 146. Л. 46–49), “Рылеев. Стихотворения”, ред., статья и примеч. Н.И. Мордовченко (Д. 148. Л. 72–74; Д. 146. Л. 129–131).

В личном фонде Г.А. Гуковского (Ф. 145. Оп. 1) имеются отзывы других литературоведов на произведения Г.А. Гуковского: Н.П. Бродского, В.Я. Кирпотина, С.М. Петрова, И.В. Сергиевского (Д. 101), В.А. Мануйлова (Д. 103), В.Н. Орлова (Д. 151). В фонде Ленинградского отделения издательства “Советский писатель” (Ф. 344. Оп. 1) – П.Н. Беркова (Д. 146. Л. 127, 128, 140–146; Д. 148. Л. 8, 9, 156–159), Н.И. Мордовченко (Д. 146. Л. 32–38; Д. 148. Л. 21, 22), В.М. Саянова (Д. 146. Л. 125, 126; Д. 148. Л. 76).

Писем Гуковского в фондах ЦГАЛИ СПб немного. В его личном фонде это два письма неизвестным лицам по поводу статьи М. Катова “Глупая стряпня о великом баснописце” (Правда. 1944. 17 нояб.) и о ряде мероприятий по поводу 200-летия со дня рождения А.Н. Радищева (Ф. 145. Оп. 1. Д. 71, 147), три деловых письма в издательства (Д. 72, 148) и три телеграммы жене, Зое Владимировне (Д. 73; Оп. 3. Д. 5). В фонде литературоведа В.А. Мануйлова имеются три письма Г.А. Гуковского к нему от 1938 г. по поводу учебника “История литературы народов СССР” под редакцией А.Н. Толстого, где Г.А. Гуковским написана глава о русской литературе XVIII в. (Ф. 440. Оп. 2. Д. 827; Оп. 3. Д. 438).

Письма, адресованные Гуковскому, содержатся только в личном фонде Г.А. Гуковского (Ф. 145. Оп. 1): писателей Демьяна Бедного (1945 г. Д. 74), К.А. Федина (1946 г. Д. 82), К.И. Чуковского (1947–1948 гг. Д. 83) и литературоведов П.И. Лебедева-Полянского (1946 г. Д. 79), А.М. Еголина (1946 г. Д. 77), А.С. Долинина (1946 г. Д. 76), Н.П. Колпаковой (1948 г. Д. 78), М.И. Мальцева (1946 г. (?). Д. 80), А.Л. Слонимского (1947 г. (?). Д. 81).

Фотографии Г.А. Гуковского с членами семьи (1928–1938 гг. Оп. 3. Д. 6), в группах с Б.Я. Бухштабом, Ц.С. Вольпе, З.В. Гуковской, Е.С. Пантелеевой (Орловой), В.Н. Орловым, Н.Я. Рыковой, Е.И. Ямпольской и И.Г. Ямпольским (1929–1940 гг. Оп. 1. Д. 106) хранятся в личном фонде Гуковского.

Автобиография Гуковского (1935 г. Ф. 241. Оп. 2. Д. 1470. Л. 5–6; 1939–1947 гг. Ф. 371. Оп. 2. Д. 54. Л. 6–16, 31–34), анкеты (1924 г. Ф. 59. Оп. 2. Д. 2. Л. 20; 1931 г. Ф. 241. Оп. 2. Д. 1470. Л. 1–4; 1937–1946 гг. Ф. 371. Оп. 2. Д. 54. Л. 4, 5, 18), справки, удостоверения (Ф. 59. Оп. 2. Д. 5. Л. 14, 28; Д. 24. Л. 6, 65; Д. 32. Л. 64; Ф. 82. Оп. 1. Д. 147. Л. 97; Ф. 241. Оп. 2. Д. 1470. Л. 7–9, 12–15; Ф. 371. Оп. 2. Д. 54. Л. 26, 27) находятся в других фондах архива. Интересный штрих к его биографии составляют воспоминания его жены, З.В. Гуковской, о жизни мужа в Саратове в годы войны (Ф. 145. Оп. 1. Д. 105).

Библиография работ Г.А. Гуковского, составленная им самим и дополненная его дочерью Н.Г. Долининой, и сотрудником ЦГАЛИ СПб Э.М. Шнейдерманом, а также издательские договоры на публикацию его

произведений хранятся в личном фонде Г.А. Гуковского (Ф. 145. Оп. 1. Д. 70, 92, 93). Списки печатных работ и издательские договоры – в других фондах архива (Ф. 241. Оп. 2. Д. 1470. Л. 2; Ф. 371. Оп. 2. Д. 54. Л. 1, 5, 21–25, 35–40; Ф. 344. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–16; Д. 54. Л. 5–7).

Последний документ Г.А. Гуковского, хранящийся в ЦГАЛИ СПб, необходимо привести полностью. Это заверенная машинописная копия творческого отчета писателя за 1948 год: «В 1948 г. я работал над книгой “Творчество Гоголя”, над статьей “Поэзия Пушкина”, над сборником “Литература декабризма” (совместно с В.Н. Орловым), а также редактировал два сборника в Институте литературы Академии наук СССР.

В 1948 г. в творческих командировках не был.

В 1948 г. мои рукописи сданы в издательство: статья “Поэзия Пушкина” (Гослитиздат), но не были напечатаны – должны выйти в свет.

В 1948 г. вышли в свет две мои работы “Два отрывка о Гоголе” в “Вестнике” и Уч[еных] Записках Ленингр[адского] Университета и статья об “образах” в Учен[ых] Записках инст[итута] им. Герцена. В итоге 3 статьи – 4 печ. листа

Подпись автора [Гуковский]».

25 июля 1949 г. Г.А. Гуковский был арестован. В личном фонде ученого имеется свидетельство о смерти, где, в частности, говорится: “Гр. Гуковский Григорий Александрович умер 2 апреля 1950 года. Возраст – 48 лет. Причина смерти – остановка сердечной деятельности...” (Ф. 145. Оп. 1. Д. 91. Л. 2).

В 1991 г. на запрос нашего архива в Управление КГБ по Ленинградской области, имеются ли у них документы творческого и биографического характера литературоведа Г.А. Гуковского, был получен такой ответ: “Справка. По имеющимся в Управлении КГБ по Ленинградской области материалам проходит Гуковский Григорий Александрович...”

Арестован 19 октября 1941 г. Обвинялся в преступлении, предусмотренном ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР.

Постановлением Управления НКВД от 27 ноября 1941 г. следственное дело по обвинению Гуковского Григория Александровича производством прекращено. Гуковский Григорий Александрович из-под стражи был освобожден.

Документов биографического и творческого характера в отношении Гуковского в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области не имеется.

Сотрудник подразделения Управления КГБ СССР по Ленинградской области Евсеев А.Н. 08.02.91”.

Таким образом, выяснилось, что Г.А. Гуковский привлекался органами КГБ еще осенью 1941 г.

С 1957 по 1965 г. шли хлопоты по его реабилитации. В “Деле о восстановлении Г.А. Гуковского посмертно в правах члена Союза советских писателей” имеется следующий документ: это письмо из Прокуратуры СССР в Ленинградскую организацию Союза советских писателей СССР: “Сообщаю, что постановлением Прокуратуры СССР от 5 мая 1965 года дело, по материалам которого 25 июля 1949 г. был арестован Гуковский Григорий Александрович, и обвинялся в антисоветской деятельности, производством прекращено за отсутствием состава преступления и он реабилитирован.

Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности, старший советник юстиции [Шарутин]” (Ф. 145. Оп. 1. Д. 91. Л. 3).

Справедливость вроде бы восторжествовала, но ученый-то был преступно убит на взлете своих творческих сил.

ЛИЧНЫЙ ФОНД В.А. КОНДРАТЬЕВА В ГАРФ

Рукописи, биографические документы, переписка, фотоснимки известного историка, археографа, журналиста Владимира Александровича Кондратьева (1928–1992) поступили через два месяца после его кончины, последовавшей 7 июля 1992 г., в Государственный архив Российской Федерации. Документы передала Елена Владимировна Кондратьева, дочь фондообразователя, при активном содействии профессора ИАИ РГГУ А.Д. Степанского.

Научное описание материалов Ф. 10019 проведено в 1999–2000 гг. автором настоящего обзора и главным специалистом ГАРФ К.Б. Ульяницким. В фонде 230 ед.хр., из них 15 содержат биографические документы: свидетельства о рождении и среднем образовании, дипломы кандидата, доктора исторических наук, аттестаты доцента, профессора, членские билеты Союза журналистов СССР, Всесоюзного общества “Знание”, справки о служебной, научной работе, награждениях и поощрениях ученого.

Трудовую деятельность Владимир Александрович начал в 1943 г. учеником слесаря на фабрике им. Я.М. Свердлова в г. Павлово-Посад Московской области. Учился одновременно в школе рабочей молодежи. В сентябре 1947 г. поступил на дневное отделение МГИАИ. Окончив институт с отличием в 1952 г., работал в ГАУ МВД СССР м.н.с., ученым секретарем, начальником отдела публикации и использования документов, главным редактором научно-информационного бюллетеня “Вопросы архивоведения”, журнала “Советские архивы”. С октября 1966 г. был зав. сектором археографии ВНИИДАД, с сентября 1969 г. преподавал в МГИАИ. Два учебных года возглавлял общеинститутский методологический семинар преподавателей архивоведческих кафедр, некоторое время был заместителем декана заочного факультета. 29 сентября 1984 г. освобожден от преподавательской работы в связи с переходом на пенсию по инвалидности. Ед.хр. 9 содержит справки о состоянии здоровья, лечении болезни (аритмия сердца), о пребывании в санаториях и другие медицинские документы. После лечения Владимир Александрович возвратился к активной творческой деятельности. Работал над девятым изданием сборника “Говорят погибшие герои”, в 1988 г. защитил в МГИАИ докторскую диссертацию “Источниковедение Великой Октябрь в Москве”. В 1989–1991 гг. вел семинарские занятия со студентами Московского технологического института (МТИ). В фонде хранятся его заявления (1984–1992) в МГИАИ, МТИ, Люблинский исполком г. Москвы, другие учреждения по вопросам трудоустройства, с просьбами о повышении пенсии, улучшении жилищных условий (Ед.хр. 15); имеются грамоты, которыми В.А. награжден за работу в архивных учреждениях, МГИАИ; удостоверение к знаку “Победитель социалистического соревнования 1973 года”; грамоты Президиума Верховного Совета РСФСР, редакции газеты “Московская правда”, других организаций и учреждений, дипломы творческих конкурсов (Ед.хр. 2).

16 ед.хр. (№ 16–31) содержат документы педагогической и общественной деятельности В.А. Кондратьева: отчеты о работе в МГИАИ, МТИ, справки, отзывы о выступлениях в 1952–1988 гг. с лекциями по истории революционного движения, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., проведении тематических вечеров, посвященных участникам революционного движения, читательских конференций в вузах, школах, воинских частях по изданным им документальным сборникам “Говорят погибшие герои”, “Письма славы и бессмертия”. Сохранились материалы о работе инициативной группы по соз-

данию музея истории Ждановского района г. Москвы; справка В.А. Кондратьева о времени и месте пребывания В.И. Ленина летом 1894 г. на даче у родных в Бутове, под Москвой (Ед.хр. 19, 21).

В.А. Кондратьев – автор более 350 очерков, статей, корреспонденций, опубликованных в журналах, газетах, а также нескольких документальных сборников и книг о революционных событиях 1917 г. в Москве, их активных участниках, научных работ по вопросам археографии. 35 ед. хр. (№ 32–66) содержат творческие материалы фондообразователя (авторизованная машинопись, газетные и журнальные вырезки статей ученого). Ед.хр. 66 представляет собой “Список печатных авторских работ, введенных в научный оборот в период с 1947 г. по май 1990 г. с № 1 по № 391”, составленный и перепечатанный Кондратьевым в июле 1990 г. В фонде – его дипломная работа “Большевики завода имени Владимира Ильича в борьбе за выполнение послевоенной сталинской пятилетки (1946–1950 гг.)” (Ед.хр. 32); рукописи и вырезки из газет очерков, статей по истории этого завода, опубликованных в 1957–1991 гг. (Ед.хр. 46), статьи по археографии, источниковедению из изданий “Вопросы истории”, “История СССР”, “Советские архивы”, “Археографический ежегодник”. В фонде имеются оттиски из АЕ за 1968 год, 1987 год статей “Об издании документального фонда Московского военно-революционного комитета”, “О выявлении и публикации писем борцов за социалистическую революцию и победу Советской власти (на примере сборника “Письма славы и бессмертия”» (Ед.хр. 50, 56).

Среди неопубликованных работ фондообразователя привлекают внимание рукописи документального очерка о жизни и деятельности А.Н. Винокурова (Ед.хр. 36. 212 л.), пьесы “Лето в Кузьминках” (о пребывании В.И. Ленина под Москвой в 1894 г.) (Ед.хр. 59); черновой набросок статьи к 50-летию МГИАИ (Ед.хр. 53), рукопись доклада о совершенствовании обучения и воспитания студенческой молодежи, подготовленного автором в конце 1980-х – начале 1990-х годов (Ед.хр. 58). Неопубликованная работа (без начала, датирована автором 3 февраля 1989 г.) посвящена истории Свердловского района г. Москвы (Ед.хр. 42). Следует назвать и брошюру В.А. Кондратьева “Нелегальный визит в Кузьминки. В.И. Ульянов на даче у родных летом 1894 г.”, изданную на средства автора в 1991 г. Почти весь тираж брошюры (1000 экз.) находился в квартире В.А. Кондратьева. Работники ГАРФ передали несколько экземпляров в РГБ, Музей истории г. Москвы, некоторые другие библиотеки и музеи. Один экземпляр находится в фонде В.А. Кондратьева (ед.хр. 43).

Отзывы Владимира Александровича на статьи и документальные издания (авториз. машинопись, журнальные и газетные вырезки), рецензии, замечания на труды фондообразователя находятся в ед.хр. 49, 61.

Творческую, общественную деятельность В.А. Кондратьева отражает его переписка с научными учреждениями, учебными заведениями, издательствами по вопросам публикации статей, документальных сборников, программы спецкурса по археографии, участия в заседаниях научных советов вузов и архивных учреждений (Ед.хр. 69, 72, 81, 83). Переписка Владимира Александровича за 1952–1992 гг. с читателями его очерков и статей об участниках революционного движения, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., с журналистами, молодежью находится в ед.хр. 68, 78, 80, 82. Письма корреспондентов содержат отзывы об очерках и статьях ученого, биографические факты и библиографические сведения о героях его работ, сообщения о направлении В.А. Кондратьеву документов, фотоснимков из личных архивов, предложения об увековечивании памяти участников революционного движения, ветеранов войны.

Значительное количество писем В.А. направил в организации и учреждения по вопросам сохранения памятников истории и культуры, увековечивания памяти деятелей революционного движения. 15 октября 1987 г. он обратился в Секретариат ЦК КПСС с просьбой восстановить посмертно в партии известного военного деятеля Н.И. Муралова (Ед.хр. 71, машиноп. копия). Ед.хр. 73 содержит копии, черновики писем, направленных Кондратьевым в 1988–1989 гг. советским организациям, учреждениям г. Москвы, редакциям газет с предложением о необходимости воссоздать дом-музей В.И. Ленина в Кузьминском лесопарке, сохранить ленинский мемориал.

Три ед.хр. (74, 75, 77) включают машинописные копии писем Владимира Александровича видным деятелям науки и культуры. В ед.хр. 74 – письма археографу С.Н. Валку (апр., 15 окт. 1958 г. и 17 марта 1961 г.). Автор сообщал Сигизмунду Натановичу о выходе очередных номеров Информационного бюллетеня ГАУ, планах издательской деятельности архивных учреждений, о направлении материалов к всесоюзному совещанию архивистов, о желании услышать на нем выступление ученого, об издании книги “Октябрь 1917 года в Москве и Московской губернии” (М., 1957), обсуждении в МГИАИ статей по археографии, опубликованных в 1958 г. В одном из писем он просит С.Н. направляемые два экземпляра Информационного бюллетеня ГАУ (№ 7) передать А.И. Андрееву и Д.С. Лихачеву.

Сообщал он и о создании в ГАУ отдела научных публикаций для издания документальных серий по Великой Отечественной войне и внешней политике СССР, о подготовке издания научно-информационного бюллетеня “Вопросы архивоведения”. “Все новости для меня в настоящее время сконцентрированы вокруг журнала. Даже перестал писать на свои темы и ходить по разного рода совещаниям, которые происходят вне ГАУ и нашей редакции, – писал В.А. 17 марта 1961 г. – Удовлетворяет то, что первый номер, кажется, будет хорошим. Сожалею, что в нем нет материалов, о которых я так долго и, наверное, надоедливо просил Вас. Знаю о Вашем здоровье, о большой занятости и все же не теряю надежды получить статью, рецензию или просто заметку [...] Посылаю Вам недавно вышедший № “Вопросы архивоведения” за 1960 год и оглавление первого тома за 1961 год. Очень прошу Вас – Ваше мнение особенно дорого нам – сообщить, каким бы Вы хотели видеть наш журнал, что в нем плохого, что хорошего и что и каким образом следует развивать в дальнейшем. Редакция разработала много хороших планов на будущее, но каково будет их реализовать” (Ед.хр. 74. Л. 4).

Привлекает внимание в фонде письмо художнику И.С. Глазунову от 7 августа 1988 г. с высокой оценкой персональной выставки известного живописца и графика (Ед.хр. 75. Л. 1), с приложением четвертого издания книги “Письма славы и бессмертия. Письма революционеров, павших в борьбе за пролетарскую революцию и победу советской власти в России. 1905–1922 гг.” (М., 1987). Историк также сообщал художнику о публикации в журнале “Вопросы истории КПСС” (1981. № 11. С. 136) его обращения к общественности о сохранении всех остатков эпистолярного наследия революционной эпохи, об их публикации, всемерном использовании в интересах гуманных целей, успеха всенародного дела перестройки и о своей работе над подготовкой пятого издания книги. «Издатели этой книги и я, как историк, посвятивший всю сознательную жизнь восстановлению истории революции и облика тех, кто ее делал, – обращался к художнику В.А., – просим подумать о возможности и форме художественно-образительного участия в пятом издании книги “Письма славы и бессмертия”, издание планируется на 1991 год» (Ед.хр. 75. Л. 2).

14 октября 1987 г. книгу “Письма славы и бессмертия” – итог своей многолетней деятельности – В.А. направил М.С. Горбачеву. В препроводительном письме он писал: «Примите самые лучшие пожелания в жизни и Вашей многотрудной деятельности, неизбежности того “запаса прочности”, о котором Вы вчера сами говорили при встрече с ленинградцами» (Ед.хр. 76. Л. 1).

За месяц до своей кончины Владимир Александрович написал большое, душевное письмо кумиру студенческих лет С.О. Шмидту, учителю, наставнику (машинописная копия). Он вспоминает студенческие годы, восторженное отношение студентов к тогда еще молодому преподавателю, “человеку уникальному, явно талантливому”, о его отношении к молодежи, своим ученикам. Вспоминает работу Сигурда Оттовича как главного редактора институтской стенгазеты “Историк-архивист”, в выпуске которой ежемесячно “эксплуатировался” и он, умевший рисовать и добывать заметки. “Помните, – обращался к Сигурду Оттовичу Кондратьев, – Вы похвалили мои рисунки В.В. Максакова, М.Н. Черноморского, который стоял на кафедре с графичным и поливал воду, словно в своих лекциях, Н.В. Устюгова в крестьянских лаптях из-за профильности крестьянско-промысловой тематики и др.” (Ед.хр. 77. Л. 1. Машиноп. копия). Сообщает благодарный ученик и о наличии в его личной библиотеке авторских книг, статей, сборников, вышедших под научным руководством С.О. Шмидта, с дарственными надписями учителя. “Надеюсь, дорогой Сигурд Оттович, что и в Вашей библиотеке сохранились некоторые мои дарственные авторские книги, статьи, публикации, сборники, которые я старался всегда Вам презентовать как одному из своих учителей, наставников, – писал В.А. – Вот и сегодня, следуя традиции, посылаю Вам вместе со студенческими рисунками две свои свежие книги, выпущенные в 1990–1991 годах уже как доктором исторических наук, профессором” (Ед.хр. 77. Л. 3).

Корреспондентами Владимира Александровича были историки, преподаватели МГИАИ. В фонде имеются четыре письма (1957–1959) д.и.н., профессора А.И. Андреева со сведениями о получении отиска статьи С.О. Шмидта в т. 11 “Трудов МГИАИ”, с благодарностью за методические пособия по археографии, о желании написать на них рецензию, о возвращении после длительной болезни “к делам, которых накопилось много” (Ед.хр. 84. Л. 6).

Значительный интерес представляют письма ленинградского ученого, д.и.н., профессора С.Н. Валка (25 писем за 1957–1974 гг.). Он сообщал о своей работе, откликнулся на публикации в архивоведческих изданиях, интересовался работой В.А. над кандидатской диссертацией, издательскими планами архивных учреждений, уведомлял с благодарностью о получении научно-информационных бюллетеней ГАУ, обращался с просьбой прислать для Д.С. Лихачева бюллетень № 6 с рецензией М.С. Селезнева на книгу П.Г. Софинова (Ед.хр. 86. Л. 1–50).

Письма академика Н.М. Дружинина свидетельствуют о внимании видного историка к работам В.А. Кондратьева, к издательской деятельности ГАУ. “Должен откровенно сказать, что я был поражен и в то же время обрадован широтой намеченного плана изданий, особенно на периферии, – писал Николай Михайлович 9 января 1957 г. – Если удастся осуществить хотя бы часть составленного проекта, это будет большой подарок историкам. Хотя болезнь мешает моему общению с товарищами, мне очень приятно продолжать совместную работу с ЦГИАЛ и ЦГИАМ по подготовке документальных сборников о крестьянском движении. Живу надеждою, что все подготовленные тома, действительно, увидят свет” (Ед.хр. 87. Л. 1). В других четырех письмах (1966–1969) – благодарность за подаренную книгу “Письма славы и бессмер-

тия”; воспоминания об одной из героинь книги О.А. Дилевской и ее родных, с которыми был дружен Николай Михайлович. Ученый интересовался работой В.А. по изданию документов Московского ВРК, благодарил за доброжелательный отзыв о его воспоминаниях. “По-видимому, – замечает Николай Михайлович в письме от 6 января 1968 г., – этот небольшой опыт подведения итогов оправдал себя” (Там же. Л. 9). «На “Советские архивы”, – сообщал он в одном из писем, – я подписался и думаю, что новый журнал поможет упрочить связи между историками и архивистами» (Там же. Л. 3).

Среди корреспондентов В.А. Кондратьева отметим кинооператора и кинорежиссера Е.Н. Андриканиса, историка С.М. Каштанова, профессоров МГИАИ К.Г. Митяева, К.И. Рудельсон, М.С. Селезнева. В письме Андриканиса доброжелательный отклик на статью Владимира Александровича о его дяде, Николае Шмите, в газете “Московская правда”, сообщение биографических сведений об участии революционного движения Е.П. Шмит (Ед.хр. 85).

Письма других корреспондентов содержат, в основном, сведения о направлении в редакцию журнала “Советские архивы” (главным редактором которого был Кондратьев) статей, рецензий. “Посылаю корректуру моей рецензии, прошу Вас убедить редакцию в необходимости включения схемы и ее небольшого разбора в *моей редакции*, желательно, конечно, чтобы и общий текст о классификаторах остался, – обращалась к нему зав. кафедрой теории и практики архивного дела МГИАИ К.И. Рудельсон 20 марта 1957 г. – Как мы и договаривались, представляем Вам информацию о заседании кафедры по итогам практики. Прошу на этот раз не исключать текста студенческих выступлений, это вопросы новые и нужные” (Ед.хр. 94. Л. 1). В фонде имеется ксерокопия письма академика И.И. Минца, направленного 6 сентября 1975 г. в редакцию журнала “Вопросы истории” и В.А. Кондратьеву, с отзывом и замечаниями на рукопись его статьи “Октябрь в Москве в свете ленинской концепции социалистической революции” (Ед.хр. 89. Л. 1–9). Академик поддержал публикацию статьи после внесения автором поправок.

55 ед.хр. (№ 98–152) содержат материалы, собранные фондообразователем для творческой работы. Это – копии документов и фотоснимков видного военного деятеля Н.И. Муралова, вырезки из печатных изданий статей о семье Ульяновых, участниках революционного движения, их биографические документы; исторические справки и другие материалы о Московском электромеханическом заводе им. Владимира Ильича. Среди них подлинное письмо Н.А. Рубакина С.М. Мицкевичу, зам. директора Музея революции СССР, от 24 марта 1931 г. (Ед.хр. 134), список научных работ, копии биографических документов В.В. Максакова (Ед.хр. 135. Л. 1–21); записка члена-корреспондента Академии наук СССР Н.Ф. Бельчикова об издании документов по истории печати XVII–XVIII вв. и истории русской науки (Ед.хр. 137).

В фонде – машинописные копии статей Н.М. Дружинина “Крестьянский вопрос в ранних записках М.М. Сперанского”, о С.И. Мицкевиче (Ед.хр. 142), статей Е.М. Тальман, других преподавателей МГИАИ, интервью директора института Ю.Н. Афанасьева (Ед.хр. 150, 151), характеристика на д.и.н., профессора, зав. кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций СССР МГИАИ Н.П. Ерошкина (Ед.хр. 152). Сохранились отписки статей М.М. Медведева, других архивистов по истории революционного движения с дарственными надписями авторов В.А. Кондратьеву (Ед.хр. 138); публикации С.О. Шмидта “Неизвестные документы XVI в.” (ИА. 1961. № 4) с дарственной надписью автора от 19 февраля 1962 г. (Ед.хр. 140). Привлекают внимание плакаты о государственных архивах Узбекской ССР, Аджарской АССР (Ед.хр. 139), приветственные адреса за подписями К.И. Ру-

дельсон, Л.М. Рошаля, Л.Г. Сырченко, других преподавателей МГИАИ, сотрудников ЦГАОР СССР кафедре археографии по случаю ее десятилетия 14 сентября 1967 г. (Ед.хр. 143); воспоминания О.Е. Карноуховой об учебе в Историко-архивном институте (Ед.хр. 147, машинопись), другие материалы по истории и организации архивного дела, истории МГИАИ.

Несколько дел содержат биографические документы, переписку К.Б. Крутовой (Рыбаковой), матери В.А. Кондратьева, других родственников фондообразователя (Ед.хр. 67, 79, 155–159).

Изобразительные материалы находятся в ед.хр. 160–230: индивидуальные фотографии В.А. Кондратьева, снимки с родственниками, работниками архивных учреждений, преподавателями, студентами МГИАИ, с известным селекционером Ф.М. Зориным, космонавтом П.Р. Поповичем. В фонде – фотоснимки участников революционного движения, Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (в том числе подлинные фотографии генерала М.Г. Ефремова), фотографии В.В. Адоратского, В.В. Максакова, М.Н. Покровского (1920-е годы), историка Н.М. Дружинина, Г.А. Князева, историков-архивистов, преподавателей МГИАИ А.Н. Новосельского, А.А. Покровского, Ю.Ф. Кононова, Е.А. Луцкого и др. Имеются групповые снимки участников всесоюзных, республиканских совещаний работников архивных учреждений, на них Г.А. Белов, Л.Н. Кривошеин, Н.Р. Прокопенко, другие руководители ГАУ при СМ СССР. Привлекает внимание фотография Н.С. Хрущева на открытии выставки (1963) документов о советско-шведских отношениях.

Сохранились в фонде индивидуальные и групповые снимки американского пианиста Вана Клиберна у дерева Дружбы в г. Сочи (1960), киноартиста П.М. Алейникова (1961), В.С. Высоцкого и М. Влади на теплоходе “Шота Руставели” (1960-е годы), И.Л. Андрионикова (1981), других деятелей культуры. Несколько ед.хр. содержат фотоснимки памятных мест, связанных с жизнью участников революционного движения: В.И. Ленина, А.Н. Винокурова, других государственных деятелей; фотоснимки надгробий борцам за Советскую власть, воинам Советской Армии. В фонде имеются дружеские шаржи (подлинники и ксерокопии) В.А. Кондратьева на директора МГИАИ А.С. Рослову, профессоров и преподавателей института – Б.С. Илизарова, Т.П. Коржихину, П.П. Смирнова, Н.В. Устюгова, А.В. Чернова.

Документы личного фонда д.и.н., профессора В.А. Кондратьева, несомненно, представляют интерес для историков, журналистов, краеведов, архивистов, музейных работников, биографов, исследователей жизни и творчества ученого.

Е.Л. Немировский

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ СТАРОПЕЧАТНОЙ КИРИЛЛОВСКОЙ КНИЖНОСТИ

В 2000–2001 гг. появились две библиографические работы – каталог новых поступлений в Научную библиотеку МГУ и каталог собрания Московской духовной академии¹, а также сборник статей и публикаций о Москов-

¹ *Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М.* Кириллические издания. XVI век – 1641 год: Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000. 417 с.; *Поздеева И.В., Дадыхин А.В.* Бесценное духовное наследие. Кириллические рукописи XV–XVII вв. и печатные книги XVI–XVII вв. библиотеки Московской Духовной академии и семинарии: Предварительный список. М., 2000. 141 с.

ском печатном дворе². Все они связаны с именем Ирины Васильевны Поздеевой, хорошо известной археографам. Ее успехи в области полевой археографии нередко порождали противоречивые суждения о том, что она нарушает никем не подписанную “конвенцию”, негласные “сферы влияния”. Однако официальные координаторы полевых работ никогда не фиксировали какие-либо нарушения “границ” экспедициями МГУ, “освоившими” ранее других очень большие территории, часть которых затем была передана другим полевым коллективам, как, например, уральскому и нижегородскому, в значительной степени подготовленным именно учеными МГУ. Так или иначе, но ее стараниями неординарное, но количественно весьма скромное собрание рукописей и старопечатных книг Научной библиотеки Московского университета было превращено в первоклассное.

Старопечатная часть этого собрания была описана в 1980 г., когда Ирина Васильевна Поздеева и ее ученицы Инна Даниловна Кашкарова и Мая Михайловна Леренман выпустили “Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки Московского университета”. Это был своеобразный прорыв в интересующей нас области. В изданных в 1950–1960-х гг. и ставших уже классическими каталогах А.С. Зерновой и Т.А. Быковой наличие экземпляров книг в той или иной библиотеке только указывалось. О количестве их библиографы умалчивали. Не сообщались ни шифры, ни инвентарные номера. И.В. Поздеева возродила практику старых книгоописателей, таких, как А.С. Родосский. Она подробно описывала все экземпляры изданий, имевшихся в книгохранилище, приводила сведения об их комплектности, о переплетах, публиковала записи, сделанные на их страницах прежними владельцами и читателями. И впервые в славяно-русской библиографии сообщала шифры и инвентарные номера.

Впоследствии И.В. Поздеева станет энтузиастом и пропагандистом поэземплярного описания старопечатных изданий и посвятит этому вопросу несколько весьма интересных статей³. Это было нелегко, ибо среди библиотечкарей немало было, так сказать, принципиальных противников поэземплярного описания. Более того, существовала практика комплектования полных экземпляров старопечатных изданий из нескольких некомплектных, попавших в библиотеку. То, что при этом нарушалась первозданность экземпляра, библиотечкарей не смущало.

В дальнейшем Ирина Васильевна подробно опишет и некоторые другие собрания, как отечественные, так и зарубежные. Назовем прежде всего превосходную коллекцию, собранную москвичом Михаилом Ивановичем Чувановым (1894–1988)⁴. В 1996 г. вышел в свет каталог кирилловских изданий Нью-Йоркской публичной библиотеки, составленный Ириной Поздеевой вместе с Зорой Кипель⁵.

В первом каталоге Научной библиотеки МГУ (изд-е 1980 г.) было описано 683 экземпляра кирилловских изданий XV–XVII вв. В новом каталоге, который содержит данные о поступлениях 1971–1993 гг., приведены сведе-

² Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001. 543 с.

³ См., например: Поздеева И.В. Ранняя кириллическая книга: Историко-культурное значение поэземплярного описания // Solanus. International Journal for Russian and East European bibliographic, Library and publishing studies. New series, 1996. Vol. 10. P. 131–169.

⁴ См.: Поздеева И.В. Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова. М., 1981.

⁵ См.: Pozdeeva I.V., Kipel Z.Z. Church Slavonic, Glagolitic, and Petrine civil script printed books in the New York Public Library. A Preliminary catalog. N.Y., 1997.

ния о 374 экземплярах изданий 1553–1641 гг. В настоящее время И.В. Поздеева и ее ученики работают над второй частью, где предстоит описать издания 1642–1700 гг. Всего же к началу 1993 г. фонд кирилловских изданий XV–XVII вв. Научной библиотеки МГУ археографы пополнили 675 новыми поступлениями. Это число наглядно свидетельствует о плодотворности археографических поисков: за 23 года в Библиотеку поступило почти столько же экземпляров кирилловских изданий, сколько за 200 с лишним предыдущих лет.

Среди новых поступлений немало редчайших изданий, например, так называемая среднешрифтная Псалтырь, которую составители датируют 1559–1560 гг., известная ранее всего в четырех экземплярах. Ныне в Научной библиотеке МГУ есть все издания первой московской, так называемой Анонимной, типографии, за исключением широкошрифтной Псалтыри и Триоди цветной, сохранившейся лишь в небольших фрагментах. До начала археографических поисков этих изданий в библиотеке их вообще не было.

Среди других редкостей – два московских Часовника 1632 г., Псалтырь около 1629 г., представленная тремя экземплярами, и многое другое.

Описания экземпляров в новом каталоге подробны и обстоятельны. Приводятся, например, записи, сделанные на их страницах прежними владельцами и читателями. Принципиально важно, что во всех описаниях, подготовленных учеными МГУ, всегда сохраняется орфография оригинала всех записей. Всего таких записей в каталоге приведено более 1 тыс. (причем, только точно датированных – 422). Жаль, что они не передаются полностью в оригинальной кирилловской графике, ведь современная компьютерная техника позволяет легко это сделать.

Совершенно новый элемент библиографического описания – сведения об изданиях, извлеченные из архива Приказа книг печатного дела. Здесь приведены имена наборщиков и печатников, работавших над изданием, сведения о тиражах, себестоимости, цене и др. Всячески похвал заслуживает тщательно продуманный научный аппарат каталога, который включает список сокращений, указатели названий и авторов книг, имен владельцев книг и лиц, упомянутых в записях, названий мест, монастырей и церквей, датированных записей, записей с указанием цен, рукописных вставок. Публикуются (в виде таблиц) и конкордации, т.е. сопоставление порядковых номеров изданий, описанных в каталоге, с номерами описаний этих же изданий в 30 вышедших ранее каталогах. На наш взгляд, указатели имен, упомянутых в описании изданий, и имен владельцев книг и лиц, упомянутых в записях, могли бы быть и объединены. Жаль, что в именных указателях не представлены имена исследователей, изучавших старопечатные книги. Они имеются во множестве в каталоге.

Сведения о более ранних описаниях и упоминаниях изданий и самом каталоге минимальны и ограничены одной-двумя отсылками. Таких отсылок могло быть, несмотря на конкордации, значительно больше. Отсутствуют, например, отсылки к трудам И.П. Каратаева и В.М. Ундольского, которые можно найти почти в каждом каталоге старопечатных изданий.

Заметим, что труд И.В. Поздеевой и ее коллег значительно бы выиграл, если бы был обогащен иллюстрациями.

Второй каталог, о котором мы хотим рассказать, знакомит нас с фондами Библиотеки Московской Духовной академии и семинарии. У этой библиотеки была трудная судьба. Основанная в 1814 г., она в 1919 г. была закрыта. Часть фондов передали Московскому публичному и Румянцевскому музею, часть же вообще разошлась по рукам и погибла. Новую библиотеку Духов-

ная академия начала создавать на пустом месте. И можно только удивляться, что за сравнительно короткий срок удалось собрать 94 рукописи и 546 печатных книг XV–XVII вв., которые и зарегистрированы в каталоге. Впрочем, о каталоге говорить не приходится. Составители скромно именуют свою работу “предварительным списком”. Речь, по сути дела, если говорить о старопечатной книге, идет о печатном охранном инвентаре, содержащем минимальные сведения о представленных в нем изданиях. Есть здесь и ошибки, и опечатки. Так, например, Минея общая, зарегистрированная под № 41, вышла в свет не 6 сентября, а 6 ноября 1609 г., а Минея служебная на август (№ 95, 96) – не 1, а 8 июня 1630 г. Описания изданий размещены в инвентаре в хронологическом порядке – в соответствии с датой их выхода. Но этот порядок иногда нарушается. Так, библиографическое описание поучительных слов Ефрема Сирина, вышедших в августе 1667 г., помещено ранее, чем описание книги “Меч духовный” Лазаря Барановича, изданной в 1666 г., Триодь цветная 1680 г. описана дважды – на страницах 98 и 99. То же можно сказать о Минее служебной на октябрь в издании 1690 г. Аналогичная ошибка сделана и при описании Миней служебной на июль в издании 1691 г. (ср. № 496 и 528). Такие ошибки, впрочем, неизбежны в библиографических работах большого объема.

Для нашей темы представляет интерес и изданная в 2001 г. монография, а точнее – сборник исследований и публикаций, в котором помещены работы И.В. Поздеевой, В.П. Пушкова и А.В. Дадыкина. Сборник посвящен издательской деятельности Московского печатного двора с 1618 по 1652 г. Сразу скажем, что период, на наш взгляд, установлен несколько искусственно. Авторы мотивируют избранные ими границы тем, что в 1618 г. Московский печатный двор был восстановлен после пожара, а в сентябре 1652 г. начался новый период в его деятельности, связанный с известными реформами патриарха Никона. Говоря о нижней границе, нужно сказать, что пожар уничтожил документацию Печатного двора за весь более ранний период. Однако материалы о его деятельности могут быть найдены, например, в архиве Оружейной палаты, где сохранились сведения о выплате жалования типографам. Впрочем и сами авторы нарушают избранную ими нижнюю границу, когда публикуют в первом разделе материалы Стоглава, “Сказание известно о воображении книг печатного дела” и послесловия московских изданий 1564–1615 гг. Упрекать их в этом не приходится, ибо все это только на пользу.

В первом разделе сборника помещены исследования И.В. Поздеевой “Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII века”, В.П. Пушкова “Деятельность Московского печатного двора по распространению духовной литературы в 7145 (1636/37) году” и А.В. Дадыкина “Производство и распространение первых двух изданий Пролога на Московском печатном дворе”. Здесь же совместная работа всех трех авторов “Документы Архива Приказа книгопечатного дела как исторический источник”. В статье приведена история изучения этого богатейшего архивного фонда. Заметим, между прочим, что учреждение, об архиве которого идет речь, именовалось в документах чаще Приказом книг печатного дела, а несколько реже – “книгопечатного дела”. О важности фонда для истории русской культуры и о плодотворности его изучения дают представление названные выше исследования, которые содержат богатейший фактический материал, в большинстве своем впервые вводимый в научный оборот.

В исследовании И.В. Поздеевой помещен список изданий Печатного двора за 1615–1652 гг. с указанием себестоимости и цены этих изданий, а также их тиража. Все это установлено на основе архивной документации. Ценность

списка, насчитывающего 75 позиций, в том, что в нем отражены издания, до наших дней не дошедшие. Ни в одном из библиографических указателей сведений об этих изданиях мы, естественно, не найдем. Это лишь те издания, которые, по словам автора, “использовались для обучения”. Все-таки жаль, что в список не включены все 283 издания этого периода, учтенные в рецензируемом томе. К слову говоря, в известном сводном каталоге А.С. Зерновой “Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках” (М., 1958), который и сегодня служит основным пособием для всех, работающих в этой области, описано лишь 215 изданий, вышедших в 1615–1652 гг.

Предпринятый И.В. Поздеевой и ее коллегами тотальный и тщательный просмотр документации Московского печатного двора, хранящейся в РГАДА, позволил установить, что Часовники и Псалтыри учебные издавались в Москве значительно чаще, чем это ранее считалось – по два-три раза в год.

Раздел “Публикации” рецензируемого сборника открывается статьей И.В. Поздеевой, поясняющей принципы передачи текстов, воспроизведенных ниже. Прежде всего это тексты, освещающие начало и становление книгопечатного дела в Москве. Здесь, как мы уже говорили, собраны в основном послесловия и предисловия московских изданий с 1564 по 1652 г. В большинстве своем они уже публиковались, причем неоднократно. А вот материалы остальных подразделов, как правило, публикуются впервые. Это документы Приказа книг печатного дела о строительстве и ремонте зданий типографии, об организации работы Приказа и типографии, о положении мастеровых людей и их окладах, о распространении изданий по городам и всям Московского государства. Отдельно выделены документы о типографии Василия Федорова Бурцова, который памятен нам изданием первых московских Азбук. Мы пожалели, что в этом разделе нет документов о взаимоотношениях Бурцова с белорусско-украинским типографом Спиридоном Соболевом, которые хранятся в том же РГАДА, но в фонде “Приказные дела старых лет”.

Тщательное изучение архивной документации позволило авторам сборника составить помещенные в приложениях справочные материалы, значение которых для будущих исследователей трудно переоценить. Это, в первую очередь, список подьячих, справщиков, мастеровых людей и сторожей Московского печатного двора в 1614–1652 гг. Резюмируя, скажем, что все три издания, о которых шла речь в этой рецензии и появление которых связано прежде всего с именем И.В. Поздеевой, – незаурядное явление в отечественной археографии, да и в нашем книговедении, в котором давно уже не было столь основательных и тщательно подготовленных трудов.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Г.Я. ТАРЛЕ

1959

Развертывание технической учебы рабочих в тяжелой промышленности СССР в конце 1935 – начале 1936 г. // ТМГИАИ. М. Т. 10. С. 56–73.

Ранние опыты организации собирания материалов по истории фабрик и заводов // ИСССР. № 2. С. 170–172.

1960

Собирание документальных материалов по истории народного хозяйства СССР в 1917–1931 гг. // ИА. № 1. С. 170–172.

1961

Гарольд Вэр – друг Советской России // ИСССР. № 4. С. 122–131.

Источниковедческий анализ некоторых делопроизводственных материалов ВСНХ // ТМГИАИ. М. Т. 16. С. 133–158.

Подг. публ.: Деятельность “Автономной индустриальной колонии Кузбасс” и ее оценка в документах СТО СССР (1922–1926) // ИА. № 3. С. 132–165. Совм. с Э.Б. Генкиной.

Подг. публ.: О помощи трудящихся зарубежных стран советскому сельскому хозяйству (1921–1925 гг.) // ИА. № 4. С. 51–77. Совм. с М.И. Рыбинским.

1962

Языком цифр // Правда. 30 дек. Без подписи.

1963

Страницы истории пролетарской солидарности [О хозяйственной помощи зарубежных рабочих Советской России] // ВИ. № 7. С. 204–210.

1964

Об участии рабочих организаций США в восстановлении народного хозяйства Советской России в 1921–1925 гг. // Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI–XX вв.: Сб. статей к 80-летию акад. И.М. Майского. М. С. 282–296.

1965

Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР (1920–1925): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 19 с.

1966

Советский рабочий класс в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата и восстановление народного хозяйства в 1921–1923 гг. // Новейшая история международного рабочего движения. Макет. М. Т. 1. Ротапринт.

1967

Возникновение новых форм международной пролетарской солидарности (производственно-техническая помощь советскому народному хозяйству) // Материалы ученых СССР на Научной сессии “Международное значение Октябрьской социалистической революции”. М. С. 3–15.

Производственная иммиграция в Советскую Россию – одна из форм международной пролетарской солидарности // Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М. С. 329–340.

Развитие союзного Советского государства в 1923–1925 гг. // История СССР с древнейших времен до наших дней. М. Т. 8. С. 117–133. Совм. с С.Л. Рониным, А.И. Нусупбековым, С.И. Якубовской.

Интернациональные связи трудящихся СССР // Там же. С. 246–256.

От имени Революции [О работе американского тракторного отряда во главе с Г. Вэром в совхозе “Тойкино” Пермской обл. 1922 г.] // Смена. № 7. С. 3.

Ред.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М. Т. 8, гл. 5, 6, 8, 13. С. 215–308, 363–392, 631–680.

1968

Друзья Страны Советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг. / Отв ред. Э.Б. Генкина. М. 371 с., ил.

Рец.: Коган Я. // Кузбасс. 1968. 25 авг.; Рейхберг Г.Е. // ВИ. 1969. № 175–177; Шерстобитов В.П. // ИСССР. 1969. № 1. С. 149–151.

Три письма В.И. Ленина в Америку // АЕ за 1966 год. М. С. 154–161.

1970

Ленин пишет в Америку [О благодарственном письме В.И. Ленина “Обществу друзей Советской России” 20 октября

1922 г. за тракторный отряд, присланный американскими рабочими в помощь советскому сельскому хозяйству] // *Знание – сила*. № 4. С. 36–38.

Рец. на кн.: Genkina E.B. State activities of V.I. Lenin // *Social sciences*. Vol. 1. P. 180–181. То же на фр., исп. яз.

Рец. на кн.: Иоффе А.Е. Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза (1928–1932). М., 1969 // *ИСССР*. № 3. С. 164–165.

1972

Советская историческая литература об интернациональных связях советских трудящихся (1921–1925 гг.) // *Строительство советского государства: Сб. статей к 70-летию Э.Б. Генкиной*. М. С. 227–247.

Член редкол.: Строительство советского государства: Сб. статей к 70-летию Э.Б. Генкиной. М. 304 с.

1973

Рец. на кн.: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики. М., 1971. 288 с. // *ВИ*. № 7. С. 152–155.

1977

Новые книги об интернациональных связях трудящихся страны Советов в 1917–1928 годах // *ИСССР*. № 2. С. 141–150.

Международная пролетарская солидарность с Советской Россией в 1917–1937 гг. (историографический обзор) // *ИЗ*. Т. 98. С. 190–237.

American communes in Soviet Russia // *Soviet Life*. N 8. P. 40–43, 51.

1979

Основные формы интернациональной деятельности советской общественности в борьбе за мир на современном этапе // *Общественно-политические проблемы истории развитого социализма*. М. С. 306–337.

Эсфирь Борисовна Генкина [некролог] // *ИСССР*. № 1. С. 251–252. Совм. с А.Л. Нарочницким, Ю.А. Поляковым.

1980

Международная деятельность советской общественности на современном этапе // *ВИ*. № 2. С. 3–16.

1981

Конституция СССР 1917 г. и мировое общественное мнение // *Конституция разви-*

того социализма: исторические предпосылки и значение. М. С. 258–276.

Победа Великой Октябрьской революции и строительство социализма в СССР – решающий фактор мирового исторического развития // *От капитализма к социализму: Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917–1937 гг.* М. Т. 1, гл. X. С. 448–491.

Строительство социализма в СССР и международный пролетариат // *Там же*. Т. 2, гл. X. С. 355–392.

Использование иностранных специалистов и научно-технического опыта развитых капиталистических стран в строительстве социализма в СССР / М. АПН (на 4-х языках).

Интернациональная помощь трудящихся зарубежных стран строительству социализма в СССР в 20–30-е годы // *Экономическая политика переходного периода в СССР. Проблемы методологии и истории*. М. Т. 1. С. 64–67.

1982

Рец. на кн.: Международная солидарность трудящихся. 1917–1923. Киев, 1978; Движение международной солидарности трудящихся. 1924–1932. Киев, 1980 // *ННИ*. № 1. С. 179–182.

1984

Сторонники мира – против “холодной войны”, против атомного вооружения (1949–1954 гг.) // *Летопись борьбы за мир: Движение сторонников мира в Советском Союзе (1949–1984)*. М. Гл. 1. С. 13–33.

Борьба за смягчение международной напряженности, за прекращение ядерных испытаний (1955–1963) // *Там же*. Гл. 2. С. 34–66.

1985

Антивоенное движение советской общественности (конец 40-х – середина 80-х гг.) // *ВИ*. № 12. С. 3–20.

1986

Борьба за мир – форма политической активности советского народа // *Развитый социализм: вопросы теории и истории: Сб. статей*. М. С. 203–213.

Рец. на кн.: Проти фашизму та війни. Антифашистський конгрес діячів культури у Львові у 1936 р.: Зб. док. і матеріалів. Київ, 1984. 351 с. // *ВИ*. № 5. С. 131–132.

- Возникновение и первые шаги всемирного движения сторонников мира (1948–1954 гг.) // Всемирное движение сторонников мира: Даты. События. М. Гл. 1. С. 17–55.
- Борьба за смягчение международной напряженности, за прекращение ядерных испытаний (1955–1963 гг.) // Там же. Гл. 2. С. 56–100.
- Eine schweizerische Kommune in einem russischen Dorf // Sowjetunion heute. № 12. S. 60–61.
- Сост.: Миф о Стране Советов, 1917–1987. М. С. 21–124.
- Рец. на кн.: Schneider B. Schweizer Auswanderer in der Sowjetunion: Die Erlebnisse der Schweizer Kommunisten im revolutionären Russland (1924–1930). Schaffhausen, 1985. 157 S. // ВИ. № 4. С. 160–163. Совм. с И.К. Эльдаровой.

1988

- Движение сторонников мира в СССР / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М. 235 с.
- Рец.: Гроссман А.С. // ИСССР. 1990. № 1. С. 191–194.
- Рабочая реэмиграция в Советскую Россию после победы Октябрьской революции (1917–1925 гг.) // Проблемы взаимодействия социальной структуры и воспроизводства населения в России и СССР: Тез. докл. и сообщ. VI Всесоюз. конф. по исторической демографии и исторической географии. Таллин, 17–20 октября. М. С. 73–74.

1989

- Роль советской общественности в борьбе за мир (1945–1985): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 47 с.

1990

- Рабочая реэмиграция в Советскую Россию после победы Октябрьской революции // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения: Сб. статей. М. С. 126–135.

1991

- 90-летие Э.Б. Генкиной // ИСССР. № 5. С. 215–217.
- Реэмиграция в Советскую Россию 1917–1925 гг. (Постановка проблемы) // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по демографии (Донецк, 14–16 мая 1991 г.). М. Ч. 1. С. 96–97.

- Васькино // История сел и деревень Подмосковья XIV–XX вв. М. Вып. 3. С. 84–90. Совм. с А.М. Прокиным.
- История российского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы // Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. статей / Ред. Ю.А. Поляков. М. С. 14–24.
- Российское зарубежье и Родина. М. 98 с.
- Рец.: Селунская В.М. // ОИ. 1993. № 4/5; Игрицкий Ю.И. // ВИ. 1996. № 9.
- Рец. на кн.: Башмакофф Н., Лайнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939. По печатным материалам, воспоминаниям и рассказам русских. Ч. I. [Studia Slavica. Finlandensia. Helsinki, 1990. Т. VII. Р. 1–100] // ОИ. № 4. С. 193–196.
- Ред.: Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. статей. М. 104 с. Совм. с Ю.А. Поляковым.

1994

- Документы по истории американского тракторного отряда в Пермской губернии (1922–1923) // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.: Пенза. С. 161–166.
- Задачи изучения истории российского зарубежья (Заседание “круглого стола” в Институте российской истории РАН) // ОИ. № 1. С. 217–218.
- История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М. Кн. 1. С. 16–24.
- Ученый-аналитик (К 90-летию со дня рождения Э.Б. Генкиной) // АЕ за 1991 год. М. С. 145–149. Совм. с В.П. Дмитриенко.

1995

- Научный симпозиум по проблемам истории адаптации российских эмигрантов // ОИ. № 5. С. 198–200.
- Рец.: Каким же было советское государство? [Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 – декабрь 1991). М. 418 с.] // Кентавр. № 4. С. 155–160.

1996

- Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. // История российского зарубежья. Проблемы адаптации эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. статей. М. С. 19–33.
- Чл. редкол.: История российского зарубежья. Проблемы адаптации эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. статей. М. 174 с.

1997

Источники и историография по проблеме адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках // ОИ. № 4. С. 202–205. Совм. с В.П. Телицыным.

Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года (Анализ источников) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. статей. М. С. 31–62.

Ред.: Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. статей. М. 191 с. Совм. с Ю.А. Поляковым.

1998

Источники разработки нормативных документов по истории иммиграции и реэмиграции в Россию. Ч. 1: 1917–1921 // АЕ за 1996 год. М. С. 143–161.

1999

Общественные организации выходцев из России в Северной Америке в исторической литературе // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): Сб. статей. М. С. 9–25.

Ред.: Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.): Сб. статей. М. 269 с. Совм. с Ю.А. Поляковым.

Конференция в Москве: “Российская диаспора в XIX–XX вв.: Выживание или исчезновение?” (20–21 апреля 1999 г.) // Диаспоры. Независимый научный журнал. М. № 2/3. С. 304–311.

Российская эмиграция в 1940–1950-е годы // Россия и современный мир. № 3(24). С. 108–139.

2000

Об источниках по истории российской эмиграции 1980-х годов // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М. С. 219–221.

Российская диаспора: Выживание или исчезновение? // Вестн. РАН. М. Т. 70. № 1. С. 79–81.

2001

Изучение истории адаптации российских эмигрантов // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М. С. 65–77.

Член редкол. Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова. М. 334 с.

Судьбы российских эмигрантских диаспор в годы II мировой войны // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сб. статей. М. С. 71–90.

Сост.: Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сб. статей. М. 331 с.

Ред.: То же. Совм. с акад. РАН Ю.А. Поляковым

Статьи в энциклопедиях

Помгол // СИЭ. 1968. Т. 11. С. 395–396.

Помгол // БСЭ. 1975. Т. 20. С. 342.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ЗАПИСКА ГРАФА С.Д. ШЕРЕМЕТЕВА ОБ ИСТОРИИ ОСТАФЬЕВСКОГО АРХИВА КНЯЗЕЙ ВЯЗЕМСКИХ

Публикуемая собственноручная записка графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918) отложилась в его фонде в РГАДА.

В 1868 г. С.Д. Шереметев женился на княжне Екатерине Павловне Вяземской (1849–1929) – дочери князя Павла Петровича Вяземского (1820–1888), внучке поэта, князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878). Таким образом, С.Д. Шереметев породнился с обедневшей, но славной литературными традициями и преданиями семьей Вяземских и бывал в их знаменитой усадьбе Остафьево в Подольском уезде Московской губернии. С.Д. Шереметев дорожил не только семейными связями, но и разделял литературные и научные пристрастия старшего поколения Вяземских. По инициативе князя Петра Андреевича было основано Русское историческое общество, членом которого стал С.Д. Шереметев. Князь Павел Петрович создал и возглавил Общество любителей древней письменности, а после его смерти председателем ОЛДП стал С.Д. Шереметев. Он издавал Собрания сочинений П.А. и П.П. Вяземских.

С.Д. Шереметев проявлял интерес к Остафьевскому архиву, но не встретил понимания нового хозяина Остафьева, князя Петра Павловича Вяземского (1854–1931). Его отец, Павел Петрович, провел последние годы жизни во флигеле Фонтанного дома Шереметевых в Петербурге. Уйдя в отставку по болезни в 1883 г., он стал чаще бывать в Остафьево и занимался благоустройством имения. Петр Павлович Вяземский после смерти отца жил в Петербурге, в 1894 г. он начал переговоры о продаже Остафьева. В записке нет речи о покупке С.Д. Шереметевым Остафьевского архива, но через несколько лет Сергею Дмитриевичу удалось склонить свояка продать ему это документальное собрание, перевезенное в главную летнюю резиденцию С.Д. Шереметева – усадьбу Михайловское, в 20 км от Остафьева. В конце 1890-х годов С.Д. Шереметев приобрел в собственность и саму усадьбу Остафьево, превратив ее в один из первых частных музеев в России. Он завещал Остафьево своему сыну, Павлу Сергеевичу Шереметеву (1871–1943), названному в честь князя П.П. Вяземского и унаследовавшему поэтический талант и художественный вкус. После 1917 г. П.С. Шереметев продолжал работать в музее-усадьбе Остафьево.

По всей вероятности, публикуемая записка предназначалась для императора Александра III (1845–1894), сыгравшего решающую роль в переходе Остафьевского архива в руки С.Д. Шереметева, о чем он писал в мемуарах. «По поводу продажи Остафьевского архива у меня был знаменательный разговор с Государем, – вспоминал граф Сергей Дмитриевич. – Он выразился с удивлением и неодобрительно о решении Петра [Павловича] Вяземского и расспрашивал у меня о подробностях, зная, что я сам готов был купить

архив как семейное достояние. При этом Государь выразил желание в случае состоявшейся покупки перепродать этот архив мне, зная, насколько я им дорожу. Такой оборот дела был для меня столь же неожидан, сколько и дорог. Государь соглашался покупать с тем, чтобы за ту же цену уступить его мне! Это прием небывалый и опять-таки характеризующий Государя. Он знал о натянутых отношениях моих к Вяземскому, о том, что последний, словно умышленно, предпочитал сплавить архив в посторонние руки; но он признавал архив семейным достоянием моих детей и потому допускал покупку при условии перепродажи законным наследникам. Совершенно неожиданно Вяземский согласился продать весь архив мне лично, и Государю не пришлось привести в исполнение своего намерения. Он расспрашивал меня о содержании архива и разрешил мне представлять ему на просмотр наиболее любопытные документы. Разговор с Государем был откровенен, но могли я говорить ему иначе? В разное время доставлял я ему различные стихотворения, ему не известные, большею частью не напечатанные. Так, в руках его были “диссонансы” Б. Алмазова, стихотворения Соболевского и проч. По мере выхода в свет подносил я ему Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. Он дорожил памятью о нем и нередко вспоминал о разговорах с ним. Издания Общества любителей древней письменности также подносились ему»¹.

“Записка” комментирует переход из рук в руки Остафьевского архива, показывает отношения ОЛДП и С.Д. Шереметева с наследником князей Вяземских, при котором архив оставался неразобраным и неопианным. ОЛДП проявило инициативу в создании описи, необходимой для полного издания наиболее ценных архивных документов. В настоящее время основная часть бывшего Остафьевского архива хранится в РГАЛИ.

Л.И. Шохин

Судьба Остафьевского архива

Долгом считаю разяснить положение мое как председателя Императорского Общества любителей древней письменности по вопросу об издании полного Собрания сочинений князя Павла Петровича Вяземского¹ – основателя Общества...^{1*}

Для сего я должен несколько обратиться назад. Последнее свидание мое с умирающим почти князем глубоко врезалось мне в память, как и все предшествовавшее и сопровождавшее последнюю его болезнь. С трудом переводя дыхание, он сказал мне между прочим, что весь архив свой он перевел в Остафьево². Объясню себе эти слова не иначе, как желанием, чтобы я знал, что драгоценное наследие князя Петра Андреевича, значительно им самим пополненное, находится **в надежном месте**^{2*}. Что сказал он это мне объясняется тем, что ему слишком хорошо известно было участливое мое отношение к этому драгоценному^{3*} собранию, с которым он лично меня познакомил, заставляя меня не раз прочитывать громко на своих вечерах более любопытные и важные документы. Это было вполне естественно и совершенно просто.

После кончины его я не мог не заметить с грустью, что преемственная нить традиционных семейных литературных интересов круто оборвалась. Стали заметны признаки не только ревнивого оберегания в смысле матер[иальной] ценности, но полного равнодушия относительно содержания архива. Все это еще может быть объяснимо как личностными свойствами, так и круглым невежеством. Но как объяснить пренебрежительно-высокомерное отношение к трудам нескольких поколений, к которым с цинизмом относились как к дребедени... Лично для меня все это, однако же, не касалось, за исключением вопро-

¹ Мемуары графа С.Д. Шереметева / Публ. Л.И. Шохина. М., 2001. С. 573. Воспоминания датируются 1890-ми – 1915 гг.

^{1*} Здесь и далее – авторское многоточие.

^{2*} Здесь и далее выделенные слова подчеркнуты в тексте.

^{3*} Далее зачеркнуто историко-литературному.

са о 12 томе совершенно приготовленного к печати полного собрания соч[инений] князя Петра Андреевича³, попавшего в Остафьево вместе с бумагами архива и мною лично издаваемого. Все усилия мои выручить этот 12 том, заключающий в себе лучшие стихотворения князя последних годов, остались тщетными... Самый способ объяснений и переговоров по этому поводу отличался изумительным неприличием... Ясно было видно нежелание продолжать полное собрание... На время я считал вопрос этот неразрешимым. Зимой 1890–91 года от лица Общества древней письменности сделано было обращение к нын[ешнему] владельцу с. Остафьева князю Петру Павловичу Вяземскому о напечатании “на счет общества” трудов князя Павла Петровича, напечатанных им при жизни и разбросанных в разных периодических и малодоступных изданиях. Общество обратилось к князю Вяземскому, их литературному собственнику, за его согласием.

В ответ на это предложение последовало письмо князя Петра Павловича, в котором он не только выражает согласие на напечатание в одной книге всего, при жизни его отца изданного, но предлагает дополнить оное ненапечатанными его рукописными трудами, хранящимися в архиве с. Остафьева. Такое неожиданно благоприятное предложение было обсуждено в Комитете Общества, вследствие чего избрана комиссия (здесь и далее так в тексте. – Л.Ш.) в составе трех лиц: Н.П. Барсукова⁴, П.Н. Тиханова⁵ и Х.М. Лопарева⁶... Комиссия, обсудив вопрос, пришла к заключению, что для полного собрания сочинений князя Павла Петровича необходимо прежде всего ознакомиться с полным составом его трудов, а так [как] они хранятся в Остафьево среди массы другого рукописного материала, находящегося в беспорядке и не описанного, то в интересах издания желательно было бы получить разрешение владельца для допущения одного из членов комиссии, а именно П.Н. Тиханова, к составлению подробной описи всех бумаг Остафьевского архива. Комиссия полагала, что этим самым не только ускорит издание, но и достигнется и другая цель, в хозяйственном отношении даже существенная, именно опись документам и бумагам архива. Ввиду того, что Общество готово было взять расходы по составлению описи на себя, являлся только вопрос о допущении того или другого лица, о предоставлении ему небольшого помещения в Остафьево и об обеспечении его продовольствия (так в тексте. – Л.Ш.). Общество ни в каком случае не полагало, чтобы в этом предложении могло бы заключаться что-либо оскорбительное для владельца. По имеющимся данным, оно вправе было предполагать, что оно тем самым идет навстречу желанию владельца, ввиду высказанного когда-то, в течение этого года, со стороны поверенного его В.И. Финка, лица, пользующегося особенным его доверием, желания привести для хозяйственных целей все бумаги архива в порядок, хотя бы для того только, чтобы знать, чем владеет^{4*}... Постановление комиссии было приложено к предложению со стороны комитета Общества, за подписью И.В. Помяловского⁷, П.И. Савваитова⁸ и председателя, и доставлено князю Петру Павловичу. Ответа не последовало.

Между тем, ввиду предстоящего на Пасхе общего собрания Общества, необходимо было этот вопрос выяснить. Напрасно ожидал я ответа в течение недели. Тогда я решил написать частное письмо В.И. Финку, почтя его солидарным в принципе с мыслью об описи архива. Но в письме своем я только просил его напомнить Петру Павловичу об ответе. На мое письмо получил я от В.И. Финка ответ, начинающийся странным оборотом, что «по-видимому, князь Петр Павлович “ничего не имеет против” издания Обществом полного собрания сочинений князя Павла Петровича». Это “ничего не имеет против” довольно своеобразно в деле, где идет речь об издании сочинений отца – созданным им же обществом. Далее говорилось в письме, что Петр Павлович лично будет со мною говорить.

На следующий день он действительно явился к обеду, но и после него долго не приступал к разговору. Наконец, как бы случайно, развалясь в моем кресле и не оборачивая головы, развязно-небрежным тоном как бы невзначай заговорил о получении им бумаги, и с первых же слов категорически заявил, что он не может **кого-либо** допустить в Остафьево для описи архива... Что эту работу может предпринять только он сам, но что вместе с тем у него нет времени для Остафьева. Что он мог бы согласиться, но только в своем присутствии, допустить Н.П. Барсукова, но не более как дней на пять... Тогда я понял, что всякие объяснения и разъяснения излишни. Я понял, впрочем, не впервые, что имею [дело]

^{4*} При этом В.И. Финк указывал как на желательное лицо для составления описи Х.М. Лопарева. – *Примеч. авт.*

не только с умственно убогим, но и безнадежно невежественным человеком, и поспешил заявить, что ввиду всего этого можно почитать дело законченным. Такое заявление принято им с неподдельным удовольствием. Оставалось после того выяснить, как он смотрит на издание Обществом напечатанных трудов своего отца. “Я против этого ничего не имею”, – сказал он. Таким образом, как говорят французы, “l’incident est clos”^{5*}.

Действительно, инцидент сей закончен. По крайней [мере], я его считаю безнадежно решенным и дело это потерянным. Странное недоразумение. Отказ является в такой форме, что не хотят сделать мне **одолжения**... Но напроно будем ожидать здесь тонкого понимания не только оттенков деликатности, но самых обыкновенных условий приличия. Нет сомнения, что это последнее мое объяснение с потомком князей Вяземских.

Неужели же нет малейшего желания прочесть то духовное наследие, что оставлено в наследство, ознакомиться с результатами, добытыми духовным даром, трудом и усилиями, а тем более, когда это достояние имеет живую связь с семьею, которая и литературой, и именами, дорогими каждому русскому; когда с этим последним неразрывно связаны имена Пушкина, Карамзина, Жуковского, Дмитриева и стольких других, не говоря уже о родном деде, князе П.А. Вяземском, и о достойном его продолжателе, и когда этот продолжатель и охранитель заветной семейной и общественной святыни – родной отец?..

Вот он, настоящий, мрачный и дикий нигилизм. И когда он проявляется с таким цинизмом в высших кругах общества, он безобразнее для меня во сто раз в сравнении с проявлениями известного нигилизма в среде бедняков – забытых и загнанных судьбою, которым терять нечего и для которых будущность безотраднa... И как понятны становятся слова негодования, вылившиеся в благородной душе Лермонтова по поводу суждений о Пушкине. Он близко знал эту презренную, ничтожную среду, и он бросил ей в глаза свой “железный стих”:

Но есть и Божий суд, наперсники разврата,
Есть грозный суд – он ждет, он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Напрасно вы тогда прибегнете к злословью,
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!..⁹

Остается только выразить сожаление, что надолго, если не навсегда, сокрыто будет (если не будет предано уничтожению) собранное преемственным рядом любящих и даровитых поколений. Остафьевский архив – не есть только семейное достояние, он имеет значение общественное. Здесь сходятся сложные нити отражений тех звезд “разрозненной плеяды”, о которых вспоминал Баратынский. Здесь и драгоценные бумаги, собранные князем Павлом Петровичем, и его собственные труды... Когда человек умирает и оставляет завещание, то прочтение этого завещания становится обязательным. То же повторилось и здесь... Имущество материальное^{6*}, имущество должно сделаться достоянием наследников... Но есть имущество и **духовное**... Есть предания и обязательства, связанные с именем и с родом. Можно быть невежественным и необразованным человеком, но не быть лишенным внутреннего чутья и чувства долга. Напрасно будем искать этой стороны и в современном носителе того имени, с которым у него уже ничего нет общего.

К сожалению, в настоящее время нередко приходится наталкиваться на такого рода суждения, что бумаги семейные это – хлам, никого не интересующий, а обнаружение их – неприличное злоупотребление, а потому для обеспечения от всяких случайностей следует такие бумаги жечь и уничтожать. Бумаги бумагам рознь, и не все то, что печатается ныне, достойно внимания читателей. Но из этого нельзя выводить заключения, достойного времен^{7*} вандалских. Вся беда в том, что весьма часто люди, которым суждено владеть драгоценными документами, сами еле грамотны, и от них, конечно, не дождешься здравого взгляда и умения отличить ничтожное от драгоценного. И здесь опять вина главным образом тяготеет на женском поколении, воспитанном кое-как в полуиноземной среде, совершенно чуждой всему, чем мы живем. “Ни себе, ни другим”, – говорит наша пословица,

^{5*} Инцидент исчерпан (фр. – пер. публикатора).

^{6*} Далее зачеркнуто и денежное.

^{7*} Далее зачеркнуто варваров.

вот что руководит этими жалкими вырожденками, носителями славных и почтенных имен. Недаром сказал Пушкин, что

Русский ветренный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей¹⁰.

К сожалению, мы недалеко ушли с тех пор и быть может еще невежественнее стали против прежнего, ибо во всем этом, как и в другом, пример, подаваемый на вершинах общества, пагубно отражается повсюду. А в этом отношении мы переживаем мрачно-безотрадное время...

13 апр. 1891. СПб.

РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5147. Л. 107–110. Черновой автограф без подписи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Вяземский П.П.* Собр. соч. 1876–1887. СПб., 1893. См. также: Описание рукописей князя П.П. Вяземского. М., 1902.
- ² Возможно, архив перевезли в Остафьево в 1887 г. в связи с выставкой, посвященной 50-летию со дня смерти А.С. Пушкина.
- ³ *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1896. Т. 12 (последний том).
- ⁴ Барсуков Николай Платонович (1838–1906) – историк и археограф, автор описания “Жизнь и труды М.П. Погодина”. СПб., 1888–1910. Т. 1–22.
- ⁵ Тиханов Павел Николаевич (1839–1905) – историк, собиратель рукописей, редактор изданий ОЛДП.
- ⁶ Лопарев Хрисанф Мефодиевич (1862–1918) – историк и филолог, секретарь ОЛДП.
- ⁷ Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) – филолог, профессор Петербургского университета, собиратель рукописных книг и автографов писателей.
- ⁸ Савваитов Павел Иванович (1815–1895) – историк, археограф, филолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1872 г.
- ⁹ Текст отрывка стихотворения “Смерть поэта” передан Шереметевым неточно, не соответствует современному каноническим изданиям.
- ¹⁰ Строки из поэмы “Езерский”, вошедшие с изменениями и в отрывок из нее под названием “Родословная моего героя”. См.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1994. Т. 5. С. 100; М., 1995. Т. 3, кн. 1. С. 427–428. Благодарю за консультацию Н.С. Нечаеву и А.В. Мельникова.

ДОКУМЕНТЫ, СОВРЕМЕННЫЕ “АКАДЕМИЧЕСКОМУ ДЕЛУ” 1929–1931 ГОДОВ

Предисловие

Материалы фальсифицированного дела академиков-историков и их коллег все в большей мере привлекают внимание ученых: используются при изучении многообразной проблематики истории науки, деятельности отдельных ученых, научных учреждений и общественных объединений, и истории общественно-политической жизни. Данные следственной документации изучаются в сопоставлении с извлекаемым из других источников. Прежде всего важно ознакомление с документами именно того периода времени, особенно если там имеются сведения о тех же лицах и фактах, что и в следственных делах. Результативность сопоставительного подхода к документам разного происхождения и предназначения при исследовании подобной проблематики позволила Ф.Ф. Перчонку прийти к выдающемуся значению научным результатам еще до непосредственного обращения к следственным делам.

Это допускает возможность объединить в одной документальной публикации под одним заголовком документы разных видов, но важные при изучении следственных дел и комментировании их публикаций – докладную запи-

ску многоопытного в бумаготворчестве отставного сановника царских времен (тем более что об этом документе могли осведомить и следователей), и личную переписку выдающихся историков, которых сближал интерес к допетровской эпохе и к археографической деятельности.

В записке В.Ф. Джунковского от ноября 1929 г. – информация о формировании и судьбе его личного архива, переданного в Пушкинский Дом. Хранение документов этого архива было одним из поводов обвинения академика С.Ф. Платонова и его коллег в антисоветской деятельности.

Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова этих месяцев отражает формы не только их личных связей – научных и домашних, но и деятельность возглавляемой Платоновым Археографической комиссии, взаимодействие лиц к ней причастных с М.Н. Покровским и его окружением, непростые отношения в среде московских историков, область исследовательских знаний которых была близка научным планам авторов писем, и – главное – изменения тех месяцев в системе организации археографической работы, персональном составе ее участников, в общественно-политической атмосфере научных учреждений. Чтобы сохранить колорит переписки, существенный для понимания психического состояния писавшего в это тревожное время, сохраняются сокращения и написания имен и учреждений и не раскрываются в самом тексте в квадратных скобках (как принято в археографической практике) – это сделано в приложенном списке сокращений. Из-за экономии места пришлось сократить число абзацев, обозначив абзац косой чертой.

Разумеется, публикуемые документы имеют и самостоятельное значение и могут быть интересны ученым и вне зависимости от того, что связаны с “Академическим делом”. Из записки В.Ф. Джунковского узнаем о его лекционных интересах, о заготовке материалов для будущих мемуаров, об организации делопроизводства в системе учреждений Министерства внутренних дел, о собирательской деятельности Пушкинского Дома, приемах учета там новых поступлений и др.

А письма обоих будущих академиков, как собственно историографические источники, немало дают для познания методов научной и собственно археографической работы ученых, характерных черт их личности. Любопытны, к примеру, основанные, видимо, и на личном опыте соображения-советы С.Б. Веселовского: “... в процессе работы иногда бывает полезно оторваться на время от источников и попытаться изложить свои мысли без цитат”. Конечно, интересны соображения исследователей о явлениях истории XVI–XVII вв., документальной базе их изучения и методике выявления и публикации исторических источников, но от комментирования реалий того времени пришлось пока отказаться – это может стать темой специального изучения, и уже, конечно, всей переписки в целом.

Переписка убеждает в том, что авторы писем и историки из их окружения были погружены тогда в свою научную работу, совершенно не ожидали такого рода репрессий, а когда они начались, старались сохранить возможность научной деятельности (в данном случае преимущественно в области археографии). В психологическом (и тем самым в источниковедческом) плане интересно использование приемов “эзопова языка” и показательное замалчивание фактов – и известных адресату или, напротив, благодаря такой фигуре умолчания, становящихся ему понятными.

С.О. Шмидт

**“ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА” В.Ф. ДЖУНКОВСКОГО
9 НОЯБРЯ 1929 г.**

**А.С. ЕНУКИДЗЕ О СВОЕМ АРХИВЕ,
ХРАНИВШЕМСЯ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ**

Одним из поводов к обвинению Академии наук в “контрреволюционной” деятельности послужило хранение в нешифрованных архивных фондах ее научных учреждений документов, имеющих, согласно мнению Правительственной комиссии по чистке и проверке аппарата Академии наук под руководством члена Коллегии наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР Ю.П. Фигатнера, актуальное политическое значение. В частности, в Рукописном отделе Пушкинского Дома – личного архива генерала-лейтенанта Владимира Федоровича Джунковского (1865–1938) – вице-губернатора и губернатора Москвы в 1905–1913 гг., затем товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915). На посту губернатора он много сделал для благоустройства Москвы, население которой платило ему заслуженным почитанием; возглавляя политическую полицию империи, в 1913–1914 гг. он осуществил реформу политического сыска, жандармских управлений, выступил против распространившейся системы провокаторства; честный, ответственный чиновник и искренне преданный императорской семье человек, Джунковский не мог оставаться сторонним наблюдателем пагубного влияния Распутина, в июне 1915 г. составил для императора секретную о нем записку, которая хотя вначале и возымела свое действие (Распутин был удален от двора), но и явилась причиной того, что 15 августа 1915 г. Джунковский был отправлен в отставку и освобожден от всех должностей.

Высокопросвещенный сановник был широко известен как попечитель культуры, коллекционер, театрал. Автор информационно насыщенных мемуаров (значительная часть их опубликована¹) понимал ценность материалов, отложившихся в его личном архиве, и еще до революционных событий 1917 г. имел намерение передать его на государственное хранение.

Об огромном архиве, бережно собиравшемся Джунковским на протяжении многих лет его государственной и общественной деятельности, власти не могли не быть осведомлены, тем более что Джунковский находился под постоянным надзором ОГПУ. Представители Правительственной комиссии, конечно, лукавили, делая вид, что до октября 1929 г. им будто бы ничего не было известно об этом архиве. Понимал это и сам Джунковский, и был, вероятно, не только взволнован, но и искренне удивлен тому, какое этому придавалось значение. О чем и поведал в “докладной записке” от 9 ноября 1929 г. на имя секретаря ЦИК СССР (а также председателя (1925–1929) Комиссии СНК СССР по содействию работам Академии наук СССР) А.С. Енукидзе.

Записка Джунковского выявлена в фонде секретариата Президиума ЦИК СССР в материалах дела “Об обнаружении в Академии наук СССР политических документов”. Дело на 150 листах формировалось в хронологическом порядке, нумерация листов проводилась по мере поступления документов. На обложке даты – “начато 1930 г. апреля мес[яца] 11 дня – окончено 1930 г. сентября мес[яца] 25 дня” (подлинные документы в деле

¹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания / Подг. текста и общая редакция А.Л. Паниной; предисл. и примеч. И.М. Пушкаревой и З.И. Перегудовой. М., 1997. Т. 1–2.

датируются октябрем – декабрем 1929 г., имеются также копии 1926–1929 гг.)².

В деле содержатся десятки вырезок статей из центральной и местной прессы за ноябрь 1929 г. с информацией об обнаружении “политических” документов (согласно решению Политбюро от 5 ноября³, с 6 ноября в прессе была развернута кампания, по существу, преследовавшая цель компрометировать Академию наук); разнообразная переписка по вопросу о выявленных документах: копии и подлинники писем неперменного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбурга Ю.П. Фигатнеру и заведующему Отделом научных учреждений СНК СССР Е.П. Воронову, телеграммы вице-президента Академии наук А.Е. Ферсмана Е.П. Воронову об отставке С.Ф. Платонова со всех должностей; материалы переписки Академии наук и Ленинградского отделения Центрархива, выражающего претензии на передачу ему ряда фондов, хранящихся в Академии; справка от 5 ноября 1929 г., вероятно, составленная по поручению Президиума Академии наук, с многочисленными приложениями, подтверждающими законность хранения Академией выявленных документов и др.

Исключительное научное значение представляют стенограммы октябрьских заседаний Правительственной комиссии по чистке и проверке аппарата Академии наук с показаниями руководителей академических учреждений и научных сотрудников об обнаруженных документах. Журнал “Исторический архив” в свое время опубликовал по материалам РЦХИДНИ (ныне РГАСПИ) неправленную стенограмму заседания комиссии от 24 октября 1929 г. Публикатором отмечалось, что это заседание положило начало будущему “делу”, а заседание комиссии 21 октября было закрытым и не стенографировалось⁴. В деле же сохранились копии как опубликованной стенограммы, так и заседаний 21⁵, 22, 23, 26 октября.

Настоящее дело находилось на контроле Е.П. Воронова – на документах имеются его многочисленные пометы о прочтении, резолюции; ему же, по всей вероятности, принадлежат и подчеркивания красными чернилами на записке Джунковского. Она (как и дело в целом) как будто осталась вне поля зрения современных исследователей.

Публикуемый документ своеобразен и по внешней форме и по содержанию. Докладная записка как делопроизводственный документ отражает субординацию подчиненного и начальника, и здесь у Джунковского, надо полагать, сказалась выработанная годами привычка составления подобных бумаг. Записка с элементами мемуаров, речевыми оборотами, присущими устной речи, содержит ценные сведения и для биографии Джунковского и по истории формирования его архива, и характеристики атмосферы в учреждениях Академии наук, в частности, в Пушкинском Доме в 1920-е годы.

Как следует из текста, поводом к ее составлению, между 6 и 9 ноября, послужили обыски на квартире Джунковского “с целью изъятия документов” (вероятно, в октябре 1929 г., когда представители Правительственной комиссии утвердились в необходимости продолжать оперативно-розыскные меро-

² ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 23. Д. 672. Л. 1–150.

³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП(б)–КПСС: 1921–1991. М., 2000. Т. 1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП (б): 1921–1952 / Сост. В.Д. Есаков. С. 80.

⁴ Начало “дела” Академии наук: Стенограмма заседания Особой комиссии Наркомата РКИ СССР 24 октября 1929 г. / Публ. А.И. Алаторцевой // ИА. 1993. № 1. С. 79–80.

⁵ Копия стенограммы пленума Правительственной комиссии по чистке и проверке аппарата Академии наук от 21 октября 1929 г. впоследствии была приложена к следственному делу. См.: Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. XXVI.

приятия) и вызов его в ОГПУ в первых числах ноября для дачи показаний, каким образом архив его оказался в Пушкинском Доме.

К сожалению, в деле нет никаких сопровождающих записку документов и поэтому можно лишь предполагать, исходила ли инициатива составления ее лично от Джунковского или же это те показания, которые были даны ОГПУ.

А.В. Мельников

Секретарю ВЦИКа^{1*} С.С.С.Р.

Тов. А.С. Енукидзе¹.

Гражданина Джунковского

Владимира Федоровича

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

^{2*}В газетах от 6-го сего ноября появилась^{2*} статья об обнаруженных важных политических документах в Академии наук, причем упомянуто и мое имя в связи с находящимся в Пушкинском Доме моим архивом.

Эта статья разъяснила мне причину двух бывших у меня в последнее время обысков с целью изъятия у меня документов; до прочтения этой статьи я был в недоумении, так как считал, что нахождение моего архива в Пушкинском Доме не есть тайна, ^{3*}я этого ни от кого не скрывал, и передал я свой архив совершенно официально^{3*}, и когда при первом обыске мне было предъявлено требование выдачи документов, то я прямо заявил совершенно откровенно, что мой личный архив находится в Пушкинском Доме. Я был уверен, что это ^{4*}не тайна для ОГПУ, которое еще в 1925 году вызывало к себе одного из видных сотрудников Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевского^{4*} для допроса, какого рода вещи и документы находились в вывезенной мною оттуда в том же году корзине из моего архива, хранящегося у них². ^{5*}Я ожидал в то время, что и меня допросят, но прошло более четырех лет, и меня вызвали только на прошлой неделе^{5*} для дачи показаний, каким образом мой архив попал в Пушкинский Дом.

В газетах помещено, что некоторые из документов, обнаруженных в различных учреждениях при Академии наук имеют настолько актуальное значение, что могли бы в руках советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции, как внутри страны, так и за границей.

^{6*}Не зная, конечно, какие документы хранились в Академии^{6*} наук в различных ее учреждениях, я, по поводу своего архива, хранившегося в Пушкинском Доме, не могу себе представить, чтоб в нем были документы, имеющие актуальное значение. Не имея описи, мне трудно вспомнить, конечно, все дело, но, во всяком случае, я убежден, что у меня ^{7*}не может быть ни одной бумаги, копия с которой, или подлинник, не находился в делах Департамента полиции, архив коего, на сколько я знаю, весь целиком попал в Глав или Центрархив^{7*}, и потому мне и в голову никогда не приходило, что я что-то скрываю, в мои планы это совершенно не входило и цель моей передачи архива в Пушкинский Дом была совершенно иная. Мне просто было ^{8*}жаль его уничтожить, а хранить мне было негде^{8*}.

Для освещения этого вопроса доложу подробно, из чего составился мой архив.

С самых юных лет моей жизни, еще с Пажеского корпуса, в котором я воспитывался³, я собирал воспоминания о разных событиях, газеты, письма, и очень аккуратно складывал, продолжая так до своего выхода в отставку в 1918 году⁴.

Таким образом у меня накопились груды папок по разным событиям. По временам я их просматривал и выкидывал из них то, что мне казалось, не имело никакого интереса. В 1913 году, в самом начале, я покинул Москву, где прослужил губернатором 8 лет. Москва меня провожала совершенно исключительно. Я получил массу адресов, хлеба-солей, подарков, альбомов, групп, образов, мне подносили стипендии и т.д., буквально от всех сло-

^{1*} Так в тексте.

^{2*-2*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{3*-3*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{4*-4*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{5*-5*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{6*-6*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{7*-7*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{8*-8*} Подчеркнуто красными чернилами.

ев населения и от всех учреждений, среди коих более половины были не имевшие ко мне прямого отношения, как, например, театры⁵.

Вот это все и легло в основу моего архива.

Приехав в Петербург (ныне Ленинград), к новой своей должности товарища министра внутренних дел, я перевез все свое имущество на Фурштатскую⁶ улицу д. 40, где в казенном доме Штаба корпуса жандармов мне была предоставлена очень большая квартира, так что я мог даже устроить особую комнату для хранения всех своих воспоминаний.

У министра внутренних дел было в то время четыре товарища министра, причем высший надзор за всеми департаментами и отделами распределен был между этими товарищами.

^{9*}На меня возложено было наблюдение за производством дел в Департаменте полиции и в строевом отношении за Корпусом жандармов со званием командира Корпуса (шефом был министр)^{9*}, затем еще в моем ведении было Главное управление почт и телеграфов и Институт гражданских инженеров⁷.

В должности товарища министра я пробыл два с половиной года, будучи уволен в августе 1915 года.

За это время у меня набралось много воспоминаний, больше всего по путешествиям Николая II⁸. Когда я оставил должность товарища министра, я опять получил много выражений сочувствия, все эти воспоминания были прибавлены к прежним и увеличили мой "архив".

Перезжая с казенной квартиры на частную, я взял с собой дела личного характера, которые хранились в шкафу моего личного секретаря⁹ в его кабинете. ^{10*}Все же дела служебного характера^{10*}, хранившиеся в четырех шкафах в моем служебном кабинете, ^{11*}я оставил, и они все были перевезены в Департамент полиции^{11*}.

Квартиру я нанял на Каменноостровском¹⁰ пр[оспекте] д. 54, куда я и переехал, перевезя все свое имущество. При этом я составил подробную опись всем предметам и делам, составившим мой "архив" и хранившимся в отдельном шкафу.

Уезжая на войну в 1915 году, у меня впервые возникла мысль, как сохранить мой архив, имеющий, ^{12*}главным образом, историко-бытовой интерес^{12*}, в случае моей смерти¹¹. Думал я и об Историческом музее в Москве, но трудность перевозки, дороговизна, меня смущали. По совету известного академика А.Ф. Кони¹², с которым я был очень близок, я и обратился к Б.Л. Модзалевскому в Пушкинский Дом.

Не помню точно, когда он приехал осмотреть архив, но помню, что он нашел его вполне приемлемым для принятия его на хранение в Пушкинском Доме. Решено было перевезти его по моему возвращении с войны.

В 1918 году я вернулся с войны, был демобилизован и вышел в отставку. Архив мой не удалось перевезти, положение Пушкинского Дома было неустойчивое.

В августе я был арестован и находился в заключении до конца 1921 года, когда был освобожден. ^{13*}Меня судили в 1919 году в московском трибунале за прежнюю мою деятельность в качестве губернатора и товарища министра внутренних дел^{13*}, ¹³.

Сестра моя переехала в связи с моим арестом в Москву¹⁴, оставив все имущество наше и мой архив на попечении старушки Проворовой, которая жила у нас в доме 40 лет, наняв две комнаты, где и было все размещено; сначала на Каменноостровском пр[оспекте], затем на Таврической¹⁵ ул[ице] д. № 27. ^{14*}На Каменноостровском был обыск, мои вещи были осмотрены, но ничего не было взято^{14*}.

По освобождении меня из тюрьмы, не помню только, через сколько времени, я поехал в Петроград¹⁶, где нашел все в порядке, ко мне опять приехал Б.Л. Модзалевский, и на другой день весь мой архив вместе со шкафом перевезен был в Пушкинский Дом на двух казенных подводах курьером Пушкинского Дома, насколько помню, Соколовым. Сдавая на хранение (тогда еще не было запрещения принимать на хранение¹⁷) свой архив, я выговорил себе право пользоваться им и во всякое время взять его обратно, а после своей^{15*} смерти это право должно было перейти к моему единственному родному племян-

^{9*}–^{9*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{10*}–^{10*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{11*}–^{11*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{12*}–^{12*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{13*}–^{13*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{14*}–^{14*} Подчеркнуто красными чернилами.

^{15*} Так в тексте.

нику; в случае невострбования архива в течение 10 лет, он переходит в собственность Пушкинского Дома.

Официальной бумаги на это от Пушкинского Дома я не получил.

Архив мой был помещен в одной из комнат Пушкинского Дома. Я лично с курьером Соколовым его уложил в шкаф по описи по порядку номеров. Помимо шкафа была еще большая корзина с разными историческими предметами и отдельно упакованная группа 300 л[етие] Романовых в художественной раме, работы худож[ественной] мастерской Бутыр[ской] т[юр]ьмы).

Опись, которую я привез, и которая была составлена до революции, оказалась неприемлемой, и мне пришлось ее переписать в других выражениях, соответственных с изменившимся строем, и выкинуть из нее 16* номера недоставленные 16* (это были не документы и не бумаги, а разные предметы исторического характера).

Затем, 17* через год 17* или два, когда вышел декрет 18* об архивах 18*, хранящихся в учреждениях 18, мне опять пришлось опись переделать, составив две: одну общую, а другую специально архивных дел и документов 19.

Вот эти две описи должны быть в Пушкинском Доме. У меня, к сожалению, копий с них нет, у меня имеется только памятная записка №№ из описи, которые были мною взяты. Ключи от шкафа и корзины были в двух экземплярах – один в Пушкинском Доме, другой – у меня.

19* Я считал архив своей собственностью впредь до издания декрета о том, что все архивы, хранящиеся в учреждениях, являются их собственностью 19*, 20.

Это, кажется, совпало с возвращением директора Пушкинского Дома Н. Котляревского из-за границы 21.

На основании сего, он, не предупредив меня, вынул все из моего шкафа и уложил в ящики 22 и перенес в кладовую. Узнал я об этом от Б.Л. Модзалевского уже после смерти академика Н. Котляревского, а именно в 1925 году, когда приехал в Ленинград. Директором был уже 20* академик С.Ф. Платонов 20*, 23, который просил меня взять из Пушкинского Дома корзину и отдельный сверток, 21* его смутило оружие, находившееся в этой корзине (сабля моего отца 24, моя шашка художественной работы, шпага, тут же было приложено разрешение на хранение от Петр[оградского] Сов[ета] Р[абочих] и К[рестьянских] Д[епутатов] 21*.

Меня просили написать бумагу с просьбой о выдаче мне этой корзины и свертка. Я написал, она была рассмотрена в Президиуме 25, и я увез корзину в Москву, а сверток (группу 300-л[етие] Дома Романовых) уничтожил в Ленинграде.

22* В Москве я подарил оружие директору Театрального музея А.А. 22* Бахрушину 26 для помещения в музей в отдел бутафории, как образец оружия для постановок, а разные группы и меню в рамках, находившиеся в корзине, развесил по стенам, другие же вынул из рам и спрятал в сундук – 23* все это было взято теперь при обыске 23*. Никаких документов, бумаг в корзине не было. 24* Вскоре после этого Б.Л. Модзалевский был вызван в ОГПУ для допроса о вывезенной мною корзине из моего архива 24*. Одновременно с этим мне было объявлено академиком Платоновым, что весь мой архив есть собственность Пушкинского Дома. 25* Я просил тогда отдать мне оттуда личные документы деда 27, отца и мои, которые мне могут оказаться необходимыми. Эти документы я и взял в нынешнем году летом 28, когда мне было дано разрешение перебрать свой архив и уложить в порядок 25*, отобрав в отдельные ящики документы и дела чисто архивного характера, чтобы не путать их с историческими предметами музейного характера.

26* Я работал в Пушкинском Доме в течение недели, разбирая и приводя в порядок все дела и предметы, наскоро, в беспорядке 26* уложенные в ящики несколько лет

16*–16* Подчеркнуто красными чернилами.

17*–17* Подчеркнуто красными чернилами.

18*–18* Подчеркнуто красными чернилами.

19*–19* Подчеркнуто красными чернилами.

20*–20* Подчеркнуто красными чернилами.

21*–21* Подчеркнуто красными чернилами.

22*–22* Подчеркнуто красными чернилами.

23*–23* Подчеркнуто красными чернилами.

24*–24* Подчеркнуто красными чернилами.

25*–25* Подчеркнуто красными чернилами и отчеркнуто на полях.

26*–26* Подчеркнуто красными чернилами.

назад покойным Н. Котляревским. Разборку я не довел до конца, так как один ящик оказался засунутым так далеко, что его достать было нельзя, а оставаться дольше в Ленинграде я не мог.

27* В Москву я увез исключительно личные документы деда, отца и свои и портрет Николая II в раме, который Пушкинский Дом не^{27*} хотел оставить у себя. Портрет я вынул из рамы и положил в один из юбилейных альбомов памяти Отечественной войны 12 года, так как на портрете написано “Бородино”²⁹. Этот альбом вместе с другими юбилейными изданиями взят был при обыске. Раму я предъявил, но она была оставлена мне.

28* Я ни в чем себя упрекнуть не могу, повторяю, что я никогда ничего не скрывал и если я отдал на хранение Пушкинскому Дому весь свой “архив”, то мне хотелось только сделать лучше. Ни одного документа из архива я никому^{29*} никогда не передавал, и все, что имеется в описи находится *только* в Пушкинском Доме, в ОГПУ (взятое при обысках) и у меня на руках^{28*}.

В. Джунковский

9 ноября 1929 года

ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 23. Д. 672. Л. 139 об.–141. Подлинник, машинопись; подпись, число в дате и слова: Секретарю ВЦИКа С.С.С.Р. Тов. А.С. Енукидзе – автограф В.Ф. Джунковского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Енукидзе Абель Сафронович (1877–1937) – государственный и политический деятель, секретарь Президиума ВЦИК РСФСР (1918–1922), секретарь Президиума ЦИК СССР (1923–1935), председатель (1925–1929) Комиссии СНК СССР по содействию работам Академии наук СССР (“Комиссия Енукидзе”).
- ² Модзалевский Борис Львович (1874–1928) – историк русской литературы, пушкинист, библиограф, член-корреспондент РАН (1918) по Отделению русского языка и словесности, старший ученый хранитель (1919–1928), исполняющий обязанности директора (октябрь 1922 – февраль 1924 г.) Пушкинского Дома Академии наук.
Б.Л. Модзалевский был арестован 12 января 1924 г. по доносу и ложному обвинению в “преступных махинациях с государственными средствами и государственным имуществом Пушкинского Дома”. Следствие по этому делу продолжалось в течение года. См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. Борис Львович Модзалевский: Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 9. Не отголоском ли этого дела был вызов Модзалевского в ОГПУ, о котором упоминает Джунковский? Хранение архива Джунковского в Пушкинском Доме именно в это время вызывало серьезную озабоченность у Модзалевского, который, по словам Платонова, не знал, что с ним делать, и надеялся передать его на хранение в БАН. См.: ИА. 1993. № 1. С. 103–104; Академическое дело... Вып. 1. С. 22–23.
- ³ Пажеский корпус – дворянское учебное заведение для подготовки гвардейских офицеров (основано в 1759 г., упразднено в 1918 г.). В годы обучения в нем В.Ф. Джунковского (1875–1882) программа включала прохождение семилетнего курса (первые пять классов – по программе военных гимназий, два последних – по программе военных училищ).
- ⁴ Отставка В.Ф. Джунковского от военной службы состоялась 17 декабря 1917 г.; с апреля 1918 г. он стал получать пенсию.
- ⁵ Проводы подробно описаны в воспоминаниях. См.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 100–114. В 1915 г. в Петрограде в типографии Штаба Отдельного корпуса жандармов была выпущена книга “Москва. 1891–1913” объемом в 170 с., составленная из адресов, поднесенных Джунковскому по случаю оставления им поста московского губернатора. Экземпляр ее сохранился в личном архивном фонде Джунковского (ГАРФ. Ф. 826 (В.Ф. Джунковский). Оп. 1. Д. 21).
- ⁶ С 1923 по 1991 г. – улица Петра Лаврова.
- ⁷ Высшее учебное заведение для подготовки инженеров гражданских специальностей и архитекторов было основано в 1832 г. как Училище гражданских инженеров; в 1842–1882 носило название Строительное училище; с 1882 г. – Институт гражданских инженеров императора Николая I; с 1930 по 1941 г. – Ленинградский институт инженеров коммунального строительства; с 1941 по 1992 г. – Ленинградский инженерно-строительный институт; в 1992–1993 гг. – Санкт-Петербургский инженерно-строительный институт; с 1993 г. по настоящее время – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.

27*–27* Подчеркнуто красными чернилами.

28*–28* Отчеркнуто на полях красными чернилами.

29* Подчеркнуто здесь и далее В.Ф. Джунковским.

- ⁸ На В.Ф. Джунковском как командире Отдельного корпуса жандармов и товарище министра внутренних дел, флигель-адъютанте свиты Его величества (1905) лежала обязанность организации охраны императора и его семьи во время путешествий (впервые эти функции он исполнял во время поездки императорской семьи по российским городам в дни торжеств 300-летия Дома Романовых в мае 1913 г. См.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 15).
- ⁹ В то время у В.Ф. Джунковского было три секретаря: Леонид Андреевич Сенько-Поповский, князь Дмитрий Иванович Шаховской, адъютант Николай Петрович Штер.
- ¹⁰ С 1918 по 1934 г. – улица Красных Зорь, с 1934 по 1991 г. – Кировский проспект, в 1991 г. проспекту возвращено историческое название.
- ¹¹ Заявление В.Ф. Джунковского в Академию наук с просьбой принять на хранение его архив датировалось 15 сентября 1915 г. См.: ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 793. Л. 1.
- ¹² Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – юрист, общественный деятель, писатель-мемуарист, сенатор (1891), почетный член (1896), почетный академик (1900) Императорской Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности.
- ¹³ В.Ф. Джунковский был арестован на станции Орша в сентябре 1918 г. во время поездки к родственникам в Путивль. В мае 1919 г. был осужден московским ревтрибуналом за соучастие в подавлении вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г., освобожден был 28 ноября 1921 г. Подробнее об аресте, следствии и освобождении см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 21–23.
- ¹⁴ Джунковская Евдокия Федоровна – фрейлина. До революции – председатель Санкт-Петербургского попечительского комитета о сестрах Красного Креста (Община св. Евгении); в Москве проживала по адресу – 1-й Малый Николопесковский переулок (ныне Малый Николопесковский), д. 11, где по освобождении из тюрьмы был прописан и Джунковский.
- ¹⁵ С 1918 по 1944 г. – ул. Слуцкого.
- ¹⁶ Вероятно, это произошло в 1923 г. См.: ИА. 1993. № 1. С. 103.
- ¹⁷ По-видимому, речь идет об упоминаемых ниже декретах. См.: примеч. 18 и 20.
- ¹⁸ Архив Джунковского подпал под действие декрета СНК РСФСР от 2 августа 1923 г. “О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы Республики за время с 1917 года” и декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 12 сентября 1923 г. “О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых (бывшей царской фамилии) и некоторых других лиц” (СУ. 1923. № 72. Ст. 703; СУ. 1923 № 76. Ст. 740), согласно которым, архивы таких лиц, где бы они не хранились, поступали на хранение в политическую секцию Единого государственного архивного фонда. Позднее в развитие этих декретов был опубликован декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 21 апреля 1924 г. “О включении в состав Единого государственного архивного фонда архивов учреждений и организаций, действовавших до 7 ноября 1917 года”, согласно которому “все находящиеся на территории РСФСР архивы всякого рода учреждений и организаций, действовавших до 7 ноября 1917 года, как ликвидированных, так и не ликвидированных до настоящего времени или преобразованных, должны быть взяты на учет Центральным архивом РСФСР и включены в состав Единого государственного архивного фонда” (СУ. 1924. № 40. Ст. 368).
- ¹⁹ По-видимому, речь идет о тех двух описях, которые впоследствии фигурировали в качестве вещественного доказательства во время заседаний Правительственной комиссии. См.: ИА. 1993. № 1. С. 99.
- ²⁰ Возможно, речь идет о декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 21 апреля 1924 г. См. примеч. 18.
- ²¹ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) – историк русской литературы, почетный академик (1906), действительный член (1909) Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, первый директор Пушкинского Дома Академии наук (1910–1925). Н.А. Котляревский с ноября 1922 по 10 июня 1924 г. находился в командировке в Болгарии.
- ²² Ср. с показаниями С.Ф. Платонова: ИА. 1993. № 1. С. 104.
- ²³ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, академик РАН (1920), председатель Археографической комиссии Академии наук (1918–1929), исполняющий обязанности директора (с февраля 1924 г.), директор (1925–1929) Пушкинского Дома Академии наук, исполняющий обязанности директора (с августа 1925 г.), директор (1925–1928) БАН, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР (март–ноябрь 1929 г.).
- ²⁴ Джунковский Федор Степанович (1816–1879) – генерал-лейтенант от кавалерии. В царствование Александра II многолетний начальник канцелярии генерал-инспектора кавалерии (1864), член (1867) и председатель (1877) Комитета по устройству и образованию войск.
- ²⁵ Речь идет о Президиуме АН СССР.
- ²⁶ Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929) – представитель известной московской купеческой династии, собиратель театральной старины, меценат, создатель частного Литературно-театрального музея (1894) и его пожизненный директор (ныне Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина). В Музее имеется небольшой личный архивный фонд В.Ф. Джунковского (Ф. 91, 69 ед. хр.) – в подавляющем большинстве письма к нему театральных и общественных деятелей (в частности, А.Ф. Кони). См.: Путеводитель по рукописным фондам Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина. М., 2002. С. 78–79. К сожалению, не удалось установить определенно историю данного собрания (не поступили ли эти документы в

музей от самого Джунковского, как и вышеназванные предметы, о чем он предпочел не упоминать в записке?).

²⁷ Джунковский Степан Семенович (1762–1839) – экономист, агроном. В 1784–1792 гг. по поручению Екатерины II находился за границей (Англия, Франция, Фландрия) для усовершенствования в науках о земледелии, по возвращении был назначен преподавателем английского языка великим князем, дочерям наследника престола великого князя Павла Петровича; член (1800) Экспедиции заготовления государственных бумаг, член (1803) и непреременный секретарь (1803–1828) Императорского Вольного экономического общества, редактор его “Трудов”, директор (1811) Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел.

²⁸ По различным сведениям, В.Ф. Джунковский приезжал в Ленинград для работы над своим архивом в июне или июле 1929 г. См.: ИА. 1993, № 1. С. 94, 98. В личном архивном фонде Джунковского имеется (не отправленное, возвращенное?) его письмо от 20 июля 1929 г., по-видимому, адресованное С.Ф. Платонову. Письмо в некоторой степени имеет отношение к архиву Джунковского того времени:

“Глубокоуважаемый Сергей Федорович, Среди писем я нашел у себя письма и депеши Вел[икого] Кн[язя] Константина Константиновича. Хотя они ничего собой не представляют, но все же свидетельствуют о необыкновенной душевности и доброте покойного Великого Князя и потому я решаюсь их переслать Вам в собственность Пушкинского Дома. Не откажите принять при письме мой искренний привет и пожелания всего доброго Вам и всем Вашим близким и верьте неизменному к Вам уважению и преданности. В. Джунковский. 20 июля 1929 г.” (ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 433. Л. 1–1 об. Беловой автограф. В описи предположительно указан год – 1925).

²⁹ На посту московского губернатора В.Ф. Джунковский сыграл выдающуюся роль в организации торжеств по случаю столетия Бородинского сражения. Участвовал в создании и реставрации памятников героям сражения, восстановлении исторического вида Бородинского поля, организации музея и многом другом; в том числе и личными денежными средствами. См.: *Джунковский В.Ф. Воспоминания*. Т. 2. С. 6–69. Об упомянутом портрете, пожалованном из рук Николая II в его кабинете в Большом Кремлевском дворце 30 августа, в последний день пребывания государя в Москве по случаю бородинских торжеств, с его собственноручной подписью: “Московскому губернатору Джунковскому. Николай. 25–30 августа 1912 г. Бородино–Москва” см.: Там же. С. 63.

ПЕРЕПИСКА С.Б. ВЕСЕЛОВСКОГО И Б.Д. ГРЕКОВА

(май 1929 – декабрь 1930 г.)

Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова – двух крупнейших историков отечественного средневековья – во всех отношениях примечательный источник. Эпистолярная часть архива Степана Борисовича, бережно хранимая, понималась историком как документ, необходимый будущему. Именно письма и дневники были особенно важны для ученого, и отсутствие переписки с историками во время “Академического дела” тем более показательно.

Жалеть ли мне, что с каждым днем бледнее
Случайные следы минувших лет?! –

писал Веселовский в стихотворении середины 1920-х гг.¹ В условиях пренебрежения прошлым в советские годы формирование собственного архива было для него формой неприятия действительности, нежеланием мириться с ней. С каждым годом все более одинокий в своих убеждениях, Степан Борисович жил мыслями, которые стремился сохранить и донести потомкам как источник, фиксирующий и исследующий реальности происходящего². “Обыски и аресты заставляют всех быть осторожными. Кто вел дневник, писал воспоминания и вообще накапливал материалы в связи со своей общественной, научной или другой деятельностью, бросают это дело. Писем почти не пишут, а те, которые получают, уничтожают. И без того духовная жизнь изуродована, забита, подавлена голодом, террором, разрушением всевозможных

¹ Стихотворение сохранилось в семейном архиве Константина Борисовича Веселовского.

² Об отношении Веселовского к дневниковым записям как к форме исторического исследования см.: Юрганов А.Л. “Все это ушло далеко в вечность”: Дневник и жизнь С.Б. Веселовского // Интеллектуальный форум. 2001. № 7. С. 105.

культурных учреждений и т.д., а тут еще все принимают меры, чтобы уничтожить всякие следы ее [...] Бесчисленное количество фактов, очень важных, не оставляет никаких следов”³.

С начала 1920-х годов материальное положение С.Б. Веселовского было крайне тяжелым, а после второго брака, в 1927 г., Степан Борисович вынужден был жить у знакомых, на случайных квартирах. Став 31 января 1929 г. членом-корреспондентом, Веселовский через Комиссию по улучшению быта ученых получил просторную комнату на Тверском бул., 7/2, кв. 10, в которой в 1929–1930 гг. и жил с новой семьей.

Б.Д. Греков познакомился с Веселовским в 1911 г. (о чем он сообщал графу С.Д. Шереметеву в письме от 24 декабря 1911 г.⁴). В сохранившейся части переписки (38 писем Грекова и 41 письмо Веселовского за 1914–1951 гг.) время регулярного общения – 1929–1936 гг. В настоящей публикации представлены все известные письма историков с мая 1929 по декабрь 1930 г.

В отличие от большинства своих коллег, С.Б. Веселовский не был арестован. В литературе высказывалось предположение об аресте С.Б. Веселовского, ничем не подтвержденное. А.В. Веселовская, родственница Степана Борисовича, писала его сестре, Л.Б. Ворониной, об аресте в мае 1930 г. его брата, Бориса Борисовича Веселовского, и добавляла: “Степана Борисовича я вижу редко, когда заговариваю с ним – он и сам кандидат. Вид у него скверный” (Письмо от 24 октября 1930 г. Семейный архив К.Б. Веселовского). Б.Д. Грекова арестовали 6 сентября 1930 г., но уже 11 октября он был освобожден под подписку о невыезде, а 7 февраля 1931 г., накануне вынесения первых приговоров, она была аннулирована⁵. Откровенное неприятие идеологии и окружающей идеологизированности, социальное происхождение и действительная связь с эмиграцией – всего этого было достаточно для ареста и Веселовского и его окружения. “Провинности” Грекова были невелики, но одного приветствия Врангелю в Симферополе от имени таврического профессора, известного следователям, было вполне достаточно для любого приговора. В семьях и Веселовского, и Грекова “счастливый” исход дела в какой-то мере объясняли заступничествами С.Г. Томсинского за Грекова, В.П. Волгина за Веселовского⁶. Впрочем, тот же Томсинский давал об избрании Грекова академиком АН весьма нелестные отзывы: “...он еще ни разу не проявил себя как активный сторонник Советской власти [...] не дал ни одной значительной работы [...] В основном – это учитель средней школы, не больше, учитель, который еще очень далек от знания истории России и от марксизма”⁷.

Характер Бориса Дмитриевича, его умение держаться с «неизменным спокойствием, ровным отношением ко всем [...], “социальность” личности Грекова», – как заключает Д.С. Лихачев, – сыграли “немалую роль в том, что он смог стать во главе нашей исторической науки”⁸. М.Н. Тихомиров считал возможным сказать о Борисе Дмитриевиче, пусть в юбилейную дату, словами древнерусского летописца – «такие люди “во веки живут”»⁹.

³ *Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 годов / Подг. А.Г. Макаров, А.Л. Юрганов // ВИ. 2000. № 8. С. 104–105. Запись от 29 декабря и 31 декабря 1919 г.*

⁴ См. об этом: *Бухерт В.Г. Письма Б.Д. Грекова С.Д. Шереметеву // ОА. 1994. № 3. С. 82.*

⁵ *Панях В.М. О следственном деле Б.Д. Грекова 1930–1931 гг. // ОИ. 2001. № 4. С. 209.*

⁶ *Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 85; Устное свидетельство А.С. Веселовской.*

⁷ Цит. по: *Андреева Т.В., Смирнова Т.Г. 1928–1935 годы в судьбе С.Н. Чернова (Письмо С.Н. Чернова П.Г. Любимову от 9–10 ноября 1935 г.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2001. Вып. 1. С. 386–387.*

⁸ *Лихачев Д.С. Подлинный глава советской исторической науки // Исследования по истории и историографии феодализма (к 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова). М., 1982. С. 98.*

⁹ *Тихомиров М.Н. К пятилетию со дня смерти академика Б.Д. Грекова // Там же. С. 36.*

С.Б. Веселовский – человек другого склада. В самые страшные годы он, всплыв, писал Грекову о взаимоотношениях с Археографической комиссией: “Все это мерзостно в совершенно достаточной даже для моего терпения степени” (6 мая 1934 г., семейный архив А.С. Веселовской). Веселовского никто не может упрекнуть в соглашательстве с властью, а его творческие достижения вызывают сегодня чрезвычайно восторженные оценки¹⁰. Удивительно неровный в своих характеристиках А.А. Зимин пишет, что Б.Д. Греков “боготворил (в душе)” С.Б. Веселовского¹¹. Бесспорно и очевидно то, что ученые-историки, казалось бы, полярные и по общественному положению (но оба – беспартийные), и по поведению, и по складу характера, были близкими друг другу людьми. По словам дочери С.Б. Веселовского, Анны Степановны, отец, вспоминая о Грекове, часто повторял (приведенную и в письме А.И. Яковлеву из Ташкента, но с негативным оттенком¹²) фразу из “Орлеанской девы” Вольтера в переводе В.А. Жуковского: “Ах, почто за меч воинственный я свой посох отдала?”

Настоящая переписка историков связана в основном с изданием АК первых частей документальных сборников “Крепостная мануфактура в России” (М.; Л., 1930–1934. Ч. 1–4), к участию в которых С.Б. Веселовского привлек Б.Д. Греков. Письма Бориса Дмитриевича написаны одинаково ровно, без сюжетных зарисовок, свойственных Веселовскому. Лишь одно письмо (от 12 октября 1929 г.), цитированное Н.А. Горской, повествует о новостях общественно-политической жизни и оценивает их весьма свободно. Но письмо написано неизвестным публикатору почерком, отправлено из Москвы, не имеет концовки (следовательно, и подписи), поэтому нет достаточных оснований считать автором письма Б.Д. Грекова.

У Бориса Дмитриевича не сохранились отпуски писем, как и присылаемая корреспонденция. В его архиве имеется лишь одно письмо Степана Борисовича от 28 апреля 1933 г.¹³ Все публикуемые письма находятся в семейном архиве Анны Степановны Веселовской – ей публикатор и выражает глубокую признательность за предоставление права издания и содействие при подготовке текста.

Переписка с Б.Д. Грековым и частично с Археографической комиссией АН СССР собиралась Веселовским в черную клеенчатую тетрадь. В середине 1940-х годов Степан Борисович переписывал дневниковые записи и письма в так называемые красные книги – крупноформатные тетради с плотной бумагой в красных переплетах. В книгу № III Веселовский начал переписывать и собственную корреспонденцию с Борисом Дмитриевичем, но, не окончив, вернулся к дневникам. Последнее переписанное Веселовским письмо (№ 18 в нашей публикации) прервано на середине фразы. В отличие от дневников, которые Степан Борисович и дописывал, и изменял, текст переписки сохранен полностью, в том числе сокращения, недописанные слова и условные обозначения, исключения – лишь от автоматизма переписки. Поэтому разночтения с красной книгой в публикации не указываются.

Письма Б.Д. Грекова (№ 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10–12, 14, 16, 18, 21, 23, 25, 28, 30) подлинны, написаны на тетрадных листах (№ 21, 23) в клетку (№ 6, 11)

¹⁰ См., например, указанную выше статью А.Л. Юрганова “Все это ушло далеко в вечность...”

¹¹ *Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович* / Публ. А.М. Дубровский // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков*. Брянск, 1999. С. 205.

¹² *Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками* / Под ред. С.А. Левиной, Б.В. Левшина. Сост. Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. М., 2001. С. 476 (письмо от 10 апреля 1942 г.).

¹³ Приношу искреннюю благодарность Н.А. Горской за предоставленную информацию.

или в линейку (№ 12, 18, 25). Написаны они на плотной (№ 3, 30), писчей бумаге небольшого формата (№ 1, 7, 8, 10, 14, 30) черными (№ 1, 3, 7, 8, 10–12, 14, 16, 18, 21, 23, 30) или фиолетовыми (№ 6, 25, 28) чернилами. В письмах № 3, 7, 8, 12, 16, 18, 21, 23, 28 дата (№ 6 без указания дня) и адрес отправителя (№ 3, 6, 12) поставлены перед текстом рукой О.А. Веселовской (№ 18, 25, 30). В письмах № 1, 10, 11, 25, 30 дата и адрес (№ 8, 11) написаны под текстом. В письме № 1 перед текстом рукой О.А. Веселовской вписаны дата и автор письма. Письма № 4, 16, 28 написаны на открытке, дата и адрес (№ 4) поставлены перед текстом и на лицевой стороне (№ 4, 28) рукой О.А. Веселовской. Письма № 8, 10–12, 14, 18, 21 вшиты в тетрадь и обрезаны (№ 10, 14).

Письма С.Б. Веселовского сохранились в черновых копиях (№ 2, 5, 19, 20) или в копиях рукой О.А. Веселовской (№ 9, 13, 15, 17, 20, 22, 24, 26, 28, 29). Письма № 13, 15, 17, 20, 22, 26, 28, 29 переписаны в тетрадь, а № 2, 5, 19 написаны на почтовой бумаге большого формата (№ 2 в линейку), № 24 – на тетрадном листе, а № 9 и 27 – на листах в линейку. Письма написаны черными (№ 2, 5, 9), фиолетовыми (№ 13, 15, 17, 19, 20, 22, 24, 27, 28, 29) чернилами или карандашом (№ 26). В письмах № 2, 9, 13, 15, 17, 19, 22, 24, 26, 27, 28, 29 дата поставлена перед текстом, в письме № 27 – без обозначения дня. В письме № 29 дата вписана перед текстом и подчеркнута Веселовским. В письмах № 9, 19, 28 дата поставлена под текстом письма. Дата написана не чернилами, а карандашом (№ 2, 19) или шариковой ручкой (№ 27). Адрес указан перед текстом карандашом (№ 2).

При передаче текста сохранена авторская орфография и пунктуация, а также кавычки и подчеркивания (последние выделены полужирным шрифтом). Авторский абзац обозначается /, а завершение страницы //. Не раскрывались наиболее часто встречающиеся показательные для характера взаимоотношений корреспондентов авторские сокращения имен и учреждений (с различными падежными окончаниями), которые приводятся ниже в алфавитном порядке по первому упоминанию в тексте:

А.Иг., А. Игн., Ал. Игн., Ал. Иг-ч. – Александр Игнатьевич Андреев
А.Н. – Александр Николаевич Сперанский
Ал. Ив., А.И., А.И. Я-ев, Я. – Алексей Иванович Яковлев
Ак. Н., Акад. Наук, АН, А.Н. – Академия наук СССР
А.М.Ю. – Архив Министерства юстиции
Арх. Ком., Арх. К., АК, Ар. К., К. – Археографическая комиссия
Б.Дм., Борис Дм. – Борис Дмитриевич Греков
Д.Н.Е. – Дмитрий Николаевич Егоров
Дм. Моис., Дм. М., Д.М., Д.М. П-ий. – Дмитрий Моисеевич Петрушевский
Ин., Ин-т, Инст. – Институт
Л., Л-д. – Ленинград
М. – Москва
М.Н.П., М.Н. – Михаил Николаевич Покровский
О.А., Ол. Ал. – Ольга Александровна Веселовская
С. Гр. Томс., С. Гр., С.Г.Т. – Семен Григорьевич Томсинский
С.Ф.П., С.Ф. – Сергей Федорович Платонов
Тр.С., Тр. Лавра, Тр.-Сер. Лавра – Троице-Сергиева лавра

Не раскрывались также и широко распространенные сокращения, принятые корреспондентами и обычно не вызывающие разночтений (например: р. – рубль, г. – год, в. – век и другие).

Д.Б. Споров

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 20 мая 1929 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Степан Борисович! / В четверг вечером¹ выезжают в Москву С.Ф. Платонов², А.И. Андреев³ и я с целью в пятницу устроить Московское заседание Археографической Комиссии, в повестке коего должен стоять вопрос об издании памятников по истории сельского хозяйства и населения⁴. / А в субботу было бы очень хорошо и для дела полезно устроить совещание^{1*} с молодежью, которая работает под Вапшим руководством⁵ и которую Вы намечаете для дальнейшей деятельности в той же области. / Это второе заседание будет, конечно, не официальным, но от него, я думаю, зависит спайка в работе и взаимное понимание всех сотрудников. / Было бы очень удобно, если бы мы с Вами успели до заседания Комиссии набросать проект, который бы мы // смогли предложить Комиссии на усмотрение и обсуждение. / Для предстоящего заседания помещение Вы, вероятно, найдете, м[ожет] б[ыть] и повестки найдете нужным разослать, если нельзя обойтись телефонным оповещением членов Комиссии⁶. / С удовольствием вспоминаем мы с А.И. Андреевым Ваше пребывание в Ленинграде и с радостью ждем встречи с Вами в Москве. / Я лично шлю Вам до предстоящего^{2*} свидания свои наилучшие пожелания. / Ваш Б. Греков.

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 1–3 июня 1929 г.

Б. Дм. / С 3 по 17 июня получил очередной^{1*} отпуск. В месячном отпуске без сохранения содержания^{2*} отказано, но еще^{3*} надеюсь уладить дело⁷. Если не улажу, то придется решать вопрос о дальнейшей службе. А тут еще получил из РАНИОН известие, что с 1/X весь состав Ин. Истории “распускается” в связи со слиянием Ин-та с Комакадемией⁸. Вчера был у Дм. М.⁹; он ничего не знает; сам решил уйти во всяком случае; говорил, что по слухам предполагается некоторых профессоров сохранить в качестве техспецов. Кто попадет в это число, неизвестно. Информировал в общих чертах Дм. Моис. о деле^{4*} Ал. Ив.¹⁰, – он всецело на стороне Арх. Ком. и Академии. Пишу Вам на тот случай, если вы приедете в М. в первой половине июня. 4-го рассчитываю поехать в Сергиев¹¹, недели на полторы, чтобы отдохнуть. Как мне узнать о Вашем приезде, чтобы повидаться [?] Мой адрес в Сергиеве: Бульварная, 8 (Красюковка, д. Алексеевой). / Совершенно не понимаю^{5*} С.Ф.П. и его отношение ко мне. Мне кажется, что я не давал ему решительно никакого повода быть на меня в обиде или претензии. Если в его представлении я нахожусь под одной скобкой с Ал. Ив., то б^{6*} 7* можно только^{7*} сказать, что он совсем не в курсе московских дел и отношений, и не только теперь, но вообще за последние 3–4 года^{8*}. Конечно беседы с Д.Н.Е.¹² не могли ему дать правильного представления. // С удовольствием вспоминаю наши беседы о вотчин[ном] режиме и хозяйстве. / Живя в С[ергиеве], попытаюсь соединить отдых с обработкой черновых набросков о вотчин[ном] режиме, представляющих продолжение к напечатанной работе¹³. Здесь – целый ряд вопросов, которые надо осветить. / I. Земельные отношения государя и крестьян^{9*} (индивидуальн[ые] наделы XV в. и вопрос

^{1*} Далее зачеркнуто – со студ.

^{2*} Слово вставлено над строкой.

^{1*, 3*} Слова вставлены над строкой.

^{2*} Далее зачеркнуто – пока.

^{4*} Исправлены предлог и окончание.

^{5*} Далее зачеркнуто – как и чем я мог.

^{6*} Далее зачеркнуто – могу.

^{7*-7*} Вставлено над строкой.

^{8*} Далее зачеркнуто – В этом отношении.

^{9*} Далее зачеркнуто – хутора и мелкие деревни – укрупнение [селений].

о земельн[ых] и беззем[ельных] селений в боярщине). / II. Отношения на почве госуд[арственного] тягла и вопрос о круговой поруке крестьян боярщины (что вовсе не исконное явление). / III. Личные отношения. Суд и администрация. Развитие власти над личностью вопрос об имущественных правах крестьян. / А в основу всего^{10*} положить мысль, что^{11*} многосторонн[ий] и сложный институт, кот[орый] назыв[ается] креп[остной] зависимо-стью складывался^{12*} в течение 2 веков. При этом взгляде на дело вопросы о Юрьеве дне, об урочных летах для сыска, о^{13*} задолженности и т.п. становятся эпизодами, отдельными моментами сложного процесса, которому надо дать такую именно широкую постановку. / Увидимся поговорим. / P.S. Ал. Игн. рассказал мне последние^{14*} этапы “дела”, а больше я пока ничего^{15*} не знаю.

3

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 15 июня 1929 г.

Дорогой Степан Борисович! / Не писал вам, п[отому] что твердо верил, что вот-вот Вас увижу, и поговорим тогда обо всех интересующих нас обоих предметах. Но вопрос о билетах настолько оказался сложным, что я его благополучно разрешил только на 16-ое число. К этому времени поезда изменили свое движение, и мы проезжаем Москву, не останавливаясь, так что я, к своему большому огорчению, Вас не увижу. / Спешу все-таки передать Вам мое и Тамары Михайловны¹⁴ приглашение остановиться у нас, если это Вам будет удобно. Остается в квартире мамаша Тамары Мих., Раиса Мих. Она Вам сможет приготовить утром и вечером чай, что же касается прочего, то она не в состоянии быть Вам полезной, // так как сама тоже не будет готовить (для одной это не удобно). / Большой поклон и привет Ольге Александровне¹⁵. Если она захочет побывать у нас, милости просим – вся квартира в Вашем распоряжении. / Будьте здоровы! / Напишу Вам уже из Крыма. / Ваш Б. Греков. / Ехать от вокзала ко мне на № 19. Остановка у Басейной¹⁶. Билет 7 коп.

4

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Феодосия, 30 июня 1929 г.

Дорогой Степан Борисович! / Побывали ли Вы в Ленинграде и что оттуда вывезли? Пригодилась ли Вам моя квартира? Я уже целую неделю живу в Феодосии. Городок маленький, тихий, хорошее море. Отдохнуть можно. Еще не жарко, но для северянина достаточно тепло. Заканчиваю статью о происхождении в России крепостного хозяйства и права¹⁷ и обдираю Вас порядочно и всесторонне: пользуюсь и последней статьей и Арзамасскими актами, вспоминаю и Сошное письмо¹⁸. На этот предмет отпущено мне 4 листа. Есть где коснуться разных сторон дела. Стою на тех же точках зрения, что и Вы, и пишу в том стиле, как мы с Вами беседовали. Только под руками у меня книг нет, в библиотеке местной тоже ничего нет, а со мной только мои заметки, отрывочные и неполные. Шлю привет Ольге Александровне. Передайте, пожалуйста, Сперанским привет и напомните А.Н.¹⁹, что я предупредил у себя дома на случай его приезда: пусть направляется прямо туда. Им я напишу^{1*} и отдельно. Желаю всего лучшего!^{1*}

10, 15* Слова вставлены над строкой.

11* Далее зачеркнуто – самый.

12* Далее зачеркнуто – не.

13* Вставленное над строкой слово неразобрано.

14* Далее зачеркнуто – переп.

1*-1* Написано на левом поле.

Москва, 6 июля 1929 г.

Дорогой Борис Дмитриевич, Вашим любезным приглашением не пришлось воспользоваться, т[ак] к[ак] совещание не состоялось²⁰. Дело в том, что Я. поехал в Л. по делам своей библиотеки²¹ как раз в тот день, когда ему и мне были посланы приглашения на 21-е. Пробыв в Л. 5 дней, он должен был вернуться к пятнице в Москву. В четверг (20-го) после службы я получил телеграмму об отмене заседания. Были ли у них какие-либо разговоры, не знаю, – Ал. Ив. мне ничего не говорил. При встрече со мной он только сказал, что все это ему надоело, и что он будет работать в Москве самостоятельно, о чем предупредит М.Н.П.²² Я недоумеваю и ничего не могу поделать, тем более что раньше не понимал С.Ф. и Ал. Ив., а теперь перестаю понимать и Ал. Игн. Разрешение на отлучку в Л. (ввиду начавшейся чистки) я получил не без затруднения. Затем, как полагается, стоял в очереди за билетом. Телеграмму Андреева получил в четверг после службы, и должен был возиться с возвратом билета в кассу. Казалось, что одно это, не говоря о существовании дела, давало мне основание ждать письма с объяснением, что произошло, почему отложено заседание, на сколько времени и т.п. // Между тем пошла третья неделя, а от Ал. Игн. и С.Ф. я не^{1*} имею^{2*} никаких^{3*} известий^{4*}. Я не любитель китайских церемоний, но такая форма отношений мне представляется чуждой и не целесообразной. / Большие сомнения вызывает у меня и вторая “акция” Ал. Игн. – посылка предложения Черепнину и Новосельскому²³ представить в Арх. Ком. планы изданий их материалов. Я думаю, что это можно было бы сделать только после того, как было бы достигнуто^{5*}то или иное^{5*} соглашение с Ал. Ив. и со мной, или с одним из нас, но не через голову Ал. Ив. и мою²⁴. Представьте себе в какое неловкое положение будут^{6*} поставлены эти молодые люди, – ведь Черепнин служит в библиотеке у Ал. Ив., где последний его устроил, а Новосельский служит в Центрархиве²⁵, который, как я слышал мельком от Черепнина, сам хочет издать акты Морозовских вотчин²⁶. Мне представляется что заваривается такая чепуха^{7*}, что расхлебать ее будет труд[но]. / Наконец, считая желательным высказаться откровенно и по третьему вопросу, который меня весьма смущает. Прошло более двух месяцев, как я письменно и устно // предложил Арх. Ком. поехать на обследование северных архивов, причем подчеркнул, что не претендую на командировку, связанную с большими для Арх. Ком. расходами, т.е. что большую часть расходов принимаю на себя. От С.Ф. по этому вопросу услышал только брошенную устало-равнодушным голосом фразу: кажется, в Арх. К. на это есть средства. И больше ничего! От Ал. Игн. не получаю до сих пор никакого ответа. Как это понимать? Если бы мне было сказано, что у Арх. Ком. нет средств, или что подобная поездка не входит в ее планы, или, наконец, я являюсь не вполне подходящим лицом (практичностью я не отличаюсь, и едва ли сумел бы, если понадобилось бы, уладить вывоз документов), то тот или иной прямой ответ ничуть меня не обидел бы. Совершенно иное впечатление производят устало-небрежное безразличие С.Ф. и “фигуры умолчания” Ал. Игн. Неужели придется прийти к выводу, что в Главнауке²⁷, у М.Н.П., у Петрова²⁸ и т.д. можно встретить больший интерес к моим научным работам, внимание, сочувствие и поддержку // чем в Арх. Ком. Акад. Наук? А похоже, что дело обстоит именно так. В прошлом году, чтобы получить командировку в Тр. С. лавру, мне понадобилось не более часа времени и короткого разговора, а через некоторое время я получил под видом премии 300 руб., что дало мне возможность проработать в лавре почти 5 месяцев и скопировать более 1500 актов. Неужели Ал. Игн. сомневается, что и теперь я мог бы при желании получить немедленно командировку – и не только из Главнауки, но и даже из Центрархива! / Знаю, дорогой Борис Дм., что все это Вас огорчит, но видно такова наша судьба, – всем нам предстоит пройти через подобные разочарования. За последние дни на меня свалилась еще беда – страшный приступ невралгии (тройничный нерв). Не знаю, как и во что разыграется. Как идет Ваша работа? Мне кажется, что в процессе работы иногда бывает полезно оторваться на время от источников и попытаться изложить свои мысли без цитат. / Послано с небольшими изменениями 6/VII 1929 в Феодосию.

^{1*} Далее зачеркнуто – получаю.

^{2*}, ^{4*}, ^{5*}–^{5*}, ^{6*} Слова вставлены над строкой.

^{3*} Далее зачеркнуто – информаций.

^{7*} Далее зачеркнуто – которая хуже скверного ведевила.

Феодосия, ... июля 1929 г.

Дорогой Степан Борисович! / Конечно, Ваше письмо меня огорчило. Не письмо, а то, что Вы в нем сообщаете. Самому же письму очень я обрадовался, потому что со времени последних наших встреч, у меня сохранилось так много приятного и глубокого, что всякое напоминание об этом и намек на возможность повторения пережитого^{1*} доставляет мне большую радость. / В своем письме Вы кроме фактов, для меня неожиданных, говорите еще о Ваших собственных впечатлениях, которым я могу сочувствовать больше, чем кто-либо иной, так как сам уже несколько лет живу этими же или весьма близкими к ним наблюдениями, которые приходится мне по совершенно понятным причинам переживать острее, чем Вам. / Перед моим отъездом из Л-а дело обстояло так: С.Ф. и А. Игн. ожидали свидания с Вами и А.И. Я-ым для окончательных переговоров, так как появились деньги, которые нужно было использовать теперь же. Предполагалось, насколько мне известно, что Вы возьмете на // себя руководство над работой молодежи по выявлению материалов и пр[очее]. Ваше положение должно было соот[ветствующим] образом оформиться в Комиссии в том смысле, как мы с Вами говорили в Москве. Предполагалось, что А.И. Я-в будет еще “обдумывать”, но ряд предложений, для него приемлемых, было заготовлено и для него (об этом тоже была у нас в Вашей столовой речь). Я был огорчен тем, что приходится уезжать раньше этого совещания, так как А. Иг. у нас в Комиссии завел диктаторское положение в смысле отпусков. Пришлось ехать, так сказать, в принудительный отдых. Но мы с ним условились, что он мне напишет обо всем. Я ему послал письмо раньше, чем Вам, и до сих пор не имею ни строчки. Что там произошло, положительно не представляю. Но думаю, что не даром А. Игн. молчит²⁹. / Еще меньше понимаю, почему так странно Комиссия реагирует на Ваше предложение поехать в экспедицию? Может быть, деньги иссякли? И я такое положение могу предположить, так как по этой статье деньги как будто бы (насколько я знаю, а знаю я вообще очень мало деловую сторону Комиссии) иссякли. Но // все равно, как бы фактически дело не обстояло, Вы должны бы знать настоящее положение, и, почему Вас не известили, я отказываюсь понять. / Переговоры с А.А. Новосельским и Л.В. Черепниным, как я их понимаю, не должны были идти через Вашу голову. Если А.И. Я-ев в этом смысле представлял собой позу, которая не обещала ничего доброго, и потому Комиссия могла, не рассчитывая на него, так или иначе обойти его в стремлении все-таки организовать начало работы, то с Вами во всяком случае должны были вестись на эту тему очень определенные и конкретные разговоры. Я уезжал в полной уверенности, что это так и будет. Как будто, насколько мне известно, А. Иг., еще оставаясь в Москве после моего отъезда, лично договорился в этом смысле и с А.А. Новосельским и Л.В. Черепниным. То, что сейчас получается, мне совсем не понятно и крайне досадно. / Моя работа^{29а} здесь писалась впопыхах, к сроку, без возможности навести справку, так что я ею не доволен. Пришлось отправлять ее в том виде, в каком она вышла. / Рассчитываю на корректуру. В основном всем я представляю вопрос так же, как и Вы. Расхождений нет, если не считать мелочей в роде расценки (так в тексте. – Д.С.) археографических приемов Татищева³⁰: я вполне согласен с тем, что он старался передать точный^{2*} смысл документа, но он допускал всякие вставки, пропуски и иногда толкования. Справка с хозяйственным положением служилого человека мне нужна для изображения условий, при которых произошло закрепощение^{3*} как деталь “вотч[инного] режима”^{3*}, самое закрепощение идет в интересах служилого человека законодат[ельным] путем: борющиеся за рабочие руки силы государственную власть не игнорировали и не могли игнорировать при существующем строе. Первый запов[едный] год 1581, а затем идет серия их. Указ 1607 г. подлинный, но он^{4*} “замер” вместе с низложением его автора: служилому человеку^{5*} пришлось сызнова бороться, но уже не за отмену выхода и вывоза, а за уничтожение урочных лет: “отказов” уже не существовало после 1601^{6*}–1603 года, последних “выходных” (они же, по-видимому, и первые). Вот главные положения. / Желая Вам и отдохнуть и поработать. Спасибо за хорошее письмо Ваше, из которого я вижу, что Вас ин-

1*. 2*. 3*-3*. 6* Слова и дата вставлены над строкой.

4* Далее зачеркнуто – был отменен.

5* Слово написано под титлом.

тересует больше всяких деловых узлов научная работа, которая и для меня есть неиссякаемый источник, спасающий в тяжелые минуты “деловых осложнений”. Ольге Александровне большой привет. Очень мне хочется, чтобы Вы вместе с ней побывали у нас в Ленинграде на Озерном. / Ваш Б. Греков.

7

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 4 декабря 1929 г.

Дорогой Степан Борисович! / Ваше письмо получил и Ваше заявление³¹ будет представлено в заседании группы историков. / Алексею Ивановичу я ответил уже давно в ответ на его открытку. Справка в Упр[авление] Делами выяснила, что вопрос о деньгах осложнился и проходит в Москве. Да и вообще предстоит в ближайшей сессии перераспределение ассигнований на Гуманит[арное] Отделение. Что касается дальнейшей работы АК, то, я думаю, она примет несколько иной вид, чем был раньше. Вероятно “члены” Комиссии будут распущены и произойдет новый набор действительно необходимых для работы людей³². По крайней мере, я сужу так по некоторым намекам и слухам, циркулирующим // вокруг этого вопроса. Тогда и Московское Отделение примет м[ожет] б[ыть] иную форму. Во всяком случае, было бы очень нужно сохранить единство в приемах и целях работы. Мне было в Вашем проекте приятно читать подчеркнутой ту же мысль. На счет особых ассигнований – это дело бухгалтерии и я его не касаюсь: научная сторона дела, во всяком случае, расхождений у большинства не вызывает. Шлю Вам и Ольге Александровне самые лучшие пожелания. После сессии напишу Вам обстоятельнее. / Ваш Б. Греков.

8

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 9 января 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Давно собираюсь написать Вам, но всякие события нашей жизни то отвлекают, то утомляют и не дают возможности делать то, что хочется³³. / Прежде всего хочу поблагодарить Вас за Ваш отзыв³⁴, который показывал мне Д.М. Даже принимая во внимание “целевую установку” его, все же Вы там сильно преувеличили мои добродетели. Спасибо Вам за доброе отношение и содействие в предприятии, возникшем при особых обстоятельствах, которые Вам, надо думать, известны от Д.М. / Затем хочу обратиться к Вам с просьбой помочь вот в каком деле. Арх. Ком. наметила новый том Рус[ской] Ист[орической] Биб[лиотеки]³⁵, который должен быть посвящен истории рус[ских] промыслов, всяких производств (кожевенного, поташного, стеклянного и прочее)-пр[очее]...^{1*}). Материал // некоторый у нас тут имеется, но без содействия Москвы обойтись будет трудно. АК просит Вас помочь в этом деле своим советом и действием, понимаемым в том смысле, что Вы могли бы указать нам на материал, либо предоставить нам свой собственный готовый, если он у Вас есть. Может быть нужно кого-нибудь засадить там за работу по розыску таких материалов. Немного денег у Комиссии найдется, чтобы оплатить расходы. / А.И. Яковлев приезжал сюда в мое отсутствие, и я его не видел. Слухи у нас есть, что он предпринимает кой-что^{2*} по издательству и по организации Отделения Комиссии. Последнее предприятие, конечно, сложное и чревато всякими последствиями. Первое легкое и доступное всякому согласованию, к которому всегда стремилась АК. Вашу записку я доложил в заседании группы историков, экономистов и социологов. Постановлено согласовать деятельность Москвы и Ленинграда (план и пр[очее]-пр[очее]...), а затем иметь суждение о стройке нового учреждения в Москве³⁶. Но жизнь

^{1*} До XVII в. включительно. – Примеч. Б.Д. Грекова.

^{2*} Далее зачеркнуто – в научном смысле и в смысле.

не стоит на месте, и может быть, в январскую сессию мы узнаем новости в связи с возвращением М.Н.П. в Москву³⁷. Очень прошу Вас ответить нам по вопросу, нас в данный момент особенно интересующему, именно о материалах по истории русских производств. Главная цель этого издания заключается в том, чтобы дать исследователю возможность подойти к вопросу о происхождении рабочего класса в связи с ростом нашего хозяйства вообще. Это исполнение нашей пятилетки под руководством нового зам. председателя С.Г. Томсинского³⁸, который за дело принялся энергично. Ученого секретаря у нас пока еще нет³⁹. Шлю Вам самые лучшие пожелания. Ольге Александровне привет. Еще раз Вас благодарю. / Ваш Б. Греков.

9

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 14 января 1930 г.

Дорогой Б.Д.! Чтобы не задерживать ответа, пишу Вам наскоро и в общих чертах. Весьма сочувствую предприятию Арх. Ком. и готов принять в нем участие. Замечу только, что следует избежать старых ошибок и дать не случайный набор актов, а тщательно подобранные группы актов из соответствующих архивных фондов; за ряд лет, чтобы была возможность изучить динамику явлений. Вот какие группы документов пришли мне на память сразу, без долгого обдумывания и поисков в своей памяти. / 1) Акты о Тульских промыслах. Добыча железа, кузнечное дело, ружейное и т.д. Можно найти большой и очень ценный материал. 2) Меньше актов, но интересны по тому же вопросу в Устюжне Железнопольской. 3) По кирпичному и гончарному производству и каменному строению есть очень интересные фонды, напр[имер] дело о постройке Смоленской и Архангельской крепостей (Ценные акты об условиях свободного наемного труда). 4) Акты первой Смоленской войны по снабжению армии: шубники, чулочники, седельники, харчевники, зеленники, и т.д. 5) Акты о сборе пятой деньги: перв[ые] годы после Смуты, затем для Смоленских войн и т.д. Большой материал для истории торговли и разных промыслов. 6) По соляным промыслам. Акты XVI–XVII вв. из Арх[ива] Тр. Лавры и №3 [?] приходно-расходные книги последней четверти XVI в. и за весь XVII век // старцев соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря. Каждая книга не велика, займет 5–6 стр. и в целом дадут картину за 100 с лишним лет. Таких книг штук 40. Содержание – расходы по оборудованию промыслов, найму и кормлению работных людей, продаже соли и т.п. 7) Очень большой материал по поташному промыслу в Прик[азных] д[елах] ст[арых] л[ет] и в делах Тайного приказа (и в бывшем Дворцовом архиве) – 8) По стекольному и гончарному делу есть интересные материалы у Н.А. Баклановой⁴⁰, с которой я могу переговорить. Как видите, материалов очень много. Небольшая часть их у меня скопирована, но все – на виду. Все дело в том, чтобы иметь средства их скопировать и подготовить к печати. Сообщите об этом Томсинскому. Конечно, я должен получить официальное предложение начать работу, с указанием условий работы и оплаты труда переписчиков. Было бы очень хорошо, если бы удалось наладить это дело в Арх. Ком. Пока до свидания. Служу в библиотеке, занимаюсь с аспирантами в КУТВ им. Сталина и в Инст. Народ[ов] Востока⁴¹. Работаю, хотя урывками, но много, по землевладению XV в., боярскому и монастырскому. Много написано уже, но дело задерживается недостатком хороших карт. Всего лучшего! Искренне Ваш. С.Б.

10

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 23 января 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Спасибо Вам за письмо, полученное вчера. Я его содержание сообщил С.Г. Томсинскому, и он просил поблагодарить Вас за готовность работать вместе с нами. / В первую очередь необходимо приготовить материалы по железным заводам. У нас здесь имеются приходно-расходные книги Тульских, Каширских и Олонце-

ких заводов за XVII в. (с 1664 по конец века). Кой-что есть в Пушкарском приказе по тем же заводам. Если Вы дадите что-нибудь в^{1*} дополнение к тому, что у нас есть, получится цельный сборник. / Основная цель сборника (тема) – это история рус[ской] мануфактуры и образование рабочего класса в Московском государстве. Последний момент подчеркнут. / Приходо-расх[одных] книг имеется у нас 11 штук. Думаю, что они займут листов 14 печатных, м[ожет] б[ыть] немножко больше. Возник вопрос о некоторых сокращениях при печатании (новость в нашем деле, хотя изредка практиковавшаяся Калачевым⁴², Дружининым⁴³ и др[угими]) в целях выигрыша места. Но этот вопрос будет обсуждаться всесторонне. / Сейчас посылаем в Ваше распоряжение небольшую сумму денег, а из след[ующего] аванса, т[аким] о[бразом] недели через 2, пришлем Вам // 100 рублей и обещаем^{2*} прислать и в следующий месяц столько же в зависимости от работы Вашей. Это на снятие копий и вообще на подготовку^{3*} данного^{4*} издания в Ваше распоряжение. Больше не обещаем, п[отому] что у нас денег мало, но в дальнейшем, т[аким] о[бразом] **в связи с кредитами по крест[ьянскому] вопросу⁴⁴** эта сумма будет, конечно, увеличена. Так что отпускаемые сейчас^{5*} средства только на **экстренную работу**, а не на ту, которая установится после выполнения экстренной. / Экстренность понимается в буквальном смысле, п[отому] что нам необходимо, **как можно скорее**, сдать в типографию материал: иначе к 1 октября типография не успеет выполнить работы. / Шлю Вам и Ольге Александровне самые лучшие пожелания. До свидания. / Ваш Б. Греков. / Пишу сейчас на службе и потому касаюсь только деловой стороны. На днях напишу другое письмо. Еще раз всего Вам доброго. 23/II[1930] / ^{6*}Было бы очень хорошо, если бы можно было найти описание Толвуйского и Шунгского погостов Обонеж[ской] пятины (60–70 гг. XVII в.), так как из этих погостов вербовались рабочие на Олонецкие заводы. У нас есть Шунгский погост в фонде Тихв[инского] монастыря. Толвуйского нигде нет у нас. В Описании документов А.М.Ю. нет Обон[ежской] пятины за это время^{6*}.

11

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 3 февраля 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Только что отошла сессия, и я более спокойно могу писать Вам о наших делах. Была у Вас Р.Б. Мюллер⁴⁵ и по нашей просьбе беседовала с Вами, кроме того, у меня имеется Ваше письмо. / Хочу рассказать Вам конкретнее, чем в первый раз, что у нас тут делается. / Подготавливается Сборник по истории мануфактуры Москов[ского] госуд[арства] XVII в.⁴⁶ В основу его положены следующие книги: / №№ 1–2. Приходно-расходные книги Олонец[ких] заводов 180 и 181 гг. / 3. ^{1*}Тульских и Каширск[их] 172 г. / 4. 5. 6. 7. Описания (Переписи) волостей, приписанных к этим заводам. Того же приб[лизительно] времени. / 8. 9. Описания самих заводов того же времени. / Затем имеется кой-какой материал по Пушкарскому приказу о тех же заводах. Итак, у нас разрабатываются Олонецкие, Тульские и Каширские железные заводы. Все это может так или иначе осветить жизнь // этих заводов, гл[авным] обр[азом] положение рабочих и их происхождение, очень ценно для этого сборника. В нашем распоряжении имеется около 30 печ. листов. Часть их уже заполнена указанным мною материалом (Думаю, листов 18–20). Значит, есть еще место для всяких дополнений и цельных^{2*} новых материалов. Конечно, можно делать всякие комбинации в роде замены одного документа другим по степени их интереса. / Мы просим Вас принять участие в этом сборнике и не сомневаемся, что у Вас найдется, как вы и сами пишете, по этому предмету много интересного. / Деньги (100 руб.) пошлем на днях – это на расходы гл[авным] обр[азом] по снятию копий по Вашему указанию. Если разбогатеет, пришлем и больше. Вообще будем стараться исполнять Ваши требования, о чем и ждем Ваших сообщений. / Вот как обстоит дело в данный момент // в Комиссии. / Обонежская пятина пошла в набор⁴⁷. Может быть случайно у Вас

^{1*}, ^{4*}, ^{5*} Слова вставлены над строкой.

^{2*} Далее зачеркнуто – регулярно.

^{3*} Далее зачеркнуто – работ.

^{6*–6*} Написано на левом поле.

^{1*} Перед словом – длинная горизонтальная черта.

^{2*} Написано из исправленного – цельных.

окажется какие-ниб[удь] отрывки Сабуровского описания, нам не известные. Будем очень благодарны. / Д.М. П-ому я передал словесно все, что относится к этому делу вообще. Он ему сочувствует, сам непосредственно принимал участие в делах Комиссии и расскажет Вам свои впечатления. Ваше дело академическое отложено, отложено и мое маленькое дело. Значит, будем “ждать”⁴⁸. Ольге Александровне привет большой. Очень хотелось бы видеть ее вместе с Вами у нас в Л-де. Будьте здоровы и благополучны. / Ваш Б. Греков. / Озерный пер. 2, кв. 24. / P.S. Сейчас у нас заведены новые формы отчетности. Поэтому прошу Вас прислать нам “Договор” такого содержания: “Я такой-то обязуюсь в течение месяца ^{3*} с 15 янв. по 15 февраля^{3*} выявить // и снять копии с материалов по истории Оло-нецких и Тульских железных заводов, хранящихся в Московском Древлехранилище за 100 рублей. / Подпись. / ^{4*}1 февраля 1930 г. / Деньги будут высланы немедленно по получении этого “договора” от Вас. Этого требует наше Управление Делами. / Б.Г.

12

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 26 февраля 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Очень прошу Вас сообщить точные даты книги, копируемой для АК (начальную и конечную), и^{1*} сколько там листов вообще. Сколько по Вашему предположению может там оказаться печатных листов. Это нам нужно для планировки всего издания. Затем второй вопрос есть. В прошлом году с Вами шли переговоры (далее переговоров дело и не пошло) относительно научной экспедиции. В этом году у нас есть возможность ее осуществить. Хотелось бы знать Ваше мнение по этому предмету. Если ли, наприм[ер], смысл поработать для Арх. Ком. в Лавре, или Вы уже там все обследовали? Вообще интересно знать Ваши соображения, чтобы потом так или иначе скомбинировать их с нашими планами и возможностями. Мы предполагаем обследовать Вологду, м[ожет] б[ыть] Иванов[о-] Вознесенск, Нижний и др[угие] местные архивы для поисков // материалов как по ист[ории] промышленности, так и сельского хозяйства. Не дурно бы поискать вообще материалов, которым угрожает быть может гибель от неподходящих условий хранения и пр[очее]-пр[очее]... / Если у Вас есть какие-либо соображения на этот счет, черкните. / Ждем с нетерпением присылок Ваших копий, чтобы предпринять поиски и справки относительно их подлинников и их печатания в разное время. / Ольге Александровне большой привет. / Ваш Б.Г.

13

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 4 марта 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич! / Посылаю Вам первую долю исполненной работы⁴⁹ – 116 листов подлинника, что составило у меня 33 листа (считая лист по 4 стр[аницы] в 25 строк каждая). По моему расчету это представляет 1/5 часть всей книги, а всего в моей копии будет около 175 листов. Зная количество слов печатного листа, Вы можете легко рассчитать сколько печатных листов займет вся книга, если не делать купюр. На мой взгляд купюры вполне возможны и сократили бы рукопись процентов на 10–15. Даты книги: 176 г. май (1668. – Д.С.) по июль 184 г. (1676. – Д.С.) (В тексте есть документы и более раннего времени, в качестве справок в докладах). / Просмотрел все картоны Горных дел, и выяснил, что других книг подобного рода больше нет. Для нашего издания нашел большой столбец, очень ценный, который // необходимо использовать. По времени и содержанию он составляет одно целое с книгой. Это – дела тех же заводов в руках Марселисов при-

^{3*-3*} Вставлено над строкой.

^{4*} Далее зачеркнуто – месяц, год.

^{1*} Слово вставлено над строкой.

близит[ельно] за те же годы. Они оч[ень] ценны тем, что дают интересный материал для истории быта и рабочей силы заводов, т.е. как раз то, чего в книге нет. Копирование столбца замедлится, т[ак] к[ак] в нем много неразборчивых черновиков, дьяческих помет, и др. трудных для списывания актов, т[ак] ч[то] мне придется копировать самому. В столбце м[ежду] п[рочим] находится духовное завещание П. Марселиса. Этот материал будет оч[ень] целесообразно пустить во II т., после книги 176–184 гг., в дополнение к ней. / Ваш второй вопрос о научной экспедиции в поисках новых материалов по истории народного хозяйства. Принять в ней участие я готов во всяком случае. Весь вопрос – что целесообразнее подвергнуть // обследованию. Весь Троицкий архив, включая рукописи б. Дух[овной] Акад[емии] и Вифанской Дух[овной] Семинарии, перевезен в Ленинскую библиотеку. Затем, в Центрархив (в Госуд[арственное] Древлехранилище) свезено много монаст[ырских] архивов, напр[имер] Макарьева Калязина, Гledenского, Волоколамского и других. Было бы оч[ень] важно обследовать эти архивы. О ценности Калязинского архива я Вам говорил – в нем я нашел около 50 актов XV в., чрезвычайно ценных. Но я обследовал только первые 4 книги, а с 5-й книги идут акты XVIII в., представляющие оч[ень] ценный для истории сельск[ого] хозяйства материал. Затем, и Троицкий архив обследован мною только в древнейшей части (XIV–XVII вв.) / Организационные удобства обследования этих свезенных в Москву архивов ясны, а научная целесообразность несомненна. Из числа местных хранилищ мне кажется // желательным обследовать губархив г. Владимира, куда, как слышал, свезено много архивов Переяславщины. Об Иваново-Вознесенском архиве я ничего не знаю. Во вторую после Владимира очередь, желательно, конечно, обследовать Вологодский губархив и музеи. Каковы там условия работы, не знаю. В свое время я запрашивал Арх. Ком. о Кирилло-Белоозерском архиве, но не получил ответа. Все ли вывезено оттуда в Ленинград? Что свезено в Феропонтовский музей? / В общем, обследование свезенных в Москву архивов имеет большое преимущество в смысле эффективности, т.е. тем, что в более короткий срок и с меньшими издержками может дать более крупные результаты. В несвезенных архивах, конечно, возможны тоже открытия, но результаты // обследования нельзя предвидеть. Лично я предпочел бы или поработать в Москве, или если ехать, то в такие условия работы, где не было бы никаких трений с Центрархивом и местными губархивами и музеями. В Вологде, кажется, можно найти благоприятные условия. / О лете не решаюсь пока загадывать, т[ак] к[ак] до него далеко, а у меня за последнее время появились признаки подагры и боли в спине, не знаю, как дотяну до лета. / По этой же причине не решаюсь сделать Арх. Ком. заявку о печатании в Летописях моей работы⁵⁰, которую, в сущности, осталось только оформить и перебелить, на что я не^{1*} имею пока^{2*} сил и времени. Пока до свидания. Преданный Вам С.В. / P.S. Судя по рассказам одной моей ученицы, в Нижнем нет особо ценных фондов за время до XVIII в.

14

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 19 марта 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / От АК к Вам просьба справиться, где Вы найдете удобный, относительно следующего замечания **Хмырова**⁵¹ “Металлы, мет[аллические]^{1*} изд[елия] и мин[ералы]”. 1875 г.^{1*} “В библиотеке Боровского Пафнутьева монастыря^{2*} сохранились условия, несколько раз заключающиеся Акемою с монастырем о наеме рудодобываемых земель для разработки”. М[ожет] б[ыть] там что-ниб[удь] есть интересное для нас. / Затем, у Токмакова И.Ф.⁵² “Указатель материалов по ист[ории] промышленности и развития прикл[адных] знаний в России” на стр. 7 значится “1669 г. дек[абря] 9 – 1675 г. авг[уста]”^{73*}. Столб[ец], содержащий в себе разные дела по Каширским и Тульским жел[езным] заводам, бывшим в ведомстве иноземца Петра Марселис[а] с его детьми (см.

^{1*} Слово вставлено над строкой.

^{2*} Далее зачеркнуто – само.

^{1*-1*} Вставлено над строкой.

^{2*} Здесь и далее в письме слово под титлом.

^{3*} Написано из исправленного “5”.

реестр приказным делам древних лет, ч. IV, л. 240 об. св. 413)”. А выше над этим текстом помещено указание на документы, с которых Вы снимаете копию. 1668–1676. / Первый выпуск будет посвящен “Книгам”, актовый материал пойдет целиком во 2-ой. / Ждем от Вас еще присылку. / Деньги отправим Вам скоро: уже началось движение канцелярское по этому предмету. / О летних командировках нужно будет подумать серьезно. Я думаю, что удастся нам командировать вас в архивы Лаврские и др[угих] московских^{4*} монастырей, п[отому] что мне кажется, будет трудно командировать Вас в Москву, поскольку Вы там живете. Подумаю во вс[яком] случае, и м[ожет] б[ыть] Вы тогда бы взяли на себя подготовку материалов сначала Калязинского монастыря, а затем и чего-ниб[удь] другого. Необходимо договориться о деталях. Ольге Александровне шлю поклон и привет. / Ваш Б. Греков.

15

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 26 марта 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич. / Посылаю вам сегодня 60 ¹/₂ листов копий из книги 1668–1676 гг. и 8 ¹/₂ листов копий из того столбца 1669 г. 9/XII, который указан Токмаковым, и о котором Вы писали в последнем письме. Всего в этой посылке отправлено в Арх. Ком. 102 листа, счет на которые прилагаю к этому письму. Архив Боровского монастыря находится в Госуд[арственном] Дрeвлехранилище, и я наведу справку относительно того документа, на который указывает Хмыров. / Отпишите о получении копий, а также о том, правильно ли я оформил счет и полученный аванс. На днях пойду в Центрархив и наведу справки относительно условий работы в Костроме, Владимире и Вологде. Если в Костроме есть музей или губархив, где можно // будет работать, то я предпочел бы поехать туда, имея в виду архивы Ипатьева, Богоявленск[ого] и др[угих] монастырей, свезенные в Кострому. / Отпишите, предполагается ли выпускать Летописи^{1*} Занятий^{53?} И могу ли я рассчитывать листов на 10 с картой для исследования о вотчинном землевладении в Кашинском уезде XV–XVI вв.? // Работа по этому вопросу приходит к концу и через месяц я мог бы выслать рукопись. Получил библиографич[ескую] работу⁵⁴, которая обеспечивает меня месяцев на 5–6. Поэтому оставляю службу в библиотеке и буду иметь много свободного времени для работы в архивах. Преданный Вам С. Вес. / Уведомляйте меня о получении копий.

16

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 26 марта 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Наш заместитель Председателя Семен Григорьевич Томсинский на днях (завтра, кажется) едет в Москву и очень хотел бы с Вами повидаться или, по крайней мере, потолковать по телефону. / Я не мог ему сообщить Вашего телефона и потому прошу Вас позвонить по № 63–34 Семену Сергеевичу Мильману⁵⁵ (и кто будет в лицах^{1*}) и сообщить там Ваш № телеф[она], по которому С.Г. Томсинский сможет связаться с Вами. / Ждем от Вас продолжения. Деньги вышлем скоро. / Ваш Б. Греков. / Привет О.А.

^{4*} Слово вставлено над строкой.

^{1*} Написано рукой С.Б. Веселовского из исправленного – Записки.

^{1*} Так в тексте.

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 9 апреля 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич, завтра посылаю Вам еще 35 листов книги. Остается и уже скопировано, но не проверено еще листов 40. Т[аким] обр[азом] Вы можете теперь хлопотать в Центрарх[иве] о высылке Вам в Арх. Ком. книги. / Затем у меня скопировано около 20 листов из столбца. Всего будет приблизительно на 300 рублей. Получил я 100 р., а вторых 100 р. до сих пор не получал. Вам нужно будет похлопотать о высылке денег, т[ак] к[ак] без них дело станет. Напишите мне безотлагательно, правильно ли я написал счет, по существу и по форме. Если не правильно, то пришлите мне форму, которой я буду руководиться^{1*} в дальнейших расчетах. С С. Гр. Томс. говорил по телефону. Он предложил мне представить план обследов[ания]^{2*} архивов для наметки и подбора документов по истории // промышленности и торговли, в обширном масштабе. План пришло Вам вскоре. С.Гр. говорил также, как о решенном деле, о моей летней командировке. Предположения свои по этому вопросу я пришло в Арх. Ком., а Вас просил бы очень сообщить, хотя бы приблизительно, о денежной стороне вопроса, чтобы мне знать заранее, как планировать свои работы и чем существовать летом. Это мне необходимо знать, т[ак] к[ак] пока что, на лето у меня останется только один постоянный заработок в 70 р. в месяц. Остальное нужно будет прирабатывать сдельной работой. Спешу закончить письмо, т[ак] к[ак] надо идти на службу. Пока – до свидания. Жду ответа. Преданный Вам С. Вес.

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 11 апреля 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Спасибо Вам за присланный текст. Материал очень интересен. Ждем с нетерпением окончания, так как пора сдавать в набор. Деньги 53 рубля выписаны, м[ожет] б[ыть] Вы даже их и получили уже. Пишу не уверенно, п[отому] что Комиссия сделала все, что от нее зависело, но фактическая отправка денег теперь в руках Управления Делами. / После Тульских и Каширских заводов мы будем очень просить Вас заняться Олонецкими заводами. Мы даже кой-что приготовили, но актового материала у нас мало. / Затем колоссальной важности просьба к Вам относительно сведений о ценах на продукты первой необходимости, особенно на хлеб ^{1*} по Тульской и Калужской и частью ^{1*} // Московской губерниям, где разбросаны были заводы Тул[ьские] и Каширские. / С.Г. Томсинский говорил Вам о том, чтобы Вы присылали свой труд к нам, и осенью мы его пристроим⁵⁶. / Шлю Вам наилучшие пожелания. / Ольге Александровне поклон и привет. / Ваш Б. Греков. / P.S. На счет экспедиции тоже С.Г.Т. Вам говорил: Кострома за Вами. / Б.Г. / 11/IV [1]930. Сейчас говорил с С.Г. Томсинским и записываю то, что он хотел сообщить Вам. Он распорядился, чтобы Вам еще послали денег (50 р.) кроме 53 для ускорения работы как по Тульским, так и по Олонецким заводам. **Работа должна быть спешной**, // так как Издательство на этом настаивает. Мы ведь переписываем здесь Ваши тексты на машинке. / Кроме того, после Олонецких заводов, которые мы должны сдать Издательству в середине июня, мы должны готовить материалы по истории др[угих] промыслов и, в частности, **поташные заводы**, о которых Вы писали мне в одном из своих писем. М[ожет] б[ыть], есть возможность по текстильному делу что-ниб[удь] разыскать, было бы очень хорошо. / Вообще хотелось бы знать Ваше мнение, что лучше всего представлено в^{2*} документах. У меня осталось такое впечатление, что поташные заводы как будто бы представлены лучше других, тогда с них и начинать придется. / Буду ждать Вашего письма и материалов по Тульским заводам. / Б.Г.

^{1*} Написано из исправленного – руководствоваться.

^{2*} Написано из исправленного – исследований.

^{1*-1*} Написано из исправленного – по Тульским и Каширским заводам.

^{2*} Далее зачеркнуто – в виде.

Москва, 18 апреля 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич! До Вашего письма от 11/IV я отправил Вам еще 35 листов книги. Дня через 3 вышло окончание – 40 листов. Они скопированы, но не проверены. Теперь Вы можете затребовать себе в К[омиссию] оригинал, для ведения корректур. По Олонекким заводам нашел отказные книги 7203 (1694/1695 – Д.С.) года. Отпишите непременно, известен ли Вам этот памятник и нужно ли его копировать. О.А. поступила на службу и больше не может мне помогать⁵⁷. Ищу копировщиков, но это не так легко. Все дельные и надежные, из моих бывших учеников по Институту, заняты службой^{1*} и не берутся. / Позволяю себе высказать совет – не разбрасываться и пока отложить поташные, текстильные и др[угие] промыслы, чтобы не обесценить издания. Лучше дать 2 целых тома по металлургии, осветив ее историю полно и разносторонне. У меня намечены материалы по неудавшимся заводам в Смоленске и группа интересных актов по кустарной добыче и обработке железа в Устюжне. / Ваша просьба собрать материал по истории цен на хлеб и проч[ее] меня несколько смущает. По-моему, если братья за это дело, то его надо поставить широко и основательно. Это – серьезный вопрос. Одно движение цен в эпоху медных денег может дать материал для целого тома. А зачем нужны случ[айные] сведения по Туле и Каш[ире], когда мы не знаем даже (пока что) заработанной платы на заводах? Несколько очень интересных актов о вольном и принудительном труде на заводах Марселеса // у меня скопировано и будет выслано вместе с окончанием книги. / По поводу широкого плана и больших заданий, о которых Вы пишете, необходимо вырешить вопрос о более значительных, необходимых для того средствах и о незамедлительной оплате труда лиц, которых я могу пригласить для копирования и проверки материалов. Теперь, когда М.Н. принял на себя председательство в Ар. К.⁵⁸, этот вопрос может быть разрешен более планомерно, в соответствии с заданиями Ар. К. и ее Московского отделения. Передайте С.Г. от меня, что по всем указанным Вами вопросам можно завалить Арх. К. ценными материалами. Первый вопрос – о достаточных средствах. / Затем считаю необходимым высказать следующее соображение о порядке собирания материалов. Вкратце я говорил об этом^{2*} с С. Гр. по телефону, и он просил написать доклад. Вместо доклада прошу Вас переговорить с ним или даже обсудить мое предложение на заседании Арх. К., если таковые у Вас бывают. Вы сразу поймете мою мысль и будете в состоянии развить и аргументировать ее, не хуже меня самого. // Затем, и это тоже важно, такой порядок работы неизбежно сопряжен с большой^{3*} и непроизводительной потерей сил. Поэтому мое предложение сводится к следующему. Первые два тома (Т[ульско] – Каш[ирские] заводы, Олонец[кие] и другие), в виду срочности работы, вести тем порядком, который принят. Случайность подбора^{4*} и кустарщины постараемся избежать. В дальнейшем же мне кажется необходимым поставить дело так. Организовать **систематический** просмотр основных архивных фондов с целью выявить и наметить **сразу** материал по **всем** вопросам, поставленным в новой программе Арх. К. Таких фондов не так много. Это – Приказн[ые] дела старых лет, Родовые^{5*} книги, Прик[азные] дела нового разбора, Столбцы б. Оружейной палаты, Разряда^{6*}, Сибирский и Преображенский приказы и т.д. Я берусь для образца дать обзор и характеристику^{7*} очень ценного фонда – Городовых книг. Такая работа будет ценной сама по себе и может быть напечатана Арх. Ком. Ведь, полного, научного описания этих фондов мы не дождемся. / Затем – оговорка относительно постановки работы. Техническая работа копирования и проверки копий, конечно, безмянна. Но работа лиц, которые будут приглашены для просмотра и составления обзоров, должна быть именной. Только на этом условии можно будет привлечь сотрудников с достойной квалификацией. Я имею в виду таких работников, как Сперанский, Черепнин, Макаров⁵⁹, Шунков⁶⁰ и др. Может быть // такие работники найдутся и в Ин. красной профессуры⁶¹, которые при моей помощи будут полезны для указанного дела.

1*, 6*, 7* Слова вставлены над строкой.

2* Далее зачеркнуто – по.

3* Далее зачеркнуто – потерей.

4* В тексте – подбора.

5* В тексте – Родовые.

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 19 апреля 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич, до получения В[ашего] письма от 11/IV я отправил Вам еще 35 листов книги. Одновременно с этим письмом посылаю еще 35 листов, из которых 27 ¹/₂ – книга, 7 ³/₄ листа из 3-го картона Горных дел и 1 лист книги описи и отказа 1696 г. Кижского погоста Андр[ея] Бутенанту. Начало этой книги интересно, а само описание шаблоном: волостки, деревни, дворы и люди во дворах. Напишите нужно ли ее копировать. В связи с другими актами она может оказаться ценной. Всего в книге 153 л. (четвертки), что составляет около 35 листов рукописных или 5–6 листов печатных. М[ожет] б[ыть] немного менее. О.А. поступила на службу и не может мне помогать. Ищу переписчиков, но найти не так легко, т[ак] к[ак] все дельные и надежные из моих учеников по Институту заняты службой и не берутся // за срочную работу. / Мое мнение – не разбрасываться и пока отложить поташные, текстильные и др[угие] промыслы, чтобы не обесценивать издания. Лучше дать 2–3 целых тома по металлургии, осветив ее историю полно и всесторонне. У меня намечены материалы по неудавшимся железн[ым] заводам в Смоленске и группа интересных актов по кустарной добыче и обработке железа в Устюжне, без участия иноземцев. / По Туле, Кашире и Олонецким заводам за XVII в. можно еще набрать интересный том. А затем в делах Ингерманландской канцелярии и в делах Берг Коллегии есть много очень ценных материалов по тем же заводам за первую половину XVIII в. Эти материалы могут вскрыть динамику заводов и их работы за большой промежуток времени. / Ваша просьба собрать материалы по истории // цен на хлеб и друг[ие] продукты первой необходимости меня весьма смущает. Ведь это – большое дело. Одно движение цен в эпоху медных денег может дать материал для целого тома. По моему мнению, если браться за это дело, то его надо поставить широко и серьезно. Собрать сведения об урожаях и урожаях, о хлебной торговле вообще (и, в частности, о ценах), о ценах на соль, мясо, жиры, и т.д. Для такой работы надо обсудить и выработать план, а затем нужны значительные средства, чтобы пригласить несколько сотрудников и оплачивать их работу аккуратно. / От 11/IV, судя по почтовому штампу, я получил уведомление (не датированное, ^{1*} хотя и за подписью главбуха ^{1*}) от Управл[ения] Дел[ами], Ак. Н. о 50 рублях, посланных переводом на мой текущий счет. Ни этих 50 р. ни 53, о которых Вы писали, я не получил. Вообще такой способ перевода денег оч[ень] не удобен. Мне весьма затруднительно ходить // в Госбанк, стоять там часами в очередях и получать в ответ, что денег нет, и неизвестно, когда они будут. Нельзя ли выслать, как в первый раз, переводом, с доставкой на дом. / Преданный Вам С. Вес. О.А. шлет Вам привет.

21

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 21 апреля 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! Получил я Ваше письмо совсем недавно (позавчера), между тем как оно [дати]ровано ^{1*} 9 апреля. Если это не ошибка, то значит содержание его тоже нужно отнести к этому времени, а сейчас Вы, вероятно, уже получили 50 руб. от Управления Делами АН, а сегодня или завтра мы высылаем Вам еще 50. **Очень прошу** Вас, дорогой Степан Борисович, как можно скорей закончить Тульские заводы, иначе мы не успеем к сроку их сдать в Издательство, где сейчас действуют Драконовские законы. / Кроме Вашей “книжки”, нужно посмотреть еще документы, обозначенные у Токмакова, о которых я писал Вам. Мы их хотели получить сюда (часть прислана), но Центрархив ответил, что они находятся у Вас в работе. / Это по реестру приказных дел древ[них] лет, ч. I, л. 325, св. 159 (1645. II. 20. Отпуск желез[ного] дела мастеров за границу), ч. II, л. 486 об. св. 205 (1649 г. V. 5. Гос[ударева] грамота по городам... об отдаче Тул[ьского] ж[елезно-

^{1*-1*} Вставлено над строкой.^{1*} Первая половина слова отсутствует.

го] завода иноземцам П. Марселису и Ф. Акеме), ^{2*}Прик[азные] дела^{2*} л. 89, № 1 (1651 г. IX. 21–30. // Дело по челоб[итной] иноз[емца] Ф. Акемы о пропуске мастеров). Ч. III.^{3*} Л. 367, св. 327. (1661–1666. Посылка разных чиновников и мастеров... [в] Тулу... для сыска... руд). Ч. IV. л. 240 об., св. 413 (1669 г. – 1675 г. Столб...^{4*}. Дела по Каш[ирским] и Тул[ьским] зав[одам]). 1674–1676. Дело по челоб[итной] А. Виниуса и др. о руде. 1674 О пожаловании заводов Марселису. 1675 г. III. 8 грамота Виниусу и Я. Галкину о рудах. 1675. VII.25. Дух[овное] завец[ание] П. Марселиса. 1675 г. VIII.7. Грамота Марселису и Гатесу о рудах. Нужно сдавать в Издательство обязательство к сроку, а последний срок 5 мая. А нам ведь и переписать на машинке нужно весь текст. / По ближайшем ознакомлении с “Книгой” оказывается, что там все-таки не сплошное делопроизводство, а ряд дел^{5*}, и потому придется вкрапливать между этих дел в хронолог[ическом] порядке еще материалы отдельные, относящиеся к этому же сюжету. Конечно, с обозначением, откуда что взято. / Вторым № у нас идут Олонецкие заводы, и мы просим Вас и здесь быть таким же тщательным раскапывателем материалов, как и в первом № по Туле и Кашире. // Затем, что Вы скажете относительно цен на хлеб и продукты первой необходимости, о которых я писал уже один раз. / Третий № у нас еще не точно определен, и его нужно определить, так как работа начнется сейчас же без перерыва. Кожевенное производство и текстильное – самые важные и интересные, но и самые трудные для работы. М[ежду] т[ем] очень бы хотелось что-ниб[удь] дать по этому предмету. Тут в XVII в., по-видимому, мы будем иметь дело с кустарной промышленностью. Где ее разыскать? Кроме того^{6*} Хамовники, Кадашевский хамовный двор? / Сафьянный завод на Бичеваном дворе? Это уже мануфактуры. Может быть во Владимирском губ. Архиве что-ниб[удь] есть. Я думаю летом туда съездить. Вы в Кострому, а я во Владимир. М[ожет] б[ыть] в Иваново-Вознесенске? / Относительно поездки в Кострому, то она обеспечена, но сколько именно денег будет отпущено на это дело, сказать сейчас еще не могу: не меньше 300 руб. во всяком случае, постараюсь чтобы // эта сумма выросла. / Ну вот, кажется, и все, что должен был Вам сказать. / Самое важное – это присылка Тульских и Каширских актов: иначе у нас зарез получается. / Спасибо Ольге Александровне за приписку. С радостью читал ее, еще с большей охотой по-видел бы Вас обоих. Очевидно и в этом году не придется пожить вместе. / Шлю Вам добрые пожелания. Ольге Александровне особо. / Ваш Б. Греков. / 21/IV [1]9307*. Не успел отослать Вам этого письма, как получил Ваше. Спешу ответить: Деньги посылаем Вам на квартиру (в Банк послало Упр[авление] Делами. Мы примем меры, чтобы не повторялась такая история). С.Г. Томс. склоняется к тому, чтобы пока не заходить в^{8*} XVIII в. и пошире представить XVII. Так что весь материал, о котором Вы пишете по XVII в. (неудавш[иеся] заводы в Смоленске, кустарная добыча руды) пойдут в след[ующем] выпуске. Сейчас все же нужно разыскать текстиль и^{9*} кожу, в первую очередь. С.Г.Т. предполагает поставить дело розыска материалов (поручив его Вам) пошире и спрашивает на это дело кредит серьезный. Что же кас[ается] переписки, то у нас это делать удобнее, ^{10*}так как^{10*} мы сразу снимаем копию на машинке и таким образом сокращаем работу. Разыскания самое ценное, трудное и требующее большой квалификации. Это мотив для прилич[ной] оплаты труда вполне понятный. Так что Вы эту сторону дела учитывайте. С.Г. устроит дело несомненно. Ждем с нетерпением конца^{11*} Тульск[их заводов] и Ваших указаний, что выписывать для снятия копий. / ^{12*}В получении 50 р. напишите расписку. Согласно договору... получил 50 руб.^{12*} // ^{13*}**Цены на продукты.** Конечно, Вы правы. Это будет исследовано в др[угой] связи. Работа начата. Я о ней напишу Вам особо и без Вас нам не обойтись. Но сейчас для данного издания нужно для 80-х и 90-х гг. цены на хлеб в Тульск[ой], Ряз[анской] и части Моск[овской] Губ[ерниях] для того, чтобы мог читатель сообразить реальную зарплату рабочего^{13*}. / ^{14*}Напишу еще обо всем подробнее, а пока – привет. Б.Г.^{14*}

2*-2*, 3*, 6*, 9* Слова вставлены над строкой.

4* Вставленное над строкою слово неразборчиво.

5* Далее зачеркнуто – с послед.

7* Далее до конца письма более мелким почерком.

8* Предлог в повторен дважды.

10*-10* В тексте – тк кк.

11* Слово подчеркнуто дважды.

12*-12* Написано на левом поле.

13*-13* Написано на верхнем поле первой страницы.

14*-14* Написано на левом поле первой страницы.

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 23 апреля 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич, сегодня вместе с этим письмом посылаю Вам в Комиссию последние 14 ³/₄ листа книги и счет на 841^{*3}/₄ листа, который прошу оплатить. 50 р. аванса получил, а 53 рублей по первому счету не получал. Отпишите непременно, списывать ли Отказную и переписную книгу по Олонцу 1695 г., о которой я Вам писал. Без В[ашего] ответа не решаюсь заказать копирование, т[ак] к[ак] не знаю подходит ли она к Вашему плану. Чтобы исчерпать по Т[ульским] и К[аширским] заводам за XVII в., следует просмотреть Прик[азные] дела старых лет, Прик[азные] д[ела] нового // разбора и скопировать из 3-го картона Горных дел то, что у меня уже намечено. Нашел, наконец, двух хороших переписчиков, но они не состоят на службе, т.е. живут сдельщиной, и потому их работу надо оплачивать без промедления. / Сообщите С.Г. и отпишите мне относительно просмотра дел Берг Коллегии и Ингерманландской Канцелярии. Б[ыть] м[ожет] это лучше будет отложить во вторую очередь, а для первых 2 томов ограничиться подбором материалов за XVII в.? Не забудьте отписать о материалах по Смоленским и Устюжским железным промыслам. Их не много, но стоит включить. Пока, до свидания. / Преданный Вам С. Вес.

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 17 мая 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Как идет дело с копией из^{1*} отказ[ной]^{2*} книги по^{3*} Кижскому погосту? Я не писал Вам об этом, п[отому] что Н.С. Чаев⁶² сообщил мне, что с Вами лично об этом договорился. Если почему-либо нельзя сделать в ударном порядке копии в Москве, сообщите нам, и мы выпишем книгу сюда и здесь быстро сделаем копию сразу на машинке. Необходимо все сдать в Издательство к 25 числу, иначе мы не получим книги, и вообще расстроится весь наш план. / С.Г. Томсинский в Москве с сегодняшнего дня, и Вы с ним повидаетесь. Телеф[он] Мильмана Вам известен^{4*}(63–34)^{4*}, С.Г. останавливается у него. / Вашу работу печатать будем⁶³ и ждем от Вас карту владений Тр-Сер. Лавры, которую можно печатать и отдельно с Вашими комментариями. Вообще нужно бы // подумать на счет истор[ической] географии. / По Новг[ородской] области на основании Писц[овых] Нов[городских] книг будет составлена карта землевладения (боярское, церковное, купеческое, черное крестьянское и т.п.). Как бы оборудовать работу по центру? Конечно, хорошо бы по векам это сделать: XVI и XVII отдельно или еще более дробное деление. Середина XVI, канун “Смуты”, при Михаиле и при Федоре Алексеевиче. Это было бы очень показательно и важно. / С Вашей “программой” я, безусловно, согласен, это то, о чем мы с Вами давно уже говорили и о чем хлопотали до сих пор напрасно⁶⁴. / Переговорите еще лично с Томсинским и нужно организовывать дело. / Шлю Ольге Александровне самые лучшие пожелания. / Ваш Б. Греков.

^{1*} Цифра “4” вставлена карандашом.

^{2*} Слово вставлено над строкой.

^{2*} Написано из исправленного – переписной.

^{3*} Далее зачеркнуто – волости.

^{4*-4*} Вставлено над строкой.

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову^{1*}

Москва, 27 мая 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич, долго не писал Вам, т.к. 11-го слег и 2 недели лежал без движения. Теперь начал выходить и посещать электролечебницу. Опять приступ старой болезни – воспаление связок позвоночника на почве артрита. / Отказная книга Кижского погоста скоро будет скопирована и прислана Вам. С ней произошло небольшое недоразумение. Я полагал, что Вы выпишите ее в Комиссию, и все ждал, а затем, не дождавшись, поручил снять копию, чтобы не было задержки. На днях начну опять ходить в Архив и продолжать поиски. / О картах и рукописи моей работы // буду писать Вам подробно. Дело в том, что мои снимки сделаны весьма кустарно. Мне кажется, следовало бы сделать так. Я пришлю снимки, а их следовало бы поручить перекопировать специалисту и нанести на его чертеж мои названия селений. Карты Калязинских владений и части Бежецкого уезда сделаны мною по известной 2-верстке генер[ала] Менда. Карта Радонежа составлена частью по 2-верстке Топограф[ского] Отдела, частью по карте Сергиевского исполкома. Последняя весьма неудовлетворительна. Эту часть (Канельский стан б. Переяславского уезда) следует непременно перечертить. / Сейчас обращаюсь к Вам с просьбой навести справку в Управл[ении] делами Ак. Н. относительно моего первого счета. Дело в том, что по второму счету на 127 руб., от 23/IV я получил сполна (50+50+27), а по первому счету, от 26 марта, на 153 рубля я получил только 100 руб. (аванс 15/II), а 53-х рублей не получал. / Пока, до свидания. Ол. Ал. шлет Вам привет. Мы с ней выбираемся вскоре под Москву, на чистый воздух. / Преданный Вам С. Веселовский.

25

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 20 июня 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Будем ждать от Вас справки относительно книги, о которой Вы пишете. Сейчас уже, конечно, она в ближайший том не войдет. Но в следующий, безусловно, попадет. Таким образом у нас второй том по ж[елезным] заводам уже есть. / Сейчас хотел Вам о другом сообщить. Вы получите на днях деньги, часть суммы в 300 руб., которые отпущены Вам на экспедицию в Кострому. Основная цель экспедиции – выявление материалов по полотняной и кожевенной промышленности понимаемый широко (тут и кустарное производство и торговля). Конечно, попутно и сельское хозяйство интересует экспедицию, но цель основная, оформленная в нашем делопроизводстве, это разыскание материалов по текстилю и^{1*} коже, прежде всего. / Просим Вас так же иметь в виду, что кроме Вашей работы по Тр. Лавре, мы рассчитываем на работу по истории землевладения в Москов[ском] государстве (в центр[альном] районе). У нас задача очень большая – создать // карту историческую (в хронологическом разрезе) по землевладению. Боярское, помещичье, церковное, крестьянское etc. Вы уже сделали по ист[ории] Монастыря Сергиева. У Вас и карты готовы. Но м[ожет] б[ыть] Вы согласитель продолжить. / Я беру на себя Кирилло-Белозерский монастырь^{2*}, поскольку материал имеется у нас. А Вы м[ожет] б[ыть] что-нибудь еще возьмете. Хотим создать точные карты по всему Моск[овскому] госуд[ар]ству, но, конечно, будем исполнять программу по^{3*} частям. / Что с Вашим здоровьем? Надеюсь, что Вы все же сможете отправиться в Кострому на поиски текстиля. / Смета на “Труды” группы историков, социологов и экономистов⁶⁵ утверждена. Стало быть печатать Вашу работу будем и, вероятно, она пойдет в трех №№ 4* (или в 2-х)^{4*} в течение всего года. Таким образом, закончим ее в этом же году. / Ольге Александровне поклон и привет. / Ваш Б. Греков.

^{1*} Отпуск написан на развороте письма Б.Д. Грекова от 17 мая 1930 г.

^{1*}, ^{3*}, ^{4*}–^{4*}. Слова вставлены над строкой.

^{2*} Слово написано под титлом.

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 22 июня 1930 г.

Д[орогой] Борис Дмитриевич, просматривая описание П. Строева Рукописей Царско-го⁶⁶ (М., 1848 г.), случайно нашел (стр. 331. № 346) указание на приходо-расходную книгу Пушкарского приказа 7188 (1677/1678 – Д.С.) года, где находятся записи поставок и платежей Христиану Марселису с Туль[ских] и Каш[ирских] заводов. По времени это является продолжением той книги, которая пошла в I том. Рукописи Царского в больш[ей] части поступили в Моск[овский] Истор[ический] Музей. Если Вам эта книга неизвестна, то напишите, я наведу справки, где она. На днях высылаю Вам копию книги Кижского погоста 7203 г. (1694/1695. – Д.С.). Все еще недомогаю и сижу дома. Привет. С. Вес.

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, ... июля 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич, пишу вам перед отъездом в Нижний. Я уже взял билет, когда получил первый аванс. Решил ехать, не дожидаясь 1*второго аванса1* и командировочного листа. 2* Маршрут такой. Пробуду в Нижнем 2–3 дня и сделаю небольшую разведку в Губ-архиве и музее. В первых числах августа буду в Костроме. Пока не знаю, удастся ли устроиться там3* у знакомых моих друзей⁶⁷. Поэтому прошу команд[ировочный] лист и деньги до 10-го августа адресовать в Кострому на почту, до востребования на мое имя. Если до этого времени Вам не4* придется послать5* деньги, то после 10 прошу их высылать в Москву на мою квартиру на имя жены, которая с 12-го августа будет жить в Москве. Ей я оставлю на всякий случай расписку о 150 рублях6*, которую она вышлет Вам тотчас по получении денег. 7*Как только выясню в Костроме условия работы и возможный срок пребывания там, то напишу Вам тотчас, и сообщу адрес7*. / 8*Жаль что командировочный лист запоздал. Думаю, однако, что везде найду знакомых, которые мне помогут в работе. В зависимости от условий и плодотворности9* работы в Костроме // и от денежных средств10* думаю поехать после Костромы в Ярославль в конце августа. / Одновременно с этим письмом посылаю Вам монографию о Квашининской вотчине. К ней будет еще заключение страницы в 2–3, где будет указано, что в истории11* этой вотчины12* является общим для боярского13* землевладения, а что представляет особенности. Очень прошу Вас14*(оставить пока у себя)14* прочесть и поделиться со мной своими соображениями. Я предполагаю дать вам ряд монографий подобного рода: 1) Очерк образования вотчин Каляз[инского] монастыря15*. 2) Слуги и соседи Каляз[инского] монастыря 16* в XV–XVII вв.16* 3) Княжеское землевладение в Кашинском уезде XV–XVI вв. 4) Вотчина Беловженных [?] в Бежецке. 5) Очерк образования зем[ельных] владений Троиц[кого] монастыря в XV в., в Радонеже, Дмитрове, Переяславле и Москве⁶⁸. / В 2, 4 и 5 этюдах генеалогическ[ий] элемент занимает почти такое же видное место, как в этюде о Квашинных. 17*Этюдам предполагаю предпослать предисловие, где будет мотивирована эта манера исследования и изложения. После этюдов будет заключение обобщающего характера. / Многое меня смущает и вызывает сомнения. 1) Тема и постановка исследования (монография) и приложения. 2) Обилие элемента, который я считаю, безусловно18*, не-

1*–1*, 9*, 13*, 14*–14*, 16*–16*, 18* Слова вставлены над строкой.

2* Перед словом зачеркнуто – мой.

3* Далее зачеркнуто – на квартире.

4* Далее зачеркнуто – удастся.

5* Далее зачеркнуто – лист и.

6* Написано из исправленного – в 150 рублей.

7*–7* С.Б. Веселовский несколько раз изменял порядок слов фразы.

8* Перед словом зачеркнуто – Все-таки.

10* Далее зачеркнуто – хотел бы.

11* Далее зачеркнуто – Кваш.

12* Далее зачеркнуто – есть.

15* Здесь и далее в письме слово под титлом.

17* Перед словом зачеркнуто – Все После.

обходимым, а у нас в современной литературе не пользуется признанием и симпатиями. Буду очень благодарен если не дожидаясь личного свидания, сообщите мне свои впечатления и соображения. / Ол. Ал. просит передать вам свой горячий привет.

28

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Полтава, 16 августа 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / Пишу Вам в Кострому, но не имею уверенности, что Вы получите это письмо в Костроме. На вс[який] случай пишу так же и Ольге Александр[ов]не в Москву. Я получил оба Ваши письма вместе сегодня 16/VIII в Полтаве (ул. 1 Мая № 27), где прожил месяц отпуска^{1*} и откуда уезжаю через два дня. Ваше первое письмо я тоже получил и сейчас же написал в Ленинград в АК, чтобы выслали Вам все, т.е. деньги и удостоверение. Удивляюсь, что так долго не шлют Вам ни того ни другого. Пишу в АК еще раз сейчас же, но думаю, что они все-таки догадались и послали Вам уже. Рукописи я не получал. Вероятно, она лежит в Ленинграде, куда я поеду уже скоро. После этого месяца я еду в Казань, Чебоксары, а, если будет возможность, то и во Владимир. / Вернусь в Ленинград, оттуда напишу Вам подробно обо всем. А сейчас я не в курсе наших дел. Том “Трудов”^{2*} все-таки набирается, и, я думаю, мы месяца в три его сделаем окончательно. / Шлю вам добрые пожелания. Ваш Б. Греков.

29

С.Б. Веселовский – Б.Д. Грекову

Москва, 10 сентября 1930 г.

Дорогой Борис Дмитриевич, по возвращении 24/VIII из Костромы получил Вашу открытку от 16/VIII из Полтавы. Очень был обрадован Вашим обещанием быть в Москве на обратном пути из Казани, но, очевидно, Вам пришлось изменить весь маршрут и Вы поехали прямо в Л. По возвращении домой я отдыхал и усиленно питался, чтобы возместить потерянное, затем хворал гриппом и еще не вполне оправился. Командировочный лист АК. Наук, датированный 22 авг[уста], я получил только 3 сент[ября], т.к. он был послан по неверному адресу. Удивляюсь этой небрежности, т.к. мой верный адрес известен секретариату, и я получаю по нему издания и проч[ее]. На днях начну обрабатывать материалы и черновики моего отчета, который рассчитываю выслать в Комиссию в конце // сентября. / В городе я пробыл ровно месяц и истратил 270 рублей. Из А.Н. получил в июле 150 р. Могу ли рассчитывать, что получу еще? Копия Олонецкой переписной книги 7203 г. (1694/1695 – Д.С.) лежит у меня и я вышлю ее Вам на днях, после сверки нескольких сомнительных мест. / Получили ли Вы посланную Вам перед отъездом в Кострому мою рукопись (на машинке) о вотчине на р. Восточне Квашнинных? Жду Ваших замечаний и мнения вообще, но начинаю сильно опасаться, что Вы не отдохнули за лето и еще более расстроили свое здоровье в командировке. / О.А. шлет Вам привет и пожелания всего хорошего. Она все беспокоилась о моем здоровье, но теперь все идет на поправку и я уже выхожу на работу. / Преданный Вам С. Вес.

^{1*} Слово вставлено над строкой.

^{2*} Это журнал исторический, социолог[ический] и эконом[ический] при АН. – Примеч. Б.Д. Грекова.

Б.Д. Греков – С.Б. Веселовскому

Ленинград, 18 декабря 1930 г.

Дорогой Степан Борисович! / С.Г. Томсинский просил меня написать Вам о следующем: Арх. Ком. по соглашению с Издательством “Безбожник” предполагает издать все-стороннюю историю Троицкой Лавры. На долю Комиссии падают!¹ следующие вопросы: **История земельного обогащения Лавры**; торговля ее; крепостное хозяйство; Лавра, как военная организация; денежные накопления, их происхождение и размеры и т[ому] п[одобное]. Так как вы занимались первым вопросом, то С.Г. просит Вас ответить, не согласитесь ли Вы написать соответствующий очерк, т.е. полную, по возможности, историю Лаврского землевладения. / Псылаю при этом Вам Вашу расписку и прошу ее переделать в “Счет” АК. За исполненную мною задачу по разысканию етс... следует получить столько-то. Число... адрес и пр[очее] Подпись²*. Потом ниже – такую-то сумму получил и снова подпись. / Ольге Александровне большой привет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 23 мая. С 25 мая по 1 июня 1929 г. в Москве проходил II съезд архивных работников РСФСР.
- ² Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, академик Российской академии наук (1920). Один из главных обвиняемых по “Академическому делу” (Далее “Дело...”). Арестован 12 января 1930 г., постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. приговорен к пятилетней высылке в Самару, где 10 января 1933 г. скончался.
- ³ Андреев Александр Игнатьевич (1887–1959) – историк, археограф, ученый секретарь АК в 1926–1929 гг. Был первым арестован по “Делу...” (ордер от 23 октября 1929 г.). Постановлением Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. приговорен к пятилетней высылке в Енисейск.
- ⁴ С 1927 г. по поручению АК Б.Д. Греков готовил материалы по истории русских сословий и классов XVI–XIX вв. В январе 1929 г. была создана специальная подкомиссия АК по подготовке к изданию памятников сельского хозяйства и сельского населения, объединившая усилия с московскими историками А.И. Яковлевым и С.Б. Веселовским.
- ⁵ В 1928–1931 гг. С.Б. Веселовский руководил аспирантурой НИИ народов советского Востока, а в 1929–1931 гг. преподавал в должности доцента в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ).
- ⁶ С.Б. Веселовский был избран членом государственной Археографической комиссии при АН СССР 17 июля 1924 г. и состоял ее сверхштатным сотрудником до 3 декабря 1929 г.
- ⁷ О каком именно месте работы идет речь установить не удалось.
- ⁸ РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Образована 3 ноября 1922 г., до 24 ноября 1926 г. существовала как Ассоциация научно-исследовательских институтов (АНИИ при 1-м МГУ). В 1926 г. была выделена из 1-го МГУ и переименована в РАНИОН. С 3 марта 1930 г. до ликвидации (26 октября 1930 г.) носила название Российской ассоциации научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры (РАНИМХИРК). В НИИ истории РАНИОН Веселовский состоял действительным членом в 1923–1929 гг.
Комакадемия–Коммунистическая академия. Учебное и научно-исследовательское учреждение. Образована в июне 1918 г. До 1923 г. существовала под названием Социалистическая академия. В 1928–1930 гг. в ее системе были созданы институты вместо прежних секций, к которым в конце 1929 г. были присоединены НИИ РАНИОН. После ликвидации в 1936 г. ее подразделения перешли в АН СССР.
- ⁹ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863–1942) – историк, профессор Московского университета, академик АН СССР (1929). Сведений об аресте в литературе не имеется.
- ¹⁰ Яковлев Алексей Иванович (1878–1951) – историк, профессор Московского университета, член-корреспондент АН СССР (1929), арестован по “Делу...” 12 августа 1930 г., приговорен 8 августа 1931 г. к пятилетней высылке в Минусинск. О чем идет речь установить не удалось.
- ¹¹ В Сергиев Посад.
- ¹² Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931) – историк, член-корреспондент АН СССР (1929), арестован по “Делу...” 9 августа 1930 г., постановлением от 8 августа 1931 г. был приговорен к пятилетней ссылке в Ташкент, где 24 ноября скончался.

¹* Написано из исправленного – выпадают.

²* Слово вставлено под строкой.

- ¹³ Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. 128 с.
- ¹⁴ Грекова (урожд. Филатова) Тамара Михайловна (1894–1971) – историк по образованию, жена Б.Д. Грекова.
- ¹⁵ Веселовская (урожд. Бессарабова) Ольга Александровна (1896–1967) – педагог по дошкольному образованию, вторая жена С.Б. Веселовского.
- ¹⁶ Домашний адрес Б.Д. Грекова: Озерный пер., д. 2, кв. 24.
- ¹⁷ Греков Б.Д. Происхождение крепостного права в России // Крепостная Россия. [Л.], 1930. С. 45–96.
- ¹⁸ Веселовский С.Б. Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня) // Ученые записки ИИ РАНИОН. 1928. Т. 5. С. 204–217; Арзамасские поместные акты (1578–1618) / Сост., ред., авт. предисл. С.Б. Веселовский // Материалы ОИДР. М., 1915. Вып. 4. XVI, 736 с.; Веселовский С.Б. Сошное письмо: Исследования по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. I, II.
- ¹⁹ Сперанский Александр Николаевич (1891–1943) – историк, в 1929–1931 гг. сотрудник библиографического отдела Международного аграрного института. Об аресте по “Делу...” сведений нет.
- ²⁰ О каком совещании идет речь установить не удалось.
- ²¹ В 1925–1930 гг. А.И. Яковлев был директором Научно-технической библиотеки НТУ ВСНХ СССР.
- ²² Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, с 1918 г. – заместитель наркома просвещения, с 1920 г. – заведующий Центархивом РСФСР, академик АН СССР (1929).
- ²³ Черепнин Лев Владимирович (1905–1977) – историк, академик АН СССР (1972), работал в ОР БЛ. Арестован по “Делу...” в ноябре 1930 г., осужден на три года заключения в лагере; Новосельский Алексей Андреевич (1891–1967) – историк, в 1922–1929 гг. научный сотрудник 1-го разряда НИИ истории РАНИОН, в 1918–1930 гг. работал в ведомстве Центрального архивного управления и Древлехранилища (ныне РГАДА). Оба ученики А.И. Яковлева.
- ²⁴ С.Б. Веселовский и А.И. Яковлев руководили деятельностью московской группы историков, сотрудничавшей с АК.
- ²⁵ Центархив – Центральное архивное управление РСФСР при ВЦИК.
- ²⁶ Хозяйство боярина Б.И. Морозова. Л., 1933; Ч. I / Ред. С.Г. Томсинский. М.; Л., 1936. Ч. II // Тр. Историко-археографического ин-та. Т. VIII, вып. 1–2; [Ред. Б.Д. Греков], Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1940. Ч. I; М.; Л., 1945. Ч. II.
- ²⁷ Главнаука – Главное управление научных и музейных учреждений Наркомата просвещения РСФСР. Существовала под различными названиями с 1921 г. до реорганизации Наркомпроса 1933 г.
- ²⁸ Петров Федор Николаевич (1876–1973) – врач, партийный и научный деятель. В 1923–1927 гг. – начальник Главнауки, в 1929–1933 гг. – председатель Всесоюзного общества культурных связей с границей (ВОКС), в 1927–1941 гг. – зам. гл. редактора 1-го издания БСЭ.
- ²⁹ 1 июня 1929 г. секретариатом Ленинградского обкома ВКП(б) было принято решение: не возражать против проведения чистки в АН. 3 июня в “Ленинградской правде” появилась публикация об изъятии 17 июня из Пушкинского Дома переписки Николая II с графом П.К. Бенкендорфом.
- ^{29a} См. примеч. 17.
- ³⁰ Татищев Василий Никитич (1686–1750) – историк, государственный деятель.
- ³¹ Дополнительные сведения установить не удалось.
- ³² 8 ноября 1929 г. после обнаружения и изъятия Комиссией Ю.П. Фигатнера в академических хранилищах “особо важных” документов (в том числе подлинника отречения Николая II) С.Ф. Платонов был вынужден подать в отставку со всех занимаемых им административных должностей. В ночь с 23 на 24 октября 1929 г. был арестован ученый секретарь АК А.И. Андреев. 9 ноября Президиум АН временное исполнение обязанностей председателя АК было возложено на Н.П. Лихачева, а 23 ноября (или 20 ноября), вследствие отказа Лихачева, – на П.Н. Сакулина. Обязанности ученого секретаря исполнял Б.Д. Греков. 3 декабря из АК было уволено 26 ее внештатных сотрудников (в том числе С.Б. Веселовский и А.И. Яковлев).
- ³³ “Дело...” к тому времени вошло в новую фазу и 9 января «на стол И.В. Сталина легла докладная записка “О состоянии следствия по делу о деятельности контрреволюционных группировок в Академии наук СССР” с просьбой о санкции на арест академика С.Ф. Платонова» (Брачев В.С. “Наша университетская школа русских историков” и ее судьба. СПб., 2001. С. 213).
- ³⁴ Вероятно, отзыв С.Б. Веселовского связан с выдвижением по инициативе С.Ф. Платонова в октябре–ноябре 1929 г. Б.Д. Грекова в члены-корреспонденты АН СССР.
- ³⁵ Этот том не вышел. Указанной тематике был посвящен ряд изданий АК.
- ³⁶ Возможно речь идет об образовании Института истории при Комакадемии под руководством М.Н. Покровского и объединении его с НИИ истории РАНИОН.
- ³⁷ В начале 1930 г. М.Н. Покровский проходил курс лечения в Берлине.
- ³⁸ Томсинский Семен Григорьевич (1894–1937) – историк, член-корреспондент АН СССР (1933), 16 декабря 1929 г. избран в члены АК, с 22 декабря – зам. председателя. В 1937 г. снят с поста директора Историко-археографического института и переведен в Ташкент, где был арестован и погиб в заключении.
- ³⁹ 20 января 1930 г. Президиум АН СССР утвердил на должность ученого секретаря сотрудника АК А.И. Семенова, а 10 февраля после ходатайства АК – Б.Д. Грекова.
- ⁴⁰ Бакланова Наталья Аполлинарьевна (1891–1977) – историк, помощник хранителя ГИМ, секретарь комиссии по истории быта Московского отделения Государственной академии истории материаль-

- ной культуры, науч. сотрудник Института истории РАНИОН. Арестована 3 февраля 1930 г., осуждена 23 марта на три года лагерей. Благодарю за предоставленные сведения А.В. Мельникова.
- ⁴¹ Веселовский работал в библиотеке Самолетного треста. КУТВ им. Сталина создан в 1921 г. на базе Восточных курсов при Наркомнаце. Целью института была подготовка политработников для национальных республик и областей; Институт народов Востока – НИИ народов советского Востока – создан в 1930 г. на базе ликвидированного Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН.
- ⁴² Калачев Николай Васильевич (1819–1885) – историк, археограф, академик (1883), архивист, юрист.
- ⁴³ Дружинин Василий Григорьевич (1859–1936) – историк, член-корреспондент РАН (1920), зам. председателя АК. 12 ноября 1930 г. уволен с занимаемой должности, дважды арестовывался (второй раз 25 июня 1930 г.).
- ⁴⁴ В 1929 г. М.Н. Покровский писал в АН: “Очередной археографической задачей, отвечающей вопросам современности, является разработка наших архивов с целью извлечения из них и опубликования документов по истории трудящихся классов (сельского и городского пролетариата и крестьянства [...])” (Записка М.Н. Покровского в Академию наук СССР об очередных археографических задачах / Подг. А.А. Говорков, И.Е. Тамм // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 336).
- ⁴⁵ Мюллер Раиса Борисовна (1896–1989) – историк, в АК с осени 1926 г., в 1927–1929 – первая аспирантка Комиссии. Участвовала в подготовке издания документальных сборников.
- ⁴⁶ Указанные материалы были опубликованы. См.: Материалы по истории экономического развития России: Крепостная мануфактура в России. Л., 1930. Ч. I. Тульские и Каширские железные заводы. XXXIV, 503 с.; Л., 1931. Ч. II. Олонецкие медные и железные заводы. XXVI, 247, 63 с.
- ⁴⁷ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Предисл. Б.Д. Грекова // Труды историко-археологического института. Л., 1930. Т. 1 / Под общей ред. М.Н. Покровского. 270 с. + карта.
- ⁴⁸ В конце 1929 г. С.Ф. Платонов написал представление о выдвижении в члены-корреспонденты А.И. Андреева, Б.Д. Грекова и С.В. Бахрушина. С арестом С.Ф. Платонова представление могло иметь только обратный эффект. О выдвижении С.В. Веселовского в академики в 1930 г. дополнительных сведений установить не удалось.
- ⁴⁹ Книга 1668–1676 гг. о Тульских железных заводах.
- ⁵⁰ Название работы установить не удалось.
- ⁵¹ *Хмыров М.Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России (материалы для истории русского горного промысла). СПб., 1875. XVI + 377 с.
- ⁵² Указатель материалов к истории промышленности и развития прикладных знаний в России / Сост. И.Ф. Токмаков. М., 1882. IV + 47 с.
- ⁵³ Последний том Летописи занятий Археологической комиссии вышел в июле 1929 г.
- ⁵⁴ Дополнительные сведения установить не удалось.
- ⁵⁵ Мильман Семен Сергеевич – с 1926/27 уч. г. внештатный науч. сотр. I разр. подсекции новой русской истории РАНИОН, в 1932–1935 гг. – зав. кафедрой истории СССР и зав. аспирантурой Историко-архивного института.
- ⁵⁶ О каком труде идет речь установить не удалось.
- ⁵⁷ О.А. Веселовская периодически работала воспитателем в детском саду.
- ⁵⁸ М.Н. Покровский стал председателем АК АН СССР 5 апреля 1930 г.
- ⁵⁹ Макаров Иван Сергеевич (1901–1933) – историк, сотрудник Института истории РАНИОН. Был арестован по “Делу...” 15 сентября 1930 г. и осужден 13 января 1931 г. Особым совещанием Коллегии ОГПУ на три года концлагеря. Погиб в заключении.
- ⁶⁰ Шунков Виктор Иванович (1900–1967) – историк, член-корреспондент (1962), в 1965–1967 гг. – председатель возобновленной АК РАН.
- ⁶¹ Институт красной профессуры при ЦИК СССР – образован в 1921 г., с 1928 г. получил статус учреждения общесоюзного значения. В 1930 г. разделен на несколько институтов.
- ⁶² Чаев Николай Сергеевич (1897–1942) – историк, с 1927 г. – сотрудник АК. Скончался от голода во время блокады Ленинграда.
- ⁶³ Название работы установить не удалось.
- ⁶⁴ О какой программе шла речь, установить не удалось.
- ⁶⁵ Издание не установлено.
- ⁶⁶ *Строев П.М.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие... Ивану Никитичу Царскому / Разобраны и описаны П. Строевым. М., 1848. 916 с.
- ⁶⁷ В Костроме С.В. Веселовский жил у Н.Г. Вознесенского.
- ⁶⁸ Названий указанных работ и сведений об их публикации установить не удалось.

ЗАПISKA A.A. КУРНОСОВА К.М. СИМОНОВУ ОБ АРХИВЕ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1978 году К.М. Симонов, вынашивавший в то время идею создания специального архива писем и воспоминаний участников Великой Отечественной войны, обратился в Археографическую комиссию с просьбой высказать соображения по этому проекту. В ответ на его просьбу старший научный сотрудник комиссии к.и.н. А.А. Курносков представил Симонову публикуемую ниже записку. Подлинник записки обнаружен в ходе научного описания личного фонда К.М. Симонова, хранящегося в РГАЛИ (Ф. 1814. Оп. 10. Д. 459. Л. 20–25). На полях записки имеются отчеркивания, сделанные черным фломастером, вероятно, рукой К.М. Симонова.

*О.В.Турбина**

Предварительные замечания об организации Архива народного подвига (АНП) Личная записка в связи с контактами Археографической комиссии с К.М.Симоновым

I. Цели и задачи деятельности Архива народного подвига

Могут быть намечены два основных направления работы АНП:

1) Собрание документов личного происхождения (писем, дневников, рукописей воспоминаний, фотографий и т.п.) и, главное, запись воспоминаний (стенограммы, звукозаписи и т.п.) участников Великой Отечественной войны, и “организация” воспоминаний “авторского характера”.

2) Учет уже существующих собраний личных документов и координация деятельности учреждений, собирающих такие материалы, а также научно-методическое руководство их работами.

II. Формы и направления работы Архива народного подвига

Можно представить, по крайней мере, несколько направлений собирательской деятельности АНП:

1) Принцип “широкого невода”, т.е. запись всех воспоминаний и сбор документов личного происхождения у всех, кто может что-нибудь рассказать о периоде войны. В этом кругу могут оказаться не только непосредственные участники боев на фронте и в тылу врага или труженики тыла, но и члены семей, например, сохранившие еще детские воспоминания о родителях, как они воспринимались и запомнились в те годы.

2) Возможен “отраслевой” принцип собирания и создания источников, по признаку “способа участия в войне” (фронт, партизанское движение, “борьба за колючей проволокой” – в концлагерях и т.п.), работа в экономике (промышленность, сельское хозяйство, распределение), сфера духовной культуры и т.д.

3) “Событийный принцип” собирания свидетельств участников войны. Если говорить о вооруженной борьбе, то он может быть сведен к собиранию свидетельств о тех или иных операциях Советской Армии (приграничное сражение, Смоленск, Киев, Брянск, Вязьма, Москва, Тула, Сталинград, Курск и т.д.).

4) Имеет основания и “региональный” принцип: район, область, республика, населенный пункт, город – в войне (например: история сформированных в данной местности соединений, история соединений, освободивших город, работа промышленных и проч[их] предприятий и т.п.)

5) “Персональный” принцип собирания – о выдающихся участниках войны (независимо от сферы деятельности).

Вероятно, могут быть и другие направления деятельности АНП.

Нельзя пренебречь ни одним из них. Но сосредоточение всех этих направлений собирания в одной изолированной организации – нереально.

* Выступление О.В. Турбиной о документах из фонда К.М. Симонова на конференции, посвященной 60-летию битвы за Москву, см. выше, с. 313.

Поэтому с самого начала следует выделить какой-то доминирующий принцип фондообразования (иначе АНП превратится в конгломерат документов, объединенных лишь причастностью их авторов к войне).

Предполагается, что главным принципом формирования, отличающим АНП от других учреждений может стать “признак личной биографии” (конечно, главным образом, военной). Иными словами, конкретная задача АНП может быть представлена, как задача по собиранию личных свидетельств не о войне вообще а, так сказать, “о себе на войне” (может быть, точнее, “о себе и своем индивидуальном ее восприятии”).

При этом, содержание собираемых АНП материалов нельзя ограничить только 1941–[19]45 гг. Нужно ориентировать “авторов” и на рассказ о довоенной и послевоенной их судьбе. В конечном счете участие в войне должно стать лишь критерием выбора “информаторов”, но не критерием содержания их воспоминаний (сведения о “невоенных годах” могут быть лишь менее подробными; однако, в абсолютном большинстве случаев их лаконизм будет естественным, ненавязанным, т.к. в биографиях людей именно военное время было связано с самыми глубокими, острыми и запомнившимися переживаниями).

Вместе с тем, среди тех, кто предоставляет АНП свои материалы и память должны быть не только непосредственные участники войны, но и их близкие: родители погибших, вдовы, дети, друзья.

Если такая постановка задачи будет принята, то АНП станет “Архивом автобиографий и биографий” участников Великой Отечественной войны.

Таким образом, будут установлены два ограничения профиля АНП: характер документов (документы личного происхождения) и общая задача их собирания (сохранить в документах именно личности, индивидуальности участников войны, не растворенные в операциях, сферах и способах участия).

Это не значит, что фонды АНП не могут использоваться для изучения истории операций, учреждений, местностей. Широко развернутая и детальная, по многим признакам, система научно-справочного аппарата позволит быстро и полно выявить свидетельства, относящиеся к тому или иному объекту поиска.

Введение двух указанных ограничений избавит от всех иных ограничений состава и содержания, прежде всего, от “иерархического” принципа, характерного, например, для отделов личных фондов государственных архивов. АНП должен с самого начала ориентироваться на собирание свидетельств и маршалов, и солдат, наркомов и рабочих, секретарей обкомов и домохозяек. При этом, нельзя концентрировать внимание только на героях войны и труда. Свидетельства “рядовых” участников войны, вынесших на себе “повседневные” тяготы войны, необходимы истории.

Вторая (и вполне равноправная с первой) задача состоит в учете существующих собраний, координации работы активно действующих учреждений и хранилищ, научно-методическом руководстве их работой, а также в изучении опыта собирательской работы (касающейся личных свидетельств) таких учреждений, как Истпарт, редакция “Истории гражданской войны”, Комиссия по истории Великой Отечественной войны (последние две организации связаны прямой преемственностью) и их филиалы, ИМЛ при ЦК КПСС, историко-партийные учреждения республик, профилированные и общесторические музеи (республиканские музеи партизанского движения, республиканские и областные исторические музеи и т.п.).

Учет собраний должен выразиться, прежде всего, в создании максимально полного каталога хранилищ и хранилищ, ориентированного, в первую очередь, на небольшие и малые собрания (крупные собрания при союзных и республиканских организациях учесть проще). Специальной задачей АНП могло бы быть и издание обзоров “малых” архивов народного подвига – по районам, областям, регионам. Из малых собраний первостепенное внимание нужно обратить на разнообразные собрания музеев, работающих на общественных началах (школьные, народные, отраслевые, предприятий и колхозов и т.п.)¹. С одной стороны, ими уже охвачены многие тысячи ветеранов войны и труда, в том числе и уже ушедшие из жизни. С другой, – их архивы формировались и формируются на основе разных принципов, методики и далеко неодинаковой квалификации собирателей (от школьников до серьезных ученых-краеведов).

Подчинить их работу минимально-необходимым и научно-обоснованным методическим требованиям, обеспечить сохранность собранного путем и специальных правовых актов, и централизованного учета фондов, и путем создания головной организации, обладающей правом контроля и инспекции – чрезвычайно важно.

¹ Нельзя игнорировать и личные собрания документов.

Поэтому АНП, на основании изучения и обобщения своего собственного опыта и опыта предшественников, мог бы издавать методические пособия по собиранию, учету и хранению “документов народного подвига”.

При этих условиях АНП мог бы стать не только центром собирания, но и **центром научно-методического руководства** собирательской деятельностью в масштабах всего Союза.

Координационные задачи решились бы путем выяснения направлений и тем собирательства организации и учреждений, регулярного сбора планов очередных их мероприятий, распространения информации о планах и результатах экспедиций и других форм собирательской деятельности. В необходимых случаях АНП должен иметь право корректировки планов и тематики работ.

Право инспекции должно быть предоставлено АНП и в отношении обеспечения сохранности уже созданных фондов.

АНП мог бы выступать как представитель ГАУ при СМ СССР в сфере учета, обеспечения хранения и, отчасти, методики собирания документов, входящих в сферу его компетенции.

III. Организационные основания деятельности Архива народного подвига.

АНП должен сочетать лучшие свойства и особенности: а) **государственных хранилищ** – госархивов и музеев – научно обоснованные методы сбора, учета, хранения документов; б) **научно-исследовательских институтов** – разработка теоретических и методических принципов работы по собиранию личных свидетельств; квалифицированная оценка собираемого материала и потенциальных возможностей их авторов; в) широта и гибкость “человеческих” связей, тематики, методов работы общественных организаций.

Эти условия могут быть обеспечены, если АНП будет учрежден при авторитетной государственной организации на правах широкой автономии.

Он может быть создан непосредственно при ГАУ при СМ СССР (учреждение АНП при любом из архивов неминуемо сузит его возможности); при ИМЛ при ЦК КПСС (такой вариант грозит ограничением АНП историко-партийной тематикой); при АМО СССР (тогда могут возобладавать сугубо оперативные стороны истории войны); наконец, при Институте истории СССР – на базе его Научного архива (но сейчас – это подразделение, хранящее среди других, и материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны, слишком маломощно, чтобы служить даже исходной базой АНП. Лучше было бы его создать вообще на “пустом месте”). В целом, видимо, предпочтительнее первый вариант, т.е. АНП при ГАУ при СМ СССР, может быть, на первых порах, в сочетании с административно-хозяйственным обеспечением со стороны, например, ЦГАСА.

IV. Структура и штаты.

Структура должна быть подчинена целям и задачам работы АНП.

Кажется естественными следующие подразделения:

- 1) Руководство;
- 2) Группа активного собирания;
- 3) Группа хранения;
- 4) Группа учета;
- 5) Группа координации;
- 6) Научно-методическая группа;
- 7) Группа использования (читальный зал).

К концу организационного периода (2–3 года) нужно предусмотреть штаты в составе 50–60 человек, из них около 30 научных сотрудников и около 30 человек технического персонала: стенографисток, машинисток, специалистов по звукозаписи, фотографов (административно-хозяйственное обслуживание не учитывается).

АНП необходимо собственное архивохранилище не менее, чем на 100 тыс. единиц хранения, а также помещения для каталогов и других форм научно-справочного аппарата. Необходимо предусмотреть обеспечение фото-кинотехникой и, главное, звукозаписывающей аппаратурой; создать условия для обработки и хранения соответствующих документов.

Организация многостороннего учета документов в масштабе страны может потребовать в дальнейшем и применения ЭВМ.

Заключение

Архив народного подвига в первую очередь следует ориентировать на собирание материалов участников Великой Отечественной войны. Такое направление его формирования особенно благоприятно и с точки зрения особенностей данного периода истории нашей страны, и с точки зрения контингента активных его участников (на данный момент).

С самого начала не следует исключать возможность записи свидетельств и о предшествующих периодах. Но в отношении революции, гражданской войны – до 30-х годов такие возможности будут, видимо, крайне ограниченными. Но в перспективе нужно иметь в виду возможность и необходимость расширения тематики и сфер заинтересованности АНП. В этом отношении АНП может стать базой для собирания свидетельств и других документов участников социалистического и коммунистического строительства – без каких-либо хронологических ограничений.

28/ХІ.78

А.А. Курносов – ст[арший] научный сотрудник
Археографической комиссии АН СССР

РГАЛИ. Ф. 1814 (К.М. Симонов). Оп. 10. Д. 459. Л. 20–25. Машиноп. подлинник с подписью.

К 70-летию автора Записки

В 1970-е годы, когда была составлена эта Записка, именно А.А. Курносов – знаток и источниковой базы истории Великой Отечественной войны, и методики собирания и изучения документов личного происхождения, более других сотрудников Археографической комиссии был подготовлен к составлению документа, поддерживающего благородный почин знаменитого писателя-фронтовика и одновременно содержащего важные практические рекомендации.

Алексей Антонович Курносов – долголетний научный сотрудник Археографической комиссии – с 1972 по 1999 г., широко известный своими трудами по источниковедению истории Великой Отечественной войны. Значителен его вклад в развитие современных представлений о методике исторического источниковедения, историографии источниковедения и полевой археологии и о возможностях использования наработанных приемов выявления, описания и изучения источников более ранних периодов при подходе к документальным памятникам истории советского общества.

А.А. Курносов поступил в Московский историко-архивный институт в 1950 г. Этот набор студентов мне особенно памятен, так как им первым начал читать тот лекционный курс отечественной истории до XVIII века, с которым затем ознакомил первокурсников более 20 лет; и преимущественно из первокурсников, сдававших экзамен (особенно, когда – с переходом на основную работу в Академию наук – перестал руководить семинаром на первом курсе), формировались и первые “наборы” занимавшихся в научном студенческом кружке источниковедения, 50-летие которого отмечали в апреле 2000 г. Как показало будущее, это был один из самых ярких курсов ИАИ – однокурсниками Курносова оказались видные впоследствии исследователи, организаторы архивного дела, журналисты Юрий Виноградов, Александр Воробьев, Владимир Илюшенко, Зинаида Иноземцева (Дацюк), Владимир Кабузан, Владимир Мамонов, Александр Покровский, Галина Попова (Тумаркина), Андрей Пшеничный, Галина Тарле, Дмитрий Тебекин, Бруно Томан, Игорь Фесуненко. Курносов выделялся серьезным интересом к вопросам методики научного исследования, стал одним из самых заинтересованных и творчески активных участников работы студенческого научного кружка, найдя для себя в этом содружестве друзей на всю жизнь, для которых и по сей день остается дорогим им “Лёшкой”. В газетных и журнальных статьях о Кружке, в работах по истории его неизменно пишут и о Курносове; имя его запечатлено и в кружковом юморе (см. сборник материалов “Кружку источниковедения пятьдесят лет”, изданный в РГГУ в 2000 г.).

А. Курносов – из первых учеников С.И. Якубовской, стоявшей у истоков разработки на новых началах проблематики источниковедения исто-

рии советского общества. Она смело и плодотворно синтезировала свой большой опыт изучения разных видов источников новейшего времени (нарративных, актовых, статистических) и приемы, освоенные еще в семинарах классика науки истории зарубежного средневековья и историографии Е.А. Косминского. Якубовская направляла занятия начинающего исследователя мемуаров и других документов о Великой Отечественной войне и заинтересованно следила за его штудиями в области теоретического источниковедения. Якубовская – научный руководитель кандидатской диссертации “Методы исследования мемуаров. Мемуары как источник по истории народного сопротивления в период Великой Отечественной войны”, защищенной в 1965 г. Разделы ее стали основой статей не только в “Трудах МГИАИ” (“Вопросы авторства в мемуарах о народном сопротивлении в тылу немецко-фашистских войск (1941–1944)” – Т. 17 и др.), но и в изданиях академического Института истории (статья “Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов (Историография вопроса)” напечатана в первом из сборников статей “История и историки” в 1965 г.). После кончины С.И. Якубовской А.А. Курносов публикует (в АЕ за 1992 год) текст ее совместной с В.П. Даниловым статьи 1965 г. “О фигуре умолчания в исторической науке”, которую не позволили тогда печатать в журнале “Новый мир”.

С 1958 г. Курносов – сотрудник Института истории Академии наук. Он помогает в подготовке многотомных изданий и в то же время увлеченно размышляет о проблемах теории и методики источниковедения (вообще он работает всегда вдохновенно и даже мучительно, и малоспособен заниматься тем, что его не может по-настоящему заинтересовать). Совместная с С.М. Каштановым статья “Некоторые вопросы теории источниковедения” (в № 4 журнала “Исторический архив” за 1962 г.) вызвала живое обсуждение и заметно способствовала усилению интереса и к теоретическому источниковедению в тот период дискуссий о предметах “историография” и “источниковедение” и приемах их преподавания.

С образованием в 1963 г. сектора по разработке вопросов методологии истории Курносов стал его сотрудником и сразу же почувствовал себя естественно в творческой атмосфере секторской работы, быстро сблизившись и со старшими по возрасту (А.А. Губером и другими) и активно включившись в общественную жизнь института, в деятельность его партбюро (где тогда были В.П. Данилов, К.Н. Тарновский, Я.С. Драбкин и др.). Его впечатления от тех лет отражены в статье первого сборника памяти руководителя Сектора М.Я. Гефтера “За кулисами (По материалам Центра хранения современной документации)” (Век XX и мир. 1996. № 1), а также в статье памяти К.Н. Тарновского (в АЕ за 1991 год). В секторе А.А. Курносов работал в возглавляемой мною группе теоретического источниковедения, принимал деятельное участие в подготовке сборников “Источниковедение. Теоретические и методические проблемы”. В 1969 г. сумели издать только первый сборник, где он и член редколлегии, и автор большой статьи “Приемы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник)”. Курносов – деятельный участник конференций, обсуждавших проблемы методологии истории и источниковедения (в Москве, Таллине, Геленджике и др.). Курносова привлекали к преподаванию в Историко-архивном институте, и некоторые соображения из его педагогической практики обнаруживаем в статье “О месте источниковедения в системе исторических наук” (в сборнике статей 1994 г. “Мир источниковедения”).

В Археографической комиссии Курносов первоначально основные силы отдавал организации работы по собиранию и сохранению документальных памятников советской эпохи – а это и Всесоюзная научная конференция по полевой археографии 1976 г., и конференции региональных Отделений АК, участие в написании глав по такой тематике и о создании воспоминаний и описании семейных архивов в первом учебном пособии “Документальные памятники: выявление, учет, использование” (издано в 1988 г.), в составлении (совместно с другими учреждениями) методических пособий и писем для учителей, активистов Общества охраны памятников и советов ветеранов, содействие И.В. Поздеевой и А.М. Самсонову в организации выставки “Книга сражается” (1985), работа со школьниками и активистами комсомольских организаций.

Курносов неоднократно выступает со статьями такой проблематики, прежде всего в “Археографическом ежегоднике”, членом редколлегии которого состоял в 1981–1994 гг., – в нескольких книгах АЕ опубликованы части исследования “Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне”, готовит статьи и историографического уклона – “Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика собирания)” о трудах ветерана и историка войны академика А.М. Самсонова и др. (см. названия работ в “Библиографическом указателе продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений”, составленном Н.А. Долдобановой в 2000 г.) Как новаторская воспринималась тогда и его рецензия на книгу В.С. Голубцова “Мемуары как источник по истории советского общества” (“Личность в истории, история в личности” // ИСССР. 1971. № 4). Специально изучая проблему собирания документов личного происхождения участников войны (об этом статья в АЕ за 1990 год), А.А. Курносов активно включается и в разработку более широкого вопроса комплектования государственных архивов документами личного происхождения (о чем совместная статья в АЕ за 1984 год).

В публикуемой Записке обобщен опыт и исследователя-источниковеда и историка-архивиста. Думается, что Записка имеет самостоятельную научную ценность, и ознакомление с ней полезно и в учебно-методическом плане при изучении истории архивного дела, источниковедения, развития общественного сознания. А для нас – коллег и друзей Алексея Антоновича – это приятно и потому, что 30 декабря 2001 г. ему исполнилось 70 лет.

С.О. Шмидт

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2001 ГОДУ

15 мая прошло заседание Ученого совета Института славяноведения РАН, посвященное 45-летию Археографической комиссии. В докладе “Археографическая комиссия РАН за 45 лет: итоги и перспективы”¹ *С.О. Шмидт* обозначил основные вехи развития этого научного и координационного центра, выделил успехи последних лет и приоритетные направления на предстоящее десятилетие. На заседании выступили также директор Института славяноведения В.К. Волков и сотрудник института *С.М. Фалькович*.

14 июня состоялось заседание Комиссии, на котором были заслушаны отчеты о научных командировках. *В.А. Черных* рассказал о своем участии в конференции “Книга и литература в культурном контексте”, посвященной 35-летию археографических исследований в Сибирском отделении РАН и Новосибирском государственном университете, проходившей 28–30 мая в Новосибирске². *А.В. Мельников* поделился впечатлениями от командировки в Ярославль и Ростов Великий 6–7 июня и участия (совместно с *С.О. Шмидтом*) в презентации книги главного редактора “Ярославской старины” *Я.Е. Смирнова* – библиографического исследования о *А.А. Титове*. В настоящее время *Я.Е. Смирнов* готовит к публикации дневник *А.А. Титова*, переданный его внучкой, живущей сейчас в Париже. Кроме того, *С.О. Шмидт* и *А.В. Мельников* посетили большую выставку предметов старины в музее “Ростовский кремль”. О деятельности конференции по проблемам генеалогии, проходившей в Сан-Марино 4–8 июня, рассказал *Б.Н. Морозов*.

19 июня в здании Историко-архивного института РГГУ прошли очередные Тихо-

мировские чтения “Вклад Историко-архивного института в развитие источниковедения и историографии специальных исторических дисциплин”, посвященные 70-летию этого высшего учебного заведения и его роли в развитии традиций и методологии исторических исследований разных направлений гуманитарного знания³. Особое внимание было уделено истории и современному состоянию таких традиционно приоритетных дисциплин, как источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины и история государственных учреждений. На заседании выступили: *С.О. Шмидт*, *Т.Г. Архипова*, *Е.М. Бурова*, *В.В. Крылов*, *В.Ф. Козлов*, *В.А. Муравьев*, *С.В. Чирков*.

3 июля были подведены итоги участия Археографической комиссии в конференции “В.О.Ключевский и проблемы провинциальной культуры и историографии”, проходившей в Пензе 25–26 июня⁴. С отчетом о научном форуме выступил *С.О. Шмидт*, особо подчеркнувший разнообразие и актуальность тематики докладов и научный интерес к сообщениям, сделанным сотрудниками Комиссии *Ю.В. Андрюшайтите*, *А.В. Мельниковым*, *М.П. Мироненко*.

30 августа на заседании Комиссии *С.О. Шмидт* и *А.В. Мельников* рассказали об участии в Международной научно-практической конференции “Великий Волжский путь”, посвященной 1000-летию основания г. Казани и проходившей 5–16 августа на теплоходе в приволжских городах под эгидой ЮНЕСКО и Департамента культурного наследия Совета Европы, под патронажем президента Республики Татарстан *М.Ш. Шаймиева* и мэра г. Казани *К.Ш. Исхакова*. Конференция была посвящена истории формирования и развития

¹ См.: Славяноведение. 2001. № 6. С. 75–83.

² См. о конференции в наст. томе. С. 452.

³ См. о заседании в наст. томе. С. 277–301.

⁴ См. о конференции в наст. томе. С. 453–455.

Великого Волжского пути, культурным и этноконфессиональным контактам и торгово-экономическим связям, которые он стимулировал. В форуме, подготовленном совместными усилиями нескольких десятков организаций приняли участие как ученые (историки, экологи, географы, этнологи, социологи), так и представители администрации, бизнесмены-меценаты. Конференция ставила своими задачами развитие межкультурного диалога различных цивилизаций, изучение истории и современности городов на Великом Волжском пути, рассмотрение мероприятий по его укреплению и развитию, а также развитие научных, культурных, торгово-экономических и политических контактов между странами, лежащими на Великом Волжском пути, улучшение экологической и культурной ситуации в этом регионе.

10 октября в Санкт-Петербурге состоялось совместное заседание Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН и Археографической комиссии, посвященное 80-летию К.Н. Тарновского⁵.

29 ноября Институт этнологии и антропологии РАН и Археографическая комиссия провели научную сессию, посвященную В.А. Александрову в связи с его 80-летием⁶.

24 декабря прошло совместное заседание Мосгорархива и Археографической комиссии, посвященное 60-летию битвы под Москвой. Основное внимание было уделено введению в научный оборот новых источников по истории Великой Отечественной войны, главным образом, личного происхождения⁷.

Т.В. Лохина

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2001 ГОДУ

Археографический ежегодник за 2000 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 2001. 511 с.

Андрюшайтите Ю.В. И.П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения / Отв. ред. С.О. Шмидт. РАН; Институт славяноведения; АК. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 270 с.

Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М.: Эдиториал УРСС, 2001. Вып. 1: XVIII век / Сост.: В.Ю. Афиани, Т.В. Лохина, М.П. Мироненко. Отв. ред. С.О. Шмидт; РАН; АК. 366 с.

Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. Ч. III: 1935–1945; РАН; Институт славяноведения; АК. 150 с.

Отечественная культура и развитие краеведения: Материалы IV Всероссийской научной конференции (Пенза, 26–27 июня 2000 г.) / Гл. редактор С.О. Шмидт. РАН;

АК; Союз краеведов России; Министерство культуры Пензенской обл.; РГГУ. Пенза, 2001. 235 с.

Зайцев А.Д. Петр Иванович Барте-нев и журнал “Русский архив” / Отв. ред. С.О. Шмидт. АК. М.: АО “Московские учебники и картолитогрфия”, 2001. 277 с.

Смирнов Я.Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911) / Отв. ред. С.О. Шмидт. РАН; АК; Гос. архив Ярославской обл. М.: Изд. фирма “Восточная литература” РАН, 2001. 279 с.

Из истории Воронежского края: Сб. статей / Редкол.: А.Н. Акиншин (отв. ред.), А.З. Винников, В.Н. Глазьев, М.Д. Карпачев, О.Г. Ласунский, С.О. Шмидт. АК; Воронежский государственный университет, Ист. фак-т. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. 240 с.

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В НОВОСИБИРСКЕ

28–30 мая 2001 г. в Новосибирске состоялась научная конференция “Книга и литература в культурном контексте”, посвященная 35-летию начала археографиче-

ской работы в Сибирском отделении РАН и Новосибирском государственном университете. В работе конференции приняли участие ученые из Новосибирска, Москвы,

⁵ См. доклад Р.Ш. Ганелина и хронику заседания в наст. томе. С. 317–328.

⁶ См. о заседании в наст. томе. С. 464–467.

⁷ См. о заседании в наст. томе. С. 302–316.

Санкт-Петербурга, Екатеринбург, Томска, Тобольска, Красноярска, Улан-Удэ.

На открытии конференции с приветствиями выступили председатель Сибирского отделения Археографической комиссии РАН академик *Н.Н. Покровский*, ученый секретарь Археографической комиссии РАН *В.А. Черных*, ректор Новосибирского государственного университета член-корреспондент РАН *Н.С. Диканский*, заведующий кафедрой литературы университета член-кор. РАО *В.Г. Одинокоев*. Выступавшие отметили, что начатые в 1965 г. по инициативе академика *М.Н. Тихомирова* археографические экспедиции привели к выдающимся научным результатам; состоялось, по исчерпывающему и точному определению академика *Д.С. Лихачева*, “археографическое открытие Сибири”.

Одной из самых характерных особенностей сибирской археографической школы, сформированной трудами академика *Н.Н. Покровского*, члена-кор. РАН *Е.К. Ромодановской*, *В.Н. Алексеева*, *Е.И. Дергачевой-Скоп* и их учеников явилась максимальная широта ее исследований – широта территориальная, хронологическая, междисциплинарная, тематическая и жанровая. Весьма плодотворным в работе сибирских археографов явилось постоянное тесное сотрудничество историков и филологов, а также деятельное участие этнографов, искусствоведов, музыковедов. С самого начала археографических исследований в Сибири в их задачи включалось выявление, собирание и изучение письменных памятников в среде бытования, их научное описание, издание, а также составление необходимых для успешного проведения всех этих работ методических и справочных пособий. Именно такое широкое понимание задач археографиче-

ских исследований дало обильные плоды, привело к замечательным открытиям.

Многообразные научные труды сибирских археографов нашли отражение в серийном издании “Археография и источниковедение Сибири”¹, в сборниках, изданных в честь *Н.Н. Покровского* и *Е.К. Ромодановской*², во многих монографических исследованиях, публикациях и описаниях письменных памятников.

Академик *Н.Н. Покровский* поделился воспоминаниями о первых экспедициях 1960-х годов в Туву и на Алтай, высказал глубокую благодарность сибирским староведам, которые в невероятно трудных условиях сохранили и донесли до наших дней традиционную русскую письменную культуру и с пониманием и поддержкой отнеслись к научным задачам археографических экспедиций.

В большинстве докладов, заслушанных и обсужденных на конференции, рассматривались различные аспекты традиционной письменной культуры, история отдельных рукописей и произведений, их языковые особенности, жанры и сюжеты, история книжных собраний и библиотек, судьбы старообрядцев-книжников. Ряд докладов был посвящен также проблемам изучения светской литературы нового времени, в частности, мемуаров, образу *Бориса Годунова* в творчестве *Пушкина*, жанру “летописи жизни и творчества” в историко-биографической литературе.

В отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН и в археографической лаборатории гуманитарного факультета Новосибирского университета были развернуты выставки археографических находок и изданий Сибирского отделения АК.

В. Ч.

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИОГРАФИИ”

(Пенза, 25–26 июня 2001 г.)

В конце июня 2001 г. в Пензе состоялась конференция, явившаяся своеобразным итогом десятилетней работы программы “Куль-

тура российской провинции”, а также и продолжением конференции о *В.О. Ключевском*, проведенной также в Пензе в 1991 г.

¹ См.: Библиографический указатель продолжающихся изданий Археографической комиссии РАН и ее отделений / Сост. *Н.А. Долдобанова*. М., 2000. С. 139–158.

² Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма [К 60-летию со дня рождения *Н.Н. Покровского*] / Отв. ред. *Е.К. Ромодановская*. Новосибирск, 1980; Проблемы истории, русской книжности и общественного сознания: Сб. науч. трудов [К семидесятилетию академика *Н.Н. Покровского*] / Отв. ред. *Е.К. Ромодановская*. Новосибирск, 2000; Традиция и литературный процесс [К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН *Е.К. Ромодановской*] / Отв. ред. *А.Б. Сокотов*. Новосибирск, 1999. Содержание сборников, посвященных *Н.Н. Покровскому*, см.: Библиографический указатель... С. 151–154; АЕ за 2000 год. М., 2000. С. 478–479.

Пенза объединила исследователей из различных городов России и стран Европы; активным было участие молодых исследователей, составлявших почти половину докладчиков. Организаторами конференции выступили Археографическая комиссия РАН, Союз краеведов России, Научный центр краеведения и москвоведения ИАИ РГГУ и Министерство культуры Пензенской области. Необходимую финансовую поддержку оказали Российский гуманитарный научный фонд и пензенские власти, обеспечившие, не только работу заседаний и прием участников, но и богатую культурную программу, а также подробное освещение форума в местной прессе и на телевидении.

Гостеприимная Пенза встретила прибывших 24 июня участников с традиционным радушием, в тот день были проведены экскурсии по городу, по уникальным в своем роде музеям В.О. Ключевского, В.Э. Мейерхольда. Высокого уровня культурная программа включала также посещение музея А.Н. Радищева в с. Радищево и музея-усадьбы М.Ю. Лермонтова "Тарханы".

На конференции рассматривались итоги и перспективы изучения жизни и творчества В.О. Ключевского, особенности развития провинциальной историографии XIX – начала XX в., роль светских и церковных учебных заведений и общественных объединений в этом развитии. Особое внимание было обращено на проблемы исследования культурных традиций российской провинции и их взаимосвязь с отечественной историографией.

Конференция открылась 25 июня в Доме искусств приветствием губернатора Пензенской области *В.К. Бочкарева*, отметившего высокий статус настоящей конференции и для общественно-культурной жизни края, и для отечественной науки и культуры в целом. Во вступительном слове *С.О. Шмидта* (АК) говорилось о значении многолетних плодотворных творческих научных взаимосвязях АК, Союза краеведов России с пензенскими учеными и краеведами, Пензенской администрацией, традиционно оказывающей просвещенную поддержку долголетней программе по изучению культуры российской провинции. На пленарном заседании выступили: *В.Ю. Афиани* (РГАНИ) с докладом об итогах десяти лет работы программы "Культура российской провинции"; *В.Ф. Козлов* (ИАИ РГГУ), рассказавший о краеведческих форумах последнего десятилетия; *Г. Хаусман* (Германия, Кёльнский университет), сопоставивший проблематику про-

винциальной историографии в России и Германии; *С.С. Илизаров* (Институт истории естествознания и техники РАН), осветивший роль Санкт-Петербургской Академии наук в отечественной историографии. Об особом, прикладном, значении развития краеведения напомнило выступление "От культуры края – к культуре мира" пензенцев *Н.М. Инюшкина* и *В.Н. Гуськова*, сопровождавшееся фильмом о плодотворной краеведческой работе в Воскресенской средней школе им. В.О. Ключевского Пензенского района. Завершил пленарное заседание доклад руководителя Пензенского отделения Союза краеведов *А.В. Тюстина* "В.О. Ключевский в истории пензенского края".

В рамках широкой, многогранной темы конференции шла работа нескольких секций. В секции "Общие проблемы провинциальной культуры и историографии" состоялись следующие доклады: *В.А. Муравьев* (ИАИ РГГУ). История, регионалистика, краеведение в XVIII – начале XX вв.: проблема дисциплинарных границ; *М.П. Мохначева* (ИАИ РГГУ). Межвузовские научные связи российских историков во второй половине XIX века; *С. Пернет* (Франция, Сорбонна). Сравнительный анализ российских и французских краеведческих объединений на рубеже XX века; *Т.В. Лохина* (АК). Светские рукописные сборники в культуре российской провинции; *Г.В. Калашиников* (Санкт-Петербург, Государственная Герольдия при Президенте РФ). Военный быт провинциальных городов России XVIII – начала XX веков в полковой истории Русской армии; *Д.Н. Шилов* (РНБ). Российская провинция XIX века в мемуарах сенатора М.П. Веселовского; *М.П. Мироненко* (АК). Культура Сибири в письмах декабриста И.И. Пущина; *Ю.В. Андриюшайтите* (АК). Вологодский купец И.П. Лаптев и становление отечественной филологии; *Н.В. Середа* (Тверской государственный университет). Библиография тверского краеведения; *Я.Е. Смирнов* (Ярославль). Коммерсант-коллекционер А.А. Титов в культуре Ростова Великого и России; *Д.Б. Споров* (Фонотехнологическая лаборатория библиотеки МГУ). Культура российской провинции начала XX века в коллекции звукозаписей МГУ. Отдельную секцию "Пензенский край в культуре России" составили доклады, в основном, хозяев конференции, посвященные различным проблемам краеведения и культурной жизни края.

Секцию "Провинциальное духовенство в развитии русской культуры и памятнико-

ведения” составили следующие доклады: *А.И. Раздорский* (РНБ). Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви XIX – начала XX веков как источник по истории российской провинции; *А.М. Пашков* (Петрозаводский государственный университет). Православно-церковное краеведение середины XIX – начала XX века как социокультурное явление в жизни Русского Севера: на материалах Олонецкой губернии; *С.И. Добренький* (ИАИ РГГУ). Церковно-приходские летописи середины XIX – начала XX веков в провинциальной историографии; *Д.М. Абрамов* (ЦМДРКИ им. Андрея Рублева). Музеефикация памятников оборонного зодчества в средней полосе Европейской России во второй половине XIX – начале XX века; *В.Н. Середа* (Государственный архив Тверской области). Тверской священник-писатель середины XIX века.

Творчеству В.О. Ключевского были посвящены две секции: “Наследие В.О. Ключевского в культуре России и Пензенского края” и “В.О. Ключевский в контексте развития источниковедения и историографии”, в рамках которых состоялись доклады: *А.Н. Бачинин* (ИАИ РГГУ). В.О. Ключевский и М.П. Погодин; *С.В. Чирков* (ИАИ РГГУ). Проблемы вспомогательных исторических дисциплин в творчестве В.О. Ключевского; *В.Г. Бухерт* (РГАДА). О проекте участия В.О. Ключевского и А.С. Павлова в описании рукописей Московской Синодальной библиотеки 1879–1880 гг.; *К.Е. Новохатский* (Киев, Государственный комитет архивов Украины). Материалы В.О. Ключевского и о нем в архивах Киева; *В.В. Ставицкий* (Пензенский государственный объединенный краеведческий музей). Принцип географического де-

терминизма в работах В.О. Ключевского и проблема территориального разграничения археологических культур; *И.И. Маслова* (Пензенская государственная архитектурно-строительная академия). В.О. Ключевский о роли православия в русской культуре; *Н.Л. Васильев* (Саранск, Мордовский государственный университет). В.О. Ключевский о Н.Е. Струйском: реконструкция и деконструкция легенды о крепостнике и графомане; *О.А. Сухова* (Пензенский государственный педагогический университет). Новая социальная история и творчество В.О. Ключевского: к вопросу научного первенства в сфере методологии истории; *А.Н. Плещиков* (Пенза, Музей В.О. Ключевского). Пензенские имажинисты – родственники В.О. Ключевского; *А.В. Мельников* (АК). Материалы В.О. Ключевского и о нем в архиве М.М. Богословского; *А.М. Дубровский* (Брянский государственный университет). С.В. Бахрушин и В.О. Ключевский; *Е.А. Ростовцев* (Санкт-Петербургский государственный технический университет). В.О. Ключевский и петербургская школа историков (А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков); *С.И. Михальченко* (Брянский государственный университет). В.О. Ключевский и М.В. Довнар-Запольский: история взаимоотношений; А.С. Попов (Пензенский государственный педагогический университет). О двух исторических традициях в оценке “историко-социологической” методологии В.О. Ключевского. Часть докладов, заявленных в программе, не состоялась, но предполагается их публикация в сборнике материалов конференции.

Т.В. Лохина, А.В. Мельников

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ: 50 ЛЕТ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ” (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.)

В июле 1951 г. Новгородская археологическая экспедиция под руководством А.В. Арциховского извлекла из культурного слоя на Неревском раскопе Великого Новгорода первую берестяную грамоту. К юбилею открытия и начала изучения берестяных грамот была приурочена конференция в Великом Новгороде, организованная кафедрой археологии исторического факультета МГУ, Новгородским государственным объединенным музеем-заповедником и Центром по организации и обеспечению археологических исследований при

поддержке РГНФ. В ней приняли участие свыше 50 ученых из 15 городов России, Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, США, Японии. На пяти заседаниях конференции прозвучали 34 доклада.

Следует отдать должное составителям научной программы – все доклады были в высшей степени интересными и удачно сгруппированными по тематическому принципу. Заседания конференции не получили названий и не были выделены в секции, но каждая часть этого четырехдневного форума вполне могла быть названа по priori-

тетной теме, обсуждаемой на каждом из этих заседаний.

Единственное пленарное заседание состоялось в первый день работы конференции и было посвящено научному значению открытия берестяных грамот. Доклад академика *В.Л. Янина* (МГУ) был построен на ярком сопоставлении состояния источниковой базы русской средневековой истории до и после открытия берестяных грамот. Руководитель Новгородской археологической экспедиции показал важнейшие особенности грамот на бересте как источника, их отличия от актовых и летописных текстов, а также некоторые возможности использования берестяных документов в реконструкции исторических событий и процессов.

О значении берестяных грамот для истории русского языка рассказал академик *А.А. Зализняк* (ИС РАН). В докладе было показано насколько изменилась проблематика, методика и сам характер лингвистических исследований с появлением нового вида источников. В частности, удалось сделать существенный прорыв в исследовании языка древней деловой письменности, разговорного языка, а также изучения особенностей северо-западного новгородского диалекта.

А.Л. Хорошкевич (ИС РАН) предложила вниманию участников конференции свои размышления о влиянии открытия берестяных грамот на пути развития историографии. Профессор *Р. Факкани* (Удине, Италия) представил интересный доклад об истоках древненовгородской письменности. Он попытался вписать берестяные грамоты как феномен XI–XV вв. в контекст средневековой европейской литературной традиции.

Живой интерес участников конференции вызвал доклад директора новгородского Центра “Музыкальные древности” *В.И. Поветкина*, посвященный проблемам восстановления и реставрации древних текстов. Докладчик рассказал об истории возникновения методики реставрации и сохранения берестяных грамот, о трудностях, с которыми столкнулся изобретатель методики *М.Н. Кислов* после первых находок 1950-х годов. Подробно остановившись на истории восстановления самой большой из найденных берестяных грамот (гр. № 17, Новый Торжок, XIII в., находка 2001 г.), *В.И. Поветкин* наглядно представил трудности, с которыми сталкивается реставратор берестяных грамот, стремясь в максимально полном виде донести хрупкий берестяной документ до исследователей. Оказа-

лось, что способ подклеивания берестяных грамот вполне применим к восстановлению находки принципиально иного вида – восковой Новгородской Псалтири. Из доклада собравшиеся узнали о принципах и ходе реставрации древнейшей славянской книги.

После заседаний был организован прием в Центре “Музыкальные древности”, где участники конференции смогли увидеть восковую Псалтирь и убедиться в успешном ходе восстановительных работ. *Поветкин* познакомил гостей с деятельностью Центра, восстанавливающего формы и звучание древних музыкальных инструментов. На лекции-концерте исследователи древней истории и культуры Новгорода получили возможность услышать звучание легендарных гуслей, гудков, сопелей, варганов и других древних инструментов.

Второе рабочее заседание конференции было посвящено использованию берестяных грамот в комплексном историческом исследовании. *А.А. Гунтуц* (ИС РАН) на основе наблюдений над особенностями формуляра берестяных посланий предложил новую реконструкцию грамоты № 226, дающей интересные сведения о полномочиях посадника в Новгороде. Профессор *А. Лопэз* (Варшава) представил свои толкования ряда неясных мест в берестяных грамотах. *Ж. Бланкофф* (Брюссель) задался вопросом о том, “кто скрывается за именем Меркурий” в берестяной грамоте № 552. Докладчик рассмотрел на широком культурологическом фоне употребление имени Меркурий и проанализировал возможные пути его проникновения на Русь. Переводчик известнейшей книги *В.Л. Янина* “Я послал тебе бересту” на японский язык *К. Миура* (Токио) представил сравнительный анализ японских мокканов и берестяных грамот. Доклад сопровождался демонстрацией красочных иллюстраций, воспроизводящих мокканы – деревянные дощечки с надписями. Наконец, *Л.Я. Костючук* (ПГПИ) рассказала об использовании берестяных грамот как источника, сохранившего региональные особенности языка, в работе над Псковским областным словарем.

Следующая группа докладов второго дня конференции была посвящена роли берестяных документов в изучении административной и хозяйственной истории средневекового Новгорода и Новгородской земли. *В.Я. Конецкий* (НГУ) предложил основанную на данных берестяных грамот реконструкцию истории земледелия в новгородских землях. *В.Ф. Андреев* (НГУ) познакомил с методикой анализа берестя-

ных документов как источника по истории административного деления Новгородской земли в XII–XV вв. *И.Ю. Анкудинов* (В. Новгород) представил историю хозяйственного освоения земель в XIV в. по данным исследованных грамот.

Завершали второй день конференции доклады, авторы которых использовали берестяные грамоты для изучения социальных аспектов прошлого. *Р.К. Ковалеву* (Миннеаполис, США) удалось реконструировать процесс сбора, доставки, учета и упаковки меховых шкурок в средневековом Новгороде. В этой реконструкции использованы не только данные берестяных грамот, но и результаты исследования деревянных цилиндров, найденных археологами в Новгороде. *Э. Мюле* (Марбург, Германия) исследовал нюансы торговых отношений и деловой переписки по берестяным грамотам XI–XIII вв. Он предложил вниманию коллег подробную классификацию ранних берестяных грамот, основанную на содержании посланий. *Е.А. Рыбина* (МГУ) посвятила свой доклад феномену купеческого складничества в Новгороде. Берестяные грамоты позволяют представить складничество важнейшим инструментом ведения торговых операций в средневековом Новгороде. *А.Е. Мусин* (ИИМК РАН) познакомил с рядом социальных аспектов истории церкви в Древней Руси, получивших свое отражение в берестяных документах. *Е.Э. Пачкунова* (НГПУ) поделилась своими рассуждениями о возможности реконструкции частной жизни новгородцев XI–XV вв. по берестяным грамотам.

Доклады третьего рабочего дня конференции были посвящены археологическому комментированию текстов берестяных документов. Чл.-кор. РАН *Н.А. Макаров* (Институт археологии РАН) соотнес “Заволоцкие топонимы” новгородских берестяных грамот и деревянных цилиндров с реальными археологическими объектами и комплексами русского Севера. Результатом исследований и находок последних лет стало отождествление целого ряда земель, весьма отдаленных от Новгорода, которые входили в структуру новгородской государственности или в орбиту активных контактов новгородцев. Развивая затронутые в этом докладе проблемы, *М.В. Седова* (Институт археологии РАН) проанализировала известия о Суздале в берестяных грамотах; *П.Г. Гайдуков* (Институт археологии РАН) – комплекс берестяных грамот из усадьбы “И” Троицкого раскопа, а *Б.Д. Ершевский* (НГУ) дал археологический комментарий к находкам

берестяных грамот 1990 г. на Михаилоархангельском раскопе. Эти доклады продемонстрировали большую информативность результатов исследования локальных комплексов берестяных документов и их важность для изучения внутреннего строя Новгорода, его социальной организации и внешних связей обитателей исследуемых усадеб.

Как известно, из Новгорода происходит подавляющее большинство берестяных грамот – 917. Кроме того, берестяные грамоты обнаружены еще в десяти городах: Старой Руссе, Торжке, Смоленске, Пскове, Твери, Звенигороде Галицком, Москве, Рязани, Витебске и Мстиславле. Результаты исследования не новгородских грамот были освещены в следующих четырех докладах. *Е.В. Торопова* (НГУ) рассказала о последних находках в Старой Руссе. *П.Д. Малыгин* (ТГУ) познакомил участников конференции с комплексом берестяных грамот, найденных в Торжке в 1999 г. *Н.И. Асташева* (ГИМ), *И.К. Лабутина* и *И.О. Колосова* (ПГПИ) представили результаты изучения археологических комплексов с находками берестяных грамот в Смоленске и Пскове.

Доклады последнего дня конференции были посвящены изучению берестяных грамот как языкового и литературного феномена. *В. Вермеер* (Лейден, Германия) предложил интересные результаты исследований содержания и языка берестяных грамот, основанные на принципах берестологии. Поиску места берестяных грамот в системе памятников литературно-письменного языка Древней Руси был посвящен интереснейший доклад *Т.В. Рождественской* (ИРЛИ РАН). *М.В. Рождественская* (ИРЛИ РАН) предложила трактовку известной берестяной грамоты № 10 как апокрифической загадки. *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН) проинформировал о новых находках украинских грамот. *В.М. Живов* (МГУ) рассмотрел берестяные грамоты в качестве носителя делового языка средневековой Руси. Воспринимая их в этом качестве, исследователь проанализировал особенности синтаксиса в берестяных документах. *Й. Схакен* (Гронинген, Нидерланды) представил свои наблюдения о происхождении цоканья в смоленских грамотах. Завершали конференцию доклады двух исследователей из Магадана, где очевидно начинается складываться новая школа изучения берестяных грамот: доклад *А.А. Соколянского* (СМУ) был посвящен происхождению флексии в древненовгородском диалекте, а сообщение *А.И. Семенова* (СМУ) – наблюдение

ниям над графикой конца строки в новгородских берестяных грамотах.

Следует отметить, что каждый доклад этой конференции сопровождался весьма оживленной дискуссией, чему способствовала, в частности, и организация заседаний: участники конференции имели возможность прослушать все доклады программы (одновременно проходящих секций не было). Конференция в полной мере выполнила свою задачу. В ходе докладов и дискуссий было убедительно показано научное значение открытия берестяных грамот для изучения средневековой истории, представлены перспективные методики исследования, произошел полноценный научный обмен между специалистами из разных регио-

нов и стран. Конференция в Великом Новгороде привлекла внимание как региональных, так и центральных СМИ, администрацию города и жителей Новгорода.

Форум историков, филологов и археологов еще раз продемонстрировал научному миру уникальность феномена Великого Новгорода как культурного, исторического памятника, а также исследовательской лаборатории, объединяющей ученых различных специальностей. Именно вокруг новгородских древностей сложился подлинный научный центр, разрабатывающий и внедряющий новаторские подходы и методики изучения средневековой истории.

А.Е. Петров

МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХИВНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КИЕВЕ

17–18 октября 2001 г. в Киеве проходила международная научно-практическая конференция «Архивы – составная информационный ресурс общества», организованная Государственным комитетом архивов Украины и Украинским государственным научно-исследовательским институтом архивного дела и документоведения (УГНИИАДД). На ней были представлены 78 докладов специалистов из Украины, Австрии, Беларуси, Казахстана, Польши, Приднестровской Молдавской Республики, Российской Федерации. Стремление организаторов включить в программу доклады ученых разных отраслей исторической науки и тех, кто занимается теоретическими исследованиями, и тех, кто осваивает источники «кончиками пальцев», обеспечило многосторонность отражения нынешнего состояния архивоведения и смежных с ним наук.

Местом проведения научного форума стали Главный корпус центральных государственных архивов Украины и Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины.

Работа конференции проходила на четырех пленарных заседаниях и в трех секциях. В рамках форума состоялся научно-практический семинар: Создание распределительной базы данных «Информационная система «Центральный фондовый каталог»». Структура конференции позволила всем ее участникам прослушать большинство докладов на пленарных, секционных заседаниях и участвовать в дискуссиях.

Открывая конференцию, председатель Государственного комитета архивов Укра-

ины *Р.Я. Пирог* зачитал поздравление вице-премьер-министра Украины академика *В.П. Семиноженко*, в котором подчеркивалась важность собрания в одном зале теоретиков, практиков архивного дела, историков, преподавателей высшей школы с целью подытожить достигнутые результаты, наметить пути решения назревших проблем. *Р.Я. Пирог* определил основные вопросы, выносимые на обсуждение: сохранение и приумножение архивного наследия, создание единого электронного ретроспективного информационного пространства, совершенствование отраслевой информативно-правовой базы, подготовка кадров и последипломное образование архивистов, расширение международного сотрудничества. Тематика выступлений была разнообразна и интересна. В первый день были заслушаны доклады, которые можно объединить в три тематических блока: архивное законодательство – *А.Н. Артизов* (Москва), *К.Е. Новохатский* (Киев), *Д.В. Карев* (Гродно); теория и практика архивоведения и документоведения – *С.Г. Кулешов* (Киев), *Е.В. Старостин* (Москва), *М.Ф. Шумейко* (Минск); информатизация архивного дела – *Г.В. Боряк* (Киев), *Бернат Анджей* (Варшава), *В.Л. Носевич* (Минск).

Десятилетие независимости государств Украины, России, Беларуси явилось дополнительным стимулом осмысления достигнутых результатов в области их архивного законодательства. В своем докладе *К.Е. Новохатский* дал анализ исторических реалий, условий принятия 24 декабря 1993 г. Закона «О Национальном архивном

фонде и архивных учреждениях Украины”, который “определил правовые принципы и организационную систему архивного дела в независимой Украине” и наработки подзаконных нормативно-правовых актов. Особенно интересно было узнать, как Госкомархив Украины и местные органы исполнительной власти реализуют свою нормотворческую функцию в сфере архивного дела в последнее время, что привело к подготовке “Правил работы архивных подразделений”, отечественного стандарта “Дело-производство и архивное дело. Термины и определения” и др. Резюме выступления – динамичное развитие отношений в информационно-документационной в частности, архивной сфере, и соответствующее совершенствование законодательства, которое его регулирует – вызвало общее одобрение. Доклад *А.Н. Артизова* касался обновления и развития архивного законодательства Российской Федерации, истории выработки Основ законодательства об Архивном фонде Российской Федерации и архивах, принятых в июле 1993 г. и связанных с ними политических, экономических, правовых событий. Исторический обзор становления и развития архивного законодательства в России в последнее десятилетие тесно переплетается с изложением опыта реализации Основ на уровне Федерации и между ее субъектами. В частности, в докладе рассмотрены трудности, возникающие при этом, пути совершенствования механизма правового регулирования проблем, связанных с деятельностью архивов как юридических лиц, вопросов комплектования, хранения, учета, ввоза и вывоза архивных документов, их использования. Отмечая необходимость совершенствования законодательной базы данной отрасли в Российской Федерации, А.Н. Артизов в целом оценивает ее как жизнеспособную, отвечающую насущным интересам общества, имеющую перспективы многостороннего развития.

Своими выводами о развитии архивного законодательства в Республике Беларусь за последние 10 лет поделился *Д.В. Карев*. Решение отраслевых юридических вопросов докладчик рассматривает на фоне исторических условий, воздействующих на ход законодательного процесса.

Особенностью конференции было пристальное внимание к сюжетам, связанным с теоретическими изысканиями в области архивоведения и смежных с ним отраслей знания. В центре доклада *Е.В. Старостина* – концептуально-теоретическое осмысление истории архивного источниковедения, подобие и отличие терминологи-

ческих систем архивоведения, источниковедения Западной Европы и России. В его поле зрения оказались мнения многих исследователей вопроса – С.О. Шмидта, В.Н. Автократова, О.М. Медушеской, В.В. Кабанова и др. Определив то, что их связывает и отличает, Е.В. Старостин предложил собственное видение понятия “архивное источниковедение”, включив его в более широкое – “архивология”. Сущность последней предопределена, по мнению Е.В. Старостина, ее природой, множеством возможных дискурсов на стыке источниковедения и архивоведения. Именно поэтому “архивология” занимается не только изучением проблем “архивного источниковедения”, но и “исследованием всех аспектов документирования человеческого опыта”. Эскурс Е.В. Старостина в этимологию понятия “архивное источниковедение”, “первое приближение” к архивологии, действительности, можно считать попыткой противостоять “вторичному наступлению неокантианских представлений в российскую историческую науку”.

Своими размышлениями о понятиях электронного документирования и электронного документооборота (ЭД) поделился с присутствующими *С.Г. Кулешов*. Сделать их эвристически ценными, обосновать связь между стоящими за ними сущностями с конкретным обозначением фактов, явлений, процессов – именно это является, по мнению Кулешова, первостепенной задачей современного документоведения. Особое внимание докладчик уделил анализу проектов закона Украины “Об электронных документах и электронном документообороте”, Государственном стандарте Украины “Информационные технологии. Система электронного документооборота. Термины и определения”, высказав интересные замечания, связанные с необходимостью учета мирового опыта, в частности, терминологических определений ISO 17933:2000 “Общий обмен электронными документами”; ISO 5127:2001 “Информация и документация. Словарь”; ISO 15489:2001 “Информация и документация. Управление документацией”. Кулешов обратил внимание на необходимость конкретизации с точки зрения электронного документооборота терминов “реквизит ЭД”, “юридическая сила ЭД”, “аутентичность ЭД”, “жизненный цикл ЭД” и др.

Основная проблематика выступления *М.Ф. Шумейко* сосредоточилась вокруг активно обсуждаемых вопросов подготовки квалифицированных кадров историков-архивистов. Освещая основные этапы раз-

вития архивного образования в Беларуси, докладчик проанализировал его содержание и формы в ретроспекции, перспективы развития, возможности пополнения их научно-методическими, практико-ориентированными образовательными концепциями, способствующими творчеству архивиста, возможности их практической реализации. Особое внимание было уделено вопросам взаимоотношения образования и общества, образования и науки, их взаимной детерминации, необходимости стандартизации современного архивного образования как важнейшей предпосылки к реальному обеспечению последовательности между средним специальным, высшим и последипломным образовательными уровнями, важности универсализации способностей специалистов, необходимости перенесения акцента с передачи знаний на умение обучающихся добывать их самостоятельно. Углубление М.Ф. Шумейко в историко-персонологический контекст открыло новое видение личностных возможностей архивистов-практиков и теоретиков в “подтягивании” уровня предложений и спроса архивного образования.

Для архивных служб важным моментом является включение в мировой процесс информатизации. Об опыте, проблемах и перспективах информатизации архивного дела в Украине, Польше и Беларуси говорили Г.В. Боряк, Бернат Анджей, В.Л. Носевич. Общая направленность выступлений оттенялась спецификой постановки вопроса, находок концептуальных методических решений, практических наработок архивов. В частности, участникам конференции интересно было узнать об опыте развития электронной сети в системе архивных учреждений Украины. Освещая эту тему, Г.В. Боряк коснулся ключевых моментов ее становления: создания Государственной программы «Национальная архивная информационная система “Архивная и рукописная Украиника”», открытия отдела автоматизированных информационно-поисковых систем в УГНИИДАД, подготовки проекта Национальной информационно-поисковой системы “Национальный архивный фонд Украины: Центральный уровень”, ввода в действие модели архивной информационной системы “Центральный фондový каталог”, пилотного проекта институционального уровня “Археобиблиобаза”, программы продукта “Архивные фонды Украины” и др. Все докладчики сошлись во мнении, что серьезно прогнозировать развитие информационных технологий в архивной отрасли можно лишь при условии

целевого финансирования технологической основы информатизации.

После пленарных заседаний участники и гости конференции продолжили свою работу в секциях.

В стремлении уяснить мотивы, направления и возможные последствия переосмысления методологических и содержательно предметных оснований исторической науки в целом и ее специальных дисциплин, в частности, обсудить проблемы введения в канву исторического познания новых источников, актуализировать внимание к информационному потенциалу Национального архивного фонда Украины, архивных учреждений украинской диаспоры, поделиться новыми теоретическими разработками в области архивоведения во имя созидательного опыта прошла работа секции “Теоретические и прикладные проблемы специальных исторических дисциплин” (руководители – В.С. Шандра, Е.В. Старостин, М.Ф. Шумейко). Были заслушаны доклады С.М. Кононенко (Киев) о составе и содержании семейного фонда Смирненского; Е.М. Загорецкой (Киев) – о роли периодических отраслевых изданий в разработке проблем делопроизводства; Н.О. Черкасской (Киев) – об информационном потенциале магнатовских родовых архивов; А.Б. Кудлай (Киев), продемонстрировавшей на примере Генерального секретариата судебных дел (1918 г.) возможности изучения истории государственных учреждений по материалам их фондов.

Подготовка архивоведов в средних специальных, высших учебных заведениях, профессиональная переподготовка кадров архивного дела – одна из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем, что можно рассматривать как знаковое явление. Тематика докладов составляла совокупный ответ на вопрос, обозначивший работу секции, – “Современные проблемы архивного образования” (руководители – И.Б. Матяш, В.В. Федосов). Вопросы научно-теоретического, методического обеспечения развития архивного образования, органично сопрягались с его практическим воплощением в жизнь. С интересом были заслушаны доклады И.Б. Матяш (Киев), Т.И. Кившар (Киев), А.М. Сукало (Киев), Л.Л. Левченко (Николаев), посвященные содержательной стороне процесса обучения студентов и его организации, повышению информационного и технологического уровня работников архивных учреждений, созданию условий для самореализации архивиста как творческой личности, применению дистанционных форм обучения на пу-

ти интегрирования Украины в мировое образовательное пространство.

Неожиданный поворот приобрела работа секции традиционной тематики “Научно-справочный аппарат архивов” (руководители – *Л.В. Гурбова, Н.Н. Христова, А.А. Чернобаев*), содержание докладов и сообщений ее участников вышло за обозначенные тематические рамки. В центре внимания оказались два важных взаимодополняемых аспекта – методика составления научно-справочного аппарата к документам архивных учреждений, механизм и пространство его функционирования и концептуализация новых видов справочников в условиях развития новейших информационных технологий. Были заслушаны доклады *В.Ю. Коровайникова* (Москва) – о проблемах развития научно-справочного аппарата к документам Мосгорархива; *Л.В. Гурбой* (Симферополь) – об опыте подготовки тематических архивных справочников в Госархиве при Совете министров Автономной Республики Крым; *Е.Н. Галамай* (Винница) – о составе справочного аппарата Госархива Винницкой области и его особенностях; *А.А. Колобова, Т.В. Варавы* (Киев) – о возможностях новых архивных справочников по фондам личного происхождения; *Р.Ю. Кондратюк* (Житомир) – об опыте работы Госархива Житомирской области по переводу научно-справочного аппарата на электронные носители информации.

Значительное место в проблематике конференции занял научно-практический семинар Создание распределительной базы данных «Информационная система “Центральный фондовый каталог”» (руководители – *Г.В. Борjak, Ю.И. Забенько, Т.Н. Захарченко, Н.Н. Христова*), собравший специалистов в области электронного документооборота. Работа семинара проходила на базе центра информационных технологий Госкомитета архивов Украины. Разработка и ввод в действие автоматизированной системы “Центральный фондовый каталог” Национального архивного фонда Украины и его системных тематических разветвлений, усовершенствование научных принципов и технологий создания электронного каталога в целом, компьютеризация архивов – таков далеко неполный перечень вопросов, затронутых выступавшими. Оживленную дискуссию вызвали доклады *А. Берната* (Варшава), *В.Л. Носевича* (Минск), *Н.Н. Христовой* (Киев), *Л.Я. Заики* (Сумы), *М.В. Мидцовой* (Киев), *Т.М. Шестозуб* (Чернигов), *М.И. Довгич* (Киев), *И.А. Костенко* (Луцк), *Ю.И. Забенько* (Киев).

Результатом работы секций и семинара стали научно-методические рекомендации по решению актуальных проблем архивоведения, документоведения, практики архивов, организации и наполнении содержания учебного процесса в русле подготовки профессиональных кадров.

В первый же день работы конференции в читальном зале научно-справочной библиотеки центральных государственных архивов Украины была развернута выставка изданий УГНИИДАД. Среди них – удостоенные премии Национальной академии наук Украины им. Н.И. Костомарова цикл работ *И.Б. Матяш* – “Українська архівна періодика 1920–1930-х років: історія, бібліографія, бібліометрія” (К., 1999), “Архівна наука і освіта в Україні 1920–1930-х років” (К., 2000), “Особа в українській архівістиці” (К., 2001); премии Госкомитета архивов Украины им. В.И. Веретенникова – монографии *С.Г. Кулешова* “Документознавство: Історія. Теоретичні основи” (К., 2000), *В.С. Шандры* “Київське генерал-губернаторство. 1832–1914. Історія створення та діяльності, архівний комплекс і його інформативний потенціал” (К., 1999), коллективные труды института, продолжающиеся издания. Эти книги можно было приобрести на конференции.

Весьма представительным был состав докладчиков во второй день: *С.О. Шмидт* (Москва), *А.А. Чернобаев* (Москва), *Т.И. Хорхордина* (Москва), *В.С. Шандра* (Киев), *А.Д. Каплин* (Харьков) и др., их специально пришли послушать студенты исторического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко вместе со своим наставником профессором *В.И. Ульяновским*. Большое впечатление на участников конференции произвела многогранная деятельность Археографической комиссии РАН, о которой рассказал бесценный ее председатель академик *РАО С.О. Шмидт*. Практический пласт доклада, подчеркнутый в названии “Подготовка сводного типа каталогов документальных памятников (из опыта работы Археографической комиссии)”, искусно был дополнен наблюдениями за историографической реальностью, имеющей собственные методологический, методический коды, определяющие масштабы, глубину, уровень, направления и перспективы археографических исследований. Неподдельный интерес к успехам российских коллег сквозил в многочисленных вопросах к *С.О. Шмидту*, отвечая на которые, он еще раз остановился на важности эффективно-го координирования исследований, наличия

условий успеха археографической работы: высокой квалификации научных кадров, сотрудничества, постоянного поиска мысли, желания творить.

Во всех отношениях провоцирующим было выступление *Т.И. Хорхординой*, подвигнувшее слушателей на пересмотр обычного подхода к теме “Архивы и война”, тающей бездны незамеченных смыслов. Поновому увидеть социокультурное измерение войны Т.И. Хорхордина смогла сквозь призму судеб архивов. Докладчик отобразила картину состояния архивных учреждений периода второй мировой войны в различных ракурсах – историческом, социологическом, юридическом, психологическом, культурологическом. Еще недавно доминирующий подход – идеологический – сменен докладчиком на общефилософский. Опорными точками ее суждений стали: “психология войны”, “культура – антикультура войны”, “психология общества” и т.д., которые вписаны в более широкий контекст проблемы “память – забвение”, “гуманизм – человеконенавистничество”, “частное – общее”, “национальное – общечеловеческое”.

С замечания о том, что успехи компьютерных технологий не снимают вопроса о традиционных архивных справочниках, начала свое выступление *В.С. Шандра*. Сюжет ее доклада разворачивался на фоне суждений о значимости для архивного дела, исторической науки справочных изданий по истории государственных учреждений. Докладчик ознакомила с имеющимися на Украине и за рубежом опытом по подготовке историко-архивоведческих справочников. *В.С. Шандра* отметила, что по составу архивных документов фондов государственных учреждений можно говорить о видах и направлениях их деятельности, а по организации документов в фондах – об устройстве, структуре фондообразователей. На примере изучения истории государственных форм управления, существовавших в украинских землях в период Российской империи, *Шандра* пришла к важным историческим выводам: на украинской территории российское законодательство распространялось не в полном объеме, что нашло проявление в функционировании генерал-губернаторств, административно-политических и территориальных единиц.

Необычайно важной теме – актуализация наследия общественной мысли XIX в. – был посвящен доклад *А.Д. Каплина*. Обращаясь к трудам П.А. Флоренского, А.В. Михайлова, Н.Н. Страхова, В.К. Надлера, И.В. Киреевского и других, доклад-

чик предложил собственное видение архивной терминологии через призму специфического понимания терминологии вообще, изначальной предопределенности ее как религиозного осмысления жизни.

А.А. Чернобаев в своем докладе актуализировал тему личности в исторической науке, подчеркнул необходимость разработки комплексной программы исследований в этой области, распространения столь важных для развития отечественного гуманитарного знания персоналогических архивно-библиографических студий.

На последнем пленарном заседании, подводя итоги конференции, все ее участники признали весьма плодотворными проведенный обмен мнениями по актуальным проблемам современного развития архивоведения, архивного дела, документоведения, исторической науки в целом, дискуссии по ряду спорных вопросов, что позволило выяснить позиции, позаимствовать опыт. Были выражены пожелания активно и эффективно продолжать сотрудничество с целью решения комплекса поставленных проблем, часть которых впервые стала предметом научной дискуссии.

Интерес к отдельным докладам и докладчикам наблюдался не только в залах, но и в кулуарах конференции. Не упустили возможности пообщаться с яркими личностями, известнейшими учеными современной науки – С.О. Шмидтом, Е.В. Старостиним, А.А. Чернобаевым – журналисты Национального радиоканала Украины. Круг вопросов в их ряду с ними вышел далеко за пределы их сугубо профессиональных интересов. Не обошлось и без приятных сюрпризов. Удивление и благодарность вызвал у С.О. Шмидта подаренный ему В.И. Ульяновским “Вестник” исторического факультета Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, где опубликовано исследование малоизвестных страниц биографии его отца – Отто Юльевича.

В рамках конференции состоялись экскурсии в Михайловский Златоверхний собор, представляющий историческую и художественную ценность мирового уровня. Сотрудники одного из ведущих архивных учреждений Украины – Центрального государственного архива-музея литературы и искусств Украины – В.Н. Шепелюк, Е.Ф. Павлова, Е.З. Рачковская, директор Ю.И. Кулинич и другие ознакомили участников и гостей конференции с постоянно и временно действующими экспозициями. Среди них – уникальная коллекция книжной графики и произведений западноевропейских композиторов XVI–XIX вв.; комп-

лексная выставка источников по истории культуры Украины конца XIX – начала XX в., мемориальные кабинеты известных деятелей Украины, наследие которых, – яркая страница в истории развития искусства и литературы всего человечества. Интересной показалась посетителям и художественная мастерская народного художника СССР Н.П. Глушенко, где в ознаменование 100-летия со дня рождения великого мастера была развернута выставка его работ.

Конференция получила мощный положительный резонанс среди специалистов и общественности. Ее работа не оста-

лась незамеченной и нашла должное освещение на страницах отечественных и зарубежных периодических изданий, в теле-радиопрограммах. Примечательно и то, что все материалы научного форума были размещены на страницах веб-сайта Госкомитета архивов Украины, а наиболее интересные и актуальные из них вошли в четвертый выпуск уже вышедшего из печати межведомственного сборника научных трудов “Архівознавство. Археографія. Джерелознавство”.

В.В. Бездрабко

СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ РАН И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ А.И. КОПАНЕВА

25 апреля 2001 г. в СПб ФИРИ РАН состоялось совместное заседание Санкт-Петербургского отделения АК и СПб ФИРИ РАН, посвященное 10-летию со дня кончины А.И. Копанева (1915–1990).

А.И. Копанев – один из крупнейших отечественных ученых-историков, выдающийся археолог, источниковед, палеограф, знаток редкой книги, руководитель Рукописного отдела БАН в 1953–1969 гг., председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии АН СССР с 1975 по 1990 г., член ученых советов ЛОИИ и БАН¹.

Открывая заседание, во вступительном слове председатель Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии *М.П. Ирошников* отметил непреходящее значение трудов А.И. для изучения отечественной истории. А.И. Копанев – автор более 150 научных трудов, диапазон которых чрезвычайно широк. В их числе исследования по аграрной истории России – “История землевладения Белозерского края XV–XVI вв.” (М.; Л., 1951), “Крестьянство Русского Севера в XVI в.” (Л., 1978), “Крестьянство Русского Севера в XVII в.” (Л., 1984), коллективные труды – “Краткая история СССР” (М.; Л., 1963. Ч. 2), “Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г.” (Л., 1967), “Аграрная история Северо-Запада России” (Л., 1971; 2-е изд. Л.,

1989) и др. Велик вклад А.И. в изучение истории Санкт-Петербурга – Ленинграда. Ему принадлежит монография “Население Петербурга в первой половине XIX в.” (М.; Л., 1957), главы в “Очерках истории Ленинграда” (М.; Л., 1955), многочисленные статьи о деятелях науки и культуры, работавших в Петербурге, исследования по истории Академии наук и ее Библиотеки. Высокое признание у нас в стране и за рубежом получила ученая деятельность А.И. как археолога, опубликовавшего целые серии разнообразных письменных источников: “Грамоты Великого Новгорода и Пскова” (М.; Л., 1949), “Судебники XV–XVI вв.” (М.; Л., 1952), “Памятники русского права” (М., 1956. Вып. 4; М., 1959. Вып. 5; М., 1963. Вып. 7), “Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в.” (Л., 1987), документы по истории восстания Болотникова, указные книги Ямского и Поместного приказов, веревные книги, Московская хроника Конрада Буссова, проекты и записки М.М. Сперанского и многое другое стало доступно специалистам и широкому кругу читателей благодаря трудам А.И. М.П. Ирошников также выразил убеждение, что в памяти коллег и учеников А.И. остался чрезвычайно доброжелательным, сердечным, порядочным и по-настоящему интеллигентным человеком.

¹ Об А.И. Копаневе см.: *Либерзон И.З.* 70-летие А.И. Копанева // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 335–336; Александр Ильич Копанев: Сб. статей и восп. СПб., 1992; *Маньков А.Г.* А.И. Копанев (1915–1990 гг.) // ВИД. СПб., 1993. Т. XXIV. С. 298–304.

Ю.Г. Алексеев в докладе “А.И. Копанев и проблемы русского феодализма” высказал мнение, что биография А.И. – биография русского, советского интеллигента, вышедшего из народа. В его характере проявились лучшие качества русского человека – упорство, твердость, мужество и скромность. Аграрная и социальная история была основным направлением деятельности А.И. Сосредоточившись на изучении Европейского Севера, он показал свободную крестьянскую общину как ячейку средневекового общества. В работах А.И. наблюдается соединение так называемого формационного и цивилизационного методов, что позволило ему при глубоком понимании закономерностей развития общества увидеть в социальном укладе жизни северо-русской крестьянской общины особенности, несомненно, важные для истории России.

Н.Ю. Бубнов (ОР БАН) в докладе “А.И. Копанев и Рукописный отдел Библиотеки РАН” осветил работу А.И. в БАН. Он отметил принципиальность, научный такт, доступность и скромность, свойственные А.И. Продолжая программу В.И. Срезневского по комплектованию и систематическому описанию рукописей, А.И. отдавал приоритет описанию исторических сборников и пергаменных рукописей. Многие статьи А.И. были посвящены истории БАН, ученым библиотекарям, книжной культуре русских крестьян, крестьянским общинным библиотекам. А.И. сделал много археографических открытий и замечательных публикаций. В годы работы в БАН он всегда

уделял внимание молодым сотрудникам, поощрял их научную работу.

Б.В. Сапунов (ГЭ) поделился воспоминаниями о совместных с А.И. Копаневым археографических экспедициях на Север и о том, как знание жизни и быта крестьян помогало А.И. при работе с письменными источниками по аграрной истории.

Б.М. Рубежова рассказала о том, как старшие коллеги А.И. – И.И. Смирнов, С.Н. Валк и Б.А. Романов, вернувшись из эвакуации, помогли А.И. устроиться на работу в ЛОИИ. Выступавшая отметила, что И.И. Смирнов и его близкие высоко ценили нравственные качества А.И. Копанева: отзывчивость, совершенную внутреннюю культуру.

М.В. Кукушкина (БАН) выступила с воспоминаниями о совместной работе с А.И. Копаневым в ОР БАН и предложила переиздать Хронику Конрада Буссова, что было бы лучшим знаком внимания к памяти А.И. Копанева.

Г.И. Копанев, брат А.И., и *А.А. Копанев*, сын А.И., отметили, что А.И. был свойственен огромный талант и стремление работать. Он старался привить своим детям такие жизненные принципы, как работоспособность и расчет на свои силы. Семья А.И. продолжает традиции научной и педагогической деятельности. Г.И. и А.А. Копаневы сердечно поблагодарили всех, кто пришел почтить светлую память замечательного человека и прекрасного ученого А.И. Копанева.

О.А. Абеленцева

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПАМЯТИ В.А. АЛЕКСАНДРОВА

29 ноября 2001 г. Вадиму Александровичу Александрову исполнилось бы 80 лет. В память о нем в Институте этнологии и антропологии (ИЭА) РАН состоялась научная сессия, проведенная совместно с Археографической комиссией. Выдающийся ученый, талантливый педагог, светлый человек – таким он был и остается в воспоминаниях многих его коллег и учеников, родных и близких. Масштабность фигуры Вадима Александровича как Ученого и как личности проявилась и в широком, представительном составе собрания, и в спектре прозвучавших сообщений, высветивших разносторонние грани его научных интересов. С докладами выступили сотрудники Отделения истории РАН, Института этнологии и антропологии, Археографической комиссии, высших учебных заведений Москвы,

Вологды и Перми. На юбилейном заседании присутствовали супруга В.А. Александрова Галина Георгиевна и его сын Вадим Вадимович. Высокие оценки творческого наследия В.А. Александрова, его глубочайшего вклада в отечественную историографию XX в. пережались эмоциональными воспоминаниями о нем, что определило особый настрой в работе сессии: она прошла, что называется, на одном дыхании.

Заседание было открыто заместителем директора ИЭА *С.В. Чешко*. В своем кратком приветствии, адресованном всем собравшимся, он выразил общее мнение о том, что В.А. Александрова забыть трудно – он оставил значительный след в истории науки и института. Эта мысль неоднократно звучала и в дальнейшем. Е.Н. Швейковская (АК РАН) охарактеризовала ос-

новые направления творчества В.А. Александра. Его отличительной чертой было исследование тем, находящихся на стыке социально-экономической истории, права, демографии, исторической этнографии XVII – первой половины XIX в. Междисциплинарный подход придавал его работам комплексный характер и масштабность. Работам ученого присуще глубокое проникновение в источниковый материал, воспринятое от своего учителя академика М.Н. Тихомирова. В центре внимания В.А. Александра находились узловые проблемы российской истории и этнографии русского народа. Во-первых, миграционные процессы и освоение новых территорий (южные уезды России, Восточная Сибирь, Забайкалье и Приамурье), перенос и воссоздание на них общерусских материальной культуры, социальных отношений и общественных институтов. Во-вторых, история сельской общины – ее устройства, управления и функций при господстве частновотчинного права в XVIII – начале XIX в. Историк классифицировал варианты общин в зависимости от режимов в вотчинах, раскрыл сущность земельных переделов и их механизм, выявил типы общины, которые определялись формами феодальной зависимости крестьян. В-третьих, впервые в советской историографии он обратился к обычному праву крепостной деревни в сфере землепользования и семейно-имущественных отношений. Каждая из названных тем, получив монографическое воплощение, открывала свое направление и давала импульс к дальнейшим изысканиям¹.

Академик РАН В.С. Мясников (Отделение истории Президиума РАН) вспоминал годы совместной работы с В.А. Александровым как лучшие годы своей жизни. Знакомство с ним в 1957 г., завязавшееся в связи с редакторской работой В.А. Александра, переросло затем в добрые отношения. В выступлении был сделан акцент на новых идеях, высказанных В.А. Александровым в его монографии “Россия на дальневосточных рубежах”. Особенно ценным, с точки зрения В.С. Мясникова, явилось рассмотрение развития российско-китайских отношений во второй половине XVII в. в неразрывной связи с историей заселения и хозяйственного освоения русскими Забайкалья и Приамурья. Докладчик отнес этот труд к классическим и подчеркнул, что установки и выводы В.А. Александра существенно повлияли на последующую раз-

работку этой темы. В частности, конференция “Россия и Китай на дальневосточных рубежах” (октябрь 2001 г.) в некоторых отношениях являлась непосредственным продолжением исследований ученого. В заключение он дал высокую оценку заслугам В.А. Александра, назвав его одним из крупнейших историков минувшего столетия, специалистом широкого диапазона и высокого уровня.

Академик РАО С.О. Шмидт рассказал о профессиональном становлении В.А. Александра в студенческую и аспирантскую пору. Уже к концу первого года обучения в МГУ он был замечен М.Н. Тихомировым, который предложил нескольким студентам, в том числе и Вадиму работать у него. Его дипломная работа получила одну из первых шести премий на курсе. В 1947 г. ее издали маленькой книжкой, и это уже была путевка в жизнь. Далее последовала аспирантура под научным руководством М.Н. Тихомирова. Михаил Николаевич был известен своей требовательностью к ученикам, однако Вадим Александрович всегда ставился в пример другим. С.О. Шмидт остановился на научной деятельности В.А. Александра в составе бюро Археографической комиссии и как редактора научного наследия председателей Комиссии М.Н. Тихомирова и В.И. Шункова. На заседаниях Аграрного симпозиума он выделялся умением и руководить заседаниями, и с живостью участвовать в дискуссиях. Научное творчество В.А. Александра привлекало методикой исследований междисциплинарного характера – и собственно исторического, и источниковедческого, и этнографического, и историко-правового. И потому работы его поучительны и для тех, кто занят и иной исследовательской проблематикой, а изданные посмертно в 1998 г. воспоминания “Путь в историю, пути в истории (Моя жизнь)” – вышний образец размышлений в области источниковедения историографии.

М.М. Громыко (ИЭА РАН) осветила роль В.А. Александра в становлении и развитии исторических исследований в Сибирском отделении Академии наук, в написании и издании пятитомной “Истории Сибири”. Она заострила внимание на характеристике его концепции сочетания государственной и народной колонизации в освоении Сибири. М.М. Громыко отметила теплоту отношений В.А. Александра с сибирскими историками, требовательную

¹ Развернутые положения доклада см. в статье Е.Н. Швейковской “Основные проблемы в исследованиях В.А. Александра” (наст. изд. С. 191).

внимательность исследователя к их изысканиям.

И.В. Власова (ИЭА РАН) рассказала о деятельности Вадима Александровича в секторе “Восточные славяне” (а позже – отдела “Этнологии русских”) ИЭА РАН, куда он пришел в 1956 г. и где протекала вся его дальнейшая творческая жизнь. Она дала подробный обзор исследований В.А. Александрова, посвященных разностороннему изучению русского народа и реализованных в целой серии монографических и коллективных трудов; отметила плодотворность методики работы ученого, заключавшейся в сочетании исторического, этнографического и юридического подходов к проблематике исследований; показала широкую географию его научных интересов (Европейская Россия, Русский Север, Северный Урал, Сибирь, Дальний Восток); осветила проблемы, получившие новаторскую интерпретацию в его многочисленных работах (специфика колониционных процессов в России; значение и роль сельской общины в российской истории; обычное право в жизни крепостной деревни; особенности социального статуса крестьянства Сибири; национальный вопрос и др.) Каждая из них является примером блестящего синтеза оригинальных идей автора и тщательной проработки комплекса разнородных материалов. И.В. Власова подчеркнула ведущую роль В.А. Александрова в деятельности сектора. В память о нем, продолжая его основные идеи, отдел завершил коллективную монографию по этнической истории и народной культуре Русского Севера.

В.А. Липинская (ИЭА РАН) выступила с докладом о работе проблемной группы “История сибирского крестьянства”, созданной в ИЭА в 1964 г. в составе сектора “Восточные славяне”. Руководил этой группой В.А. Александров. Она отметила особый стиль ученого, заключавшийся в глубоком историческом подходе, в последовательном рассмотрении материала, в широте охвата темы и аргументированности выводов. Принципиально важным явилось сочетание исторических и этнографических методов исследований: полевые наблюдения стали неразрывно связаны с изучением архивных документов, рукописных источников, публикаций. В.А. Липинская очертила круг задач, поставленных В.А. Александровым перед коллективом: выяснение путей расселения в Зауралье, последовательности освоения экологических ниш, развития в них хозяйственной деятельности и формирования материальной

и духовной культуры, а в итоге – определенной закономерностей превращения мигрантов в важнейшую и органичную часть постоянного населения Сибири. В докладе прозвучала общая оценка результатов проведенного исследования, показавшего единство путей создания континента русского населения на всем пространстве Зауралья и одновременно некоторую специфичность культуры сибиряков и отдельных их локальных структур, обусловленную влиянием ряда факторов (своеобразие в отдельных природных-географических регионах, волнообразность миграционных потоков, взаимодействие с коренным населением Сибири и др.).

Обаяние личности В.А. Александрова и его работ испытал на себе *А.В. Камкин* (ВГПУ). В своем выступлении он высказал восхищение книгами ученого, каждая из которых была для него настоящим открытием. Докладчик подчеркнул, что хотя формально он и не является учеником Александрова, фактически же причисляет себя к таковым, поскольку труды Вадима Александровича решающим образом повлияли на его собственную научную деятельность.

Г.Н. Чагин (ПГУ) вспоминал о том, как по-доброму складывались его взаимоотношения с научным руководителем. Вадим Александрович нацелил его на изучение раннего этапа этнокультурной истории Урала в XVI–XVII вв. и тем самым обозначил круг его научных интересов. Г.Н. Чагин подчеркнул, что В.А. Александрова по праву можно считать основателем пермской школы в этнографическом изучении русского населения Урала. Он обратился со словами благодарности к его супруге Галине Георгиевне за неизменное гостеприимство в доме Александровых, где ему зачастую приходилось останавливаться во время визитов в Москву.

Воспоминаниями о В.А. Александрове поделилась *С.С. Крюкова* (ИЭА РАН) – одна из его учениц. Отметив его бесценный вклад в фундаментальную науку, она особо выделила удивительный дар ученого идти впереди своего времени, умение открывать проблемы, сохраняющие злободневность спустя десятилетия. Это особенно ярко демонстрируют его работы об обычном праве русских крестьян, которые сегодня обретают иное звучание, получая новую жизнь на волне растущего интереса исследователей к правовой тематике. Были сказаны теплые слова о В.А. Александрове как об Учителе, которого отличали живая заинтересованность в научном росте ученика, умение скорректировать его усилия в нуж-

ном направлении, стремление поделиться собственным опытом, а также искреннее человеческое внимание.

Аспирант В.А. Александрова *О.В. Кириченко* (ИЭА РАН) в своем докладе с огромным уважением подчеркнул готовность Учителя самоабвенно служить науке, истине, своей стране. Осознавать это часто приходится, к сожалению, когда такие личности уходят из жизни. Свою работу “Дворянство и интеллигенция”, порученную ему В.А. Александровым, докладчик посвятил светлой памяти научного руководителя. Он предложил проводить регулярные научные заседания в память о В.А. Александрове.

Галина Георгиевна и Вадим Вадимович Александровы рассказали о повседневной жизни ученого-мужа и ученого-отца, которую пронизывали необыкновенная увлеченность, одержимость научным поиском.

В заключительном слове *И.В. Власова* подвела итоги сессии и высказалась за предложение об организации Александровских чтений, поддержанное остальными участниками. Проведение подобных мероприятий стало бы лучшим признанием заслуг В.А. Александрова перед отечественной наукой и творческим продолжением его идей.

С.С. Крюкова

**ПОЗДРАВЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
ЮБИЛЯРАМ – АКАДЕМИКАМ
Ю.А. ПОЛЯКОВУ И А.О. ЧУБАРЬЯНУ**

**Академику
Юрию Александровичу Полякову**

Глубокоуважаемый и дорогой Юрий Александрович!

Бюро и сотрудники Археографической комиссии РАН сердечно поздравляют Вас, крупнейшего российского историка и организатора науки, с Вашим славным юбилеем.

Ваши капитальные труды, посвященные отечественной истории, Ваш выдающийся вклад в разработку теории и современных методов исторического исследования и создание нового жанра историографической мемуаристики снискали Вам широкое признание в нашей стране и далеко за ее пределами.

Мы горды и счастливы тем, что Вы в Ваших многообразных трудах уделяете внимание и оказываете деятельную поддержку развитию археографических исследований и начинаниям Археографической комиссии, непременным членом которой Вы являетесь много лет.

Мы благодарны Вам за неизменно благожелательные отзывы на наши труды, за Вашу блистательную статью “Архивы – золотая кладовая исторической науки” в Археографическом ежегоднике за 1997 г.

От всей души желаем Вам – давнему верному другу и покровителю нашей комиссии – здоровья, бодрости и новых свершений на благо науки и культуры нашего Отечества.

Председатель Археографической комиссии

С.О. Шмидт

**Академику
Александру Огановичу Чубарьяну**

Дорогой и многоуважаемый Александр Оганович!

От имени членов Бюро Археографической комиссии Российской Академии наук сердечно поздравляю Вас в Ваши юбилейные дни. Приятно убеждаться в том, что академик А.О. Чубарьян встречает семидесятилетие и удивительно бодрым по внешнему своему облику, и по-молодому инициативным и энергичным в своей многосторонней созидательной деятельности.

В Вас счастливо совмещаются корневые традиции российского просветительства и освоения новейшей зарубежной технологии организации научного труда. Большие и уже многолетние заслуги Ваши в изучении новейшей истории и в расширении творческих взаимосвязей отечественных историков с зарубежными получили широкое признание и в России, и за ее границами.

В недавние годы Вы сделали очень много и в сферах особенно близких Археографической комиссии: возглавив Российское общество историков-архивистов, Вы существенно способствовали плодотворному сближению его работы с исследовательскими программами академических научных учреждений и вузов, что явственно отражается в тематике организуемых Обществом научных конференций и в повышении научного авторитета информационного бюллетеня “Вестник архивиста”. А, расширив проблематику исследований возглавляемого Вами Института всеобщей истории, не только существенно помогаете обогащению наших представлений о месте России в мировой истории, но и обеспечили возможность продолжения исследований по традиционной для Академии наук тематике истории народов нашей страны до XVII в. и

совершенствования методики источниковедения. Будущие историографы особо отметят судьбоносную роль Вашу лично и возглавляемого Вами академического института в сохранении и развитии славных традиций отечественной исторической науки на рубеже нового столетия.

Глубокая признательность Вам за это и пожелание благополучия и новых больших свершений.

Председатель Археографической комиссии

С.О. Шмидт

ДВОЙНОЙ ЮБИЛЕЙ

13 декабря 2001 г. исполнилось 75 лет старейшему сотруднику Археографической комиссии РАН Нине Борисовне Шеламановой.

Нина Борисовна не просто старейший, но самый первый сотрудник, с которого началась история Археографической комиссии, основанной академиком М.Н. Тихомировым. Преданная ученица М.Н. Тихомирова, закончившая исторический факультет МГУ с отличием, молодая учительница истории одной из московских школ (той самой, в которой она сама училась, и уже в этом проявилось такое качество Нины Борисовны, как верность однажды выбранному пути), Н.Б. Шеламанова была приглашена своим учителем работать в Археографической комиссии сразу после ее воссоздания в 1956 г. И 30 декабря 2001 г. исполнилось ровно 45 лет с того момента.

Работа Нины Борисовны в Археографической комиссии никогда не была научной рутиной. Весь творческий путь нашего юбиляра – бескорыстное служение науке, постоянное восхождение к ее вершинам. Академическая образованность, помноженная на удивительное трудолюбие, внимание и терпение, бережное отношение к факту не могли не дать прекрасных результатов. Многие десятки статей, диссертация, посвященная проблемам исторической географии, участие в масштабных научных проектах – вот лишь пунктир, отмечающий вехи научного пути Н.Б. Шеламановой.

Кандидатская диссертация Нины Борисовны “Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой” (1972) намного опередила свое время и была по достоинству оценена лишь сравнительно недавно. За 30 лет она нисколько не потеряла своего научного значения и ныне остается образцом научной добросовестности. Добавим, что сразу несколько издательств в настоящее время добиваются права на издание этой замечательной работы.

Ни один исследователь рукописной книги не может пройти мимо знаменитого ПС, составленного Н.Б. Шеламановой и напечатанного в Археографическом ежегоднике за 1965 год – “Предварительного списка славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно)”, который до настоящего времени, несмотря на все коррективы, внесенные временем, остается классикой подобного рода библиографий.

Бесчисленные специалисты – филологи, палеографы, искусствоведы, историки, – обращаясь по делу или перелистывая наугад “Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.” (М., 1984), вероятно, не задумываются, что этой книге могло бы не быть без кропотливого труда Нины Борисовны, создававшей не только описания рукописей, но с терпением выполнявшей не самую “почетную”, но самую необходимую, почти черновую, работу по подготовке Каталога: участвовала в разработке методических рекомендаций¹, в обсуждении конкретных проблем описания рукописной книги, выработке лингвистического обеспечения описания, а после – составляла научный аппарат издания. Все, кому приходилось заниматься такой работой, знают, какой выдержкой, каким объемом научных знаний необходимо обладать, чтобы удовлетворить потенциальные запросы исследователей разных специальностей.

¹ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1–2; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3, ч. 1–2.

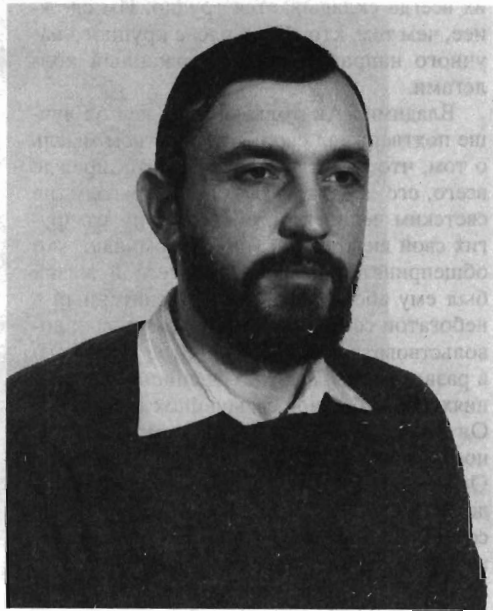
Н.Б. Шеламанова стала первым сотрудником Археографической комиссии, выступавшим с докладом на Международном съезде славистов². Она является сотрудником продолжающегося проекта по созданию “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в России” и остается не только полноправным его участником, но человеком, который лучше многих своих коллег представляет весь объем предстоящей работы, последовательность и пути ее реализации, все трудности, поджидающие специалиста, исследователя рукописной книги. Остается сказать, что первый выпуск этого Каталога, членом редколлегии которого является Н.Б. Шеламанова, вышел в свет в 2002 г.

Коллеги юбиляра желают Нине Борисовне доброго здоровья, а себе – долгих лет сотрудничества с замечательным ученым и человеком.

Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц

² Жуковская Л.П., Шеламанова Н.Б., Шмидт С.О. О составлении “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР” // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: 9-й Международный съезд славистов. Киев, 1983, сентябрь: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 270–282.

**ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА
АНАТОЛЬЕВИЧА
КОЛОБКОВА
(1958–2001)**

В ночь с 13 на 14 марта 2001 г. на пороге своей квартиры в Петербурге, на Большом проспекте Петроградской стороны подвергся нападению, был смертельно ранен и на следующий день скончался в больнице историк Владимир Анатольевич Колобков, ученый секретарь Российской национальной библиотеки.

Владимир Анатольевич родился 1 февраля 1958 г. в семье рабочих. С детства его интересовала история и, как многие, он увлекался чтением исторических романов. После окончания школы он служил во флоте. Затем год работал на заводе. Эти обстоятельства помогли ему – человеку из неакадемической и негуманитарной среды – поступить в 1980 г. на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова (ныне Петербургский университет). И здесь он получил, наконец, возможность заниматься делом, которое было ему в жизни интереснее всего остального – изучать историю.

Помню Владимира Анатольевича по работе в семинаре Р.Г. Скрынникова, который мы оба, как и многие наши друзья, посещали, начиная с младших курсов. В те годы на историческом факультете, на кафедре истории СССР дооктябрьского периода, было несколько семинаров, существовавших много лет и вырастивших несколько поколений ученых. Такими были семинары А.Л. Шапиро, Б.В. Ананьича. Семинар Р.Г. Скрынникова можно поставить в тот же ряд. Он привлекал тех сту-

дентов, которые интересовались политической и социальной историей московского периода, а также источниковедением. Р.Г. Скрынников тогда занимался главным образом проблемами Смуты начала XVII в. Поэтому и своим ученикам он давал темы, так или иначе связанные с этим периодом. Важную роль в изучении XVI–XVII вв. он отводил известиям иностранцев. И Владимир Анатольевич получил задание исследовать записки о Московии Джерома Горсея. Этой темой он увлекся и посвятил ее исследованию несколько лет. В 1988 г. защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему “Джером Горсей и его сочинения о России XVI в.”

Участие в семинаре Р.Г. Скрынникова было важно для всех нас, думаю, что и для Владимира Анатольевича тоже. (Кроме всего прочего, он познакомился там со своей будущей женой.) Уже в первых докладах и статьях Владимира Анатольевича проявились особенности его научного творчества. Можно сказать, что он был ученым-одиночкой. Он не примыкал ни к одному крупному научному направлению. Пожалуй, главной чертой, роднящей его с учителем, была склонность на все исторические явления смотреть по-новому, пересматривать устоявшиеся точки зрения. Но, думается, эта особенность у Владимира Анатольевича шла не столько от школы Р.Г. Скрынникова, сколько была связана с особенностями его собственной личности. Такие люди встречаются в науке. И судьба

их всегда складывается трудно. Им сложнее, чем тем, кто идет в русле крупного научного направления, поддержанный коллегами.

Владимир Анатольевич как нельзя лучше подтверждал своим творчеством мысль о том, что работы человека – это, прежде всего, его характер. Он был закрытым, не светским человеком, оберегавшим от других свой внутренний мир. Вспоминаю, что общепринятый стиль студенческой жизни был ему абсолютно чужд. Воспитанный в небогатой семье, он, очевидно, привык довольствоваться немногим, потребности его в развлечениях и других внешних проявлениях жизни были чрезвычайно скромными. Он был глубоким человеком. И цельность – была главной чертой его натуры. Он не изменял себе и до конца жизни продолжал строить ее таким образом, чтобы создавать наилучшие условия, прежде всего для научного творчества.

В середине 1980-х годов большая группа учеников Р.Г. Скрынникова была принята на работу в ОР ГПБ. Владимир Анатольевич был в их числе. Люди, знающие, что такое работа в рукописном отделе, поймут, что выкраивать время для занятий наукой было для него непросто, особенно, учитывая добросовестность и тщательность, с которой он относился к своим плановым заданиям. Будучи сотрудником Архивной группы, он вскоре начал описывать один из интереснейших личных фондов – С.Ф. Платонова. Этот фонд (7 тыс. ед. хр.) был им заново полностью обработан в 1986–1991 гг. По материалам первой части составлен и опубликован каталог, включающий описание 1466 единиц. Думаю, что работа над платоновскими материалами была важна для Владимира Анатольевича. Ведь он во многом продолжал разработку того круга вопросов, которые захватили его еще в студенческие годы. И, кроме того, занятия историографией, вообще утончают и, одновременно, укрупняют видение исторических проблем. Они подготовили Владимира Анатольевича к написанию большой книги.

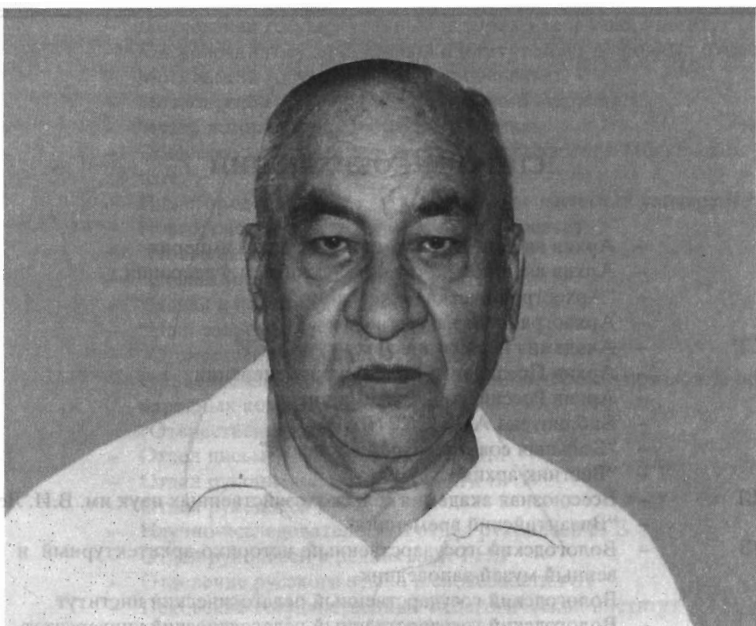
Это была третья, и, как оказалось, к сожалению, последняя большая тема, которой он занимался, отдавая работе все силы и время. Книгу “Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: опричнина Ивана Грозного” он писал уже будучи (с 1992 г.) ученым секретарем РНБ. Полностью законченная, она готовится к

изданию его коллегами. Как всегда, Владимир Анатольевич поднял спорные, острые проблемы, касающиеся истории одного из сложнейших периодов русской истории – опричнины. Отношение к ним может быть различным. В центре книги – изучение текста редакций Жития митрополита Филиппа и связанный с этим вопрос о времени становления опричных органов управления. Впервые после С.Б. Веселовского, Владимир Анатольевич обратил внимание на то, что опричная Дума, опричный Двор и опричные приказы сформировались относительно поздно и не существовали с начала опричнины. Владимир Анатольевич связывал их становление с январским собором 1568 г., обсуждавшим дело митрополита Филиппа. Этим важным выводом еще предстоит получить оценку настоящих, а также будущих историков XVI в. Но, несомненно, одно: свое слово в этом вопросе Владимир Анатольевич сказал, а это удастся далеко не каждому.

Владимир Анатольевич работал над книгой в своем кабинете в РНБ. Это было единственное место его работы. В годы кризиса и связанного с ним обнищания интеллигенции многие наши коллеги были вынуждены оставить занятия чистой наукой и искать дополнительные заработки – преподавание или написание популярных книг, рассчитанных на широкого читателя. Но Владимир Анатольевич и тут остался верен себе. Он не предпринимал никаких шагов, которые могли отвлечь его от научной работы. Ежедневно, год за годом, он оставался на работе по вечерам и возвращался домой последним поездом метро. Книга была завершена к весне. Коллеги, видевшие тогда Владимира Анатольевича, вспоминают, что он выглядел радостным и воодушевленным. Тем роковым мартовским вечером он, как всегда, поздно ушел из своего кабинета. Последним фрагментом текста, над которым он работал в тот день, было окончание Жития Филиппа. Текст на его столе был раскрыт на описании страшной гибели митрополита и словах “...И жизнь окончил, и подвиг свершил...”

Гибель Владимира Анатольевича – гибель таланта в самом его расцвете – потрясла всех знакомых и коллег. С уходом из жизни Владимира Анатольевича одним хорошим человеком вокруг нас стало меньше.

В.Г.Вовина-Лебедева

**К КОНЧИНЕ АКАДЕМИКА
БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫБАКОВА
(1908–2001)**

В канун Нового года научная общественность Москвы прощалась с выдающимся ученым, педагогом, организатором науки академиком Борисом Александровичем Рыбаковым. В последние годы жизни ученый оставался почетным директором Института археологии РАН, который он возглавлял не одно десятилетие. Именно в этот период деятельность Института приобрела широкую международную известность. Для ученых нашей страны, в той или иной мере причастных к работе археологов, это был ведущий и авторитетнейший научно-методический центр. Организатор многих изданий и научных конференций многообразной проблематики, Б.А. Рыбаков в своей творческой рабо-

те тесно соприкасался с проблемами как собственно истории, так и археографии и других специальных исторических дисциплин. Он открывал первую в нашей стране конференцию по полевой археографии, способствовал подготовке многих изданий Археографической комиссии, укреплению ее контактов с другими научными учреждениями, вузами, хранилищами памятников истории и культуры, общественными объединениями. На страницах «Археографических ежегодников» мы не раз писали о жизни и творчестве Б.А. Рыбакова¹ и выражали признательность за все, что он сделал и для развития отечественной археографии. Мы навсегда сохраним благодарную память о нем.

¹ Жуковская Л.П. Работы Б.А.Рыбакова в области вспомогательных исторических дисциплин (К 60-летию со дня рождения) // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 291; Rogov A.I. Академик Б.А. Рыбаков – исследователь источников по отечественной истории (К 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 189; Шмидт С.О. К 80-летию Б.А. Рыбакова // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 131; Список печатных трудов академика Б.А. Рыбакова (с 1978 г.) // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 321; К 90-летию Б.А. Рыбакова // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 397.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РИ	– Архив внешней политики Российской империи
АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АЕ	– “Археографический ежегодник”
АК	– Археографическая комиссия
АПН СССР	– Академия педагогических наук СССР
АПРФ	– Архив Президента Российской Федерации
АРАН	– Архив Российской Академии наук
БАН	– Библиотека АН СССР (РАН)
БСЭ	– “Большая советская энциклопедия”
ВА	– “Вестник архивиста”
ВАСХНИЛ	– Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
ВВ	– “Вопросы истории”
ВГИАХМЗ	– Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВГПИ	– Вологодский государственный педагогический институт
ВГПУ	– Вологодский государственный педагогический университет
ВИ	– “Вопросы истории”
ВИД	– “Вспомогательные исторические дисциплины”
ВНИИДАД	– Всесоюзный (Всероссийский) научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВНИИР	– Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВХНРЦ	– Всероссийский художественно-научный реставрационный центр
ГАКО	– Государственный архив Костромской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГБЛ	– Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГПНТБ СО РАН	– Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ЖМНП	– “Журнал Министерства народного просвещения”
ЗОР ГБЛ	– “Записки Отдела рукописей ГБЛ”
ИА	– “Исторический архив”
ИАИ РГГУ	– Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
ИЗ	– “Исторические записки”
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИРАН	– “Известия Российской Академии наук”
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
ИРЛИ	– Институт русской литературы АН СССР (РАН)
ИС РАН	– Институт славяноведения РАН
ИСССР	– “История СССР”
ИРЯ РАН	– Институт русского языка РАН
КЛЭ	– “Краткая литературная энциклопедия”
КО	– “Книжное обозрение”
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛГПИ	– Ленинградский государственный педагогический институт
ЛН	– “Литературное наследство”
ЛО	– “Литературное обозрение”
ЛОИИ	– Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАМЮ	– Московский архив Министерства юстиции
МАКИД	– Московский архив Коллегии иностранных дел
МГАМИД	– Московский главный архив Министерства иностранных дел

- МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
- МГИМО – Московский государственный институт международных отношений
- МГУ – Московский государственный университет
- МГПИ – Московский городской педагогический институт
- МИРМ – Музей истории и реконструкции Москвы
- МОИДР – Общество истории и древностей российских при Московском университете
- НГПУ – Нижегородский государственный педагогический университет
- НГУ – Новгородский государственный университет
- НЛО – “Новое литературное обозрение”
- НМ – “Новый мир”
- ННИ – “Новая и новейшая история”
- НС – “Наш современник”
- ОА – “Отечественные архивы”
- ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР
- ОИ – “Отечественная история”
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
- ОР БАН – Отдел рукописной и редкой книги БАН
- ОР ГБЛ – Отдел рукописей ГБЛ
- ОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
- ОР РНБ – Отдел рукописей и редких книг РНБ
- ОРЯС – Отделение русского языка и словесности АН
- ПГПИ – Псковский государственный педагогический институт
- ПГУ – Пермский государственный университет
- ПСЗ – “Полное собрание законов Российской империи”
- ПСРЛ – “Полное собрание русских летописей”
- РА – “Русский архив”
- РАО – Российская Академия образования
- РБС – “Русский биографический словарь”
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
- РИБ – “Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией”
- РИО – Русское историческое общество
- РНБ – Российская национальная библиотека
- РО ИРЛИ – Рукописный отдел ИРЛИ
- Росархив – Федеральная архивная служба России
- РС – “Русская старина”
- РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
- РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
- СА – “Советские архивы”
- СБ – “Советская библиография”
- СВ – “Средние века”
- СИЭ – “Советская историческая энциклопедия”
- СМУ – Северный международный университет (Магадан)
- СПб ФИРИ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
- ССП – Союз советских писателей
- СУ – “Собрание узаконений РСФСР”
- ТГИМ – “Труды ГИМ”
- ТГУ – Тверской государственный университет
- ТЛОИИ – “Труды ЛОИИ”
- ТМГИАИ – “Труды МГИАИ”
- ТОДРЛ – “Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ”
- ФСБ РФ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации
- ЦА ФСБ – Центральный архив ФСБ

ЦГАДА	- Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ СПб	- Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГАМО	- Центральный государственный архив Московской области
ЦГАОР	- Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР
ЦГВИА	- Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА	- Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИАЛ	- Центральный государственный исторический архив СССР (в Ленинграде)
ЦГИАМ	- Центральный государственный исторический архив СССР (в Москве)
ЦГИА СПб	- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ	- Центральный исторический архив г. Москвы
ЦМАМ	- Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЦМДРКИ	- Центральный музей древнерусской культуры и искусства
ЦМР	- Центральный музей революции
ЦПА	- Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ЦХИДК	- Центральное хранилище историко-документальных коллекций
ЧОИДР	- "Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете"

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>В.Л. Янин.</i> К 50-летию открытия берестяных грамот в Новгороде	3
<i>В.Ю. Афиани.</i> Публикаторская деятельность Российского государственного архива новейшей истории (1991–2001)	10
<i>И.Б. Матяш</i> (Киев). Архивная наука в Украине: Новый этап развития	25
<i>С.В. Чирков.</i> Вспомогательные исторические дисциплины в творчестве В.О. Ключевского	31
<i>В.В. Морозов.</i> Лицевой летописный свод XVI века.: Уроки историографии.....	43
<i>А.А. Фурсенко</i> (СПб.), <i>В.Ю. Афиани.</i> Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях” (Из истории подготовки и издания)	56
* * *	
<i>А.В. Рукавишников.</i> Летописный отрывок из собрания библиотеки Бодлейн в Оксфорде	75
<i>А.В. Сиренов</i> (СПб.) Житие князя Владимира и составление Степенной книги	83
<i>А.Ю. Трубачева.</i> Грамота царя Алексея Михайловича герцогу Фридриху Голштинскому 1652 г. Из истории самозванца Тимофея Акиндинова	95
<i>В.Г. Бухерт.</i> О публикации документов МГАМИД по истории русско-грузинских отношений	102
<i>И.Ф. Петровская</i> (СПб.) Музыка в жизни российского горожанина XIX века: источниковая база изучения проблемы	105
<i>А.И. Раздорский</i> (СПб.) Материалы по истории издания губернских и епархиальных справочников середины XIX – начала XX века в Архиве Российской национальной библиотеки	124
<i>В.В. Морозов.</i> К завершению “Вологодской программы”	135
<i>К.Ю. Ерусалимский.</i> “Ужасный перелом служебному пути”: В.Ф. Тимковский и движение декабристов	140
<i>А.Н. Бачинин</i> (Кемерово). Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков (продолжение)	159
<i>Д.М. Усманова</i> (Казань). Н.П. Загоскин – историограф Казанского университета (К 150-летию со дня рождения)	181
<i>А.Н. Горяинов.</i> Тюремная запись В.И. Пичеты 1931 г. на книге Л.П. Гроссмана “Записки д’Аршиака”	188
<i>Е.Н. Швейковская.</i> Основные проблемы в исследованиях В.А. Александрова (К 80-летию со дня рождения)	191
<i>О.Ю. Кивокурцева</i> (Кострома). Краевед с большой буквы: В.Н. Бочков и Бочковский семинар	218

Ю.М. Эскин, М.П. Лукичев – архивист и источниковед	224
Т.Г. Динесман, Л.М. Розенблюм, К.П. Богаевская (К 90-летию со дня рождения)	233
Приложение: Список печатных трудов К.П. Богаевской (подг. К.П. Богаевская , В.А. Черных)	236
Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону), Е.В. Чистякова – историк народных движений в России XVII века	240
А.С. Ипатов. Источники, источниковедение – основа научных исследований (К 70-летию академика В.С. Мясникова)	248
Е.В. Белякова, Я.Н. Шапов – археограф	260
В.В. Морозов, Р.Г. Пихоя, Н.Ю. Бубнов – собиратель, исследователь и публикатор старообрядческой книги	269

Тихомировские чтения 2001 года

Вклад Историко-архивного института в развитие источниковедения и историографии специальных исторических дисциплин (К 70-летию Историко-архивного института РГГУ)

С.О. Шмидт. Десятилетия содружества Историко-архивного института и Археографической комиссии	277
С.В. Чирков. Традиции изучения специальных исторических дисциплин в Историко-архивном институте	287
В.А. Муравьев. Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: истоки и идеи	290
Т.Г. Архипова. Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций: история и немного современности	295
В.Ф. Козлов. Источниковедение и историография в работе кафедры региональной истории и краеведения	298

К 60-летию битвы под Москвой

(Совместное заседание Мосгорархива и Археографической комиссии РАН)

С.О. Шмидт. Вступительное слово	302
А.С. Киселев, М.М. Горинов. Издания объединения “Мосгорархив” по истории Великой Отечественной войны	304
В.А. Черных. Хроника заседания	311

К 80-летию К.Н. Тарновского

(Совместное заседание СПб ФИРИ РАН и Археографической комиссии РАН)

Р.Ш. Ганелин (СПб.). Сила духа и таланта	317
Б.Д. (СПб.), Е.Ш. Хроника заседания	323

II. Обзоры, описания, библиография

В.Н. Малов. Дютье–Рибье–Ламуаньон: новое о коллекции Ламуаньона	329
А.В. Топычканов. Архив приказной избы подмосковного села Измайлова за 1676–1687 гг. и его документы	336
А.Н. Бачинин (Кемерево). Примечания С.П. Шевырева к “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина	344
Л.И. Шохин. Дневниковые записи С.Д. Шереметева о П.А. Столыпине	359

<i>Б.Н. Казанцев.</i> Статистические сведения о забастовках на предприятиях СССР в 1926–1934 годах (по фондам РГАСПИ и ЦА ФСБ РФ)	371
<i>С.А. Уваров.</i> Малоизвестная работа П.Н. Миллера “Тимофей Николаевич Грановский в Москве”	386
<i>О.И. Мальшиев</i> (СПб.). Документы литературоведа Г.А. Гуковского в фондах ЦГАЛИ СПб	388
<i>Н.С. Зелов.</i> Личный фонд В.А. Кондратьева в ГАРФ	393
<i>Е.Л. Немировский.</i> Новые труды по истории старопечатной кирилловской книжности	398
Список печатных трудов Г.Я. Тарле	403

III. Публикации

Записка графа С.Д. Шереметева об истории Остафьевского архива князей Вяземских (подг. <i>Л.И. Шохин</i>)	407
Документы, современные “Академическому делу” 1929–1930 годов	
<i>С.О. Шмидт.</i> Предисловие	411
“Докладная записка” В.Ф. Джунковского 9 ноября 1929 г. А.С Енукидзе о своем архиве, хранившемся в Пушкинском Доме (подг. <i>А.В. Мельников</i>)	413
Переписка С.Б. Веселовского и Б.Д. Грекова (май 1929 – декабрь 1930 г.) (подг. <i>Д.Б. Споров</i>)	420
Записка А.А. Курносова К.М. Симонову об Архиве участников Великой Отечественной войны (подг. <i>О.В. Турбина</i> , послесл. <i>С.О. Шмидта</i>)	445

IV. Хроника

<i>Т.В. Лохина.</i> Деятельность Археографической комиссии в 2001 году	451
Новые издания Археографической комиссии в 2001 году	452
<i>В.А. Черных.</i> Археографическая конференция в Новосибирске	452
<i>Т.В. Лохина, А.В. Мельников.</i> Всероссийская научная конференция “В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии” (Пенза, 25–26 июня 2001 г.)	453
<i>А.Е. Петров.</i> Международная научная конференция “Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения” (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.)	455
<i>В.В. Бездрабко</i> (Киев). Международная архивная научно-практическая конференция в Киеве	458
<i>О.А. Абеленцева</i> (СПб.). Совместное заседание Санкт-Петербургского отделения Археографической комиссии РАН и Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, посвященное памяти А.И. Копанева	463
<i>С.С. Крюкова.</i> Научная сессия памяти В.А. Александрова	464
Поздравления Археографической комиссии юбилярам – академикам Ю.А. Полякову и А.О. Чубарьяну	468
<i>Н.А. Кобяк, А.Л. Лифшиц.</i> Двойной юбилей	469
<i>В.Г. Вовина-Лебедева</i> (СПб.). Памяти Владимира Анатольевича Колобкова (1958–2001)	471
К кончине академика Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001)	473
Список сокращений	474

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2001 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении историко-филологических наук РАН*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.М. Кузнецова*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *Э.Д. Алексеева, А.Б. Васильев*

ЛР № 020297 от 23.06.1997 *

Подписано к печати 24.10.02. Формат 70 × 100¹/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 39,0. Усл.кр.-отг. 39,0, Уч.-изд.л. 45,9
Тираж 600 экз. Тип. зак. 3808

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

ISBN 5-02-008817-X

9 785020 088177

АРХЕОГРА
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2001